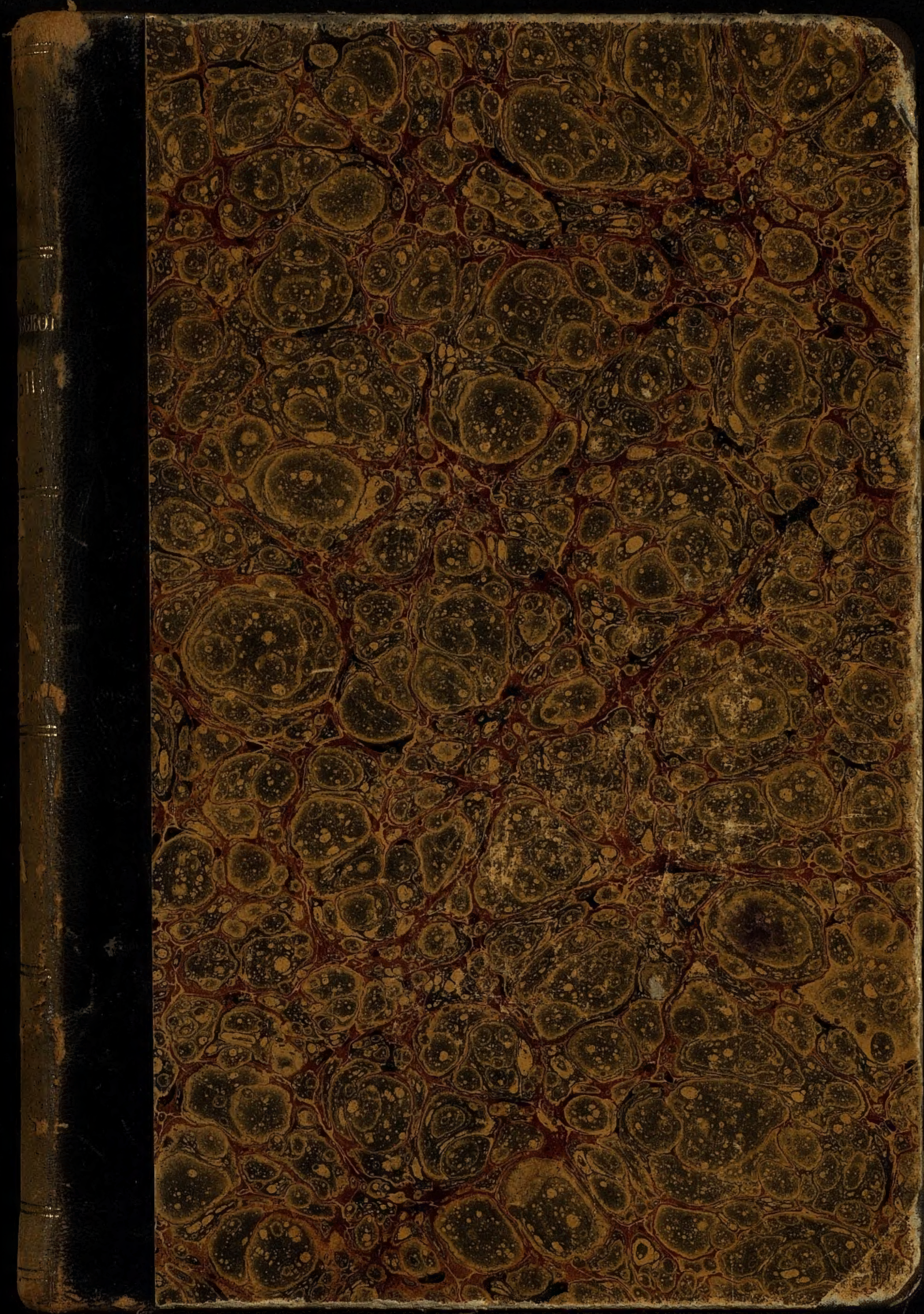

ДЛЯ ШКОЛЫ и САМООБРАЗОВАНІЯ.

КРИТИЧЕСКОЕ ПОСОБІЕ.

СБОРНИКЪ ВЫДАЮЩИХСЯ СТАТЕЙ РУССКОЙ КРИТИКИ ЗА 100 ЛѢТЪ.

(Кирѣевскій. — Айхенвальдъ.)

Томъ II.

(Лермонтовъ, Гоголь, Аксаковъ, Гончаровъ, Достоевскій).

Цѣна 1 руб.

Составилъ преподаватель Лазаревскаго Института
и торговой школы Биржевого Общества въ Москвѣ

Л. О. ВЕЙНБЕРГЪ.

ДЛЯ ШКОЛЫ и САМООБРАЗОВАНІЯ.

КРИТИЧЕСКОЕ ПОСОБІЕ.

СБОРНИКЪ ВЫДАЮЩИХСЯ СТАТЕЙ РУССКОЙ КРИТИКИ ЗА 100 ЛѢТЪ.

(Кирѣевскій. ◦ ◦ ◦ ◦ Айхенвальдъ.)

ТОМЪ II.

(Лермонтовъ, Гоголь, Аксаковъ, Гончаровъ, Достоевскій.)

Составилъ преподаватель Лазаревскаго Института и торговой школы Биржевого Общества въ Москвѣ

Л. О. ВЕЙНБЕРГЪ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1913.

Оглавленіе II тома.

(P. S. *Продолженіе въ III томѣ*).

Стихотворенія М. Лермонтова.

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!

Веневитиновъ.

Всѣ говорятъ о поэзіи, всѣ требуютъ поэзіи. Повидимому, это слово для всѣхъ имѣетъ такое ясное и опредѣленное значеніе, какъ, напримѣръ, слово «хлѣбъ», или еще болѣе — слово «деньги». Но когда только двое начнутъ объяснять одинъ другому, что̀ каждый изъ нихъ разумѣетъ подъ словомъ «поэзія», то и выходитъ на повѣрку, что одинъ называетъ поэзіею воду, другой — огонь. Что жъ, если бы всѣ-то такъ называемые любители поэзіи заговорили о предметѣ своей любви! Это была бы настоящая картина вавилонскаго смѣшенія языковъ! И очень естественно: если трудно опредѣлить поэзію ученымъ образомъ, то еще труднѣе намекнуть на ея значеніе повседневнымъ языкомъ общества, всѣмъ и каждому равно понятнымъ. Если бъ вамъ и удалось это, вы все-таки удовлетворите только людей, которые съ вами симпатизируютъ, которые одинаково съ вами настроены. Въ самомъ дѣлѣ, если я подъ словомъ «поэзія» разумѣю размѣренныя и зарифмованныя строчки, заключающія въ себѣ правила добронравія и добродѣтели, то какъ вы убѣдите меня, что поэзія есть воспроизведеніе, живопись явленій жизни? — Если я подъ словомъ «идеализированіе» разумѣю представленіе дѣйствительности совсѣмъ не такъ, какъ она есть — ходули мыслей, дыбы чувства, то какъ увѣрите вы меня, что «идеализированіе» дѣйствительности есть только подчиненіе взятыхъ изъ нея матеріаловъ извѣстной цѣли, извлеченіе изъ нея, такъ сказать, ея сущности и сочлененіе въ живое и органическое цѣлое разнородныхъ, повидимому, частей? — Если я подъ словомъ «вдохновеніе» разумѣю нравственное опьяненіе, какъ бы отъ пріема опіума или дѣйствія виннаго хмеля, изступленіе чувствъ, горячку страсти, которыя заставляютъ непризнаннаго поэта изображать предметы въ какомъ-то безумномъ круженіи, выражаться дикими, натянутыми фра-

зами, неестественными оборотами рѣчи, придавать обыкновеннымъ словамъ насильственное значеніе, — то какъ вразумите вы меня, что «вдохновеніе» есть состояніе духовнаго ясновидѣнія, кроткаго, но глубокаго созерцанія таинства жизни, что оно, какъ бы магическимъ жезломъ, вызываетъ изъ недоступной чувствамъ области мысли свѣтлые образы, полные жизни и глубокаго значенія, и окружающую насъ дѣйствительность, нерѣдко мрачную и нестройную, являетъ просвѣтленною и гармоническою?.. Поэзія и наука тождественны, если подъ наукою должно разумѣть не однѣ схемы знанія, но сознаніе кроющейся въ нихъ мысли. Поэзія и наука тождественны, какъ постигаемыя не одною какою-нибудь изъ способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовнаго существа, выражаемою словомъ «разумъ». Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзкою чертою отдѣляются отъ такъ называемыхъ «точныхъ» наукъ, не требующихъ ничего, кромѣ разсудка, и развѣ еще воображенія. Можно быть очень умнымъ человѣкомъ и не понимать поэзіи, считать ее за вздоръ, за побрякушку риѳмъ, которою забавляются праздные и слабоумные люди; но нельзя быть умнымъ человѣкомъ и не сознавать въ себѣ возможности постичь значеніе, напр., математики и сдѣлать въ ней, при усиленномъ трудѣ, бо́льшіе или меньшіе успѣхи. Можно быть умнымъ, даже очень умнымъ человѣкомъ, и не понимать, что̀ хорошаго въ «Иліадѣ», «Макбетѣ» или лирическомъ стихотвореніи Пушкина; но нельзя быть умнымъ человѣкомъ и не понимать, что два, умноженные на два, составляютъ четыре, или, что двѣ параллельныя линіи никогда не сойдутся, хотя бы продолжены были въ безконечность. Ясно, что подъ словомъ «точныхъ» истинъ разумѣются тѣ истины, которыхъ очевидности и непреложности не можетъ не признать ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, не лишенный здраваго смысла, прежде всего отличающаго людей отъ животныхъ. Въ этомъ отношеніи наука, въ высшемъ ея значеніи, т.-е. философія и поэзія, повторяемъ, тождественны: та и другая равно далеки отъ того, что̀ имѣетъ хотя видъ «точности». Но въ хаотической борьбѣ и противоположности понятій, убѣжденій и вкусовъ насчетъ произведеній искусства внимательный взоръ открываетъ, какъ и во всѣхъ великихъ явленіяхъ жизни, торжество единства, которое тѣмъ выше и поразительнѣе торжества «точности», чѣмъ, повидимому, неопредѣленнѣе и неуловимѣе для разсудка сущность искусства. Океанъ времени, смывшій съ лица земли греческія республики, вынесъ имена: Гомера, Гезіода, Эсхила, Софокла, Пиндара, Анакреона, — и теперь всѣ, считающіе себя причастниками даровъ вдохновенія, охотно или поневолѣ, все-таки дивятся этимъ именамъ. Удачно сдѣланная копія съ Аполлона Бельведерскаго возбуждаетъ всеобщій восторгъ, а оригиналамъ, состоящимъ изъ двухъ кусковъ мрамора,

нѣтъ цѣны. Невѣжды, зѣвающіе отъ драмъ Шекспира и втайнѣ предпочитающіе имъ мыльные пузыри водевилей, вслухъ хвалятъ Шекспира и оскорбляются, если съ нимъ сравниваютъ кого бы то ни было. Но это работа времени: въ пестротѣ современности торжество единства мнѣнія еще поразительнѣе, ибо оно есть вмѣстѣ и торжество разумности надъ близорукою ограниченностью, надъ борьбою мелкихъ страстей. Пушкинъ явился у насъ во времена классической неподвижности, и потому какъ благосклонно и привѣтливо встрѣтило его молодое поколѣніе, такъ непріязненно и сурово приняло его старое поколѣніе, и въ особенности записные поэты и литераторы, и словесники того времени. Но истина взяла свое, — и, несмотря на смѣшанные крики и ожесточенные споры, *общее мнѣніе* тотчасъ же превознесло имя молодого поэта превыше всѣхъ поэтическихъ лауреатовъ, прежде него и при немъ бывшихъ.

Но это торжество единства надъ разнообразіемъ и противорѣчіемъ во мнѣніяхъ о такомъ неопредѣленномъ и неточномъ предметѣ, каково искусство, выходитъ не изъ множества, не изъ толпы, но отъ немногихъ и избранныхъ переходитъ въ толпу. Не всѣ могутъ и не всѣ должны понимать изящное; его понимаютъ только немногіе, избранные. Кто по натурѣ своей есть духъ отъ духа, тотъ по праву рожденія причастенъ всѣхъ даровъ духа, недоступныхъ плоти и ея душѣ — разсудку. *Разсудокъ* становитъ человѣка выше всѣхъ животныхъ; но только *разумъ* дѣлаетъ его человѣкомъ по превосходству. Разсудокъ не шагаетъ далѣе «точныхъ» наукъ и не понимаетъ ничего, выходящаго изъ тѣснаго круга «полезнаго» и «насущнаго»; разумъ же объемлетъ безконечную сферу сверхъопытнаго и сверхчувственнаго, дѣлаетъ яснымъ непостижимое, очевиднымъ — неопредѣленное, опредѣленнымъ — «неточное». Искусство принадлежитъ къ этой сферѣ бытія, доступной только разуму — и потому понимать поэзію нельзя выучиться такъ же, какъ нельзя выучиться писать стихи. Воспріемлемость впечатлѣній изящнаго есть своего рода талантъ: она не пріобрѣтается ни наукою, ни образованіемъ, ни упражненіемъ, но дается природою. Постиженіе поэзіи есть откровеніе духа, а таинство откровенія скрывается въ натурѣ человѣка; между тѣмъ, извѣстно, что натуры людей разнообразны до безконечности и представляютъ собою безконечную лѣствицу съ безконечными ступенями — снизу вверхъ или сверху внизъ, смотря по тому, съ котораго конца будете смотрѣть на нее. Поэзія первоначально воспринимается сердцемъ, и уже имъ передается головѣ. Потому, чье сердце жестко и черство отъ природы для воспринятія впечатлѣній изящнаго, — окружите его съ малолѣтства произведеніями искусства, толкуйте ему цѣлую жизнь о поэзіи, — онъ пріобрѣтетъ только навыкъ къ ея фор-

мамъ и пріучится судить о ихъ внѣшней отдѣлкѣ; но сущность творчества навсегда останется для него тайною, которой онъ и подозрѣвать не будетъ. И такихъ людей, чуждыхъ поэзіи по натурѣ своей, несравненно больше, чѣмъ людей, одаренныхъ инстинктомъ изящнаго. Почему же это? — Потому же, почему число художниковъ относится къ толпѣ, какъ единица къ милліону. — А почему же существуетъ это отношеніе? На такой вопросъ даетъ превосходный отвѣтъ Моцартъ Пушкина, говоря Сальери:

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
И міръ существовать; никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни;
Всѣ предались бы вольному искусству.
Насъ мало избранныхъ счастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.

Обыкновенно толпа такъ же холодна и равнодушна къ искусству, какъ привержена и предана пользѣ; — и поэтъ имѣетъ полное право, въ порывѣ благороднаго негодованія, отвѣчать на ея безсмысленные крики:

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все — на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій;
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же!
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь...

Но чѣмъ равнодушнѣе и холоднѣе толпа къ дѣлу искусства, тѣмъ выше и поразительнѣе торжество искусства надъ толпою: невольно подчиняясь вліянію избранниковъ природы, оно признаетъ его *автономію*, несмотря на его «неточность», и тѣмъ самымъ дѣлаетъ явнымъ единодержавіе разума. И поэтъ, существо, называющее пользу — этотъ идолъ толпы — презрѣнною, поэтъ возбуждаетъ къ себѣ суевѣрное удивленіе толпы, сбираетъ дань ея рукоплесканій, возбуждаетъ въ ней восторгъ своимъ появленіемъ. Это такое явленіе, передъ которымъ поневолѣ задумается самый жаркій поклонникъ «полезнаго», постигшій всю глубину «точной» премудрости...

Итакъ, оставимъ въ сторонѣ всѣхъ враговъ изящнаго; забудемъ о равнодушіи толпы къ дѣлу искусства и не будемъ бояться, что одни насъ не поймутъ, другіе съ нами не согласятся, а третьи будутъ надъ нами смѣяться — и возвратимся къ вопросу, которымъ мы на-

чали статью: что такое поэзія? Только во дни кипучей и неискушенной опытами жизни юности человѣку сродно питать благородное, но несбыточное желаніе — увѣрить весь свѣтъ въ истинѣ своихъ убѣжденій, одинаковымъ языкомъ и одинаковымъ жаромъ говорить со всѣми о томъ, что доступно только нѣкоторымъ, и огорчаться, что нѣкоторые не понимаютъ того, чего и не дано, и не нужно имъ понимать... Будемъ говорить для всѣхъ и всѣмъ, но будемъ надѣяться только на отзывъ немногихъ... И что жъ — развѣ это не великое счастіе — пробудить полетъ къ высокому въ иной дремлющей душѣ? Развѣ это не великое счастіе — родить къ себѣ сочувствіе въ сердцѣ, котораго мы никогда не знали и не узнаемъ, которое живетъ, можетъ-быть, въ далекомъ отъ насъ уголку этого міра, но которое отъ нашихъ строкъ забьется въ ладъ съ нашимъ сердцемъ, и въ общемъ человѣческомъ интересѣ сознаетъ свое родство съ нами по духу, въ ознаменованіе торжества духа надъ условіями пространства и времени!..

Духъ человѣческій съ безграничнымъ упоеніемъ прислушивается къ прозябанію дольней лозы, къ подводному ходу морского гада, къ шелесту листьевъ, колеблемыхъ въ знойный полдень лѣтнимъ вѣтеркомъ: онъ сознаетъ съ ними свое родство; онъ чуетъ въ нихъ незримое присутствіе, слышитъ въ нихъ вѣяніе того же безсмертнаго духа жизни, который, подобно огню Прометееву, живитъ и его собственное существованіе. Для живого человѣка природа всюду является одушевленною: онъ слышитъ ея голосъ и въ безмолвномъ образованіи металловъ, въ таинственной лабораторіи нѣдръ земныхъ, и въ завываніи вѣтра, — тамъ, у полюсовъ, въ царствѣ вѣчной зимы и смерти, на звонкихъ льдахъ воздымающаго пушистыя вьюги; въ приливѣ и отливѣ водъ онъ видитъ какъ бы тяжелое, напряженное дыханіе исполинской груди сѣдого старца-океана... Полонъ таинственной думы для души нашей чернѣющійся вдали лѣсъ, и когда подходимъ мы къ нему, нами невольно овладѣваетъ какая-то дѣтская робость, какой-то мистическій, но полный обаянія ужасъ, — и мы повторяемъ съ поэтомъ:

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?
. . . .
Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ
И на людей наводятъ страхъ.
Съ приходомъ дня уходятъ тѣни;
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да въ темной грусти

Ночь безразсвѣтная лежитъ...
Какая жъ тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье погружаетъ чувство
И тайны новыя рождаетъ?
Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что въ царствѣ безотрадной смерти
Свое величье сознаетъ?..

Нѣтъ, не безсознательность, но чувство своего сродства, своей общности, своего тождества со всѣмъ великимъ царствомъ жизни заставляетъ нашъ духъ видѣть свое отраженіе въ таинственныхъ явленіяхъ природы!.. Повидимому, отторгнутый отъ общаго своею индивидуальностію, ставши въ человѣкѣ личностію, — духъ нашъ тѣмъ живѣе и глубже чувствуетъ свое таинственное единство съ безсознательною природою, которая не чувствуетъ своего единства съ нимъ... Въ природѣ нѣтъ нашего духа, но въ насъ есть духъ природы, ибо законъ бытія таковъ, что высшее необходимо заключаетъ въ себѣ низшее. Да, у духа нашего есть общее съ природою, — и это общее есть жизнь, и потому-то она говоритъ ему такимъ понятнымъ и родственнымъ языкомъ, и все въ ней влечетъ его къ себѣ, все —

И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи
Грузинки жарко-молодой...

Неисчислимы и разнообразны предметы міра, но въ нихъ есть единство, и всѣ они — частныя явленія общаго. Вотъ почему философія говоритъ, что существуетъ одно общее. Вздохи дышащей груди жизни — ея частныя явленія рождаются и умираютъ, приходятъ и преходятъ, а жизнь никогда не умираетъ, никогда не преходитъ: такъ въ океанѣ рождаются волны, и волна гонитъ волну, волна смѣняетъ волну, а океанъ все такъ же великъ и глубокъ, такъ же живетъ и движется на своемъ бездонномъ, необъятномъ ложѣ; — а въ его кристаллѣ все такъ же торжественно отражается лучезарное солнце, и все такъ же колышется и трепещетъ ночное небо, усыпанное миріадами звѣздъ. Каждый человѣкъ есть отдѣльный и особенный міръ страстей, чувства, желаній, сознанія; но эти страсти, это чувство, это желаніе, это сознаніе принадлежатъ не одному какому-нибудь человѣку, но составляютъ достояніе человѣческой природы, общее всѣхъ людей. И потому, въ комъ больше общаго, тотъ больше и

живетъ; въ комъ нѣтъ общаго — тотъ живой мертвецъ. Чѣмъ же выражается причастность человѣка общему? — Въ доступности всему, что сродно человѣческой натурѣ, что составляетъ ея сущность и характеръ; въ правѣ сказать о себѣ: «я человѣкъ — и ничто человѣческое не чуждо мнѣ». Кто причастенъ общему, для того личныя выгоды и потребности житейскія — интересы второстепенные, а природа и человѣчество — главнѣйшіе интересы. Чья личность есть выраженіе общаго, тотъ жаждетъ сочувствія ближнихъ, трепетнаго упоенія любви, кроткаго счастія дружбы, жаждетъ волненій чувства, бурь и непогодъ жизни, борьбы съ препятствіями; тотъ все понимаетъ, на все откликается: и въ раззолоченныхъ палатахъ, среди богатства и роскоши, онъ слышитъ стоны нищеты и бѣдствія, и сердце его содрогается, но не отвращается отъ ихъ пронзительныхъ диссонансовъ; окруженный всѣмъ, что горячо любитъ онъ, что зоветъ роднымъ и милымъ, — онъ откликается на вопль и слезы вѣчной разлуки и невозвратимой утраты и плачетъ о чужомъ горѣ, котораго самъ не испыталъ; пылкій юноша, онъ умѣряетъ рѣзкость своихъ движеній, смягчаетъ силу своихъ порывовъ и благоговѣйно, стыдливо, дѣвственно опускаетъ пламенные взоры въ присутствіи старца, на лицѣ котораго сіяетъ кроткій свѣтъ чувства, дрожащій голосъ котораго льется свѣтлою волною любви; согбенный лѣтами старецъ, онъ съ умиленіемъ смотритъ на рѣзвое дитя, которое по зеленому лугу гонится за пестрою бабочкою; онъ радуется его дѣтской радости, принимаетъ участіе въ младенческой печали; онъ прощаетъ заблужденіе пламенной юности, снисходителенъ къ кипѣнію ея порывистыхъ страстей, онъ понимаетъ мгновенный пламень и внезапную блѣдность на ланитахъ молодой дѣвушки, ея тоскующій взоръ и нѣмую горесть, волненіе ея молодой груди, и печаль безъ горя, и страхъ безъ бѣды, и радость безъ причины... Съ благословеніемъ на устахъ, съ умиленіемъ во взорѣ смотритъ онъ на пылкую юность, которая кружится въ вихрѣ жизни и, полная надеждъ и отваги, гордая сознаніемъ своей силы, спѣшитъ безъ оглядки навстрѣчу будущему, обольщаемая его заманчивою далью, не зная и не желая знать его предательскихъ обмановъ, — и передъ нимъ воскресаетъ прошедшее его собственной жизни, возстаютъ милые призраки и знакомые образы невозвратимо-протекшихъ лѣтъ, и вмѣсто резонерскихъ поученій и докучнаго ворчанія онъ повторяетъ про себя съ грустно-радостною улыбкою:

...Такъ было прежде
Во время оно и со мной!

Да, жить не значитъ столько-то лѣтъ ѣсть и пить, биться изъ-за чиновъ и денегъ, а въ свободное время бить хлопушкою мухъ, зѣвать

и играть въ карты: такая жизнь хуже всякой смерти, и такой человѣкъ ниже всякаго животнаго, ибо животное, повинуясь своему инстинкту, вполнѣ пользуется всѣми средствами, данными ему отъ природы для жизни, и неуклонно выполняетъ свое назначеніе. Жить значитъ чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь — смерть. И чѣмъ больше содержанія объемлетъ собою наше чувство и мысль, чѣмъ сильнѣе и глубже наша способность страдать и блаженствовать, тѣмъ больше мы живемъ: мгновеніе *такой* жизни существеннѣе ста лѣтъ, проведенныхъ въ апатической дремотѣ, въ мелкихъ дѣйствіяхъ и ничтожныхъ цѣляхъ. Способность страданія условливаетъ въ насъ способность блаженства, и не знающіе страданія не знаютъ и блаженства, не плакавшіе не возрадуются. Когда Мефистофель предлагаетъ Фаусту всѣ блага, всѣ наслажденія, столь высоко цѣнимыя толпою, — Фаустъ отвѣчаетъ ему:

Не думалъ я о наслажденьяхъ.
Я кинусь въ бурный чадъ страстей,
Упьюсь восторгами мученій;
Я ненависть любви, отраду огорченій
Сыщу въ печальной жизни сей.
Святая истина отъ глазъ моихъ сокрыта,
Высокой мудрости уму не суждено.
Всѣмъ горестямъ отнынѣ грудь открыта,
И всѣмъ, что человѣчеству дано,
Въ самомъ себѣ хочу я насладиться,
И въ адъ, и въ небо погрузиться,
И грусть людей, и радость ихъ испить,
Съ ихъ бытіемъ свое совокупить
И съ ними, наконецъ, въ уничтоженьѣ слиться.

Да, все постичь духомъ, все обнять чувствомъ, всѣмъ возобладать и ничему исключительно не покориться — вотъ жизнь! Но эта жизнь есть достояніе тѣхъ немногихъ, которые стоятъ во главѣ человѣчества, играютъ роль его представителей. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Въ этихъ двѣнадцати стихахъ Баратынскаго о Гёте заключается высшій идеалъ человѣческой жизни и все, что можно сказать о жизни *внутренняго* человѣка.

Но, кромѣ природы и личнаго человѣка, есть еще общество и человѣчество. Какъ бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человѣка, какимъ бы горячимъ ключомъ ни била она вовнѣ, и какими бы волнами ни лилась черезъ край, — она неполна, если не усвоитъ въ свое содержаніе интересовъ внѣшняго ей міра, общества и человѣчества. Въ полной и здоровой натурѣ тяжело лежатъ на сердцѣ судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознаетъ свое кровное родство, свои кровныя связи съ отечествомъ. Общество, какъ всякая индивидуальность, есть нѣчто живое и органическое, которое имѣетъ свои эпохи возрастанія, свои эпохи здоровья и болѣзней, свои эпохи страданія и радости, свои роковые кризисы и переломы къ выздоровленію и смерти. *Живой* человѣкъ носитъ въ своемъ духѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей крови жизнь общества: онъ болѣетъ его недугами, мучится его страданіями, цвѣтетъ его здоровьемъ, блаженствуетъ его счастіемъ, внѣ своихъ собственныхъ, своихъ личныхъ обстоятельствъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ общество только беретъ съ него свою дань, отторгая его отъ него самого въ извѣстные моменты его жизни, но не покоряя его себѣ совершенно и исключительно. Гражданинъ не долженъ уничтожать человѣка, ни человѣкъ гражданина: въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ крайность, а всякая крайность есть родная сестра ограниченности. Любовь къ отечеству должна выходить изъ любви къ человѣчеству, какъ частное изъ общаго. Любить свою родину значитъ пламенно желать видѣть въ ней осуществленіе идеала человѣчества и по мѣрѣ силъ своихъ споспѣшествовать этому. Въ противномъ случаѣ, патріотизмъ будетъ китаизмомъ, который любитъ свое только за то, что оно свое, и ненавидитъ все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ; романъ англичанина Морьера «Хаджи-Баба» есть превосходная и вѣрная картина подобнаго *квасного* (по счастливому выраженію князя Вяземскаго) патріотизма. Человѣческой натурѣ сродно любить все близкое къ ней, свое родное и кровное; но эта любовь есть и въ животныхъ, слѣдовательно, любовь человѣка должна быть выше. Это превосходство любви человѣческой передъ животною состоитъ въ разумности, которая тѣлесное и чувственное просвѣтляетъ духомъ, а этотъ духъ есть общее. Примѣръ Петра Великаго, говорившаго о родномъ сынѣ, что лучше чужой да хорошій, чѣмъ свой да негодный, — лучше всего поясняетъ и оправдываетъ нашу мысль. Конечно, изъ частнаго нельзя дѣлать правило для общаго, но можно черезъ сравненіе объяснять частнымъ общее.

Можно не любить и родного брата, если онъ дурной человѣкъ, но нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было: только надобно, чтобы эта любовь была не мертвымъ довольствомъ тѣмъ, что есть, но живымъ желаніемъ усовершенствованія; словомъ — любовь къ отечеству должна быть вмѣстѣ и любовью къ человѣчеству.

И вотъ мы сказали о жизни все, что хотѣли сказать о ней, и хотя, повидимому, отдалились черезъ это отъ нашего вопроса, но въ сущности только приблизились къ его рѣшенію.

Поэзія есть выраженіе жизни, или, лучше сказать, сама жизнь. Мало этого: въ поэзіи жизнь болѣе является жизнью, нежели въ самой дѣйствительности.

Отсюда вытекаетъ новый вопросъ, рѣшеніе котораго и будетъ рѣшеніемъ вопроса о поэзіи, — вопросъ: если сама жизнь заключаетъ въ себѣ столько поэзіи, такъ что въ сущности своей жизнь и поэзія тождественны, — то зачѣмъ же еще другая поэзія, и какую необходимость можетъ носить въ себѣ искусство, и какое самостоятельное значеніе можетъ имѣть оно?

Много прекраснаго въ живой дѣйствительности, или, лучше сказать, все прекрасное заключается только въ живой дѣйствительности; но, чтобъ насладиться этою дѣйствительностью, мы сперва должны овладѣть ею въ нашемъ разумѣніи, а это возможно только при двухъ условіяхъ: мы должны обнимать ее въ цѣлости и притомъ предметно, такъ чтобъ наша личность, наши отношенія не заслоняли ея отъ насъ. И мы этимъ пользуемся, но только въ рѣдкія минуты восторга, въ нежданыя мгновенія какого-то внезапнаго внутренняго откровенія; по большей части мы теряемся во множествѣ частностей и, не видя за ними цѣлаго, ничего въ нихъ не понимаемъ. Даже собственныя наши чувства только тогда бываютъ предметомъ нашего наслажденья, когда мы освобождаемся отъ ихъ томящей тяжести или отъ ихъ трепетнаго волненія, въ которомъ занимается дыханіе, теряется сознаніе, и когда мы возобновляемъ ихъ въ воспоминаніи. Настоящее никогда не наше, ибо поглощаетъ насъ собою; и самая радость въ настоящемъ тяжела для насъ, какъ и горе, ибо не мы ею, но она нами преобладаетъ. Чтобъ насладиться ею, мы должны отойти отъ нея на извѣстное разстояніе, какъ отъ картины, по требованіямъ освѣщенія, — должны взглянуть на нее, свободные отъ нея, какъ на нѣчто внѣ насъ находящееся, *предметное*. Вотъ отчего мы облегчаемся отъ томительной тяжести горя, какъ скоро сообщимъ его другому или изольемъ его на бумагѣ для самихъ же себя: мы видимъ его отдѣленнымъ отъ нашей личности, наша личность не заслоняетъ его отъ насъ, — и тогда намъ мило наше горе, мы любимъ вспоминать о немъ, любимъ говорить о немъ, какъ воинъ о своихъ похо-

дахъ и опасностяхъ, которымъ онъ подвергался. Все прошедшее получаетъ для насъ новый колоритъ, является какъ бы преображеннымъ: счастіе кажется лучшимъ, нежели тогда, какъ мы имъ наслаждались; въ самомъ несчастіи видимъ мы одну поэтическую сторону. Причина этому та, что отдаленность скрадываетъ отъ нашихъ глазъ всѣ неровности, случайности, нечистыя пятна, которыя вблизи первыя бросаются въ глаза. Въ дѣйствительности все покорено законамъ пространства и времени, естественнымъ требованіямъ: и герои ѣдятъ, пьютъ, чувствуютъ холодъ и голодъ, какъ и обыкновенные люди. Вы видите въ природѣ прекрасный ландшафтъ, но какъ? — непремѣнно вдалекѣ и притомъ съ извѣстной точки зрѣнія: отдаленность придаетъ ему живописную прелесть, точка зрѣнія придаетъ ему цѣлость. Сдѣлайте шагъ, перемѣните точку зрѣнія — и ландшафтъ исчезъ: передъ вами что-то нестройное, разбросанное, безъ начала, безъ конца и середины, безъ всякой общности, безъ всякой физіономіи. Подойдите вблизь къ очаровавшему васъ ландшафту — и вы очутитесь у какой-нибудь негодной избушки, дрянной мельницы, ничтожнаго ручья, обыкновенной рощи, гдѣ на каждомъ шагу спотыкаетесь отъ неровностей или попадаете въ лужу. А издалека все было такъ чисто, опрятно, красиво, цѣлостно, обрамлено, — настоящая *картина!* Итакъ, картина лучше дѣйствительности? Да, ландшафтъ, созданный на полотнѣ талантливымъ живописцемъ, лучше всякихъ живописныхъ видовъ въ природѣ. Отчего же? — Оттого, что въ немъ нѣтъ ничего случайнаго и лишняго, всѣ части подчинены цѣлому, все направлено къ одной цѣли, все образуетъ собою одно прекрасное, цѣлостное и индивидуальное. Дѣйствительность прекрасна сама по себѣ, но прекрасна по своей сущности, по своимъ элементамъ, по своему содержанію, а не по формѣ. Въ этомъ отношеніи дѣйствительность есть чистое золото, но не очищенное, въ кучѣ руды и земли: наука и искусство очищаютъ золото дѣйствительности, перетопляютъ его въ изящныя формы. Слѣдовательно, наука и искусство не выдумываютъ новой и небывалой дѣйствительности, но у той, которая была, есть и будетъ, берутъ готовые матеріалы, готовые элементы, словомъ — готовое содержаніе; даютъ имъ приличную форму съ соразмѣрными частями и доступнымъ для нашего взора объемомъ со всѣхъ сторонъ. Для поэта не существуютъ дробныя и случайныя явленія, но только одни идеалы, или типическіе образы, которые относятся къ явленіямъ дѣйствительности, какъ роды къ видамъ, и которые, при всей своей индивидуальности и особности, заключаютъ въ себѣ всѣ общія, родовыя примѣты цѣлаго рода явленій въ возможности, выражающихъ собою одну извѣстную идею. И потому каждое лицо въ художественномъ произведеніи есть представитель безчислен-

наго множества лицъ одного рода, и потому-то мы говоримъ: этотъ человѣкъ настоящій Отелло, эта дѣвушка совершенная Офелія. Такія имена, какъ *Онѣгинъ, Ленскій, Татьяна, Ольга, Загорѣцкій, Фамусовъ, Скалозубъ, Молчалинъ, Репетиловъ, Хлестова, Сквозникъ-Дмухановскій, Бобчинскій, Добчинскій, Держиморда* и прочіе — суть какъ бы не собственныя, а нарицательныя имена, общія характеристическія названія извѣстныхъ явленій дѣйствительности. Наука отвлекаетъ отъ фактовъ дѣйствительности ихъ сущность — идею; а искусство, заимствуя у дѣйствительности матеріалы, возводитъ ихъ до общаго родового, типическаго значенія, создаетъ изъ нихъ стройное цѣлое. Что̀ дѣйствительно, то разумно, и что̀ разумно, то и дѣйствительно: это великая истина; но не все то дѣйствительно, что есть въ дѣйствительности, а для художника должна существовать только разумная дѣйствительность. Но и въ отношеніи къ ней онъ не рабъ ея, а творецъ, и не она водитъ его рукою, но онъ вноситъ въ нее свои идеалы и по нимъ преображаетъ ее.

Итакъ, поэзія есть жизнь по преимуществу, есть сущность, такъ сказать, тончайшій эѳиръ, трипль-экстрактъ, квинтъ-эссенція жизни. Поэзія не описываетъ розы, которая такъ пышно цвѣтетъ въ саду, но, отбросивъ грубое вещество, изъ котораго она составлена, беретъ отъ нея только ея ароматическій запахъ, нѣжные переливы ея цвѣта и создаетъ изъ нихъ свою розу, которая еще лучше и пышнѣе. Поэзія — это невинная улыбка младенца, его ясный взоръ, его звонкій смѣхъ и живая радость. Поэзія — это стыдливый румянецъ на ланитахъ прекрасной дѣвушки, кроткій блескъ ея глубокихъ, какъ море, какъ небеса, голубыхъ очей или яркій огонь ея черныхъ глазъ, волны кудрей, разбѣжавшихся по ея мраморнымъ плечамъ, волненіе ея нѣжной груди, гармонія ея серебрянаго голоса, музыка ея чарующихъ рѣчей, стройность ея стана, художественная рельефность и роскошь ея живыхъ формъ, граціозность и нѣга ея плѣнительныхъ движеній. Поэзія — это огненный взоръ юноши, кипящаго избыткомъ силъ; это его отвага и дерзость, его жажда желаній, неудержимые порывы его стремленія — сжать въ пламенныхъ объятіяхъ и небо, и землю разомъ, осушить до дна неистощимую чашу жизни... Поэзія — это сосредоточенная, овладѣвшая собою сила мужа, вполнѣ созрѣвшаго для жизни, искушеннаго ея опытами, съ уравновѣшенными силами духа, съ просвѣтленнымъ взоромъ, готоваго на битву и на подвигъ... Поэзія — это тихій блескъ безцвѣтныхъ глазъ старца, кроткое, какъ ласка, глубокое, какъ дума, выраженіе сіяющаго блескомъ нездѣшней жизни морщиноватаго лица, его спокойный и полный души звукъ его дрожащаго и прерывающагося голоса, его тихая и важная рѣчь, любящая и величавая улыбка его мудрыхъ устъ... Поэзія —

это свѣтлое торжество бытія, это блаженство жизни, нежданно посѣщающія насъ въ рѣдкія минуты; это упоеніе, трепетъ, млѣніе, нѣга страсти, волненіе и буря чувствъ, полнота любви, восторгъ наслажденія, сладость грусти, блаженство страданія, ненасытимая жажда слезъ; это страстное, томительное, тоскливое порываніе куда-то въ какую-то всегда обольстительную и никогда недостигаемую сторону, — это вѣчная и никогда неудовлетворимая жажда все обнять и со всѣмъ слиться; это тотъ божественный паѳосъ, въ которомъ сердце наше бьется въ одинъ ладъ со вселенною, предъ упоеннымъ взоромъ летаютъ безъ покрова безплотныя видѣнія высшаго бытія, а очарованному слуху слышится гармонія сферъ и міровъ, — тотъ божественный паѳосъ, въ которомъ земное сіяетъ небеснымъ, а небесное сочетавается съ земнымъ, и вся природа является въ брачномъ блескѣ разгаданнымъ іероглифомъ помирившагося съ нею духа... Весь міръ, всѣ цвѣты, краски и звуки, всѣ формы природы и жизни могутъ быть явленіями поэзіи; но сущность ея — то, что̀ скрывается въ этихъ явленіяхъ, живитъ ихъ бытіе, очаровываетъ въ нихъ игрою жизни. Поэзія— это біеніе пульса міровой жизни, это ея кровь, ея огонь, ея свѣтъ и солнце.

Поэтъ — благороднѣйшій сосудъ духа, избранный любимецъ небесъ, тайникъ природы, эолова арфа чувствъ и ощущеній, органъ міровой жизни. Еще дитя, онъ уже сильнѣе другихъ сознаетъ свое родство со вселенной, свою кровную связь съ нею; юноша — онъ уже переводитъ на понятный языкъ ея нѣмую рѣчь, ея таинственный лепетъ... Но послушаемъ лучше самого поэта: свидѣтельство, которому нельзя не повѣрить... Онъ говоритъ:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава:
Въ ней грезы чудныя рождались,
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчи тихоструйной.

Есть еще другіе стихи Пушкина, болѣе чудные, болѣе глубокіе, и потому самому незнаемые толпою и извѣстные только немногимъ истиннымъ поклонникамъ и жрецамъ изящнаго; въ этихъ стихахъ заключается полнѣйшая характеристика поэта и высочайшая апоѳеоза художника. Поэтъ обращается къ *эху:*

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Да, все, чѣмъ живетъ міръ и что̀ живетъ въ мірѣ — находитъ свой отзывъ во всеобъемлющей груди поэта; и ни одно существо на землѣ не имѣетъ бо̀льшаго права примѣнить къ себѣ слова Фауста:

Всевышній духъ! Ты все, ты все мнѣ далъ,
О чемъ тебя я умолялъ:
Не даромъ зрѣлся мнѣ
Твой ликъ сіяющій въ огнѣ.
Ты далъ природу мнѣ, какъ царство, во владѣнье;
Ты далъ душѣ моей
Даръ чувствовать ее, далъ силу наслажденья.
Иной едва скользитъ по ней
Холоднымъ взглядомъ удивленья;
Но я могу въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердце друга, заглянуть.

Но кто же онъ, самъ поэтъ, въ отношеніи къ прочимъ людямъ? — Это—организація воспріимчивая, раздражительная, всегда дѣятельная, которая при малѣйшемъ прикосновеніи даетъ отъ себя искры электричества, которая болѣзненнѣе другихъ страдаетъ, живѣе наслаждается, пламеннѣе любитъ, сильнѣе ненавидитъ; словомъ — глубже чувствуетъ; натура, въ которой развиты въ высшей степени обѣ стороны духа — и пассивная, и дѣятельная. Уже по самому устройству своего организма поэтъ больше, чѣмъ кто-нибудь, способенъ вдаваться въ крайности и, возносясь превыше всѣхъ къ небу, можетъ-быть, ниже всѣхъ падаетъ въ грязь жизни. Но и самое паденіе его не то, что̀ у другихъ людей: оно слѣдствіе ненасытимой жажды жизни, а не животной алчбы денегъ, власти и отличій. Эта жажда жизни въ немъ такъ велика, что за одну минуту упоенія страсти, за одинъ мигъ

полноты чувства онъ готовъ жертвовать всѣмъ своимъ будущимъ, всѣми надеждами, всею остальною жизнію. У него — по выраженію Гезіода — *пѣснь всегда на умѣ, а въ груди сердце беззаботное.* Когда онъ чувствуетъ приближеніе Бога и обдумываетъ зарождающееся въ немъ новое созданіе, тогда —

Пройдя безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья!

Когда онъ творитъ — онъ царь, онъ властелинъ вселенной, повѣренный таинъ природы, прозирающій въ таинства неба и земли, природы и духа человѣческаго, только ему одному открытыя; но когда онъ находится въ обыкновенномъ земномъ расположеніи — онъ *человѣкъ,* но человѣкъ, который можетъ быть ничтожнымъ и никогда не можетъ быть низкимъ, который чаще другихъ можетъ падать, но который такъ же быстро возстаетъ, какъ падаетъ, — который всегда готовъ отозваться на голосъ, несущійся къ нему отъ его родины—неба. Но послушаемъ его собственной исповѣди:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

Какая цѣль поэзіи? — вопросъ, который для людей, обдѣленныхъ отъ природы эстетическимъ чувствомъ, кажется такъ важенъ и неудоборѣшимъ. Поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль такъ же, какъ истина въ знаніи, какъ благо въ дѣйствіи. Подобно истинѣ и благу, красота есть сама себѣ цѣль и по

праву царствуетъ надъ вселенной только властію своего имени, неотразимымъ обаяніемъ своего дѣйствія на души людей. Вотъ въ яркоосвѣщенную, великолѣпную залу входитъ красавица, — и трепещетъ пылкая юность, разглаживаются морщины на челѣ старости, улыбка радости проясняетъ сонныя отъ пустоты и скуки лица; кажется, царства мало за одинъ взглядъ ея; лавровый вѣнокъ героя, лучезарный ореолъ поэта готовы пасть къ ногамъ ея, лишь бы только захотѣла она замѣтить ихъ... А между тѣмъ, вы въ лицѣ ея тщетно отыскиваете выраженія какой-нибудь опредѣленной идеи, оттѣнка какого-нибудь опредѣленнаго чувства: ничего, ничего, кромѣ безбрежнаго моря красоты и граціи, въ которомъ тонутъ ваши очарованные взоры, исчезаетъ все существо ваше... Объясните мнѣ: для чего такая красота, какая цѣль ея, — и я объясню вамъ со всевозможною ясностію и даже «точностію», для чего существуетъ поэзія, какая цѣль ея... И если бы нашлись люди, надъ которыми красота не имѣетъ никакой власти, не будемъ спорить съ ними! Хладные скопцы (по выраженію Пушкина), лишенные огня Прометеева, — стоятъ ли они словъ, и имъ ли можно растолковать, почему дилетантъ такъ благоговѣйно и цѣломудренно любуется обнаженною красотою Венеры Медичейской и за обломокъ древней капители, барельефа или камею готовъ жертвовать всѣмъ достояніемъ своимъ, съ безумною горячностію любовника, которому и жизни не жаль за одну улыбку возлюбленной...

Вотъ какъ понималъ красоту «божественный Платонъ», и какъ во всѣ вѣка будутъ понимать ее умы благородные и возвышенные:

Наслажденіе красотою въ этомъ земномъ мірѣ возможно въ человѣкѣ только по воспоминанію той единой, истинной и совершенной красоты, которую душа припоминаетъ себѣ въ первоначальной ея родинѣ. Вотъ почему зрѣлище прекраснаго на землѣ, какъ воспоминаніе о красотѣ горней, способствуетъ тому, чтобъ окрылять душу къ небесному и возвращать ее къ божественному источнику всякой красоты.

Красота была свѣтлаго вида въ то время, когда мы, счастливымъ хоромъ, слѣдовали за Діемъ, въ блаженномъ видѣніи и созерцаніи, другіе же за другими богами: мы зрѣли и совершали блаженнѣйшее изъ всѣхъ таинствъ; пріобщились ему всецѣлые, не причастные бѣдствіямъ, которыя въ позднее время насъ посѣтили; погружались въ видѣнія совершенныя, простыя, нестрашныя, но радостныя, и созерцали ихъ въ свѣтѣ чистомъ, сами будучи чисты и не запятнаны тѣмъ, что мы, нынѣ влача съ собою, называемъ тѣломъ, мы, заключенные въ него, какъ въ раковину.

Красота одна получила здѣсь этотъ жребій: быть пресвѣтлою и достойною любви. Не вполнѣ посвященный, развратный стремится къ самой красотѣ, не взирая на то, что носитъ ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ нею, а, подобно четвероногому, ищетъ одного чувственнаго наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ... Напротивъ того, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемлетъ страхъ; потомъ, созерцая прекрасное, какъ бога, онъ обожаетъ, и если бы не боялся, что назовутъ его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому...

Какъ красота, такъ и поэзія — выразительница и жрица красоты, сама себѣ цѣль, и внѣ себя не имѣетъ никакой цѣли. Если она возвышаетъ душу человѣка къ небесному, настроиваетъ ее къ благимъ дѣйствіямъ и чистымъ помысламъ — это уже не цѣль ея, а прямое дѣйствіе, свойство ея сущности; это дѣлается само собою, безъ всякаго предначертанія со стороны поэта. Поэтъ есть живописецъ, а не философъ. Всегдашній предметъ его картинъ и изображеній есть «полное славы творенье» — міръ со всею безконечностію и разнообразіемъ его явленій. Поэзія говоритъ душѣ образами, — и ея образы суть выраженіе той вѣчной красоты, первообразъ которой блещетъ въ мірозданіи и во всѣхъ частныхъ явленіяхъ и формахъ природы. Поэзія не терпитъ отвлеченныхъ идей въ ихъ безтѣлесной наготѣ, но самыя отвлеченныя понятія воплощаетъ въ живые и прекрасные образы, въ которыхъ мысль сквозитъ, какъ свѣтъ въ граненомъ хрусталѣ. Поэтъ видитъ во всемъ формы, краски и всему даетъ форму и цвѣтъ, овеществляетъ невещественное, дѣлаетъ земнымъ небесное — да свѣтитъ земное небеснымъ свѣтомъ! Для поэта всѣ явленія въ мірѣ существуютъ сами по себѣ; онъ переселяется въ нихъ, живетъ ихъ жизнію и съ любовію лелѣетъ ихъ на своей груди такъ, какъ они есть, не измѣняя по своему произволу ихъ сущности. Это не значитъ, чтобъ поэтъ не могъ отрываться отъ созерцанія міра, взятаго въ самомъ себѣ, и вносить въ него свой идеалъ, чтобъ лиру пѣснопѣнія, кинжалъ трагедіи и трубу эпопеи не могъ онъ мѣнять на громы благороднаго негодованія и даже на свистокъ сатиры; молитву оставлять для проповѣди и прошедшее, мировое и вѣчное, забывать на минуту для современности и общества; но смѣшно требовать, чтобъ въ этомъ онъ увидѣлъ цѣль своей жизни и за долгъ себѣ поставилъ подчинить свое свободное вдохновеніе разнымъ «текущимъ потребностямъ». Свободный, какъ вѣтеръ, онъ повинуется только внутреннему своему призванію, таинственному голосу движущаго имъ Бога, а на крики *тупой* черни, которая бы стала приставать къ нему въ своей дикой слѣпотѣ:

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя —

онъ можетъ и долженъ отвѣчать, если только стоитъ она отвѣта:

Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ.
Душѣ противны вы какъ гробы;
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

Поэтъ не подражаетъ природѣ, но соперничествуетъ съ нею, — и его созданія исходятъ изъ того же источника, тѣмъ же самымъ процессомъ, какъ и всѣ явленія природы, съ тою только разницею, что на сторонѣ процесса его творчества есть еще и сознаніе, котораго лишена природа и ея дѣятельность. Вся природа со всѣми ея явленіями есть плодъ вдохновеннаго порыва духа — изъ идеальной области возможнаго перейти въ реальную область дѣйствительнаго, стать фактомъ, чтобъ потомъ, въ разумнѣйшемъ своемъ явленіи — человѣкѣ, взглянуть на себя, какъ на нѣчто особое, сознать себя. И всякое произведеніе искусства есть плодъ вдохновеннаго усилія художника— вывести наружу, осуществить вовнѣ внутренній міръ своихъ безплотныхъ идеаловъ. Итакъ, вдохновеніе есть источникъ всякаго творчества; но искусство выше природы настолько, насколько всякое сознательное и свободное дѣйствіе выше безсознательнаго и невольнаго. Но сознаніе, при актѣ творчества, есть не дѣятель, а только какъ бы свидѣтель, дабы творчество было художнику въ наслажденіе и награду. Конечно, всякое дѣйствіе есть уже необходимо и сознаніе; но подъ сознаніемъ въ творчествѣ не должно разумѣть дѣятельность разсудка, трудъ соображенія, расчета и механическую работу: вдохновеніе, которое Платонъ называетъ *маніею*, — вотъ единственный дѣятель творчества, а разсудокъ враждебенъ творчеству и мертвитъ его. «Кто, — говоритъ Платонъ, — безъ маніи, внушаемой музами, приходитъ къ вратамъ поэзіи, убѣжденный въ томъ, что искусствомъ (ἐχτέχνης) сдѣлается изъ него хорошій поэтъ, тотъ никогда не будетъ

совершеннымъ, и поэзія его, какъ поэзія *благоразумнаго,* будетъ отличаться отъ поэзіи *безумствующихъ*».

Вообще, понятіе Платона о вдохновеніи такъ глубоко вѣрно и такъ поэтически, *вдохновенно* выражено, что, сообщивъ его, мы скажемъ о вдохновеніи все, что только можно сказать:

. . . . . Не искусствомъ (*техникою*), но энтузіазмомъ и вдохновеніемъ великіе эпическіе поэты сочиняютъ свои прекрасныя произведенія. Славные лирики также, подобно людямъ, волнуемымъ безуміемъ корибантовъ, пляшущихъ внѣ себя, не остаются въ умѣ своемъ, когда творятъ изящныя пѣснопѣнія: какъ скоро вошли они въ ладъ гармоніи и ритма, то преисполняются безуміемъ, объемлются восторгомъ, подобнымъ восторгу вакханокъ, которыя въ минуту упоенія черпаютъ въ рѣкахъ млеко и медъ, чего не бываетъ съ ними во время покоя. Въ душѣ поэтовъ лирическихъ, на самомъ дѣлѣ, совершается то, чѣмъ они хвалятся. Они говорятъ намъ, что черпаютъ въ медовыхъ источникахъ, что, подобно пчеламъ, летаютъ они по садамъ и долинамъ музъ, и въ нихъ собираютъ пѣсни, которыя поютъ намъ. Они говорятъ правду. Поэтъ, въ самомъ дѣлѣ, существо легкое, крылатое и святое; онъ можетъ творить тогда только, когда восторгъ его обыметъ, когда онъ выйдетъ изъ себя и разсудокъ покинетъ его. Но покамѣстъ онъ съ нимъ, человѣкъ неспособенъ творить все и произносить пророчества.

Итакъ, если не искусствомъ, а божественнымъ вдохновеніемъ творятъ поэты, то каждый изъ нихъ, по жребію Божію, успѣваетъ только въ томъ родѣ, къ которому муза его призываетъ. Одинъ превосходенъ въ диѳирамбѣ, другой въ похвальной одѣ, третій въ плясовой пѣснѣ, четвертый въ эпосѣ, пятый въ ямбахъ, и всѣ будутъ слабы во всякомъ другомъ родѣ, потому что не искусство, а сила божественная внушаетъ ихъ. Если бы искусствомъ они умѣли творить, то могли бы успѣть въ разныхъ родахъ. А конецъ, на какой богъ, отъемля у нихъ смыслъ, употребляетъ ихъ какъ служителей своихъ наравнѣ съ пророками и гадателями, есть тотъ, чтобъ мы, внимая имъ, познавали, что не сами собою они говорятъ намъ вещи дивныя, ибо они внѣ своего разума, но что самъ богъ чрезъ нихъ къ намъ глаголетъ.

Этотъ взглядъ на вдохновеніе, такъ простодушно, въ духѣ младенческой древности выраженный, удивителенъ по своей глубокости. Ясно, что Платонъ «благоразуміемъ» называетъ разсудочное, обыкновенное, будничное, такъ сказать, состояніе нашего духа; а подъ «безуміемъ» разумѣетъ тотъ божественный паѳосъ, то состояніе вдохновеннаго ясновидѣнія, когда разумъ человѣка созерцаетъ таинство высшаго міра, а воля его движетъ горами. Въ самомъ дѣлѣ, восторгъ наслажденія, изступленіе радости, упоеніе страданія, тоска разлуки, трепетъ свиданія, обаяніе любви, отвага самаго жертвованія, готовность пострадать за правое дѣло и истину, сладострастіе вдохновенія, — что все это, если не безуміе?.. Но это безуміе разумное, безуміе божественное, которое возноситъ человѣка превыше премудрыхъ міра сего и равняетъ его съ богами... А мертвое равнодушіе, затянутое въ формы приличія, расчеты мелкаго самолюбія и эгоизма, размѣренные шаги къ ничтожной цѣли, отреченіе отъ

истиннаго назначенія человѣческаго для достиженія ея, — что все это, если не благоразуміе?.. Но не будемъ говорить о благоразуміи: оно врагъ поэзіи, а предметъ статьи — поэзія...

Гдѣ вдохновеніе неподдѣльно, тамъ есть и поэзія, и чьей натурѣ сродно вдохновеніе, тотъ поэтъ, но и вдохновеніе имѣетъ свои степени и въ каждомъ поэтѣ отличается особеннымъ характеромъ: въ одномъ оно искрится и шипитъ пѣною, какъ шампанское, и подобно шампанскому тотчасъ же оживляетъ легкимъ, но и скоропреходящимъ похмельемъ; въ другомъ оно льется свѣтлою, прозрачною рѣчкою, съ смѣющимися зелеными берегами; въ третьемъ оно бьетъ и стремится бурными волнами, съ громомъ, пѣною и брызгами, подобно Ніагарскому водопаду; въ четвертомъ оно подобно океану, безъ береговъ и дна, отражающему въ себѣ и небесный куполъ, съ его солнцемъ, луною и миріадами звѣздъ, и страшныя тучи, съ ихъ мракомъ и молніями, — океану, который равно величественъ и въ тишину, и въ бурю, который носитъ на своихъ могучихъ волнахъ и утлый челнокъ рыбаря, и огромные флоты и который въ необъятныхъ таинственныхъ нѣдрахъ своихъ заключаетъ цѣлые міры живыхъ существъ, и великихъ и малыхъ, и грозы раковинъ, и лѣса коралловъ...

Немного поэтовъ, къ разбору произведеній которыхъ было бы не странно приступать съ такимъ длиннымъ предисловіемъ, съ предварительнымъ взглядомъ на сущность поэзіи: Лермонтовъ принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ... Подробное разсмотрѣніе небольшой книжки его стихотвореній покажетъ, что въ ней кроются всѣ стихіи поэзіи, что она заключаетъ въ себѣ возможность въ будущемъ нѣсколькихъ и притомъ большихъ книгъ... Мы увидимъ, что свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе идей, необъятность содержанія — суть родовыя характеристическія примѣты поэзіи Лермонтова и залогъ ея будущаго, великаго развитія...

Первая пьеса Лермонтова напечатана была въ «Современникѣ» 1837 года, уже послѣ смерти Пушкина. Она называется «Бородино». Поэтъ представляетъ молодого солдата, который спрашиваетъ стараго служаку:

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
　　Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
　　Про день Бородина.

Вся основная идея стихотворенія выражена во второмъ куплетѣ, которымъ начинается отвѣтъ стараго солдата, состоящій изъ тринадцати куплетовъ:

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Эта мысль — жалоба на настоящее поколѣніе, дремлющее въ бездѣйствіи, зависть къ великому прошедшему, столь полному славы и великихъ дѣлъ. Дальше мы увидимъ, что эта *тоска по жизни* внушила нашему поэту не одно стихотвореніе, полное энергіи и благороднаго негодованія. Что же до «Бородина» — это стихотвореніе отличается простотою, безыскусственностью: въ каждомъ словѣ слышите солдата, языкъ котораго, не переставая быть грубо простодушнымъ, въ то же время благороденъ, силенъ и полонъ поэзіи. Ровность и выдержанность тона дѣлаютъ осязаемо-ощутительною основную мысль поэта. Впрочемъ, какъ ни прекрасно это стихотвореніе, оно не могло еще показать, чего отъ его автора должна была ожидать наша поэзія. Въ 1838 году въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» была напечатана его поэма «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»; это произведеніе сдѣлало извѣстнымъ имя автора, хотя оно явилось и безъ подписи этого имени. Спрашивали: кто такой безыменный поэтъ? кто такой Лермонтовъ? писалъ ли онъ что-нибудь, кромѣ этой поэмы? Но, несмотря на то, эта поэма все-таки еще не оцѣнена, толпа и не подозрѣваетъ ея высокаго достоинства. Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра неудовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошедшее, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій разметъ его чувства, и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности, со всѣми ихъ оттѣнками, какъ будто бы никогда и не знавалъ о другихъ, — и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи. И подлинно, этой пѣсни можно заслушаться, и все нельзя ея довольно наслушаться: какъ маніемъ волшебнаго скипетра, воскрешаетъ она прошедшее, и мы не можемъ насмотрѣться на него, забываемъ для него свое настоящее, ни на минуту не сводимъ съ него

взоровъ, боясь, чтобы оно не исчезло отъ насъ. На первомъ планѣ видимъ мы Іоанна Грознаго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный обликъ живъ еще въ преданіи и въ фантазіи народа... Что̀ за явленіе въ нашей исторіи былъ этотъ «мужъ кровей», какъ называетъ его Курбскій? Былъ ли онъ Людовикомъ XI нашей исторіи, какъ говоритъ Карамзинъ?.. Не время и не мѣсто распространяться здѣсь объ его историческомъ значеніи; замѣтимъ только, что это была сильная натура, которая требовала себѣ великаго развитія для великаго подвига; но какъ условія тогдашняго полуазіатскаго быта и внѣшнія обстоятельства отказали ей даже въ какомъ-нибудь развитіи, оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи, и лишили ее всякой возможности пересоздать дѣйствительность, то эта сильная натура, этотъ великій духъ поневолѣ исказились и нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ дѣйствительности... Тиранія Іоанна Грознаго имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ къ нему скорѣе сожалѣніе, какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращеніе, какъ къ мучителю... Можетъ-быть, это былъ своего рода великій человѣкъ, но только не во-время, слишкомъ рано, явившійся Россіи, — пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло и увидѣвшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ; можетъ-быть, въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его и которой онъ такъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее, и себя самого въ болѣзненной и безсознательной ярости... Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства онъ самъ наиболѣе заслуживаетъ соболѣзнованія; вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми, сверкающими очами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи... И такимъ точно является онъ въ поэмѣ Лермонтова: взглядъ очей его — молнія, звукъ рѣчей его — громъ небесный, порывъ гнѣва его — смерть и пытка; но сквозь все это, какъ молнія сквозь тучи, проблескиваетъ величіе падшаго, униженнаго, искаженнаго, но сильнаго и благороднаго по своей природѣ духа...

Поэма начинается картиною царскаго пира: въ золотомъ вѣнцѣ своемъ сидитъ грозный царь, окруженный стольниками, боярами, князьями и опричниками.

И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Онъ велитъ наполнить золотой ковшъ заморскимъ виномъ, обнести пирующихъ. — «И всѣ пили, царя славили». Лишь только одинъ изъ

опричниковъ «въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ» и сидѣлъ съ крѣпкою думою на сердцѣ. Гнѣвно взглянулъ на него царь, словно ястребъ съ высоты небесъ на молодого голубя, сизокрылаго;—«Да не поднялъ глазъ молодой боецъ».

Царь стукнулъ объ полъ своею палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ, палка на четверть вонзилась въ дубовый полъ, но и тутъ не дрогнулъ добрый молодецъ;

Вотъ промолвилъ царь слово грозное,
И очнулся тогда добрый молодецъ.
«Гей ты, вѣрный нашъ слуга Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Не прилично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!..

Низко кланяясь, опричникъ проситъ у царя извиненія, говоря:

Сердца жаркаго не залить виномъ,
Душу черную не запотчевать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.

Царь разспрашиваетъ о причинѣ печали, и его вопросы — перлы народной нашей поэзіи, полнѣйшее выраженіе духа и формъ русской жизни того времени. Таковъ же и отвѣтъ, или, лучше сказать, отвѣты опричника, потому что, по духу русской національной поэзіи, онъ отвѣчаетъ почти стихомъ на стихъ. Боясь длинноты, не выписываемъ этого мѣста; но вторая половина рѣчи Кирибѣевича дышитъ такою полнотою чувства, блещетъ такими самоцвѣтными камнями народной поэзіи, что мы не можемъ удержаться, чтобы не перечесть его вмѣстѣ съ нашими читателями. Вина печали удалого бойца — молодушка, которая закрывается фатою, когда на него любуются красныя дѣвушки:

На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно — будто лебедушка,
Смотритъ сладко — какъ голубушка,
Молвитъ слово — соловей поетъ,

Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ:
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки смѣлыя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться,
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые.
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казной своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское,
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце браное, черкасское;
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется.

Какая сильная, могучая натура! Ея страсть — лава, ея горесть тяжела и трудна; это удалое, разгульное отчаяніе, которое въ молодечествѣ, въ подвигѣ крови и смерти ищетъ своего утоленія! Сколько поэзіи въ словахъ этого опричника, какая глубокая грусть дышитъ въ нихъ, — это грусть, которая разрываетъ сильную душу, но не убиваетъ ея; это грусть, которая составляетъ основной элементъ, родную стихію, главный мотивъ нашей національной поэзіи!

Со смѣхомъ отвѣчаетъ царь своему любимому слугѣ, что его горю-бѣдѣ немудрено помочь, предлагаетъ ему яхонтовый перстень и жемчужное ожерелье; велитъ сперва поклониться «смышленой» свахѣ, а потомъ послать къ своей Аленѣ Дмитріевнѣ дары драгоцѣнные:

«Какъ полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогнѣвайся».
— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,

Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ,
По закону нашему христіанскому...

Какъ ударъ грома, какъ приговоръ смерти, поражаетъ душу читателя этотъ отвѣтъ опричника, — и тщетно испуганный слухъ его ждетъ, что скажетъ на это грозный царь: поэтъ опускаетъ занавѣсъ на эту, такъ трагически недоконченную, картину, такъ страшно прерванную сцену; предъ вами нѣтъ героевъ поэмы, и вы съ трудомъ вѣрите, что видѣли все это не наяву, что все это — только разсказъ пѣсенниковъ...

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Но этотъ удалой припѣвъ, эти затѣйливыя прибаутки народнаго остроумія не веселятъ васъ; сердце ваше сжимается болѣзненною тоскою: оно чуетъ горе, предвидитъ бѣду; повѣсть превращается для васъ въ мрачную драму, съ трагическою катастрофою, и завязка уже готова, дѣйствіе уже зародилось. Вы видите, что любовь Кирибѣевича — не шуточное дѣло, не простое волокитство, но страсть натуры сильной, души могучей. Вы понимаете, что для этого человѣка нѣтъ середины: или получить, или погибнуть! Онъ вышелъ изъ-подъ опеки естественной нравственности своего общества, а другой, болѣе высшей, болѣе человѣческой, не пріобрѣлъ: такой развратъ, такая безнравственность въ человѣкѣ съ сильною натурою и дикими страстями опасны и страшны. И при всемъ, онъ имѣетъ опору въ грозномъ царѣ, который никого не пожалѣетъ и не пощадитъ, даже за обиду, не только за гибель своего любимца, хотя бы этотъ былъ рѣшительно виноватъ.

Занавѣсъ поднятъ — и предъ нами новая картина: молодой купецъ, статный молодецъ, Степанъ Парамонычъ, по прозванію Калашниковъ, за прилавкою,

Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой онъ гостей заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.

Это другая сторона русскаго быта того времени; на сценѣ является представитель другого класса общества. Первое его появленіе на сцену располагаетъ васъ въ его пользу: почему-то вы чувствуете, что это одинъ изъ тѣхъ упругихъ и тяжелыхъ характеровъ, которые тихи и кротки только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не расколыхаютъ ихъ, одна изъ тѣхъ желѣзныхъ натуръ, которыя и обиды не стерпятъ, и сдачи дадутъ. Сильнѣе и сильнѣе щемитъ ваше сердце, —

чуетъ оно недоброе, тѣмъ больше, что «молодому купцу, статному молодцу» задался не добрый день:

Ходятъ мимо бояре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ...
Отзвонили вечерни во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо, —
Гонитъ ихъ метелица распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостинный дворъ.

Калашниковъ запираетъ свою лавочку дубовою дверью, «да нѣмецкимъ замкомъ со пружиною», привязываетъ на желѣзную цѣпь зубастаго пса,

И пошелъ онъ домой, *призадумавшись*,
Къ молодой хозяйкѣ за Москву-рѣку.

Отчего же онъ призадумался? — Или душа человѣка чуетъ шелестъ шаговъ незримо-слѣдующей по пятамъ его судьбы, которая обрекла его въ свои жертвы?..

Пришедъ въ свой «высокій» домъ, Степанъ Парамонычъ дивится, что его не встрѣчаютъ ни молода жена, ни малыя дѣтушки, что дубовый столъ не покрытъ бѣлой скатертью, и свѣчка предъ образомъ еле теплится. Кличетъ онъ старуху Еремѣевну и спрашиваетъ, куда въ такой поздній часъ «дѣвалась, затаилася» Алена Дмитріевна, и не заигрались ли его любезныя дѣти, что такъ рано уложились спать? И слышитъ въ отвѣтъ:

...Къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать, —
А по сю пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася,
А дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ плачутъ все, не унимаются.

Въ этихъ стихахъ полная картина домашняго быта и простыхъ, малосложныхъ, простодушныхъ семейственныхъ отношеній у нашихъ предковъ.

Смутился Степанъ Парамоновичъ крѣпкою думою.

И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу —
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ — сила крестная! —

Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны;
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

Онъ спрашиваетъ ее, гдѣ она шаталася: ужъ не гуляла ли, не пировала ли съ дѣтьми боярскими, что волосы ея такъ растрепаны и одежда изорвана.

Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобою, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!

Онъ грозитъ запереть ее за дубовую дверь окованную, за желѣзный замокъ, чтобы она и свѣту Божьяго не видѣла, его имени честнаго не порочила.

Какъ осиновый листъ, затряслася Алена Дмитріевна, упала мужу въ ноги, прося его выслушать ее и говоря, что она «не боится смерти лютыя, а боится его немилости»: въ двѣнадцати стихахъ полная картина супружескихъ отношеній варварскаго времени! Жена разсказываетъ мужу, что, шедши отъ вечерни домой, услышала за собою чьи-то шаги, «оглянулась — человѣкъ бѣжитъ»; этотъ человѣкъ схватилъ ее за руки, говоря ей, что онъ слуга царя грознаго, прозывается Кирибѣевичемъ, а изъ славной семьи изъ Малютиной...

Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
А, цѣлуя, все приговаривалъ:
«Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать,
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня,
Хоть единый разъ на прощаніе!»
И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

Рванувшись изъ рукъ его, она оставила у него свою фату бухарскую и узорный платокъ, — подарочекъ мужа. Заключеніе ея разсказа состоитъ въ жалобахъ на свой позоръ и въ просьбахъ мужа — не дать

ее, свою вѣрну жену, въ поруганіе злымъ охульникамъ. Тогда Степанъ Парамоновичъ посылаетъ за своими двумя меньшими братьями и разсказываетъ объ обидѣ, нанесенной ему злымъ опричникомъ царскимъ;

А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому!

говоритъ имъ о своемъ намѣреніи — биться на-смерть съ опричникомъ на кулачномъ бою, который будетъ завтра на Москвѣ-рѣкѣ, при самомъ царѣ, и проситъ ихъ постоять за правду, если самъ будетъ побитъ.

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя, родимаго, не выдадимъ».

Изъ этого отвѣта видно, что семья Калашниковыхъ хоть и не славилась столько, какъ Малютиныхъ, но состояла изъ сизаго орла съ орлятами... Превосходно очеркнулъ поэтъ въ этомъ отвѣтѣ, будто мимоходомъ, и простоту родственныхъ отношеній нашихъ предковъ, гдѣ право первородства было и правомъ власти, гдѣ старшій братъ заступалъ мѣсто отца для младшихъ. И это сдѣлано имъ не въ описаніи, а въ живой картинѣ, въ самомъ разгарѣ въ высшей степени драматическаго дѣйствія. Этою сценою семейнаго совѣщанія оканчивается вторая часть драматической поэмы: дѣйствующія лица и завязка дѣйствія уже рѣзко обозначились, и сердце наше замираетъ отъ предчувствія горестной развязки...

Надъ Москвой великой, златоглавою
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

На Москву-рѣку сходилися удалые молодцы «разгуляться для праздника, потѣшиться». Самъ царь пріѣхалъ со дружиною, боярами и оприч-

никами и велѣлъ оцѣпить серебряною цѣпью мѣсто въ 25 саженъ, «для охотницкаго бою одиночнаго». Потомъ царь велѣлъ вызывать охотниковъ:

Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ.

Выходитъ Кирибѣевичъ и съ похвальбою вызываетъ супротивниковъ, обѣщаясь «лишь потѣшить царя-батюшку, но для праздника отпустить живого». Вдругъ раздалась толпа — и выходитъ Степанъ Парамоновичъ.

Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ его очи соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

Кирибѣевичъ, не выходя изъ тона своей удалой, молодецкой похвальбы, спрашиваетъ Калашникова о родѣ-племени и имени, «чтобъ знать по комъ панихиду служить, чтобъ было чѣмъ и похвастаться».

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнаго отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»
И, услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ:
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ оно — ужасное торжество совѣсти въ глубокой натурѣ, которая никогда не отрѣшится отъ совѣсти, какъ бы ни была искажена развратомъ, какъ бы ни страшно погрязла въ порокѣ!.. Всегда надъ нею грозная длань нравственнаго закона, грозный голосъ суда Божія, по-

тому что она сама — свой нравственный законъ и свой неумолимый судъ!..

Начинается бой (мы пропускаемъ его подробности); правая сторона побѣдила.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

Не правда ли: вамъ жаль удалого, хотя преступнаго бойца? Съ невыразимою тоскою повторите вы за поэтомъ жалобную мелодію, которою выразилъ онъ его паденіе?.. А между тѣмъ, вы же сами желали побѣды благородному купцу и гибели его преступному оскорбителю?.. Таково обаяніе великихъ натуръ; какъ бы ни было велико ихъ преступленіе, но, наказанныя, онѣ привлекаютъ все удивленіе и всю любовь нашу: мы видимъ въ нихъ жертвы неотразимой судьбы и братскимъ поцѣлуемъ прощанія и прощенія въ холодныя, посинѣлыя уста ихъ запечатлѣваемъ торжество возстановленной смертью гармоніи общаго, которую нарушили было онѣ своей виною...

Грозный царь воспалился гнѣвомъ и спрашиваетъ Калашникова: вольною волею или нехотя убилъ онъ его вѣрнаго слугу и лучшаго бойца? Вѣроятно, Калашниковъ могъ бы еще спасти себя ложью, но для этой благородной души, дважды такъ страшно потрясенной — и позоромъ жены, разрушившимъ его семейное блаженство, и кровавою местью врагу, не возвратившею ему прежняго блаженства, — для этой благородной души жизнь уже не представляла ничего обольстительнаго, а смерть казалась необходимою для уврачеванія ея неисцѣлимыхъ ранъ... Есть души, которыя довольствуются кое-чѣмъ — даже остатками бывшаго счастья; но есть души, лозунгъ которыхъ — все или ничего, которыя не хотятъ запятнаннаго блаженства разъ потемненной славы; такова была и душа удалого купца, статнаго молодца, Степана Парамоновича Калашникова! Онъ сказалъ царю всю правду, скрывъ, однако, причину своего мщенія:

А за что, про что — не скажу тебѣ!
Скажу только Богу единому!

Какая дивная черта глубокаго знанія сердца человѣческаго и древнихъ нравовъ! Какая высокая трагическая черта! Онъ охотно идетъ на казнь и лишь проситъ царя «не оставить своею милостью малыхъ дѣтушекъ, молодой жены да двухъ братьевъ его». Въ отвѣтѣ царя рѣзко, во всемъ страшномъ величіи, выказывается колоссальный образъ Грознаго:

Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Чтобъ знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...

Какая жестокая иронія, какой ужасный сарказмъ! и мертвый содрогнулся бы отъ него въ гробѣ! А между тѣмъ, въ согласіи на милость женѣ, покровительствѣ дѣтямъ и братьямъ осужденнаго пробескиваетъ лучъ благородства и величія царственной натуры и какъ бы невольное признаніе достоинства человѣка, который обреченъ судьбою безвременной и насильственной смерти!.. Какая страшная трагедія! Сама судьба, въ лицѣ Грознаго, присутствуетъ предъ нами и управляетъ ея ходомъ!.. И едва ли во всей исторіи человѣчества можно найти другой характеръ, который могъ бы съ бо̀льшимъ правомъ представлять лицо судьбы, какъ Іоаннъ Грозный!..

На площади собирается народъ; гудитъ-воетъ заунывный колоколъ; по высокому лобному мѣсту весело похаживаетъ палачъ, руки голыя потираючи:

Удалова бойца дожидается,
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Съ родными братьями прощается.

Онъ велитъ имъ поклониться отъ него Аленѣ Дмитревнѣ, да *заказать* ей меньше печалиться, а дѣтушкамъ про него не велитъ сказывать...

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Въ крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И клеповый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ-шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилою.

И вотъ занавѣсъ опустился, трагедія кончилась, колоссальные образы ея героевъ исчезли изъ глазъ нашихъ, прошедшее стало опять прошедшимъ —

И что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей!

Что? — могила, жилище тлѣнія и смерти; но надъ этою могилою вѣетъ жизнь, царитъ воспоминаніе, нѣмою рѣчью говоритъ преданіе:

И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
Пройдетъ молодецъ — пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

Какія роскошныя дани, какія богатыя жертвы приносятся этой могилѣ живыми! И она стоитъ ихъ, ибо не живые въ ней, мертвой, но она, мертвая, рождаетъ жизнь въ живыхъ: заставляетъ ихъ и креститься, и пріосаниться, и пригорюниться, и пѣть пѣсни!.. Васъ огорчаетъ, заставляетъ страдать горестная и страшная участь благороднаго Калашникова; вы жалѣете даже и о преступномъ опричникѣ,— понятное человѣческое чувство! Но безъ этой трагической развязки, которая такъ печалитъ ваше сердце, не было бы и этой могилы, столь краснорѣчивой, столь живой, столь полной глубокаго значенія, и не было бы великаго подвига, который такъ возвысилъ вашу душу, и не было бы чудной пѣсни поэта, которая такъ очаровала васъ... И потому, да перемѣнится печаль ваша на радость, и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы бытія и міродержавныхъ судебъ и повторимъ за поэтомъ музыкальный финалъ, которымъ, по старинному и достохвальному русскому обычаю, заставляетъ онъ гусляровъ заключить свою поэтическую пѣсню:

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте,
Каждому правдою и честію воздайте,
Тароватому боярину слава!
И красавицѣ бояринѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

Излагая содержаніе этой поэмы, уже извѣстной публикѣ, мы имѣли въ виду намекнуть на богатство ея содержанія, на полноту жизни и глубокость идеи, которыми она запечатлѣна: что же до поэзіи образовъ, роскоши красокъ, прелести стиха, избытка чувства, охватывающаго душу огненными волнами, свѣжести колорита, силы выраженія,

трепетнаго, полнаго страсти одушевленія, — эти вещи не толкуются и не объясняются... Мы выписали цѣлую часть поэмы — пусть читаютъ и судятъ сами: кто не увидитъ въ этихъ стихахъ того, что мы видимъ, для тѣхъ нѣтъ у насъ очковъ, и едва ли какой оптикъ въ мірѣ поможетъ имъ...

Содержаніе поэмы, въ смыслѣ разсказа происшествія, само по себѣ полно поэзіи; если бы оно было историческимъ фактомъ, въ немъ жизнь явилась бы поэзіею, а поэзія жизнью. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не существовалъ бы для насъ; нашли бы мы его въ простодушной хроникѣ старыхъ временъ или, по какому-нибудь чуду, сами были его свидѣтелемъ — оно было бы для насъ мертвымъ матеріаломъ, въ который только поэтъ могъ бы вдохнуть душу живую, отдѣливъ отъ него все случайное, произвольное и представивъ его въ гармоническомъ цѣломъ, поставленномъ и освѣщенномъ сообразно съ требованіями точки зрѣнія и свѣта. И въ этомъ отношеніи нельзя довольно надивиться поэту: онъ является здѣсь опытнымъ, геніальнымъ архитекторомъ, который умѣетъ такъ согласить между собою части зданія, что ни одна подробность въ украшеніяхъ не кажется лишнею, но представляется необходимою и равно важною съ самыми существенными частями зданія, хотя вы и понимаете, что архитекторъ могъ бы легко вмѣсто ея сдѣлать и другую. Какъ ни пристально будете вы вглядываться въ поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишняго или недостающаго слова, черты, стиха, образа, ни одного слабаго мѣста: все въ ней необходимо, полно, сильно! Въ этомъ отношеніи ее никакъ нельзя сравнить съ народными легендами, носящими на себѣ имя ихъ собирателя — Кирши Данилова: то — дѣтскій лепетъ, часто поэтическій, но часто и прозаическій, нерѣдко образный, но чаще символическій, уродливый въ цѣломъ, полный ненужныхъ повтореній одного и того же; поэма Лермонтова — созданіе мужественное, зрѣлое и столько же художественное, сколько и народное. Безыменные творцы этихъ безыскусственныхъ и простодушныхъ произведеній составляли одно съ вѣющимъ въ нихъ духомъ народности: они не могли отъ нея отдѣлиться, она заслоняла въ нихъ саму же себя; но нашъ поэтъ вошелъ въ царство народности, какъ ея полный властелинъ, и, проникнувшись ея духомъ, слившись съ нею, онъ показалъ только свое родство съ нею, а не тождество: даже въ минуту творчества онъ видѣлъ ее предъ собою, какъ предметъ, и такъ же, по волѣ своей, вышелъ изъ нея въ другія сферы, какъ и вошелъ въ нее. Онъ показалъ этимъ только богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ же присущно его натурѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ въ этой поэмѣ является не безыскусственнымъ пѣвцомъ народности,

но истиннымъ художникомъ, и если его поэма не можетъ быть переведена ни на какой языкъ, ибо колоритъ ея весь въ русско-народномъ языкѣ, то, тѣмъ не менѣе, она — художественное произведеніе, во всей полнотѣ, во всемъ блескѣ жизни воскресившее одинъ изъ моментовъ русскаго быта, одного изъ представителей древней Руси. Въ этомъ отношеніи послѣ «Бориса Годунова» больше всѣхъ посчастливилось Іоанну Грозному: въ поэмѣ Лермонтова колоссальный образъ его является изваяннымъ изъ мѣди или мрамора...

По внутреннему плану нашей статьи мы должны были сперва говорить о тѣхъ стихотвореніяхъ Лермонтова, въ которыхъ онъ является не безусловнымъ художникомъ, но внутреннимъ человѣкомъ, и по которымъ однимъ можно увидѣть богатство элементовъ его духа и отношенія его къ обществу. Мы такъ начали, такъ и продолжаемъ: взглядъ на чисто-художественныя стихотворенія его заключитъ нашу статью. И если мы остановились на «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», которую мы признаемъ художественною, то потому, что, во-первыхъ, самая художественность болѣе или менѣе условна, ибо въ этой «Пѣсни» онъ подделывается подъ ладъ старинный и заставляетъ гусляровъ пѣть ее; во-вторыхъ, эта «Пѣсня» представляетъ собою фактъ о кровномъ родствѣ духа поэта съ народнымъ духомъ и свидѣтельствуетъ объ одномъ изъ богатѣйшихъ элементовъ его поэзіи, намекающемъ на великость его таланта. Самый выборъ этого предмета свидѣтельствуетъ о состояніи духа поэта, недовольнаго современною дѣйствительностью и перенесшагося отъ нея въ далекое прошедшее, чтобы тамъ искать жизни, которой онъ не видитъ въ настоящемъ. Но это прошедшее не могло долго занимать такого поэта: онъ скоро долженъ былъ почувствовать всю бѣдность и все однообразіе его содержанія и возвратиться къ настоящему, которое жило въ каждой каплѣ его крови, трепетало съ каждымъ біеніемъ его пульса, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлиться ему отъ него! Оно внѣдрилось въ него, обвилось вокругъ него, оно сосетъ его кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности! Оно ждетъ отъ него своего просвѣтлѣнія, уврачеванія своихъ язвъ и недуговъ. Онъ, только онъ, можетъ совершить это, какъ полный представитель настоящаго, другой властитель нашихъ думъ! Въ созданіяхъ поэта, выражающихъ скорби и недуги общества, общество находитъ облегченіе отъ своихъ скорбей и недуговъ: тайна этого цѣлительнаго дѣйствія — сознаніе причины болѣзни черезъ представленіе болѣзни, какъ мы говорили объ этомъ выше въ нашей статьѣ. . . . . .

Преобладаніе внутренняго (субъективнаго) элемента въ поэтахъ обыкновенныхъ есть признакъ ограниченности таланта. У нихъ субъ-

ективность означаетъ выраженіе личности, которая всегда ограничена, если является отдѣльно отъ общаго. Они обыкновенно говорятъ о своихъ нравственныхъ недугахъ, и всегда одно и то же; читая ихъ, невольно вспоминаешь эти стихи Лермонтова:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ,
  На что намъ знать твои сомнѣнья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
  Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобою играючи идетъ
  Толпа дорогою привычной.
На лицахъ праздничныхъ чуть видень слѣдъ заботъ
  Слезы не встрѣтишь неприличной, —
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ
  Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
  Безъ преступленья иль утраты!..
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ,
  Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
  Махающій мечомъ картоннымъ...

Въ талантѣ великомъ избытокъ внутренняго, субъективнаго, элемента есть признакъ гуманности. Не бойтесь этого направленія: оно не обманетъ васъ, не введетъ васъ въ заблужденіе. Великій поэтъ, говоря о себѣ самомъ, о своемъ *я*, говоритъ объ общемъ — о человѣчествѣ, ибо въ его натурѣ лежитъ все, чѣмъ живетъ человѣчество. И потому въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ свою и видитъ въ немъ не только *поэта*, но и человѣка, брата своего по человѣчеству. Признавая его существомъ несравненно высшимъ себя, всякій въ то же время сознаетъ свое родство съ нимъ.

Вотъ что заставило насъ обратить особенное вниманіе на субъективныя стихотворенія Лермонтова и даже порадоваться, что ихъ больше, чѣмъ чисто-художественныхъ. По этому признаку мы узнаемъ въ немъ поэта русскаго, *народнаго* въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова, — поэта, въ которомъ выразился историческій моментъ русскаго общества. И всѣ такія его стихотворенія глубоки и многозначительны; въ нихъ выражается богатая дарами духа природа, благородная человѣчественная личность.

Черезъ годъ послѣ напечатанія «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Лермонтовъ снова вышелъ на арену литературы, съ стихотвореніемъ «Дума», изумившимъ всѣхъ алмазною крѣпостью стиха, громовою силою бурнаго одушевленія, исполинскою энергіей благороднаго негодованія и глубокой грусти. Съ тѣхъ поръ стихотворенія Лермонтова стали являться одни за другими безъ перемежки, и съ его именемъ.

Поэтъ говоритъ о новомъ поколѣніи, что онъ смотритъ на него съ печалью, что его будущее «иль пусто, иль темно», что оно должно состарѣться подъ бременемъ *познанія* и сомнѣнія; укоряетъ его, что оно изсушило умъ *безплодною* наукою. Въ этомъ нельзя согласиться съ поэтомъ: сомнѣнье — такъ; но излишества познанія и науки, хотя бы и «безплодной», мы не видимъ: напротивъ, недостатокъ познанія и науки принадлежитъ къ болѣзнямъ нашего поколѣнія:

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь!

Хорошо бы еще, если бы, взамѣнъ утраченной жизни, мы насладились хоть знаніемъ: былъ бы хоть какой-нибудь выигрышъ! Но сильное движеніе общественности сдѣлало насъ обладателями знанія, безъ труда и ученія, и этотъ плодъ безъ корня, надо признаться, пришелся намъ горекъ: онъ только пресытилъ насъ, а не напиталъ, притупилъ нашъ вкусъ, но не усладилъ его. Это обыкновенное и необходимое явленіе во всѣхъ обществахъ, вдругъ вступающихъ изъ естественной непосредственности въ сознательную жизнь, не въ нѣдрахъ ихъ возросшую и созрѣвшую, а пересаженную отъ развившихся народовъ. Мы въ этомъ отношеніи — безъ вины виноваты!

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ!

Какая вѣрная картина! Какая точность и оригинальность въ выраженіи! Да, умъ отцовъ нашихъ для насъ—поздній умъ: великая истина!

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ легкомысленный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!

Эти стихи писаны кровью; они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа: это вопль, это стонъ человѣка, для котораго отсутствіе внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ ужаснѣйшее физической смерти!..

И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты внутренней и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ?.. Если подъ «сатирою» должно разумѣть не невинное зубоскальство веселенькихъ остроумцевъ, а громы негодованія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ общества, то «Дума» Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный родъ поэзіи. Если сатиры Ювенала дышатъ такою же бурею чувства, такимъ же могуществомъ огненнаго слова, то Ювеналъ, дѣйствительно, великій поэтъ!..

Другая сторона того же вопроса выражена въ стихотвореніи «Поэтъ». Обдѣланный въ золото галантерейною игрушкою кинжалъ наводитъ поэта на мысль о роли, которую это орудіе смерти и мщенія играло прежде... А теперь?.. Увы!

Никто привычною, заботливой рукой
    Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
    Никто съ усердьемъ не читаетъ...
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ
    Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
    Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
    Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
    Какъ оиміамъ въ часы молитвы!
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
    И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
    Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
    Насъ тѣшатъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
    Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
    Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ
    Покрытый ржавчиной презрѣнья?..

Вотъ оно, то бурное одушевленіе, та трепещущая, изнемогающая, отъ полноты своей, страсть, которую Гегель называетъ въ Шиллерѣ паѳосомъ!.. Нѣтъ, хвалить такіе стихи можно только стихами, и притомъ такими же... А мысль?.. Мы не должны здѣсь искать статистической точности фактовъ; но должны видѣть выраженіе поэта, — и кто не признаетъ, что то, чего онъ требуетъ отъ поэта, составляетъ одну изъ обязанностей его служенія и призванія? Не есть ли это характеристика поэта — характеристика благороднаго Шиллера?..

«Не вѣрь себѣ» есть стихотвореніе, составляющее тріумвиратъ съ двумя предшествовавшими. Въ немъ поэтъ рѣшаетъ тайну истиннаго вдохновенія, открывая источникъ ложнаго. Есть поэты, пишущіе въ стихахъ и въ прозѣ, и, кажется, удивительно, какъ сильно и громко; по чтеніе которыхъ дѣйствуетъ на душу, какъ угаръ или тяжелый хмель, и ихъ произведенія, особенно увлекающія молодость, какъ-то скоро испаряются изъ головы. У этихъ людей нельзя отнять дарованія и даже вдохновенія, но

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то — силъ избытокъ!..

Со времени появленія Пушкина, въ нашей литературѣ показались какія-то неслыханныя прежде жалобы на жизнь, пошло въ оборотъ новое слово «разочарованіе», которое теперь уже успѣло сдѣлаться и старымъ, и приторнымъ. Элегія смѣнила оду и стала господствующимъ родомъ поэзіи. За поэтами даже и плохіе стихотворцы начали воспѣвать

Погибшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ восьмнадцать лѣтъ.

Ясно, что это была эпоха пробужденія нашего общества къ жизни: литература въ первый разъ еще начала быть выраженіемъ общества. Это новое направленіе литературы вполнѣ выразилось въ дивномъ созданіи Лермонтова — «Демонъ». Это демонъ сомнѣнія, это духъ размышленія, рефлексіи, разрушающей всякую полноту жизни, отравляющей всякую радость. Странное дѣло: пробудилась жизнь, и съ нею объ руку пошло сомнѣніе — врагъ жизни! «Демонъ» Лермонтова съ тѣхъ поръ остался у насъ вѣчнымъ гостемъ и съ злою, насмѣшливою улыбкою показывается то тутъ, то тамъ... Мало этого: онъ привелъ другого демона, еще болѣе страшнаго, болѣе неразгаданнаго, высказавшагося въ стихотвореніи Лермонтова:

И скучно, и грустно, и некому руку подать
　　Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы напрасно и вѣчно желать?..
　　А годы проходятъ — все лучшіе годы!
Любить... но кого же?.. На время — не стоитъ труда,
　　А вѣчно любить — невозможно.
Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
　　И радость, и мука, и все тамъ ничтожно!..
Что страсти? — вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
　　Исчезнетъ при словѣ разсудка,
И жизнь, — какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, —
　　Такая пустая и глупая шутка...

Страшенъ этотъ глухой могильный голосъ подземнаго страданія, нездѣшней муки, этотъ потрясающій душу реквіемъ всѣхъ надеждъ,

всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обаяній жизни! Отъ него содрогается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костяныхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія: это — похоронная пѣсня всей жизни! Кому не знакомо, по опыту, состояніе духа, выраженное въ ней, въ чьей натурѣ не скрывается возможность ея страшныхъ диссонансовъ, — тѣ, конечно, увидятъ въ ней не больше, какъ маленькую пьеску грустнаго содержанія, и будутъ правы; но тотъ, кто не разъ слышалъ внутри себя ея могильный напѣвъ, а въ ней увидѣлъ только художественное выраженіе давно знакомаго, ужаснаго чувства, тотъ припишетъ ей слишкомъ глубокое значеніе, слишкомъ высокую цѣну, дастъ ей почетное мѣсто между величайшими созданіями поэзіи, которыя когда-либо, подобно свѣточамъ Эвменидъ, освѣщали бездонныя пропасти человѣческаго духа... И какая простота въ выраженіи, какая естественность, свобода въ стихѣ! Такъ и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, какъ потокъ слезъ, давно уже накипѣвшихъ, какъ струя горячей крови изъ раны, съ которой вдругъ сорвана перевязка...

Вспомните «Героя нашего времени», вспомните Печорина — этого страннаго человѣка, который, съ одной стороны, томится жизнью, презираетъ и ее, и самого себя, не вѣритъ ни въ нее, ни въ самого себя, носитъ въ себѣ какую-то бездонную пропасть желаній и страстей, ничѣмъ ненасытимыхъ, а съ другой — гонится за жизнью, жадно ловитъ ея впечатлѣнія, безумно упивается ея обаяніями; вспомните его любовь къ Бэлѣ, къ Вѣрѣ, къ княжнѣ Мери и потомъ поймите эти стихи:

> Любить... но кого же?.. на время — не стоитъ труда,
> А вѣчно любить — невозможно!

Да, невозможно! Но зачѣмъ же эта безумная жажда любви, къ чему эти гордые идеалы вѣчной любви, которыми мы встрѣчаемъ нашу юность, эта гордая вѣра въ неизмѣняемость чувства и его дѣйствительность?.. Мы знаемъ одну пьесу, которой содержаніе высказываетъ тайный недугъ нашего времени и которая за нѣсколько лѣтъ передъ симъ казалась бы даже безсмысленною, а теперь для многихъ — слишкомъ многознаменательна. Вотъ она:

> Я не люблю тебя: мнѣ суждено судьбою,
> Не полюбивши, разлюбить;
> Я не люблю тебя: больной моей душою,
> Я никого не буду здѣсь любить.

О, не кляни меня! Я обманулъ природу,
Тебя, себя, когда въ волшебный мигъ
Я сердце праздное и бѣдную свободу
Повергъ въ слезахъ у милыхъ ногъ твоихъ.
Я не люблю тебя, но, полюбя другую,
Я презиралъ бы горько самъ себя:
И, какъ безумный, я и плачу, и тоскую,
И все о томъ, что не люблю тебя!..

Неужели прежде этого не бывало? Или, можетъ-быть, прежде этому не придавали большой важности: пока любились — любили; разлюбились — не тужили; даже соединяясь какъ бы по страсти тѣми узами, которыя навсегда рѣшаютъ участь двухъ существъ, и потомъ, увидѣвъ, что ошиблись въ своемъ чувствѣ, что не созданы одинъ для другого, вмѣсто того, чтобы приходить въ отчаяніе отъ страшныхъ цѣпей, предавались лѣнивой привычкѣ, свыкались и равнодушно изъ сферы гордыхъ идеаловъ, полноты чувства переходили въ мирное и почтенное состояніе пошлой жизни?.. Вѣдь у всякой эпохи свой характеръ?.. Можетъ-быть, люди нашего времени слишкомъ многаго требуютъ отъ жизни, слишкомъ необузданно предаются обаяніямъ фантазіи, такъ что послѣ ихъ роскошныхъ мечтаній дѣйствительность кажется имъ уже слишкомъ безцвѣтною, блѣдною, холодною и пустою?.. Можетъ-быть, люди нашего времени слишкомъ серьезно смотрятъ на жизнь, даютъ слишкомъ большое значеніе чувству?.. Можетъ-быть, жизнь представляется имъ какимъ-то высокимъ служеніемъ, священнымъ таинствомъ, и они лучше хотятъ совсѣмъ не жить, нежели жить, какъ живется?.. Можетъ-быть, они слишкомъ прямо смотрятъ на вещи, слишкомъ добросовѣстны и точны въ названіи вещей, слишкомъ откровенны насчетъ самихъ себя: протяжно зѣвая, не хотятъ называть себя энтузіастами и ни другихъ, ни самихъ себя не хотятъ обманывать ложными чувствами и становиться на ходули?.. Можетъ-быть, они слишкомъ совѣстливы и честны въ отношеніи къ участи другихъ людей и, обѣщавъ другому существу любовь и блаженство, думаютъ, что непремѣнно должны дать ему и то, и другое, а не видя возможности исполнить это, предаются тоскѣ и отчаянію?.. Или, можетъ-быть, лишенные сочувствія съ обществомъ, сжатые его холодными условіями, они видятъ, что не въ пользу имъ щедрые дары богатой природы, глубокаго духа, и представляютъ собою младенца въ англійской болѣзни?.. Можетъ-быть, — чего не можетъ быть!..

«И скучно, и грустно» изъ всѣхъ пьесъ Лермонтова обратила на себя особую непріязнь стараго поколѣнія. Странные люди! Имъ все кажется, что поэзія должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тѣшить побрякушками, а не гремѣть правдою! Имъ все кажется, что люди — дѣти, которыхъ можно заговорить прибаутками или утѣшить

сказочками! Они не хотятъ понять, что если кто кое-что знаетъ, тотъ смѣется надъ увѣреніями и поэта, и моралиста, зная, что они сами имъ не вѣрятъ. Такія правдивыя представленія того, что есть, кажутся нашимъ чудакамъ безнравственными. Питомцы Бульи и Жанлисъ, они думаютъ, что истина, сама по себѣ, не есть высочайшая нравственность... Но вотъ самое лучшее доказательство ихъ дѣтскаго заблужденія: изъ того же самаго духа поэта, изъ котораго вышли такіе безотрадные, леденящіе сердце человѣческое, звуки,—изъ того же самаго духа вышло и стихотвореніе «Въ минуту жизни трудную» — эта молитвенная, елейная мелодія надежды, примиренія и блаженства въ жизни жизнью.

Другую сторону духа нашего поэта представляетъ его превосходное стихотвореніе «Памяти А. И. О—го»: это сладостная мелодія какихъ-то глубокихъ, но тихихъ думъ, чувства сильнаго, но цѣломудреннаго, замкнутаго въ самомъ себѣ... Есть въ этомъ стихотвореніи что-то кроткое, задушевное, отрадно-успокоивающее душу... И какою грандіозною, гармонирующею съ тономъ цѣлаго, картиною заключается это стихотвореніе: вотъ истинно безконечное и въ мысли, и въ выраженіи; вотъ то, что въ эстетикѣ должно разумѣть подъ именемъ высокаго (sublime)...

Не выписываемъ чудной «Молитвы», въ которой поэтъ поручаетъ Матери Божіей, «теплой заступницѣ холоднаго міра», невинную дѣву. Кто бы ни была эта дѣва — возлюбленная ли сердца, или милая сестра — не въ томъ дѣло; но сколько кроткой задушевности въ тонѣ этого стихотворенія, сколько нѣжности безъ всякой приторности; какое благоуханное, теплое, женственное чувство! Все это трогаетъ въ голубиной натурѣ человѣка; но въ духѣ мощномъ и гордомъ, въ натурѣ львиной все это больше, чѣмъ умилительно... Изъ какихъ богатыхъ элементовъ составлена поэзія этого человѣка, какими разнообразными мотивами и звуками гремятъ и льются ея гармоніи и мелодіи! Вотъ пьеса, означенная рубрикою «1-е января»; читая ее, мы опять входимъ въ совершенно новый міръ, хотя и застаемъ въ ней все ту же думу, то же сердце,—словомъ, ту же личность, какъ и въ прежнихъ. Поэтъ говоритъ, какъ часто при шумѣ пестрой толпы, среди мелькающихъ вокругъ него бездушныхъ лицъ — «стянутыхъ приличьемъ масокъ», когда холодныхъ рукъ его съ небрежною смѣлостью касаются «давно безтрепетныя» руки молодыхъ красавицъ, какъ часто воскресаютъ въ немъ старинныя мечты, святые звуки погибшихъ лѣтъ...

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
    И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,

А за прудомъ село дымится — и встають
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

Только у Пушкина можно найти такія картины въ этомъ родѣ! Когда же, говоритъ онъ, шумъ людской толпы «спугнетъ мою мечту».

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!..

Если бы не всѣ стихотворенія Лермонтова были одинаково *лучшія*, то это мы назвали бы однимъ изъ лучшихъ.

«Журналистъ, читатель и писатель» напоминаетъ и идеею, и формою, и художественнымъ достоинствомъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» Пушкина. Разговорный языкъ этой пьесы — верхъ совершенства; рѣзкость сужденій, тонкая и ѣдкая насмѣшка, оригинальность и поразительная вѣрность взглядовъ и замѣчаній—изумительны. Исповѣдь поэта, которою оканчивается пьеса, блеститъ слезами, говоритъ чувствомъ. Личность поэта является въ этой исповѣди въ высшей степени благородною.

«Ребенку» — это маленькое лирическое стихотвореніе заключаетъ въ себѣ цѣлую повѣсть, высказанную намеками, но, тѣмъ не менѣе, понятную. О, какъ глубоко поучительна эта повѣсть, какъ сильно потрясаетъ она душу!.. Въ ней глухія рыданія обманутой любви, стоны исходящаго кровью сердца, жестокія проклятія, а потомъ, можетъ-быть, и благословеніе смиреннаго испытаніемъ сердца женщины... Какъ я люблю тебя, прекрасное дитя! Говорятъ, ты похожъ на нее, и хоть страданія измѣнили ее прежде времени, но ея образъ — въ моемъ сердцѣ...

...А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть-можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...
Но ты мнѣ все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И, въ знаменье креста, персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней, — скажи: тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ-быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой?..

Не вспоминай его... Что имя? — Звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если какъ-нибудь, когда-нибудь случайно
Узнаешь ты его, — ребяческіе дни
Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!

Отчего же тутъ нѣтъ раскаянія? — спросятъ моралисты. — Надѣньте очки, господа, и вы увидите, что герой пьесы спрашиваетъ дитя — не учила ли *она* его молиться еще за кого-то, не произносила ли, блѣднѣя, теперь забытаго имъ имени?.. Онъ проситъ ребенка не проклинать этого имени, если узнаетъ о немъ. Вотъ истинное торжество нравственности!

Поэтическая мысль можетъ иногда родиться и вслѣдствіе какого-нибудь изъ тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слагается наша жизнь; но чаще всего и почти всегда она есть не что иное, какъ случай дѣйствительности въ возможности, и потому въ поэзіи не имѣетъ никакого мѣста вопросъ: «было ли это?»; но она всегда должна положительно отвѣчать на вопросъ: «возможно ли это, можетъ ли это быть въ дѣйствительности?» Самое обстоятельство можетъ только, такъ сказать, натолкнуть поэта на поэтическую идею, и, будучи выражено имъ въ стихотвореніи, является уже совсѣмъ другимъ, новымъ и небывалымъ, но могущимъ быть. Поэтому, чѣмъ выше талантъ поэта, тѣмъ больше находимъ мы въ его произведеніяхъ примѣненій и къ собственной нашей жизни, и къ жизни другихъ людей. Мало этого: въ неиспытанныхъ нами обстоятельствахъ мы узнаемъ какъ будто коротко знакомое намъ по опыту, — и тогда понимаемъ, почему поэзія, выражая частное, есть выраженіе общаго. Прочтите «Сосѣда» Лермонтова — и хотя бы вы никогда не были въ подобномъ обстоятельствѣ, но вамъ покажется, что вы когда-то были въ заключеніи, любили незримаго сосѣда, отдѣленнаго отъ васъ стѣною, прислушивались и къ мѣрному звуку шаговъ его, и къ унылой пѣснѣ его и говорили къ нему про себя:

Я слушаю, — и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются...
О чемъ они, — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
И лучшихъ лѣтъ надежды, и любовь —
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ — и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются...

Эта тихая, кроткая грусть души сильной и крѣпкой; эти унылые, мелодическіе звуки, льющіеся другъ за другомъ, какъ слеза за слезою;

эти слезы, льющіяся одна за другою, какъ звукъ за звукомъ, — сколько въ нихъ таинственнаго, невыговариваемаго, но такъ ясно понятнаго сердцу! Здѣсь поэзія становится музыкою: здѣсь обстоятельство является, какъ въ оперѣ, только поводомъ къ звукамъ, намекомъ на ихъ таинственное значеніе; здѣсь отъ случая жизни отнята вся его матеріальная, внѣшняя сторона, и извлеченъ изъ него одинъ чистый эѳиръ, солнечный лучъ свѣта, въ возможности скрывавшіеся въ немъ... Выраженное въ этой пьесѣ обстоятельство можетъ быть фактомъ, но самая пьеса относится къ этому факту, какъ относится къ натуральной розѣ поэтическая роза, въ которой нѣтъ грубаго вещества, составляющаго натуральную розу, но въ которой только нѣжный румянецъ и кроткое ароматическое дыханіе натуральной розы...

Гармонически и благоуханно высказывается дума поэта въ пьесахъ: «Когда волнуется желтѣющая нива», «Разстались мы, но твой портретъ» и «Отчего», и грустно, болѣзненно въ пьесѣ «Благодарность». Не можемъ не остановиться на двухъ послѣднихъ. Онѣ коротки, повидимому, лишены общаго значенія и не заключаютъ въ себѣ никакой идеи; но, Боже мой! — какую длинную и грустную повѣсть содержитъ въ себѣ каждая изъ нихъ! Какъ онѣ глубоко знаменательны, какъ полны мыслью!

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

Это вздохъ музыки, это мелодія грусти, это кроткое страданіе любви, послѣдняя дань нѣжно и глубоко любимому предмету отъ растерзаннаго и смиреннаго бурею судьбы сердца!.. И какая удивительная простота въ стихѣ! Здѣсь говоритъ одно чувство, которое такъ полно, что не требуетъ поэтическихъ образовъ для своего выраженія; ему не нужно убранства, не нужно украшеній, оно говоритъ само за себя, оно вполнѣ высказалось бы и прозою...

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ, —
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Не долго я еще благодарилъ...

Какая мысль скрывается въ этой грустной «благодарности», въ этомъ сарказмѣ обманутаго чувствомъ и жизнью сердца? Все хорошо:

и тайныя мученія страстей, и горечь слезъ, и всѣ обманы жизни; но еще лучше, когда ихъ нѣтъ, хотя безъ нихъ и нѣтъ ничего, что проситъ душа, чѣмъ живетъ она, что нужно ей, какъ масло для лампады!.. Это — утомленіе чувствомъ; сердце проситъ покоя и отдыха, хотя и не можетъ жить безъ волненія и движенія... Въ pendant къ этой пьесѣ можетъ итти новое стихотвореніе Лермонтова, «Завѣщаніе»: это похоронная пѣсня жизни и всѣмъ ея обольщеніямъ, тѣмъ болѣе ужасная, что ея голосъ не глухой и не громкій, а холодно спокойный; выраженіе не горитъ и не сверкаетъ образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое, и хорошее — все равно; сдѣлать лучше не въ нашей волѣ, и потому пусть идетъ себѣ, какъ оно хочетъ... Это ужъ даже и не сарказмъ, не иронія, и не жалоба: не на что сердиться, не на что жаловаться, — все равно! Отца и мать жаль огорчить... Возлѣ нихъ есть сосѣдка — она не спроситъ о немъ, но нечего жалѣть пустого сердца — пусть поплачетъ: вѣдь это ей нипочемъ! Страшно!.. Но поэзія есть сама дѣйствительность, и потому она должна быть неумолима и безпощадна, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что есть или что бываетъ... А человѣку необходимо должно перейти и черезъ это состояніе духа. Въ музыкѣ гармонія условливается диссонансомъ, въ духѣ блаженство усиливается страданіемъ, избытокъ чувства — сухостью чувства, любовь — ненавистью, сильная жизненность — отсутствіемъ жизни: это такія крайности, которыя всегда живутъ вмѣстѣ, въ одномъ сердцѣ. Кто не печалился и не плакалъ, тотъ и не возрадуется; кто не болѣлъ, тотъ и не выздоровѣетъ; кто не умиралъ заживо, тотъ и не возстанетъ... Жалѣйте поэта, или, лучше, самихъ себя: ибо, показавъ вамъ раны своей души, онъ показалъ вамъ ваши собственныя раны; но не отчаивайтесь ни за поэта, ни за человѣка: въ томъ и другомъ бурю смѣняетъ вёдро, безотрадность — надежда...

Два перевода изъ Байрона — «Еврейская мелодія» и «Въ альбомъ» тоже выражаютъ внутренній міръ души поэта. Это боль сердца, тяжкіе вздохи груди; это — надгробныя надписи на памятникахъ погибшихъ радостей...

«Вѣтка Палестины» и «Тучи» составляютъ переходъ отъ субъективныхъ стихотвореній нашего поэта къ чисто-художественнымъ. Въ обѣихъ пьесахъ видна еще личность поэта, но въ то же время виденъ уже и выходъ его изъ внутренняго міра своей души въ созерцаніе «полнаго славы творенья». Первая изъ нихъ дышитъ благодатнымъ спокойствіемъ сердца, теплотою молитвы, кроткимъ вѣяніемъ святыни. О самой этой пьесѣ можно сказать то же, что говорится въ ней и о вѣткѣ Палестины:

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой,
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой...

Вторая пьеса «Тучи» полна какого-то отраднаго чувства выздоровленія и надежды и плѣняетъ роскошью поэтическихъ образовъ, какимъ-то избыткомъ умиленнаго чувства.

«Русалкою» начнемъ мы рядъ чисто-художественныхъ стихотвореній Лермонтова, въ которыхъ личность поэта исчезаетъ за роскошными видѣніями явленій жизни. Эта пьеса покрыта фантастическимъ колоритомъ и, по роскоши картинъ, богатству поэтическихъ образовъ, художественности отдѣлки составляетъ собою одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ русской поэзіи. «Три пальмы» дышатъ знойною природою Востока, переносятъ насъ на песчаныя пустыни Аравіи, на ея цвѣтущіе оазисы. Мысль поэта ярко выдается, — и онъ поступилъ съ нею, какъ истинный поэтъ, не заключивъ своей пьесы нравственною сентенціею. Самая эта мысль могла быть опоэтизирована только своимъ восточнымъ колоритомъ и оправдана названіемъ «Восточное сказаніе»; иначе она была бы дѣтскою мыслью. Пластицизмъ и рельефность образовъ, выпуклость формъ и яркій блескъ восточныхъ красокъ сливаютъ въ этой пьесѣ поэзію съ живописью: это — картина Брюлова, смотря на которую, хочешь еще и осязать ее.

«Дары Терека» есть поэтическая апоѳеоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазія грековъ умѣла такъ олицетворять природу, давать образъ и личность ея нѣмымъ и разбросаннымъ явленіямъ. Нѣтъ возможности выписывать стиховъ изъ этой дивно-художественной пьесы, этого роскошнаго видѣнія богатой, радужной, исполинской фантазіи; иначе пришлось бы переписать все стихотвореніе. Терекъ и Каспій олицетворяютъ собою Кавказъ, какъ самыя характеристическія его явленія. Терекъ сулитъ Каспію дорогой подарокъ; но сладострастно-лѣнивый сибаритъ моря, покоясь въ мягкихъ берегахъ, не внемлетъ ему, не обольщаясь ни стадомъ валуновъ, ни трупомъ удалого кабардинца; но когда Терекъ сулитъ ему сокровенный даръ — безцѣннѣе всѣхъ даровъ вселенной — и когда

...Надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся всплыла, —
И старикъ во блескѣ власти
Всталъ могучій, какъ гроза,

И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.
Онъ взыгралъ веселья полный —
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви...

Мы не назовемъ Лермонтова ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ; но не думаемъ сдѣлать ему гиперболической похвалы, сказавъ, что такія стихотворенія, какъ «Русалка», «Три пальмы» и «Дары Терека», можно находить только у такихъ поэтовъ, какъ Байронъ, Гёте и Пушкинъ...

Не менѣе превосходна «Казачья колыбельная пѣсня». Ея идея — мать; но поэтъ умѣлъ дать индивидуальное значеніе этой общей идеѣ: его мать — казачка, и потому содержаніе ея колыбельной пѣсни выражаетъ собою особенности и оттѣнки казачьяго быта. Это стихотвореніе есть художественная апоѳеоза матери: все, что есть святого, безавѣтнаго въ любви матери, весь трепетъ, вся нѣга, вся страсть, вся безконечность кроткой нѣжности, безграничность безкорыстной преданности, какою дышитъ любовь матери, — все это воспроизведено поэтомъ во всей полнотѣ. Гдѣ, откуда взялъ поэтъ эти простодушныя слова, эту умилительную нѣжность тона, эти кроткіе и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выраженія? Онъ видѣлъ Кавказъ, — и намъ понятна вѣрность его картинъ Кавказа; онъ не видалъ Аравіи и ничего, что могло бы дать ему понятіе объ этой странѣ палящаго солнца, песчаныхъ степей, зеленыхъ пальмъ и прохладныхъ источниковъ, но онъ читалъ ихъ описанія: какъ же онъ такъ глубоко могъ проникнуть въ тайны женскаго и материнскаго чувства?

«Воздушный корабль» не есть собственно переводъ изъ Зейдлица: Лермонтовъ взялъ у нѣмецкаго поэта только идею, но обработалъ ее по-своему. Эта пьеса, по своей художественности, достойна великой тѣни, которой колоссальный обликъ такъ грандіозно представленъ въ ней. — Какое тихое, успокоительное чувство ночи послѣ знойнаго дня вѣетъ въ стихотвореніи «Горныя вершины», въ этой маленькой пьесѣ Гёте, такъ граціозно переданной нашимъ поэтомъ.

Теперь намъ остается разобрать поэму Лермонтова «Мцыри». Плѣнный мальчикъ, черкесъ, воспитанъ былъ въ грузинскомъ монастырѣ; выросши, онъ хочетъ сдѣлаться, или его хотятъ сдѣлать, монахомъ. Разъ была страшная буря, во время которой черкесъ скрылся. Три дня пропадалъ онъ, а на четвертый былъ найденъ въ степи, близъ обители, слабый, больной, — и умирающій перенесенъ снова въ монастырь. Почти вся поэма состоитъ изъ исповѣди о томъ, что было съ нимъ эти три дня. Давно манилъ его къ себѣ призракъ родины,

темно носившійся въ душѣ его, какъ воспоминаніе дѣтства. Онъ захотѣлъ видѣть Божій міръ — и ушелъ.

Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля;
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

Уже изъ этихъ словъ вы видите, что за огненная душа, что за могучій духъ, что за исполинская натура у этого мцыри! Это любимый идеалъ нашего поэта, это отраженіе въ поэзіи тѣни его собственной личности. Во всемъ, что ни говоритъ мцыри, вѣетъ его собственнымъ духомъ, поражаетъ его собственною мощью. Это произведеніе субъективное.

Мысль поэмы отзывается юношескою незрѣлостью, и если она дала возможность поэту разсыпать предъ вашими глазами такое богатство самоцвѣтныхъ камней поэзіи, то не сама собою, а точно какъ странное содержаніе иного непосредственнаго либретто даетъ геніальному композитору возможность создать превосходную оперу. Недавно, кто-то, резонерствуя въ газетной статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова, назвалъ его «Пѣсню про царя Ивана Васильевича, удалого опричника и молодого купца Калашникова» произведеніемъ дѣтскимъ, а «Мцыри» — произведеніемъ зрѣлымъ; глубокомысленный критиканъ, разсчитывая по пальцамъ время появленія той и другой поэмы, очень остроумно сообразилъ, что авторъ былъ тремя годами старше, когда написалъ «Мцыри», и изъ этого казуса весьма основательно вывелъ заключеніе: ergo «Мцыри» зрѣлѣе. Это очень понятно: у кого нѣтъ эстетическаго чувства, кому не говоритъ само за себя поэтическое произведеніе, тому остается гадать о немъ по пальцамъ или соображаться съ метрическими книгами...

Но, несмотря на зрѣлость идеи и нѣкоторую натянутость въ содержаніи «Мцыри», подробности и изложеніе этой поэмы изумляютъ своимъ исполненіемъ. Можно сказать, безъ преувеличенія, что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ, что вся природа сама несла и подавала ему

матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму... Кажется, будто поэтъ до-того былъ отягощенъ обременительною полнотою внутренняго чувства, жизни и поэтическихъ образовъ, что готовъ былъ воспользоваться первою мелькнувшею мыслью, чтобы только освободиться отъ нихъ, — и они хлынули изъ души его, какъ горящая лава изъ огнедышащей горы, какъ море дождя изъ тучи, мгновенно объявшей собою распаленный горизонтъ, какъ внезапно прорвавшійся яростный потокъ, поглощающій окрестность на далекое разстояніе своими сокрушительными волнами... Этотъ четырехстопный ямбъ съ одними мужскими окончаніями, какъ въ «Шильонскомъ узникѣ», звучитъ и отрывисто падаетъ, какъ ударъ меча, поражающаго свою жертву. Упругость, энергія и звучное, однообразное паденіе его удивительно гармонируютъ съ сосредоточеннымъ чувствомъ, несокрушимою силою могучей натуры и трагическимъ положеніемъ героя поэмы. А между тѣмъ, какое разнообразіе картинъ, образовъ и чувствъ! Тутъ и бури духа, и умиленіе сердца, и вопли отчаянія, и тихія жалобы, и гордое ожесточеніе, и кроткая грусть, и мракъ ночи, и торжественное величіе утра, и блескъ полудня, и таинственное обаяніе вечера!.. Многія положенія изумляютъ своею вѣрностью: таково мѣсто, гдѣ мцыри описываетъ свое замираніе подлѣ монастыря, когда грудь его пылала предсмертнымъ огнемъ, когда надъ усталою головою уже вѣяли успокоительные сны смерти, и носились ея фантастическія видѣнія. Картины природы обличаютъ кисть великаго мастера: онѣ дышатъ грандіозностью и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа. Кавказъ взялъ полную дань съ музы нашего поэта... Странное дѣло! Кавказу какъ будто суждено быть колыбелью нашихъ поэтическихъ талантовъ, вдохновителемъ и пѣстуномъ ихъ музы, поэтическою ихъ родиною! Пушкинъ посвятилъ Кавказу одну изъ первыхъ своихъ поэмъ — «Кавказскаго плѣнника», и одна изъ послѣднихъ его поэмъ — «Галубъ» тоже посвящена Кавказу; нѣсколько превосходныхъ лирическихъ стихотвореній его также относятся къ Кавказу. Грибоѣдовъ создалъ на Кавказѣ свое «Горе отъ ума»: дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзія ея сыновъ вдохновили его оскорбленное человѣческое чувство на изображеніе апатическаго, ничтожнаго круга Фамусовыхъ, Скалозубовъ, Загорѣцкихъ, Хлестовыхъ, Тугоуховскихъ, Репетиловыхъ, Молчалиныхъ — этихъ карикатуръ на природу человѣческую... И вотъ является новый великій талантъ, — и Кавказъ дѣлается его поэтическою родиною, пламенно-любимою имъ; на недоступныхъ вершинахъ Кавказа, вѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, находитъ онъ свой Парнасъ; въ его свирѣпомъ Терекѣ, въ его горныхъ потокахъ, въ его цѣлебныхъ источникахъ находитъ онъ свой Кастальскій ключъ, свою Ипокрену... Какъ

жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, дѣйствіе которой совершается также на Кавказѣ, и которая въ рукописи ходитъ въ публикѣ, какъ нѣкогда ходило «Горе отъ ума»: мы говоримъ о «Демонѣ». Мысль этой поэмы глубже и несравненно зрѣлѣе, чѣмъ мысль «Мцыри», и хотя исполненіе ея отзывается нѣкоторою незрѣлостью, но роскошь картинъ, богатство поэтическаго одушевленія, превосходные стихи, высокость мыслей, обаятельная прелесть образовъ ставятъ ее несравненно выше «Мцыри» и превосходятъ все, что можно сказать въ ея похвалу. Это не художественное созданіе, въ строгомъ смыслѣ искусства; но оно обнаруживаетъ всю мощь таланта поэта и обѣщаетъ въ будущемъ великія художественныя созданія.

Говоря вообще о поэзіи Лермонтова, мы должны замѣтить въ ней одинъ недостатокъ: это иногда неясность образовъ и неточность въ выраженіи. Такъ, напримѣръ, въ «Дарахъ Терека», гдѣ «сердитый потокъ» описываетъ Каспію красоту убитой казачки, очень неопредѣленно намекнуто и на причину ея смерти, и на ея отношенія къ гребенскому казаку:

По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого
Сложитъ голову свою.

Здѣсь на догадку читателя оставляется три случая, равно возможные: или что чеченецъ убилъ казачку, а казакъ обрекъ себя мщенію за смерть своей любезной, или что самъ казакъ убилъ ее изъ ревности и ищетъ себѣ смерти, или что онъ еще не знаетъ о погибели своей возлюбленной и потому не тужитъ о ней, готовясь въ бой. Такая неопредѣленность вредитъ художественности, которая именно въ томъ и состоитъ, что говоритъ образами опредѣленными, выпуклыми, рельефными, вполнѣ выражающими заключенную въ нихъ мысль. Можно найти въ книжкѣ Лермонтова пять-шесть неточныхъ выраженій, подобныхъ тому, которыми оканчивается его превосходная пьеса «Поэтъ»:

Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья.

«Ржавчина презрѣнья» — выраженіе неточное и слишкомъ сбивающееся на аллегорію. Каждое слово въ поэтическомъ произведеніи должно дотого исчерпывать все значеніе требуемаго мыслью цѣлаго

произведенія, чтобы видно было, что нѣтъ въ языкѣ другого слова, которое тутъ могло бы замѣнить его. Пушкинъ и въ этомъ отношеніи величайшій образецъ: во всѣхъ томахъ его произведеній едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выраженіе, даже слово... Но мы говоримъ не больше, какъ о пяти или шести пятнышкахъ въ книгѣ Лермонтова: все остальное въ ней удивляетъ силою и тонкостью художественнаго такта, полновластнымъ обладаніемъ совершенно покореннаго языка, истинно пушкинскою точностью выраженій.

Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, мы видимъ въ нихъ всѣ силы, всѣ элементы, изъ которыхъ слагаются жизнь и поэзія. Въ этой глубокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; имъ все доступно, все понятно; они на все откликаются. Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ, какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ, — въ немъ живетъ прошедшее и настоящее русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души. Несокрушимая сила и мощь духа, смиреніе жалобъ, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмельныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умилительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, какъ звукъ за звукомъ льющіяся въ полнотѣ умиреннаго бурею жизни сердца, упоеніе любви, трепетъ разлуки, радость свиданія, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающагося самого себя чувства замершей жизни, ядъ отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающею силою рефлексіи, падшій духъ неба, гордый демонъ и невинный младенецъ, буйная вакханка и чистая дѣва, — все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо и земля, и рай и адъ... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато, и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: что же должно ожидать отъ него въ будущемъ?.. Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ и не скажемъ, чтобы изъ него со временемъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ: ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ—Лермонтовъ... Знаемъ, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными, но мы

уже обрекли себя тяжелой роли говорить рѣзко и опредѣленно то, чему сначала никто не вѣритъ, но въ чемъ скоро всѣ убѣждаются, забывая того, кто первый выговорилъ сознаніе общества и на кого оно за это смотрѣло съ насмѣшкою и неудовольствіемъ... Для толпы нѣмо и безмолвно свидѣтельство духа, которымъ запечатлѣны созданія вновь явившагося таланта: она составляетъ свое сужденіе не по самымъ этимъ созданіямъ, а по тому, что о нихъ говорятъ сперва люди почтенные, литераторы заслуженные, а потомъ, что говорятъ о нихъ всѣ. Даже, восхищаясь произведеніями молодого поэта, толпа косо смотритъ, когда его сравниваютъ съ именами, которыхъ значенія она не понимаетъ, но къ которымъ она прислушалась, которыхъ привыкла уважать на-слово... Для толпы не существуютъ убѣжденія истины: она вѣритъ только авторитетамъ, а не собственному чувству и разуму, — и хорошо дѣлаетъ... Чтобы преклониться предъ поэтомъ, ей надо сперва прислушаться къ его имени, привыкнуть къ нему и забыть множество ничтожныхъ именъ, которыя на минуту похищали ея безсмысленное удивленіе. Procul profani...

Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди, которые высятся надъ нею: они поймутъ насъ. Они отличатъ Лермонтова отъ какого-нибудь фразера, который занимается стукотнею звучныхъ словъ и *богатыхъ* риѳмъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричитъ о славѣ Россіи (нисколько не нуждающейся въ этомъ) и вандальски смѣется надъ издыхающею, будто бы, Европою, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ... Мы увѣрены, что и наше сужденіе о Лермонтовѣ отличатъ они отъ тѣхъ производствъ въ «*лучшіе* писатели нашего времени, надъ сочиненіями которыхъ (будто бы) примирились всѣ вкусы и даже всѣ литературныя партіи», такихъ писателей, которые, дѣйствительно, обнаруживаютъ замѣчательное дарованіе, но лучшими могутъ казаться только для малаго кружка читателей того журнала, въ каждой книжкѣ котораго печатаютъ они по одной и даже по двѣ повѣсти... Мы увѣрены, что они поймутъ, какъ должно, и ропотъ стараго поколѣнія, которое, оставшись при вкусахъ и убѣжденіяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, упорно принимаетъ неспособность свою сочувствовать новому и понимать его — за ничтожность всего новаго...

И мы видимъ уже начало истиннаго (не шуточнаго) примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова, — и уже не далеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками о ея житейскихъ заботахъ... *Бѣлинскій.*

„Герой нашего времени".

Романъ начинается описаніемъ переѣзда автора изъ Тифлиса чрезъ Кайшаурскую долину. Не утомляя скучными подробностями, знакомитъ онъ насъ съ мѣстностью. Очерки его столько же кратки, сколько и рѣзки, а главное — они набросаны какъ будто бы мимоходомъ. Въ то время, какъ его телѣжку тащили въ гору шесть быковъ и нѣсколько осетинъ, онъ замѣтилъ, что за его телѣжкою двигалась другая, которую тащили четыре быка, а за нею шелъ ея хозяинъ, куря изъ маленькой трубочки. Это былъ офицеръ, лѣтъ пятидесяти, съ смуглымъ лицомъ и преждевременно посѣдѣвшими усами, которые не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Авторъ подошелъ къ нему и поклонился; тотъ молча отвѣтилъ на его поклонъ, пустивъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою пустую шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

— Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ, — отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ! Ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ знаетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки всё ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что жъ съ нихъ возьмешь?.. Любятъ деньги драть съ проѣзжихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ.

Такимъ образомъ завязалось у автора знакомство съ однимъ изъ интереснѣйшихъ лицъ его романа — съ Максимомъ Максимычемъ, съ этимъ типомъ стараго кавказскаго служаки, закаленнаго въ опасностяхъ, трудахъ и битвахъ, котораго лицо такъ же загорѣло и сурово, какъ манеры простоваты и грубы, но у котораго чудесная душа, золотое сердце. Это типъ чисто русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія напоминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характеровъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта и Купера, но который, по своей новости, самобытности и чисто русскому духу, не походитъ ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу, какъ данный природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыя поставитъ его судьба. Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человѣческую душу, человѣческое сердце;

но эта душа и это сердце отлились въ особую форму, которая такъ и говоритъ намъ о многихъ годахъ тяжелой и трудной службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человѣческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да заходящихъ для мѣны черкесовъ. И все это высказывается въ немъ не въ грубыхъ поговоркахъ, въ родѣ «чортъ возьми», и не въ военныхъ восклицаніяхъ, въ родѣ «тысяча бомбъ», безпрестанно повторяемыхъ, не въ попойкахъ и не въ куреніи табака, — а во взглядѣ на вещи, пріобрѣтенномъ навыкомъ и родомъ жизни, и въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которые должны быть необходимымъ результатомъ взгляда на вещи и привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него «жить»—значитъ «служить», и служить на Кавказѣ; «азіаты»—его природные враги: онъ знаетъ по опыту, что всѣ они большіе плуты, и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаль разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно досадно, если они обманутъ новичка и еще выманятъ у него на водку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ, — о, нѣтъ! — онъ только бѣденъ, а не скупъ, и сверхъ того, кажется, и не подозрѣваетъ цѣны деньгамъ; но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты «азіаты» обманываютъ честныхъ людей. Вотъ чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни, или, по крайней мѣрѣ, о чемъ чаще всего говоритъ. Но не спѣшите съ вашимъ заключеніемъ о его характерѣ; познакомьтесь съ нимъ получше, — и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нѣжное сердце бьется въ желѣзной груди этого, повидимому, очерствѣвшаго человѣка; вы увидите, какъ онъ, какимъ-то инстинктомъ понимаетъ все человѣческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе; какъ вопреки собственному сознанію, душа его жаждетъ любви и сочувствія, — и вы отъ души полюбите простого, добраго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ Максима Максимыча.

И вотъ Максимъ Максимычъ весь передъ вами, съ своимъ взглядомъ на вещи, съ своимъ оригинальнымъ способомъ выраженія! Вы еще такъ мало видѣли его, такъ мало познакомились съ нимъ, а уже предъ вами не призракъ, волею или неволею принужденный авторомъ служить связью или вертѣть колесо его разсказа, а типическое лицо, оригинальный характеръ, живой человѣкъ! Такъ осуществляютъ свои идеалы истинные художники: двѣ-три черты — и передъ вами, какъ живая, словно наяву, стоитъ такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете... «Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался»: какъ много сказано въ этихъ

немногихъ, простыхъ словахъ, какую рѣзкую черту проводятъ они по физіономіи Максима Максимыча, какъ много обѣщаютъ, какъ сильно разманиваютъ любопытство читателя!.. Припявъ поданный ему стаканъ чая, Максимъ Максимычъ отхлебнулъ и сказалъ, какъ будто про себя: «Да, бываетъ!» Но мы еще должны нѣсколько поговорить словами самого автора:

— Не хотите ли подбавить рома? — сказалъ я моему собесѣднику, — у меня есть бѣлый изъ Тифлиса: теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятіе. Когда былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтомъ навеселѣ, да ужъ и досталось намъ, когда Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай, Господи, какъ онъ разсердился! Чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, — продолжалъ онъ, — какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирного князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?

Вотъ начало поэтической исторіи «Бэлы». Максимъ Максимычъ разсказывалъ ее по-своему, своимъ языкомъ; но отъ этого она не только ничего не потеряла, но безконечно много выиграла. Добрый Максимъ Максимычъ, самъ того не зная, сдѣлался поэтомъ, такъ что въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ выраженіи заключается безконечный міръ поэзіи. Не знаемъ, чему здѣсь болѣе удивляться: тому ли, что поэтъ, заставивъ Максима Максимыча быть только свидѣтелемъ разсказываемаго имъ событія, такъ тѣсно слилъ его личность съ этимъ событіемъ, какъ будто бы самъ Максимъ Максимычъ былъ его героемъ; или тому, что онъ сумѣлъ такъ поэтически, такъ глубоко взглянуть на событіе глазами Максима Максимыча и разсказать это событіе языкомъ простымъ, грубымъ, но всегда живописнымъ, всегда трогательнымъ и потрясающимъ даже въ самомъ комизмѣ своемъ?..

Когда Максимъ Максимычъ стоялъ въ крѣпости за Терекомъ, къ нему вдругъ явился офицеръ, прикомандированный къ его крѣпости.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ; славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, — цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ: вѣтеръ пахнетъ — увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрагиваетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана, одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха. Да-съ, съ большими

странностями, и, должно-быть, богатый человѣкъ; сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!..

— А долго ли онъ съ вами жилъ? — спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ много хлопотъ; не тѣмъ будь помянутъ! Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи.

— Необыкновенныя!—воскликнулъ я, съ видомъ любопытства, подливая ему чая.

— А вотъ я вамъ разскажу.

Недалеко отъ крѣпости жилъ мирной князь, сынъ котораго, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился ѣздить въ крѣпость. Печоринъ и Максимъ Максимычъ любили и баловали его. Это былъ прототипъ черкеса, безъ преувеличенія и безъ искаженія. Головорѣзъ, *проворный на все*, по словамъ Максима Максимыча: онъ поднималъ шапку на всемъ скаку, мастерски стрѣлялъ изъ ружья и былъ ужасно падокъ на деньги. Если его дразнили, глаза его наливались кровью, а рука хваталась за кинжалъ. «Эй, Азаматъ, — говорилъ ему Максимъ Максимычъ, — не сносить тебѣ головы: ямашъ будетъ твоя башка!» Однажды старый князь пріѣхалъ въ крѣпость и позвалъ Максима Максимыча и Печорина на свадьбу своей дочери. Когда они пріѣхали въ аулъ, прятавшіяся отъ нихъ женщины не показались красавицами Печорину. «Погодите, — сказалъ я, усмѣхаясь (говорилъ Максимъ Максимычъ). У меня было свое на умѣ».

Изъ этого мѣста разсказа Максима Максимыча можно получить самое вѣрное понятіе о нравахъ и обыкновеніяхъ дикихъ черкесовъ, хотя для нихъ описанія онъ и не дѣлаетъ отступленій...

Нѣтъ ничего тяжелѣе и непріятнѣе, какъ излагать содержаніе художественнаго произведенія. Цѣль этого изложенія не состоитъ въ томъ, чтобы показать лучшія мѣста: какъ бы ни было хорошо мѣсто сочиненія, оно хорошо по отношенію къ цѣлому, слѣдовательно, изложеніе содержанія должно имѣть цѣлью — прослѣдить идею цѣлаго созданія, чтобы показать, какъ вѣрно она осуществлена поэтомъ. А какъ это сдѣлать? Цѣлаго сочиненія переписать нельзя; но каково же выбирать мѣста изъ превосходнаго цѣлаго, пропускать иныя, чтобы выписки не перешли должныхъ границъ? И потомъ, каково связывать выписанныя мѣста своимъ прозаическимъ разсказомъ, оставляя въ книгѣ тѣни и краски, жизнь и душу и держась одного мертваго скелета? Теперь мы особенно чувствуемъ всю тяжесть и неудобоисполнимость взятой нами на себя обязанности. Мы и до сего мѣста терялись во множествѣ прекрасныхъ частностей, а теперь, когда начинается важнѣйшая часть повѣсти, теперь намъ такъ и хотѣлось бы выписать отъ слова до слова весь разсказъ автора, въ которомъ каждое слово такъ безконечно-значительно, такъ глубоко-знаменательно, дышитъ такою поэтическою жизнью, блеститъ такимъ роскошнымъ богатствомъ кра-

сокъ; а между тѣмъ мы попрежнему принуждены пересказывать посвоему, сколько возможно держась выраженій подлинника и выписывая мѣста.

...Холодно смотрѣла Бэла на подарки, которые каждый день приносилъ ей Печоринъ, и гордо отталкивая ихъ. Долго безуспѣшно ухаживалъ онъ за нею. Между тѣмъ, онъ учился по-татарски, а она начинала понимать по-русски. Она стала изрѣдка и посматривать на него, но все исподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни вполголоса, «такъ что (говорилъ Максимъ Максимычъ), бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты». Уговаривая ее полюбить себя, Печоринъ спросилъ ее, не любитъ ли она какого-нибудь чеченца, и прибавилъ, что въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ отпуститъ ее домой. Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой... «Или я тебѣ совершенно ненавистенъ?» Она вздохнула. «Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?» Она поблѣднѣла и молчала. Потомъ онъ ей сказалъ, что Аллахъ одинъ для всѣхъ племенъ, и что если онъ ему позволилъ полюбить ее, то почему же запретитъ ей полюбить его. Этотъ доводъ, казалось, поразилъ ее, и въ ея глазахъ выразилось желаніе убѣдиться. «Если ты будешь грустить, — говорилъ онъ ей, — я умру. Скажи, ты будешь веселѣй?» Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ, потомъ улыбнулась и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ея руку и сталъ ее уговаривать, чтобы она его поцѣловала; она слабо защищалась и только повторяла: «*Поджалуста, поджалуста не нада, не нада*!» Какая граціозная и, въ то же время, какая вѣрная натурѣ черта характера! Природа нигдѣ не противорѣчитъ себѣ, и глубокость чувства, достоинство и граціозность непосредственности такъ же иногда поражаютъ и въ дикой черкешенкѣ, какъ и въ образованной женщинѣ высшаго тона. Есть манеры столь граціозныя, есть слова столь благоухающія, что одного или одной изъ нихъ достаточно, чтобы обрисовать всего человѣка, выказать наружу все, что кроется внутри его. Не правда ли: слыша это милое, простодушное «поджалуста, поджалуста не нада, не нада!» — вы видите предъ собою эту очаровательную, черноокую Бэлу, полудикую дочь вольныхъ ущелій, и васъ такъ обаятельно поражаетъ въ ней эта гармонія, эта особенность женственности, которая составляетъ всю прелесть, все очарованіе женщины?.. Онъ сталъ настаивать, она задрожала и заплакала. «Я твоя плѣнница, твоя раба, — говорила она, — конечно, ты можешь меня принудить», и опять слезы. «Дьяволъ, а не женщина! — сказалъ онъ Максиму Максимычу: — только я даю вамъ честное слово, что она будетъ моя...»

Однажды онъ вошелъ къ ней одѣтый по-черкесски и вооруженный и сказалъ ей, что онъ виноватъ предъ нею, что онъ оставляетъ ее хо-

зяйкой всего, что имѣетъ, даетъ ей волю и самъ идетъ, куда глаза глядятъ, можетъ-быть, подъ пулю...

Онъ отвернулся и протянулъ руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль,— такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, онъ дрожалъ, и — сказать ли вамъ? — я думаю, что онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только онъ едва коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? Я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не то, чтобы заплакалъ, а такъ, глупость!..

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь, — сказалъ онъ потомъ, теребя усы, — мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

Скоро узналъ счастливый Печоринъ, что Бэла полюбила его съ перваго взгляда. Да, это была одна изъ тѣхъ глубокихъ женскихъ натуръ, которыя полюбятъ мужчину тотчасъ, какъ увидятъ его, но признаются ему въ любви не тотчасъ, отдадутся не скоро, а отдавшись, уже не могутъ больше принадлежать ни другому, ни самимъ себѣ... Поэтъ не говоритъ объ этомъ ни слова, но потому-то онъ и поэтъ, что, не говоря много, даетъ знать все... Они были счастливы, но не завидуйте имъ, читатель: кто смѣетъ надѣяться на прочное счастье въ жизни?.. Минута ваша, ловите же ее, не надѣясь на будущее... Не долго продолжалось и твое блаженство, бѣдная, милая Бэла!..

Вскорѣ Печоринъ и Максимъ Максимычъ узнали, что отецъ Бэлы былъ убитъ Казбичемъ, подозрѣвавшимъ его въ участіи въ похищеніи Карагеза. Отъ Бэлы долго скрывали это, пока она не привыкла къ своему положенію; когда же ей сказали, она два дня плакала, а потомъ забыла. Четыре мѣсяца все шло хорошо. Печоринъ такъ любилъ Бэлу, что забылъ для нея охоту, и не выходилъ за крѣпостной валъ. Но вдругъ сталъ онъ задумываться, ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Однажды, никому не сказавшись, отправился на охоту и пропадалъ цѣлое утро, потомъ опять, и все чаще и чаще. «Не хорошо (подумалъ Максимъ Максимычъ): вѣрно, между ними пробѣжала черная кошка!» Въ одно утро онъ зашелъ къ нимъ и увидѣлъ Бэлу такою блѣдненькою, такою печальною, что испугался. Онъ сталъ ее утѣшать. Сообщая ему свои страхи и опасенія, она сказала ему:

— А нынче мнѣ уже кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!..

Утѣшая ее, Максимъ Максимычъ замѣтилъ ей, что если она будетъ грустить, то скорѣе наскучитъ Печорину.

— Правда, правда, — отвѣчала она: — я буду весела! — И съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно; она упала на постель и закрыла лицо руками.

— Что было мнѣ съ нею дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался: думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Препренріятное положеніе-съ.

Вышедши съ нею прогуляться за крѣпость, Максимъ Максимычъ увидѣлъ черкеса, который вдругъ выѣхалъ изъ лѣса и, саженяхъ во ста отъ нихъ, началъ, какъ бѣшеный, кружиться: Бэла узнала въ немъ Казбича.

Наконецъ Максимъ Максимычъ объяснился съ Печоринымъ насчетъ его охлажденія къ Бэлѣ, и Печоринъ сознался въ этомъ. Итакъ, Печоринъ охладѣлъ къ бѣдной Бэлѣ, которая любила его еще больше. Онъ не знаетъ самъ причины своего охлажденія, хотя и силится найти ее. Да, нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбирать языкъ собственныхъ чувствъ, какъ знать самого себя! И объясненія автора для насъ такъ же неудовлетворительны, какъ и для Максима Максимыча, которому онъ ихъ сообщилъ. Можетъ-быть, и тутъ та же причина, и въ отношеніи къ автору, и въ отношеніи къ намъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать и понимать самихъ себя!.. Но, тѣмъ не менѣе, мы предложимъ и наше рѣшеніе, или, лучше сказать, и наше гаданіе объ этомъ столько же общемъ, сколько и грустномъ феноменѣ человѣческаго сердца, который особенно частъ и поразителенъ въ современномъ обществѣ. Въ числѣ причинъ скораго охлажденія Печорина къ Бэлѣ не было ли причиною его и то, что для безсознательнаго, чисто естественнаго, хотя и глубокаго чувства черкешенки Печоринъ былъ полнымъ удовлетвореніемъ, далеко превосходящимъ самыя дерзкія ея требованія, тогда какъ духъ Печорина не могъ найти своего удовлетворенія въ естественной любви полудикаго существа. Къ тому же, вѣдь одно наслажденіе далеко еще не составляетъ всѣхъ потребностей любви, а что могла дать Печорину любовь, кромѣ наслажденія? О чемъ могъ онъ говорить съ нею? Что оставалось для него въ ней неразгаданнаго? Для любви нужно разумное содержаніе, какъ масло для поддержки огня: любовь есть гармоническое сліяніе двухъ родственныхъ натуръ въ чувство безконечнаго. Въ любви Бэлы была сила, но не могло быть безконечности: сидѣть съ глаза на глазъ съ возлюбленнымъ, ласкаться къ нему, принимать его ласки, предугадывать и ловить его желанія, млѣть отъ его лобзаній, замирать въ его объятіяхъ,—вотъ все, чего требовала душа Бэлы; при такой жизни и вѣчность показалась бы для нея мгновеніемъ. Но Печорина такая жизнь могла увлечь

не больше, какъ на четыре мѣсяца, и еще надо удивляться силѣ его любви къ Бэлѣ, если она была такъ продолжительна. Сильная потребность любви часто принимается за самую любовь, если представится предметъ, на который она можетъ устремиться; препятствія превращаютъ ее въ страсть, а удовлетвореніе уничтожаетъ. Любовь Бэлы была для Печорина полнымъ бокаломъ сладкаго напитка, который онъ и выпилъ за разъ, не оставивъ въ немъ ни капли; а душа его требовала не бокала, а океана, изъ котораго можно ежеминутно черпать, не уменьшая его...

Однажды Печоринъ отправился съ Максимомъ Максимычемъ на охоту за кабаномъ. Съ ранняго утра, часовъ съ десяти, напрасно искали они его; Максимъ Максимычъ уговаривалъ своего товарища воротиться, не тутъ-то было: несмотря ни на зной, ни на усталость, тотъ не хотѣлъ воротиться безъ добычи. «Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ, подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маленькій избалованъ». Однакоже, послѣ полудня, они безъ ничего подъѣзжали къ крѣпости. Вдругъ выстрѣлъ: оба они взглянули другъ на друга и опрометью поскакали на выстрѣлъ. Солдаты въ кучку собрались на валу и указывали въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Это былъ Казбичъ, похитившій неосторожную Бэлу, которая вышла за крѣпость, къ рѣкѣ. Печорину удалось ранить въ ногу его коня. Казбичъ занесъ руку надъ Бэлою, Максимъ Максимычъ выстрѣлилъ и, кажется, ранилъ его въ плечо; дымъ разсѣялся — на землѣ лежала раненая лошадь, и возлѣ нея Бэла, а Казбичъ, какъ кошка, карабкался на утесъ и скоро скрылся. Они къ Бэлѣ — она была ранена, и кровь лилась изъ раны ручьями...

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы уже съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. — Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка (то-есть, по-нашему, душенька), — отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку. — Я умру! — сказала она. Мы начали ее утѣшать, говорили, что лѣкарь обѣщалъ ее вылѣчить непремѣнно, — она покачала головой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!..

Ночью она начала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки; она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ; ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ, давая ему разныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его; въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою—не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывалъ.

Предъ смертью хриплымъ голосомъ закричала она: «Воды! воды!»

Онъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню какую... Да, батюшка,

видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія: только все это не то, совсѣмъ не то!.. Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она предъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ: кажется, я ее любилъ какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ... И въ правду молвить: что же я такое, чтобы обо мнѣ вспоминать предъ смертью?..

Только что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ — гладко!.. Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно! Я бы на его мѣстѣ умеръ съ горя. Наконецъ онъ сѣлъ на землѣ въ тѣни и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха. Я пошелъ заказывать гробъ...

На другой день, рано утромъ, мы ее похоронили за крѣпостью, у вала, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла: кругомъ ея могилы разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка...

Глубокое впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя «Бэла»: вамъ грустно, но грусть ваша легка, свѣтла и сладостна; вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: ее освѣщаетъ солнце, омываетъ быстрый ручей, котораго ропотъ, вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра въ листахъ бузины и бѣлой акаціи, говоритъ вамъ о чемъ-то таинственномъ и безконечномъ, и надъ нею, въ свѣтлой вышинѣ, летаетъ и носится какое-то прекрасное видѣніе, съ блѣдными ланитами, съ выраженіемъ укора и прощенія въ черныхъ очахъ, съ грустною улыбкою... Смерть черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднымъ и тяжелымъ чувствомъ, ибо она явилась не страшнымъ скелетомъ по произволу автора, но вслѣдствіе разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ, и вы съ умиленіемъ повторяете простыя и трогательныя слова добраго Максима Максимыча: «Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! Ну, что бы съ ней сталось, если бы Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно!..»

И съ какимъ безконечнымъ искусствомъ обрисованъ граціозный образъ плѣнительной черкешенки! Она говоритъ и дѣйствуетъ такъ мало, а вы живо видите ее предъ глазами во всей опредѣленности живого существа, читаете въ ея сердцѣ, проникаете всѣ изгибы его... А Максимъ Максимычъ, этотъ добрый простакъ, который и не подозрѣваетъ, какъ глубока и богата его натура, какъ высокъ и благороденъ онъ? Онъ, грубый солдатъ, любуется Бэлою, какъ прекраснымъ дитятею, любитъ ее, какъ милую дочь — и за что? — спросите его, такъ онъ отвѣтитъ вамъ: «Не то, чтобы любилъ, а такъ — глупость!» Ему досадно, что его ни одна женщина не любила такъ, какъ Бэла

Печорина; ему грустно, что она не вспомнила о немъ предъ смертью, хотя онъ и самъ сознается, что это—съ его стороны, не совсѣмъ справедливое требованіе... Останавливаться ли на этихъ чертахъ, столь полныхъ безконечностью? Нѣтъ, онѣ говорятъ сами за себя; а тѣ, для кого онѣ нѣмы, тѣ не стоятъ, чтобы тратить съ ними слова и время. Простая красота, которая есть одна истинная красота, не для всѣхъ доступна: у большей части людей глаза такъ грубы, что на нихъ дѣйствуетъ только пестрота, узорочность и красная краска, густо и ярко намазанная... Характеры Азамата и Казбича—это такіе типы, которые будутъ равно понятны и англичанину, и нѣмцу, и французу, какъ понятны они русскому. Вотъ что называется рисовать фигуру во весь ростъ, съ національною физіономіею и въ національномъ костюмѣ!..

Итакъ, исторія Бэлы кончилась; но романъ еще только начался, и мы прочли одно вступленіе, которое, впрочемъ, и само по себѣ, отдѣльно взятое, есть художественное произведеніе, хотя и составляетъ только часть цѣлаго. Но пойдемъ далѣе. Въ Владикавказѣ авторъ опять съѣхался съ Максимомъ Максимычемъ. Когда они обѣдали, на дворъ въѣхала щегольская коляска, за которою шелъ человѣкъ. Несмотря на грубость этого человѣка, «балованнаго слуги лѣниваго барина», Максимъ Максимычъ допросился у него, что коляска принадлежитъ Печорину. «Что ты? Что ты? Печоринъ?.. Ахъ, Боже мой!.. Да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?» Въ глазахъ Максима Максимыча сверкала радость. «Служилъ, кажется, да я у нихъ недавно», отвѣчалъ слуга. «Ну, такъ!.. такъ!.. Григорій Александровичъ? Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели», прибавилъ Максимъ Максимычъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться... «Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете», сказалъ тотъ, нахмурившись. «Экой ты, братецъ!.. Да знаешь ли? Мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ... Да гдѣ жъ онъ самъ остался?» Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н***. «Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?—сказалъ Максимъ Максимычъ;—или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему зачѣмъ-нибудь?.. Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь — Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я дамъ тебѣ восьмигривенный на водку...» Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что исполнитъ его порученіе. «Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!..—сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ,—пойду за ворота дожидаться... Эхъ, жалко, что я незнакомъ съ Н***!»

Итакъ, Максимъ Максимычъ ждетъ за воротами. Онъ отказался отъ чашки чая и, наскоро выпивъ одну, по вторичному приглашенію,

опять выбѣжалъ за ворота. Въ немъ замѣтно было живѣйшее безпокойство, и явно было, что его огорчало равнодушіе Печорина. Новый его знакомый, отворивъ окно, звалъ его спать: онъ что-то пробормоталъ, а на вторичное приглашеніе ничего не отвѣтилъ. Уже поздно ночью вошелъ онъ въ комнату, бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить, ковырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался... «Не клопы ли васъ кусаютъ?» спросилъ его новый пріятель. «Да, клопы»... отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день, утромъ, сидѣлъ онъ за воротами. «Мнѣ надо сходить къ коменданту, — сказалъ онъ, — такъ, пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной». Но лишь ушелъ онъ, какъ предметъ его безпокойства явился. Съ любопытствомъ смотрѣлъ на него нашъ авторъ, и результатомъ его внимательнаго наблюденія былъ подробный портретъ, къ которому мы возвратимся, когда будемъ говорить о Печоринѣ, а теперь займемся исключительно Максимомъ Максимычемъ. Надо сказать, что когда Печоринъ пришелъ, лакей доложилъ ему, что сейчасъ будутъ закладывать лошадей.

Довольно! Не будемъ выписывать длиннаго и безсвязнаго монолога, который говорилъ огорченный старикъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ и сверкала на его рѣсницахъ. Довольно: Максимъ Максимычъ и такъ ужъ весь предъ вами... Если бы вы нашли его, познакомились съ нимъ, двадцать лѣтъ прожили съ нимъ въ одной крѣпости, и тогда бы не знали лучше. Но мы больше уже не увидимся съ нимъ, а онъ такъ интересенъ, такъ прекрасенъ, что грустно такъ скоро разстаться съ нимъ, и потому взглянемъ на него еще разъ, уже послѣдній...

— Максимъ Максимычъ, — сказалъ я, подошедши къ нему, — а что это за бумаги оставилъ вамъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! Какія-то записки.

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? Я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь; въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко.

— Вотъ онѣ всѣ, — сказалъ онъ, — поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?.. Что я развѣ другъ его какой или родственникъ?.. Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?..

Схватя и унеся поскорѣе бумаги изъ опасенія, чтобы Максимъ Максимычъ не раскаялся, нашъ авторъ собрался въ дорогу; онъ уже

надѣлъ шапку, какъ штабсъ-капитанъ вошелъ. Но нѣтъ, воля ваша!— а надо проститься съ Максимомъ Максимычемъ какъ слѣдуетъ, т.-е. не прежде, какъ выслушать его послѣднее слово... Что дѣлать? есть такіе люди, съ которыми, разъ познакомившись, вѣкъ бы не разстался...

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кое-какія казенныя вещи.

— Да вѣдь вы же были у него?

— Былъ, конечно, — сказалъ онъ, зампнаясь, — да его дома не было... а я не дождался...

Я понялъ его: бѣдный старикъ, въ первый разъ отроду, можетъ-быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бумажнымъ, — и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль, — сказалъ я ему, — очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!.. Вы — молодежь свѣтская, гордая; еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастья и веселой дороги.

За симъ они довольно сухо разстались; но вы, любезный читатель, вѣрно не сухо разстались съ этимъ старымъ младенцемъ, столь добрымъ, столь милымъ, столь человѣчнымъ и столь неопытнымъ во всемъ, что выходило за тѣсный кругозоръ его понятій и опытности? Не правда ли, вы такъ свыклись съ нимъ, такъ полюбили его, что никогда уже не забудете его и если встрѣтите подъ грубою наружностью, подъ корою зачерствѣлости отъ трудной и скудной жизни горячее сердце, подъ простою, мѣщанскою рѣчью — теплоту души, то, вѣрно, скажете: «это — Максимъ Максимычъ?..» И дай Богъ вамъ поболѣе встрѣтить на пути вашей жизни Максимъ Максимычей!..

И вотъ мы разсмотрѣли двѣ части романа — «Бэлу» и «Максима Максимыча»: каждая изъ нихъ имѣетъ свою особенность и замкнутость, почему каждая и оставляетъ въ душѣ читателя такое полное, цѣлостное и глубокое впечатлѣніе. Героевъ той и другой повѣсти мы видѣли въ торжественнѣйшихъ положеніяхъ ихъ жизни и коротко ихъ знаемъ. Первая — повѣсть; вторая — эскизъ характера, и каждая равно полна и удовлетворительна, ибо въ каждой поэтъ умѣлъ исчерпать все ея содержаніе и въ типическихъ чертахъ вывести вовнѣ все внутреннее, крывшееся въ ней какъ возможность. Что намъ за нужда, что во второй нѣтъ романическаго содержанія, что она представляетъ собою не жизнь, а отрывокъ изъ жизни человѣка? Но

если въ этомъ отрывкѣ — весь человѣкъ, то чего же больше? Поэтъ хотѣлъ изобразить характеръ и превосходно успѣлъ въ этомъ: его Максимъ Максимычъ можетъ употребляться не какъ собственное, но какъ нарицательное имя, наравнѣ съ Онѣгиными, Ленскими, Загорѣцкими, Иванами Ивановичами, Никифорами Ивановичами, Аѳанасіями Ивановичами, Чацкими, Фамусовыми и пр. Мы познакомились съ нимъ еще въ «Бэлѣ» и больше уже не увидимся. Но въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ мы видѣли еще одно лицо, съ которымъ, однакожъ, не знакомы. Это таинственное лицо не есть герой этихъ повѣстей, но безъ него не было бы этихъ повѣстей: онъ герой романа, котораго эти двѣ повѣсти только части. Теперь пора намъ съ нимъ познакомиться, и уже не черезъ посредство другихъ лицъ, какъ прежде: они его не понимаютъ, какъ мы уже видѣли; равнымъ образомъ, и не чрезъ поэта, который хоть и одинъ виноватъ въ немъ, но умываетъ въ немъ руки; а чрезъ него же самого: мы готовимся читать его записки. Поэтъ написалъ отъ себя предисловіе только къ запискамъ Печорина. Это предисловіе составляетъ родъ главы романа, какъ его существеннѣйшая часть, но, несмотря на то, мы возвратимся къ нему послѣ, когда будемъ говорить о характерѣ Печорина, а теперь прямо приступимъ къ «запискамъ».

Первое отдѣленіе называется «Тамань» и, подобно первымъ двумъ, есть отдѣльная повѣсть. Хотя оно и представляетъ собою эпизодъ изъ жизни героя романа, но герой попрежнему остается для насъ лицомъ таинственнымъ. Содержаніе этого эпизода слѣдующее: Печоринъ въ Тамани остановился въ скверной хатѣ, на берегу моря, въ которой онъ нашелъ только слѣпого мальчика лѣтъ 14-ти и потомъ таинственную дѣвушку. Случай открываетъ ему, что эти люди — контрабандисты. Онъ ухаживаетъ за дѣвушкою и въ шутку грозитъ ей, что донесетъ на нихъ. Вечеромъ въ тотъ же день она приходитъ къ нему, какъ сирена, обольщаетъ его предложеніемъ своей любви и назначаетъ ему ночное свиданіе на морскомъ берегу. Разумѣется, онъ является, но, какъ странность и какая-то таинственность во всѣхъ словахъ и поступкахъ дѣвушки давно уже возбудили въ немъ подозрѣніе, то онъ и запасся пистолетомъ. Таинственная дѣвушка пригласила его сѣсть въ лодку; онъ было поколебался, но отступать было уже не время. Лодка помчалась, а дѣвушка обвилась вокругъ его шеи, и что-то тяжелое упало въ воду... Онъ хватъ за пистолетъ, но его уже не было... Тогда завязалась между ними страшная борьба: наконецъ мужчина побѣдилъ; посредствомъ осколка весла, онъ выбрался кое-какъ до берега и при лунномъ свѣтѣ увидѣлъ таинственную ундину, которая, спасшись отъ смерти, отряхалась. Черезъ нѣсколько времени она удалилась съ Янко, какъ видно,

съ своимъ любовникомъ, и однимъ изъ главныхъ дѣйствователей контрабанды: такъ какъ посторонній узналъ ихъ тайну, имъ опасно оставаться болѣе въ этомъ мѣстѣ. Слѣпой тоже пропалъ, укравъ у Печорина шкатулку, шашку съ серебряной оправой и дагестанскій кинжалъ.

Мы не рѣшились дѣлать выписокъ изъ этой повѣсти, потому что она рѣшительно не допускаетъ ихъ; это словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ или измѣненнымъ не рукою самого поэта стихомъ; она вся — въ формѣ; если выписывать, то должно бы ее выписать всю отъ слова до слова; пересказываніе ея содержанія дастъ о ней такое же понятіе, какъ разсказъ, хотя бы и восторженный, о красотѣ женщины, которой вы сами не видѣли. Повѣсть эта отличается какимъ-то особеннымъ колоритомъ: несмотря на прозаическую дѣйствительность ея содержанія, все въ ней таинственно, лица — какія-то фантастическія тѣни, мелькающія въ вечернемъ сумракѣ, при свѣтѣ зари или мѣсяца. Особенно очаровательна дѣвушка: это какая-то дикая, сверкающая красота, обольстительная, какъ сирена, неуловимая, какъ ундина, страшная, какъ русалка, быстрая, какъ прелестная тѣнь или волна, гибкая, какъ тростникъ. Ее нельзя любить, нельзя и ненавидѣть, но ее можно только и любить, и ненавидѣть вмѣстѣ. Какъ чудно хороша она, когда на крышѣ своей кровли, съ распущенными волосами, защитивъ глаза ладонью, пристально всматривается вдаль и то смѣется и разсуждаетъ сама съ собою, то запѣваетъ полную раздолья и отваги удалую пѣсню.

Что касается до героя романа, онъ и тутъ является тѣмъ же таинственнымъ лицомъ, какъ и въ первыхъ повѣстяхъ. Вы видите человѣка съ сильной волей, отважнаго, не блѣднѣющаго ни передъ какой опасностью, напрашивающагося на бури и тревоги, чтобы занять себя чѣмъ-нибудь и пополнить бездонную пустоту своего духа, хотя бы и дѣятельностью безъ всякой цѣли.

Наконецъ вотъ и «Княжна Мери». Предисловіе нами прочитано, теперь начинается для насъ романъ. Эта повѣсть разнообразнѣе и богаче всѣхъ другихъ своимъ содержаніемъ, но зато далеко уступаетъ имъ въ художественности формы. Характеры ея — или очерки, или силуэты, и только развѣ одинъ — портретъ. Но что составляетъ ея недостатокъ, то же самое есть и ея достоинство, и наоборотъ. Подробное разсмотрѣніе ея объяснитъ нашу мысль.

...Такъ вотъ причины, за которыя бѣдная Мери такъ дорого должна поплатиться!.. Какой страшный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому, что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ

пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка? «Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!..» хоромъ закричать, можетъ-быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете? За что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростью: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаоемѣ не за пороки, — въ васъ ихъ больше, и въ васъ они чернѣе и позорнѣе, — но за ту смѣлую свободу, за ту желчную откровенность, съ которою онъ говоритъ о нихъ. Вы позволяете человѣку дѣлать все, что ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ; но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него моральныхъ сентенцій о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ и не думаетъ, и не дѣйствуетъ... И за то ваше инквизиторское аутодафе готово для всякаго, кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ расчетѣ съ своею совѣстью... И вы правы: покажитесь предъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ негливе, въ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ, и общество извергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется и что онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти — бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни страшны они, — острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморой, которыми вы, бѣдные, такъ безплодно страдаете... Пусть онъ клевещетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастье въ насыщенной гордости; пусть онъ клевещетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клевещетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣшивая

5*

юность съ возмужалостью, — пусть... Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ!.. Даже и теперь онъ проговаривается и противорѣчитъ себѣ, уничтожая одною страницею всѣ предыдущія: такъ глубока его натура, такъ врожденна ему разумность, такъ силенъ у него инстинктъ истины! Послушайте, что говоритъ онъ тотчасъ послѣ того мѣста, которое, вѣроятно, такъ возмущаетъ моралистовъ:

Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ — принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ ими цѣлую жизнь любоваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. *Но это спокойствіе часто — признакъ великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ:* душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ, она проникается своею собственною жизнью, лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. *Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ цѣнить правосудіе Божіе.*

Но пока (прибавимъ мы отъ себя), пока человѣкъ не дошелъ до этого высшаго состоянія самопознанія, если ему назначено дойти до него, — онъ долженъ страдать отъ другихъ и заставлять страдать другихъ, возставать и падать, падать и возставать, отъ заблужденія переходить къ заблужденію и отъ истины — къ истинѣ. Всѣ эти отступленія суть необходимые маневры въ сферѣ сознанія; чтобы дойти до мѣста, часто надо дать большой крюкъ, совершить длинный обходъ, ворочаться съ дороги назадъ. Царство истины есть обѣтованная земля, и путь къ ней — аравійская пустыня. Но, скажете вы, за что же другіе должны гибнуть отъ такихъ страстей и ошибокъ? А развѣ мы сами не гибнемъ иногда какъ отъ собственныхъ, такъ и чужихъ? Кто вышелъ изъ горнила испытаній чистъ и свѣтелъ, какъ золото, натура того — благородный металлъ; кто сгорѣлъ или не очистился, натура того — дерево или желѣзо. И если многія благородныя натуры погибаютъ жертвами случайности, разрѣшеніе на этотъ вопросъ даетъ религія. Для насъ ясно и положительно одно: безъ бурь нѣтъ плодородія, и природа изныdаетъ; безъ страстей и противорѣчій нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи. Лишь бы только въ этихъ страстяхъ и противорѣчіяхъ была разумность и человѣчность, и ихъ результаты вели бы человѣка къ его цѣли, — а судъ принадлежитъ не намъ: для каждаго человѣка судъ — въ его дѣлахъ и ихъ слѣдствіяхъ! Мы должны требовать отъ искусства, чтобы оно показывало намъ дѣйствительность, какъ она есть, ибо какова бы она ни была, эта дѣйствительность, она больше скажетъ намъ, больше научитъ насъ, чѣмъ всѣ выдумки и поученія моралистовъ...

Но, — скажутъ, можетъ-быть, резонеры, — зачѣмъ рисовать картины возмутительныхъ страстей, вмѣсто того, чтобы плѣнять воображеніе изображеніемъ кроткихъ чувствованій природы и любви, и трогать сердце, и поучать умъ? — Старая пѣсня, господа, такъ же старая, какъ и «Выйду ль я на рѣченьку, посмотрю на быструю!..» Литература XVIII вѣка была, по преимуществу, моральною и разсуждающею, въ ней не было другихъ повѣстей, какъ contes moraux и contes philosophiques; однакожъ эти нравственныя и философскія книги никого не исправили, и вѣкъ все-таки былъ, по преимуществу, безнравственнымъ и развратнымъ. И это противорѣчіе очень понятно. Законы нравственности — въ натурѣ человѣка, въ его чувствѣ, и потому они не противорѣчатъ его дѣламъ; а кто чувствуетъ и поступаетъ сообразно съ своимъ чувствомъ, тотъ мало говоритъ. Разумъ не сочиняетъ, не выдумываетъ законовъ нравственности, но только сознаетъ ихъ, принимая ихъ отъ чувства, какъ данныя, какъ факты. И потому чувство и разумъ суть не противорѣчащіе, не враждебные другъ другу, но родственные, или, лучше сказать, тождественные элементы духа человѣческаго. Но когда человѣку или отказано природою въ нравственномъ чувствѣ, или оно испорчено дурнымъ воспитаніемъ, безпорядочною жизнью, тогда его разсудокъ изобрѣтаетъ свои законы нравственности. Говоримъ: разсудокъ, а не разумъ, ибо разумъ есть сознавшее себя чувство, которое даетъ ему въ себѣ предметъ и содержаніе для мышленія; а разсудокъ, лишенный дѣйствительнаго содержанія, по необходимости прибѣгаетъ къ произвольнымъ построеніямъ. Вотъ происхожденіе морали, и вотъ причина противорѣчія между словами и поступками записныхъ моралистовъ. Для нихъ дѣйствительность ничего не значитъ: они не обращаютъ никакого вниманія на то, что есть, и не предчувствуютъ его необходимости; они хлопочутъ только о томъ, что и какъ должно быть. Это ложное философское начало породило и ложное искусство еще задолго до XVIII вѣка, — искусство, которое изображало какую-то небывалую дѣйствительность, создавало какихъ-то небывалыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, неужели мѣсто дѣйствія корнелевскихъ и расиновскихъ трагедій — земля, а не воздухъ, ихъ дѣйствующія лица — люди, а не маріонетки? Принадлежатъ ли эти рыцари, герои, наперсники и вѣстники какому-нибудь вѣку, какой-нибудь странѣ? Говорилъ ли кто-нибудь отъ созданія міра языкомъ, похожимъ на ихъ языкъ?.. Восемнадцатый вѣкъ довелъ это разсудочное искусство до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости; онъ только о томъ и хлопоталъ, чтобы искусство шло навыворотъ дѣйствительности, и сдѣлалъ изъ нея мечту, которая и въ нѣкоторыхъ добрыхъ старичкахъ нашего времени еще находитъ своихъ магическихъ витязей. Тогда думали быть поэтами,

воспѣвая Хлой, Филидъ, Дорисъ въ фижмахъ и мушкахъ и Меналковъ, Даметовъ, Титировъ, Миконовъ, Миртилисовъ и Мелибеевъ въ шитыхъ кафтанахъ; восхваляли мирную жизнь подъ соломенною кровлею, у свѣтлаго ручейка Ладона, съ милою подругою, невинною пастушкою, въ то время какъ сами жили въ раззолоченныхъ палатахъ, гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ, вмѣсто одной пастушки имѣли по тысячѣ овечекъ и для доставленія себѣ оныхъ благъ готовы были на всяческая...

Нашъ вѣкъ гнушается этимъ лицемѣрствомъ. Онъ громко говоритъ о своихъ грѣхахъ, но не гордится ими; обнажаетъ свои кровавыя раны, а не прячетъ ихъ подъ нищенскими лохмотьями притворства. Онъ понялъ, что сознаніе своей грѣховности есть первый шагъ къ спасенію. Онъ знаетъ, что дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости... Для него польза и нравственность только въ одной истинѣ, а истина — въ сущемъ, т.-е. въ томъ, что есть. Потому и искусство нашего вѣка есть воспроизведеніе разумной дѣйствительности. Задача нашего искусства — не представить событія въ повѣсти, романѣ или драмѣ, сообразно съ предположенною заранѣе цѣлью, но развить ихъ сообразно съ законами разумной необходимости. И въ такомъ случаѣ, каково бы ни было содержаніе поэтическаго произведенія, его впечатлѣніе на душу читателя будетъ благодатно, и, слѣдовательно, нравственная цѣль достигнется сама собою. Намъ скажутъ, что безнравственно представлять ненаказаннымъ и торжествующимъ порокъ: мы противъ этого и не споримъ. Но и въ дѣйствительности порокъ торжествуетъ только внѣшнимъ образомъ: онъ въ самомъ себѣ носитъ свое наказаніе и гордою улыбкою только подавляетъ внутреннее терзаніе. Такъ точно и новѣйшее искусство: оно показываетъ, что судъ человѣка — въ дѣлахъ его; оно, какъ необходимость, допускаетъ въ себя диссонансы, производимые въ гармоніи нравственнаго духа, но для того, чтобы показать, какъ изъ диссонанса снова возникаетъ гармонія — черезъ то ли, что раззвучная струна снова настраивается или разрывается вслѣдствіе ея своевольнаго разлада. Это — міровой законъ жизни, а, слѣдовательно, и искусства. Вотъ другое дѣло, если поэтъ захочетъ въ своемъ произведеніи доказать, что результаты добра и зла одинаковы для людей: оно будетъ безнравственно, но тогда уже оно и не будетъ произведеніемъ искусства, — и какъ крайности сходятся, то оно, вмѣстѣ съ моральными произведеніями, составитъ одинъ общій разрядъ непоэтическихъ произведеній, писанныхъ съ опредѣленною цѣлью. Далѣе мы изъ самаго разбираемаго нами сочиненія докажемъ, что оно не принадлежитъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ въ основаніи своемъ глубоконравственно. Но пора намъ обратиться къ нему.

...На отлогости Машука, въ верстѣ отъ Пятигорска, есть провалъ. Въ одинъ день тамъ назначено было гулянье и родъ бала подъ открытымъ небомъ. Печоринъ спросилъ Грушницкаго, произведеннаго въ офицеры, идетъ ли онъ къ провалу, и тотъ отвѣчалъ, что ни за что въ свѣтѣ не явится передъ княжною прежде, нежели будетъ готовъ его мундиръ, и просилъ его не предувѣдомлять ея объ его производствѣ.

— Скажи мнѣ, однако, какъ твои дѣла съ нею?..

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать — и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?..

— Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія? Какъ можно такъ скоро? Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ.

— Хорошо! И вѣроятно, по-твоему, порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?..

— Эхъ, братецъ! На все есть манера, многое не говорится, а отгадывается.

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она...— отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись, — мнѣ жаль тебя, Печоринъ!

Многочисленное общество отправилось вечеромъ къ провалу. Взбираясь на гору, Печоринъ подалъ руку княжнѣ, и она не покидала ея въ продолженіе всей прогулки. Разговоръ ихъ начался злословіемъ. Желчь Печорина взволновалась — и, начавши шутя, онъ кончилъ искреннею злостью. Сперва это забавляло княжну, а потомъ испугало. Она сказала ему, что лучше желала бы попасться подъ ножъ убійцы, чѣмъ ему на язычокъ. Онъ на минуту задумался, а потомъ, принявъ на себя глубоко-тронутый видъ, началъ жаловаться на свою участь, которая, по его словамъ, такъ жалка съ самаго его дѣтства:

— Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скроменъ — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли — я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ — другія дѣти были веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ, — они меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, — меня никто не понялъ, и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца; они тамъ и умерли. Я говорилъ правду — мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искрененъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе; — не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушною улыбкой; я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала; она высохла, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ.

тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины; но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ нѣтъ, особенно когда вспомню, что подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста, смѣйтесь: предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ нимало.

Отъ души ли говорилъ это Печоринъ или притворялся? — Трудно рѣшить опредѣленно: кажется, что тутъ было и то, и другое. Люди, которые вѣчно находятся въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ и самими собою, всегда недовольны, всегда огорчены и желчны. Огорченіе есть постоянная форма ихъ бытія, и что бы ни попалось имъ на глаза, все служитъ имъ содержаніемъ для этой формы. Мало того, что они хорошо помнятъ свои истинныя страданія, — они еще неистощимы въ выдумываніи небывалыхъ. Вздумайте ихъ утѣшать — они разсердятся; покажите имъ причины ихъ горестей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ — они оскорбятся. Помогите имъ бранить самихъ себя, взведите на нихъ небывалыя обиды жизни, отыщите небывалые недостатки и пороки въ ихъ характерѣ — вы польстите имъ и выиграете ихъ расположеніе. Если вы попадете на человѣка недостаточно глубокаго и сильнаго, будьте осторожны: вы можете или оскорбить его самолюбіе такъ, что возбудите къ себѣ его ненависть, или убить въ немъ всякую увѣренность въ себя и возродить отчаяніе, и тогда вамъ предстоитъ горькая и мучительно скучная роль утѣшителя и повѣреннаго однѣхъ и тѣхъ же жалобъ. Если же это — человѣкъ глубокій и сильный, не бойтесь слишкомъ далеко зайти въ нападкахъ на него и на жизнь: у него есть лазеечка изъ этой западни: «я дуренъ, но вѣдь и всѣ таковы». А вы знаете, что, по пословицѣ, при людяхъ и смерть не страшна, — и какъ бы вы ни представлялись себѣ дурны, но если и лучшіе изъ людей не лучше васъ, ваше самолюбіе спасено. И вотъ почему такіе люди такъ неистощимы въ самообвиненіи: оно обращается имъ въ привычку. Обманывая другихъ, они прежде всего обманываютъ себя. Истинная или ложная причина ихъ жалобъ — имъ все равно, и желчная горесть ихъ равно искренна и непритворна. Мало того, начиная лгать съ сознаніемъ или начиная шутить, они продолжаютъ и оканчиваютъ искренно. Они сами не знаютъ, когда лгутъ и когда говорятъ правду, когда слова ихъ — вопль души, или когда они — фразы. Это дѣлается у нихъ вмѣстѣ и болѣзнью души, и привычкою, и безумствомъ, и кокетничаньемъ. Во всей выходкѣ Печорина вы замѣчаете, что у него страждетъ самолюбіе: отчего родилось у него отчаяніе? — Видите ли: онъ узналъ хорошо свѣтъ и пружины общества, сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами,

которыхъ онъ такъ неутомимо добивался. Какое мелкое самолюбіе! — восклицаете вы. Но не торопитесь вашимъ приговоромъ: онъ клевещетъ на себя; повѣрьте мнѣ, онъ и даромъ бы не взялъ того счастья, которому завидовалъ у этихъ *другихъ* и котораго добивался. Но княжнѣ отъ этого не легче: она все приняла за наличную монету. Печоринъ не ошибся, сказавъ, что въ немъ два человѣка: въ то время, какъ одинъ такъ горько жаловался ни на что, другой наблюдалъ и за нимъ, и за княжною и вотъ что замѣтилъ за послѣднею:

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала, щеки пылали: ей было жаль меня! — Состраданіе, чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣянна, ни съ кѣмъ не кокетничала, а это — великій признакъ!..

Бѣдная Мери! Какъ систематически, съ какою разсчитанною точностью ведетъ ее злой духъ по пути погибели! Подошедши къ провалу, всѣ дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не оставляла руку Печорина; остроты тамошнихъ дэнди не смѣшили ея; крутизна обрыва, у котораго она стояла, не пугала ея, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза. На возвратномъ пути она была разсѣянна, грустна. «Любили ли вы?» спросилъ ее Печоринъ; она пристально на него посмотрѣла, покачала головой и снова задумалась. Казалось, что-то хотѣлось сказать, но она не знала, съ чего начать; грудь ея волновалась. — «Не правда ли, я была сегодня очень любезна?» сказала она, при разставаньи, съ принужденною улыбкою. Печоринъ, вмѣсто ея, отвѣтилъ самому себѣ: «Она недовольна собой, она себя обвиняетъ въ холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть — вотъ что скучно!» — Бѣдная Мери!..

Между тѣмъ Вѣра мучилась ревностью и мучила ею Печорина. Она взяла съ него слово уѣхать въ Кисловодскъ и нанять себѣ квартиру возлѣ того дома, верхъ котораго она займетъ съ мужемъ, а низъ — княгиня Лиговская, которая собирается туда еще черезъ недѣлю. Вечеръ того же дня Печоринъ провелъ у Лиговскихъ и веселился, замѣчая успѣхи чувства въ княжнѣ. Вѣра все это видѣла и страдала. Чтобы утѣшить ее, онъ разсказалъ вслухъ исторію своей любви съ нею, разумѣется, прикрывъ все вымышленными именами. «Я, — говоритъ онъ, — такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея уступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжною».

Печоринъ достигъ своей цѣли: Грушницкій отошелъ отъ него съ чѣмъ-то, въ родѣ угрозы. Это его радовало и забавляло, но что же за

радость бѣсить добраго, пустого малаго и для этого играть обдуманную роль, дѣйствовать по обдуманному плану? Что это: слѣдствіе праздности ума или мелкости души? Вотъ что думалъ объ этомъ онъ самъ, собираясь на балъ:

Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели, — думалъ я,—мое единственное назначеніе — разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?.. Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для «Библіотеки для чтенія»?.. Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ, цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками.

Мы нарочно выписали это мѣсто, какъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ двойственности Печорина. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ два человѣка: первый дѣйствуетъ, второй смотритъ на дѣйствія перваго и разсуждаетъ о нихъ, или, лучше сказать, осуждаетъ ихъ, потому что они, дѣйствительно, достойны осужденія. Причины этого раздвоенія, этой ссоры съ самимъ собою, очень глубоки, и въ нихъ же заключается противорѣчіе между глубокостью натуры и жалкостью дѣйствій одного и того же человѣка. Ниже мы коснемся этихъ причинъ, а пока замѣтимъ только, что Печоринъ, ошибочно дѣйствуя, еще ошибочнѣе судитъ себя. Онъ смотритъ на себя, какъ на человѣка вполнѣ развившагося и опредѣлившагося: удивительно ли, что и его взглядъ на человѣка вообще мраченъ, желченъ и ложенъ?.. Онъ какъ будто не знаетъ, что есть эпоха въ жизни человѣка, когда ему досадно, зачѣмъ дуракъ — глупъ, подлецъ — низокъ, зачѣмъ толпа — пошла, зачѣмъ на сотню пустыхъ людей едва встрѣтишь одного порядочнаго человѣка... Онъ какъ будто не знаетъ, что есть такія пылкія и сильныя души, которыя въ эту эпоху семейной жизни находятъ неизъяснимое наслажденіе въ сознаніи своего превосходства, мстятъ посредственности за ея ничтожность, вмѣшиваются въ ея расчеты и дѣла, чтобы мѣшать ей, разрушая ихъ... Но еще болѣе, онъ какъ будто не знаетъ, что для нихъ приходитъ другая эпоха жизни — результатъ первой, когда они или равнодушно на все смотрятъ, не сочувствуя добру, не оскорбляясь зломъ, или увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ и добро, что въ арміи общества человѣческаго рядовыхъ всегда должно быть больше, чѣмъ офицеровъ, что глупость должна быть глупа, потому что она глупость, а подлость подла, потому что она подлость, и они оставляютъ ихъ итти своею дорогою, если не видятъ отъ нихъ зла или не видятъ возможности помѣшать ему, и повторяютъ про себя то съ радостью, то съ

грустною улыбкою: «и все то благо, все добро!» Увы, какъ дорого достается уразумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!.. Печоринъ еще не знаетъ этого, и именно потому, что думаетъ, что все знаетъ.

Съ этого времени исторія круто поворотилась и изъ комической начала переходить въ трагическую. Доселѣ Печоринъ сѣялъ,—теперь начинается время пожинать ему плоды посѣяннаго. Мы думаемъ, что въ этомъ и должна заключаться истинная нравственность поэтическаго произведенія, а не въ пошлыхъ сентенціяхъ.

Грушницкій, наконецъ, понялъ, что онъ одураченъ, но вмѣсто того, чтобы въ самомъ себѣ увидѣть причину своего позора, онъ увидѣлъ ее въ Печоринѣ. Къ нему присталъ драгунскій капитанъ и всѣ другіе, которыхъ оскорбляло превосходство Печорина, — и противъ Печорина начала составляться враждебная партія; но онъ не испугался, а обрадовался этому, увидѣвъ новую пищу для своей праздной дѣятельности... «Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда настражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, притворяться обманутымъ и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ — вотъ что я называю жизнью!» — Ошибочное названіе! — воскликнете вы, и мы согласны съ вами; но сила всегда останется силою и всегда будетъ полна поэзіи, всегда будетъ восхищать и удивлять васъ, хотя бы она и дѣйствовала и деревяннымъ мечомъ, вмѣсто булатнаго... Есть люди, въ рукахъ которыхъ и простая палка опаснѣе, чѣмъ у иныхъ шпага: Печоринъ изъ такихъ людей...

На этотъ разъ Печоринъ снисходительнѣе къ намъ: онъ приподнялъ таинственное покрывало, которымъ облекъ свое сатанинское величіе, очень просто, хотя и прекрасною прозою, объяснилъ причину этой сцены, какъ бы желая оправдаться въ ней. Онъ говоритъ, что какъ бы страстно ни любилъ онъ женщину, но какъ скоро она дастъ ему почувствовать, что онъ долженъ на ней жениться, прости любовь!.. Этотъ страхъ лишиться постылой и ни для чего не нужной ему свободы онъ приписываетъ предсказанію старушки, которая, когда еще онъ былъ ребенкомъ, гадала про него его матери и предрекла ему смерть отъ злой жены... Нѣтъ, это все не то!.. Печоринъ не любилъ княжны: онъ оскорбилъ бы самого себя, если бы назвать любовью легонькое чувство, возбужденное его собственнымъ кокетствомъ и самолюбіемъ. Потомъ: бракъ есть дѣйствительность любви. Любить истинно можетъ только вполнѣ созрѣвшая душа, и въ такомъ случаѣ любовь видитъ въ бракѣ свою высочайшую награду и, при блескѣ вѣнца, не блекнетъ, а пышнѣе распускаетъ свой ароматный

цвѣтъ, какъ при лучахъ солнца... Всякое чувство дѣйствительно въ отношеніи къ самому себѣ, какъ выраженіе моментальнаго состоянія духа: и первая любовь едва проснувшейся для жизни души отрока имѣетъ свою поэзію и свою истину; но, будучи дѣйствительна по своей сущности, она совершенно призрачна по своей формѣ и въ сравненіи съ любовью возмужалаго человѣка есть то же, что первое безсвязное лепетаніе младенца въ сравненіи съ разумною рѣчью мужа. Это больше потребность любви, чѣмъ самая любовь, и потому она обращается на первый предметъ, способный поразить юную фантазію истиннымъ или мнимымъ сходствомъ съ ея идеаломъ, и такъ же скоро погасаетъ, какъ и вспыхиваетъ. Такая любовь можетъ много разъ повториться въ жизни человѣка; она или ненавидитъ бракъ и отвращается его, какъ идеи, профанирующей ея идеальность, или представляетъ его высочайшимъ блаженствомъ и стремится къ нему только до тѣхъ поръ, пока онъ не предстанетъ къ ней съ своимъ строго-испытующимъ, недовѣрчиво-суровымъ взоромъ: тогда бѣдная любовь потупляетъ предъ нимъ свои глаза, какъ ребенокъ, застигнутый въ шалости строгимъ гувернеромъ... Да, бракъ есть гибель такой любви, и вотъ почему такъ много бываетъ «несчастныхъ браковъ по любви»... Только дѣйствительное чувство не боится своего осуществленія, не трепещетъ своей повѣрки; только дѣйствительность смѣло смотритъ въ глаза дѣйствительности, не потупляя своихъ глазъ... И неужели Печоринъ, этотъ человѣкъ, столь глубокій и могучій, могъ почесть свое чувство къ княжнѣ дѣйствительнымъ и удивиться, что ея намекъ о бракѣ такъ же легко уничтожилъ его чувство, какъ видъ лозы уничтожаетъ рѣзвость ребенка?.. Нѣтъ, изъ всего этого опять-таки видно только одно, что Печоринъ еще рано почелъ себя допившимъ до дна чашу жизни, тогда какъ онъ еще не сдулъ порядочно кипящей пѣны... Повторяемъ: онъ еще не знаетъ самого себя, и если не должно ему вѣрить, когда онъ оправдываетъ себя или приписываетъ себѣ разные нечеловѣческіе свойства и пороки. Но винить ли его за это? — Вините, если въ глазахъ вашихъ юноша виноватъ тѣмъ, что онъ молодъ, а старецъ тѣмъ, что онъ старъ! Есть люди, въ которыхъ потребность жизни такъ сильна, что составляетъ ихъ мученье до тѣхъ поръ, пока не удовлетворится; и есть люди, которые долго живутъ и умираютъ неудовлетворенные, ибо дѣйствительны только потребности, а удовлетвореніе всегда зависитъ отъ случая, который такъ же можетъ сбыться, какъ и можетъ не сбыться. И вотъ, когда такіе люди бросаются всюду, ища удовлетворенія, и не находятъ его, ихъ отчаяніе порождаетъ клеветы на вѣчные законы разумной дѣйствительности; но они правы предъ самими собою въ этихъ клеветахъ, хотя и неправы предъ дѣйствительностью. Можно ли винить

ихъ за несчастье? Можно ли винить ихъ за то, что они съ такою жадностью бросаются на все, что волнуетъ душу призраками блаженства? Не всѣ же родятся съ этимъ апатическимъ благоразуміемъ, источникъ котораго — гнилая и мертвая натура...

Поучительна нѣмая бесѣда съ самимъ собою человѣка, который завтра готовился быть или убитымъ, или убійцею!.. Мысль невольно обращается на себя, и сквозь мглу предразсужденій и умышленныхъ софизмовъ блеститъ лучъ ужасной истины... Но рѣшеніе принято, шагъ сдѣланъ, и возврата нѣтъ: само общество, которое смотритъ на кровавыя сдѣлки, какъ на безнравственность, само общество, противорѣча себѣ, запрещаетъ этотъ возвратъ своимъ насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ, своимъ недвижно-остановившимся на жертвѣ перстомъ... Кровавая развязка дѣла доставляетъ ему средства читать себѣ для другихъ нравоученія, произнести ближнему приговоръ и надавать ему позднихъ совѣтовъ; отступленіе лишаетъ его занимательнаго анекдота, прекраснаго случая къ развлеченію на чужой счетъ. Что жъ тутъ дѣлать? Разумѣется, итти впередъ, а чтобы вникаціе въ себя и въ сущность дѣла не лишило смѣлости, закрыть глаза на истину и обѣими руками ухватиться за первый представившійся софизмъ, котораго ложность самому очевидна. Печоринъ такъ и сдѣлалъ; онъ рѣшилъ, что не стоитъ труда жить, и онъ правъ предъ собою, или, по крайней мѣрѣ, не виноватъ предъ тѣми строгими судьями чужихъ поступковъ, которые сами не участвуютъ въ жизни, но на живущихъ смотрятъ, какъ зрители на актеровъ, то аплодируя, то шикая...

Несмотря на тайное безпокойство, мучившее Печорина, онъ не только имѣлъ силы заставить себя взяться за романъ Вальтеръ-Скотта «Шотландскіе пуритане», но еще и увлечься волшебнымъ вымысломъ.

Когда разсвѣло, онъ посмотрѣлся въ зеркало: тусклая блѣдность покрывала лицо его, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. «Я, — говорилъ онъ, — остался доволенъ собою». Купанье въ Парзанѣ сдѣлало его совершенно свѣжимъ и бодрымъ. Возвратясь съ купанья, онъ нашелъ у себя Вернера. Они сѣли на лошадей и поѣхали. Тутъ слѣдуетъ мимоходомъ краткое, полное поэзіи описаніе прекраснаго кавказскаго утра.

Они ѣхали молча.

— Написали ли вы свое завѣщаніе? — вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если вы будете убиты?

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать послѣднее прости?..

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?..

— Хотите ли, докторъ — отвѣчалъ я ему, — чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу? Видите ли: я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочокъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ или, хуже, взведутъ на мой счетъ, Богъ знаетъ, какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобы не возбудить въ немъ ревности къ усопшему, Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно уже живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ — два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, можетъ-быть, чрезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй?..

Это признаніе обнаруживаетъ всего Печорина. Въ немъ нѣтъ фразъ, и каждое слово искренно. Безсознательно, но вѣрно выговорилъ Печоринъ всего себя. Этотъ человѣкъ — не пылкій юноша, который гоняется за впечатлѣніями и всего себя отдаетъ первому изъ нихъ, пока оно не изгладится, и душа не запроситъ новаго. Нѣтъ, онъ вполнѣ пережилъ юношескій возрастъ, этотъ періодъ романтическаго взгляда на жизнь: онъ уже не мечтаетъ умереть за свою возлюбленную, произнося ея имя и завѣщавая другу локонъ волосъ, не принимаетъ слова за дѣло, порывъ чувства — хотя бы самаго возвышеннаго и благороднаго — за дѣйствительное состояніе души человѣка. Онъ много перечувствовалъ, много любилъ и по опыту знаетъ, какъ непродолжительны всѣ чувства, всѣ привязанности; онъ много думалъ о жизни и по опыту знаетъ, какъ ненадежны всѣ заключенія и выводы для тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшитъ и не обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣритъ... Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность* — вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и, презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптическій обманъ, то безсмысленное мельканіе китайскихъ тѣней. Это — переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и «хандрою», и «ипохондріею», и «мнительностью», и «сомнѣніемъ», и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія, и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексіею*. Мы не будемъ объяснять ни этимо-

логическаго, ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судитъ о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самомъ врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализируетъ его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйствительно ли чувство, законно ли намѣреніе, и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ, — и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ; рука, подъятая для дѣйствія, какъ внезапно окаменѣлая, останавливается на взмахѣ и не ударяетъ...

Такъ робкими всегда творитъ насъ совѣсть.
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой,
Имени дѣяній не стяжаютъ...—

говоритъ шекспировъ Гамлетъ, этотъ поэтическій апоѳеозъ рефлексіи. Ужасное состояніе! Даже въ объятіяхъ любви, среди блаженнѣйшаго упоенія и полноты жизни, возстаетъ этотъ враждебный внутренній голосъ, чтобы заставить человѣка думать

. . . . въ такое время,
Когда не думаетъ никто,

и, вырвавъ изъ его рукъ очаровательный образъ, замѣнить его отвратительнымъ скелетомъ...

Но это состояніе сколько ужасно, столько же необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя ступень духа, дальше которой онъ не можетъ развиваться. При одномъ чувствѣ человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственнаго инстинкта. Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній, высшій актъ разумности есть мысль. Въ мысли — независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего, онъ слѣдуетъ чувству, его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свой-

ству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ хоть сколько-нибудь свое родство съ человѣчествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ, онъ не можетъ быть чуждъ рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто-практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа, и которыхъ жизнь — апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть, по преимуществу, вѣкъ рефлексіи, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубокостью соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если онѣ не лишены глубокости. Отсюда значеніе цѣлой германской литературы: въ основаніи почти каждаго изъ ея произведеній лежитъ нравственный, религіозный или философскій вопросъ. «Фаустъ» Гёте есть поэтическій апоѳеозъ рефлексіи нашего вѣка. Естественно, что такое состояніе человѣчества нашло свой отзывъ и у насъ; но оно отразилось въ нашей жизни особеннымъ образомъ, вслѣдствіе неопредѣленности, въ которую поставлено наше общество насильственнымъ выходомъ изъ своей непосредственности черезъ великую реформу Петра. Дивно-художественная «Сцена Фауста» Пушкина представляетъ собою высокій образъ рефлексіи, какъ болѣзни многихъ индивидуумовъ нашего общества. Ея характеръ — апатическое охлажденіе къ благамъ жизни, вслѣдствіе невозможности предаваться имъ со всею полнотою. Отсюда: томительная бездѣйственность въ дѣйствіяхъ, отвращеніе ко всякому дѣлу, отсутствіе всякихъ интересовъ въ душѣ, неопредѣленность желаній и стремленій, безотчетная тоска, мечтательность при избыткѣ внутренней жизни. Это противорѣчіе превосходно выражено авторомъ разбираемаго нами романа въ его чудно-поэтической «Думѣ», исполненной благороднаго негодованія, могучей жизни и поразительной вѣрности идей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить изъ нея слѣдующіе четыре стиха, въ которыхъ сказано больше, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ иного «господина-сочинителя»:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!..

Печоринъ есть одинъ изъ тѣхъ, къ кому особенно должно относиться это энергическое воззваніе благороднаго поэта, котораго это самое и заставило назвать героя романа героемъ нашего времени. Отсюда происходитъ и недостатокъ опредѣленности, недостатокъ художественной рельефности въ изображеніи этого лица, но отсюда же выходитъ и его высочайшій поэтическій интересъ для всѣхъ, кто принадлежитъ къ *нашему времени* не по одному году и числу мѣсяца,

въ которые родился; и то сильное неотразимо-грустное впечатлѣніе, которое онъ на насъ производитъ. Но мы еще возвратимся къ этому предмету, когда кончимъ изложеніе содержанія романа.

Теперь настала очередь Печорина. Капитанъ сыгралъ сцену прощанія съ Грушницкимъ, едва удерживаясь отъ смѣха. Можно себѣ представить, какія чувства волновали Печорина при видѣ соперника, который теперь со спокойною дерзостью смотрѣлъ на него и, кажется, удерживалъ улыбку, а за минуту хотѣлъ убить его, какъ собаку... Какъ бы для очистки своей совѣсти, онъ предложилъ ему попросить у него прощенія, но, услышавъ гордый отказъ, произнесъ слѣдующія слова съ разстановкою, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ: «Докторъ, эти господа, вѣроятно, второпяхъ забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова, — и хорошенько!» Капитанъ старался казаться обиженнымъ и утверждалъ, что это неправда; но Печоринъ заставилъ его замолчать, сказавъ, что если это такъ, то онъ и съ нимъ будетъ стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ. Грушницкій подалъ рѣшительный голосъ въ пользу переряженія пистолета. «Дуракъ же ты, братецъ, — сказалъ капитанъ, плюнувъ и топнувъ ногою, — пошлый дуракъ!.. Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... подѣломъ же тебѣ! Околѣвай себѣ, какъ муха!..» Печоринъ снова предложилъ Грушницкому — признаться въ своей клеветѣ, обѣщаясь этимъ и кончить дѣло, и даже напоминалъ ему о ихъ прежней дружбѣ. Здѣсь предстоялъ автору прекрасный случай изобразить трогательную сцену примиренія враговъ и обращенія на путь истины заблудшаго человѣка и тѣмъ премного утѣшить моралистовъ и любителей пряничныхъ эффектовъ; но глубоко-художественный инстинктъ истины, безсознательно открывающій поэту самыя сокровенныя таинства человѣческой природы, заставилъ его написать сцену совсѣмъ въ другомъ родѣ, — сцену, которая поражаетъ свою ужасною, безпощадною истинностью и своею потрясающею эффектностью, при высочайшей простотѣ и естественности... Лицо Грушницкаго вспыхнуло, глаза засверкали. «Стрѣляйте! — отвѣчалъ онъ, — я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста»...

Да, это геніальная черта, смѣлый и мощный взмахъ художнической кисти!.. Не забудьте, что у Грушницкаго нѣтъ только характера, но что натура его не чужда была нѣкоторыхъ добрыхъ сторонъ: онъ неспособенъ былъ ни къ дѣйствительному добру, ни къ дѣйствительному злу; но торжественное трагическое положеніе, въ которомъ самолюбіе его играло бы напропалую, необходимо должно было возбудить въ немъ мгновенный и смѣлый порывъ страсти. Само-

любіе увѣрило его въ небывалой любви къ княжнѣ и въ любви княжны къ нему; самолюбіе заставило его видѣть въ Печоринѣ своего соперника и врага; самолюбіе рѣшило его на заговоръ противъ чести Печорина; самолюбіе не допустило его послушаться голоса своей совѣсти и увлечься своимъ добрымъ началомъ, чтобы признаться въ заговорѣ; самолюбіе заставило его выстрѣлить въ безоружнаго человѣка, — то же самое самолюбіе и сосредоточило всю силу его души въ такую рѣшительную минуту и заставило предпочесть вѣрную смерть вѣрному спасенію черезъ признаніе. Это человѣкъ — апоѳеозъ мелочнаго самолюбія и слабости характера: отсюда всѣ его поступки, — и, несмотря на кажущуюся силу его послѣдняго поступка, онъ вышелъ прямо изъ слабости его характера. Самолюбіе — великій рычагъ въ душѣ человѣка; оно родитъ чудеса! Бываютъ на свѣтѣ люди, которые, не блѣднѣя, какъ предъ чашкою чая, стоятъ предъ дуломъ своего противника, которые прячутся подъ фуры во время сраженія...

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, Печоринъ замѣтилъ между расcѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго — и невольно закрылъ глаза. Возвращаясь въ Кисловодскъ, онъ опустилъ поводья и далъ волю коню. Солнце уже садилось, когда, измученный на измученной лошади, пріѣхалъ онъ домой. Тамъ засталъ онъ двѣ записки — одну отъ доктора, другую отъ Вѣры.

Докторъ увѣдомлялъ его, что тѣло уже перевезено, но что, благодаря ихъ мѣрамъ, заранѣе взятымъ, подозрѣній нѣтъ никакихъ, и что онъ можетъ спать спокойно... если можетъ...

Долго не рѣшался онъ открыть вторую записку; тяжелое предчувствіе мучило его — и оно не обмануло его. Письмо Вѣры начинается прощаніемъ навсегда. Мужъ разсказалъ ей о ссорѣ Печорина съ Грушницкимъ, — и это такъ поразило и взволновало ее, что она не понимала, что отвѣчала ему, и только догадывалась, что то было признаніе въ своей тайной любви, потому что мужъ оскорбилъ ее ужаснымъ словомъ и, вышедъ изъ комнаты, велѣлъ закладывать карету. Мысль о вѣчной разлукѣ увлекла ее къ объясненію своихъ отношеній къ Печорину, — и вотъ примѣчательнѣйшее мѣсто письма:

«Мы разстаемся навѣки: однакожъ ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая, никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ни чей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ».

Письмо заключается изъявленіемъ сомнительной увѣренности, что онъ не любитъ Мери и не женится на ней. «Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ»...

Велѣвъ осѣдлать измученнаго коня, какъ безумный, помчался Печоринъ въ Пятигорскъ. При возможности потерять Вѣру она стала для него дороже всего на свѣтѣ — жизни, чести, счастья! Натискъ судьбы взволновалъ могучую натуру, изнемогавшую въ спокойствіи и мирѣ, и возбудилъ ея дремавшее чувство... Здѣсь невольно приходятъ на умъ эти стихи Пушкина:

О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то не влечетъ:
Васъ безпрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Стремглавъ скача и погоняя безпощадно, онъ сталъ замѣчать, что конь его тяжело дышитъ и спотыкается. Оставалось пять верстъ до Гонтуковъ, казачьей станицы, гдѣ бы могъ онъ пересѣсть на другую лошадь. Еще бы только десять минутъ, но конь рухнулся и издохъ... Печоринъ хотѣлъ итти пѣшкомъ, но, изнуренный тревогами дня и безсонницею, онъ упалъ на мокрую траву и, какъ ребенокъ, заплакалъ... Напряженная гордость, холодная твердость — плодъ сухого отчаянія, софизмы свѣтской философіи—все исчезло и умолкло; уже не стало человѣка, волнуемаго страстями, потрясаемаго борьбою внутреннихъ противорѣчій, — предъ вами бѣдное безсильное дитя, слезами омывающее грѣхи свои, чуждое, на эту минуту, ложнаго стыда и не жалующееся ни на судьбу, ни на людей, ни на самого себя...

И долго лежалъ я неподвижно, и плакалъ горько, не стараясь удержать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли какъ дымъ, душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ; и если бы въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили его горящую голову, онъ разсудилъ, что горькій прощальный поцѣлуй немного бы прибавилъ къ его воспоминаніямъ, а разлука послѣ него была бы тяжеле, — и возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился въ постель и проспалъ мертвымъ сномъ до вечера. Тутъ пришелъ къ нему Вернеръ и извѣстилъ его, что княжна Лиговская больна разслабленіемъ нервовъ; что начальство догадывается объ истинныхъ причинахъ смерти Грушницкаго и что ему должно взять свои мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день утромъ онъ получилъ приказаніе

отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N, гдѣ судьба и свела его съ Максимомъ Максимычемъ.

Предъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ княгинѣ Лиговской проститься. Она встрѣтила его, какъ человѣка, навѣрное явившагося къ ней, какъ къ матери, съ предложеніемъ насчетъ руки дочери. Тутъ слѣдуетъ превосходная комическая сцена, гдѣ княгиня, намекая Печорину, что ей извѣстны его отношенія къ Мери, даетъ ему знать, что не будетъ противиться ихъ соединенію и охотно прощаетъ ему странность его поведенія въ отношеніи къ ея дочери. Нѣсколько разъ прерывала она свой большой монологъ пыхтѣніемъ и вздохами и, наконецъ, заплакала. Печоринъ попросилъ у нея позволенія наединѣ переговорить съ ея дочерью, на что княгиня принуждена была согласиться.

Прошло пять минутъ; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! Какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея, — а давно ли? Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась: я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, наполненные неизъяснимою грустью, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ея.

— Княжна, — сказалъ я, — вы знаете, что я надъ вами смѣялся!.. Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: — Слѣдственно, вы меня любить не можете.

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой! — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо; еще минута и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите, — сказалъ я сколько могъ твердымъ голосомъ и съ принужденною усмѣшкою, — вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бы вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись; мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь; вотъ все, что могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я предъ вами низокъ?.. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?..

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная, какъ мраморъ, только глаза ея чудно сверкали. — Я васъ ненавижу, — сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Нужно ли что-нибудь говорить объ этой сценѣ, гдѣ бѣдная Мери является въ такомъ безконечно поэтическомъ апоѳеозѣ страданія отъ обманутаго чувства и оскорбленнаго самолюбія и достоинства жен-

щины, и гдѣ каждое ея движеніе, каждый звукъ ея голоса запечатлѣны такою неотразимою прелестью и истиною, а положеніе трогательно и возбуждаетъ такое сильное и горестное участіе!.. Нѣтъ, кому эта сцена не скажетъ всего, тому наши слова ничего не пояснятъ...

Черезъ часъ скакалъ онъ на тройкѣ курьерскихъ изъ Кисловодска и на дорогѣ увидѣлъ своего коня: сѣдло было снято, и вмѣсто него два ворона сидѣли у него на спинѣ... Онъ вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслью прошедшее, спрашиваю себя, отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное? Нѣтъ, я бы не ужился съ этою долею! Я—какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами, и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце, онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибережному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

Такою лирическою выходкою, полною безконечной поэзіи и обнаруживающею всю глубину и мощь этого человѣка, замыкается журналъ Печорина. Теперь это таинственное лицо, такъ сильно волновавшее наше любопытство и въ исторіи Бэлы, и при свиданіи съ Максимъ Максимычемъ, и въ разсказѣ о собственномъ приключеніи въ Тамани, — теперь оно все предъ нами, во весь ростъ свой. Черезъ него самого познакомились мы со всѣми изгибами его сердца, со всѣми событіями его жизни, и теперь уже самъ онъ ничего новаго не въ состояніи сказать намъ о самомъ себѣ. Но между тѣмъ, прочтя «Княжну Мери», мы все еще не разстались съ нимъ, и еще разъ встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ разсказчикомъ необыкновеннаго случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Мы не будемъ ни подробно излагать содержанія этого разсказа, ни дѣлать изъ него выписокъ... Самъ Печоринъ является тутъ дѣйствующимъ лицомъ, и едва ли еще не болѣе на первомъ планѣ, чѣмъ самъ герой разсказа. Свойство его участія въ ходѣ повѣсти, равно какъ и его отчаянная, фаталическая смѣлость при взятіи взбѣсившагося казака если не прибавляютъ ничего новаго къ даннымъ объ его характерѣ, то все-таки добавляютъ уже извѣстное намъ и тѣмъ самымъ усугубляютъ единство мрачнаго и терзающаго душу впечатлѣнія цѣлаго романа, который есть біографія одного лица.—Это усиленіе впечатлѣнія особенно заключается въ основной идеѣ разсказа, которая есть — фатализмъ, вѣра въ предопредѣленіе, одно изъ самыхъ мрачныхъ заблужденій человѣческаго разсудка, которое лишаетъ человѣка нравственной свободы, изъ слѣ-

ного случая дѣлая необходимость. Предразсудокъ — явно выходящій изъ положенія Печорина, который не знаетъ, чему вѣрить, на чемъ опереться, и съ особеннымъ увлеченіемъ хватается за самыя мрачныя убѣжденія, лишь бы только давали они поэзію его отчаянію и оправдывали его въ собственныхъ глазахъ.

Что же за человѣкъ этотъ Печоринъ? — Здѣсь мы должны обратиться къ «Предисловію», написанному авторомъ романа къ журналу Печорина.

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня передать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому, но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ: слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиной дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастья любимаго предмета, чтобы разразиться надъ головою громомъ упрековъ, совѣтовъ и сожалѣній.

Несмотря на всю софистическую ложность этой горькой выходки, самая же желчность свидѣтельствуетъ уже, что въ ней есть своя истинная сторона. Въ самомъ дѣлѣ, и дружба, подобно любви, есть роза съ роскошнымъ цвѣтомъ, упоительнымъ ароматомъ, но и съ колючими шипами. Каждая индивидуальность, какъ бы по природѣ своей, враждебна другой и силится пересоздать ее по-своему, и, въ самомъ дѣлѣ, когда сходятся двѣ субъективности, онѣ, такъ сказать, чрезъ взаимное треніе другъ о друга сглаживаются и измѣняются, заимствуя одна отъ другой то, чего имъ недостаетъ. Отсюда это взаимное цензорство въ дружбѣ, эта страсть разражаться надъ головою друга градомъ упрековъ, насмѣшекъ и сожалѣній. Самолюбіе тутъ играетъ свою роль; но если дружба основана не на дѣтской привязанности или какой-нибудь внѣшней связи, — истинная привязанность, внутреннее человѣческое чувство всегда играетъ тутъ свою роль. Авторъ видитъ въ дружбѣ одни шипы — и его ошибка не въ ложности, а въ односторонности взгляда. Онъ, видимо, находится въ томъ состояніи духа, когда въ нашемъ разумѣніи всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не созрѣетъ для великаго процесса разумнаго примиренія противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ. Вообще, хотя авторъ и выдаетъ себя за человѣка, совершенно чуждаго Печорину, но онъ сильно симпатизируетъ съ нимъ, и въ ихъ взглядѣ на вещи — удивительное сходство. Слѣдующее мѣсто изъ «Предисловія» еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль:

Можетъ-быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе этой книги. — «Да это злая иронія!» скажутъ они. — Не знаю.

Итакъ, «Герой нашего времени» — вотъ основная мысль романа. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого весь романъ можетъ почесться злою ироніею, потому что большая часть читателей, навѣрное, воскликнетъ: «Хорошъ же герой!» — А чѣмъ же онъ дуренъ? — смѣемъ васъ спросить.

Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ.
Что пылкихъ думъ неосторожность
Себялюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ,
Что слишкомъ часты разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по-плечу и не страшна?

Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! Но вѣдь это то же самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И притомъ, развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? Развѣ онъ гордится имъ? Развѣ онъ не страдалъ отъ него? Развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастья купить эту вѣру, для которой еще не насталъ часъ его?.. Вы говорите, что онъ эгоистъ? — Но развѣ онъ не презираетъ и не ненавидитъ себя за это? Развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной? — Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ не знаетъ мученія; страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменная почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлитъ ее страданіе и ороситъ благодатный дождь, и она произраститъ изъ себя пышные, роскошные цвѣты небесной любви... Этому человѣку стало больно и грустно, что всѣ его не любятъ, — и кто же эти «всѣ»? — пустые, ничтожные люди, которые не могутъ простить ему его превосходства надъ ними. А его готовность задушить въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому, человѣку, сейчасъ только выстрѣлившему въ него пулею и безстыдно ожидавшему отъ него холостого выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи, у тѣла издохшаго коня? — Нѣтъ, все это не эгоизмъ! Но его — скажете вы — холодная расчетливость, систематическая разсчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ее, и только

для того, чтобы посмѣяться надъ нею и чѣмъ-нибудь занять свою праздность? — Такъ, но мы и не думаемъ оправдывать его въ такихъ поступкахъ, ни выставлять его образцомъ, высокимъ идеаломъ чистѣйшей нравственности; мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравственности существуютъ въ однихъ классическихъ трагедіяхъ и морально-сентиментальныхъ романахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою. Его, во многихъ отношеніяхъ, дурное настоящее обѣщаетъ прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое торжество духа надъ природою и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жерновъ, неосторожныхъ, попавшихъ подъ его колеса: не значитъ ли это противорѣчить самимъ себѣ? Опасность отъ парохода есть результатъ его чрезмѣрной быстроты; слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его достоинства. Бываютъ люди, которые отвратительны, при всей безукоризненности своего поведенія, потому что она въ нихъ есть слѣдствіе безжизненности и слабости духа. Порокъ возмутителенъ и въ великихъ людяхъ; но, наказанный, онъ приводитъ въ умиленіе вашу душу. Это наказаніе только тогда есть торжество нравственнаго духа, когда оно является не извнѣ, но есть результатъ самого порока, отрицаніе собственной личности индивидуума, въ оправданіе вѣчныхъ законовъ оскорбленной нравственности. Авторъ разбираемаго нами романа, описывая наружность Печорина, когда онъ съ нимъ встрѣтился на большой дорогѣ, вотъ что говоритъ объ его глазахъ: «Они не смѣялись, когда онъ смѣялся... Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей? Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его — непродолжительный, но проницательный и тяжелый оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ казаться дерзкимъ, если бы не былъ столь равнодушно спокоенъ». Согласитесь, что какъ эти глаза, такъ и вся сцена свиданія Печорина съ Максимомъ Максимычемъ показываютъ, что если это порокъ, то совсѣмъ не торжествующій, и надо быть рожденнымъ для добра, чтобы такъ жестоко быть наказану за зло?.. Торжество нравственнаго духа гораздо поразительнѣе совершается надъ благородными натурами, чѣмъ надъ злодѣями...

А между тѣмъ этотъ романъ — совсѣмъ не злая иронія, хотя и очень легко можетъ быть принятъ за иронію; это одинъ изъ тѣхъ романовъ,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно,
Съ его безнравственной душой
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

«Хорошъ же современный человѣкъ!» воскликнулъ одинъ правоописательный «сочинитель», разбирая, или, лучше сказать, ругая седьмую главу «Евгенія Онѣгина». Здѣсь мы почитаемъ кстати замѣтить, что всякій современный человѣкъ, въ смыслѣ представителя своего вѣка, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, не можетъ быть дуренъ, потому что нѣтъ дурныхъ вѣковъ, и ни одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другого, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человѣчества или общества.

Пушкинъ спрашивалъ самого себя о своемъ Онѣгинѣ:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ, —
Ужъ не пародія ли онъ?

И этимъ самымъ вопросомъ онъ разрѣшилъ загадку и нашелъ слово. Онѣгинъ — не подражаніе, а отраженіе, но сдѣлавшееся не въ фантазіи поэта, а въ современномъ обществѣ, которое онъ изобразилъ въ лицѣ героя своего поэтическаго романа. Сближеніе съ Европою должно было особеннымъ образомъ отразиться въ нашемъ обществѣ, — и Пушкинъ, геніальнымъ инстинктомъ великаго художника, уловилъ это отраженіе въ лицѣ Онѣгина. Но Онѣгинъ для насъ уже прошедшее, и прошедшее невозвратное.

Если бы онъ явился въ наше время, вы имѣли бы право спросить вмѣстѣ съ поэтомъ:

Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ такъ же дурака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?

Чѣмъ нынѣ явится? — Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?

Печоринъ Лермонтова есть лучшій отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Это — Онѣгинъ нашего времени, герой нашего времени. Несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онѣгою и Печорою. Иногда, въ самомъ имени, которое истинный поэтъ даетъ своему герою, есть разумная необходимость, хотя, можетъ-быть, и невидимая самимъ поэтомъ.

Со стороны художественнаго выполненія нечего и сравнивать Онѣгина съ Печоринымъ. Но какъ выше Онѣгинъ Печорина въ художественномъ отношеніи, такъ Печоринъ выше Онѣгина по идеѣ. Впрочемъ, это преимущество принадлежитъ нашему времени, а не Лермонтову.

Что такое Онѣгинъ? — Лучшею характеристикою и истолкованіемъ этого лица можетъ служить французскій эпиграфъ къ поэмѣ: «Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de superiorité, peut-être imaginaire». Мы думаемъ, что это превосходство въ Онѣгинѣ нисколько не было воображаемымъ, потому что онъ «вчужѣ чувства уважалъ» и что въ «его сердцѣ была и гордость, и прямая честь». Онъ является въ романѣ человѣкомъ, котораго убили воспитаніе и свѣтская жизнь, которому все приглядѣлось, все прiѣлось, все прилюбилось и котораго вся жизнь состояла въ томъ:

Что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Не таковъ Печоринъ. Этотъ человѣкъ не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе: бѣшено гоняется онъ за жизнью, ища ея повсюду; горько обвиняетъ онъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучатъ, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія: подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя самый любопытный предметъ своихъ наблюденій, и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей исповѣди, не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ недостаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія. Какъ въ характеристикѣ современнаго человѣка, сдѣланной Пушкинымъ, выражается весь Онѣгинъ, такъ Печоринъ — весь въ этихъ стихахъ Лермонтова:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

«Герой нашего времени» это — грустная дума о нашемъ времени какъ и та, которою такъ благородно, такъ энергически возобновилъ поэтъ свое поэтическое поприще, и изъ которой мы взяли эти четыре стиха...

Но со стороны формы изображеніе Печорина не совсѣмъ художественно. Однако причина этого — не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ, какъ мы уже слегка и намекнули, такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объектировать его. Мы убѣждены, что никто не можетъ видѣть въ словахъ нашихъ желаніе выставить романъ г. Лермонтова автобіографіею. Субъективное изображеніе лица не есть автобіографія. Шиллеръ не былъ разбойникомъ, хотя въ Карлѣ Моорѣ и выразилъ свой идеалъ человѣка. Прекрасно выразился Фарнгагенъ, сказавъ, что на Онѣгина и Ленскаго можно бы смотрѣть какъ на братьевъ Вульта и Вальта у Жанъ-Поля Рихтера, т.-е. какъ на разложеніе самой природы поэта, и что онъ, можетъ-быть, воплотилъ двойство своего внутренняго существа въ этихъ двухъ живыхъ созданіяхъ. Мысль вѣрная, а между тѣмъ было бы очень нелѣпо искать сходныхъ чертъ въ жизни этихъ лицъ съ жизнью самого поэта.

Вотъ причина неопредѣленности Печорина и тѣхъ противорѣчій, которыми такъ часто опутывается изображеніе этого характера. Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлиться отъ него, стать выше его, смотрѣть на него, какъ на нѣчто оконченное. Но этого, повторяемъ, не видно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ насъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какъ и является намъ въ началѣ романа. Оттого и самый романъ, поражая удивительнымъ единствомъ ощущенія, нисколько не поражаетъ единствомъ мысли и оставляетъ насъ безъ всякой перспективы, которая невольно возникаетъ въ фантазіи читателя, по прочтеніи художественнаго произведенія, и въ которую невольно погружается очарованный взоръ его. Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію чрезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, какъ въ «Вертерѣ» Гёте, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа г. Лермонтова: таковы бываютъ всѣ современные общественные вопросы;

высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это — вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданіе...

Это же единство ощущенія, а не идеи, связываетъ и весь романъ. Въ «Онѣгинѣ» всѣ части органически сочленены, ибо въ избранной рамкѣ романа своего Пушкинъ исчерпалъ всю свою идею, и потому въ немъ ни одной части нельзя ни измѣнить, ни замѣнить. «Герой нашего времени» представляетъ собою нѣсколько рамокъ, вложенныхъ въ одну большую раму, которая состоитъ въ названіи романа и единствѣ героя. Части этого романа расположены сообразно съ внутреннею необходимостью; но какъ онѣ суть только отдѣльные случаи изъ жизни хотя и одного и того же человѣка, то и могли бы быть замѣнены другими, ибо вмѣсто приключенія въ крѣпости съ Бэлою или въ Тамани могли бы быть подобныя же и въ другихъ мѣстахъ, и съ другими лицами, хотя при одномъ и томъ же героѣ. Но, тѣмъ не менѣе, основная мысль автора даетъ имъ единство, и общность ихъ впечатлѣнія поразительна, не говоря уже о томъ, что «Бэла», «Максимъ Максимычъ» и «Тамань», отдѣльно взятыя, суть въ высшей степени художественныя произведенія. И какія типическія, какія дивно-художественныя лица — Бэлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, дѣвушки въ Тамани! Какія поэтическія подробности, какой на всемъ поэтическій колоритъ!

Но «Княжна Мери» и какъ отдѣльно взятая повѣсть менѣе всѣхъ другихъ художественна. Изъ лицъ одинъ Грушницкій есть истинно-художественное созданіе. Драгунскій капитанъ безподобенъ, хотя и является въ тѣни, какъ лицо меньшей важности. Но всѣхъ слабѣе обрисованы лица женскія, потому что на нихъ-то особенно отразилась субъективность взгляда автора. Лицо Вѣры особенно неуловимо и неопредѣленно. Это скорѣе сатира на женщину, чѣмъ женщина. Только что начинаете вы ею заинтересовываться и очаровываться, какъ авторъ тотчасъ же и разрушаетъ ваше участіе и очарованіе какою-нибудь совершенно произвольною выходкою. Отношенія ея къ Печорину похожи на загадку. То она кажется вамъ женщиною глубокою, способною къ безграничной любви и преданности, къ геройскому самоотверженію, то видите въ ней одну слабость, и больше ничего. Особенно ощутителенъ въ ней недостатокъ женственной гордости и чувства своего женственнаго достоинства, которыя не мѣшаютъ женщинѣ любить горячо и беззавѣтно, но которая едва ли когда допуститъ истинно глубокую женщину сносить тиранство любви. Она любитъ Печорина, а въ другой разъ выходитъ замужъ, и еще за старика, слѣдовательно, по расчету, по какому бы то ни было; измѣнивъ для Печорина одному мужу, измѣняетъ и другому, и скорѣе по слабости, чѣмъ по увлеченію чувства. Она обожаетъ въ Печоринѣ его высшую природу,

и въ ея обожаніи есть что-то рабское. Вслѣдствіе всего этого она не возбуждаетъ къ себѣ сильнаго участія со стороны автора и, подобно тѣни, проскользаетъ въ его воображеніи. Княжна Мери изображена удачнѣе. Это дѣвушка неглупая, но и не пустая. Ея направленіе нѣсколько идеально, въ дѣтскомъ смыслѣ этого слова: ей мало любить человѣка, къ которому влекло бы ее чувство, непремѣнно надо, чтобы онъ былъ несчастенъ и ходилъ въ толстой и сѣрой солдатской шинели. Печорину очень легко было обольстить ее: стоило только казаться непонятнымъ и таинственнымъ и быть дерзкимъ. Въ ея направленіи есть нѣчто общее съ Грушницкимъ, хотя она и несравненно выше его. Она допустила обмануть себя; но когда увидѣла себя обманутою, она, какъ женщина, глубоко почувствовала свое оскорбленіе и пала его жертвою, безотвѣтною, безмолвно страдающею, но безъ униженія, — и сцена ея послѣдняго свиданія съ Печоринымъ возбуждаетъ къ ней сильное участіе и обливаетъ ея образъ блескомъ поэзіи. Но, несмотря на это, и въ ней есть что-то какъ будто бы недосказанное, чему опять причиною то, что ея тяжбу съ Печоринымъ судило не третье лицо, какимъ бы долженъ былъ явиться авторъ.

Однако при всемъ этомъ недостаткѣ художественности, вся повѣсть насквозь проникнута поэзіею, исполнена высочайшаго интереса. Каждое слово въ ней такъ глубоко-знаменательно, самые парадоксы такъ поучительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ повѣсти — то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпающійся по бархату жемчугъ! Основная идея такъ близка сердцу всякаго, кто мыслитъ и чувствуетъ, что всякій изъ *такихъ*, какъ бы ни противоположно было его положеніе положеніямъ, въ ней представленнымъ, увидитъ въ ней исповѣдь собственнаго сердца.

Въ «Предисловіи» къ журналу Печорина авторъ, между прочимъ, говоритъ:

> Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта, но теперь я не могу взять на себя эту отвѣтственность.

Благодаримъ автора за пріятное обѣщаніе, но сомнѣваемся, чтобы онъ его выполнилъ: мы крѣпко убѣждены, что онъ навсегда разстался съ своимъ Печоринымъ. Въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ насъ признаніе Гёте, который говоритъ въ своихъ запискахъ, что, написавъ «Вертера», бывшаго плодомъ тяжелаго состоянія его духа, онъ освободился отъ него и былъ такъ далекъ отъ героя своего романа, что ему смѣшно было видѣть, какъ сходила отъ него съ ума пылкая молодежь... Такова благородная природа поэта: собственною силою своею вырывается онъ изъ всякаго момента ограниченности и летитъ къ но-

вымъ, живымъ явленіямъ міра, въ полное славы творенье... Объектируя собственное страданіе, онъ освобождается отъ него; переводя на поэтическіе звуки диссонансы духа своего, онъ снова входитъ въ родную ему сферу вѣчной гармоніи... Если же г. Лермонтовъ и выполнитъ свое обѣщаніе, то мы увѣрены, что онъ представитъ уже не стараго и знакомаго намъ, о которомъ онъ уже все сказалъ, а совершенно новаго Печорина, о которомъ еще можно много сказать. Можетъ-быть, онъ покажетъ его намъ исправившимся, признавшимъ законы нравственности, но, вѣрно, ужъ не въ утѣшеніе, а въ пущее огорченіе моралистовъ: можетъ-быть, онъ заставитъ его признать разумность и блаженство жизни, но для того, чтобы увѣриться, что это не для него, что онъ много утратилъ силъ въ ужасной борьбѣ, ожесточился въ ней и не можетъ сдѣлать эту разумность и блаженство своимъ достояніемъ... А можетъ-быть, и то: онъ сдѣлаетъ его и причастникомъ радостей жизни, торжествующимъ побѣдителемъ надъ злымъ геніемъ жизни... Но то или другое, а во всякомъ случаѣ искупленіе будетъ совершено черезъ одну изъ тѣхъ женщинъ, существованію которыхъ Печоринъ такъ упрямо не хотѣлъ вѣрить, основываясь не на своемъ внутреннемъ созерцаніи, а на бѣдныхъ опытахъ своей жизни... Такъ сдѣлалъ и Пушкинъ съ своимъ Онѣгинымъ: отвергнутая имъ женщина воскресила его изъ смертнаго усыпленія для прекрасной жизни, но не для того, чтобы дать ему счастье, а для того, чтобы наказать его за невѣріе въ таинство любви и жизни и въ достоинство женщины...

Давно ли привѣтствовали мы первое изданіе «Героя нашего времени» большою критическою статьею, и, полные гордыхъ, величавыхъ и сладостныхъ надеждъ, со всѣмъ жаромъ убѣжденія, основаннаго на сознаніи, указывали русской публикѣ на Лермонтова, какъ на великаго поэта въ будущемъ, смотрѣли на него, какъ на преемника Пушкина въ настоящемъ!.. И вотъ проходитъ не болѣе года, — мы встрѣчаемъ новое изданіе «Героя нашего времени» горькими слезами о невозвратимой утратѣ, которую понесла осиротѣлая русская литература въ лицѣ Лермонтова!.. Несмотря на общее единодушное вниманіе, съ какимъ приняты были его первые опыты, несмотря на какое-то безусловное ожиданіе отъ него чего-то великаго, — наши восторженныя похвалы и радостные привѣты новому свѣтилу поэзіи для многихъ благоразумныхъ людей казались преувеличенными... Слава ихъ благоразумію, такъ много теперь выигравшему, и горе намъ, такъ много утратившимъ!.. Въ сознаніи великой, невознаградимой утраты, въ полнотѣ ѣдкаго, грустнаго чувства, отравляющаго сердце, мы готовы великодушно увеличить торжество осторожнаго въ своихъ приговорахъ

сомнѣнія и охотно сознаться, что, говоря такъ много о Лермонтовѣ, мы видѣли болѣе будущаго, нежели настоящаго Лермонтова, — видѣли Алкида, въ колыбели удушающаго змѣй зависти, но еще не Алкида, сражающаго ужасною палицею лернейскую гидру... Да, все написанное Лермонтовымъ еще недостаточно для упроченія колоссальной славы, и болѣе значительно, какъ предвѣстіе будущаго, а не какъ что-нибудь положительно и безотносительно великое, хотя и само по себѣ все это составляетъ важный и примѣчательный фактъ, рѣшительно выходящій изъ круга обыкновеннаго. Первыя лирическія пьесы: «Русланъ и Людмила» и «Кавказскій плѣнникъ», еще не могли составить славы Пушкина, какъ великаго міроваго поэта; но въ нихъ уже видѣлся будущій создатель «Цыганъ», «Онѣгина», «Бориса Годунова», «Моцарта и Сальери», «Скупого рыцаря», «Русалки», «Каменнаго гостя» и другихъ великихъ поэмъ... Толпа судитъ и дѣлаетъ свои приговоры заднимъ числомъ; она говоритъ, когда уже не боится проговориться. Толпа идетъ ощупью и о твердости встрѣченнаго ею предмета судитъ по силѣ толчка, съ которымъ наткнулась на него. Оставляя за толпою право видѣть вещи не иначе, какъ оборачиваясь назадъ, не будемъ отнимать права у людей заглядывать впередъ и по настоящему предсказывать о будущемъ... Всякому свое: толпѣ — кричать, людямъ — мыслить... Пусть же кричитъ она, а мы снова повторимъ: новая великая утрата осиротила бѣдную русскую литературу!..

Самыя первыя произведенія Лермонтова были ознаменованы печатью какой-то особенности: они не походили ни на что являвшееся до Пушкина и послѣ Пушкина. Трудно было выразить словомъ, что̀ въ нихъ было особеннаго, отличавшаго ихъ даже отъ явленій, которыя носили на себѣ отблескъ истиннаго и замѣчательнаго таланта. Тутъ было все — и самобытная, живая мысль, одушевлявшая обаятельно прекрасную форму, какъ теплая кровь одушевляетъ молодой организмъ и яркимъ, свѣжимъ румянцемъ проступаетъ на ланитахъ юной красоты; тутъ была и какая-то мощь, горделиво владѣвшая собою и свободно подчинявшая идеѣ своеправные порывы свои; тутъ была и эта оригинальность, которая въ простотѣ и естественности открываетъ собою новые, дотолѣ невиданные міры и которая есть достояніе однихъ геніевъ; тутъ было много чего-то столь индивидуальнаго, столь тѣсно соединеннаго съ личностью творца, — много такого, что мы не можемъ иначе охарактеризовать, какъ назвавши «лермонтовскимъ элементомъ»... Какой избытокъ силы, какое разнообразіе идей и образовъ, чувствъ и картинъ! Какое сильное сліяніе энергіи и граціи, глубины и легкости, возвышенности и простоты! Читая всякую строку, вышедшую изъ-подъ пера Лермонтова, будто слушаешь музыкальные

аккорды и въ то же время слѣдишь взоромъ за потрясенными струнами, съ которыхъ сорваны они рукою невидимою... Тутъ, кажется, соприсутствуешь духомъ таинству мысли, рождающейся изъ ощущенія, какъ рождается бабочка изъ некрасивой личинки... Тутъ нѣтъ лишняго слова, не только лишней страницы: все на мѣстѣ, все необходимо, потому что все перечувствовано прежде, чѣмъ сказано, все видѣно прежде, чѣмъ положено на картину... Нѣтъ ложныхъ чувствъ, ошибочныхъ образовъ, натянутаго восторга, все свободно, безъ усилія, то бурнымъ потокомъ, то свѣтлымъ ручьемъ излилось на бумагу... Быстрота и разнообразіе ощущеній покорены единству мысли; волненіе и борьба противоположныхъ элементовъ послушно сливаются въ одну гармонію, какъ разнообразіе музыкальныхъ инструментовъ въ оркестрѣ, послушныхъ волшебному жезлу капельмейстера... Но главное — все это блещетъ своими незаимствованными красками, все дышитъ самобытною и творческою мыслью, все образуетъ новый, дотолѣ невиданный міръ... Только дикіе невѣжды, черствые педанты, которые за буквою не видятъ мысли и случайную внѣшность всегда принимаютъ за внутреннее сходство, только эти честные и добрые витязи букварей и фоліантовъ могли бы находить въ самобытныхъ вдохновеніяхъ Лермонтова подражанія не только Пушкину или Жуковскому, но и гг. Бенедиктову и Якубовичу...

Повторяемъ: небольшая книжка стихотвореній Лермонтова, конечно, не есть колоссальный монументъ поэтической славы; но она есть живое, говорящее прорицаніе великой поэтической славы. Это еще не симфонія, а только пробные аккорды, но аккорды, взятые рукою юнаго Бетховена... Просвѣщенный иностранецъ, знакомый съ русскимъ языкомъ, прочитавъ стихотворенія Лермонтова, не увидѣлъ бы въ ихъ малочисленности богатства русской литературы, но изумился бы силѣ русской фантазіи, даровитости русской натуры... Нѣкоторыя изъ нихъ законно могли бы явиться въ свѣтъ съ подписью имени Пушкина и другихъ величайшихъ мастеровъ поэзіи... «Герой нашего времени» обнаружилъ въ Лермонтовѣ такого же великаго поэта въ прозѣ, какъ и въ стихахъ. Этотъ романъ былъ книгою, вполнѣ оправдывавшею свое названіе. Въ ней авторъ является рѣшителемъ важныхъ современныхъ вопросовъ. Его Печоринъ — какъ современное лицо — Онѣгинъ нашего времени. Обыкновенно наши поэты жалуются — можетъ-быть, и не безъ основанія — на скудость поэтическихъ элементовъ въ жизни русскаго общества; но Лермонтовъ въ своемъ «героѣ» умѣлъ и изъ этой безплодной почвы извлечь богатую поэтическую жатву. Не составляя цѣлаго, въ строгомъ художественномъ смыслѣ, почти всѣ эпизоды его романа образуютъ собою очаровательные поэтическіе міры. «Бэла» и «Тамань» въ особенности могутъ считаться однѣми изъ драгоцѣннѣй-

нихъ жемчужинъ русской поэзіи; а въ нихъ еще остается столько дивныхъ подробностей и картинъ, въ которыхъ съ такою отчетливостью обрисовано типическое лицо Максима Максимыча! «Княжна Мери» менѣе удовлетворяетъ въ смыслѣ объективной художественности. Рѣшая слишкомъ близкіе сердцу своему вопросы, авторъ не совсѣмъ успѣлъ освободиться отъ нихъ и, такъ сказать, нерѣдко въ нихъ путался; но это даетъ повѣсти новый интересъ и новую прелесть, какъ самый животрепещущій вопросъ современности, для удовлетворительнаго рѣшенія котораго нуженъ былъ великій переломъ въ жизни автора... Но,—увы!—этой жизни суждено было проблеснуть блестящимъ метеоромъ, оставить послѣ себя длинную струю свѣта и благоуханія и—исчезнуть во всей красѣ своей...

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ...
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!
Губителемъ неслышнымъ и незримымъ,
Во всѣхъ путяхъ бѣда насъ сторожитъ,
Пріюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ,
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразитъ.
Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
Житейскаго никто не побѣдитъ.
Гнетомы всѣ единой грозной силой.
Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьѣ: «было!»

Какъ всѣ великіе таланты, Лермонтовъ въ высшей степени обладалъ тѣмъ, что называется «слогомъ». Слогъ отнюдь не есть простое умѣнье писать грамматически правильно, гладко и складно,—умѣнье, которое часто дается и безталантности. Подъ «слогомъ» мы разумѣемъ непосредственное, данное природою умѣнье писателя употреблять слова въ ихъ настоящемъ значеніи, выражаясь сжато, высказывать много, быть краткимъ въ многословіи и плодовитымъ въ краткости, тѣсно сливать идею съ формою и на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа. Предисловіе Лермонтова ко второму изданію «Героя нашего времени» можетъ служить лучшимъ примѣромъ того, что значитъ «имѣть слогъ». Выписываемъ это предисловіе:

Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь; оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ нѣтъ дѣла до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ, особенно у насъ. Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи; она просто дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое и, тѣмъ не менѣе, смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ:

наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной, нѣжнѣйшей дружбы.

Эта книжка испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись — и не шутя — что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ «герой нашего времени»; другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужъ сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности.

«Герой нашего времени», милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ, а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романическихъ злодѣевъ, — отчего же вы не вѣрите въ дѣйствительность Печорина? — Если вы любовались вымыслами гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями, у нихъ отъ этого испортился желудокъ: нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ, и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить — это ужъ Богъ знаетъ!

Какая точность и опредѣленность въ каждомъ словѣ, какъ на мѣстѣ и какъ незамѣнимо другимъ каждое слово! Какая сжатость, краткость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, многозначительность! Читая строки, читаешь и между строками; понимая ясно все сказанное авторомъ, понимаешь еще и то, чего онъ не хотѣлъ говорить, опасаясь быть многорѣчивымъ. Какъ образны и оригинальны его фразы: каждая изъ нихъ годится быть эпиграфомъ къ большому сочиненію. Конечно, это «слогъ», или мы не знаемъ, что такое «слогъ»...

Немного стихотвореній осталось послѣ Лермонтова. Найдется пьесъ десятокъ первыхъ его опытовъ, кромѣ большой его поэмы — «Демонъ»; пьесъ пять новыхъ, которыя подарилъ онъ редактору «Отечественныхъ Записокъ» передъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ... Наслѣдіе не огромное, но драгоцѣнное! «Отечественныя Записки» почтутъ священнымъ долгомъ скоро подѣлиться ими съ своими читателями. Лермонтовъ не много написалъ — безконечно меньше того, сколько позволялъ ему его громадный талантъ. Безпечный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устаиваться, въ душѣ пробужда-

лась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ спокойнѣе сталъ вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ суетою жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II, Александра I и настоящаго времени), имѣющіе между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру куперовской тетралогіи, начинающейся «Послѣднимъ изъ могиканъ», продолжающейся «Путеводителемъ въ пустынѣ» и «Піонерами» и оканчивающейся «Степями»... какъ вдругъ —

Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!..

Бѣлинскій.

Пушкинъ и Лермонтовъ.

Самую свѣжую и интересную новость въ современной русской литературѣ, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ теперь нѣсколько новыхъ и доселѣ неизвѣстныхъ публикѣ стихотвореній покойнаго Лермонтова. Неожиданный случай доставилъ ихъ намъ въ руки, и мы поспѣшили подѣлиться съ нашими читателями высокимъ наслажденіемъ этихъ какъ будто бы замогильныхъ звуковъ столь много обѣщавшей и столь безвременно замолкнувшей лиры. Нѣтъ нужды говорить и доказывать, что Лермонтовъ былъ великій поэтъ: въ этомъ уже давно и единодушно согласились всѣ, кто только не лишенъ здраваго смысла и эстетическаго чувства. Блескъ поэтическаго ореола загорѣлся надъ головой молодого поэта тотчасъ же, со времени появленія первыхъ его опытовъ. Немного Лермонтовъ успѣлъ произвести, но это немногое тотчасъ же дало ему, во мнѣніи общества, мѣсто подлѣ Пушкина. Мало того: теперь уже спорятъ не о томъ, можетъ ли имя Лермонтова упоминаться вмѣстѣ съ именемъ Пушкина, но о томъ: кто выше — Пушкинъ или Лермонтовъ? Подобный вопросъ и подобный споръ могутъ быть плодомъ самаго смѣшного дѣтства, если въ нихъ дѣло будетъ итти не объ идеяхъ, а объ именахъ. Вообще, сравненія одного великаго поэта съ другимъ чрезвычайно трудны; если же въ нихъ видно желаніе возвысить или уронить его на счетъ другого, то они просто нелѣпы и пошлы. Однакожъ злоупотребленіе какого-нибудь дѣла не должно унижать самаго дѣла, и сравненіе одного писателя съ другимъ, дѣлаемое съ цѣлью оцѣнить вѣрно и безпристрастно достоинства и недостатки каждаго изъ нихъ, съ полнымъ уваженіемъ къ обоимъ, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ

здравой и основательной критики. Результатомъ такого сравненія никогда не можетъ быть пошлое заключеніе, что Пушкинъ никуда не годится, потому что Лермонтовъ хорошъ, или что Лермонтовъ никуда не годится, потому что Пушкинъ хорошъ. Нѣтъ, результатомъ такого сравненія можетъ быть только объясненіе, въ чемъ именно заключается и великая, и слабая сторона того и другого поэта, чѣмъ одинъ изъ нихъ и выше, и ниже другого. Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о такомъ важномъ вопросѣ, какъ сравненіе Пушкина и Лермонтова; но мы считаемъ кстати сказать по этому поводу нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что теперь другіе толкуютъ объ этомъ кстати и не кстати, вкривь и вкось.

Сравненіе Пушкина съ Лермонтовымъ особенно трудно по тому горестному обстоятельству, которое какъ будто бы сдѣлалось неизбѣжною участью нашихъ великихъ поэтовъ: мы разумѣемъ безвременный конецъ ихъ поприща, вслѣдствіе котораго нельзя судить о нихъ, какъ о поэтахъ вполнѣ развившихся и опредѣлившихся. Это особенно относится къ Лермонтову.

Посмертныя сочиненія Пушкина — лучшія, художественнѣйшія его созданія, ясно обнаруживаютъ вполнѣ установившееся направленіе его. Они не совсѣмъ безосновательно были приняты публикой холодно. Въ объясненіи противорѣчія, почему лучшія и художественнѣйшія созданія Пушкина не безосновательно приняты были публикой холодно, заключается объясненіе тайны поэзіи Пушкина и значенія его, какъ поэта. Пушкинъ — это художникъ по преимуществу. Его назначеніе — осуществить на Руси идею поэзіи, какъ искусства. Намъ скажутъ: неужели же до Пушкина не было на Руси ни поэзіи, ни поэтовъ, и неужели поэзія Пушкина не имѣетъ никакой связи съ поэзіей предшествовавшихъ ему поэтовъ, неужели она не развилась исторически, а словно съ неба спустилась къ намъ? На такой вопросъ, имѣющій всю внѣшность истины и совершенно ложный въ сущности, мы отвѣтимъ вопросомъ же, только истиннымъ и извнѣ, и изнутри: неужели до грековъ не было на землѣ искусства, и поэзія индусовъ, изваянія египтянъ не заслуживаютъ никакого вниманія, какъ произведенія искусства? Нѣтъ, они составляютъ одинъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ изученія для эстетики, археологіи и исторіи изящнаго; а между тѣмъ искусство, какъ искусство, въ полномъ, пышномъ и благоуханномъ цвѣтѣ своего развитія явилось только у грековъ, и, въ этомъ смыслѣ, послѣ грековъ ни одинъ народъ доселѣ не имѣлъ такого искусства. И все-таки это нисколько не противорѣчитъ той исторической истинѣ, что искусство грековъ было подготовлено искусствомъ другихъ, предшествовавшихъ имъ на поприщѣ развитія народовъ. Такимъ же точнымъ образомъ, не лишая заслуженной славы

предшествовавшихъ Пушкину поэтовъ, не отрицая ихъ вліянія на него, вполнѣ признавая, что безъ нихъ не было бы и его, можно утверждать, что поэзія, какъ искусство, какъ *это*, а не что-нибудь другое, явилась на Руси только съ Пушкинымъ и черезъ Пушкина. Для такого подвига нужна была натура до того артистическая, до того художественная, что она и могла быть только такою натурою, и ничѣмъ больше. Отсюда проистекаютъ и великія достоинства, и великіе недостатки поэзіи Пушкина. И эти недостатки, не случайные, а тѣсно связанные съ достоинствами, необходимо условливаются ими такъ же, какъ лицо необходимо условливаетъ собою затылокъ: потому что у кого есть лицо, у того не можетъ не быть затылка. Скажемъ сперва о достоинствахъ поэзіи Пушкина, а потомъ уже о недостаткахъ, необходимо вытекающихъ изъ самыхъ этихъ достоинствъ. Пушкинъ первый сдѣлалъ русскій языкъ поэтическимъ, а поэзію—русскою. Стихъ его неподражаемо художественъ, эластиченъ, рельефенъ, упруго-мягокъ. Въ отношеніи къ художественности и виртуозности поэтическаго стиха и поэтическихъ образовъ, Пушкинъ можетъ быть сравниваемъ съ величайшими европейскими именами. Что бы ни говорили о стихѣ Жуковскаго (дѣйствительно превосходномъ), но между нимъ и стихомъ Пушкина такое же (если еще не бо̀льшее) разстояніе, какъ между стихомъ Дмитріева (И. И.) и стихомъ Жуковскаго. Но еще не велика была бы заслуга Пушкина, если бъ достоинство стиха его было чисто внѣшнее, какъ, напримѣръ, стихи г. Языкова и другихъ; нѣтъ, стихъ Пушкина, полный мелодіи и гармоніи, силы и граціи, упругости и нѣжности, металлической твердости и хрустальной прозрачности, былъ выраженіемъ поэтической его натуры: этотъ дивный человѣкъ былъ художникомъ не только въ стихѣ своемъ, но и въ своемъ чувствѣ. Объяснимся.

Чувство свойственно всякому человѣку, но у каждаго человѣка оно имѣетъ свой характеръ. Есть люди, у которыхъ самыя возвышенныя, самыя благородныя чувства имѣютъ въ себѣ что-то тяжелое, грубое; у другихъ самыя глубокія чувства имѣютъ въ себѣ что-то мягкое до слабости и т. д. Преобладающій характеръ чувства Пушкина — художественная красота, виртуозность, если можно такъ выразиться, при гибкости и силѣ. Чувство Пушкина изящно само по себѣ, взятое отдѣльно отъ его выраженія; и выраженіе его, по одному уже этому, не могло не быть изящно. Каждое стихотвореніе Пушкина можетъ служить доказательствомъ нашихъ словъ; но мы въ особенности укажемъ на «Разлуку» («Для береговъ отчизны дальней»). Подобно Гёте, Пушкинъ есть поэтъ внутренняго міра души и, можетъ-быть, еще болѣе, чѣмъ Гёте, способенъ воспитать чувство человѣка, разработать и развить его, сдѣлать его эстетически прекраснымъ.

Если поэзія, взятая только какъ искусство, даже внѣ ея философскаго или нравственнаго значенія, улучшаетъ душу человѣка, то лучшее доказательство этому можетъ представить собою поэзія Пушкина. Это только лицевая сторона поэзіи Пушкина: взгляните на нее съ другой стороны, и васъ поразитъ ея объективность — качество, столь превозносимое непонимающими его настоящаго значенія людьми и столь близкое къ нравственному индиферентизму, — отсутствіе одного преобладающаго убѣжденія, а иногда даже устарѣлость во мнѣніяхъ и странные предразсудки. Таковъ необходимо долженъ быть (особенно въ наше время) всякій художникъ, *который* только художникъ (т.-е. вмѣстѣ съ тѣмъ не мыслитель, не глашатай какой-нибудь могучей думы времени). Онъ—космополитъ въ мірѣ, явленія котораго, въ глазахъ его, всѣ равно прекрасны и равно интересны, какъ явленія природы естествоиспытателя; онъ все любитъ и ни къ чему не прилѣпляется; ничего не ненавидитъ, ничего не отрицаетъ. Поэтическая дѣятельность Пушкина удивляетъ своею случайностью въ выборѣ предметовъ. Онъ пытается создать драму изъ русской исторіи до временъ Петра Великаго; дѣлаетъ изъ нея все, что можетъ сдѣлать геніальный поэтъ, — и если, при всемъ этомъ, ему удалось сдѣлать не слишкомъ много, то это ужъ не его вина. Поддѣлка двухъ французовъ заставляетъ его взяться за народныя пѣсни Сербіи, — и онъ создаетъ рядъ пѣсенъ, дышащихъ всей роскошью дикой поэзіи дикаго народа. Въ то же время онъ, по-своему, возсоздаетъ идеалъ Донъ-Жуана и производитъ драматическую поэму, исполненную первоклассныхъ художественныхъ красотъ. Не спрашивайте: какое отношеніе, какую связь имѣютъ всѣ эти произведенія съ русскимъ обществомъ, съ русской дѣйствительностью? Несмотря на глубоко-національные мотивы поэзіи Пушкина, эта поэзія исполнена духа космополитизма, именно потому, что она сознавала самоё себя только какъ поэзію и чуждалась всякихъ интересовъ внѣ сферы искусства. И вотъ причина, почему русское общество вдругъ охладѣло къ своему великому, своему дотолѣ любимому поэту, какъ скоро онъ достигъ апоѳеозы своего художническаго величія.

Общество въ этомъ случаѣ и право, и неправо — право потому, что не всѣмъ же быть дилетантами и знатоками искусства; неправо потому, что Пушкинъ не могъ же въ угоду ему измѣнить своего великаго призванія — водворить поэзію, какъ искусство, въ жизни русской. Призваніе это заключалось въ самой натурѣ Пушкина, и не его вина, если общество, подобно самому поэту, приняло временное броженіе его молодой крови за выраженіе его натуры...

Какъ творецъ русской поэзіи, Пушкинъ на вѣчныя времена останется учителемъ (maestro) всѣхъ будущихъ поэтовъ; но если бъ кто-

нибудь изъ нихъ, подобно ему, остановился на идеѣ художественности, это было бы яснымъ доказательствомъ отсутствія геніальности или великости таланта. Вотъ почему или Лермонтовъ пошелъ дальше Пушкина, или онъ — талантъ обыкновенный, не стоящій тѣхъ разнообразныхъ толковъ и жаркихъ споровъ, предметомъ которыхъ онъ сдѣлался. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, которые считаютъ Лермонтова не болѣе, какъ счастливымъ подражателемъ Пушкина, еще не успѣвшимъ проложить собственной дороги для своего таланта. Это мнѣніе столь мелочно и ошибочно, что не стоитъ и возраженія. Нѣтъ двухъ поэтовъ столь существенно различныхъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Пушкинъ — поэтъ внутренняго чувства души; Лермонтовъ — поэтъ безпощадной мысли истины. Паѳосъ Пушкина заключается въ сферѣ самого искусства, какъ искусства; паѳосъ поэзіи Лермонтова заключается въ нравственныхъ вопросахъ о судьбѣ и правахъ человѣческой личности. Пушкинъ лелѣялъ всякое чувство, и ему любо было въ теплой сторонѣ преданія; встрѣчи съ *демономъ* нарушали гармонію духа его, и онъ содрогался этихъ встрѣчъ; поэзія Лермонтова растетъ на почвѣ безпощаднаго разума и гордо отрицаетъ преданіе.

Для кого доступна великая мысль лучшей поэмы его «Бояринъ Орша» и, особенно, мысль сцены суда монаховъ надъ Арсеніемъ, тѣ поймутъ насъ и согласятся съ нами.

Демонъ не пугалъ Лермонтова: онъ былъ его пѣвцомъ. Послѣ Пушкина ни у кого изъ русскихъ поэтовъ не было такого стиха, какъ у Лермонтова, и, конечно, Лермонтовъ обязанъ имъ Пушкину; но, тѣмъ не менѣе, у Лермонтова свой стихъ. Въ «Сказкѣ для дѣтей» этотъ стихъ возвышается до удивительной художественности; но въ большей части стихотвореній Лермонтова онъ отличается какой-то стальною прозаичностью и простотой выраженія. Очевидно, что для Лермонтова стихъ былъ только средствомъ для выраженія его идей, глубокихъ и вмѣстѣ простыхъ своею безпощадною истиною, и онъ не слишкомъ дорожилъ имъ.

Какъ у Пушкина грація и задушевность, такъ у Лермонтова жгучая и острая сила составляетъ преобладающее свойство стиха: это трескъ грома, блескъ молніи, взмахъ меча, визгъ пули.

Бѣлинскій.

Лермонтовъ.

Произведенія Лермонтова, такъ тѣсно связанныя съ его личной судьбой, кажутся мнѣ особенно замѣчательными въ одномъ отношеніи. Я вижу въ Лермонтовѣ прямого родоначальника того духовнаго настроенія и того направленія чувствъ и мыслей, а отчасти и дѣйствій, которыя до краткости можно назвать «ницшеанствомъ» — по имени

писателя, всѣхъ отчетливѣе и громче выразившаго это настроеніе, всѣхъ ярче обозначившаго это направленіе. Окончательное значеніе тѣхъ главныхъ порывовъ, которые владѣли поэзіей Лермонтова, стало для насъ вполнѣ прозрачнымъ съ тѣхъ поръ, какъ они приняли въ умѣ Ницше отчетливо раздѣльный образъ.

Презрѣніе къ человѣку, присвоеніе себѣ *заранѣе* какого-то исключительнаго сверхчеловѣческаго значенія — себѣ или какъ одному *я*, или *я* и K°, — и требованіе, чтобы это присвоенное, но ничѣмъ еще не оправданное величіе было признано другими, стало нормою дѣйствительности, — вотъ сущность того направленія, о которомъ я говорю, и, конечно, это большое заблужденіе.

Въ чемъ же та истина, которой оно держится и привлекаетъ умы?

Человѣкъ — единственное изъ земныхъ существъ, которое можетъ относиться къ самому себѣ критически, подвергать внутренней оцѣнкѣ даже самый способъ своего бытія въ цѣломъ. Онъ себя судитъ, а при судѣ разумномъ и безпристрастномъ — и осуждаетъ. Разумъ свидѣтельствуетъ человѣку о фактѣ его несовершенства во всѣхъ отношеніяхъ, а совѣсть говоритъ ему, что этотъ фактъ не есть для него *только* внѣшняя необходимость, а зависитъ *также* и отъ него самого.

Человѣку свойственно хотѣть *быть больше и лучше, чѣмъ онъ есть* въ дѣйствительности. Вся исторія состоитъ въ томъ, что человѣкъ дѣлается лучше и больше самого себя, перерастаетъ свою наличную дѣйствительность, отодвигая ее въ прошедшее, а въ настоящее *вдвигая* то, что еще недавно было противоположнымъ дѣйствительности — мечтою, субъективнымъ идеализмомъ, утопіей. Въ какомъ же направленіи должно совершаться измѣненіе даннаго человѣчества въ лучшее и высшее — въ «сверхчеловѣчество». Лермонтовъ, несомнѣнно, былъ геній, т.-е. человѣкъ, уже отъ рожденія близкій къ сверхчеловѣку, получившій задатки для великаго дѣла, способный, а слѣдовательно, обязанный его исполнить. Въ чемъ заключалась особенность его генія? Какъ онъ на него смотрѣлъ? Что съ нимъ сдѣлалъ? Относительно Лермонтова мы имѣемъ то преимущество, что глубочайшій смыслъ и характеръ его дѣятельности освѣщается съ двухъ сторонъ — писаніями его ближайшаго преемника Ницше и фигурою его отдаленнаго предка. Давній предокъ его, шотландскій рыцарь-пѣвецъ, Томасъ Лермонтъ, по легендѣ, былъ вѣщій прорицатель, велъ загадочную жизнь и имѣлъ роковой конецъ — пропалъ безъ вѣсти, охотясь на двухъ бѣлыхъ оленей.

Первая и основная особенность лермонтовскаго генія — страшная напряженность и сосредоточенность мысли на себѣ, на своемъ *я*, страшная сила личнаго чувства. Не ищите у Лермонтова той прямой

открытности всему задушевному, которая такъ чаруетъ въ поэзіи Пушкина. Пушкинъ, когда и о себѣ говоритъ, то какъ будто о другомъ; Лермонтовъ, когда и о другомъ говоритъ, то чувствуется, что его мысль и изъ безконечной дали стремится вернуться къ себѣ, въ глубинѣ занята собою, обращается на себя. Ни у одного изъ *русскихъ* поэтовъ нѣтъ такой силы личнаго самочувствія, какъ у Лер-

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

монтова. Онъ не былъ подражателемъ Байрона, а его младшимъ братомъ, и не изъ книгъ, а развѣ изъ общаго происхожденія, получилъ это западное наслѣдіе, съ которымъ ему тѣсно было въ безличной русской средѣ. И не одной позой или праздной фантазіей были чувства, выраженныя имъ въ раннемъ юношескомъ стихотвореніи «Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной».

Сильнѣйшее развитіе личнаго начала есть условіе для наибольшей сознательности жизненнаго содержанія, но этимъ не дается само это содержаніе жизни, и при его отсутствіи *сильное я* остается *пустымъ*.

Оставаться *совершенно* пустымъ колоссальное *я* Лермонтова не могло, потому что онъ былъ поэтъ Божіей милостью, и, слѣдовательно, все имъ переживаемое превращалось въ созданія поэзіи, давая новую пищу его *я*. А самымъ главнымъ въ этомъ жизненномъ матеріалѣ лермонтовской поэзіи, безъ сомнѣнія, была личная любовь. Но любовные мотивы, рѣшительно преобладавшіе въ произведеніяхъ Лермонтова, какъ видно изъ нихъ же самихъ, лишь отчасти занимали личное самочувствіе поэта, притупляя остроту его эгоизма, смягчая его жестокость, но не наполняя всецѣло и не покрывая его *я*. Во всѣхъ любовныхъ темахъ Лермонтова главный интересъ принадлежитъ не любви и не любимому, а любящему *я*, — во всѣхъ его любовныхъ произведеніяхъ остается нерастворимый осадокъ торжествующаго, хотя бы и безсознательнаго, эгоизма. Я не говорю о тѣхъ только произведеніяхъ, гдѣ, какъ въ «Демонѣ» и «Героѣ нашего времени», окончательное торжество эгоизма надъ неудачной попыткой любви есть намѣренная тема. Но это торжество чувствуется и тамъ, гдѣ оно не имѣется прямо въ виду, — чувствуется, что настоящая важность принадлежитъ здѣсь не любви и не тому, что она дѣлаетъ изъ поэта, а тому, что *онъ* изъ нея дѣлаетъ, какъ *онъ* къ ней относится. Когда огромный глетчеръ освѣщается солнцемъ, то является, говорятъ, зрѣлище восхитительное.

Новая эта красота происходитъ не отъ того, чтобы солнце дѣлало что-нибудь новое изъ глетчера, а только отъ того, что глетчеръ, оставаясь неизмѣнно самимъ собою, дѣлаетъ изъ солнечныхъ лучей, различнымъ образомъ отражая и преломляя ихъ своею поверхностью. Такова же и особенная прелесть лермонтовскихъ любовныхъ стиховъ, — прелесть оптическая, прелесть миража. Замѣтьте, что въ этихъ произведеніяхъ почти никогда не отражается любовь въ настоящемъ, въ тотъ моментъ, когда она захватываетъ душу и наполняетъ жизнь. У Лермонтова она уже прошла, не владѣетъ сердцемъ, и мы видимъ только чарующую игру воспоминанія и воображенія.

Разстались мы, но твой *портретъ*
Я на груди моей храню;
Какъ *блѣдный призракъ* лучшихъ лѣтъ,
Онъ душу радуетъ мою.

Или другое:

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю. И т. д.

И тамъ, гдѣ глаголъ *любить* является въ настоящемъ времени, онъ служитъ только поводомъ для меланхолической рефлексіи:

Мнѣ грустно потому, что я тебя люблю.

Въ этомъ чудесномъ стихотвореніи воображеніе поэта, обыкновенно занятое памятью прошлаго, играетъ съ возможностью будущей любви

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой отрадный, какъ мечта.
. . . .
И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

Любовь уже потому не могла быть для Лермонтова началомъ жизненнаго наполненія, что онъ любилъ, главнымъ образомъ, лишь собственное любовное состояніе, и, понятно, что такая формальная любовь могла быть лишь *рамкой*, а не содержаніемъ его *я*, которое осталось одинокимъ и пустымъ. Это одиночество и пустынность напряженной и въ себѣ сосредоточенной личной силы, не находящей себѣ достаточнаго удовлетворяющаго ее примѣненія, есть первая основная черта лермонтовской поэзіи и жизни.

Вторая, тоже отъ западныхъ его родичей унаслѣдованная черта (быть-можетъ) — способность переступать въ чувствѣ и созерцаніи черезъ границы обычнаго порядка явленій и схватывать запредѣльную сторону жизни и жизненныхъ отношеній. Эта вторая особенность Лермонтова была во внутренней зависимости отъ первой. Необычная сосредоточенность Лермонтова въ себѣ давала его взгляду остроту и силу, чтобы иногда разрывать сѣть внѣшней причинности и проникать въ другую, болѣе глубокую связь существующаго, — это была способность пророческая; и если Лермонтовъ не былъ ни пророкомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, ни такимъ прорицателемъ, какъ его предокъ Ѳома, то лишь потому, что онъ не давалъ этой своей способности никакого обыкновеннаго примѣненія. Онъ не былъ *занятъ* ни міровыми историческими судьбами своего отечества, ни судьбою своихъ ближнихъ, а единственно только своею собственной судьбой, — и тутъ онъ, конечно, былъ болѣе пророкомъ, чѣмъ кто-либо изъ поэтовъ. Далѣе я приведу нѣсколько примѣровъ того, какъ ясна для Лермонтова его судьба, а теперь укажу лишь на одно удивительное стихотвореніе, въ которомъ особенно ярко выступаетъ своеобразная способность Лермонтова ко второму зрѣнію, а именно, знаменитое стихотвореніе «Сонъ». За нѣсколько мѣсяцевъ до роковой дуэли Лермонтовъ видѣлъ себя неподвижно лежащимъ на пескѣ среди скалъ въ горахъ Кавказа, съ глубокою раной отъ пули въ груди, и видящимъ въ сонномъ видѣніи близкую его сердцу, но отдѣленную тысячами верстъ, женщину, видящую въ сонамбулическомъ состояніи его трупъ въ той долинѣ. Тутъ изъ одного сна выходитъ, по крайней мѣрѣ, три: 1) сонъ здороваго Лермонтова, который видѣлъ себя самого смертельно раненымъ — дѣло сравнительно обыкновенное, хотя, во всякомъ случаѣ, это былъ сонъ въ существенныхъ чертахъ своихъ *вѣщій*, по-

тому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ это стихотвореніе было записано въ тетради Лермонтова, поэтъ былъ дѣйствительно глубоко раненъ пулею въ грудь, дѣйствительно лежалъ на пескѣ съ открытою раною, и, дѣйствительно, уступы скалъ тѣснилися кругомъ. 2) Но, видя умирающаго Лермонтова, здоровый Лермонтовъ видѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что снится умирающему Лермонтову:

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ...
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Это ужъ достойно удивленія. Я думаю, немногимъ изъ васъ случалось, видя кого-нибудь во снѣ, видѣть вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ сонъ, который видится этому вашему сонному видѣнію. Но такимъ сномъ дѣло не оканчивается, а является сонъ (3):

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчива одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена
И снилась ей долина Дагестана,
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей.

Лермонтовъ видѣлъ, значитъ, не только сонъ своего сна, но и тотъ сонъ, который снился сну его сна — сновидѣнье въ кубѣ.

Во всякомъ случаѣ, остается фактъ, что Лермонтовъ не только предчувствовалъ свою роковую смерть, но и прямо видѣлъ ее заранѣе. А та удивительная фантасмагорія, которою увѣковѣчено это видѣніе въ произведеніи «Сонъ», не имѣетъ ничего подобнаго во всемірной поэзіи и, я думаю, могла быть созданіемъ только потомка вѣщаго чародѣя и прорицателя, исчезнувшаго въ царствѣ фей. Одного этого стихотворенія, конечно, достаточно, чтобы признать за Лермонтовымъ врожденный, черезъ голову многихъ поколѣній переданный ему, геній. Теперь намъ остается посмотрѣть, какъ самъ Лермонтовъ принялъ этотъ задатокъ великой судьбы и что̀ онъ изъ него сдѣлалъ.

Въ отроческихъ и раннихъ юношескихъ произведеніяхъ Лермонтова высказывается и просвѣчиваетъ рѣшительное сознаніе, что онъ существо избранное и сильное, назначенное совершить что-то великое. Въ *чемъ* будетъ состоять и къ *чему* относиться это великое, онъ еще не можетъ и намекнуть. Но что онъ *призванъ* совершить это — несомнѣнно. Мы могли бы смѣяться надъ самоувѣренной заносчивостью мальчика, если бы онъ, дѣйствительно, не обнаружилъ, нѣсколько лѣтъ спустя, чрезвычайныхъ силъ ума, воли и творчества. А

такъ какъ онъ ихъ обнаружилъ, то мы должны признать въ этомъ раннемъ заявленіи о своемъ будущемъ величіи не пустую претензію и не начало маніи, а лишь вѣрное самочувствіе или инстинктъ самооцѣнки, который дается всѣмъ избраннымъ людямъ. Отличіе Лермонтова здѣсь въ томъ, что эта высокая самооцѣнка уже отъ раннихъ лѣтъ связана у него съ слишкомъ низкой оцѣнкой другихъ, всего свѣта,—оцѣнкой заранѣе составленной, выражающей черту характера, а не результатъ какого-нибудь дѣйствительнаго опыта. Болѣе замѣчательна другая черта. Такъ же часто, какъ заявленія о своемъ величіи и о своемъ презрѣніи къ человѣчеству, въ раннихъ стихотвореніяхъ Лермонтова выражается его явственное предчувствіе неизбѣжной и преждевременной гибели. Ясно, что эти двѣ черты лермонтовскаго самочувствія прямо вытекаютъ изъ тѣхъ особенностей его генія, о которыхъ я раньше говорилъ, т.-е. его мизантропіи — изъ сосредоточенности и напряженности въ немъ личнаго начала, а его постоянное и вѣрное предчувствіе гибели — изъ его второго зрѣнія.

Съ раннихъ лѣтъ ощутивъ въ себѣ силу генія, Лермонтовъ принялъ ее только, какъ право, а не какъ обязанность, какъ привилегію, а не какъ службу. Онъ думалъ, что его геніальность уполномочила его требовать отъ людей и отъ Бога всего, что̀ ему захочется, не обязывая его относительно ихъ ни къ чему. Но пусть Богъ и люди великодушно не настаиваютъ на обязанности геніальнаго человѣка. Вѣдь Богу ничего не нужно, а люди должны быть благодарны и за тѣ искры, которыя летятъ съ костра, на которомъ сжигаетъ себя геніальный человѣкъ. Пусть Богъ на небѣ и люди на землѣ отпустятъ ему его медленное самоубійство. Но развѣ легче отъ этого третьему обиженному — самому генію, который попусту сжегъ и закопалъ въ прахъ и тлѣнъ то, что было ему дано для великаго подъема, какъ могучему вождю людей, на пути къ сверхчеловѣчеству? Но какъ же онъ могъ кого-нибудь поднимать, когда самъ не надѣялся? А поднимается человѣкъ только по трупамъ, — по трупамъ убитыхъ имъ враговъ, т.-е. злыхъ личныхъ страстей. Можно ли этого требовать? Не отъ всякаго и требуется. Судьба или Высшій Разумъ ставятъ дилемму: если ты считаешь за собою сверхчеловѣческое призваніе, исполни необходимое для него условіе, подними дѣйствительность, поборовши въ себѣ то злое начало, которое тянетъ тебя внизъ. А если ты чувствуешь, что оно настолько сильнѣе тебя, что ты даже бороться съ нимъ отказываешься, то признай свое безсиліе, признай себя простымъ смертнымъ, хотя и геніально одареннымъ. Или стань дѣйствительно выше другихъ, или будь скромнымъ. Кто не можетъ подняться и не хочетъ смириться, тотъ самъ себя обрекаетъ на неизбѣжную гибель.

Сознавая въ себѣ отъ раннихъ лѣтъ геніальную натуру, задатокъ сверхчеловѣка, Лермонтовъ также рано сознавалъ и то злое начало, съ которымъ онъ долженъ былъ бороться, но которому скоро удалось, вмѣсто борьбы, вызвать поэта лишь на идеализацію его. Уже съ дѣтства, рядомъ съ самыми симпатичными проявленіями души чувствительной и нѣжной, обнаруживались у него рѣзкія черты злобы, прямо демонической. Значительно не то, что поэтъ позднѣе разрушалъ спокойствіе и честь свѣтскихъ барынь, а то, что онъ находилъ особенное наслажденіе и радость въ этомъ совершенно негодномъ дѣлѣ, такъ же, какъ онъ ребенкомъ съ *истиннымъ удовольствіемъ* давилъ мухъ и радовался зашибленной камнемъ курицѣ. Услаждаться дѣланьемъ зла есть уже черта не человѣческая. Это демоническое сладострастіе не оставляло Лермонтова до горькаго конца; вѣдь и послѣдняя трагедія произошла оттого, что удовольствіе Лермонтова терзать слабыя созданія встрѣтило, вмѣсто барышни, браваго майора Мартынова, какъ роковое орудіе кары для человѣка, который долженъ и могъ быть солью земли, но сталъ солью, такъ жалко и постыдно обуявшею. Осталось отъ Лермонтова нѣсколько истинныхъ жемчужинъ его поэзіи, попирать которыя могутъ только извѣстныя животныя; осталось, къ несчастью, и въ произведеніяхъ его слишкомъ много сроднаго этимъ самымъ животнымъ, а главное, осталась обуявшая соль его генія, которая, по слову Евангелія, дана на попраніе людямъ. Скоро это злое начало приняло въ жизни Лермонтова еще другое направленіе. Съ годами демонъ кровожадности слабѣетъ, отдавая бо́льшую часть своей силы своему брату — *демону нечистоты*. Слишкомъ рано и слишкомъ безпрепятственно овладѣлъ этотъ второй демонъ душою несчастнаго поэта и слишкомъ много слѣдовъ оставилъ въ его произведеніяхъ. И, когда въ одну изъ минутъ просвѣтленія, онъ говоритъ о «порокахъ юности преступной», то это выраженіе — увы! — слишкомъ близко къ дѣйствительности. Я умолчу о біографическихъ фактахъ, — скажу лишь нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ, внушенныхъ этимъ демономъ нечистоты. Во-первыхъ, ихъ слишкомъ много, во-вторыхъ, они слишкомъ длинны: самое невозможное изъ нихъ есть большая, хотя и неоконченная, поэма, писанная авторомъ уже совершеннолѣтнимъ, и, въ-третьихъ, характеръ этихъ писаній производитъ какое-то удручающее впечатлѣніе полнымъ отсутствіемъ той легкой игривости и граціи, какими отличаются подлинныя произведенія Пушкина въ этой области. Такъ какъ я совершенно не могу подтвердить здѣсь свое сужденіе цитатами, то я поясню его сравненіемъ. Въ одинъ пасмурный день видѣлъ я ласточку, летающую надъ большой болотистой лужей. Что-то ее привлекало къ этой темной влагѣ, она совсѣмъ опускалась къ ней, и, казалось, вотъ-вотъ погрузится въ нее или хоть зачерпнетъ крыломъ.

Но ничуть не бывало: каждый разъ, не коснувшись поверхности, ласточка вдругъ поднималась вверхъ и щебетала что-то невинное. Вотъ вамъ впечатлѣніе, производимое этими шутками у Пушкина: видишь тинистую лужу, видишь ласточку и видишь, что прочной связи нѣтъ между ними, — тогда какъ порнографическая муза Лермонтова — словно лягушка, погрузившаяся и прочно засѣвшая въ тинѣ.

Сознавалъ ли Лермонтовъ, что пути, на которые толкали его эти демоны, были путями ложными и пагубными. И въ стихахъ, и въ письмахъ его много разъ высказывалось это сознаніе. Но сдѣлать дѣйствительное усиліе, чтобы высвободиться изъ-подъ власти двухъ первыхъ демоновъ, мѣшалъ третій и самый могучій — демонъ гордости; онъ нашептывалъ: — да, это дурно, да, это низко, но ты геній, ты выше простыхъ смертныхъ, тебѣ все позволено, ты имѣешь отъ рожденія привилегію оставаться высокимъ и въ низкости...

Глубоко и искренно тяготился Лермонтовъ своимъ паденіемъ и порывался къ добру и чистотѣ. Но мы не найдемъ ни одного указанія, чтобы онъ когда-нибудь тяготился взаправду своею гордостью и обращался къ смиренію. И демонъ гордости, всегда хозяинъ его внутренняго дома, мѣшалъ ему дѣйствительно побороть и изгнать двухъ младшихъ демоновъ, и когда хотѣлъ — снова и снова отворялъ имъ дверь...

Говоря о гордости и смиреніи, я разумѣю нѣчто вполнѣ реальное и утилитарное. Гордость потому есть коренное зло или главный изъ смертныхъ грѣховъ, по богословской терминологіи, что это есть такое состояніе души, которое дѣлаетъ всякое совершенствованіе или возвышеніе невозможнымъ, потому что гордость вѣдь въ томъ и заключается, чтобы считать себя ни въ чемъ не нуждающимся, чѣмъ исключается всякая мысль о совершенствованіи и подъемѣ. Смиреніе потому и есть основная для человѣка добродѣтель, что признаніе своей недостаточности прямо обусловливаетъ потребность и усиліе совершенствованія. Другими словами, гордость для человѣка есть первое условіе, чтобы никогда не сдѣлаться сверхчеловѣкомъ, и смиреніе есть первое условіе, чтобы сдѣлаться сверхчеловѣкомъ; поэтому сказать, что *геніальность обязываетъ къ смиренію*, значитъ только сказать, что геніальность обязываетъ становиться сверхчеловѣкомъ. Лермонтову тѣмъ легче было исполнить эту обязанность, что онъ, при всемъ своемъ демонизмѣ, всегда вѣрилъ въ то, что выше и лучше его самого, а въ иныя свѣтлыя минуты даже ощущалъ надъ собою это лучшее:

И въ небесахъ я вижу Бога...

Это религіозное чувство, часто засыпавшее въ Лермонтовѣ, никогда въ немъ не умирало и, когда пробуждалось — боролось съ его демо-

низмомъ. Оно не исчезло и тогда, когда онъ далъ побѣду злому началу, но приняло странную форму. Уже во многихъ раннихъ своихъ произведеніяхъ Лермонтовъ говоритъ о Высшей Волѣ съ какой-то личной обидой. Онъ какъ будто считаетъ ее виноватою противъ него, глубоко его оскорбившею. Въ этихъ раннихъ произведеніяхъ тяжба поэта съ Богомъ имѣетъ, конечно, ребяческій характеръ. Лермонтовъ упрекаетъ Творца за то, что Онъ сдѣлалъ его некрасивымъ; за то, что люди, и особенно кузины и другія барышни, не понимаютъ и не цѣнятъ его, и т. п. Но когда въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ порывовъ къ возрожденію, — безплодныхъ потому, что съ дѣтскихъ лѣтъ заведенное въ его душѣ демоническое хозяйство не могло быть разрушено нѣсколькими субъективными усиліями, а требовало сложнаго и долгаго подвига, на который Лермонтовъ не былъ согласенъ, — итакъ, когда, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ перемѣнить жизненный путь, Лермонтовъ перестаетъ бороться противъ демоническихъ силъ и находитъ окончательное рѣшеніе жизненнаго вопроса въ *фатализмѣ* («Герой нашего времени» и «Валерикъ»), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ новую, ухищренную форму своему прежнему дѣтскому чувству обиды противъ Провидѣнія — именно въ послѣдней обработкѣ поэмы «Демонъ». Герой этой поэмы есть тотъ же главный демонъ самого Лермонтова — демонъ гордости, котораго мы видѣли въ раннихъ стихотвореніяхъ. Но въ поэмѣ онъ ужасно идеализованъ (особенно въ послѣдней ея обработкѣ), хотя, несмотря на идеализацію, образъ его дѣйствій, если судить безпристрастно, скорѣе приличествуетъ юному гусарскому корнету, нежели особѣ такого высокаго чина и такихъ древнихъ лѣтъ.

Несмотря на великолѣпіе стиховъ и на значительность замысла, говорить съ полной серьезностью о содержаніи поэмы «Демонъ» для меня такъ же невозможно, какъ вернуться въ пятый или шестой классъ гимназіи. Но сказать о немъ все-таки нужно. Итакъ, идеализованный демонъ вовсе ужъ не тотъ духъ зла, который такими правдивыми чертами былъ описанъ въ прекрасныхъ стихотвореніяхъ геніальнаго отрока. Демонъ поэмы не только прекрасенъ, онъ до чрезвычайности благороденъ и, въ сущности, вовсе не золъ. Когда-то у него произошло какое-то загадочное недоразумѣніе съ Всевышнимъ, но онъ тяготится этой размолвкою и желаетъ примиренія. Случай къ этому представляется, когда демонъ видитъ прекрасную грузинскую княжну Тамару, пляшущую и поющую на кровлѣ родительскаго дома. По Библіи и по здравой логикѣ—что одно и то же—увлеченіе сыновъ Божіихъ красотою дочерей человѣческихъ есть паденіе, но для демонизма это есть начало возрожденія. Однако возрожденіе не происходитъ. Послѣ смерти жениха и удаленія Тамары въ монастырь демонъ входитъ къ ней, го-

товый къ добру, но, видя ангела, охраняющаго ея невинность, воспламеняется ревностью, соблазняетъ ее, убиваетъ и, не успѣвши завладѣть ея душою, объявляетъ, что онъ хотѣлъ стать на другой путь, но что ему не дали, и съ сознаніемъ своего полнаго права становится уже настоящимъ демономъ. Такое рѣшеніе вопроса находится въ слишкомъ явномъ противорѣчіи съ логикою, чтобы стоило его опровергать. Итакъ, натянутое и ухищренное оправданіе демонизма въ исторіи, а для практики принципъ фатализма, — вотъ къ чему пришелъ Лермонтовъ передъ своимъ трагическимъ концомъ. Фатализмъ, самъ по себѣ, конечно, не дуренъ. Если, напримѣръ, человѣкъ воображаетъ, что онъ роковымъ образомъ долженъ быть добрымъ, и дѣлаетъ добро, и неуклонно слѣдуетъ этому року, то чего же лучше? Къ несчастью, фатализмъ Лермонтова покрывалъ только его дурные пути. Между тѣмъ, полнаго убѣжденія въ истинѣ фатализма у Лермонтова не было, и онъ, кажется, захотѣлъ убѣдиться въ немъ на опытѣ. Всѣ подробности его поведенія, приведшаго къ послѣдней дуэли, и во время самой этой дуэли носятъ ясныя черты фаталистическаго эксперимента.

На дуэли Лермонтовъ велъ себя съ благородствомъ,—онъ не стрѣлялъ въ своего противника, — но по существу это былъ безумный вызовъ высшимъ силамъ, который во всякомъ случаѣ не могъ имѣть хорошаго исхода. Въ страшную грозу, при блескѣ молніи и раскатахъ грома, перешла эта бурная душа въ иную область бытія.

Конецъ Лермонтова и имъ самимъ, и нами называется *гибелью*. Выражаясь такъ, мы не представляемъ себѣ, конечно, этой гибели ни какъ театральнаго провала въ какую-то преисподнюю, гдѣ пляшутъ красные черти, ни какъ совершеннаго прекращенія бытія. О природѣ загробнаго существованія мы ничего достовѣрнаго не знаемъ, а потому и говорить объ этомъ не будемъ. Но есть нравственный законъ, столь же непреложный, какъ законъ математическій, и онъ не допускаетъ, чтобы человѣкъ испытывалъ послѣ смерти превращенія произвольныя, не обоснованныя его предыдущимъ нравственнымъ подвигомъ. Если жизненный путь продолжается и за гробомъ, то, очевидно, онъ можетъ продолжаться только до той степени, на которой остановился. А мы знаемъ, что какъ высока была степень прирожденной геніальности Лермонтова, такъ же низка была его степень нравственнаго усовершенствованія. Лермонтовъ ушелъ съ бременемъ неисполненнаго долга — развить тотъ задатокъ великолѣпный и божественный, который онъ получилъ даромъ. Онъ былъ призванъ сообщить намъ, своимъ потомкамъ, могучее движеніе впередъ и вверхъ къ истинному сверхчеловѣчеству, но этого мы отъ него не получили. Мы можетъ объ этомъ скорбѣть, но то, что Лермонтовъ не исполнилъ своей обязанности къ намъ, конечно, не снимаетъ съ насъ нашей обязанности къ

нему. Прежде, чѣмъ быть обязаннымъ относительно нашихъ современниковъ—братьевъ по человѣчеству, и относительно потомства—нашихъ дѣтей по человѣчеству, мы имѣемъ обязанность къ отшедшимъ — нашимъ отцамъ въ человѣчествѣ, — и, конечно, Лермонтовъ принадлежитъ къ такимъ отцамъ для современнаго поколѣнія. Такъ не требуетъ ли отъ насъ обязанность сыновней любви и почтенія восхвалять Лермонтова за все то многое въ немъ, что достойно хвалы, и молчать о другомъ? Я не такъ понимаю сыновнюю любовь и ея обязанность. Представьте себѣ, что мы видимъ живого отца, исполненнаго заслугъ и высокихъ дарованій, но въ настоящую минуту обремененнаго какой-нибудь тяжестью, душевною или физическою, все равно. Обязанность сыновней любви къ такому отцу, конечно, потребуетъ отъ насъ не того, чтобы мы восхваляли его заслуги и дарованія, а того, чтобы мы помогли ему снять съ себя или, по крайней мѣрѣ, облегчили удручающее его бремя. Облегчить бремя ихъ души — вотъ наша обязанность. И у Лермонтова съ бременемъ неисполненнаго призванія связано еще другое тяжкое бремя, облегчить которое мы можемъ и должны. Облекая въ красоту формы ложныя мысли и чувства, онъ дѣлалъ и дѣлаетъ еще ихъ привлекательными для неопытныхъ, и если хоть одинъ изъ малыхъ сихъ вовлеченъ имъ на ложный путь, то сознаніе этого, теперь уже невольнаго и яснаго для него, грѣха должно тяжелымъ камнемъ лежать на душѣ его. Обличая ложь воспѣтаго имъ демонизма, только останавливающаго людей на пути къ ихъ истинной сверхчеловѣческой цѣли, мы во всякомъ случаѣ подрываемъ эту ложь и уменьшаемъ хоть сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душѣ. Вы мнѣ повѣрите, что прежде, чѣмъ говорить публично о Лермонтовѣ, я подумалъ, чего требуетъ отъ меня любовь къ умершему, какой взглядъ долженъ я высказать на его земную судьбу, — и я знаю, что тутъ, какъ и вездѣ, одинъ только взглядъ, основанный на вѣчной правдѣ, въ самомъ дѣлѣ нуженъ и современнымъ, и будущимъ поколѣніямъ, а прежде всего — самому отшедшему.

Влад. Соловьевъ.

Герой безвременья (Лермонтовъ).

Если мы будемъ искать въ лермонтовской поэзіи ея основной мотивъ, ту центральную ея точку, которая всего чаще и глубже занимала поэта и въ которой прямо или косвенно сходятся если не всѣ, то большинство его произведеній, найдемъ ее въ области героизма. Съ ранней молодости, можно сказать, съ дѣтства и до самой смерти мысль и воображеніе Лермонтова были направлены на психологію прирожденнаго властнаго человѣка, на его печали и радости, на его судьбу, то блестящую, то мрачную.

Нечего говорить о «Демонѣ». Этотъ фантастическій образъ существа, когда-то дерзнувшаго совершить высшее, единственное въ своемъ родѣ, преступленіе—возстать на самого Творца, и который затѣмъ въ теченіе вѣковъ «не встрѣчалъ сопротивленія» въ подвластныхъ ему милліонахъ людей,—этотъ образъ достаточно всѣмъ знакомъ и достаточно ясно говоритъ самъ за себя. Достойно вниманія и упорство, съ которымъ Лермонтовъ работалъ надъ «Демономъ», постоянно его исправляя и дополняя. Одновременно съ первоначальнымъ очеркомъ «Демона» писалась прозаическая повѣсть, неоконченная, оставшаяся даже безъ заглавія. Позднѣйшіе издатели даютъ ей названіе «Горбунъ» или «Горбачъ Вадимъ». Герой этой повѣсти есть тотъ же Демонъ, только лишенный фантастическихъ атрибутовъ и притомъ физически безобразный. Онъ, какъ Демонъ, богохульствуетъ, какъ Демонъ, переполненъ ненависти и презрѣнія къ людямъ, какъ Демонъ, готовъ отказаться отъ зла и ненависти, если его полюбитъ любимая женщина. А главное, Вадимъ, какъ Демонъ, имѣетъ таинственную власть надъ людьми.

Что же касается чертъ прирожденнаго властнаго человѣка, то мы встрѣчаемъ ихъ и въ самомъ зрѣломъ изъ крупныхъ произведеній Лермонтова — въ «Героѣ нашего времени».

Измаилъ-Бей — «повелитель, герой по взорамъ и рѣчамъ». Онъ принадлежитъ къ числу «дѣтей рока», которыя, «въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ, пособій отъ рабовъ не просятъ, хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ, и власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ». Въ «Фаталистѣ», какъ только Вуличъ обнаруживаетъ изъ ряда вонъ выходящую рѣшимость, готовясь совершить безумно рискованный шагъ, происходитъ слѣдующая сцена: «Онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ. Молча повиновались ему: въ эту минуту онъ пріобрѣлъ надъ нами какую-то таинственную власть», и т. д. Я могъ бы еще увеличить число этихъ выписокъ, но и приведеннаго довольно, чтобы видѣть, какое пристальное вниманіе удѣлялъ Лермонтовъ во всѣ періоды своей жизни той странной власти, которую обнаруживаютъ нѣкоторые люди, «не имѣя на то никакого положительнаго права». Но онъ не просто отмѣчалъ фактъ этой власти. Онъ съ ранней юности анализировалъ его, взвѣшивалъ его значеніе, дѣлалъ изъ него выводы, иногда нѣсколько смутные, а иногда поразительные по глубинѣ мысли. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна вышеупомянутая, мало обращающая на себя вниманія и, кажется, даже не во всѣ новыя изданія вошедшая повѣсть «Горбунъ». Но и по замыслу, и по общему содержанію, и по блесткамъ оригинальной мысли «Горбунъ» есть произведеніе лермонтовское по преимуществу, если можно такъ выразиться, хотя Лермонтову было всего

шестнадцать лѣтъ, когда онъ писалъ его. Мѣстами слишкомъ недѣтское содержаніе, заключенное въ совершенно дѣтскую форму изложенія, производитъ даже непріятное впечатлѣніе чего-то старообразнаго. Становится даже какъ будто жалко автора, который, будучи такъ явно ребенкомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ много передумалъ и перечувствовалъ.

Между прочимъ, шестнадцатилѣтній авторъ замѣчаетъ: «Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много». Это скорбное замѣчаніе на всю жизнь осталось руководящимъ для Лермонтова. Имъ опредѣляется существеннѣйшая часть содержанія его поэмъ, драмъ и повѣстей, характеръ его лирики и, наконецъ, бурныя волны его собственной жизни. Въ развитіи этой темы онъ достигалъ и непревзойденныхъ вершинъ художественной красоты и, я рѣшаюсь сказать, предчувствія научной точности въ постановкѣ соотносящихся вопросовъ.

Неудивительно, что юное воображеніе плѣняется какимъ-нибудь Измаилъ-Беемъ, красавцемъ въ живописномъ костюмѣ, скачущимъ на борзомъ конѣ среди грандіозной кавказской природы или врубающимся въ ряды непріятелей, привлекающимъ всѣ женскіе взоры, мстящимъ по-рыцарски — лицомъ къ лицу и при дневномъ свѣтѣ. Здѣсь все красиво, изящно, благородно. Но Вадимъ, — что въ немъ плѣнительнаго? Онъ — горбатый, уродливый, грязный нищій, онъ золъ и жестокъ, онъ, терпѣливо выжидая часа мести, холопствуетъ, терпитъ побои, ругательства. Къ чему и чѣмъ можетъ въ немъ прилѣпиться юная душа, полная образовъ и картинъ художественной красоты? А между тѣмъ Лермонтовъ, тщательно отмѣчая каждую черту физическаго безобразія Вадима и каждое его злое побужденіе, явно находитъ въ себѣ симпатичныя этому злому уроду струны и, не обинуясь, называетъ его «великой душой». Полная зрѣлость мысли и безповоротная убѣжденность сказались въ той смѣлости, съ которой юный Лермонтовъ вылилъ «великую душу» въ такое, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ непріятное существо, какъ Вадимъ. Для этого надо твердо знать, въ чемъ состоитъ величіе души, и твердо вѣрить въ свое знаніе.

Лермонтовъ, однако, ясно указывалъ исходъ: онъ видѣлъ его не въ разумѣ и не въ чувствѣ, а въ третьемъ элементѣ человѣческаго духа, — въ волѣ, которая, комбинируя и разумъ, и чувство, повелительно требуетъ «дѣйствія», «борьбы».

Критика уже давно замѣтила, что Лермонтова тянуло на Кавказъ не только потому, что тамъ есть увѣнчанный снѣговыми вершинами Эльбрусъ, «глубокая тѣснина Дарьяла», стройные, вѣчно зеленые кипарисы и развѣсистыя чинары, красавцы черкесы на борзыхъ ко-

нихъ, вообще благороднѣйшій въ живописномъ отношеніи матеріалъ для поэтическихъ картинъ. Эта сторона Кавказа еще въ дѣтствѣ произвела неизгладимое впечатлѣніе на Лермонтова и много способствовала тому, что непроницательные люди имѣютъ извѣстное право называть его «пѣвцомъ Кавказа». Но что-то отвлекало его отъ окружавшей его жизни не только на Кавказъ, а и въ болѣе или менѣе отдаленную глубь русской исторіи — «Бояринъ Орша», «Литвинка», «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, удалого опричника и купца Калашникова», «Горбачъ Вадимъ». Сверхъ того, Лермонтовъ говорилъ Бѣлинскому о задуманной имъ романической трилогіи, трехъ связанныхъ между собою романахъ изъ эпохъ Екатерины II, Александра I и настоящаго времени. Уже самъ по себѣ этотъ проектъ намекаетъ на то, что не художественный капризъ увлекалъ мысль и воображеніе Лермонтова къ болѣе или менѣе отдаленнымъ временамъ, что онъ тамъ чего-то искалъ для сравненія съ современностью. Для сравненія и въ укоръ, какъ видно изъ содержанія всѣхъ его экскурсій въ русскую исторію и на Кавказъ. «Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много». Это теперь, но не всегда такъ было. Въ старые годы существовали люди, для которыхъ мысль и чувство не глядѣли врозь, а сливались въ дѣло. Ихъ-то ищетъ, на нихъ-то и останавливается Лермонтовъ съ очевидною любовью. Ихъ же ищетъ, на нихъ же любуется онъ и на нетронутомъ цивилизаціей Кавказѣ. Злодѣйскіе поступки, совершаемые всѣми этими Оршами, Вадимами, Хаджи-Абреками, Измаилъ-Беями, если и пугаютъ Лермонтова своимъ кровавымъ блескомъ, то немедленно же находятъ себѣ въ его глазахъ и оправданіе, и поэтическую красоту въ той цѣльности настроенія, въ той безповоротной рѣшимости, съ которою они совершаются. А отсутствіе этихъ чертъ въ окружавшей его жизни въ такой же мѣрѣ оскорбляетъ его.

Приглядываясь къ героямъ лермонтовскихъ поэмъ изъ старой русской жизни и изъ жизни кавказскихъ горцевъ, мы увидимъ, что если не во всѣхъ нихъ, то въ большинствѣ рѣзко вибрируетъ одна и та же струна. То дѣло, которому они себя почти всѣ посвящаютъ, которому отдаютъ цѣликомъ и свою мысль, и свое чувство, и всю жизнь свою, есть дѣло мести.

Тотъ же мотивъ звучитъ и въ лирикѣ. Лермонтовъ съ особенной энергіей подчеркиваетъ, что Пушкинъ умеръ «съ жаждой мести», «съ глубокой жаждой мщенья». Великолѣпное стихотвореніе «Поэтъ» кончается словами: «Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ, иль никогда на голосъ мщенья изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ, покрытый ржавчиной презрѣнья?». Этотъ особенный интересъ

Лермонтова къ дѣлу мести поддерживался въ немъ и извѣстными чисто теоретическими соображеніями, какъ видно изъ слѣдующихъ, въ высшей степени замѣчательныхъ, словъ Печорина: «Первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого. Идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности. Идеи — созданія органическія, сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ. Отъ этого геній, прикованный къ чиновничьему столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплектическаго удара».

Много смутнаго въ этихъ словахъ, но много и глубокаго. Я обращаю пока вниманіе читателя все на ту же цѣпкость, съ которою Лермонтовъ хватался за связь между мыслью, «идеей», и дѣломъ, «дѣйствіемъ», и затѣмъ на ту спеціальную окраску, которую онъ въ приведенныхъ словахъ даетъ «дѣйствію», — окраску страданіе за страданіе, окраску мести. Откуда эта злобная нота и неужели на свѣтѣ нѣтъ иного, болѣе благороднаго дѣла, чѣмъ месть?

Съ очень ранняго возраста Лермонтова манила роль «перваго въ своемъ родѣ человѣка», та власть, которая, не опираясь ни на какое «положительное право», тѣмъ не менѣе даетъ себя знать самымъ осязательнымъ образомъ. Эти-то мечты онъ и объектировалъ въ герояхъ своихъ повѣстей, поэмъ, драмъ. Во всѣхъ герояхъ повторяется, лишь слегка варьируясь, самъ Лермонтовъ, какимъ онъ себя чувствовалъ или какимъ хотѣлъ бы быть.

Въ немногочисленныхъ, къ сожалѣнію, письмахъ Лермонтова, сохранившихся для потомства, мы постоянно наталкиваемся то на «мученія тайнаго сознанія, что онъ кончитъ жизнь ничтожнымъ человѣкомъ», то на сообщенія противоположнаго свойства, которыя онъ самъ готовъ называть «хвастовствомъ», проявленіями «самаго главнаго его недостатка — суетности и самолюбія». Въ одномъ изъ писемъ къ М. Лопухиной (1832 г.), извѣщающемъ о переходѣ изъ московскаго университета въ юнкерскую школу, вставлено стихотвореніе личнаго характера, которое оканчивается такъ:

Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ хоть съ ней не дѣлится душою:
Он межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ
И все, что чувствуетъ, онъ чувствуетъ одинъ.

Это чрезвычайно характерныя строки. 18-лѣтній юноша не находитъ себѣ равныхъ, а такъ какъ затѣмъ остаются только поло-

женія раба, которымъ онъ быть не хочетъ, и властелина, которымъ онъ быть не можетъ, то онъ становится внѣ общества въ полномъ одиночествѣ. Такъ оно и было съ Лермонтовымъ въ университетѣ.

Презрительное отношеніе Лермонтова къ университетскимъ товарищамъ было совершенно неосновательно, такъ какъ это было время пребыванія въ Московскомъ университетѣ такихъ людей, какъ Станкевичъ, Герценъ, Бѣлинскій. Надо думать, что Лермонтовъ, уже тогда считавшій себя «океаномъ», въ которомъ «надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ», даже не попытался вглядѣться въ товарищей сколько-нибудь пристально.

Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ мрачныя мысли все больше и больше накоплялись въ головѣ юноши, въ придачу къ тѣмъ, которыя уже осѣли въ немъ отъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣтства, а можетъ-быть, кромѣ того, и отъ слишкомъ ранняго проникновенія въ мрачную поэзію Байрона. Какъ у Вадима, змѣя, обвившаяся вокругъ его сердца, обвивалась и вокругъ вселенной, гнетущая мысль о собственномъ ничтожествѣ разрасталась въ мысль о ничтожествѣ жизни.

Но натура «героя» брала свое, потребность дерзать и владѣть искала случая удовлетворить себя чѣмъ бы то ни было.

Итакъ, женщины,—вотъ куда направится теперь жажда дерзать и владѣть. Извѣстно, что Лермонтовъ былъ, по его собственному показанію, влюбленъ десяти лѣтъ, чему придавалъ какое-то особенное значеніе, и затѣмъ въ дѣтствѣ и ранней юности еще не разъ подвергался припадкамъ нѣжной страсти. Понятно, что всѣ эти увлеченія должны были быть несчастны. Барышни, къ которымъ пылалъ любовью Лермонтовъ, либо издѣвались надъ нимъ, либо охотно слушали страстныя или сентиментальныя рѣчи не по лѣтамъ развитаго, остроумнаго влюбленнаго мальчика, но потомъ выходили замужъ или переносили свою благосклонность на болѣе взрослыхъ поклонниковъ. А въ сердцѣ самолюбиваго мальчика, уже мечтавшаго о роли великаго человѣка, эти «измѣны» отзывались страшной болью. Надо замѣтить, что любовь для Лермонтова была всегда чѣмъ-то отличнымъ отъ любви, какъ ее обыкновенно понимаютъ и чувствуютъ. Она для него такъ или иначе, иногда неясными для него самого нитями, связывалась все съ той же жаждой дерзать и владѣть или, по крайней мѣрѣ, стояла рядомъ съ ней. Однимъ талантомъ, какъ бы ни былъ великъ, нельзя объяснить эту огненную и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокомысленную поэзію,—она должна была быть порожденіемъ, кромѣ таланта, еще изъ ряда вонъ выходящаго ума и великаго духа вообще. Къ счастью, на этотъ счетъ имѣется показаніе, можетъ-быть, компетентнѣйшаго изъ современниковъ Лермонтова.

Бѣлинскій писалъ: «Не даромъ былъ я у Лермонтова въ заточеніи и въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ!» И далѣе: «Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры и въ достоинство того и другого. Я это сказалъ ему, онъ улыбнулся и сказалъ: «дай Богъ!» Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ! Каждое его слово — онъ самъ, вся его натура, во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ — меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры; я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества».

Наши художники-живописцы, вообще говоря, довольно равнодушны къ русской литературѣ и въ особенности къ ея исторіи. Но фигуры Лермонтова и Бѣлинскаго достаточно, кажется, популярны и крупны, чтобы заинтересовать художника, и мудрено найти тему для картины, болѣе благодарную, чѣмъ это собесѣдованіе великаго критика и великаго поэта въ ордонансъ-гаузѣ.

Представьте себѣ Лермонтова съ привычно насмѣшливымъ складомъ губъ и пронзительными черными глазами, отъ взгляда которыхъ смущаются тѣ, на кого онъ смотритъ. Смущается, можетъ-быть, и Бѣлинскій, что не мѣшаетъ ему, однако, «упорствуя, волнуясь и спѣша», въ горячей рѣчи отстаивать свои «понятія». Онъ твердо увѣренъ въ истинности и возвышенности этихъ понятій; по всѣмъ своимъ чуткимъ и дѣтски искреннимъ существомъ чувствуетъ, что въ бесѣдующемъ съ нимъ гусарскомъ поручикѣ есть нѣчто, чего въ немъ самомъ нѣтъ, и передъ чѣмъ онъ долженъ преклониться...

По свидѣтельству всѣхъ, оставившихъ какія-нибудь воспоминанія о Лермонтовѣ, какъ людей, благорасположенныхъ къ нему, такъ и нерасположенныхъ, немногіе изъ его знакомыхъ пользовались его искреннею и нѣжною привязанностью, а ко всѣмъ остальнымъ онъ относился презрительно, заносчиво, враждебно, точно нарочно взыскивая предлоги къ непріятностямъ и столкновеніямъ.

Мы поймемъ это, разумѣется, непріятное для окружающихъ поведеніе, припомнивъ слова Печорина: «Я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Быть всегда настражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ, — вотъ что я называю жизнью». Странная задача, странное понятіе о «жизни»! Но такого рода странностями переполнена, можно сказать, жизнь какъ самого Лермонтова, такъ и дѣйствующихъ лицъ его произведеній. И

во всѣхъ этихъ странностяхъ виденъ все тотъ же человѣкъ, страстно жаждущій дѣятельности, именно въ смыслѣ психическаго воздѣйствія на людей, задающій себѣ разнообразныя, утонченно сложныя задачи этого рода.

Дѣйствительно, бороться, покорять сердца, такъ или иначе оперировать надъ душами ближнихъ и далекихъ, любимыхъ и ненавидимыхъ,—таково призваніе или коренное требованіе натуры всѣхъ выдающихся дѣйствующихъ лицъ произведеній Лермонтова, да и его самого. Имъ было бы совершенно дико и непонятно то преувеличенное почтеніе къ мысли, идеѣ, теоріи, которое получило такое яркое выраженіе въ знаменитомъ «я мыслю, слѣдовательно, существую» Декарта, равно какъ и многія другія блестящія страницы исторіи философіи. «Я мыслю» — изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Мысль, идея есть лишь зачатокъ дѣйствія и сама по себѣ отнюдь не можетъ служить доказательствомъ или мѣриломъ существованія. Существованіе самой мысли еще нуждается въ доказательствѣ, которое дается лишь обнаруженіемъ ея въ дѣйствіи. Припомните слова Печорина: «идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи—созданія органическія, ихъ рожденіе уже даетъ имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе». Таковъ, по Лермонтову, естественный строй душевной жизни, и это воззрѣніе весьма близко къ тому, которое становится господствующимъ въ современной психо-физіологіи. Лермонтовъ дошелъ до него не путемъ логическихъ выкладокъ или систематическаго изученія; онъ прочелъ его готовымъ въ своей собственной душѣ, которой была инстинктивно противна половинчатая жизнь замкнутой мысли, не завершенной дѣйствіемъ. Столь же чуждо Лермонтову было и замкнутое, самодовлѣющее художественное творчество. При всей его горячей любви и глубокомъ уваженіи къ Пушкину, онъ никогда не подписался бы подъ извѣстной поэтическою profession de foi своего старшаго брата по искусству: «не для житейскаго волненья... не для битвъ, мы рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ». Лермонтовъ желалъ, напротивъ, чтобы «мѣрный звукъ его могучихъ словъ воспламенялъ бойца для битвы», чтобы его стихъ, какъ Божій духъ, «носился надъ толпой и отзывъ мыслей благородныхъ звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ».

Но если естественный строй душевной жизни требуетъ превращенія мысли въ дѣйствіе, то въ дѣйствительности мы видимъ постоянныя нарушенія этого закона. Неудивительно поэтому, что значительная часть лермонтовской поэзіи отличается рѣзко отрицательнымъ тономъ. На каждомъ шагу наталкивался онъ на разнообразныя формы

отлученія мысли отъ дѣла или дѣла отъ мысли и, оскорбленный въ коренномъ требованіи своей натуры, металъ направо и налѣво свой «желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью». Нечего говорить о тѣхъ формахъ разлученія мысли и дѣла, которыя могутъ быть сгруппированы подъ именемъ лицемѣрія. Вмѣстѣ съ другими большого роста людьми, освѣщающими путь человѣчества, Лермонтовъ клеймилъ, между прочимъ, и лицемѣріе, но не оно составляло спеціальный предметъ его особенной вражды. «Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много», писалъ онъ, будучи еще юношей. Позже онъ печально глядитъ «на наше поколѣнье», потому что «въ бездѣйствіи состарится оно», потому что «мы вянемъ безъ борьбы», потому что «надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда». Замѣтьте эти выраженія; они не случайныя красивыя дѣтища риѳмы и ритма, какъ это часто бываетъ даже у высоко талантливыхъ стихотворцевъ, а точное словесное отраженіе постоянной, излюбленной мысли поэта: мысль должна быть «плодовита», т.-е. имѣть осязательный результатъ, быть дѣйственной мыслью, а трудъ, т.-е. дѣло, долженъ быть начатъ геніемъ. Это полный, законченный круговоротъ силъ, и все, что становится поперекъ дороги превращенію мысли въ дѣло, все, разрывающее эти звенья единой цѣпи, больно и оскорбительно уязвляетъ поэта. Условія современной Лермонтову русской гражданственности и въ частности условія нашей печати не позволили ему быть очень опредѣленнымъ въ указаніяхъ на обстоятельства, препятствующія свободному превращенію мысли въ дѣйствіе, но свободолюбивый духъ ясно даетъ себя знать во всей его поэзіи. Лермонтову казалось иногда, что и самъ онъ отравленъ этимъ ядомъ. Оно такъ и было до извѣстной степени, но въ несравненно большей мѣрѣ его точилъ другой недугъ. Онъ разсказалъ о немъ словами Печорина: «Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? Для какой цѣли я родился? А вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что въ душѣ моей я чувствую силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагородныхъ, изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни». Эта характеристика Печорина, сдѣланная имъ самимъ подъ диктовку Лермонтова, приложима и къ Лермонтову, но съ ограниченіями. Ни изъ чего не видно, чтобы Лермонтовъ «навѣки утратилъ пылъ благородныхъ стремленій». Онъ умеръ слишкомъ молодымъ, чтобы можно было дѣлать подобныя заключенія, и все заставляетъ, напротивъ, думать,

что онъ, въ лицѣ Печорина, слишкомъ рано поставилъ на себѣ крестъ. Не совсѣмъ также вѣрно, что онъ не угадалъ «своего назначенія». Но зато вполнѣ вѣрно, что силы его были громадны и что эти силы тратились иногда на «приманки страстей пустыхъ и неблагодарныхъ». Исключительный размѣръ силъ Лермонтова сказался не только въ его чарующей поэзіи, совмѣщающей въ своемъ содержаніи глубокую мысль и сильное чувство, а въ своей формѣ — музыку стиха, живопись красокъ и пластику скульптуры. Исключительная сила выразилась и въ житейскихъ дѣлахъ Лермонтова, даже въ самыхъ мелкихъ и, прямо сказать, дрянныхъ, нравственно безобразныхъ. Нѣтъ имени его поведенію въ исторіи съ Сушковой-Хвостовой, какъ мы ее знаемъ и отъ нея, и отъ него. Но, принимая въ соображеніе его тогдашній мальчишескій возрастъ и житейскую, а въ частности свѣтскую неопытность, нельзя все-таки не признать, что это — злая, безспорно злая работа, но работа недюжинной силы. И сила эта совершенно особенная, рѣдкій даръ природы, приносящій съ собой иногда много добра, иногда много зла — даръ дерзать и владѣть, сила психическаго воздѣйствія на людей. Печать этой силы лежитъ на всей поэзіи Лермонтова, но и помимо поэзіи она всегда рвалась въ немъ наружу, требовала работы, стихійно искала себѣ точки приложенія. Именно стихійно. Лермонтовъ, по самой натурѣ своей, не могъ не подчинить себѣ людей, такъ или иначе, играя на струнахъ ихъ душъ, то намѣренно ихъ очаровывая, то столь же намѣренно доводя до озлобленія. Въ послѣдніе годы своей жизни Лермонтовъ мечталъ о томъ, чтобы выйти въ отставку и совсѣмъ отдаться литературѣ, — онъ думалъ издавать журналъ. Мудрено гадать, чего мы лишились, благодаря неосуществленію этого проекта. Мудрено гадать даже о томъ, удовлетворился ли бы сколько-нибудь самъ Лермонтовъ тою литературною дѣятельностью, какая была возможна въ его время. Но вся жизнь его протекла въ условіяхъ, совершенно неблагопріятныхъ для пріисканія дѣятельности, сколько-нибудь его достойной, за исключеніемъ, разумѣется, поэзіи, въ которую онъ и вкладывалъ свою уязвленную душу. Отсюда мрачные мотивы и мрачный тонъ этой поэзіи. Въ придачу къ тяжкимъ впечатлѣніямъ дѣтства, быть-можетъ, и преувеличеннымъ пылкостью воображенія и болѣзненной чуткостью поэта, въ пору сознательной жизни явилось еще нѣчто въ родѣ мукъ Прометея, у котораго печень вновь выростаетъ по мѣрѣ того, какъ ее клюетъ коршунъ. Мы видѣли, что даже въ юнкерской школѣ среди великаго разгула и непристойныхъ упражненій въ поэзіи, Лермонтовъ внутренно угрызался и тосковалъ. И такъ было всю жизнь. Становясь на Кавказѣ во главѣ чего-то въ родѣ шайки башибузуковъ, онъ находилъ нѣкоторое удовлетвореніе, которое самъ сравниваетъ

съ ощущеніями азартной игры; но это лишь увлеченіе минуты, за которымъ слѣдуетъ горькое раздумье и разочарованіе. Слѣпая сила его собственной природы стихійно побуждала его дерзать и владѣть гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, а голосъ разума и совѣсти клеймилъ эту жизнь печатью пошлости и пустоты. Но опять, при первомъ удобномъ случаѣ, при новой встрѣчѣ съ женщиной, при столкновеніи съ новымъ обществомъ, жажда дерзать и владѣть выступала впередъ, и опять голосъ разума и совѣсти говорилъ: не то, не таково должно быть поле дѣятельности для «необъятныхъ силъ»! Немудрено, что въ душѣ поэта вспыхивали зловѣщіе огни отчаянія и злого, мстительнаго чувства. Немудрено, что жизнь казалась ему временами «пустою и глупою шуткой».

Кн. Васильчиковъ правъ, говоря, что то было время «самое пустое въ исторіи русской гражданственности, и указывая на «придавленность общества послѣ катастрофы 14 декабря». Но онъ не правъ, называя Лермонтова «человѣкомъ» вполнѣ своего вѣка, героемъ своего времени. Или, по крайней мѣрѣ, это опредѣленіе требуетъ оговорки. Что бы ни хотѣлъ сказать Лермонтовъ заглавіемъ своего романа,— иронизировалъ ли онъ или говорилъ серьезно, собирательный ли типъ хотѣлъ дать въ Печоринѣ или выдающуюся единицу, съ себя ли писалъ «героя нашего времени» или нѣтъ,— для него самого его время было полнымъ безвременьемъ. И онъ былъ настоящимъ героемъ безвременья.

Михайловскій.

Печоринъ и Бѣлинскій.

I.

Печоринъ Лермонтова не только хронологически, но и въ отношеніи общественно-психологическомъ,— прямой и ближайшій преемникъ Онѣгина. Этому преемству нисколько не мѣшаетъ то, что по натурѣ, по характеру и темпераменту это — люди совершенно различные. Онѣгинъ — холоденъ, безстрастенъ, апатиченъ. Печоринъ — человѣкъ «съ темпераментомъ», съ кипучими страстями, съ душевной энергіей. У Онѣгина замѣчается недостатокъ силы воли, Печоринъ, напротивъ, одаренъ незаурядною волею. Онѣгинъ не умѣетъ, да и не желаетъ покорять умы и сердца («романы» въ счетъ не идутъ), подчинять себѣ волю другихъ; у Печорина это — главная страсть, и онъ съ большимъ искусствомъ, какъ виртуозъ, играетъ на струнахъ души человѣческой (и не только женской). Онъ умѣетъ и любитъ властвовать.

И въ самомъ дѣлѣ, Онѣгинъ и Печоринъ — люди разные, но они принадлежатъ къ одному и тому же общественно-психологическому

типу. Это — типъ неудачника и лишняго человѣка. Ихъ индивидуальныя различія только ярче оттѣняютъ ихъ общественно-психологическое родство. Сопоставляя ихъ въ этомъ отношеніи, мы убѣждаемся въ томъ, что въ самомъ дѣлѣ жизнь вырабатывала особый соціально-психологическій типъ безпокойно-мечущагося человѣка, чувствующаго себя лишнимъ, не находящаго своего мѣста и назначенія, и подъ этотъ типъ подходили весьма различные, даже противоположные характеры и натуры.

Эти люди не могли осуществить своей «общественной стоимости», потому что со средою своего круга они не уживались, а другой среды найти не умѣли; они также не располагали тѣмъ душевнымъ содержаніемъ, которое давало бы имъ возможность выносить тяготу душевнаго одиночества.

Вообще Онѣгинъ — не честолюбецъ. Здѣсь мы видимъ одно изъ существенныхъ — индивидуальныхъ различій между двумя героями: Печоринъ, въ противоположность Онѣгину, одержимъ бѣсомъ честолюбія и властолюбія. Въ отношеніи къ вопросу объ осуществленіи общественной стоимости эта особенность Печорина даетъ ему несомнѣнное преимущество передъ Онѣгинымъ: у него есть импульсъ, побуждающій стремиться къ осуществленію своей общественной стоимости, а также становится возможной прямая цѣль жизни, внушаемая все тѣмъ же честолюбіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, Печоринъ честолюбивъ, жаждетъ успѣховъ, славы, дѣятельности; при этомъ отнюдь нельзя сказать, что у него охота смертная, да участь горькая, — напротивъ, онъ уменъ, хитеръ, весьма способенъ къ интригѣ, неразборчивъ на средства, смѣлъ, сдержанъ, умѣетъ управлять собою и пользоваться другими для достиженія своихъ цѣлей, — чего больше? Съ такими рессурсами онъ могъ бы весьма и весьма преуспѣть въ жизни... Служа на Кавказѣ, онъ легко нашелъ бы все, чего жаждетъ его душа, — и сильныя впечатлѣнія, и упражненія всѣхъ своихъ способностей, и «славу», и даже «власть». Пожалуй, возразятъ, что онъ вовсе не гонится за успѣхами по службѣ, что онъ выше этой «прозы», и его «демоническая» душа жаждетъ иной дѣятельности, иной славы. Но, спрашивается — какой же? Мы не знаемъ, да и самъ онъ не знаетъ.

При этомъ необходимо отмѣтить, что непригодность Печорина къ «службѣ», къ карьерѣ вовсе не означаетъ, чтобы у него были какія-либо высшія стремленія или идеалы, чтобы онъ критически и отрицательно относился къ дѣйствительности, къ данному порядку вещей (онъ меньше всего — «идеологъ»). Вмѣсто критики у него есть только презрѣніе къ людямъ. Ко всякимъ идеямъ и идеаламъ онъ, повидимому, такъ же равнодушенъ, какъ и къ службѣ или карьерѣ.

Не «идейная», не моральная въ тѣсномъ смыслѣ причина, а какая-то другая — чисто-психологическая — дѣлаетъ Печорина непригоднымъ для «службы», карьеры, да и всякой иной дѣятельности, которая могла бы удовлетворить его. Въ немъ, при всѣхъ задаткахъ для успѣховъ въ жизни, бросается въ глаза какое-то душевное безсиліе. Послушаемъ, какъ самъ онъ говоритъ объ этомъ: «Во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало, къ печали я такъ же легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать»... Опять приходится вспомнить Онѣгина, для котораго также осталось одно — путешествовать, слоняться по свѣту; черта — характерная для всѣхъ нашихъ «лишнихъ людей», въ томъ числѣ и для той разновидности, которая воплощена въ Рудинѣ.

Максимъ Максимовичъ, передавая автору признанія Печорина, заключаетъ вопросомъ: «Скажите-ка, пожалуйста, вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно — неужто тамошняя молодежь вся такова?» — На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ, что «много есть людей, говорящихъ то же самое, что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что, впрочемъ, разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ, и что нынче тѣ, которые больше всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастье, какъ порокъ».

Эти слова весьма важны, и отъ нихъ, по моему мнѣнію, и слѣдуетъ исходить при объясненіи психологіи и самого типа Печорина.

II.

«Скука» какъ лермонтовскаго Печорина, такъ и прочихъ, менѣе «интересныхъ» Печориныхъ, не заключала въ себѣ ничего идейнаго. Въ этомъ отношеніи Онѣгинъ имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ Печоринымъ: Онѣгинъ былъ затронутъ передовыми идеями своего времени, хотя и не былъ его «героемъ», — Печорину же совершенно чужды какія бы то ни было идейныя стремленія, онъ — очевидный индиферентистъ, и, со своею безыдейною тоскою, онъ и является характернымъ «героемъ своего времени» или, по выраженію Н. К. Михайловскаго, «героемъ безвременья».

Не заключая въ себѣ ничего идейнаго, разочарованность или скука Печорина, однакоже, представляется настроеніемъ не совсѣмъ банальнымъ. Повидимому, оно довольно сложно и свидѣтельствуетъ о незаурядности натуры скучающаго «героя». Другой на его мѣстѣ и не сталъ бы скучать и былъ бы совершенно удовлетворенъ и пошло счастливъ.

Въ то глухое, почти безпросвѣтное время, когда критическое отношеніе къ дѣйствительности только начинало вырабатываться въ немногихъ интимныхъ кружкахъ мыслящихъ людей, встрѣчались натуры, отличавшіяся, такъ сказать, органическою, природною неспособностью удовлетворяться пошлою, пустою и тѣсною жизнью. Въ высшемъ обществѣ того времени люди этого рода встрѣчались чаще, чѣмъ въ другихъ слояхъ. Они не имѣли опредѣленныхъ, выработанныхъ убѣжденій, плохо разбирались въ дѣлѣ критической оцѣнки людей и вещей; но, повинуясь какому-то благородному инстинкту, они брезгливо сторонились отъ извѣстныхъ темныхъ сторонъ тогдашней дѣйствительности. Натуры этого рода плохо ладили также съ пошлою стороною жизни, томились ея однообразіемъ, жаждали новыхъ, освѣжающихъ впечатлѣній и, не находя ихъ, хандрили и скучали. Однимъ лишь фактомъ своего существованія они представляли живой протестъ противъ тогдашней дѣйствительности, почему представители и «теоретики» этой послѣдней смотрѣли на нихъ косо и подозрительно. Печорины, при всей ихъ безпринципности и бездѣятельности, были «на плохомъ счету». Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ примѣръ самаго интереснаго изъ всѣхъ тогдашнихъ Печориныхъ — М. Ю. Лермонтова.

Это, въ свою очередь, приводило къ тому, что они привыкали смотрѣть на себя, какъ на людей особенныхъ, незаурядныхъ, рожденныхъ не для пошлой жизни и не для обычной «карьеры». Имъ казалось, что они предназначены были для чего-то высшаго, для какого-то необыкновеннаго «поприща», о которомъ они, впрочемъ, не имѣли никакого понятія. Печоринъ говоритъ: «Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?.. А вѣрно, она существовала, а вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя»... Дѣло въ томъ, что Печоринъ — натура рѣзко-эгоцентрическая. Онъ все относитъ къ себѣ; ему кажется, что все создано для него; онъ не можетъ увлечься чѣмъ бы то ни было такъ, чтобы хоть на мигъ забыть о себѣ. И соотвѣтственно этому, у него чрезмѣрное самомнѣніе. Онъ склоненъ преувеличивать свою душевную значительность. Зная о себѣ, что онъ—человѣкъ незаурядный, не пошлый, не мелкій, онъ уже мнитъ себя какимъ-то «избранникомъ», онъ уже подозрѣваетъ въ себѣ «силы необъятныя» и задумывается надъ вопросомъ о своемъ высокомъ предназначеніи.

Его крайній эгоцентризмъ ярко характеризуется въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ: «Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на стра-

данія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы»...

Печоринъ, какъ уже было указано, честолюбивъ и властолюбивъ. Есть намекъ на то, что онъ не могъ найти исхода своимъ честолюбивымъ стремленіямъ на единственно возможномъ тогда поприщѣ — на службѣ: «честолюбіе у меня, — говоритъ онъ, — подавлено обстоятельствами»... Но «оно проявилось въ другомъ видѣ»: оно нашло себѣ другую арену и другое упражненіе — покорять женскія сердца, внушать людямъ зависть, имѣть «поклонниковъ», вообще «подчинять своей волѣ» другихъ («Кн. Мери»).

III.

Для Печорина въ указанномъ отношеніи чрезвычайно характерно то, что бо̀льшая часть знаменитаго романа такъ и написана — въ видѣ «записокъ» самого героя («Тамань», «Княжна Мери», «Фаталистъ»), а другая часть («Бэла») содержитъ въ себѣ признанія, даже родъ исповѣди Печорина. Эта наклонность или потребность высказываться, исповѣдываться, раскрывать другимъ свой внутренній міръ у натуръ эгоцентрическихъ не есть слѣдствіе или признакъ экспансивности и уживается вмѣстѣ съ другою, противоположною чертою характера — замкнутостью, скрытностью. Это просто — результатъ того, что эгоцентрическія натуры слишкомъ переполнены собою, слишкомъ заняты интересами своего внутренняго міра, и поэтому ихъ «я» невольно вырывается наружу, — высказывается. Такъ точно и тяготѣніе къ людямъ, къ обществу у нихъ не является выраженіемъ симпатіи и общественныхъ стремленій и уживается съ мизантропіей. Ихъ, такъ сказать, «тянетъ» къ людямъ, большинство которыхъ они не любятъ и презираютъ, и въ этомъ сказывается потребность отвлечься отъ вѣчныхъ помысловъ о себѣ и освѣжить новыми впечатлѣніями свою душу, отягченную прошлымъ опытомъ жизни. Здѣсь-то и даетъ себѣ знать ихъ повышенное самочувствіе, которое можетъ выражаться въ различныхъ формахъ. Но вотъ двѣ весьма любопытныя и, кажется, наименѣе «здоровыя» формы: 1) «У меня, — говоритъ Печоринъ, — врожденная страсть противорѣчить; цѣлая жизнь моя была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ, и, я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя» («Княжна Мери»). — 2) «Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое воспоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ: ничего не забываю, ничего!» («Княжна Мери»).

1) Печоринъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые умѣютъ передавать, но не умѣютъ брать. Въ этомъ-то и обнаруживается между прочимъ его повышенное самочувствіе: онъ слишкомъ сильно, слишкомъ ярко чувствуетъ свою мысль, свое чувство, свое настроеніе, чтобы удѣлять потребную долю вниманія мыслямъ, чувствамъ, настроеніямъ другихъ людей. Оттуда — тотъ духъ противорѣчія, о которомъ онъ говоритъ. Его душа какъ будто замурована и неспособна сочувствовать другой душѣ, настраиваться въ унисонъ съ настроеніемъ другихъ. На чужой энтузіазмъ онъ отвѣчаетъ душевнымъ холодомъ, на чужой душевный холодъ онъ, какъ самъ думаетъ, отвѣтитъ энтузіазмомъ (что, впрочемъ, сомнительно, такъ какъ, повидимому, Печоринъ вообще неспособенъ къ энтузіазму). Это — уединенная душа, скудная симпатическимъ воображеніемъ, которое служитъ проводникомъ отъ человѣка къ человѣку. Противорѣча другимъ, онъ постоянно противорѣчитъ и себѣ самому, и его жизнь есть «цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку». Повидимому, дѣло идетъ здѣсь не о тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя возникаютъ въ силу, напримѣръ, столкновенія страсти съ разсудкомъ, не о внутренней борьбѣ человѣка съ самимъ собою. Рѣчь идетъ о томъ, что Печоринъ неспособенъ отдаться влеченію сердца, точно такъ, какъ неспособенъ онъ поддаться настроенію другого человѣка, и что онъ также не удѣляетъ должнаго вниманія голосу разсудка по какому-то не то своенравію, не то капризу. Онъ часто поступаетъ наперекоръ своему разсудку, какъ поступаетъ наперекоръ мнѣнію, желанію и т. п. другихъ людей. Въ немъ нѣтъ должной цѣльности или гармоніи душевной жизни. Такое состояніе души не можетъ считаться нормальнымъ — и субъектъ становится мало пригоднымъ для соціальной жизни, онъ уже — несомнѣнный кандидатъ въ «лишніе люди».

Но здѣсь надо принять во вниманіе степень дефекта. У Печорина мы видимъ только относительный недостатокъ симпатическаго воображенія и связанной съ нимъ способности воспринимать чужое душевное состояніе и жить общею жизнью съ другими. Такъ, напримѣръ, въ общеніи съ докторомъ Вернеромъ онъ вполнѣ «нормаленъ»: онъ его понимаетъ, сочувствуетъ ему, обмѣнивается съ нимъ и мыслями, и чувствами. Но, однако, отъ добраго и по-своему умнаго Максима Максимовича онъ ничего не взялъ и, очевидно, не могъ сочувственно понять его, какъ понялъ Лермонтовъ. Напротивъ, Максимъ Максимовичъ, въ мѣру своего умственнаго развитія и силою простого здраваго смысла, сумѣлъ понять и даже очертить другому душевный складъ Печорина, столь чуждый ему. Въ этомъ смыслѣ простая душа стараго штабсъ-капитана оказалась богаче сложной души Печорина.

Нѣтъ худа безъ добра. Печорины, мало способные къ сочувственному пониманію другихъ и одержимые духомъ противорѣчія, благодаря этому душевному изъяну, оказываются застрахованными отъ разныхъ «психическихъ эпидемій», какія въ данное время получаютъ особливое распространеніе въ обществѣ. И вотъ почему въ эпоху «безвременья», когда сервилизмъ, испугъ и квасной патріотизмъ стали своего рода «эпидеміями», Печоринъ гордо и твердо шелъ противъ теченія, неспособный усвоить себѣ господствующее настроеніе и обязательный кодексъ идей и чувствъ. Тутъ, между прочимъ, одна изъ причинъ его неприспособленности къ служебной карьерѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это придавало ему своеобразное общественное значеніе. Бываютъ эпохи, когда неспособность человѣка, хотя бы и «лишняго», заражаться всеобщимъ испугомъ есть уже заслуга и высоко цѣнится...

2) Если въ томъ «духѣ противорѣчія», которымъ одержимъ Печоринъ, мы усматриваемъ нѣчто анормальное (хотя и могущее, по условіямъ времени, оказаться полезнымъ для чести человѣка), то другую черту, указанную въ вышеприведенномъ признаніи Печорина, мы должны признать безусловно патологической и опасной для душевнаго здравія субъекта: Печоринъ ничего не забываетъ и вѣчно находится подъ гнетомъ своего прошлаго. Въ этомъ еще яснѣе обнаруживается его повышенное самочувствіе. При этомъ, очевидно, тутъ имѣются въ виду не столько мысли, идеи, сколько чувства, аффекты и настроенія. Печоринъ говоритъ о «минувшихъ печаляхъ и радостяхъ», которыя остаются въ его, какъ сказали бы современные французскіе психологи, «аффективной памяти» и болѣзненно ударяютъ въ его душу. Это значитъ, что нѣкогда пережитыя имъ чувства оставляютъ послѣ себя слѣды въ его душѣ, болѣе устойчивые, чѣмъ у другихъ, нормальныхъ людей. Его душа, разъ испытавъ извѣстное, конечно, болѣе или менѣе сильное, чувство, сохраняетъ способность вновь переживать соотвѣтственное чувство или настроеніе, хотя бы оно и не вызывалось новымъ опытомъ жизни. Пережитыми чувствами, страстями, аффектами его душа разъ навсегда настроена извѣстнымъ образомъ и постоянно готова звучать замогильными звуками прошлаго. И все равно, радостны или печальны эти «звуки»: въ томъ и въ другомъ случаѣ они причиняютъ душевную боль. Былая радость либо отравляется теперь сознаніемъ, что ея нѣтъ[1]), либо, что вѣрнѣе и важнѣе, — она причиняетъ особую душевную боль въ качествѣ чув-

[1]) Помимо этого воспоминанія о прошломъ вообще, о пережитыхъ нѣкогда чувствахъ и настроеніяхъ въ особенности, обыкновенно окрашиваются какимъ-то оттѣнкомъ грусти, который усиливается по мѣрѣ того, какъ пережитое все дальше отодвигается въ прошлое. Въ этой своеобразной грусти есть что-то «похоронное», что-то «кладбищенское». Того же порядка и грусть историческихъ воспоминаній.

ства лишняго, такъ сказать—«сверхкомплектнаго», ненужнаго для текущей минуты, немотивированнаго настоящимъ. Ибо душа человѣческая безсознательно стремится къ экономіи, какъ въ сферѣ мысли, такъ и въ сферѣ чувства, и «законъ забвенія», господствующій именно въ душѣ чувствующей, въ высокой степени благодѣтеленъ. У Печорина онъ плохо дѣйствуетъ, и его душа одержима призраками прежнихъ чувствъ, страстей, аффектовъ, настроеній.

Такая душевная организація не можетъ считаться нормальной и уравновѣшенной. Она фатально становится игралищемъ разныхъ, болѣе или менѣе тягостныхъ, угнетающихъ, состояній и томленій душевныхъ, — и нѣтъ ей успокоенія, нѣтъ ей забвенія.

Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что натура Печорина въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ въ другихъ, воспроизводила душевную организацію самого Лермонтова, въ поэтическомъ «паѳосѣ» котораго мотивъ жажды «покоя и забвенія» игралъ весьма видную роль.

Вспомнимъ, напримѣръ:

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Не долго я еще благодарилъ...

Поэтъ «все помнитъ», и все пережитое такъ болѣзненно отзывается въ его душѣ, что онъ не видитъ иного успокоенія, какъ только въ смерти. Но ему мерещится даже, что и за гробомъ его будутъ преслѣдовать земныя страсти — и любовь, и ревность, и муки, и восторги:

Пускай холодною землею
Засыпанъ я,
О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья
Я не забылъ...

(«Любовь мертвеца»).

Лирическая обработка этого мотива у Лермонтова такова, что само собою напрашивается предположеніе, что здѣсь передъ нами родъ поэтической исповѣди, что поэтъ лично испытывалъ эти тягостныя душевныя состоянія.

IV.

Обращаясь къ Печорину, мы прежде всего видимъ въ немъ ярко-выраженную личность, которая какъ ни какъ, худо или хорошо, мыслитъ, чувствуетъ, понимаетъ вещи по-своему, а не шаблонно, по установившимся и традиціоннымъ формамъ. Оттуда, между прочимъ, тотъ интересъ и даже симпатія, съ которыми лучшіе люди 30—40-хъ годовъ относились къ Печорину. Его психологическій укладъ, во многомъ чуждый имъ, былъ, однако, понятенъ и какъ бы родственъ ихъ душѣ. Они, энтузіасты, готовы были простить Печорину его индиферентизмъ; не зная печоринской скуки и бездѣлья, они понимали эту сторону его душевной жизни и не видѣли въ ней доказательства пошлости или пустоты. Встрѣтясь съ Печоринымъ, они могли бы сойтись съ нимъ такъ, какъ сошелся съ нимъ докторъ Вернеръ. Они бы, безъ сомнѣнія, охотно допустили Печорина въ свой интимный кругъ.

Таковы, думается мнѣ, должны были быть отношенія передовыхъ людей 30—40-хъ годовъ къ Печорину живому. Что же касается Печорина «литературнаго», то появленіе этого образа прежде всего направило мысль передовыхъ людей на другой образъ, давно знакомый, уже ставшій достояніемъ ихъ мысли, — на образъ Онѣгина. Представитель, такъ сказать — «лидеръ», «партіи» западниковъ, Бѣлинскій, выступилъ съ обширной статьей о «Героѣ нашего времени», гдѣ впервые онъ далъ и характеристику Онѣгина («Отеч. Зап.», 1840, № 6; въ изданіи С. А. Венгерова, т. V, стр. 290—372).

Въ этой характеристикѣ (указ. изд., т. V, стр. 367—368) критикъ устанавливаетъ взглядъ на Онѣгина, какъ на реальный типъ, воспроизводящій извѣстный моментъ въ жизни и развитіи русскаго общества: «Онѣгинъ — не подражаніе, а отраженіе (т.-е. европейскихъ идей и литературныхъ типовъ), но сдѣлавшееся не въ фантазіи поэта, а въ современномъ обществѣ, которое онъ изображалъ въ лицѣ героя своего поэтическаго романа. Сближеніе съ Европой должно было особеннымъ образомъ отразиться въ нашемъ обществѣ, — и Пушкинъ геніальнымъ инстинктомъ великаго художника уловилъ это отраженіе въ лицѣ Онѣгина».

Затѣмъ, указавъ, что этотъ моментъ, воплощенный въ Онѣгинѣ, уже прошелъ «невозвратно», Бѣлинскій говоритъ, что если бы Онѣгинъ «явился въ наше время», то естественъ былъ бы вопросъ:

Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ такъ же чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится?.. и т. д.

И говоритъ, что на эти-то вопросы и далъ отвѣтъ Лермонтовъ созданіемъ Печорина. Такимъ образомъ, Печоринъ — это «Онѣгинъ нашего времени, герой нашего времени». Главной задачей Лермонтова было вовсе не написать свой собственный портретъ, а именно создать общественно - психологическій типъ, который по своему значенію могъ бы стать рядомъ съ типомъ Онѣгина. И въ этомъ смыслѣ Лермонтовъ былъ вполнѣ искрененъ, когда писалъ въ «Предисловіи ко 2-му изданію» романа «Герой нашего времени»: «Точно портретъ, но не одного человѣка: это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи»... А что въ этотъ портретъ вошли нѣкоторыя черты самого автора, это другое дѣло, обусловленное, главнымъ образомъ, субъективностью художественнаго творчества Лермонтова.

Бѣлинскій далъ подробный анализъ характера и всего душевнаго склада Печорина. Онъ видѣлъ въ «героѣ» портретъ самого автора, но такой, который въ то же время воплощаетъ въ себѣ и характерныя черты времени. И критикъ относится къ Печорину съ нескрываемой симпатіей. Онъ видитъ въ немъ личность незаурядную, богатую душевными силами, заключающую въ себѣ залогъ лучшаго будущаго. «Въ идеяхъ Печорина, — говоритъ онъ (стр. 365), — много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатой натурой. Его во многихъ отношеніяхъ дурное настоящее обѣщаетъ прекрасное будущее». Сопоставляя его съ Онѣгинымъ, критикъ находитъ, что, уступая послѣднему въ художественномъ отношеніи, Печоринъ выше его «по идеѣ». Поясненіе этой мысли, данное Бѣлинскимъ, представляетъ для насъ большой интересъ. Прежде всего критикъ оговаривается, что это преимущество Печорина передъ Онѣгинымъ вовсе не составляетъ заслуги Лермонтова: «это преимущество принадлежитъ нашему времени» (стр. 368). Дѣло въ томъ, что Онѣгинъ, при несомнѣнныхъ положительныхъ сторонахъ (онъ «вчужѣ чувства уважалъ», «въ его сердцѣ была и гордость, и прямая честь»), — человѣкъ апатичный, вялый, его «убили воспитаніе и свѣтская жизнь», — онъ опустился, ему «все приглядѣлось, все пріѣлось» — и «онъ равно зѣвалъ средь модныхъ и старинныхъ залъ»; но «не таковъ Печоринъ», говоритъ критикъ. И тутъ же онъ характеризуетъ лермонтовскаго героя такими чертами, которыя невольно напоминаютъ намъ душевный складъ и моральное «творчество» самого Бѣлинскаго и его друзей. Вотъ это любопытное мѣсто: «Этотъ человѣкъ не равнодушно, не апатично несетъ свое страданіе: бѣшено гоняется онъ за жизнью, ища ея повсюду; горько обвиняетъ онъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучатъ, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія:

подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя самый любопытный предметъ своихъ наблюденій и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей исповѣди, не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ недостаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія» (стр. 368). Почти буквально все это приходитъ въ голову, когда перечитываешь интимную переписку Бѣлинскаго, Герцена, Станкевича и др. Очевидно, были какія-то точки соприкосновенія между психологіей Печорина и душевнымъ міромъ этихъ выдающихся дѣятелей, столь отличныхъ отъ Печорина. Разумѣется, въ этомъ сближеніи первенствующую роль игралъ Лермонтовъ. Печоринъ оказался столь близкимъ и даже дорогимъ Бѣлинскому прежде всего потому, что онъ видѣлъ въ немъ самого Лермонтова и мысленно прибавлялъ къ душевному достоянію Печорина недостающія ему качества, принадлежавшія его автору. Но, съ другой стороны, если Печоринъ — это самъ Лермонтовъ «какъ есть», то Лермонтовъ — не Печоринъ, потому что, вопреки взгляду Н. А. Котляревскаго, «герой нашего времени»—типъ собирательный. Бѣлинскій это чувствовалъ и понималъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ въ другомъ письмѣ къ Боткину (отъ 13 іюня 1840 г.): «...Я несогласенъ съ твоимъ мнѣніемъ о натянутости и изысканности (мѣстами) Печорина: онѣ разумно-необходимы. Герой нашего времени долженъ быть таковъ. Его характеръ — или рѣшительное бездѣйствіе, или пустая дѣятельность. Въ самой его силѣ и величіи должны проглядывать ходули, натянутость и изысканность. Лермонтовъ — великій поэтъ: онъ объектировалъ современное общество и его представителей»... (Пыпинъ, II, 48.)

Эта мысль, проводимая Бѣлинскимъ и въ статьѣ о «Героѣ нашего времени», въ существѣ своемъ совпадаетъ съ тѣмъ, что говоритъ и Лермонтовъ въ «Предисловіи» ко 2-му изданію романа.

Перечитывая статью великаго критика, мы убѣждаемся въ томъ, что для него, а слѣдовательно, и для того поколѣнія, представителемъ котораго онъ былъ, Печоринъ въ самомъ дѣлѣ является «героемъ времени». Его рефлексія, его хандра, его «охлажденный взглядъ» на жизнь, все это казалось Бѣлинскому особливо значительнымъ, онъ видѣлъ въ этомъ доказательство глубины натуры героя, находящагося въ томъ «переходномъ состояніи духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ и совершенный призракъ въ настоящемъ» (указ. изд., V, 354).

Неудивительно, что психологія Печорина съ его хандрой, рефлексіей, разочарованностью и пр. могла показаться Бѣлинскому

чѣмъ-то родственнымъ, знакомымъ. И сосредоточивъ все свое вниманіе на этомъ пунктѣ, критикъ оставилъ безъ разсмотрѣнія другія стороны Печорина, внимательное отношеніе къ которымъ могло бы охладить его симпатію къ лермонтовскому герою. Бѣлинскій не отмѣтилъ бытовыхъ чертъ послѣдняго, а равно и тѣхъ, въ силу которыхъ Печоринъ является неудачникомъ и лишнимъ человѣкомъ. Впрочемъ, эти черты едва ли и могли быть поняты въ то время: онѣ ясны намъ въ настоящее время, благодаря той разработкѣ этого общественно-психологическаго типа, которую далъ въ 50-хъ годахъ Тургеневъ. Въ концѣ же 30-хъ годовъ ни въ литературѣ, ни въ жизни эта сторона героевъ, олицетворявшихъ извѣстные «моменты» въ развитіи общества, еще не проявлялась съ достаточной отчетливостью.

Итакъ, для Бѣлинскаго Печоринъ былъ чисто-психологическій типъ, олицетворявшій переходный моментъ въ развитіи личности, такъ мучительно переживавшійся самимъ Бѣлинскимъ и его друзьями.

Овсянико-Куликовскій.

Грусть.

(Памяти М. Ю. Лермонтова, 15 іюля 1841 г.).

Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Лермонтовъ. Воспоминаніе о смерти поэта, безъ сомнѣнія, напомнитъ намъ его поэзію. Да, напомнитъ, потому что мы успѣли уже забыть ее. Поэзія Лермонтова только наше школьное воспоминаніе: въ нашемъ текущемъ житейскомъ настроеніи, кажется, не уцѣлѣло ни одной лермонтовской струны, ни одного лермонтовскаго аккорда. Жалѣть ли объ этомъ? Можетъ-быть—да, а можетъ-быть—и нѣтъ. Отвѣтъ зависитъ отъ оцѣнки этой давно затихшей пѣсни и отъ того, запалъ ли въ насъ отъ нея какой-нибудь отзвукъ, лучше сказать — была ли она отзвукомъ какого-нибудь цѣннаго общечеловѣческаго или, по крайней мѣрѣ, національнаго мотива, или въ ней прозвучало чисто-индивидуальное настроеніе, которое сложилось подъ вліяніемъ капризныхъ случайностей личной жизни и вмѣстѣ съ ней замерло, обогативъ только запасъ рѣдкихъ психологическихъ возможностей. Въ послѣднемъ случаѣ поэзію Лермонтова едва ли стоитъ вызывать съ тихаго кладбища учебной хрестоматіи.

Принято думать, что Лермонтовъ—поэтъ байроновскаго направленія, пѣвецъ разочарованія, а разочарованіе — настроеніе мало приличествующее школьному возрасту и совсѣмъ неудобное для педагога, какъ воспитательное средство.

Между тѣмъ, послѣ старика Крылова, кажется, никто изъ русскихъ поэтовъ не оставилъ послѣ себя столько превосходныхъ вещей,

доступныхъ воображенію и сердцу учебнаго возраста безъ преждевременныхъ возбужденій, и притомъ не въ наивной формѣ басни, а въ видѣ баллады, легенды, историческаго разсказа, молитвы или простого лирическаго момента. Неожиданно и то, что русскій поэтъ первой половины нашего вѣка сталъ пѣвцомъ разочарованія. Байронизмъ — это поэзія развалинъ, пѣснь о кораблекрушеніи. На какихъ развалинахъ сидѣлъ Лермонтовъ? Какой разрушенный Іерусалимъ онъ оплакивалъ? Ни на какихъ и никакого. Въ тѣ годы у насъ бывали несчастія и потрясенія, но ни одного изъ нихъ нельзя назвать крушеніемъ идеаловъ. Старыя вѣрованія, исторически сложившіяся и укрѣпившіяся въ общественномъ сознаніи, уцѣлѣли, а новыя идеи еще не успѣли дозрѣть до общественныхъ идеаловъ и свѣялись, какъ мечты отдѣльныхъ умовъ, неосторожно отважившихся забѣжать впередъ своего общества. Намъ не приходилось сидѣть на рѣкахъ вавилонскихъ, оплакивая родныя разрушенныя святыни, и даже о пожарѣ Москвы мы вспоминали неохотно, когда вѣжливою и сострадательной рукой брали Парижъ.

Поэзія Лермонтова развивалась довольно своеобразно. Поэтъ не сразу понялъ себя, его настроеніе долго оставалось для него загадкою. Это отчасти потому, что Лермонтовъ получилъ очень раннее и одностороннее развитіе, ускорявшееся излишнимъ количествомъ внѣшнихъ возбужденій. Рано пробудившаяся мысль питалась не столько непосредственнымъ наблюденіемъ, сколько усиленнымъ и однообразнымъ чтеніемъ, впечатлѣніями, какія навѣвались поэзіей Пушкина, Гейне, Ламартина и особенно «огромнаго Байрона», съ которымъ онъ уже на 16 году былъ неразлученъ, по свидѣтельству Е. А. Хвостовой. Этимъ нарушена была естественная очередь предметовъ размышленія. То, чѣмъ усиленно возбуждалась ранняя мысль Лермонтова, это были преимущественно предметы, изъ которыхъ слагается жизнь сердца, притомъ тревожнаго и притязательнаго. Съ трудомъ разбираясь въ воспринимаемыхъ впечатлѣніяхъ, Лермонтовъ вдумывался въ безпокойное и хаотическое настроеніе, ими навѣвавшееся, рядился въ чужіе костюмы, примѣрялъ къ себѣ героическія позы, вычитанныя у любимыхъ поэтовъ, подбиралъ гримасы, чтобы угадать, которая ему къ лицу, и такимъ образомъ стать на себя похожимъ. Для этой работы особенно много образовъ и пріемовъ дала ему манерная и своенравно-печальная поэзія Байрона, и въ этомъ отношеніи ей трудно отказать въ сильномъ вліяніи на нашего поэта. До конца своего недолгаго поприща не могъ онъ освободиться отъ привычки кутаться въ свою нарядную печаль, выставлять гной своихъ душевныхъ ранъ, притомъ напускныхъ или декоративныхъ, трагически демонизировать свою личность, — словомъ, казаться лейбъ-гвардіи гусарскимъ

Мефистофелемъ. Было бы большой ошибкой видѣть во всемъ этомъ одинъ бутафорскій приборъ, только чуждыя накладныя краски, которыя съ лѣтами должны были свалиться ветхою чешуей съ поэтическаго подлинника, не оставивъ на немъ своего слѣда. Эти изысканные пріемы поэтическаго творчества появляются у Лермонтова въ такіе ранніе годы, когда усвоенная манера не столько отражаетъ, сколько направляетъ настроеніе души. Поэту ужъ не вернуть своихъ юныхъ гордыхъ дней; жизнь его пасмурна, какъ солнце осени суровой; онъ умеръ, душа его скорбитъ о годахъ развратныхъ: все это пишетъ не болѣе какъ 15-лѣтній мальчикъ, посвящая друзьямъ свою поэму, свои «печальныя мечты, плоды душевной пустоты».

Когда успѣлъ пережить всѣ эти нравственные ужасы благовоспитанный и прекрасно учившійся гимназистъ университетскаго благороднаго пансіона? Вторя этому настроенію, въ *Корсарѣ, Преступникѣ, Смерти* и др. пьесахъ тѣхъ лѣтъ (1828—1830 г.) являются все мрачные образы, печальные или ожесточенные. Изъ этихъ образовъ и положеній постепенно складывается типъ, который такъ долго владѣлъ воображеніемъ поэта. Сначала, напримѣръ, въ *Портретѣ, Моемъ демонѣ* и первомъ очеркѣ *Демона* (1829 г.). Поэтъ лелѣялъ этотъ типъ, какъ свое любимое поэтическое дѣтище, всматривался въ него, ставилъ его въ разнообразныя позы и обстановки, изображалъ то печальнымъ и влюбленнымъ демономъ, то мстительнымъ русскимъ дворовымъ холопомъ-пугачевцемъ, то дикимъ кавказскимъ горцемъ, то великосвѣтскимъ игрокомъ, то ипохондрикомъ-художникомъ, то, наконецъ, кавказскимъ офицеромъ-баричемъ изъ высшаго столичнаго свѣта, не знающимъ, куда дѣвать себя отъ скуки. Онъ съ любовью искалъ этихъ противорѣчій и съ наслажденіемъ любовался ими, не отворачиваясь даже отъ самыхъ пошлыхъ, съ такимъ мефистофельскимъ злорадствомъ изображенныхъ имъ въ стихотвореніи *Что толку жить*. Изъ всѣхъ этихъ несродныхъ поэту усилій воображенія и сердца онъ вынесъ, по его словамъ, усталую душу, объятую тьмой и холодомъ, еще далеко не достигнувъ рубежа молодости. Лермонтовъ быстро развивался. Согласно съ привычнымъ направленіемъ своей мысли, онъ и этой небезпримѣрной особенности своего роста придавалъ трагическое значеніе. У него сложился взглядъ на себя, какъ на человѣка, рано отцвѣтшаго и преждевременно созрѣвшаго, успѣвшаго отжить, когда обыкновенно только начинаютъ жить. Любимымъ образомъ, къ которому онъ обращался для своей характеристики, былъ тощій плодъ, до времени созрѣвшій, который сиротой виситъ между цвѣтовъ, не радуя ни глазъ, ни вкуса.

Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ...

Въ этой печальной повѣсти поэта о своемъ нравственномъ разореніи, конечно, не всегда дѣйствительный житейскій опытъ, а есть и доля поэтической мечты, есть даже не мало заимствованныхъ со стороны, вычитанныхъ образовъ, принятыхъ за свою собственную мечту. Но мысль, рано и долго питавшаяся такими образами и чувствами, должна была покрыть въ глазахъ поэта людей и вещи тусклымъ свѣтомъ; настроеніе унынія и печали, первоначально навѣвавшееся случайными, хотя бы даже призрачными впечатлѣніями, незамѣтно превращалось въ потребность или въ «печальную привычку сердца», говоря словами поэта. Это настроеніе, столь неблагопріятное для нравственнаго роста поэта, имѣло, однако, благотворное дѣйствіе въ другомъ отношеніи. Утомленный или возбуждаемый впечатлѣніями, приносимыми со стороны, онъ рано началъ искать пищи для ума въ себѣ самомъ, много передумалъ, о чемъ рѣдко думается въ тѣ годы, выработалъ то умѣнье наблюдать и по наружнымъ примѣтамъ угадывать душевныя состоянія, которыя такъ ярко блестятъ мѣстами въ его ранней и наивной, но необыкновенно живой и бойкой *Повѣсти*. Исторію этихъ раннихъ и любимыхъ думъ своихъ, смутныхъ, тревожныхъ и настойчивыхъ, онъ самъ разсказалъ въ стихотвореніи, помѣченномъ 11 іюня 1831 г. («Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ»).

Эта пьеса, которую можно назвать одной изъ первыхъ главъ поэтической автобіографіи Лермонтова, показываетъ, какъ рано выработалась въ немъ та неугомонная, вдумчивая, привычная къ постоянной дѣятельности мысль, участіе которой въ поэтическомъ творчествѣ вмѣстѣ съ удивительно послушнымъ воображеніемъ придаетъ такую своеобразную энергію его поэзіи.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь въ моемъ умѣ...

Ранніе поэтическіе опыты Лермонтова были пробой пера, предварительною черной работой надъ своимъ талантомъ. Странное дѣло! Чѣмъ настойчивѣе готовился поэтъ къ собственнымъ похоронамъ, чѣмъ больше накоплялся въ его умѣ запасъ мрачныхъ и печальныхъ думъ, тѣмъ чаще прорывались въ его пѣснѣ свѣтлыя ноты, тѣмъ выше поднимался ея тонъ. Это настроеніе довольно рано начинаетъ пробиваться изъ-подъ прежняго и становится особенно замѣтно по выходѣ поэта изъ юнкерской школы (въ 1834 г.), когда онъ вступилъ въ 3-е десятилѣтіе своей жизни. Сравните его пьесу 1830 г. *Я не люблю тебя* съ пьесой 1837 г. *Разстались мы*. Тема обѣихъ пьесъ одна и та же — слѣдъ, оставленный въ воспоминаніи исчезнувшею сильной привязанностью, но мотивы различны. Въ первой пьесѣ *ея* образъ, оставшійся въ *его* душѣ, служитъ ему только безсильнымъ напоминаніемъ умчавшагося сна страстей и мукъ; во второй пьесѣ этотъ образъ

сохраняетъ еще часть силы своего подлинника надъ своимъ носителемъ, который не можетъ разлюбить его, какъ призракъ своихъ лучшихъ дней; самый моментъ, схваченный поэтомъ, оттѣненъ нѣсколько различно въ обѣихъ пьесахъ: въ первой это разрывъ, во второй какъ будто только разлука. Эта перемѣна настроенія оказалась и въ новой развязкѣ, какую далъ поэтъ *Демону* въ окончательной редакціи поэмы: Тамара не достается навсегда духу-искусителю; ей все прощается за то, что она много страдала и любила. Новое настроеніе выразилось въ цѣломъ рядѣ поэтическихъ образовъ, которые каждый изъ насъ такъ хорошо помнитъ смолоду. Мятежный парусъ, просящій бури, какъ будто въ буряхъ есть покой, пустынныя пальмы, наскучившія своимъ спокойнымъ одиночествомъ и поплатившіяся жизнью за удовлетворенное желаніе порадовать чей-нибудь благосклонный взоръ, дубовый листокъ, оторвавшійся отъ родной вѣтви и на далекой чужбинѣ напрасно просящій пріюта у молодой избалованной чинары, одинокій старый утесъ, тихонько плачущій въ пустынѣ послѣ разлуки съ погостившей у него золотой тучкой, наконецъ этотъ двойной *Сонъ*, поражающій красотой скрытой въ немъ печали, въ которомъ *онъ*, одиноко лежа въ знойной долинѣ Дагестана съ пулей въ груди, видитъ во снѣ, какъ *ей* среди веселаго пира грезится его трупъ, истекающій кровью въ долинѣ Дагестана,—какъ непохожи эти образы на прежде ласкавшую воображеніе поэта дикую картину бурнаго океана, замершаго съ поднятыми волнами, въ театральномъ видѣ мертвеннаго движенія и безпокойства!

Наконецъ рядъ надменныхъ и себялюбивыхъ героевъ, все пережившихъ и передумавшихъ, брезгливыхъ носителей скуки и презрѣнія къ людямъ и жизни, у которой они взяли все, что хотѣли взять, и которой не дали ничего, что должны были дать, завершается спокойно-грустнымъ библейскимъ образомъ пророка, съ беззлобною скорбью ушедшаго отъ людей, которымъ онъ напрасно проповѣдывалъ любви и правды чистыя ученья. Демоническіе призраки, прежде владѣвшіе воображеніемъ поэта, потомъ стали казаться ему «безумнымъ, страстнымъ, дѣтскимъ бредомъ». То былъ не переломъ въ развитіи поэтическаго творчества, а его очищеніе отъ наносныхъ примѣсей, углубленіе таланта въ самого себя. Новые образы постепенно выступали изъ безпорядочныхъ и смутныхъ юношескихъ видѣній; новые мотивы складывались изъ нестройныхъ порывистыхъ впечатлѣній по мѣрѣ того, какъ зрѣвшая мысль очищала ихъ отъ тяжелаго бреда неустановившейся фантазіи. Лермонтовъ не выращивалъ своей поэзіи изъ поэтическаго зерна, скрытаго въ глубинѣ его духа, а, какъ скульпторъ, вырѣзывалъ ее изъ безформенной массы своихъ представленій и ощущеній, отбрасывая все лишнее. Онъ высматривалъ себя

въ разнообразныхъ явленіяхъ природы, подслушивалъ себя въ нестройной разноголосицѣ жизни, перебиралъ одинъ поэтическій мотивъ за другимъ, чтобы угадать, который изъ нихъ есть его собственный, его природная поэтическая гамма, и, подбирая сродные звуки, поэтъ слилъ ихъ въ одно поэтическое созвучіе, которое было отзвукомъ его поэтическаго духа. Это созвучіе, эта лермонтовская поэтическая гамма — грусть, какъ выраженіе не общаго смысла жизни, а только характера личнаго существованія, настроенія единичнаго духа. Лермонтовъ — поэтъ не міросозерцанія, а настроенія, пѣвецъ *личной грусти*, а не *міровой скорби*.

Міровая скорбь и личная грусть — между этими настроеніями больше разницы, чѣмъ между словами, ихъ выражающими. Въ лексиконѣ это синонимы, въ психологіи — почти антитезы. Психическій процессъ, который вводитъ въ состояніе міровой скорби, чаще всего называютъ разочарованіемъ. Разочароваться значитъ утратить вѣру въ свой идеалъ, не самый идеалъ, а только вѣру въ него, выйти изъ его обаянія. Идеалъ, какъ мыслимый и желаемый порядокъ или поэтическій образъ, остается, только исчезаетъ вѣра въ его дѣйствительность или осуществимость. Можно сохранять убѣжденіе въ пригодности извѣстнаго идеала для людей вообще и при этомъ потерять увѣренность, годятся ли *эти* люди для *такого* идеала. Когда разрушается самый идеалъ, т.-е. сознается его нелѣпость, тогда наступаетъ не самое разочарованіе, а отрезвленіе. Но послѣднее состояніе не можетъ быть источникомъ никакой скорби. Отрезвленный радуется торжеству здраваго смысла надъ нелѣпою мечтою; разочарованный скорбитъ о торжествѣ нелѣпой дѣйствительности надъ разумнымъ стремленіемъ. Грусть — ни то, ни другое, ея источникъ — не торжество разсудка и не пораженіе идеала. Грусть — чувство довольно простое само по себѣ; но, какъ всѣ такія чувства, она тѣмъ труднѣе поддается анализу. Ее понимаешь, пока чувствуешь, и перестаешь чувствовать, какъ только начнешь разбирать. По крайней мѣрѣ, что такое грусть Лермонтова? Онъ былъ поэтомъ грусти въ полномъ художественномъ смыслѣ этого слова: онъ создалъ грусть, какъ поэтическое настроеніе, изъ тѣхъ разрозненныхъ ея элементовъ, какіе нашелъ въ самомъ себѣ и въ доступномъ его наблюденію житейскомъ оборотѣ. Потому не психологію надо призывать для объясненія его поэзіи, а его поэзія можетъ пригодиться для психологическаго изученія того настроенія, которое служило ей источникомъ.

Грусть стала звучать въ пѣснѣ Лермонтова, какъ только онъ началъ пѣть:

И грусти ранняя на мнѣ печать.

Она проходитъ непрерывающимся мотивомъ по всей его поэзіи; сначала заглушаемая звуками, взятыми съ чужого голоса, она потомъ становится господствующей нотой, хотя и не освобождается вполнѣ отъ этихъ чуждыхъ звуковъ. Поэзія Лермонтова—только настроеніе безъ притязанія освѣтить міръ какимъ-либо философскимъ или поэтическимъ свѣтомъ, расшириться въ цѣльное міросозерцаніе.

Въ грусти, какъ и въ слезахъ, есть что-то примиряющее и утѣшающее. Вызываемая потребностью продолжить погибшее счастье или замѣнить не сбывшееся, она сама становится нравственной потребностью, какъ средство борьбы съ невзгодами и обманами жизни.

Сладость есть во всемъ, что не сбылось...

Усиліями сердца можно усладить и горечь обманутыхъ надеждъ. Человѣкъ, переживщій опустошеніе своей нравственной жизни, не умѣвъ вновь населить ее, старается наполнить ее печалью объ этомъ запустѣніи, чтобы какимъ-нибудь стимуломъ поддержать въ себѣ падающую энергію. Никто изъ насъ никогда не забудетъ одной изъ послѣднихъ пьесъ Лермонтова, которая всегда останется единственной по неподражаемому сочетанію энергичнаго чувства жизни съ глубокою, скрытою грустью, — пьесы, которая своимъ стихомъ почти освобождаетъ композитора отъ труда подбирать мотивы и звуки при ея переложеніи на ноты: это стихотвореніе *Выхожу одинъ я на дорогу*. Трудно найти въ поэзіи болѣе поэтическое изображеніе духа, утратившаго все, чѣмъ возбуждалась его дѣятельность, но сохранившаго жажду самой дѣятельности, одной дѣятельности, простой, безпредметной. Не уцѣлѣло ни надеждъ, ни даже сожалѣній; усталая душа ищетъ только покоя, но не мертваго; въ вѣчномъ снѣ ей хотѣлось бы сохранить біеніе сердца и воспріимчивость любимыхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Грусть есть и такое состояніе чувства, когда оно, утративъ свой предметъ, но сохранивъ свою энергію и отъ того страдая, не ищетъ новаго предмета и не только примиряется съ утратой, но и находитъ себѣ пищу въ самомъ этомъ страданіи. Примиреніе достигается мыслью о неизбѣжности утраты и внутреннимъ удовлетвореніемъ, какое доставляетъ стойкое чувство.

Итакъ, источникъ грусти—не торжество слѣпой дѣйствительности надъ разумомъ и не протестъ послѣдняго противъ первой, а торжество печальнаго сердца надъ своей печалью, примиряющее съ грустной дѣйствительностью. Такова, по крайней мѣрѣ, грусть въ поэтической обработкѣ Лермонтова.

Какъ и подъ какими вліяніями сложилось такое настроеніе поэта? Своимъ происхожденіемъ оно тѣсно соприкасается съ нравственной исторіей нашего общества. Поэзія Лермонтова всегда останется любо-

пытнымъ психологическимъ явленіемъ и никогда не утратитъ своихъ художественныхъ красотъ; но она имѣетъ еще значеніе важнаго историческаго симптома. Лермонтовъ — поэтъ по преимуществу лирическій; его творчество воспроизводило почти исключительно жизнь сердца и касалось трудно уловимыхъ ея мотивовъ. Господствующее мѣсто среди мотивовъ этой жизни занимаетъ личное счастье. Вопросъ объ этомъ счастьѣ, о томъ, въ чемъ оно состоитъ и какъ достигается, всегда составлялъ важную и тревожную задачу для человѣческаго сердца. Поэзія Лермонтова подходила къ этому вопросу съ обратной его стороны, съ изнанки, если можно такъ выразиться: она пыталась указать, въ чемъ не слѣдуетъ искать счастья и какъ можно безъ него обойтись. Нынѣ вопросъ о счастьѣ не любятъ ставить во всемъ его объемѣ. Не всѣ отчетливо понимаютъ, что такое счастье вообще. Идею счастья мы прививаемъ къ своему сознанію воспитаніемъ, оправдываемъ общимъ мнѣніемъ людей, наконецъ извиняемъ всѣми инстинктами своей природы. Разрушьте эту идею, и мы перестанемъ понимать, для чего родимся и живемъ на свѣтѣ. Отсутствіе счастья дѣлаетъ насъ менѣе несчастными, чѣмъ его невозможность. Были, однако, сострадательныя попытки освободить людей отъ идолослуженія этой идеѣ, заставить ихъ усиліями ума и сердца, напряженною работой надъ своей волей отказаться отъ личнаго земного счастья, какъ отъ обязательной цѣли жизни, священной заповѣди блаженства. Съ наименьшимъ трудомъ удается эта работа простымъ вѣрующимъ христіанамъ. Правило жизни — самоотверженіе. Не міръ своими благами обязанъ служить притязаніямъ лица, а лицо своими дѣлами обязано оправдать свое появленіе въ мірѣ. Христіанинъ растворяетъ горечь страданія отрадною мыслью о подвигѣ терпѣнія и сдерживаетъ радость чувствомъ благодарности за незаслуженную милость. Христіанская грусть слагается изъ мысли, что личное существованіе должно служить цѣлямъ мірового порядка, слѣдовать путямъ Провидѣнія, и изъ чувства, что *мое* личное существованіе не оправдываетъ этого назначенія; значитъ, она слагается изъ идеи долга и чувства смиренія.

Поэтическая грусть Лермонтова была художественнымъ отголоскомъ этой практической русско-христіанской грусти, хотя и не близкимъ къ своему источнику. Лермонтовъ родился и выросъ въ средѣ, въ которой житейскія условія воспитали неумѣренную жажду личнаго счастья. Лучи образованія, искусственно и не всегда толково проведенные въ эту среду, возбудили, но не направили ея сонной мысли, не научили ее человѣчнѣе понимать людскія отношенія. Напротивъ, они сдѣлали ее самоувѣреннѣе и притязательнѣе и развили въ ней гастрономію личнаго счастья изысканными припра-

вами, но стали искать его не въ однихъ матеріальныхъ благахъ, не въ одной безцѣльной власти надъ ближнимъ: науки и искусства, міровой порядокъ и само Провидѣніе обязаны были служить ему подъ опасеніемъ быть наказанными за ослушаніе сердитымъ пессимизмомъ и невѣріемъ со стороны такого прихотливаго и раздражительнаго міросозерцанія. Эти поколѣнія и создали ту удивительную культуру сердца, которая утонченностью и ненужностью воспитанныхъ ею чувствъ, соединенныхъ съ крайне неустойчивою нервною и моральной системой, такъ напоминаетъ старинную барскую теплицу съ ея дорогою и прихотливой флорой, способною занять ботаника только развѣ тѣмъ, что она служила удачнымъ опытомъ борьбы съ климатомъ и хозяйственнымъ смысломъ. По лучшимъ произведеніямъ нашей беллетристики 50-хъ и 60-хъ годовъ еще памятны превосходно изображенные образчики этой теплично нервной, сентиментально-вялой и нравственно уступчивой культуры.

Сильному уму не много нужно было усилій, чтобы понять противорѣчія столь искусственно сложившейся и хрупкой среды.

Лермонтовъ сталъ къ ней въ двусмысленное отношеніе.

Родившись въ ней и привыкнувъ дышать ея воздухомъ, онъ не возставалъ противъ коренныхъ ея недостатковъ; напротивъ, онъ усвоилъ много дурныхъ ея привычекъ и понятій, что дѣлало столь непріятнымъ его характеръ, какъ и его обращеніе съ людьми. Рѣдко платятъ такую тяжелую дань предразсудкамъ и порокамъ своей среды, какую заплатилъ Лермонтовъ. Онъ былъ блестящею иллюстраціей и печальнымъ оправданіемъ пушкинскаго *Поэта*, въ минуты бездѣлья, пока божественный глаголъ не касался его слуха, умѣлъ быть ничтожнѣй всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра или, по крайней мѣрѣ, любилъ такимъ казаться. Но при такомъ практическомъ примиреніи съ воспитавшей его средой тѣмъ неодолимѣе было его нравственное отчужденіе отъ нея. Онъ какъ будто мстилъ ей за противныя жертвы, какія принужденъ былъ ей принести, и при каждой оглядкѣ на себя въ немъ вспыхивала горькая досада на это общество, подобная той, какую въ увѣчномъ человѣкѣ вызываетъ причина его увѣчья при каждомъ ощущеніи причиняемой имъ неловкости. Поэтъ

...По праву мести

сталъ унижать толпу подъ видомъ лести. По его признанію, общество всегда казалось ему собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти, къ которымъ онъ съ безграничнымъ презрѣніемъ обращалъ свою ненависть. При видѣ этого «надменнаго, глупаго свѣта съ его красивой пустотой» какъ ему хотѣлось дерзко бросить ему въ глаза желѣзный стихъ, облитый го-

речью и злостью! Но Лермонтову не изъ чего было выковать такой стихъ, и онъ не сталъ сатирикомъ. Въ его стихѣ иногда звучала сатирическая нота, онъ былъ способенъ на злую и горькую остроту, но былъ лишенъ той острой горечи и злости, какою необходимо полить сатирическій стихъ. У Лермонтова было слишкомъ много лиризма, подъ дѣйствіемъ котораго сатирическій мотивъ растворялся въ элегическую жалобу, какъ это случилось съ его *Думой*. А потомъ, во имя чего возсталъ бы Лермонтовъ противъ порядковъ, нравовъ и понятій современнаго общества, во имя какихъ правилъ и идеаловъ? Ни вкругъ себя, ни въ себѣ самомъ не находилъ онъ элементовъ, изъ которыхъ можно было бы составить такія правила и идеалы; ни наблюденіе, ни собственное міросозерцаніе не давали ему положительной сатирической темы, безъ которой сатира превращается въ досужее зубоскальство! Лучшее, что онъ могъ заимствовать у своего общества, была все та же эстетическая культура сердца, замѣнявшая нравственныя правила тонкими чувствами и общественные и другіе идеалы мечтами о личномъ счастьѣ. Онъ возмущался противъ общества, среди котораго вращался, но мирился съ общежитіемъ, къ которому привыкъ.

Я любилъ

всѣ обольщенія свѣта, но не свѣтъ. Однако онъ чувствовалъ, что этими обольщеніями онъ нравственно связанъ и съ самимъ нелюбимымъ свѣтомъ, и не могъ порвать этой связи, хотя порой и стыдился ея. Отъ этого свѣта вмѣстѣ съ понятіями и привычками онъ унаслѣдовалъ и раннюю возбужденность чувствъ, которой самъ дивился и которой любилъ надѣлять своихъ героевъ: трехъ лѣтъ онъ плакалъ, растроганный пѣснью матери, десяти лѣтъ былъ уже влюбленъ. Ему тяжело было поднимать сатирическій бичъ на это общежитіе, хотя порой онъ хлесталъ имъ самое общество и даже страдалъ за это. Ему пришлось бы бить по собственнымъ больнымъ мѣстамъ, до которыхъ и безъ того было больно дотронуться. Не имѣя силъ бичевать испорченное общежитіе, съ которымъ онъ такъ тѣсно соприкасался, онъ обратилъ печальную мысль на болѣзни, которыми самъ заразился чрезъ это соприкосновеніе. Эта печаль прошла двѣ фазы въ своемъ развитіи. Первая была порой бурнаго и ожесточеннаго разочарованія. Прежде всего, своею проворною мыслью и тонкимъ чутьемъ поэтъ постигъ пустоту и призрачность тѣхъ благъ, изъ которыхъ люди его общества строили свое личное счастье и въ которыхъ онъ самъ искалъ его.

И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчныхъ рядъ,
Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный,
Гдѣ память о добрѣ и злѣ — все ядъ.

Это зрѣлище развѣяло его собственныя юношескія мечты и отравило ему вкусъ жизни. Бывало, и онъ молилъ о счастьѣ. Теперь

. . . тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ.

Послѣ, незадолго до смерти, въ *Валерикѣ*, поражающемъ сосредоточенною и жесткою печалью, которую такъ рѣдко выдерживалъ Лермонтовъ, онъ въ сжатой, какъ бы схематической, исповѣди изложилъ ходъ своего разочарованія, послѣдовательными моментами котораго были: любовь, страданіе, безплодное раскаяніе и, наконецъ, холодное размышленіе, убившее послѣдній цвѣтъ жизни. Невозможно счастье, такъ и не нужно его, — таковъ былъ нѣсколько надменный и дѣтски-капризный выводъ, вынесенный поэтомъ изъ первыхъ житейскихъ испытаній. Но эти самыя утраты и пораженія «сердца, обманутаго жизнью», помогли поэту одержать важную побѣду надъ своимъ самомнѣніемъ. Вѣрный духу и міросозерцанію своей среды, онъ началъ сознательную жизнь мыслью, что онъ—центръ и душа міровою порядка. Въ одномъ письмѣ 18-лѣтній философъ, размышляя о своемъ «я», писалъ, что ему страшно подумать о томъ днѣ, когда онъ не будетъ въ состояніи сказать: *я*, и что при этой мысли весь міръ превращается для него въ комъ грязи. Теперь онъ сталъ скромнѣе и въ *Думѣ* пропѣлъ похоронную пѣснь ничтожному поколѣнію, къ которому принадлежалъ самъ. Эта побѣда облегчила ему переходъ въ новую фазу его печальнаго настроенія, въ состояніе примиренія съ своею печалью. Онъ переставалъ волноваться и скорбѣть о своей «пустынной душѣ», опустошенной «бурями рока», и понемногу населялъ ее мирными желаніями и чувствами. Наскучивъ бурями природы и страстей, онъ начинаетъ любить

Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ тихій разговоръ.

Теперь можетъ показаться страннымъ и непонятнымъ процессъ, которымъ развивалось поэтическое настроеніе Лермонтова. Это развитіе, конечно, направлялось особенностями личнаго характера и воспитанія поэта и характеромъ среды, изъ которой онъ вышелъ, и которая его воспитала. Изысканно-тонкія чувства и мечтательныя страданія, черезъ которыя прошла поэзія Лермонтова, прежде чѣмъ нашла и усвоила свое настоящее настроеніе, теперь на многихъ, пожалуй, произведутъ впечатлѣніе досужихъ затѣй стараго барства, и нужно уже историческое изученіе, чтобы понять ихъ смыслъ и происхожденіе. Но самое настроеніе этой поэзіи совершенно понятно и безъ историческаго комментарія. Основная струна его звучитъ и теперь въ нашей жизни, какъ звучала вокругъ Лермонтова. Она слышна въ господствующемъ тонѣ русской пѣсни—не веселомъ и не печальномъ, а

грустномъ. Ея тону отвѣчаетъ и обстановка, въ какой она поется. Всмотритесь въ какой угодно пейзажъ русской природы: веселъ онъ или печаленъ? Ни то, ни другое: онъ грустенъ. Пройдите любую галлерею русской живописи и вдумайтесь въ то впечатлѣніе, какое изъ нея выносите: весело оно или печально? Какъ будто немного весело и немного печально: это значитъ, что оно грустно. Вы усиливаетесь припомнить, что гдѣ-то было уже выражено это впечатлѣніе, что русская кисть на этихъ полотнахъ только иллюстрировала и воспроизводила въ подробностяхъ какую-то знакомую вамъ общую картину русской природы и жизни, произведшую на васъ то же самое впечатлѣніе, немного веселое и немного печальное,—и вспомните *Родину* Лермонтова. Личное чувство поэта само по себѣ, независимо отъ его поэтической обработки, не болѣе какъ психологическое явленіе. Но если оно отвѣчаетъ настроенію народа, то поэзія, согрѣтая этимъ чувствомъ, становится явленіемъ народной жизни, историческимъ фактомъ. Религіозное воспитаніе нашего народа придало этому настроенію особую окраску, вывело его изъ области чувства и превратило въ нравственное правило, въ преданность судьбѣ, т.-е. *волѣ Божіей*. Это русское настроеніе, не восточное и не азіатское, а національное русское. На Западѣ знаютъ и понимаютъ эту *резиньяцію*; но тамъ она — спорадическое явленіе личной жизни и не переживалась, какъ народное настроеніе. На Востокѣ къ такому настроенію примѣшивается вялая, безнадежная опущенность мысли, и изъ этой смѣси образуется грубый психологическій составъ, называемый фатализмомъ.

Народу, которому пришлось стоять между безнадежнымъ Востокомъ и самоувѣреннымъ Западомъ, досталось на долю выработать настроеніе, проникнутое надеждой, но безъ самоувѣренности, а только съ вѣрой. Поэзія Лермонтова, освобождаясь отъ разочарованія, навѣяннаго жизнью свѣтскаго общества, на послѣдней ступени своего развитія близко подошла къ этому національному религіозному настроенію, и его грусть начала пріобрѣтать оттѣнокъ поэтической резиньяціи, становилась художественнымъ выраженіемъ того стиха молитвы, который служитъ формулой русскаго религіознаго настроенія: *да будетъ воля Твоя*.

Никакой христіанскій народъ своимъ бытомъ, всей своей исторіей не прочувствовалъ этого стиха такъ глубоко, какъ русскій, и ни одинъ русскій поэтъ доселѣ не былъ такъ способенъ глубоко проникнуться этимъ народнымъ чувствомъ и дать ему художественное выраженіе, какъ Лермонтовъ.

К. [1]

---

[1]) Есть основаніе считать эту статью принадлежащей перу знаменитаго историка Ключевскаго.

О натуральной школѣ Гоголя.[1]

Натуральная школа стоитъ теперь на первомъ планѣ русской литературы; нисколько не преувеличивая дѣла по какимъ-нибудь пристрастнымъ увлеченіямъ, мы можемъ сказать, что публика, т.-е. большинство читателей, за нее: это фактъ, а не предположеніе. Теперь вся литературная дѣятельность сосредоточилась въ журналахъ, а какіе журналы пользуются большею извѣстностью, имѣютъ болѣе обширный кругъ читателей и большее вліяніе на мнѣніе публики, какъ не тѣ, въ которыхъ помѣщаются произведенія натуральной школы? Какіе романы и повѣсти читаются публикою съ особеннымъ интересомъ, какъ не тѣ, которые принадлежатъ натуральной школѣ, или, лучше сказать, читаются ли публикою романы и повѣсти, не принадлежащіе къ натуральной школѣ? Съ другой стороны, о комъ безпрестанно говорятъ, спорятъ, на кого безпрестанно нападаютъ съ ожесточеніемъ, какъ не на натуральную школу?

Все это нисколько не ново въ нашей литературѣ, но было неразъ и всегда будетъ. Карамзинъ первый произвелъ раздѣленіе въ едва возникавшей тогда русской литературѣ. До него всѣ были согласны во всѣхъ литературныхъ вопросахъ, и если бывали разногласія и споры, они выходили не изъ мнѣній и убѣжденій, а изъ мелкихъ и безпокойныхъ самолюбій Сумарокова и Тредьяковскаго. Но это согласіе доказывало только безжизненность тогдашней такъ называемой литературы. Карамзинъ первый оживилъ ее, потому что перевелъ ее изъ книги въ жизнь, изъ школы въ общество. Тогда, естественно, явились и партіи, началась война на перьяхъ, раздались вопли, что Карамзинъ и его школа губятъ русскій языкъ и вредятъ добрымъ русскимъ нравамъ. Въ лицѣ его противниковъ, казалось, вновь возстала русская упорная старина, которая съ такимъ судорожнымъ и, тѣмъ болѣе, безплоднымъ напряженіемъ отстаивала себя отъ реформы Петра Великаго. Но большинство было на сторонѣ права, т.-е. таланта и современныхъ нравственныхъ потребностей, вопли противниковъ заглушались хвалебными гимнами поклонниковъ Карамзина. Все группировалось около него, и отъ него все получило свое значеніе, свою значительность, все — даже противники. Онъ былъ героемъ, Ахилломъ того времени. Но что вся эта тревога въ сравненіи съ бурею, которая поднялась съ появленіемъ Пушкина на литературномъ поприщѣ? Она такъ памятна всѣмъ, что нѣтъ нужды и распространяться о ней. Скажемъ только, что противники Пушкина видѣли въ его сочиненіяхъ искаженіе русскаго языка, русской поэзіи, несомнѣнный вредъ не только для эстетическаго вкуса публики, но и — повѣрятъ ли теперь этому? — для общественной прав-

ственности!.. Что же за причина, что противники всякаго движенія впередъ во всѣ эпохи нашей литературы говорили одно и то же и почти одними и тѣми же словами?

Причина этого скрывается тамъ же, гдѣ надобно искать и происхожденія натуральной школы — въ исторіи нашей литературы. Въ лицѣ Кантемира русская поэзія обнаружила стремленіе къ дѣйствительности, къ жизни, какъ она есть, основала свою силу на вѣрности натурѣ. Въ Державинѣ (его оды «Къ Фелицѣ», «Вельможѣ», «На счастіе» едва ли не лучшія его произведенія,—по крайней мѣрѣ, безъ всякаго сомнѣнія, въ нихъ больше оригинальнаго, русскаго, нежели въ торжественныхъ одахъ), въ басняхъ Хемницера и въ комедіяхъ Фонвизина отозвалось направленіе, представителемъ котораго, по времени, былъ Кантемиръ. Сатира у нихъ рѣже переходитъ въ преувеличеніе и карикатуру, становится болѣе натуральною, по мѣрѣ того, какъ становится болѣе поэтическою. Въ басняхъ Крылова сатира дѣлается вполнѣ художественною: натурализмъ становится отличительною характеристическою чертою его поэзіи. Зато онъ первый и подвергся упрекамъ за изображенія «низкой природы». Наконецъ явился Пушкинъ, поэзія котораго относится къ поэзіи всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, какъ достиженіе относится къ стремленію. Несмотря на преимущественно идеальный и лирическій характеръ первыхъ поэмъ Пушкина, въ нихъ уже вошли элементы жизни дѣйствительной. Цыганскій таборъ, съ оборванными шатрами между колесами телѣгъ, съ пляшущимъ медвѣдемъ и нагими дѣтьми въ перекидныхъ корзинкахъ на ослахъ, былъ тоже неслыханною дотолѣ сценою для кроваваго трагическаго событія. Но въ «Евгеніи Онѣгинѣ» идеалы еще болѣе уступили мѣсто дѣйствительности; тутъ уже натуральность является не какъ сатира, не какъ комизмъ, а какъ вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности, со всѣмъ ея добромъ и зломъ, со всѣми ея житейскими дрязгами: около двухъ-трехъ лицъ, опоэтизированныхъ или нѣсколько идеализированныхъ, выведены люди обыкновенные, но не на посмѣшище, какъ уроды, какъ исключеніе изъ общаго правила, а какъ лица, составляющія большинство общества. И все это въ романѣ, писанномъ стихами! Что же въ это время дѣлалъ романъ въ прозѣ?

Онъ всѣми силами стремился къ сближенію съ дѣйствительностью, къ натуральности. Между этими попытками были очень замѣчательныя, но, тѣмъ не менѣе, всѣ онѣ отзывались переходною эпохою, стремились къ новому, не оставляя старой колеи. Весь успѣхъ заключался въ томъ, что, несмотря на вопли старовѣровъ, въ романѣ стали появляться лица всѣхъ сословій, и авторы старались поддѣлываться подъ языкъ каждаго. Это называлось тогда народностью. Но эта на-

родность слишкомъ отзывалась тогда маскарадностью: русскія лица низшихъ сословій походили на переряженныхъ баръ, а бары только именами отличались отъ иностранцевъ. Нуженъ былъ геніальный талантъ, чтобы навсегда освободить русскую поэзію, изображающую русскіе нравы, русскій бытъ, изъ-подъ чуждыхъ ей вліяній. Пушкинъ много сдѣлалъ для этого; но закончить, довершить дѣло предоставлено было другому таланту. Съ появленіемъ «Миргорода» и «Арабесокъ» (въ 1835 году) и «Ревизора» (въ 1836 году) начинается полная извѣстность Гоголя и его сильное вліяніе на русскую литературу. Вліяніе теорій и школъ было одною изъ главныхъ причинъ, почему многіе сначала спокойно, безъ всякой враждебности, искренно и добросовѣстно видѣли въ Гоголѣ не болѣе, какъ писателя забавнаго, но тривіальнаго и незначительнаго, и вышли изъ себя уже вслѣдствіе восторженныхъ похвалъ, расточавшихся ему другою стороною, и важнаго значенія, которое онъ быстро пріобрѣталъ въ общественномъ мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни ново было въ свое время направленіе Карамзина, оно оправдывалось образцами французской литературы. Какъ ни странно поразили всѣхъ баллады Жуковскаго, съ ихъ мрачнымъ колоритомъ, съ ихъ кладбищами и мертвецами, но за нихъ были корифеи нѣмецкой литературы. Самъ Пушкинъ, съ одной стороны, былъ подготовленъ предшествовавшими ему поэтами, и первые опыты его носили на себѣ легкіе слѣды ихъ вліянія; съ другой стороны, его нововведенія оправдывались общимъ движеніемъ во всѣхъ литературахъ Европы и вліяніемъ Байрона — авторитета огромнаго. Но Гоголю не было образца, не было предшественниковъ ни въ русской, ни въ иностранныхъ литературахъ. Всѣ теоріи, всѣ преданія литературныя были противъ него, потому что онъ былъ противъ нихъ. Чтобы понять его, надо было вовсе ихъ выкинуть изъ головы, забыть о ихъ существованіи, а это для многихъ значило бы переродиться, умереть и вновь воскреснуть. Чтобы яснѣе сдѣлать нашу мысль, посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ Гоголь находится къ другимъ русскимъ поэтамъ. Конечно, и въ тѣхъ сочиненіяхъ Пушкина, которыя представляютъ чуждыя русскому міру картины, безъ всякаго сомнѣнія, есть элементы русскіе; но кто же укажетъ ихъ? Какъ доказать, что, напримѣръ, поэмы: «Моцартъ и Сальери», «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Галубъ», могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ не могъ бы написать поэтъ другой націи? То же можно сказать о Лермонтовѣ. Всѣ сочиненія Гоголя посвящены исключительно изображенію міра русской жизни, и у него нѣтъ соперниковъ въ искусствѣ воспроизводить ее во всей ея истинности. Онъ ничего не смягчаетъ, не украшаетъ, вслѣдствіе любви къ идеаламъ или какихъ-нибудь заранѣе принятыхъ идей или привычныхъ пристрастій, какъ, напримѣръ, Пушкинъ въ «Онѣгинѣ»

идеализировалъ помѣщичій бытъ. Конечно, преобладающій характеръ его сочиненій — отрицаніе; всякое отрицаніе, чтобы быть живымъ и поэтическимъ, должно дѣлаться во имя идеала, и этотъ идеалъ у Гоголя такъ же не свой, т.-е. не туземный, какъ и у всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ, потому что наша общественная жизнь еще не сложилась и не установилась, чтобы могла дать литературѣ этотъ идеалъ. Но нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что по поводу сочиненій Гоголя уже никакъ нельзя предположить вопроса: какъ доказать, чтобы они могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ не могъ бы написать поэтъ другой націи? Изображать русскую дѣйствительность, и съ такою разительною вѣрностью и истиною, разумѣется, можетъ только русскій поэтъ. И вотъ пока въ этомъ-то болѣе всего и состоитъ народность нашей литературы.

Литература наша началась подражательностью. Но она не остановилась на этомъ, а постоянно стремилась къ самобытности, народности, изъ реторической стремилась сдѣлаться естественною, натуральною. Это стремленіе, ознаменованное замѣтными и постоянными успѣхами, и составляетъ смыслъ и душу исторіи нашей литературы. И мы, не обинуясь, скажемъ, что ни въ одномъ русскомъ писателѣ это стремленіе не достигло такого успѣха, какъ въ Гоголѣ. Это могло совершиться только черезъ исключительное обращеніе искусства къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеаловъ. Для этого нужно было обратить все вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныя только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носятъ на себѣ чужой отпечатокъ. Это великая заслуга со стороны Гоголя; но это именно люди стараго образованія и вмѣняютъ ему въ великое преступленіе передъ законами искусства. Этимъ онъ совершенно измѣнилъ взглядъ на самое искусство. Къ сочиненіямъ каждаго изъ поэтовъ русскихъ можно, хотя и съ натяжкою, приложить старое и ветхое опредѣленіе поэзіи, какъ «украшенной природы»; но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя этого уже невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства, какъ воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ. Тутъ все дѣло въ типахъ, и идеалъ тутъ понимается не какъ украшеніе (слѣдовательно, ложь), а какъ отношенія, въ которыя становитъ другъ къ другу авторъ созданные имъ типы, сообразно съ мыслью, которую онъ хочетъ развить своимъ произведеніемъ.

Вліяніе Гоголя на русскую литературу было огромно. Не только всѣ молодые таланты бросились на указанный имъ путь, но и нѣкоторые писатели, уже пріобрѣвшіе извѣстность, пошли по этому же пути, оставивъ свой прежній. Отсюда появленіе школы, которую противники его думали унизить названіемъ натуральной. Послѣ «Мертвыхъ душъ»

Гоголь ничего не написалъ. На сценѣ литературы теперь только его школа. Всѣ упреки и обвиненія, которые прежде устремлялись на него, теперь обращены на натуральную школу, и если еще дѣлаются выходки противъ него, то по поводу этой школы. Въ чемъ же обвиняютъ ее? Обвиненій много, и они всегда одни и тѣ же. Сперва нападали на нее за ея будто бы постоянныя нападки на чиновниковъ. Въ ея изображеніяхъ быта этого сословія, одни искренно, другіе умышленно, видѣли злонамѣренныя карикатуры. Съ нѣкотораго времени эти обвиненія замолкли. Теперь обвиняютъ писателей натуральной школы за то, что они любятъ изображать людей низкаго званія, дѣлаютъ героями своихъ повѣстей мужиковъ, извозчиковъ, дворниковъ, описываютъ углы, убѣжища голодной нищеты и часто всяческой безнравственности. Чтобы устыдить новыхъ писателей, обвинители съ торжествомъ указываютъ на прекрасныя времена русской литературы, ссылаются на имена Карамзина и Дмитріева, избиравшихъ для своихъ сочиненій предметы высокіе и благородные. Мы же напомнимъ имъ, что первая замѣчательная русская повѣсть была написана Карамзинымъ, и ея героиня была обольщенная петиметромъ крестьянка — бѣдная Лиза... Но тамъ, скажутъ они, все опрятно и чисто, и подмосковная крестьянка не уступитъ самой благовоспитанной барышнѣ. Вотъ мы и дошли до причины спора: тутъ виновата, какъ видите, старая піитика. Она позволяетъ изображать, пожалуй, и мужиковъ, но не иначе, какъ одѣтыхъ въ театральные костюмы, обнаруживающихъ чувства и понятія, чуждыя ихъ быту, положенію и образованію, и объясняющихся такимъ языкомъ, которымъ никто не говоритъ, а тѣмъ менѣе крестьяне. Старая піитика позволяетъ изображать все, что вамъ угодно, но только предписываетъ при этомъ изображаемый предметъ такъ украсить, чтобы не было никакой возможности узнать, что вы хотѣли изобразить. Слѣдуя строго ея урокамъ, поэтъ можетъ пойти дальше прославленнаго Дмитріевымъ маляра Ефрема, который Архипа писалъ Сидоромъ, а Луку Кузьмою: онъ можетъ снять съ Архипа такой портретъ, который не будетъ походить не только на Сидора, но и ни на что на свѣтѣ, даже на комокъ земли. Натуральная школа слѣдуетъ совершенно противному правилу: возможно близкое сходство изображаемыхъ ею лицъ съ ихъ образцами въ дѣйствительности не составляетъ въ ней всего, и есть первое ея требованіе, безъ выполненія котораго уже не можетъ быть въ сочиненіи ничего хорошаго. Требованіе тяжелое, выполнимое только для таланта! Какъ же послѣ этого не любить и не читать старой піитики тѣмъ писателямъ, которые когда-то умѣли и безъ таланта съ успѣхомъ подвизаться на поприщѣ поэзіи? Какъ не считать имъ натуральной школы самымъ ужаснымъ врагомъ своимъ, когда она ввела такую манеру писать, которая имъ недоступна? Это, ко-

нечно, относится только къ людямъ, у которыхъ въ этотъ вопросъ вмѣшалось самолюбіе; но найдется много и такихъ, которые по искреннему убѣжденію не любятъ естественности въ искусствѣ, вслѣдствіе вліянія на нихъ старой піитики. Эти люди съ особенною горечью жалуются еще на то, что теперь искусство забыло свое прежнее назначеніе. «Бывало, — говорятъ они, — поэзія поучала, забавляя, заставляла читателя забывать о тягостяхъ и страданіяхъ жизни, представляла ему только картины пріятныя и смѣющіяся. Прежніе поэты представляли и картины бѣдности, но бѣдности опрятной, умытой, выражающейся скромно и благородно; притомъ же, къ концу повѣсти всегда являлась чувствительная молодая дама или дѣвица, дочь богатыхъ и благородныхъ родителей, а не то благодѣтельный молодой человѣкъ, и во имя милаго или милой сердца водворяли довольство и счастье тамъ, гдѣ были бѣдность и нужда, и благородныя слезы орошали благодѣтельную руку — и читатель невольно подносилъ свой батистовый платокъ къ глазамъ и чувствовалъ, что онъ становится добрѣе и чувствительнѣе... А теперь! посмотрите, что теперь пишутъ: мужики въ лаптяхъ и армякахъ, часто отъ нихъ несетъ сивухою, баба — родъ центавра, по одеждѣ не вдругъ узнаешь, какого это пола существо; углы — убѣжище нищеты, отчаянія и разврата, до которыхъ надо доходить по двору грязному по колѣни; какой-нибудь пьянушка подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы, — все это списывается съ натуры, въ наготѣ страшной истины, такъ что если прочтешь — жди ночью тяжелыхъ сновъ...» Такъ или почти такъ говорятъ маститые питомцы старой піитики. Въ сущности ихъ жалобы состоятъ въ томъ, зачѣмъ поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную, зачѣмъ отказалась она быть гремушкою, подъ которую дѣтямъ пріятно прыгать и засыпать... Странные люди, счастливые люди! имъ удалось на всю жизнь остаться дѣтьми, и даже въ старости быть несовершеннолѣтними, недорослями, и вотъ они требуютъ, чтобы и всѣ походили на нихъ. Да читайте свои старыя сказки — никто вамъ не мѣшаетъ; а другимъ оставьте занятія, свойственныя совершеннолѣтію. Вамъ ложь — намъ истина: раздѣлимся безъ спору, благо вамъ не нужно нашего пая, а мы даромъ не возьмемъ вашего. Но этому полюбовному раздѣлу мѣшаетъ другая причина — эгоизмъ, который считаетъ себя добродѣтелью. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ человѣка обезпеченнаго, можетъ-быть, богатаго; онъ сейчасъ пообѣдалъ сладко, со вкусомъ (поваръ у него прекрасный), усѣлся спокойно въ вольтеровскихъ креслахъ съ чашкою кофе, передъ пылающимъ каминомъ, тепло и хорошо ему, чувство благосостоянія дѣлаетъ его веселымъ, — и вотъ беретъ онъ книгу, лѣниво переворачиваетъ ея

листы, и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезаетъ съ румяныхъ губъ, онъ взволнованъ, встревоженъ, раздосадованъ... И есть отъ чего! Книга говоритъ ему, что не всѣ на свѣтѣ такъ хорошо живутъ, какъ онъ, что есть углы, гдѣ подъ лохмотьями отъ холоду дрожитъ цѣлое семейство, можетъ-быть, недавно еще знавшее довольство, что есть на свѣтѣ люди, рожденіемъ, судьбою обреченные на нищету, что послѣдняя копейка идетъ на зелено вино не всегда отъ праздности и лѣни, но и отъ отчаянія... И нашему счастливцу неловко, какъ будто совѣстно своего комфорта... А все виновата скверная книга: онъ взялъ ее для удовольствія, а вычиталъ тоску и скуку... Прочь ее! «Книга должна пріятно развлекать; я и безъ того знаю, что въ жизни много тяжелаго и мрачнаго, и если читаю, такъ для того, чтобы забыть это!» восклицаетъ онъ. Такъ, милый, добрый сибаритъ, для твоего спокойствія и книги должны лгать, и бѣдные забывать свое горе, голодный свой голодъ, стоны, страданія должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетитъ, не нарушился твой сонъ... Представьте себѣ теперь въ такомъ же положеніи другого любителя пріятнаго чтенія. Ему надо было дать балъ, срокъ приближался, а денегъ не было, управляющій его, Никита Өедорычъ, что-то замѣшкался высылкою. Но сегодня деньги получены, балъ можно дать; съ сигарой въ зубахъ, веселый и довольный, лежитъ онъ на диванѣ, и отъ нечего дѣлать рука его лѣниво протягивается къ книгѣ. Опять та же исторія! Проклятая книга разсказываетъ ему подвиги его Никиты Өедорыча, подлаго холопа, съ дѣтства привыкшаго подобострастно служить чужимъ страстямъ и прихотямъ, женатаго на отставной любовницѣ родителя своего барина. И ему-то поручено править имѣніемъ... Скорѣе прочь ее, скверную книгу!.. Представьте теперь себѣ еще въ такомъ комфортномъ состояніи человѣка, который въ дѣтствѣ бѣгалъ босикомъ, бывалъ на посылкахъ, а лѣтъ подъ пятьдесятъ какъ-то очутился въ орденахъ, имѣлъ «малую толику». Всѣ читаютъ — надо и ему читать; но что находитъ онъ въ книгѣ? — свою біографію, да еще какъ вѣрно разсказанную, хотя, кромѣ его самого, темныя похожденія его жизни — тайна для всѣхъ, и ни одному сочинителю неоткуда было узнать ихъ... И вотъ онъ уже не взволнованъ, а просто взбѣшенъ, и съ чувствомъ достоинства облегчаетъ свою досаду такимъ разсужденіемъ: «Вотъ какъ пишутъ нынѣ! вотъ до чего дошло вольнодумство! такъ ли писали прежде? Штиль ровный, гладкій, все о предметахъ нѣжныхъ или возвышенныхъ, читать сладко и обидѣться нечѣмъ!»

Есть особый родъ читателей, который не любитъ встрѣчаться даже въ книгахъ съ людьми низшихъ классовъ, обыкновенно незнающими приличія и хорошаго тона, не любитъ грязи и нищенствъ, по ихъ противо-

положности съ роскошными будуарами и кабинетами. Эти отзываются о натуральной школѣ не иначе, какъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, ироническою улыбкою... Кто они такіе, эти феодальные бароны, гнушающіеся подлой черные»? Не спѣшите справляться о нихъ въ геральдическихъ книгахъ или при дворахъ европейскихъ: вы не найдете ихъ гербовъ; они если видѣли большой свѣтъ, то не иначе, какъ съ улицы, сквозь ярко освѣщенныя окна, насколько позволяли сторы и занавѣски. «Что за охота наводнять литературу мужиками?» восклицаютъ они. Въ ихъ глазахъ писатель—ремесленникъ, которому какъ что закажутъ, такъ онъ и дѣлаетъ. Имъ въ голову не входитъ, что въ отношеніи къ выбору предметовъ сочиненія писатель не можетъ руководствоваться ни чуждою ему волею, ни даже собственнымъ произволомъ, ибо искусство имѣетъ свои законы, безъ уваженія которыхъ нельзя хорошо писать. Оно прежде всего требуетъ, чтобы писатель былъ вѣренъ собственной натурѣ, своему таланту, своей фантазіи. А чѣмъ объяснить, что одинъ любитъ изображать предметы веселые, другой — мрачные, если не натурою, характеромъ и талантомъ поэта? Кто что любитъ, чѣмъ интересуется, то и узнаетъ лучше, а что лучше знаетъ, то и изображаетъ. Вотъ самое законное оправданіе поэта, котораго упрекаютъ за выборъ предметовъ; оно неудовлетворительно только для людей, которые ничего не смыслятъ въ искусствѣ и грубо смѣшиваютъ его съ ремесломъ. Природа—вѣчный образецъ искусства, а величайшій и благороднѣйшій предметъ въ природѣ — человѣкъ... Божественное слово любви и братства не втунѣ огласило міръ. То, что прежде было обязанностью только призванныхъ лицъ или добродѣтелью немногихъ избранныхъ натуръ, — это самое дѣлается теперь обязанностью обществъ, служитъ признакомъ не одной добродѣтели, но и образованности частныхъ лицъ. Посмотрите, какъ въ нашъ вѣкъ вездѣ заняты всѣ участью низшихъ классовъ, какъ частная благотворительность всюду переходитъ въ общественную, какъ вездѣ основываются хорошо организованныя общества, богатыя вѣрными средствами для распространенія просвѣщенія въ низшихъ классахъ, для пособія нуждающимся и страждущимъ, для отвращенія и предупрежденія нищеты и ея неизбѣжнаго слѣдствія—безнравственности и разврата. Это общее движеніе, столь благородное, столь человѣческое, столь христіанское, встрѣтило своихъ порицателей въ лицѣ поклонниковъ тупой и косной патріархальности. Они говорятъ, что тутъ дѣйствуютъ мода, увлеченіе, тщеславіе, а не человѣколюбіе. Пусть такъ, да и когда же и гдѣ же въ лучшихъ человѣческихъ дѣйствіяхъ не участвовали подобныя мелкія побужденія? Но какъ же сказать, что только такія побужденія могутъ быть причиною такихъ явленій? Какъ думать, что главные виновники такихъ явленій, увлекающіе своимъ примѣромъ

толпу, не одушевлены болѣе высокими и благородными побужденіями? Разумѣется, нечего удивляться добродѣтели людей, которые бросаются въ благотворительность не по чувству любви къ ближнему, а изъ моды, изъ подражательности, изъ тщеславія; но это—добродѣтель въ отношеніи къ обществу, которое исполнено такого духа, что и дѣятельность суетныхъ людей умѣетъ направлять къ добру! Это ли не отрадное въ высшей степени явленіе новѣйшей цивилизаціи, успѣховъ ума, просвѣщенія и образованности?

Могло ли не отразиться въ литературѣ это новое общественное движеніе,—въ литературѣ, которая всегда бываетъ выраженіемъ общества? Въ этомъ отношеніи литература сдѣлала едва ли не больше: она скорѣе способствовала возбужденію въ обществѣ такого направленія, нежели только отразила его въ себѣ, скорѣе учредила, нежели только не отстала отъ него. Нечего говорить, достойна ли и благородна ли такая роль; но за все то и нападаютъ на литературу иные. Мы думаемъ, что довольно показали, изъ какихъ источниковъ выходятъ эти нападки и чего онѣ стоятъ...

Бѣлинскій.

I. Повѣсти Гоголя.

Скажите, какое впечатлѣніе прежде всего производитъ на васъ каждая повѣсть г. Гоголя? Не заставляетъ ли она васъ говорить: «Какъ все это просто, обыкновенно, естественно и вѣрно и, вмѣстѣ, какъ оригинально и ново!» Не удивляетесь ли вы и тому, почему вамъ самимъ не пришла въ голову та же самая идея, почему вы сами не могли выдумать этихъ же самыхъ лицъ, такъ обыкновенныхъ, такъ знакомыхъ вамъ, такъ часто видѣнныхъ вами, и окружить ихъ этими самыми обстоятельствами, такъ повседневными, такъ общими, такъ наскучившими вамъ въ жизни дѣйствительной и такъ занимательными, очаровательными въ поэтическомъ представленіи? Вотъ первый признакъ истинно-художественнаго произведенія. Потомъ не знакомитесь ли вы съ каждымъ персонажемъ его повѣсти такъ коротко, какъ будто вы его давно знали, долго жили съ нимъ вмѣстѣ? Не дополняете ли вы своимъ воображеніемъ его портрета, и безъ того уже нарисованнаго авторомъ во весь ростъ? Не въ состояніи ли прибавить къ нему новыя черты, какъ будто забытыя авторомъ, не въ состояніи ли вы разсказать объ этомъ лицѣ нѣсколько анекдотовъ, какъ будто бы опущенныхъ авторомъ? Не вѣрите ли вы на слово, не готовы ли побожиться, что все, разсказанное авторомъ, есть сущая правда, безъ всякой примѣси вымысла? Какая этому причина? Та, что эти со-

зданія ознаменованы печатью истиннаго таланта, что они созданы по непреложнымъ законамъ творчества. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствія, эта скудость драматизма, самая эта мелочность и обыкновенность описываемыхъ авторомъ происшествій — суть вѣрные, необманчивые признаки творчества; это поэзія реальная, поэзія жизни дѣйствительной, жизни, коротко знакомой намъ. Я нимало не удивлюсь, подобно нѣкоторымъ, что г. Гоголь мастеръ дѣлать все изъ ничего, что онъ умѣетъ заинтересовать читателя пустыми, ничтожными подробностями, ибо не вижу тутъ ровно никакого умѣнія: умѣніе предполагаетъ расчетъ и работу, а гдѣ расчетъ и работа, тамъ нѣтъ творчества, тамъ все ложно и невѣрно при самой тщательной и вѣрной копировкѣ съ дѣйствительности. И чѣмъ обыкновеннѣе, чѣмъ пошлѣе, такъ сказать, содержаніе повѣсти, слишкомъ заинтересовывающей вниманіе читателя, тѣмъ большій талантъ со стороны автора обнаруживаетъ она. Когда посредственный талантъ берется рисовать сильныя страсти, глубокіе характеры, онъ можетъ стать на дыбы, натянуться, наговорить громкихъ монологовъ, насказать прекрасныхъ вещей, обмануть читателя блестящею отдѣлкою, красивыми формами, самымъ содержаніемъ, мастерскимъ разсказомъ, цвѣтистою фразеологіею — плодами своей начитанности, ума, образованности, опыта жизни. Но возьмись онъ за изображеніе повседневныхъ картинъ жизни, жизни обыкновенной, прозаической, о, повѣрьте, для него это будетъ истиннымъ камнемъ преткновенія, и его вялое, холодное и бездушное сочиненіе уморитъ зѣвотою. Въ самомъ дѣлѣ, заставить насъ принять живѣйшее участіе въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, насмѣшить насъ до слезъ глупостями, ничтожностью и юродствомъ этихъ живыхъ пасквилей на человѣчество — это удивительно; но заставить насъ потомъ пожалѣть объ этихъ идіотахъ, пожалѣть отъ всей души, заставить насъ разстаться съ ними съ какимъ-то глубоко-грустнымъ чувствомъ, заставить насъ воскликнуть вмѣстѣ съ собою: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» вотъ, вотъ оно, то божественное искусство, которое называется творчествомъ; вотъ онъ, тотъ художническій талантъ, для котораго гдѣ жизнь, тамъ и поэзія! И возьмите почти всѣ повѣсти г. Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ? Что такое почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнью. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно! И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины!..

Въ каждомъ человѣкѣ должно различать двѣ стороны: общую, человѣческую, и частную, индивидуальную; всякій человѣкъ, прежде

всего, человѣкъ, а потомъ уже Иванъ, Сидоръ и т. д. Точно такъ же и въ художественныхъ созданіяхъ должно различать два характера: характеръ творчества, общій всѣмъ изящнымъ произведеніямъ, и характеръ колорита, сообщенный индивидуальностью автора. Я уже коснулся въ общихъ чертахъ перваго характера въ повѣстяхъ г. Гоголя; теперь разсмотрю его подробнѣе; потомъ буду говорить объ

Николай Васильевичъ Гоголь.

индивидуальномъ характерѣ его созданій и, наконецъ, заключу мою статью бѣглымъ взглядомъ на тѣ изъ его повѣстей, о которыхъ можно будетъ сказать что-нибудь въ частности.

Я уже сказалъ, что отличительныя черты характера произведеній г. Гоголя суть простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность — все это черты общія; потомъ комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія, — черта индивидуальная.

Простота вымысла въ поэзіи реальной есть одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ истинной поэзіи, истиннаго и притомъ зрѣлаго таланта. Возьмите любую драму Шекспира, возьмите, напримѣръ, его «Тимона Аѳинскаго»: эта пьеса такъ проста, такъ немногосложна, такъ скудна путаницею происшествій, что, право, невозможно и разсказать ея содержанія. Люди обманули человѣка, который любилъ людей, наругались надъ его святыми чувствованіями, лишили его вѣры въ человѣческое достоинство, и этотъ человѣкъ возненавидѣлъ людей и проклялъ ихъ; вотъ вамъ и все тутъ, больше ничего нѣтъ. И что жъ? Составили ли вы себѣ, по моимъ словамъ, какое-нибудь понятіе объ этомъ великомъ созданіи великаго генія? О, вѣрно, никакого! Ибо эта идея слишкомъ обыкновенна, слишкомъ извѣстна всѣмъ, каждому, слишкомъ истерта и истрепана въ тысячахъ сочиненій, хорошихъ и дурныхъ, начиная отъ Софоклова Филоктета, обманутаго Уллисомъ и проклинающаго человѣчество, до Тихона Михеевича, обманутаго вѣроломною женою и плутомъ-родственникомъ [1]). Но форма, въ которой выражена эта идея, но содержаніе пьесы и ея подробности? Послѣднія такъ мелочны, такъ пусты и притомъ такъ всякому извѣстны, что я наскучилъ бы вамъ смертельно, если бы вздумалъ ихъ пересказывать. И, однакоже, у Шекспира эти подробности такъ занимательны, что вы не оторветесь отъ нихъ, и, однакоже, у него мелочность и пустота этихъ подробностей приготовляетъ ужасную катастрофу, отъ которой волосы встаютъ дыбомъ — сцену въ лѣсу, гдѣ Тимонъ въ бѣшеныхъ проклятіяхъ, въ горькихъ, язвительныхъ сарказмахъ, съ сосредоточенною спокойною яростью разсчитывается съ человѣчествомъ. И потомъ, какъ выразить вамъ то чувство, которое возбуждаетъ въ душѣ извѣстіе о смерти добровольнаго отверженца отъ людей. И вся эта ужасная, хотя и безкровная, трагедія, ужасная даже въ своей простотѣ, въ своемъ спокойствіи, приготовляется глупою комедіею, отвратительною картиною, какъ люди обжираютъ человѣка, помогаютъ ему разориться и потомъ забываютъ о немъ,—эти люди, которые

Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей!

И вотъ вамъ жизнь, или, лучше сказать, прототипъ жизни, созданный величайшимъ изъ поэтовъ! Тутъ нѣтъ эффектовъ, нѣтъ сценъ, нѣтъ драматическихъ вычуръ, все просто и обыкновенно, какъ день му-

---

[1]) «Піюша», повѣсть г. Ушакова, въ «Б. д. Ч.».

жика, который въ будень ѣстъ и пашетъ, спитъ и пашетъ, а въ праздникъ ѣстъ, пьетъ и напивается пьянъ. Но въ томъ-то и состоитъ задача реальной поэзіи, чтобы извлекать поэзію изъ прозы жизни и потрясать души вѣрнымъ изображеніемъ этой жизни. И какъ сильна и глубока поэзія г. Гоголя въ своей наружной простотѣ и мелкости! Возьмите его «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», — что въ нихъ? Двѣ пародіи на человѣчество, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ пьютъ и ѣдятъ, ѣдятъ и пьютъ, а потомъ, какъ водится изстари, умираютъ. Но отчего же это очарованіе? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, карикатурной, и между тѣмъ принимаете такое участіе въ персонажахъ повѣсти, смѣетесь надъ ними, но безъ злости, и потомъ рыдаете съ Филемономъ о его Бавкидѣ, сострадаете его глубокой, неземной горести и сердитесь на негодяя-наслѣдника, промотавшаго достояніе двухъ простаковъ. И потомъ вы такъ живо представляете себѣ актеровъ этой глупой комедіи, такъ ясно видите всю ихъ жизнь, вы, который, можетъ-быть, никогда не бывалъ въ Малороссіи, никогда не видалъ такихъ картинъ и не слыхалъ о такой жизни! Отчего это? Оттого, что это очень просто и, слѣдовательно, очень вѣрно; оттого что авторъ нашелъ поэзію и въ этой пошлой и нелѣпой жизни, нашелъ человѣческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героевъ: это чувство — привычка. Знаете ли вы, что такое привычка, это странное чувство, о которомъ Пушкинъ сказалъ:

Привычка небомъ намъ дана —
Замѣна счастія она.

Можете ли вы предположить возможность мужа, который рыдаетъ надъ гробомъ своей жены, съ которой сорокъ лѣтъ грызся, какъ кошка съ собакой? Понимаете ли вы, что можно грустить о дурной квартирѣ, въ которой вы жили много лѣтъ, къ которой вы привыкли, какъ душа къ тѣлу, и съ которой у васъ соединяются воспоминанія о простой, однообразной жизни, о живомъ трудѣ и сладкомъ досугѣ и, можетъ-быть, о нѣсколькихъ сценахъ любви и наслажденія, и которую вы мѣняете на великолѣпныя палаты? Понимаете ли вы, что можно грустить о собакѣ, которая десять лѣтъ сидѣла на цѣпи и десять лѣтъ вертѣла хвостомъ, когда вы мимо ея проходили?.. О, привычка — великая, психологическая задача, великое таинство души человѣческой. Холодному сыну земли, сыну заботъ и помысловъ житейскихъ, замѣняетъ она чувства человѣческія, которыхъ лишила его природа или обстоятельства жизни. Для него она истинное блаженство, истинный даръ Провидѣнія, единственный источникъ его радостей и (дивное дѣло!) радостей человѣческихъ! Но что она для человѣка въ полномъ

смыслѣ этого слова? Не насмѣшка ли судьбы? И онъ платитъ ей свою дань, и онъ прицѣпляется къ пустымъ вещамъ и пустымъ людямъ и горько страдаетъ, лишаясь ихъ! И что же еще? Г. Гоголь сравниваетъ ваше глубокое, человѣческое чувство, вашу высокую, пламенную страсть, съ чувствомъ привычки жалкаго получеловѣка и говоритъ, что его чувство привычки сильнѣе, глубже и продолжительнѣе вашей страсти, и вы стоите предъ нимъ, потупя глаза и не зная, что отвѣчать, какъ ученикъ, не знающій урока, предъ своимъ учителемъ!.. Такъ вотъ гдѣ часто скрываются пружины лучшихъ нашихъ дѣйствій, прекраснѣйшихъ нашихъ чувствъ! О, бѣдное человѣчество! Жалкая жизнь! И однакоже, вамъ все-таки жаль Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны! Вы плачете о нихъ, — о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли! О, г. Гоголь — истинный чародѣй, и вы не можете представить, какъ я сердитъ на него за то, что онъ и меня чуть не заставилъ плакать о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли!

Совершенная истина жизни въ повѣстяхъ Гоголя тѣсно соединяется съ простотою вымысла. Онъ не льститъ жизни, но и не клевещетъ на нее; онъ радъ выставить наружу все, что въ ней есть прекраснаго, человѣческаго, и, въ то же время, не скрываетъ нимало и ея безобразія. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ вѣренъ жизни до послѣдней степени. Она у него настоящій портретъ, въ которомъ все схвачено съ удивительнымъ сходствомъ, начиная отъ экспрессіи оригинала до веснушекъ лица его; начиная отъ гардероба Ивана Никифоровича до русскихъ мужиковъ, идущихъ по Невскому проспекту въ сапогахъ, запачканныхъ известью; отъ колоссальной физіономіи богатыря Бульбы, который не боялся ничего на свѣтѣ, съ люлькою въ зубахъ и саблею въ рукахъ, до стоическаго философа Хомы, который не боялся ничего въ свѣтѣ, даже чертей и вѣдьмъ, когда у него люлька въ зубахъ и рюмка въ рукахъ.

Скажите, Бога ради, можно ли язвительнѣе, и злобнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушнѣе и любезнѣе наругаться надъ бѣднымъ человѣчествомъ?.. И все оттого, что слишкомъ вѣрно! А вотъ посмотрите на жизнь Филемона и Бавкиды. Замѣчаете ли вы здѣсь всю тонкость Аѳанасія Ивановича, который хочетъ разными околичностями отвести глаза своей сожительницы отъ своего ужаснаго аппетита, котораго онъ какъ будто самъ стыдится? Но посмотримъ на его дальнѣйшіе подвиги... А супружеская любовь двухъ старцевъ, а насмѣшечки Аѳанасія Ивановича надъ своею сожительницею, касательно внезапнаго пожара въ ихъ домѣ или, что еще ужаснѣе касательно его намѣренія итти на войну; страхъ доброй Пульхеріи Ивановны, ея возраженія, ея легкая досада и, наконецъ, чувство самодовольствія, испытывае-

мое Аѳанасіемъ Ивановичемъ при мысли, что ему удалось подшутить надъ своею дражайшею половиною! О, эти картины, эти черты — суть такіе драгоцѣнные перлы поэзіи, въ сравненіи съ которыми всѣ прекрасныя фразы нашихъ доморощенныхъ Бальзаковъ настоящій горохъ!.. И все это не придумано, не списано съ разсказовъ или съ дѣйствительности, но угадано чувствомъ въ минуту поэтическаго откровенія! Если бы я вздумалъ выписывать всѣ мѣста, доказывающія, что г. Гоголь уловилъ идею описываемой жизни и вѣрно воспроизвелъ ее, то мнѣ пришлось бы списать почти всѣ его повѣсти, отъ слова до слова.

Повѣсти г. Гоголя народны въ высшей степени; но я не хочу слишкомъ распространяться объ ихъ народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условіе истинно-художественнаго произведенія, если подъ народностью должно разумѣть вѣрность изображенія нравовъ, обычаевъ и характера того или другого народа, той или другой страны. Жизнь всякаго народа проявляется въ своихъ, ей одной свойственныхъ формахъ, слѣдовательно, если изображеніе жизни вѣрно, то и народно. Народность, чтобы отразиться въ поэтическомъ произведеніи, не требуетъ такого глубокаго изученія со стороны художника, какъ обыкновенно думаютъ. Поэту стоитъ только мимоходомъ взглянуть на ту или другую жизнь, и она уже усвоена имъ. Какъ малороссу, г. Гоголю съ дѣтства знакома жизнь малороссійская, но народность его поэзіи не ограничивается одною Малороссіею. Въ его «Запискахъ сумасшедшаго», въ его «Невскомъ проспектѣ» нѣтъ ни одного хохла, всѣ русскіе и, вдобавокъ, еще нѣмцы; а каково изображены имъ эти русскіе и эти нѣмцы! Каковъ Шиллеръ и Гофманъ? Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что, право, пора бы намъ перестать хлопотать о народности такъ же, какъ пора бы перестать писать, не имѣя таланта, ибо эта народность очень похожа на Тѣнь въ баснѣ Крылова; г. Гоголь о ней нимало не думаетъ, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гоняются за нею и ловятъ — одну тривіальность.

Почти то же самое можно сказать и объ оригинальности: какъ и народность, она есть необходимое условіе истиннаго таланта. Два человѣка могутъ сойтись въ заказной работѣ, но никогда въ творчествѣ, ибо если одно вдохновеніе не посѣщаетъ двухъ разъ одного человѣка, то еще менѣе одинаковое вдохновеніе можетъ посѣтить двухъ человѣкъ. Вотъ почему міръ творчества такъ неистощимъ и безграниченъ. Поэтъ никогда не скажетъ: «О чемъ мнѣ писать? уже все переписано!» или:

О, боги, для чего я поздно такъ родился?

Одинъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ творческой оригинальности, или, лучше сказать, самого творчества, состоитъ въ томъ типизмѣ, если можно такъ выразиться, который есть гербовая печать автора. У истиннаго таланта каждое лицо — типъ, и каждый типъ, для читателя, есть знакомый незнакомецъ. Не говорите: вотъ человѣкъ съ огромною душою, съ пылкими страстями, съ обширнымъ умомъ, но ограниченнымъ разсудкомъ, который до такого бѣшенства любитъ свою жену, что готовъ удавить ее руками при малѣйшемъ подозрѣніи въ невѣрности — скажите проще и короче: вотъ Отелло! Не говорите: вотъ человѣкъ, который глубоко понимаетъ назначеніе человѣка и цѣль жизни, который стремится дѣлать добро, но, лишенный энергіи души, не можетъ сдѣлать ни одного добраго дѣла и страдаетъ отъ сознанія своего безсилія — скажите: вотъ Гамлетъ! Не говорите: вотъ чиновникъ, который подлъ по убѣжденію, зловреденъ благонамѣренно, преступенъ добросовѣстно — скажите: вотъ Фамусовъ! Не говорите: вотъ человѣкъ, который подличаетъ изъ выгодъ, подличаетъ безкорыстно, по одному влеченію души — скажите: вотъ Молчалинъ! Не говорите: вотъ человѣкъ, который во всю жизнь не вѣдалъ ни одной человѣческой мысли, ни одного человѣческаго чувства, который, во всю жизнь, не зналъ, что у человѣка есть страданія и горести, кромѣ холода, безсонницы, клоповъ, блохъ, голода и жажды, есть восторги и радости, кромѣ спокойнаго сна, сытнаго стола, цвѣточнаго чаю, что въ жизни человѣка бываютъ случаи поважнѣе съѣденной дыни, что у него есть занятія и обязанности, кромѣ ежедневнаго осмотра своихъ сундуковъ, амбаровъ и хлѣвовъ, есть честолюбіе выше увѣренности, что онъ — первая персона въ какомъ-нибудь захолустьѣ; о, не тратьте такъ много фразъ, такъ много словъ — скажите просто: вотъ Иванъ Ивановичъ Перерепенко, или: вотъ Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ! И повѣрьте, васъ скорѣе поймутъ всѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Онѣгинъ, Ленскій, Татьяна, Загорѣцкій, Репетиловъ, Хлестова, Тугоуховскій, Платонъ Михайловичъ Горичъ, княжна Мими, Пульхерія Ивановна, Аѳанасій Ивановичъ, Шиллеръ, Пискаревъ, Пироговъ: развѣ всѣ эти собственныя имена теперь уже не нарицательныя? И, Боже мой, какъ много смысла заключаетъ въ себѣ каждое изъ нихъ! Это повѣсть, романъ, исторія, поэма, драма, многотомная книга, короче: цѣлый міръ въ одномъ, только въ одномъ словѣ! Что предъ каждымъ изъ этихъ словъ ваши завѣтныя «qu'il mourut, Moi. Ахъ, я Эдипъ»? И какой мастеръ г. Гоголь выдумывать такія слова! Не хочу говорить о тѣхъ, о которыхъ и такъ уже много говорилъ, скажу только объ одномъ такомъ его словечкѣ, это — Пироговъ!.. Святители! да это цѣлая каста, цѣлый народъ, цѣлая нація! О, единственный, несравненный Пироговъ, типъ изъ типовъ, первообразъ изъ

первообразовъ! Ты многообъемлющѣе, чѣмъ Шейлокъ, многозначительнѣе, чѣмъ Фаустъ! Ты — представитель просвѣщенія и образованности всѣхъ людей, которые «любятъ потолковать объ литературѣ, хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ». Да, господа, дивное словцо этотъ — Пироговъ! Это — символъ, мистическій миѳъ, это, наконецъ, кафтанъ, который такъ чудно скроенъ, что придется по плечамъ тысячи человѣкъ! О, г. Гоголь большой мастеръ выдумывать такія слова, отпускать такія bons mots! А отчего онъ такой мастеръ на нихъ? Оттого, что оригиналенъ. А отчего оригиналенъ? Оттого, что поэтъ.

Но есть еще другая оригинальность, проистекающая изъ индивидуальности автора, слѣдствіе цвѣта очковъ, сквозь которыя смотритъ онъ на міръ. Такая оригинальность у г. Гоголя состоитъ, какъ я уже сказалъ выше, въ комическомъ одушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти. Въ этомъ отношеніи русская поговорка: «Началъ за здравіе, а свелъ за упокой», можетъ быть девизомъ его повѣстей. Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство остается у васъ, когда пересмотрите вы всѣ эти картины жизни, пустой, ничтожной, во всей ея наготѣ, во всемъ ея чудовищномъ безобразіи, когда досыта нахохочетесь, наругаетесь надъ нею? Я уже говорилъ о «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» — объ этой слезной комедіи во всемъ смыслѣ этого слова. Возьмите «Записки сумасшедшаго», этотъ уродливый гротескъ, эту странную, прихотливую грезу художника, эту добродушную насмѣшку надъ жизнью и человѣкомъ, жалкою жизнью, жалкимъ человѣкомъ, эту карикатуру, въ которой такая бездна поэзіи, такая бездна философіи, эту психическую исторію болѣзни, изложенную въ поэтической формѣ, удивительную по своей истинѣ и глубокости, достойную кисти Шекспира; вы еще смѣетесь надъ простакомъ, но уже вашъ смѣхъ растворенъ горечью: это смѣхъ надъ сумасшедшимъ, котораго бредъ и смѣшитъ, и возбуждаетъ сострадапіе. Я уже говорилъ также и о «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» въ семъ отношеніи; прибавлю еще, что, съ этой стороны, эта повѣсть всего удивительнѣе. Въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» вы видите людей пустыхъ, ничтожныхъ и жалкихъ, но, по крайней мѣрѣ, добрыхъ и радушныхъ; ихъ взаимная любовь основана на одной привычкѣ: но вѣдь и привычка все же человѣческое чувство, но вѣдь всякая любовь, всякая привязанность, на чемъ бы она ни основывалась, достойна участія, слѣдовательно, еще понятно, почему вы жалѣете объ этихъ старикахъ. Но Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ—существа совершенно пустыя, ничтожныя и притомъ нравственно гадкія и отвратительныя, ибо въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго; зачѣмъ же, спра-

шиваю я васъ, зачѣмъ вы такъ горько улыбаетесь, такъ грустно вздыхаете, когда доходите до трагикомической развязки? Вотъ она, эта тайна поэзіи! Вотъ онѣ, эти чары искусства! Вы видите жизнь, а кто видѣлъ жизнь, тотъ не можетъ не вздыхать!..

Комизмъ или юморъ г. Гоголя имѣетъ свой особенный характеръ: это юморъ чисто-русскій, юморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какъ бы прикидывается простачкомъ. Г. Гоголь съ важностью говоритъ о бекешѣ Ивана Ивановича, и иной простакъ, не шутя, подумаетъ, что авторъ и въ самомъ дѣлѣ въ отчаяніи оттого, что у него нѣтъ такой прекрасной бекеши. Да, г. Гоголь очень мило прикидывается; и хотя надо быть слишкомъ глупымъ, чтобы не понять его ироніи, но эта иронія чрезвычайно какъ идетъ къ нему. Впрочемъ, это только манера, а истинный-то юморъ г. Гоголя все-таки состоитъ въ вѣрномъ взглядѣ на жизнь и, прибавлю еще, нимало не зависитъ отъ карикатурности представляемой имъ жизни. Онъ всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзіей описываемаго имъ предмета. Безпристрастіе — его идолъ. Доказательствомъ этого можетъ служить «Тарасъ Бульба», эта дивная эпопея, написанная кистью смѣлою и широкою, этотъ рѣзкій очеркъ героической жизни младенчествующаго народа, эта огромная картина въ тѣсныхъ рамкахъ, достойная Гомера. Бульба — герой, Бульба—человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, желѣзною волей; описывая подвиги его кровавой мести, авторъ возвышается до лиризма и, въ то же время, дѣлается драматикомъ въ высочайшей степени, и все это не мѣшаетъ ему по временамъ смѣшить васъ своимъ героемъ. Вы содрогаетесь Бульбы, хладнокровно лишающаго мать дѣтей, убивающаго собственною рукою родного сына, ужасаетесь его кровавыхъ тризнъ надъ гробомъ дѣтей, и вы же смѣетесь надъ нимъ, дерущимся на кулачки со своимъ сыномъ, пьющимъ горѣлку со своими дѣтьми, радующимся, что въ этомъ ремеслѣ они не уступаютъ батюшкѣ, и изъявляющимъ свое удовольствіе, что ихъ добре пороли въ бурсѣ. И причина этого комизма, этой карикатурности изображеній заключается не въ способности или направленіи автора находить во всемъ смѣшныя стороны, но въ вѣрности жизни. Если г. Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти; онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на нее; онъ даже какъ будто любуется ею, какъ любуется взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивностью, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. Но, тѣмъ не менѣе, это все-таки юморъ, ибо не щадитъ ничтожества, не скрываетъ и не скрашиваетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе. Это юморъ спокойный и, можетъ-быть, тѣмъ ско-

рѣе достигающій своей цѣли. И вотъ, замѣчу мимоходомъ, вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ нравоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать. Послѣ «Горя отъ ума» я не знаю ничего на русскомъ языкѣ, что бы отличалось такой чистѣйшею нравственностью и что бы могло имѣть сильнѣйшее и благодѣтельнѣйшее вліяніе на нравы, какъ повѣсти г. Гоголя. О, передъ такою нравственностью я всегда готовъ падать на колѣни! Въ самомъ дѣлѣ, кто пойметъ Ивана Ивановича Перерепенко, тотъ вѣрно разсердится, если его назовутъ Иваномъ Ивановичемъ Перерепенкомъ.

Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ; вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него. Однакоже, не забудьте, что такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, а вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту, слѣдовательно, только одинъ талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ.

Итакъ, юморъ г. Гоголя есть юморъ спокойный, спокойный въ самомъ своемъ негодованіи, добродушный въ самомъ своемъ лукавствѣ. Но въ творчествѣ есть еще другой юморъ — грозный и открытый; онъ кусаетъ до крови, впивается въ тѣло до костей, рубитъ со всего плеча, хлещетъ направо и налѣво своимъ бичомъ, свитымъ изъ шипящихъ змѣй, юморъ желчный, ядовитый, безпощадный. Хотите ли видѣть его? Я покажу вамъ его — смотрите: вотъ балъ, куда собралась толпа мишурныхъ знаменитостей, ничтожнаго величія, чтобы убить время, своего всегдашняго врага, убійцу, толпа блѣдная, чудовищная, утратившая образъ и подобіе Божіе, позоръ людей и безсловесныхъ; вотъ балъ:

Между толпами бродятъ разныя лица, подъ веселый напѣвъ контраданса свиваются и развиваются тысячи интригъ и сѣтей; толпы подобострастныхъ аэролитовъ вертятся вокругъ однодневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертвѣ; здѣсь послышалось незначащее слово, привязанное къ глубокому долголѣтнему плану; здѣсь улыбка презрѣнія скатилась съ великолѣпнаго лица и оледянила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь тихо ползутъ темные грѣхи, и торжественная подлость гордо носитъ въ себѣ печать отверженія...

Но вдругъ балъ приходитъ въ смущеніе, кричатъ:

Вода! Вода! Въ другомъ концѣ зала играетъ еще музыка, тамъ еще танцуютъ, тамъ еще говорятъ о будущемъ, тамъ еще думаютъ о вчера сдѣланной подлости, о

той, которую надо сдѣлать завтра, тамъ еще есть люди, которые ни о чемъ не думаютъ... Но вскорѣ достигла страшная вѣсть, музыка прервалась, все смѣшалось... Отчего же поблѣднѣли всѣ эти лица? Какъ, мм. гг., такъ есть на свѣтѣ нѣчто, кромѣ вашихъ ежедневныхъ интригъ, происковъ, расчетовъ? Не правда! Пустое! Все пройдетъ! Опять наступитъ завтрашній день! Опять можно будетъ продолжать начатое! Свергнуть своего противника, обмануть своего друга, доползти до новаго мѣста... Но вы не слушаете, трепещете, холодный потъ обдастъ васъ, вамъ страшно! И подлинно — вода все растетъ; вы отворяете окошко, зовете о помощи, вамъ отвѣчаетъ свистъ бури, и бѣлесоватыя волны, какъ разъяренные тигры, кидаются въ свѣтлыя окна! Да, въ самомъ дѣлѣ ужасно! Еще минута — и взмокнутъ эти роскошныя, дымчатыя одежды вашихъ женщинъ! Еще минута — и честолюбивыя украшенія на груди вашей лишь прибавятъ къ вашей тяжести и повлекутъ на холодное дно. Страшно! страшно! Гдѣ же всевозможныя средства науки, смѣющейся надъ усиліями природы? Мм. гг., наука замерла подъ вашимъ дыханіемъ. Гдѣ же сила молитвы, двигающей горы? Мм. гг., вы потеряли значеніе этого слова. Что же остается вамъ? — Смерть! Смерть! Смерть ужасная, медленная! Но ободритесь, что такое смерть? — Вы люди мудрые, благоразумные, какъ зміи! Неужели то, о чемъ посреди глубокихъ разсужденій вашихъ вы никогда и не помышляли, можетъ быть дѣломъ столь важнымъ? Призовите на помощь свою прозорливость, испытайте надъ смертью ваши обыкновенныя средства: испытайте, нельзя ли подкупить ее, оклеветать, не испугается ли она вашего холоднаго, грознаго взгляда...

Я не буду рѣшать, которому изъ этихъ двухъ видовъ юмора должно отдать преимущество. Вопросъ о подобномъ превосходствѣ былъ бы такъ же нелѣпъ, какъ вопросъ о превосходствѣ оды надъ элегіею, романа надъ драмою, ибо изящное всегда равно самому себѣ, въ какихъ бы видахъ ни проявлялось. Есть вещи, столь гадкія, что стоитъ только показать ихъ въ собственномъ ихъ видѣ или назвать ихъ собственнымъ ихъ именемъ, чтобы возбудить къ нимъ отвращеніе, но есть еще вещи, которыя, при всемъ своемъ существенномъ безобразіи, обманываютъ блескомъ наружности. Есть ничтожество грубое, низкое, нагое, неприкрытое, грязное, вонючее, въ лохмотьяхъ; есть еще ничтожество гордое, самодовольное, пышное, великолѣпное, приводящее въ сомнѣніе объ истинномъ благѣ самую чистую, самую пылкую душу, ничтожество, ѣздящее въ каретѣ, покрытое золотомъ, умно говорящее, вѣжливо кланяющееся, такъ что вы уничтожены передъ нимъ, что вы готовы подумать, что оно-то есть истинное величіе, что оно-то знаетъ цѣль жизни и что вы-то обманываетесь, вы-то гоняетесь за призраками. Для того и другого рода ничтожества нуженъ свой особенный бичъ, бичъ крѣпкій, ибо то и другое ничтожество покрыто тройною бронею. Для того и другого рода ничтожества нужна своя Немезида, ибо надобно же, чтобы люди иногда просыпались отъ своего безсмысленнаго усыпленія и вспоминали о своемъ человѣческомъ достоинствѣ; ибо надобно же, чтобы громъ иногда раздавался надъ ихъ головами и напоминалъ имъ объ ихъ Творцѣ; ибо надобно же, чтобы за пиршественнымъ столомъ, посреди остатковъ безумной роскоши,

среди утѣхъ бѣснующейся масленицы, унылый и торжественный звукъ колокола возмущалъ внезапно ихъ безумное упоеніе и напоминалъ о храмѣ Божіемъ, куда всякій долженъ предстать съ раскаяніемъ въ сердцѣ, съ гимномъ на устахъ!..

Г. Гоголь сдѣлался извѣстнымъ своими «Вечерами на хуторѣ». Это были поэтическіе очерки Малороссіи, очерки полные жизни и очарованія. Все, что можетъ имѣть природа прекраснаго, сельская жизнь простолюдиновъ — обольстительнаго, все, что народъ можетъ имѣть оригинальнаго, типическаго, все это радужными цвѣтами блеститъ въ этихъ первыхъ поэтическихъ грезахъ г. Гоголя. Это была поэзія юная, свѣжая, благоуханная, роскошная, упоительная, какъ поцѣлуй любви. Читайте вы его «Майскую ночь», читайте ее въ зимній вечеръ у пылающаго камелька, и вы забудете о зимѣ съ ея морозами и метелями; вамъ будетъ чудиться эта свѣтлая, прозрачная ночь благословеннаго юга, полная чудесъ и тайнъ; вамъ будетъ чудиться эта юная, блѣдная красавица, жертва ненависти мачехи, это оставленное жилище съ однимъ растворенным окномъ, это пустынное озеро, на тихихъ водахъ котораго играютъ лучи мѣсяца, на зеленыхъ берегахъ котораго пляшутъ вереницы безплотныхъ красавицъ... Это впечатлѣніе очень похоже на то, которое производитъ на воображеніе «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира. «Ночь передъ Рождествомъ Христовымъ» есть цѣлая, полная картина домашней жизни народа, его маленькихъ радостей, его маленькихъ горестей, — словомъ, тутъ — вся поэзія его жизни. «Страшная месть» составляетъ теперь pendant къ «Тарасу Бульбѣ», и обѣ эти огромныя картины показываютъ, до чего можетъ возвышаться талантъ г. Гоголя. Но я никогда бы не кончилъ, если бы сталъ разбирать «Вечера на хуторѣ». «Арабески» и «Миргородъ» носятъ на себѣ всѣ признаки зрѣющаго таланта. Въ нихъ меньше этого упоенія, этого лирическаго разгула, но больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни. Сверхъ того, онъ здѣсь расширилъ свою сцену дѣйствія и, не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссіи, пошелъ искать поэзіи въ нравахъ средняго сословія въ Россіи. И, Боже мой, какую глубокую и могучую поэзію нашелъ онъ тутъ! Мы, москали, и не подозрѣвали ея!.. «Невскій проспектъ» есть созданіе столь же глубокое, сколько и очаровательное; это — двѣ полярныя стороны одной и той же жизни, это высокое и смѣшное о-бокъ другъ къ другу. На одной сторонѣ этой картины бѣдный художникъ, безпечный и простодушный, какъ дитя, замѣчаетъ на Невскомъ проспектѣ женщину-ангела, одно изъ тѣхъ дивныхъ созданій, которыя могло производить только его художническое воображеніе; онъ слѣдитъ за нею, онъ дрожитъ, онъ не смѣетъ дохнуть, ибо онъ еще не знаетъ ея, но уже обожаетъ ее, а всякое обожаніе робко и трепетно;

онъ замѣчаетъ ея благосклонную улыбку — и «кареты казались ему недвижны, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка и аллебарда часового, вмѣстѣ съ золотыми словами и нарисованными ножницами, блестѣла, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ». Задыхаясь отъ упоенія и трепетнаго предчувствія блаженства, онъ входитъ за нею въ третій этажъ большого дома, и что же представляется ему?.. Она все такъ же прекрасная, очаровательная, она смотритъ на него глупо, нагло, какъ бы говоря ему: «Ну, что же ты?..» Онъ бросается вонъ... Я не хочу пересказывать его сна, этого дивнаго, драгоцѣннаго перла нашей поэзіи, второго и единственнаго послѣ сна Татьяны Пушкина: здѣсь г. Гоголь—поэтъ въ высочайшей степени. Кто читаетъ эту повѣсть въ первый разъ, для того, въ этомъ дивномъ снѣ, дѣйствительность и поэзія, реальное и фантастическое такъ тѣсно сливаются, что читатель изумляется, узнавши, что все это только сонъ. Представьте себѣ бѣднаго, оборваннаго, запачканнаго художника, потеряннаго въ толпѣ звѣздъ, крестовъ и всякаго рода совѣтниковъ: онъ толкается между ними, уничтожающими его своимъ блескомъ, онъ стремится къ ней, и они безпрестанно разлучаютъ его съ нею, они, эти кресты и звѣзды, которые смотрятъ на нее безъ всякаго упоенія, безъ всякаго трепета, какъ на свои золотыя табакерки... И какое пробужденіе послѣ этого сна! И какъ можно жить послѣ такого пробужденія? И онъ точно не живетъ въ дѣйствительности, онъ весь въ грезахъ... Наконецъ въ его душѣ блеснулъ обманчивый, но радужный лучъ надежды: онъ рѣшается на самоотверженіе, онъ хочетъ принести ей въ жертву, какъ Молоху, даже честь свою... «А я только что теперь проснулась, меня привезли въ семь часовъ утра, я была совсѣмъ пьяна» — это говоритъ ему она, все такъ же прекрасная, очаровательная... Послѣ этого можно ли было жить даже и въ грезахъ?.. И нѣтъ художника: онъ сошелъ въ темную могилу, никѣмъ не оплаканный, и міръ не зналъ, какая высокая и ужасная драма была разыграна въ этой грѣшной, страдальческой душѣ...

На другой сторонѣ этой картины вы видите Пирогова и Шиллера; того Пирогова, о которомъ я уже говорилъ, того Шиллера, который хотѣлъ отрѣзать себѣ носъ, чтобы избавиться отъ лишнихъ расходовъ на табакъ; того Шиллера, который говоритъ съ гордостью, что онъ швабскій нѣмецъ, а не русская свинья, и что у него есть король въ Германіи; того Шиллера, который «еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того времени, которое русскій живетъ на фуфу, измѣрилъ всю свою жизнь и положилъ себѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, составить капиталъ изъ пятидесяти тысячъ, и у котораго это было уже такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ поза-

будетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово»; наконецъ, того Шиллера, «который положилъ цѣловать свою жену въ сутки не болѣе двухъ разъ, и чтобы какъ-нибудь не поцѣловать лишній разъ, никогда не клалъ перцу болѣе одной ложечки въ свой супъ». Чего вамъ еще? Тутъ весь человѣкъ, вся исторія его жизни!..

А Пироговъ?.. О, объ немъ объ одномъ можно написать цѣлую книгу!.. Вы помните его волокитство за глупою блондинкою, съ которою онъ составляетъ такую отличную пару, его ссору и отношенія съ Шиллеромъ; помните, какіе ужасные побои претерпѣлъ онъ отъ флегматическаго Отелло, помните, какимъ негодованіемъ, какою жаждою мести закипѣло сердце поручика, и помните, какъ скоро прошла его досада отъ съѣденныхъ кондитерскихъ пирожковъ и прочтенія «Пчелы»?.. Чудные пирожки! Чудная «Пчела»! Пискаревъ и Пироговъ — какой контрастъ! Оба они начали, въ одинъ день, въ одинъ часъ, преслѣдованія своихъ красавицъ, и какъ различны для обоихъ ихъ были слѣдствія этихъ преслѣдованій! О, какой смыслъ скрытъ въ этомъ контрастѣ! И какое дѣйствіе производитъ этотъ контрастъ— Пискаревъ и Пироговъ... одинъ въ могилѣ, другой доволенъ и счастливъ, даже послѣ неудачнаго волокитства и ужасныхъ побоевъ!.. Да, господа, скучно на этомъ свѣтѣ!

«Портретъ» есть неудачная попытка г. Гоголя въ фантастическомъ родѣ. Здѣсь его талантъ падаетъ, но онъ и въ самомъ паденіи остается талантомъ. Первой части этой повѣсти невозможно читать безъ увлеченія; даже, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то ужасное, роковое, фантастическое въ этомъ таинственномъ портретѣ, есть какая-то непобѣдимая прелесть, которая заставляетъ васъ насильно смотрѣть на него, хотя вамъ это и страшно. Прибавьте къ этому множество юмористическихъ картинъ и очерковъ во вкусѣ г. Гоголя; вспомните квартальнаго надзирателя, разсуждающаго о живописи, потомъ эту мать, которая привела къ Черткову свою дочь, чтобы снять съ нея портретъ, и которая бранитъ балы и восхищается природою,—и вы не откажете въ достоинствѣ и этой повѣсти. Но вторая ея часть рѣшительно ничего не стоитъ; въ ней совсѣмъ не видно г. Гоголя. Это явная придѣлка, въ которой работалъ умъ, а фантазія не принимала никакого участія.

Вообще, надо сказать, фантастическое какъ-то не совсѣмъ дается г. Гоголю, и мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ г. Шевырева, который говоритъ, что «ужасное не можетъ быть подробно: призракъ тогда страшенъ, когда въ немъ есть какая-то неопредѣленность; если же вы въ призракѣ умѣете разглядѣть слизистую пирамиду, съ какими-то челюстями вмѣсто ногъ и языкомъ вверху, тутъ ужъ не будетъ ничего страшнаго, и ужасное переходитъ просто въ уродливое». Но

зато картины малороссійскихъ нравовъ, описаніе бурсы (впрочемъ, немного напоминающее бурсу Нарѣжнаго), портретъ бурсаковъ, и особенно этого философа Хомы, философа не по одному классу семинаріи, но философа по духу, по характеру, по взгляду на жизнь... О, несравненный *Dominus* Хома! Какъ ты великъ въ своемъ стоистическомъ равнодушіи ко всему земному, кромѣ горѣлки! Ты натерпѣлся горя и страха, ты чуть не попался въ когти къ чертямъ, но ты все забываешь за широкою и глубокою ендовою, на днѣ которой схоронены твоя храбрость и твоя философія; ты, на вопросъ о видѣнныхъ тобою страстяхъ, машешь рукою и говоришь: «Много на свѣтѣ всякой дряни водится!» У тебя половина головы посѣдѣла въ одну ночь, а ты оттопываешь трепака, да такъ, что добрые люди, смотря на тебя, плюютъ и восклицаютъ: «Вотъ это такъ долго танцуетъ человѣкъ!» Пусть судитъ всякій, какъ хочетъ, а по мнѣ, такъ философъ Хома стоитъ философа Сковороды! Потомъ, помните ли вы невольное путешествіе философа Хомы, помните ли попойку въ шинкѣ, этого Дороша, который, нагрузившись пѣнникомъ, вдругъ захотѣлъ узнать, непремѣнно узнать, чему учатъ въ бурсѣ (шуточное дѣло!), этого резонера, который божился, что «все должно оставить такъ, какъ есть, что Богъ знаетъ, какъ нужно», и, наконецъ, этого казака съ сѣдыми усами, который рыдалъ о томъ, что остался круглымъ сиротою... А эти поучительныя бесѣды на кухнѣ, гдѣ «обыкновенно говорилось обо всемъ: и о томъ, кто пошилъ себѣ новыя шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка»? А сужденія этихъ умныхъ головъ о чудесахъ въ природѣ? А портретъ пана сотника?.. и кто перечтетъ?.. Нѣтъ, несмотря на неудачу въ фантастическомъ, эта повѣсть есть дивное созданіе. Но и фантастическое въ ней слабо только въ описаніи привидѣній, а чтенія Хомы въ церкви, возстаніе красавицы, явленіе Вія безподобны.

Я еще мало говорилъ о «Тарасѣ Бульбѣ», я не буду слишкомъ распространяться о немъ, ибо, въ такомъ случаѣ, у меня вышла бы еще статья не менѣе самой повѣсти... «Тарасъ Бульба» есть отрывокъ, эпизодъ изъ великой эпопеи жизни цѣлаго народа. Если въ наше время возможна гомерическая эпопея, то вотъ вамъ ея высочайшій образецъ, идеалъ и прототипъ!.. Если говорить, что въ «Иліадѣ» отражается вся жизнь греческая, въ ея героическій періодъ, то развѣ одни піитики и риторики прошлаго вѣка запретятъ сказать то же самое и о «Тарасѣ Бульбѣ» въ отношеніи къ Малороссіи XVI вѣка?.. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ здѣсь не все казачество, съ его странною цивилизаціею, его удалою, разгульною жизнью, его безпечностью и лѣнью, неутомимостью и дѣятельностью, его буйными оргіями и кровавыми набѣгами?.. Скажите мнѣ, чего нѣтъ въ картинѣ, чего недостаетъ

къ ея полнотѣ? Не выхвачено ли все это со дна жизни, не бьется ли здѣсь огромный пульсъ всей этой жизни? Этотъ богатырь Бульба съ своими могучими сыновьями; эта толпа запорожцевъ, дружно отдирающая на площади трепака; этотъ казакъ, лежащій въ лужѣ, для показанія своего презрѣнія къ дорогому платью, которое на немъ надѣто, и какъ бы вызывающій на драку всякаго дерзкаго, кто бы осмѣлился дотронуться до него хоть пальцемъ; этотъ кошевой, поневолѣ говорящій краснорѣчивую, витіеватую рѣчь о необходимости войны съ бусурманами, потому что «многіе запорожцы позадолжались въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры неиметъ»; эта мать, которая является какъ бы мимоходомъ, чтобы заживо оплакать дѣтей своихъ, какъ всегда являлась въ тотъ вѣкъ женщина и мать въ казацкой жизни... А жиды и ляхи, а любовь Андрія и кровавая месть Бульбы, а казнь Остапа, его воззваніе къ отцу и «слышу!» Бульбы и, наконецъ, героическая гибель стараго фанатика, который не чувствовалъ своихъ ужасныхъ мукъ, потому что чувствовалъ одну жажду мести къ враждебному народу?.. И это не эпопея?.. Да что же такое эпопея?.. И какая кисть, — широкая, размашистая, рѣзкая, быстрая!.. Какія краски яркія и ослѣпительныя!.. И какая поэзія энергическая, могучая, какъ эта Запорожская Сѣчь, «то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!..»

Что еще сказать вамъ? Можетъ-быть, вы мало удовлетворены и тѣмъ, что я уже сказалъ: что дѣлать! Гораздо легче чувствовать и понимать прекрасное, нежели заставлять другихъ чувствовать и понимать его! Если одни изъ читателей, прочтя мою статью, скажутъ: «это правда», или, по крайней мѣрѣ: «во всемъ этомъ есть и правда»; если другіе, прочтя ее, захотятъ прочесть и разобранныя въ ней сочиненія, — мой долгъ выполненъ, цѣль достигнута.

Но какой же общій результатъ выведу я изъ всего сказаннаго мною? Что такое г. Гоголь въ нашей литературѣ? Гдѣ его мѣсто въ ней? Чего должно ожидать намъ отъ него, — отъ него, еще только начавшаго свое поприще, и какъ начавшаго?!. Не мое дѣло раздавать вѣнки безсмертія поэтамъ, осуждать на жизнь или смерть литературныя произведенія; если я сказалъ, что г. Гоголь поэтъ, я уже все сказалъ, я уже лишилъ себя права дѣлать ему судейскіе приговоры. Теперь у насъ слово «поэтъ» потеряло свое значеніе: его смѣшали съ словомъ «писатель». У насъ много писателей, нѣкоторые даже съ дарованіемъ, но нѣтъ поэтовъ. Поэтъ — высокое и святое слово, въ немъ заключается неумирающая слава! Но дарованіе имѣетъ свои степени; Козловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Шиллеръ — эти люди поэты; но равны ли они? Развѣ не спорятъ еще и теперь, кто выше: Шил-

леръ или Гёте? Развѣ общій голосъ не назвалъ Шекспира царемъ поэтовъ, единственнымъ и несравненнымъ? И вотъ задача критики: опредѣлить степень, занимаемую художникомъ въ кругу своихъ собратій. Но г. Гоголь еще только началъ свое поприще; слѣдовательно, наше дѣло высказать свое мнѣніе о его дебютѣ и о надеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Эти надежды велики, ибо г. Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время онъ является главою литературы, главою поэтовъ, онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ. Предоставимъ времени рѣшить, чѣмъ и какъ кончится поприще г. Гоголя, а теперь будемъ желать, чтобы этотъ прекрасный талантъ долго сіялъ на небосклонѣ нашей литературы, чтобы его дѣятельность равнялась его силѣ.

Въ «Арабескахъ» помѣщены два отрывка изъ романа. Объ этихъ отрывкахъ нельзя судить, какъ объ отдѣльномъ и цѣломъ созданіи; но о нихъ можно сказать, что они вполнѣ могутъ служить залогомъ тѣхъ надеждъ, о которыхъ я говорилъ. Поэты бываютъ двухъ родовъ: одни только доступны поэзіи, и она у нихъ бываетъ болѣе способностью, чѣмъ даромъ или талантомъ, и много зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни; у другихъ даръ поэзіи есть нѣчто положительное, нѣчто составляющее нераздѣльную часть ихъ бытія. Первые, иногда одинъ разъ въ цѣлую жизнь, выскажутъ какую-нибудь прекрасную поэтическую грезу, и, какъ будто обезсиленные тяжестью свершоннаго ими подвига, ослабѣваютъ и падаютъ въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ; и вотъ отчего у нихъ первый опытъ по большей части бываетъ прекрасенъ, а послѣдующіе постепенно подрываютъ ихъ славу. Другіе съ каждымъ новымъ произведеніемъ возвышаются и крѣпнутъ; г. Гоголь принадлежитъ къ числу этихъ послѣднихъ поэтовъ: этого довольно!

Я забылъ еще объ одномъ достоинствѣ его произведеній: это лиризмъ, которымъ проникнуты его описанія такихъ предметовъ, которыми онъ увлекается. Описываетъ ли онъ бѣдную мать, это существо высокое и страждущее, это воплощеніе святого чувства любви,— сколько тоски, грусти и любви въ его описаніи! Описываетъ ли онъ юную красоту,—сколько упоенія, восторга въ его описаніи! Описываетъ ли онъ красоту своей родной, своей возлюбленной Малороссіи,— это сынъ, ласкающійся къ обожаемой матери! Помните ли вы его описаніе безбрежныхъ степей днѣпровскихъ? Какая широкая, размашистая кисть! Какой разгулъ чувства! Какая роскошь и простота въ этомъ описаніи! Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши у г. Гоголя!..

Въ одномъ журналѣ было изъявлено странное желаніе, чтобы г. Гоголь попробовалъ своихъ силъ въ изображеніи высшихъ слоевъ

общества: вотъ мысль, которая въ наше время отзывается ужаснымъ анахронизмомъ! Какъ! Неужели поэтъ можетъ сказать себѣ: дай опишу то или другое, дай попробую себя въ томъ или другомъ родѣ!.. И притомъ, развѣ предметъ дѣлаетъ что-нибудь для достоинства сочиненія? Развѣ это не аксіома: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія? Но мои «развѣ» никогда бы не кончились, если бы я захотѣлъ высказать ихъ всѣ, безъ остатка. Нѣтъ, пусть г. Гоголь описываетъ то, что велитъ ему описывать его вдохновеніе, и пусть страшится описывать то, что велятъ ему описывать или его воля, или гг. критики. Свобода художника состоитъ въ гармоніи его собственной воли съ какою-то внѣшнею, независящею отъ него волею, или, лучше сказать, его воля есть вдохновеніе!..

Вы возвышаетесь духомъ и предаетесь глубокой и важной думѣ, читая «Тараса Бульбу»; вы смѣетесь и хохочете, читая курьезную «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»: отчего эта противоположность впечатлѣнія отъ двухъ произведеній одного и того же художника? — Отъ сущности дѣйствительности, возсозданной въ томъ и другомъ, оттого, что первое изображаетъ положеніе жизни, а другое — ея отрицаніе. Что такое Тарасъ Бульба? Герой, представитель жизни цѣлаго народа, цѣлаго политическаго общества въ извѣстную эпоху жизни. Что вы видите въ этой поэмѣ? Что особенно поражаетъ васъ въ ней? Общество, составленное изъ пришельцевъ разныхъ странъ, изъ удалыхъ головъ, бѣжавшихъ, кто отъ нищеты, кто отъ родительскаго проклятія, кто отъ меча закона, и, между тѣмъ, общество, имѣющее одинъ общій характеръ, твердо сплоченное и связанное какимъ-то крѣпкимъ цементомъ. Въ чемъ эта связь? — Въ православіи? — но оно такъ безтребовательно, такъ ограничено и бѣдно въ своей сущности, что мало походитъ на религію. — «Они приходили сюда, какъ будто возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій является только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: «Здравствуй! Что, во Христа вѣруешь?» — «Вѣрую!» отвѣчалъ приходившій. «И въ Троицу святую вѣруешь?»—«Вѣрую!»—«И въ церковь ходишь?»—«Хожу».—«А ну, перекрестись!»—Пришедшій крестился. — «Ну хорошо, — отвѣчалъ кошевой, — ступай же въ который самъ знаешь курень». — Этимъ оканчивается вся церемонія».— Нѣтъ, тутъ была другая, сильнѣйшая связь: это удальство, которому жизнь — копейка, голова — наживное дѣло; это жажда дикихъ натуръ людей, кипящихъ избыткомъ исполинскихъ силъ, — жажда наполнить свою жизнь, тяготимую бездѣйствіемъ и праздностью; что же лучше

могло наполнить ее, удовлетворить дикій духъ человѣка могучаго, но безъ идей, безъ образованности, почти полудикаря, какъ не кровавая сѣча, какъ не отчаянное удальство во время войны и не бѣшеная гульба во время мира? Оттого-то и въ этой гульбѣ нѣтъ ничего оскорбляющаго чувство, но такъ много поэтическаго; оттого-то эта гульба была, какъ превосходно выразился поэтъ, широкимъ разметомъ души. Итакъ, вотъ гдѣ основа и источникъ казацкой жизни и Запорожской Сѣчи, «того гнѣзда, откуда вылетали тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы», и вотъ гдѣ основная идея поэмы Гоголя. Тарасъ Бульба является у него представителемъ въ этой жизни идеи этого народа, апоѳеозомъ этого широкаго размета души. Дурной мужъ, какъ всѣ люди полудикой гражданственности, онъ любитъ своихъ сыновей, потому что изъ нихъ должны выйти важные рыцари, и онъ не любилъ бы и презиралъ бы дочерей своихъ, если бы имѣлъ ихъ, потому что онъ никакъ не могъ понять, что хорошаго въ человѣкѣ, если онъ не годится въ рыцари. Онъ былъ христіанинъ и православный по преданію, въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ: рѣдко видѣлъ церковь Божію и въ правилахъ жизни своей руководствовался обычаемъ и собственными страстями, а не религіею — и между тѣмъ зарѣзалъ бы родного сына за малѣйшее слово противъ религіи, и фанатически ненавидѣлъ басурмановъ. Онъ любилъ свою родную Украйну и ничего не зналъ выше и прекраснѣе удалого казачества, потому что чувствовалъ то и другое въ каждой каплѣ крови своей, и духъ того и другого нашелъ въ немъ свой настоящій сосудъ, рѣзкими, рельефными чертами выпечатлѣлся на его полудикой физіономіи и во всей его полудикой личности. Народную вражду онъ смѣшалъ съ личною ненавистью, и когда къ нему присоединился дикій фанатизмъ отвлеченной религіозности, то мысль о поганомъ католичествѣ, какъ называлъ онъ поляковъ, представлялась ему въ формѣ дымящейся крови, предсмертныхъ стоновъ и зарева пылающихъ городовъ, селъ, монастырей и костеловъ... Это — лицо совершенно трагическое; его комизмъ только въ противоположности формъ его индивидуальности съ нашими — комизмъ чисто внѣшній. Вы смѣетесь, когда онъ дерется на кулачки съ роднымъ сыномъ и пресерьезно совѣтуетъ ему тузить всякаго, какъ онъ тузилъ своего батьку; но вы уже и не улыбаетесь, когда видите, что онъ попался въ плѣнъ, потянувшись за грошевою люлькою; но вы содрогаетесь, только еще видя, что онъ, въ яростной битвѣ, приближается къ оторопѣвшему сыну — сердце ваше предчувствуетъ трагическую катастрофу; но у васъ замираетъ духъ отъ ужаса, когда въ вашемъ слухѣ раздается этотъ комическій вопросъ: «Что, сынку?»; но вы болѣзненно раздѣляете это мимолетное умиленіе желѣзнаго характера, въ словахъ Бульбы: «Чѣмъ бы не казакъ былъ? — и станомъ высокій, и черно-

бровый, и лицо, какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою — пропалъ, пропалъ безъ славы!»... А эта страшная жажда мести у Бульбы противъ красавицы-польки, по мнѣнію его, чарами погубившей его сына, и потомъ — это море крови и пожаровъ, объявшее враждебный край, и среди его грозная фигура стараго фанатика, совершавшаго страшную тризну въ память сына, наконецъ, это омертвѣніе могучей души, оглушенной двукратнымъ потрясеніемъ, потерею обоихъ сыновей: «Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу моря, шевеля губами и произнося: «Остапъ мой, Остапъ мой!» Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слезы капали одна за другою»... А это безконечно-знаменательное: «слышу, сынку!» и эта вторая страшная тризна мщенія за второго сына, кончившаяся смертью мстителя, и какою смертью! — привязанный желѣзною цѣпью къ стоячему бревну, съ пригвожденною рукою, кричалъ онъ своимъ «хлопцамъ», что имъ надо дѣлать, чтобы спастись отъ непріятеля, и изъявлялъ свой восторгъ отъ ихъ удальства и проворства... Видите ли: у этого человѣка была идея, которою онъ жилъ и для которой онъ жилъ; видите ли: онъ не пережилъ ея, онъ умеръ вмѣстѣ съ нею... Для нея убилъ онъ собственною рукою милаго сына, для нея онъ умеръ и самъ... Въ его душѣ жила одна идея, и всѣ другія были ему недоступны, враждебны и ненавистны. А жизнь въ объективной идеѣ, до претворенія ея въ субъективную стихію жизни — есть жизнь въ разумной дѣйствительности, въ положеніи, а не въ отрицаніи жизни. Грубость и ограниченность Бульбы принадлежатъ не его личности, но его народу и времени. Сущность жизни всякаго народа есть великая дѣйствительность, — въ Тарасѣ Бульбѣ эта сущность нашла свое полнѣйшее выраженіе.

Совсѣмъ другой міръ представляетъ намъ ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Это міръ случайностей, неразумности; это отрицаніе жизни, пошлая, грязная дѣйствительность. Но какимъ же образомъ могла она сдѣлаться содержаніемъ художественнаго произведенія, и не унизилъ ли художникъ своего таланта, сдѣлавъ изъ него такое употребленіе? Резонеры, которымъ доступна одна внѣшность, а не мысль, отвѣтятъ вамъ утвердительно на этотъ вопросъ. Мы думаемъ напротивъ. Какъ мы уже сказали, частное явленіе отрицанія жизни возбуждаетъ одно отвращеніе и есть призракъ; но какъ идея, какъ необходимая сторона жизни, призрачность получаетъ характеръ дѣйствительности и, слѣдовательно, можетъ и должна быть предметомъ искусства. Тутъ задача въ томъ, чтобы въ основаніи художественнаго произведенія лежала общая идея, и чтобы изображенія поэта были не списками съ частныхъ явленій (эти списки суть при-

зраки), но идеалы, для того перешедшіе въ дѣйствительность явленія, чтобы каждый изъ нихъ былъ выраженіемъ идеи, представителемъ цѣлаго ряда, безконечнаго множества явленій одной идеи и, будучи въ этомъ значеніи общимъ, былъ бы въ то же время единымъ — живою, замкнутою въ самой себѣ особенностью. Всякая частность есть случайность, и если ея значеніе низко и пошло, она оскорбляетъ человѣческое эстетическое чувство; но общее, хотя бы и отрицательной стороны жизни, уже дѣлается предметомъ знанія и теряетъ свою случайность. Вотъ если бы поэтъ, въ изображеніяхъ такого рода явленій, вздумалъ оправдывать свои субъективныя убѣжденія и грязь жизни выдавать субъективно за поэзію жизни, тогда бы его изображенія были отвратительны; но тогда бы онъ уже и пересталъ быть поэтомъ. Они существуютъ для него объективно, всѣ они внѣ его, но онъ самъ въ нихъ, потому что поэтическимъ ясновидѣніемъ своимъ онъ проводитъ ихъ идею и, проводя ихъ чрезъ свою творческую фантазію, просвѣтляетъ этою идеею ихъ естественную грубость и грязность.

Были два пріятеля-сосѣда, соединенные другъ съ другомъ неразрывными узами взаимной пошлости, привычки и праздности. Мы не будемъ ихъ описывать послѣ изображенія, сдѣланнаго поэтомъ. Если, читатели, вы помните и знаете Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича — были они искренними друзьями и вдругъ сдѣлались страшными врагами и прожили все свое имѣніе, стараясь доѣхать другъ друга судомъ. А отчего? Стоитъ произвести по нѣскольку чертъ характера каждаго — и вы поймете причину этого страшнаго явленія. Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ весьма солидный, самаго тонкаго обращенія, терпѣть не могъ грубыхъ или непристойныхъ словъ, и когда потчевалъ кого-нибудь знакомаго табакомъ, то говорилъ: «смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи?», а если незнакомаго, то: «смѣю ли просить, государь мой, не зная чести знать чина, имени и отчества, объ одолженіи?». Онъ любилъ лежать на солнцѣ подъ навѣсомъ, въ одной рубашкѣ только, послѣ обѣда, а вечеромъ надѣвалъ бекешу, выходя со двора; но самая рѣзкая черта его характера была та, что, съѣвши дыню, онъ завертывалъ въ бумажку сѣмена и надписывалъ: «Сія дыня съѣдена такого-то числа»; а если при этомъ былъ гость, то: «участвовалъ такой-то». Присовокупите къ этому портрету страшную скупость и высокую цѣну, придаваемую земнымъ благамъ — и Иванъ Ивановичъ весь передъ вами. Иванъ Никифоровичъ отличался отъ своего друга толстотою и любилъ употреблять въ разговорѣ непристойныя слова, къ крайнему неудовольствію достойнаго Ивана Ивановича; любилъ въ жаркіе дни выставлять на солнце спину, садиться по горло въ воду, куда ставилъ столъ и самоваръ и пилъ чай; любилъ въ комнатѣ лежать въ натурѣ, и когда потчевалъ кого изъ своей табакерки

табакомъ, то просто говорилъ: «одолжайтесь». Теперь вы видите всю эту жизнь, понятную только въ произведеніи художника, но случайную, безсмысленную и глупо-животную въ дѣйствительности. Оба героя — призраки (въ томъ смыслѣ, который мы выше придали этому слову), и все, что они ни дѣлаютъ, есть призракъ, пустота, безсмыслица. Въ ихъ характерахъ уже лежитъ, какъ необходимость, ихъ ссора. Ивану Ивановичу захотѣлось имѣть у себя ружье Ивана Никифоровича; зачѣмъ? — не спрашивайте; онъ самъ этого не знаетъ. Мы думаемъ, что это было безсознательнымъ желаніемъ чѣмъ-нибудь наполнить свою праздную пустоту, потому что пустота, вслѣдствіе праздности, тяжка и мучительна для всякаго человѣка, какъ бы ни былъ онъ пошлъ. Иванъ Никифоровичъ, по такой же причинѣ, не хотѣлъ уступить ему своего ружья, хотя тотъ и обѣщалъ ему за него приличное вознагражденіе — бурую свинью и мѣшокъ гороха. Завязался крупный разговоръ, въ которомъ Иванъ Никифоровичъ, грубый въ своихъ выходкахъ, назвалъ Ивана Ивановича, этого до крайности деликатнаго и щекотливаго со стороны своей чести и аттенціи человѣка, назвалъ его — о, ужасъ! — гусакомъ...

Великая, безконечно-великая черта художественнаго генія этотъ гусакъ! Если бы поэтъ причиною ссоры сдѣлалъ дѣйствительно оскорбительныя ругательства, пощечину, драку — это испортило бы все дѣло. Нѣтъ, поэтъ понялъ, что въ мірѣ призраковъ, которому онъ давалъ объективную дѣйствительность, и забавы, и занятія, и удовольствія, и горести, и страданія, и самое оскорбленіе—все призрачно, безсмысленно, пусто и пошло. Не думайте, чтобы эти два чудака были отъ природы созданы такими: нѣтъ, природа справедлива къ людямъ — она каждому даетъ въ мѣру чего и сколько ему нужно. Конечно, эти чудаки и отъ природы были не бойкіе люди, но и имъ нашлась бы своя ступенька на безконечной лѣстницѣ человѣческой и гражданской дѣятельности: они могли бы быть хорошими мужьями, отцами, хозяевами и имѣть, сообразно съ занимаемымъ ими мѣстечкомъ въ цѣпи явленій духа, свою благообразность формы; но воспитаніе, животная лѣнь, праздность, невѣжество, — вотъ что сдѣлало ихъ такими. Ихъ хотятъ примирить и почти было успѣли въ этомъ; уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ карманъ, чтобы достать рожокъ и сказать «одолжайтесь», но вдругъ лукавый дернулъ его замѣтить, что не стоитъ сердиться изъ пустого слова «гусакъ». Видите ли: если бы онъ гусака замѣнилъ птицею или выразился какъ-нибудь иначе, они снова были бы друзьями; но роковое слово было сказано, и снова прадѣдовскіе карбованцы полетѣли изъ желѣзныхъ сундуковъ въ карманы подъячихъ, и имѣніе внѣшнее и внутреннее благосостояніе, вся жизнь была истощена въ тяжбѣ. Десять лѣтъ прошло, головы ихъ

убѣлились сѣдиною, и поэтъ восклицаетъ: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Да! грустно думать, что человѣкъ, этотъ благороднѣйшій сосудъ духа, можетъ жить и умереть призракомъ и въ призракахъ, даже и не подозрѣвая возможности дѣйствительной жизни! И сколько на свѣтѣ такихъ людей, сколько на свѣтѣ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей!..

II. „Ревизоръ".

Въ основаніи «Ревизора» лежитъ та же идея, что и въ «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»: въ томъ и другомъ произведеніи поэтъ выразилъ идею отрицанія жизни, идею призрачности, получившую, подъ его художническимъ рѣзцомъ, свою объективную дѣйствительность. Разница между ними не въ основной идеѣ, а въ моментахъ жизни, схваченныхъ поэтомъ, въ индивидуальностяхъ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Во второмъ произведеніи мы видимъ пустоту, лишенную всякой дѣятельности; въ «Ревизорѣ» — пустоту, наполненную дѣятельностью мелкихъ страстей и мелкаго эгоизма. Чтобы произведенія его были художественны, т.-е. представляли собою особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, онъ взялъ изъ жизни своихъ героевъ такой моментъ, въ которомъ сосредоточивалась вся цѣльность ихъ жизни, ея значеніе, сущность, идея, начало и конецъ: въ первомъ — ссора двухъ пріятелей, во второмъ — ожиданіе и пріемъ ревизора. Все чуждое этой ссорѣ и этому ожиданію и пріему ревизора не могло войти въ повѣсть и комедію, и та и другая начаты съ начала и кончены въ концѣ; намъ не нужно знать подробности дѣтства обоихъ друзей-враговъ, ни того, что было съ ними послѣ, какъ ихъ видѣлъ поэтъ: мы знаемъ это изъ повѣсти, потому что знаемъ этихъ героевъ съ головы до ногъ, знаемъ всю сущность ихъ жизни, вполнѣ исчерпанную поэтомъ въ описаніи ихъ ссоры. Такъ точно, на что намъ знать подробности жизни городничаго до начала комедіи? Ясно и безъ того, что онъ въ дѣтствѣ былъ ученъ на мѣдныя деньги, игралъ въ бабки, бѣгалъ по улицамъ, и какъ сталъ входить въ разумъ, то получилъ отъ отца уроки въ житейской мудрости, т.-е. въ искусствѣ нагрѣвать руки и хоронить концы въ воду. Лишенный въ юности всякаго религіознаго, нравственнаго и общественнаго образованія, онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца и отъ окружающаго его міра слѣдующее правило вѣры и жизни: въ жизни надо быть счастливымъ, а для этого нужны деньги и чины, а для пріобрѣтенія ихъ — взяточничество, казнокрадство, низкопоклонничество и подличанье передъ властями, знатностью и богатствомъ, ломанье и скотская грубость передъ низшими себя. Простая

философія! Но замѣтьте, что въ немъ это не развратъ, а его нравственное развитіе, его высшее понятіе о своихъ объективныхъ обязанностяхъ: онъ мужъ, слѣдовательно, обязанъ прилично содержать жену; онъ отецъ, слѣдовательно, долженъ дать хорошее приданое за дочерью, чтобы доставить ей хорошую партію и тѣмъ, устроивъ ея благосостояніе, выполнить священный долгъ отца. Онъ знаетъ, что средства его для достиженія этой цѣли грѣшны передъ Богомъ; но онъ знаетъ это отвлеченно, головою, а не сердцемъ, и онъ оправдываетъ себя простымъ правиломъ всѣхъ пошлыхъ людей: «не я первый, не я послѣдній, всѣ такъ дѣлаютъ». Это практическое правило жизни такъ глубоко вкоренено въ немъ, что обратилось въ правило нравственности; онъ почелъ бы себя выскочкою, самолюбивымъ гордецомъ, если бы, хотя позабывшись, повелъ себя честно въ продолженіе недѣли. Да оно и страшно быть «выскочкою»: всѣ пальцы уставятся на васъ, всѣ голоса подымутся противъ васъ; нужна большая сила души и глубокіе корни нравственности, чтобы бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. И не Сквозники-Дмухановскіе увлекаются могучимъ водоворотомъ этой магической фразы «всѣ такъ дѣлаютъ» и, какъ Молоху, приносятъ ей въ жертву и таланты, и силы души, и внѣшнее благосостояніе. Нашъ городничій былъ не изъ бойкихъ отъ природы, и потому «всѣ такъ дѣлаютъ» было слишкомъ достаточнымъ аргументомъ для успокоенія его мозолистой совѣсти; къ этому аргументу присоединился другой, еще сильнѣйшій для грубой и низкой души: «жена, дѣти, казеннаго жалованья не станетъ на чай и сахаръ». Вотъ вамъ и весь Сквозникъ-Дмухановскій до начала комедіи. Что касается до формъ, въ какихъ онъ выражался и проявлялся до того, онѣ всѣ тѣ же, все его же, какъ и во время комедіи. Такъ же нетрудно понять, что съ нимъ было и по окончаніи комедіи, какъ онъ дожилъ свой вѣкъ. Художественная обрисовка характера въ томъ и состоитъ, что, если онъ данъ вамъ поэтомъ въ извѣстный моментъ своей жизни, вы ужъ сами можете разсказать всю его жизнь и до, и послѣ этого момента. Конецъ «Ревизора» сдѣланъ поэтомъ опять не произвольно, но вслѣдствіе самой разумной необходимости: онъ хотѣлъ показать Сквозника-Дмухановскаго всего, какъ онъ есть. Но тутъ скрывается еще другая, не менѣе важная и глубокая причина, выходящая изъ сущности пьесы. Въ комедіи, какъ выраженіи случайностей, все должно выходить изъ идеи случайностей и призраковъ и только чрезъ это получать свою необходимость: почтенный нашъ городничій жилъ и вращался въ мірѣ призраковъ, но какъ у него необходимо были свои понятія о дѣйствительности, хотя и отвлеченныя, и сверхъ того самый основательный страхъ дѣйствительности, извѣстный подъ именемъ уголовнаго суда, то и должно было выйти комическое столкновеніе, какъ ошибка, есте-

ственнаго влеченія сердца къ воровству и плутнямъ съ страхомъ наказанія за воровство и плутни,—страхомъ, который увеличивался еще и нѣкоторымъ безпокойствомъ совѣсти. «У страха глаза велики», говоритъ мудрая русская пословица: удивительно ли, что глупый мальчишка, промотавшійся въ дорогѣ, трактирный дэнди, былъ принятъ городничимъ за ревизора? Глубокая идея! Не грозная ли дѣйствительность, а призракъ, фантомъ, или, лучше сказать, тѣнь отъ страха виновной совѣсти, должны были наказать человѣка призраковъ. Городничій Гоголя не карикатура, не комическій фарсъ, не преувеличенная дѣйствительность, и въ то же время нисколько не дуракъ, но, по-своему, очень и очень умный человѣкъ, который въ своей сферѣ очень дѣйствителенъ, умѣетъ ловко взяться за дѣло — своровать и концы въ воду схоронить, подсунуть взятку и задобрить опаснаго ему человѣка. Его приступы къ Хлестакову, во второмъ актѣ,— образецъ подьяческой дипломатіи. Итакъ, конецъ комедіи долженъ совершиться тамъ, гдѣ городничій узнаетъ, что онъ былъ наказанъ призракомъ, и что ему еще предстоитъ наказаніе со стороны дѣйствительности. И потому, приходъ жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прекрасно оканчиваетъ пьесу и сообщаетъ ей всю полноту и всю самостоятельность особаго, замкнутаго въ самомъ себѣ міра. Въ художественномъ произведеніи нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго, но все необходимо и логически вытекаетъ изъ его идеи. Каждое лицо въ немъ, способствуя развитію главной идеи, въ то же время есть и само себѣ цѣль, живетъ своею особною жизнью. Далѣе, мы изъ «Ревизора» разовьемъ подробно эту идею, а пока замѣтимъ мимоходомъ, что, вслѣдствіе этого взгляда на искусство, Мольеръ — такой же художникъ, какъ Гомеровъ Тирсисъ — красавецъ, и такъ же похожъ на Шекспира, какъ титулярный совѣтникъ Поприщинъ на Фердинанда VIII, короля испанскаго. Конечно, французы правы, что ставятъ Мольера выше Корнеля и Расина: онъ, дѣйствительно, былъ человѣкомъ съ большимъ талантомъ, съ неистощимою живостью и остротою французскаго ума; онъ истощилъ все богатство разговорнаго французскаго языка, воспользовался всею его граціозною игривостью для выраженія смѣшныхъ противорѣчій; онъ подмѣтилъ и вѣрно схватилъ многія черты своего времени. Но онъ великъ въ частностяхъ, а не въ цѣломъ; но его дѣйствующія лица — не дѣйствительныя существа, а карикатуры такъ же, какъ его произведенія — сатиры, а не комедіи, такъ же, какъ самъ онъ поэтъ мѣстами, а не художникъ, который потому художникъ, что творитъ цѣлое, стройное зданіе, выросшее изъ одной идеи. Напримѣръ, въ его «Скупомъ» Гарпагонъ, конечно, хорошъ, какъ мастерски-написанная карикатура, но всѣ другія лица — резонеры, ходячія сентенціи о томъ, что скупость есть порокъ; ни

одно изъ нихъ не живетъ своею жизнью и для самого себя, но всѣ придуманы, чтобы лучше оттѣнить собою героя quasi-комедіи. То же и въ «Тартюфѣ»: всѣ лица присочинены для главнаго, и самъ Тартюфъ такъ нехитеръ, что могъ обмануть только одного человѣка, и то потому, что этотъ одинъ — пошлый дуракъ. Завязка и развязка мнимыхъ комедій Мольера никогда не выходитъ изъ основной идеи и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ, но всегда придумывается, какъ рама для картины, не создается, какъ необходимая форма. Это оттого, что у него никогда не было идеи, и поэзія для него никогда не была сама себѣ цѣль, но средство исправлять общество осмѣяніемъ пороковъ. Какой это художникъ!

Многіе находятъ странною натяжкою и фарсомъ ошибку городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, тѣмъ болѣе, что городничій человѣкъ, по-своему, очень умный, т.-е. плутъ перваго разряда... Странное мнѣніе, или, лучше сказать, странная слѣпота, не допускающая видѣть очевидность. Причина этого заключается въ томъ, что у каждаго человѣка есть два зрѣнія — физическое, которому доступна только внѣшняя очевидность, и духовное, проникающее внутреннюю очевидность, какъ необходимость, вытекающую изъ сущности идеи. Вотъ, когда у человѣка есть только физическое зрѣніе, а онъ смотритъ имъ на внутреннюю очевидность, то и естественно, что ошибка городничаго ему кажется натяжкою и фарсомъ. Представьте себѣ воришку-чиновника такого, какимъ вы знаете почтеннаго Сквозника-Дмухановскаго: ему видѣлись во снѣ двѣ какія-то необыкновенныя крысы, какихъ онъ никогда не видывалъ, — черныя, неестественной величины, пришли, понюхали и пошли прочь. Важность этого сна для послѣдующихъ событій была уже кѣмъ-то очень вѣрно замѣчена. Въ самомъ дѣлѣ, обратите на него все ваше вниманіе: имъ открывается цѣпь призраковъ, составляющихъ дѣйствительность комедіи. Для человѣка съ такимъ образованіемъ, какъ нашъ городничій, сны — мистическая сторона жизни, и чѣмъ она несвязнѣе и безсмысленнѣе, тѣмъ для него имѣетъ большее и таинственнѣйшее значеніе. Если бы послѣ этого сна ничего важнаго не случилось, онъ могъ бы и забыть его; но, какъ нарочно, на другой день онъ получаетъ отъ пріятеля увѣдомленіе, что «отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ губерніи все, относящееся по части гражданскаго управленія». Сонъ въ руку! Суевѣріе еще болѣе запугиваетъ и безъ того запуганную совѣсть; совѣсть усиливаетъ суевѣріе. Обратите особенное вниманіе на слова «инкогнито» и «съ секретнымъ предписаніемъ». Петербургъ есть таинственная страна для нашего городничаго, міръ фантастическій, котораго формъ онъ не можетъ и не умѣетъ себѣ представить. Нововведенія въ юридической сферѣ,

грозящія уголовнымъ судомъ и ссылкою за взяточничество и казнокрадство, еще болѣе усугубляютъ для него фантастическую сторону Петербурга. Онъ уже допытывается у своего воображенія, какъ пріѣдетъ ревизоръ, чѣмъ онъ прикинется и какія пули онъ будетъ отливать, чтобы разведать правду. Слѣдуютъ толки у честной компаніи объ этомъ предметѣ. Судья-собачникъ, который беретъ взятки борзыми щенками и потому не боится суда, который на своемъ вѣку прочелъ пять или шесть книгъ и потому нѣсколько вольнодуменъ, находитъ причину присылки ревизора, достойную своего глубокомыслія и начитанности, говоря, что «Россія хочетъ вести войну, а потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны». Городничій понялъ нелѣпость этого предположенія и отвѣчаетъ: «Гдѣ нашему уѣздному городишкѣ? Если бы онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ-нибудь возможно предположить, а то стоитъ, чортъ знаетъ, гдѣ — въ глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь». За симъ онъ даетъ совѣтъ своимъ сослуживцамъ быть поосторожнѣе и быть готовыми къ пріѣзду ревизора; вооружается противъ мысли о грѣшкахъ, т.-е. взяткахъ, говоря, что «нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ за собою какихъ-нибудь грѣховъ», что «это уже такъ самимъ Богомъ устроено», и что «вольтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ»; слѣдуетъ маленькая перебранка съ судьею о значеніи взятокъ; продолженіе совѣтовъ; ропотъ противъ проклятаго инкогнито. «Вдругъ заглянетъ; а! вы здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? — Тяпкинъ-Ляпкинъ. А подать сюда Тяпкина-Ляпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній? — Земляника. А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!..» Въ самомъ дѣлѣ, худо! Входитъ наивный почтмейстеръ, который любитъ распечатывать чужія письма, въ надеждѣ найти въ нихъ разные этакіе пассажи... назидательное даже.. лучше, нежели въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Городничій даетъ ему плутовскіе совѣты «немножко распечатывать и прочитывать всякое письмо, чтобы узнать — не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки». Какая глубина въ изображеніи! Вы думаете, что фраза: «или просто переписки» безсмыслица или фарсъ со стороны поэта: нѣтъ, это неумѣніе городничаго выражаться, какъ скоро онъ хоть немного выходитъ изъ родныхъ сферъ своей жизни. И таковъ языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи! Наивный почтмейстеръ, не понимая, въ чемъ дѣло, говоритъ, что онъ и такъ это дѣлаетъ. «Я радъ, что вы это дѣлаете, — отвѣчаетъ плутъ-городничій простаку-почтмейстеру: — это въ жизни хорошо», и, видя, что съ нимъ обинякамп немного возьмешь, напрямки проситъ его всякое извѣстіе доставлять къ нему, а жалобу или донесеніе просто задерживать. Судья потчуетъ его собачонкой,

но онъ отвѣчаетъ, что ему теперь не до собакъ и зайцевъ: «У меня въ ушахъ только и слышно, что инкогнито проклятое; такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ...»

И въ самомъ дѣлѣ, двери отворяются съ шумомъ, и вбѣгаютъ Петры Ивановичи Бобчинскій и Добчинскій. Это — городскіе шуты, уѣздные сплетники; ихъ всѣ знаютъ, какъ дураковъ, и обходятся съ ними или съ видомъ презрѣнія, или съ видомъ покровительства. Они безсознательно это чувствуютъ и потому изо всей мочи передъ всѣми подличаютъ и, чтобы только ихъ терпѣли, какъ собакъ и кошекъ въ комнатѣ, всѣмъ подслуживаются новостями и сплетнями, составляющими субъективную, объективную и абсолютную жизнь уѣздныхъ городковъ. Вообще, съ ними обращаются безъ чиновъ, какъ съ собаками и кошками: надоѣдятъ — выгоняютъ. Ихъ дни проходятъ въ шатаньи и собираньи новостей и сплетенъ. Обогатясь подобною находкой, они вдругъ вырастаютъ сознаніемъ своей важности и уже бѣгутъ къ знакомымъ смѣло, въ увѣренности хорошаго пріема.

«Чрезвычайное происшествіе!» кричитъ Бобчинскій. «Неожиданное извѣстіе!» восклицаетъ Добчинскій, вбѣгая въ комнату городничаго, гдѣ всѣ настроены на одинъ ладъ, а особливо самъ городничій весь сосредоточенъ на idée fixe. «Что такое?» — «Приходимъ въ гостиницу», восклицаетъ Добчинскій. «Приходимъ въ гостиницу», перебиваетъ его Бобчинскій. Начинается разсказъ самый обстоятельный, самый подробный, отъ начала до конца: зачѣмъ пошли въ гостиницу, гдѣ, какъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ,—словомъ, по всѣмъ правиламъ топиковъ или общихъ мѣстъ старинныхъ риторикъ. Чудаки перебиваютъ другъ друга; каждому хочется насладиться своею важностію, быть центромъ общаго вниманія, а вмѣстѣ и занять себя, наполнить свою пустоту пустымъ содержаніемъ. Забавнѣе всего то, что имъ самимъ хочется какъ можно скорѣе добраться до эффектнаго конца, а между тѣмъ и хочется продолжить свое торжество и разсказать все сначала и подробнѣе. Бобчинскій овладѣваетъ разсказомъ, говоря, что у Добчинскаго «и зубъ со свистомъ, и слога такого нѣту», и Добчинскому осталось только помогать жестами разсказу счастливаго Бобчинскаго, изрѣдка обѣгать его нѣкоторыми фразами, которыя тотъ снова перехватываетъ и продолжаетъ свой разсказъ. Наконецъ дошли до «молодого человѣка недурной наружности въ партикулярномъ платьѣ». Представьте себѣ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ «молодой человѣкъ недурной наружности въ партикулярномъ платьѣ» на воображеніе городничаго, уже безъ того настроенное ожиданіемъ проклятаго «инкогнито»! И вотъ, наконецъ, Бобчинскій передаетъ донесеніе трактирщика Власа: «Молодой человѣкъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга — Иванъ Але-

ксандровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и денегъ хоть бы копейку заплатилъ». Слѣдуетъ остроумная смѣтка проницательнаго Бобчинскаго: съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ Богъ знаетъ куда — въ Саратовскую губернію? Это, вѣрно, не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ. Не естественъ ли послѣ этого ужасъ городничаго?

Городничій. Что вы говорите? Не можетъ быть! Да нѣтъ, это вамъ такъ показалось. Это кто-нибудь другой.

Бобчинскій. Помилуйте, какъ не онъ! И денегъ не платитъ, и не ѣдетъ — кому же быть, какъ не ему? И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Понимаете ли вы хоть въ возможности эту чудную логику, эти резоны, эти доводы? На какихъ законахъ разума основаны они? Вотъ онъ — вотъ источникъ комическаго и смѣшного! Видите ли вы, какая драма, какое столкновеніе противоположныхъ интересовъ, проистекающихъ изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній, выразилось въ этихъ двухъ монологахъ! Городничій уже вѣритъ страшному извѣстію, и, какъ утопающій хватается за соломинку, такъ онъ пустымъ вопросомъ хочетъ какъ бы отдалить на время сознаніе горькой истины, чтобы дать себѣ время опомниться; Бобчинскій, напротивъ, всѣми силами старается поддержать и въ другихъ, и въ самомъ себѣ увѣренность въ справедливости извѣстія, которое вдругъ придало ему такую важность. Да, въ этой комедіи нѣтъ ни одного слова, строгой и непреложной необходимости котораго нельзя бъ было доказать изъ самой сущности идеи и дѣйствительности характеровъ. Но вотъ Добчинскій, по тѣмъ же причинамъ, какъ и его достойный другъ, и съ такою же основательностію и очевидностію подаетъ голосъ о несомнѣнности факта:

Онъ, онъ... ей Богу онъ!.. Я ставлю Богъ знаетъ что... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ тарелки наши полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани...

Послѣ такого довода нѣтъ больше сомнѣнія! Такой наблюдательный, что даже въ тарелки заглядывалъ! Боже мой, да если бы въ эту минуту бѣдному городничему сказали о наблюдательности его кучера, онъ принялъ бы его за ревизора, отличительнымъ признакомъ котораго, въ его испуганномъ воображеніи, непремѣнно должна быть наблюдательность...

Видите ли, съ какимъ искусствомъ поэтъ умѣлъ завязать эту драматическую интригу въ душѣ человѣка, съ какою поразительною

очевидностію умѣлъ онъ представить необходимость ошибки городничаго? Если и теперь не видите — перечтите комедію; или, что еще лучше — посмотрите ее на сценѣ; если и тутъ не увидите — такъ это уже вина вашего зрѣнія, а мы не беремъ на себя трудной обязанности научить слѣпого безошибочно судить о цвѣтахъ. Если нужны еще доказательства, не изъ сущности идеи произведенія почерпнутыя, а внѣшнія, практическія, разсудочныя и резонерскія, безъ которыхъ многіе люди ничего не понимаютъ, замѣтимъ имъ, что подобные случаи часто бываютъ въ жизни: сосредоточьтесь на идеѣ, отъ которой зависитъ ваша участь, — вы начнете говорить о ней съ первымъ встрѣчнымъ на улицѣ, принявъ его за своего пріятеля, къ которому вы шли говорить о ней. По крайней мѣрѣ, это очень возможно.

Пропускаемъ остальную половину перваго акта — отчаяніе городничаго при мысли, что ревизоръ въ полторы недѣли могъ узнать о невинно-высѣченной имъ унтеръ-офицерской женѣ, о покражѣ у арестантовъ провизіи, о нечистотѣ на улицахъ; его радость при мысли, что ревизоръ — молодой человѣкъ; его распоряженія; сцену съ квартальными; просьбу Добчинскаго взять его съ собою или хоть позволить «бѣжать за дрожками пѣтушкомъ, пѣтушкомъ», чтобы только увидѣть, «какъ тамъ онъ... больше сущность и поступки его, а я ничего»; замѣчаніе городничаго квартальному, что онъ «не по чину беретъ»; сцену съ частнымъ приставомъ, донесшимъ о квартальномъ Держимордѣ, который поѣхалъ, по случаю драки, для порядка и воротился пьянъ; дальнѣйшія распоряженія городничаго; его животные переходы отъ раскаянія къ ругательствамъ на купцовъ, не догадавшихся подарить ему новой шпаги, хотя и видѣли, что старая уже не годится; его обѣщаніе поставить такую свѣчу, какой никто еще не ставилъ, и угрозу «на каждаго бестію-купца наложить по три пуда воска», когда бѣда минетъ; сцену Анны Андреевны, разспрашивающей мужа за дверью о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; брань ея на дочь, которая своею кокетливостію при туалетѣ лишила ее возможности поскорѣе разузнать о ревизорѣ; эту пикировку съ дочерью, въ которой поблеклая кокетка уѣзднаго города представляется какъ бы видящею въ молодой дочери свою соперницу: скажемъ коротко, что во всемъ этомъ, какъ и въ предшествовавшемъ, поэтъ остался вѣренъ своей идеѣ, не измѣнилъ ей ни словомъ, ни чертою; что все это больше, нежели портретъ или зеркало дѣйствительности, но болѣе походитъ на дѣйствительность, нежели дѣйствительность походитъ сама на себя, ибо все это — художественная дѣйствительность, замыкающая въ себѣ всѣ частныя явленія подобной дѣйствительности...

Передъ вами Осипъ — герой лакейской природы, представитель цѣлаго рода безчисленныхъ явленій, изъ которыхъ онъ ни на одно не похожъ, какъ двѣ капли воды, но изъ которыхъ каждое похоже на него, какъ двѣ капли воды. Въ своемъ большомъ монологѣ, гдѣ, между прочимъ, читаетъ онъ правоученіе самому себѣ для своего барина и, наконецъ, самого барина, онъ высказываетъ всего себя, свои отношенія къ барину, и вы видите деревенскаго слугу, который пожилъ въ Петербургѣ, постигъ достоинство столичной жизни и галантерейнаго обращенія, но, по пословицѣ — «сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ», — предпочитаетъ мирную деревенскую жизнь треволненіямъ столицы, въ которой худо безъ денегъ, иной разъ славно наѣшься, а въ другой — чуть не лопнешь съ голода. Въ истинно-художественномъ произведеніи всегда видно, какъ взаимныя отношенія персонажей дѣйствуютъ на самый характеръ, и потому вамъ тотчасъ станетъ ясно, что Осипъ грубіянъ столько же по натурѣ, сколько и по презрѣнію къ своему барину, котораго глупость онъ понимаетъ по-своему. Этотъ баринъ—одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Онъ—франтъ и щеголь, потому что дуракъ и столичный житель: глупцы скорѣе всего перенимаютъ внѣшнія стороны высшей ихъ жизни. Отецъ содержитъ его прилично, но онъ мотаетъ батюшкины денежки, чтобы наполнить свою пустоту, занять свою праздность и удовлетворить мелкому тщеславію, а потомъ спускаетъ платье на рынкѣ, до новой присылки денегъ. «Онъ дѣйствуетъ и говоритъ безъ всякаго соображенія: не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли; рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ совершенно неожиданно». Онъ слышалъ, что есть на свѣтѣ вещь, которая называется литературою, и въ его пустой головѣ въ безпорядкѣ улеглись имена сочиненій и названія журналовъ и сочинителей: Брамбеусъ и Смирдинъ, «Библіотека для чтенія», и «Сумбека», «Юрій Милославскій» и «Фенелла». Онъ — дэнди не по одному модному платью, но и по манерамъ, дэнди трактирный, одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя красуются на вывѣскахъ московскихъ трактировъ, цырюленъ и портныхъ. Въ Пензѣ его обыгралъ начистую пѣхотный капитанъ: онъ за это досадуетъ на случай и несчастіе, но не на капитана, къ которому онъ благоговѣетъ какъ дилетантъ къ художнику, потому что, «что ни говори, а удивительно, бестія, штосы срѣзываетъ: всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ и все обобралъ — славно играетъ!» Великое достоинство въ его глазахъ!

Посмотрите, какъ робко и какими косвенными вопросами хочетъ онъ узнать отъ Осипа, есть ли у нихъ табакъ: о, онъ боится его правоученій и его грубости! Посмотрите, какъ онъ подличаетъ передъ

трактирнымъ прислужникомъ, справляясь о его здоровьѣ и о числѣ пріѣзжающихъ въ ихъ трактиръ, и какъ ласково проситъ его поторопиться принести обѣдать! Какая сцена, какія положенія, какой языкъ! Гдѣ подсмотрѣлъ, гдѣ подслушалъ поэтъ сцены и этотъ языкъ? И почему только одинъ онъ такъ подсмотрѣлъ и такъ подслушалъ? Можетъ-быть, потому что онъ подсматривалъ и подслушивалъ, какъ и всѣ, то-есть, не подсматривая и не подслушивая, да въ фантазіи-то его это отразилось не такъ, какъ у всѣхъ. А вѣдь и эти всѣ — тоже поэты и художники и, какъ блины, пекутъ и трагедіи, и драмы, и оперы, и комедіи, и водевили...

Входитъ Осипъ и говоритъ барину, что «тамъ чего-то пріѣхалъ городничій, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ», — новое комическое столкновеніе! У Хлестакова воображеніе настроено на мысли о жалобахъ трактирщика, о тюрьмѣ... Онъ испугался тюрьмы, но утѣшился мыслію, что если поведутъ его туда благороднымъ образомъ, то — ничего; но мысль о двухъ купеческихъ дочеряхъ и офицерахъ, которыхъ онъ видѣлъ на улицѣ, снова приводитъ его въ отчаяніе... Можете представить, въ какой настроенности его воображенія входитъ къ нему городничій... Въ высшей степени комическое положеніе!.. Но мы пропускаемъ эту превосходную сцену — она говоритъ сама за себя, а для кого она нѣма, тѣмъ немного помогутъ наши толкованія. Скажемъ только, что въ этой сценѣ городничій является во всемъ своемъ блескѣ: съ одной стороны, какъ чуждый фантастическому для него понятію петербургскаго чиновника и весь сосредоточенный на мысли о «проклятомъ инкогнито», онъ всѣ глупости Хлестакова принимаетъ за тонкія штуки, а съ другой — преловко и прехитро выкидываетъ свои тонкія штуки и улаживаетъ дѣло.

Третье дѣйствіе, а Анна Андреевна все еще у окна съ своей дочерью — въ высшей степени комическая черта! Тутъ не одно праздное любопытство пустой женщины: ревизоръ молодой, а она кокетка, если не больше... Дочь говоритъ, что кто-то идетъ — мать сердится. «Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи; ну, да, идетъ». Потомъ вопросъ, кто идетъ: дочь говоритъ, что это Добчинскій — мать опять не соглашается и опять упрекаетъ дочь ни въ чемъ: «Какой Добчинскій? Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое! Совсѣмъ не Добчинскій. Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!» Наконецъ обѣ разглядываютъ; дочь говоритъ: «А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій!» Мать отвѣчаетъ: «Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу — изъ чего же ты споришь?» Можно ли лучше поддержать достоинство матери, какъ не быть всегда правою передъ дочерью и не дѣлая всегда дочь виноватою предъ собой? Какая сложность элементовъ

выражена въ этой сценѣ: уѣздная барыня, устарѣлая кокетка, смѣшная мать! Сколько оттѣнковъ въ каждомъ ея словѣ, какъ значительно, необходимо каждое ея слово! Вотъ что значитъ проникать въ таинственную глубину организаціи предмета и во внѣшности выводить то, что кроется въ самыхъ недоступныхъ для зрѣнія тканяхъ и нервахъ внутренней организаціи! Поэтъ заставляетъ насквозь видѣть эти характеры и внутри находить причины всего внѣшняго, являющагося. Сцена Анны Андреевны съ Добчинскимъ: та и другой является тутъ во всей своей призрачности. Она спрашиваетъ его, тотъ ли это ревизоръ, о которомъ увѣдомляли ея мужа: «Настоящій: я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ». Потомъ онъ пересказываетъ свиданіе городничаго съ Хлестаковымъ такъ, какъ оно отразилось въ его понятіи и какъ должно было отразиться въ понятіи городничаго, и заключаетъ, что онъ тоже «перетрухнулъ немножко». «Да вамъ-то чего бояться — вѣдь вы не служите?» спрашиваетъ она его. «Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, то чувствуешь страхъ», отвѣчалъ простакъ. На вопросъ городничихи о наружности ревизора, онъ его описываетъ такъ, какъ онъ отразился въ его узкой головѣ: «Молодой, молодой человѣкъ: лѣтъ двадцати трехъ, а говоритъ совершенно, какъ старикъ. Извольте, говоритъ, я поѣду и туда, и туда... (размахиваетъ руками), такъ это все славно». Видите ли въ этихъ безсмысленныхъ словахъ немножко идіотское неумѣніе отдать себѣ отчетъ въ собственномъ впечатлѣніи и выразить его словомъ? Далѣе: «Я, говоритъ, и пописать, и почитать люблю, но мѣшаетъ, что въ комнатѣ, говоритъ, немножко темно». Видите ли изъ этого, что чѣмъ Хлестаковъ былъ пошлѣе, безсвязнѣе въ своихъ фразахъ, трактирнѣе въ своихъ манерахъ, тѣмъ большее придавалъ онъ себѣ значеніе не только въ глазахъ Добчинскаго, но и самого городничаго. Есть люди, которые почитаютъ въ книгахъ глубокимъ и мудрымъ все, чего они не понимаютъ; приведите къ нимъ какого-нибудь глупца или ловкаго мистификатора, какъ автора этой умной книжки: чѣмъ нелѣпѣе онъ будетъ выражаться, тѣмъ больше они будутъ ему удивляться. Для городничаго ревизоръ былъ слишкомъ премудрою книгою потому уже только, что онъ ревизоръ, — съ этой точки зрѣнія его трудно было сдвинуть, и потому все, что Хлестаковъ ни вралъ послѣ къ ясной своей невыгодѣ, только еще болѣе поддерживало городничаго въ его заблужденіи, вмѣсто того, чтобы вывести изъ него и открыть ему глаза.

Сцена матери и дочери, совѣтующихся о туалетѣ, чтобы ихъ не осмѣяла какая-нибудь «столичная штучка», и споръ о палевомъ платьѣ, которое, по мнѣнію матери, къ лицу ей, такъ какъ у ней самые темные глаза, потому что «она и гадаетъ всегда на трефовую

даму», и возраженіе дочери, «что къ ней не идетъ цвѣтное платье, потому что она больше червонная дама» — эта сцена и этотъ споръ окончательно и рѣзкими чертами обрисовываютъ сущность, характеры и взаимныя отношенія матери и дочери, такъ что послѣдующее уже нисколько не удивляетъ въ нихъ васъ, какъ не удивляетъ сумма четырехъ, вышедшая изъ умноженія двухъ на два. Вотъ въ этомъ-то состоитъ типизмъ изображенія: поэтъ беретъ самыя рѣзкія, самыя характеристическія черты живописуемыхъ имъ лицъ, выпуская всѣ случайныя, которыя не способствуютъ къ оттѣненію ихъ индивидуальности. Но онъ выбираетъ не по сортировкѣ, не по соображенію и сличенію болѣе годныхъ съ менѣе годными, онъ даже и не думаетъ, не заботится объ этомъ, но все это выходитъ у него само собою, потому что изображаемыя имъ на бумагѣ лица прежде всего изобразились у него въ фантазіи, и изобразились во всей полнотѣ своей и цѣлости, со всѣми родовыми примѣтами, отъ цвѣта волосъ до родимаго пятнышка на лицѣ, отъ звука голоса до покроя платья. Положить ихъ на бумагу — для него уже актъ второстепенный, почти механическій трудъ. И посмотрите, какъ легко у него все выходитъ: въ этой коротенькой, какъ бы слегка и небрежно наброшенной сценѣ вы видите прошедшее, настоящее и будущее, всю исторію двухъ женщинъ, а между тѣмъ, она вся состоитъ изъ спора о платьѣ, и вся, какъ бы мимоходомъ и нечаянно, вырвалась изъ-подъ пера поэта!..

Сценка явленія Хлестакова въ домѣ городничаго, въ сопровожденіи свиты изъ городского чиновничества и самого Сквозника-Дмухановскаго, представленіе Анны Андреевны и Марьи Антоновны, любезничанье и вранье Хлестакова — каждое слово, каждая черта во всемъ этомъ, общность и характеръ всего этого — торжество искусства, чудная картина, написанная великимъ мастеромъ, никогда нежданное, никѣмъ не подозрѣвавшееся изображеніе всѣми видѣннаго, всѣмъ знакомаго и, несмотря на то, всѣхъ удивившаго и поразившаго своею новостью и небывалостью!.. Здѣсь характеръ Хлестакова — этого второго лица комедіи — развертывается вполнѣ, раскрывается до послѣдней видимости своей микроскопической мелкости и гигантской пошлости. Къ сожалѣнію, это лицо понятно меньше прочихъ лицъ и еще не нашло для себя достойнаго артиста на театрахъ обѣихъ столицъ. Многимъ характеръ Хлестакова кажется рѣзокъ, утрированъ, если можно такъ выразиться, его болтовня, напоминающая: «не любо, не слушай — врать не мѣшай», — изысканно неправдоподобною. Но это потому, что всякій хочетъ видѣть и, слѣдовательно, видитъ въ Хлестаковѣ свое понятіе о немъ, а не то, которое существенно заключается въ немъ. Хлестаковъ является къ го-

родничему въ домъ послѣ внезапной перемѣны его судьбы: не забудьте, что онъ готовился итти въ тюрьму, а между тѣмъ, нашелъ деньги, почетъ, угощеніе, что онъ, послѣ невольнаго и мучительнаго голода, наѣлся досыта, отчего и безъ вина можно прійти въ какое-то полупьяное разслабленіе, а онъ еще и подпилъ. Какъ и отчего произошла эта внезапная перемѣна въ его положеніи, отчего передъ нимъ стоятъ всѣ навытяжку — ему до этого нѣтъ дѣла; чтобы понять это, надо думать, а онъ не умѣетъ думать, онъ влечется, куда и какъ толкаютъ его обстоятельства. Въ его полупьяной головѣ, при обремененномъ желудкѣ, все передвоилось, все перемѣстилось — и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и «Библіотека» съ «Сумбекою», и Маврушка съ посланниками. Слова вылетаютъ у него вдохновенно; оканчивая послѣднее слово фразы, онъ не помнитъ ея перваго слова. Когда онъ говорилъ о своей значительности, о связяхъ съ посланниками, онъ не зналъ, что онъ вретъ, и нисколько не думалъ обманывать: сказавъ первую фразу, онъ продолжалъ, какъ бы противъ воли, какъ камень, толкнутый съ горы, катится уже не посредствомъ силы, а собственною тяжестью. «Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ (зѣваетъ во всю глотку). О чемъ, бишь, я говорилъ?» Если бы ему сказали, что онъ говорилъ о томъ, какъ отецъ сѣкалъ его розгами, онъ, навѣрное, уцѣпился бы за эту мысль и началъ бы не говорить, а какъ будто продолжать, что это очень больно, что онъ всегда кричалъ, но «при нынѣшнемъ образованіи этимъ ничего не возьмешь».

Многіе почитаютъ Хлестакова героемъ комедіи, главнымъ ея лицомъ. Это несправедливо. Хлестаковъ является въ комедіи не самъ собою, а совершенно случайно, мимоходомъ, и притомъ не самимъ собою, а ревизоромъ. Но кто его сдѣлалъ ревизоромъ? — Страхъ городничаго, слѣдовательно, онъ — созданіе испуганнаго воображенія городничаго, призракъ, тѣнь его совѣсти. Поэтому онъ является во второмъ дѣйствіи и исчезаетъ въ четвертомъ, — и никому нѣтъ нужды знать, куда онъ поѣхалъ и что̀ съ нимъ стало: интересъ зрителя сосредоточенъ на тѣхъ, которыхъ страхъ создалъ этотъ фантомъ, и комедія была бы не кончена, если бы окончилась четвертымъ актомъ. Герой комедіи — городничій, какъ представитель этого міра призраковъ.

Въ «Ревизорѣ» нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно-образующія собою единое цѣлое, округленное внутреннимъ содержаніемъ, а не внѣшнею формою, и потому представляющее собою особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ. Скрѣпя сердце, пропускаемъ VII, VIII, IX и X явленія третьяго акта и остановимся только на оцѣпе-

пѣніи городничаго, какъ бы кто ударилъ его обухомъ по головѣ: «Такъ совсѣмъ ошеломило! Страхъ такой напалъ: еще такого важнаго человѣка никогда не видалъ (задумывается); съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что̀ и дѣлается въ головѣ, какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить...» Это говоритъ уѣздный чиновникъ, служака, начавшій службу по-старинному, что̀ называлось «тянуть лямку»; а вотъ голосъ чиновницы новаго времени, которая всегда образованнѣе своего мужа: «А я никакой совершенно не ощутила робости, я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ». Безподобна и эта выходка философствующаго городничаго: «Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькій, поджаристый такой. Никакъ не узнаешь, что онъ важная особа». Это голосъ стараго чиновника, врасплохъ застигнутаго новымъ временемъ: онъ уже и прежде слышалъ, а теперь собственными глазами удостовѣрился, что нынче-де по головѣ, а не по брюху дѣлаются важными особами.

Въ первыхъ сценахъ четвертаго акта Хлестаковъ бесѣдуетъ съ самимъ собою и является все тѣмъ же, все самимъ же собою и не измѣняетъ себѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Послѣ дивныхъ сценъ съ чиновниками города, у которыхъ онъ набралъ денегъ, онъ еще въ первый разъ догадывается, что его принимаютъ не за то, что̀ онъ есть, а за великаго государственнаго человѣка. Причина этого явленія и могущія выйти изъ него слѣдствія не въ силахъ остановить на себѣ его вниманія. Это одна изъ тѣхъ головъ, которыя не въ состояніи переварить самаго простого понятія и глотаютъ не жевавши. Онъ очень радъ, что его приняли за важную особу: «Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физіономіи точно есть что-то внушающее»... и не докончилъ, сколько потому, что эта фраза слышанная, а не своя, столько и потому, что вдругъ перепрыгнулъ къ другому предмету... «Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать взаймы денегъ». Видите ли: его приняли за важную особу — оттого, что «у него въ физіономіи есть что-то внушающее»; это должная дань его личнымъ достоинствамъ, а не другая, болѣе важная для чиновниковъ причина; что ему надавали денегъ, это не взятки, а заемъ, и онъ на ту минуту, какъ говоритъ, вполнѣ убѣжденъ, что возвратитъ имъ свой долгъ. Но Осипъ умнѣе своего барина: онъ все понимаетъ и ласково, тоже какъ будто мимоходомъ, совѣтуетъ ему уѣхать, говоря: «Погуляли здѣсь два денька, ну — и довольно; что съ ними связываться! Плюньте на нихъ! Неровенъ часъ: какой-ни-

будь другой наѣдетъ», и обольщаетъ его тройкою лихихъ лошадей съ колокольчикомъ. Эта приманка, равно какъ и мимоходомъ сказанное предостереженіе, что «батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣшкались», и рѣшила Хлестакова послѣдовать благоразумному совѣту. Слѣдуетъ сцена съ купцами, въ которой вы видите, какъ на ладони, это купечество уѣзднаго городка, которое выучилось кое-какъ зашибать деньгу, а еще не обрилось и не умылось, чтобы отъ его бородки не пахло капустою; которое плохо знаетъ грамоту и живетъ на «авось», т.-е. гдѣ выторговалъ, а гдѣ надулъ, и съ которымъ, по всему этому, городничій обходился безъ чиновъ; «схватитъ за бороду, говоритъ, ахъ ты татаринъ»; которое, наконецъ, любитъ коли давать, такъ давать — возьми и подносикъ, и головку сахара, и кулечикъ съ винами, и не триста, — что триста! — пятьсотъ, только дѣло сдѣлай. Языкъ неподражаемо вѣренъ. Хлестаковъ опять не измѣняетъ себѣ — беретъ взаймы, о взяткахъ и слышать не хочетъ, и если гдѣ приходитъ въ маленькое недоумѣніе, тамъ толкаетъ его Осипъ и заставляетъ не быть безъ дѣйствія. Но вотъ входитъ Марья Антоновна: она въ комнатѣ чужого молодого человѣка ищетъ маменьки... Ея приходъ толкаетъ Хлестакова, т.-е. заставляетъ дѣлать то, чего онъ не думалъ дѣлать. Онъ франтъ, она «барышня»: слѣдовательно, ему должно волочиться за нею. Чтò изъ этого выйдетъ — такая мысль не можетъ прійти въ его пустую и легкую голову, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ внѣшняго обстоятельства, подъ впечатлѣніемъ настоящей минуты. «Барышня» глупа, пуста и пошла, но она уже прочла нѣсколько романовъ, и у ней есть альбомъ, въ который Хлестаковъ должевъ написать какіе-нибудь этакіе новенькіе «стишки». О, ему это ничего не стоитъ — онъ много знаетъ наизусть стиховъ, напр.: «О ты, что въ горести напрасно» и пр. И вотъ онъ на колѣняхъ передъ нею. Уйди она — онъ черезъ минуту забылъ бы объ этой сценѣ, какъ совсѣмъ небывалой; но входитъ мать и толкаетъ его «просить руки» Марьи Антоновны. Онъ уѣзжаетъ въ полной увѣренности, что онъ женихъ и что все сдѣлалось, какъ должно; но извозчикъ крикнулъ, колокольчикъ залился — и Хлестаковъ готовъ спросить себя: «На чемъ, бишь, я остановился?»

Первыя сцены пятаго акта представляютъ намъ городничаго въ полнотѣ его грубаго блаженства животной натуры. Здѣсь поэтъ является глубокимъ анатомикомъ души человѣческой, проникаетъ въ самые недоступные тайники ея и выводитъ наружу все крывшееся въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ пятомъ актѣ городничій является въ своемъ апоѳеозѣ, полнымъ опредѣленіемъ своей сущности, вполнѣ опредѣлившеюся возможностію: все темное, грязное, низкое и грубое, чтò крылось въ его природѣ, развивалось воспитаніемъ и обстоятель-

ствами, все это всплыло со дна наверхъ, изнутри явилось наружу, и явилось такъ добродушно, такъ комически, что вы невольно смѣетесь тамъ, гдѣ бы должны были ужасаться. «Что, — говоритъ онъ женѣ, — тебѣ и во снѣ не видѣлось: просто изъ какой-нибудь городничихи, и вдругъ... фу ты, канальство! Съ какимъ дьяволомъ породнилась!» — «Какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна! Высокаго полета, чортъ побери!» Изъ труса онъ дѣлается нахаломъ, мѣщаниномъ, который вдругъ попалъ въ знатные люди; страхъ Сибири прошелъ — онъ уже не обѣщаетъ Богу пудовой свѣчи и грозится еще жить и обирать купцовъ; велитъ кричать о своемъ счастіи всему городу, «валять въ колокола: коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми!» его дочь выходитъ замужъ за такого человѣка, «что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ». Боже мой! къ лицу ли ему генеральство! А онъ въ неистовомъ восторгѣ, въ бѣшеной комической страсти отъ мысли, что будетъ генераломъ... «Вѣдь почему хочется быть генераломъ? Потому что случится, поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! и тамъ, на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ: стой городничій! Ха-ха-ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!»

Такъ проявляются грубыя страсти животной натуры! Это страсть — и страсть бѣшеная: у нашего городничаго сверкаютъ глаза, въ голосѣ тонъ изступленія, движенія порывисты. Если не вѣрите — посмотрите на Щепкина въ этой роли. Въ комедіи есть свои страсти, источникъ которыхъ смѣшонъ, но результаты могутъ быть ужасны. По понятію нашего городничаго, быть генераломъ—значитъ видѣть предъ собою униженіе и подлость отъ низшихъ, гнести всѣхъ не-генераловъ своимъ чванствомъ и надменностью; отнять лошадей у человѣка нечиновнаго или меньшаго чиномъ, по своей подорожной имѣющаго равное на нихъ право; говорить «братецъ» и «ты» тому, кто говоритъ ему «ваше превосходительство» и «вы», и проч. Сдѣлайся нашъ городничій генераломъ — и когда онъ живетъ въ уѣздномъ городѣ, горе маленькому человѣку, если онъ, считая себя «не имѣющимъ чести быть знакомымъ съ г. генераломъ», не поклонится ему или на балу не уступитъ мѣста, хотя бы этотъ маленькій человѣкъ готовился быть великимъ человѣкомъ!.. тогда изъ комедіи могла бы выйти трагедія для «маленькаго человѣка»...

Приходъ купцовъ усиливаетъ волненіе грубыхъ страстей городничаго; изъ животной радости онъ переходитъ въ животную злобу. Сначала хочетъ говорить тихо, съ сосредоточенной яростію и злобною

проніею; но животная натура не даетъ ему выдержать этой роли: власть надъ собою принадлежитъ только образованнымъ людямъ; онъ постепенно приходитъ въ бо̀льшую и бо̀льшую ярость и разражается ругательствами. Онъ пересчитываетъ Абдулину свои благодѣянія, т.-е. напоминаетъ случаи, гдѣ они вмѣстѣ казну обкрадывали... Купцы являются тѣми же купцами: они низко кланяются, низко подличаютъ. Великодушный городничій смягчается, но на условіи, чтобы «засусленныя бороды, аршинники, самоварники, протоканаліи и архибестіи» не думали «отбояриться отъ него какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахара», ибо-де «онъ выдаетъ дочку свою не за какого-нибудь дворянина»...

Начинаютъ собираться гости. Городничій снова въ своемъ пѣтушьемъ величіи. Передъ нимъ всѣ подличаютъ, какъ передъ знатною особою; поздравляютъ вслухъ съ «необыкновеннымъ благополучіемъ» и ругаютъ вполголоса. Городничиха, какъ и съ самаго начала пятаго акта, играетъ роль случайной дамы, которая, однако, нисколько не удивлена своимъ счастіемъ, какъ по праву принадлежащимъ ей достоинствамъ и какъ давно привычнымъ ей. Она показываетъ, что равнодушна къ нему. Но устарѣлая кокетка беретъ верхъ надъ знатною дамою: она почти оспариваетъ жениха у своей дочери. Входитъ простодушный почтмейстеръ и пренаивно открываетъ всѣмъ глаза насчетъ мнимаго ревизора, доказавъ очевидно, что онъ «и не уполномоченный, и не особа». Сцена чтенія письма Хлестакова — въ высшей степени комическая. Но что же нашъ городничій? — Вы думаете, ему стыдно, мучительно-стыдно видѣть себя такъ жестоко одураченнымъ собственною ошибкою, такъ тяжко наказаннымъ за свои грѣхи? Какъ бы не такъ! Бездарность, посредственность или даже обыкновенный талантъ тотчасъ бы воспользовались случаемъ заставить городничаго раскаяться и исправиться; но талантъ необыкновенный глубже понимаетъ натуру вещей и творитъ не по своему произволу, а по закону разумной необходимости. Городничій пришелъ въ бѣшенство, что допустилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху, у котораго молоко на губахъ не обсохло, онъ, который «тридцать лѣтъ жилъ на службѣ», котораго ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ! — Вы думаете, ему совѣстно, мучительно-совѣстно смотрѣть на тѣхъ людей, передъ которыми онъ сейчасъ только такъ ломался, которые унижались и подличали передъ его мнимою знатностію? Ничего не бывало! Когда дражайшая его половина обнаруживаетъ всю свою глупость наивнымъ вопросомъ: «Какъ же?.. вѣдь это не можетъ быть...

онъ совсѣмъ вѣдь обручился съ нашей Машенькой» — онъ не только не старается замять позорнаго для нихъ обоихъ объясненія, но еще съ досадою на ея недогадливость очень ясно толкуетъ ей, въ чемъ дѣло: «А развѣ ты не видишь, что у него все это фу — фу! Пустѣйшій человѣкъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну что̀ въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человѣка иль вельможу? Пусть бы онъ имѣлъ что-нибудь внушающее уваженіе, а то чортъ знаетъ что? Дрянь, сосулька! Тоньше сѣрной спички!» Засимъ обманутые чудаки бросаются съ ругательствомъ на Петровъ Ивановичей, какъ первыхъ вѣстовщиковъ о пріѣздѣ ревизора. Брань сыплется на нихъ градомъ; они сваливаютъ вину другъ на друга, какъ вдругъ явленіе жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прерываетъ эту комическую сцену и, какъ громъ, разразившійся у ихъ ногъ, заставляетъ ихъ окаменѣть отъ ужаса и такимъ образомъ превосходно замыкаетъ собою цѣлость пьесы.

(Изъ статьи 1840 г. о «Горе отъ ума».)

III. „Женитьба“.

Въ ожиданіи выхода полнаго собранія сочиненій Гоголя скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о характерахъ въ новой комедіи его «Женитьба». Подколесинъ — не просто вялый и нерѣшительный человѣкъ съ слабою волею, которымъ можетъ всякій управлять: его нерѣшительность, преимущественно, выказывается въ вопросѣ о женитьбѣ. Ему страхъ какъ хочется жениться, но приступить къ дѣлу — онъ не въ силахъ. Пока вопросъ идетъ о намѣреніи, Подколесинъ рѣшителенъ до героизма; но чуть коснулось исполненія — онъ труситъ. Это недугъ, который знакомъ слишкомъ многимъ людямъ, поумнѣе и пообразованнѣе Подколесина. Въ характерѣ Подколесина авторъ подмѣтилъ и выразилъ черту общую, слѣдовательно, идею. Подколесинъ покоряется одному Кочкареву, потому что тотъ нахалъ, которому не уступить — значитъ рѣшиться на исторію, конечно, не опасную, но зато неприличную, а одно стоитъ другого. Кочкаревъ — добрый и пустой малый, нахалъ и разбитная голова. Онъ скоро знакомится, скоро дружится и сейчасъ — на *ты*. Горе тому, кто удостоится его дружбы! Кочкаревъ переставитъ у него по-своему мебель въ комнатѣ, да еще будетъ ругать, если тотъ не усердно будетъ помогать ему распоряжаться въ своемъ домѣ; Кочкаревъ навяжетъ другу своего портного, своего сапожника не потому, чтобы убѣжденъ былъ въ ихъ превосходствѣ, а для того только, чтобы сказать: «я рекомендовалъ». Кочка-

ревъ хочетъ, чтобы все шло и дѣлалось черезъ него, и чтобы всѣ говорили: «этотъ человѣкъ на всѣ руки». Для этого онъ готовъ хлопотать, биться до пота лица, перенести что угодно. Другъ его сбирается купить домъ: у Кочкарева ужъ есть на примѣтѣ домъ — отличнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ, именно такой, какой нуженъ его другу; онъ самъ, правду сказать, и не былъ въ этомъ домѣ, но готовъ сейчасъ же расписать расположеніе его комнатъ, доказать его удобство, выгодность, побожиться за достоинство каждой половицы, каждаго стропила. Если другъ не захочетъ смотрѣть этого дома, онъ потащитъ его, будетъ упрашивать, умолять, а въ случаѣ рѣшительнаго отказа разссорится съ другомъ по-своему: назоветъ его и «свиньей», и «подлецомъ». Первыя слова его свахѣ, которую засталъ онъ у Подколесина, были: «Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?» Изъ этого видно уже, что женитьба не очень осчастливила его, и что не ему бы хлопотать о женитьбѣ другихъ. Но не тутъ-то было: провѣдавъ о чужомъ дѣлѣ, онъ уже похожъ на гончую собаку, почуявшую зайца; чтобы похлопотать, онъ описываетъ женитьбу самыми обольстительными красками, какія только можетъ ему дать его грубая фантазія. И потому, если актеръ, выполняющій роль Кочкарева, услышавъ о намѣреніи Подколесина жениться, сдѣлаетъ значительную мину, какъ человѣкъ, у котораго есть какая-то цѣль, то онъ испортитъ всю роль съ самаго начала. Въ концѣ пьесы Кочкаревъ, взбѣсившись на Подколесина, самъ говоритъ: «Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите, пожалуйста, вотъ я на всѣхъ сошлюсь: ну не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ? Родня, что ли? И что я ему такое — нянька, тетка, свекруха, кума, что ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не знаю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? — А просто, чортъ знаетъ изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ!» Въ этихъ словахъ — вся тайна характера Кочкарева.—Жевакинъ—не кривляка, не шутъ: это старый селадонъ, а потому и щеголь, несмотря на свой старинный мундиръ. Куда бы ни занесла его судьба — хоть въ Китай, не только въ Сицилію — онъ вездѣ замѣтитъ одно только «розанчики этакіе». Кромѣ «розанчиковъ», для него ничто на свѣтѣ не существуетъ. — Анучкинъ — человѣкъ, живущій и бредящій однимъ — высшимъ обществомъ, котораго онъ никогдѣ и во снѣ не видывалъ и съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго. Онъ почитаетъ себя образованнымъ человѣкомъ и, услышавъ о Сициліи, сейчасъ захотѣлъ узнать, говорятъ ли тамъ «барышни» по-французски. Барышни, французскій языкъ и обхожденіе высшаго общества — въ этомъ для него и смыслъ

жизни, и цѣль жизни, и, кромѣ этого, для него ничто не существуетъ. Много попадается Анучкиныхъ на бѣломъ свѣтѣ: они-то громче всѣхъ хлопаютъ актерамъ и вызываютъ ихъ; они-то восхищаются всякимъ плоскимъ и грубымъ двусмысліемъ въ водевилѣ и осуждаютъ пьесы за неприличный тонъ; они-то не любятъ ни на сценѣ, ни въ книгахъ людей низкаго званія и грубыхъ выраженій. Анучкинъ — въ высшей степени типическое лицо, для представленія котораго на театрѣ нужно много ума и таланта. — Пятое дѣйствующее лицо — Яичница (экзекуторъ). Это человѣкъ грубый, матеріальный; но онъ живетъ и служитъ въ Петербургѣ — стало-быть, не похожъ на провинціальнаго медвѣдя. Вообще, для хорошаго выполненія ролей, созданныхъ Гоголемъ, актерамъ всего нужнѣе — наивность, отсутствіе всякаго желанія и усилія смѣшить. Если человѣкъ имѣетъ смѣшную или слабую сторону, онъ тѣмъ и возбуждаетъ смѣхъ, что не предполагаетъ въ себѣ ничего смѣшного или страннаго. Въ обществѣ никто не станетъ стараться смѣшить другихъ на свой счетъ, а сцена должна быть зеркаломъ общества...

Лицо свахи въ «Женитьбѣ» — одно изъ самыхъ живыхъ и типическихъ созданій Гоголя. Бойкость, яркость движеній, трещоточный разговоръ должны быть прежде всего схвачены актрисою, выполняющею эту роль; малѣйшая вялость, тяжеловатость сейчасъ испортятъ дѣло. Это — баба, наметавшаяся въ своемъ ремеслѣ; ея не разстроитъ никакое обстоятельство, не смутитъ никакое возраженіе; у нея готовъ отвѣтъ на всякій вопросъ. Невѣста спрашиваетъ сваху про одного изъ жениховъ, не пьетъ ли онъ. «А пьетъ, не прекословлю, пьетъ! Что̀ же дѣлать? Ужъ онъ титулярный совѣтникъ, зато такой тихій, какъ шелкъ», отвѣчаетъ сваха и, въ утѣшеніе, прибавляетъ: «Впрочемъ, что̀ жъ такого, что иной разъ выпьетъ лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ — иной день выберется и трезвый». Про другого она говоритъ: «Немножко заикается, зато ужъ такой скромный».

Сколько юмора, какой языкъ, какіе характеры, какая типическая вѣрность натурѣ! Но — увы! — словно нетопыри прекраснымъ зданіемъ, овладѣли нашею сценою пошлыя комедіи съ пряничною любовью и неизбѣжною свадьбою! Это называется у насъ «сюжетомъ». Смотря на наши комедіи и водевили и принимая ихъ за выраженіе дѣйствительности, вы подумаете, что наше общество только и занимается, что любовью, только и живетъ и дышитъ, что ею! И какою любовью — безкорыстною, безъ всякаго расчета на приданое, на связи и покровительство!..

(Изъ статьи о «Женитьбѣ», 1843 г.)

IV. „Мертвыя души".

...И вдругъ, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этихъ пустоцвѣтовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, среди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патріотизма, приторной народности, — вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта и, въ то же время, глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое...

Въ «Мертвыхъ душахъ» авторъ сдѣлалъ такой великій шагъ, что все, доселѣ имъ написанное, кажется слабымъ и блѣднымъ въ сравненіи съ ними... Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ «Мертвыхъ душахъ» вездѣ ощущаемо и, такъ сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичною душою и духовно-личною самостію, — ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою душу живу явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать душу живу... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, «который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы»; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ «писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами,

и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи»; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившею его блондинкою, говоритъ, что «вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно-плѣснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленіе, непохожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь; вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей, бѣдной деревушки, невидавшей ничего, кромѣ сельской телѣги, — и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ...» Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много — всѣхъ не выписать. Но этотъ паѳосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ: онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, напримѣръ, объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: «Эхъ, русскій народецъ! Не любитъ умирать своею смертью!..»

Столь же важный шагъ впередъ со стороны таланта Гоголя видимъ мы и въ томъ, что въ «Мертвыхъ душахъ» онъ совершенно отрѣшился отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова. При каждомъ словѣ его поэмы читатель можетъ говорить:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

Этотъ русскій духъ ощущается и въ юморѣ, и въ ироніи, и въ выраженіи автора, и въ размашистой силѣ чувствъ, и въ лиризмѣ отступленій, и въ паѳосѣ всей поэмы, и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отъ Чичикова до Селифана и «подлеца Чубараго» включительно: въ Петрушкѣ, носившемъ съ собою свой особенный воз-

духъ, и въ будочникѣ, который, при фонарномъ свѣтѣ, впросонкахъ, казнилъ на ногтѣ звѣря и снова заснулъ. Знаемъ, что чопорное чувство многихъ читателей оскорбится въ печати тѣмъ, что такъ субъективно свойственно ему въ жизни, и назоветъ сальностями выходки въ родѣ казненнаго на ногтѣ звѣря; но это значитъ не понять поэмы, основанной на паѳосѣ дѣйствительности, какъ она есть. Изображайте мѣщанско-филистерскую жизнь нѣмцевъ, и вы принуждены будете упоминать (въ похвалу или насмѣшку) о педантизмѣ ихъ опрятности; касаясь же жизни русскаго простонародья, неотличающагося, какъ извѣстно, излишнею чистоплотностью, значило бы пропустить одну изъ характеристическихъ чертъ ея, если бы не замѣтить, что не только въ деревняхъ, днемъ, сидя у воротъ, бабы усердно занимаются казненіемъ звѣрей у ребятишекъ, изъявляя имъ этимъ свою нѣжность и заботливость, но и въ столицахъ извозчики на биржахъ и работники на улицахъ нерѣдко оказываютъ другъ другу подобную услугу, единственно изъ безкорыстной любви къ такому занятію...

«Мертвыя души» прочтутся всѣми, но понравятся, разумѣется, не всѣмъ. Въ числѣ многихъ причинъ есть и та, что «Мертвыя души» не соотвѣтствуютъ понятію толпы о романѣ, какъ о сказкѣ, гдѣ дѣйствующія лица полюбили, разлучились, а потомъ женились и стали богаты и счастливы. Поэмою Гоголя могутъ вполнѣ насладиться только тѣ, кому доступна мысль и художественное выполненіе созданія, кому важно содержаніе, а не «сюжетъ»; для восхищенія всѣхъ прочихъ остаются только мѣста и частности. Сверхъ того, какъ всякое глубокое созданіе, «Мертвыя души» не раскрываются вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда невиданное произведеніе. «Мертвыя души» требуютъ изученія. Къ тому же еще должно повторить, что юморъ доступенъ только глубокому и сильно развитому духу. Толпа не понимаетъ и не любитъ его. У насъ всякій писака такъ и тарахтится рисовать бѣшеныя страсти и сильные характеры, списывая ихъ, разумѣется, съ себя и съ своихъ знакомыхъ.

Онъ считаетъ для себя униженіемъ снизойти до комическаго и ненавидитъ его по инстинкту, какъ мышь кошку. «Комическое» и «юморъ» большинство понимаетъ у насъ какъ шутовское, какъ карикатуру; мы увѣрены, что многіе, не шутя, съ лукавою и довольною улыбкою отъ своей проницательности, будутъ говорить и писать, что Гоголь въ шутку назвалъ свой романъ поэмою... Именно такъ! Вѣдь Гоголь большой острякъ и шутникъ, и что за веселый человѣкъ, Боже мой! Самъ безпрестанно хохочетъ и другихъ смѣшитъ!.. Именно такъ,.. вы угадали, умные люди...

Что̀ касается до насъ, то, не считая себя въ правѣ говорить печально о личномъ характерѣ живого писателя, мы скажемъ только, что не въ шутку назвалъ Гоголь свой романъ «поэмою», и что не комическую поэму разумѣетъ онъ подъ нею. Это намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не видимъ въ ней ничего шуточнаго и смѣшного: ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя: все серьезно, спокойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга эта есть только экспозиція, введеніе въ поэму, что авторъ обѣщаетъ еще двѣ такія же большія книги, въ которыхъ мы снова встрѣтимся съ Чичиковымъ и увидимъ новыя лица, въ которыхъ Русь выразится съ другой своей стороны... Нельзя ошибочнѣе смотрѣть на «Мертвыя души» и грубѣе понимать ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру. Но объ этомъ и о многомъ другомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе; а теперь пусть скажетъ что-нибудь самъ авторъ:

...И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревяшными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую; помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: «такой-то артиллерійской батареи»; зеленыя, желтыя и свѣже-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ; затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! Вижу тебя изъ моего чуднаго, прекраснаго далека, тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ; не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора! Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что̀ въ ней, въ этой пѣснѣ? Что̀ зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ, стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что̀ глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что̀ ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что̀ пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли

не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественною властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!.. (424 — 427).

. . . . И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чортъ побери все!» — его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ — и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и воропьимъ крикомъ, летитъ вся дорога, нивѣсть куда въ пропадающую даль — и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ — одни кажутся недвижными. Эхъ, тройка! птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ! И вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вотъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ...

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается назади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что̀ значитъ это наводящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, — и мчится вся вдохновленная Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты? Дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта! Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что̀ ни есть на землѣ, и, косясь, постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства. (473 — 5).

Грустно думать, что этотъ высокій лирическій паѳосъ, эти гремящіе, поющіе диѳирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія, достойные великаго русскаго поэта, будутъ далеко не для всѣхъ доступны, что добродушное невѣжество отъ души станетъ хохотать отъ того, отъ чего у другого волосы станутъ на головѣ при священномъ трепетѣ... А между тѣмъ, это такъ, и иначе быть не можетъ. Высокая, вдохновенная поэма пойдетъ для большинства за «преуморительную шутку». Найдутся также и патріоты, которые, съ свойственною имъ проницательностью, увидятъ въ «Мертвыхъ душахъ» злую сатиру, слѣдствіе холодности и нелюбви къ родному, къ отечественному, — они, которымъ такъ тепло въ нажитыхъ ими

потихоньку домахъ и домикахъ, а можетъ-быть, и деревенькахъ — плодахъ благонамѣренной и усердной службы... Пожалуй, еще закричать и о личностяхъ... Впрочемъ, это и хорошо съ одной стороны: это будетъ лучшею критическою оцѣнкою поэмы... Что касается до насъ, мы, напротивъ, упрекнули бы автора скорѣе въ излишествѣ непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства, мѣстами слишкомъ юношески увлекающагося, нежели въ недостаткѣ любви и горячности къ родному и отечественному... Мы говоримъ о нѣкоторыхъ — къ счастію, немногихъ, хотя, къ несчастію, и рѣзкихъ — мѣстахъ, гдѣ авторъ слишкомъ легко судитъ о національности чуждыхъ племенъ и не слишкомъ скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго племени надъ ними. Мы думаемъ, лучше оставлять всякому свое и, сознавая собственное достоинство, умѣть уважать достоинство и въ другихъ...

(Изъ статьи 1842 г.)

О Гоголѣ.

Личность дошла до крайнихъ своихъ предѣловъ въ Лермонтовѣ и томъ направленіи, которое произошло отъ него. Въ направленіи этомъ выражался протестъ личности противъ дѣйствительности, протестъ, вслѣдствіе котораго являлось безконечное множество сатирическихъ очерковъ, повѣстей, кончавшихся неизбѣжно — прямо ли высказаннымъ, подразумѣваемымъ ли — припѣвомъ: «И вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка!» Припѣвъ этотъ былъ гоголевскій, но пропѣтый на лермонтовскій ладъ.

Съ другой стороны, «Шинель» и нѣкоторыя другія произведенія Гоголя подали поводъ къ другой, еще болѣе рѣзкой односторонности въ произведеніяхъ такъ называемой «натуральной» школы, которую гораздо вѣрнѣе можно назвать школою «сентиментальнаго натурализма». Вопль идеалиста-Гоголя за идеалъ, за «прекраснаго человѣка»—перешелъ здѣсь въ вопль и протестъ за разслабленнаго, хилаго морально и физически человѣка. Горькій смѣхъ великаго юмориста надъ измельчавшимъ и унизившимся человѣкомъ, смѣхъ, соединенный съ пламеннымъ негодованіемъ на ложь и формализмъ той среды жизни, въ которой мельчаетъ и унижается человѣкъ, перешли въ болѣзненный протестъ за измельчавшаго и униженнаго человѣка, вслѣдствіе чего и самый протестъ противъ ложной и чисто-формальной дѣйствительности лишился своего высшаго нравственнаго значенія. Отдѣлите одинъ болѣзненный юморъ раздражительной натуры отъ стремленій къ идеалу въ творчествѣ Гоголя — и чудовищныя созданія появятся на свѣтъ вслѣдствіе причудъ этого болѣзненнаго юмора! Когда

Гоголь говоритъ въ «Мертвыхъ душахъ» о томъ, что опошлился добродѣтельный человѣкъ (т.-е. сильный человѣкъ), что пора, по его выраженію, «припрячь плутоватаго человѣка»—онъ, во-первыхъ, развѣнчиваетъ *ложно-добродѣтельнаго* человѣка, развѣнчиваетъ его ходульную величавость и мишурность; во-вторыхъ, онъ плачетъ, болѣетъ сердцемъ о томъ, что «нигдѣ не видитъ онъ мужа»; своимъ энергическимъ словомъ онъ клеймитъ въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій безсильнаго человѣка («Дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ»).

Великій обличитель всего, что въ немъ самомъ было ложнаго и что вокругъ себя видѣлъ онъ ложнаго, Гоголь обличилъ, накопецъ, самое обличеніе въ несостоятельности его, разорванности, отсутствіи всякаго живого средоточія. Обличеніе разрываетъ связь съ нимъ и, разорвавшись съ нимъ, съ живою исходною точкою, хочетъ жить гальванически — и живетъ, и до сихъ поръ живетъ этою жизнію. Обличитель въ свою очередь хочетъ стать выше самого себя, хочетъ строить свой міръ изъ обличенныхъ въ негодности матеріаловъ стараго имъ же разрушеннаго зданія, подкрашиваетъ, сколачиваетъ и падаетъ, разбитый сознаніемъ безжизненности въ созданьи, сожигаемый тоскою по идеалу, которому формъ не находитъ.

Страшный урокъ, страшное трагическое событіе! Но въ немъ есть смыслъ, и смыслъ великій, утѣшительный. Гоголь былъ весь человѣкъ *сдѣланный;* какъ великій умъ и великій художественный талантъ, онъ, нося въ себѣ эту язву, яснѣе всѣхъ другихъ, носившихъ ее въ себѣ, сознавалъ это и преслѣдовалъ ее въ себѣ и въ другихъ нещадно. Простой великій человѣкъ (одинъ изъ простѣйшихъ, какихъ когда-либо посылало небо землѣ), безнаказанно выносившій на себѣ всякія чуждыя краски, которыя съ лѣтами упали «ветхой чешуей», и оставшійся всюду съ своей собственной богатой природой — опредѣлилъ ему самому его значеніе такъ: что никто лучше его не умѣетъ выставить пошлость пошлаго человѣка. Анализъ всего въ душѣ нашей пошлаго и анализъ окружающей жизни сквозь призму анализа внутренней пошлости — вотъ въ самомъ дѣлѣ вся задача гоголевскаго творчества. У всякаго писателя есть его задушевное слово, и это-то именно слово онъ призванъ сказать міру, ибо онъ-то именно міру и нуженъ какъ новое слово, и оно-то есть вмѣстѣ дѣло души, о которомъ такъ часто говоритъ Гоголь въ своей перепискѣ и въ своихъ письмахъ. Это слово — въ конечной формѣ есть послѣдняя правда души о ней самой и о ея цѣлостномъ пониманіи Божьяго міра, центръ малаго міра въ его, страданіемъ и борьбою купленномъ (такъ или иначе), отождествленіи съ центромъ великаго міра.

Мучась вопросомъ художественнымъ, Гоголь въ то же самое время мучился и вопросомъ нравственнымъ, окончательно добиваясь отъ

себя правды въ его разрѣшеніи... Онъ внутренно огорчился своимъ призваніемъ выставлять пошлаго человѣка, т.-е. снимать личину эффектной наружности съ того, что̀ въ сущности обыкновенно и что̀, обличенное, становится пошлымъ. Его огорченіе проглядываетъ почти во всѣхъ его лирическихъ страницахъ; но, оставаясь у него только стремленіемъ къ идеалу и оправданіемъ своего дѣла, какъ отрицательнаго пути къ идеальному — оно у тѣхъ, которые были ближайшими его послѣдователями, у сентиментальныхъ натуралистовъ, обратилось въ слѣпой протестъ за безсильнаго человѣка.

Героическаго нѣтъ уже въ душѣ и въ жизни: что̀ кажется героическимъ, то въ сущности — хлестаковское или поприщинское!.. Но странно, что никто не потрудился спросить себя, *какого* именно героическаго нѣтъ больше въ душѣ и въ натурѣ — и въ *какой* натурѣ его нѣтъ?..

Не обратили вниманія на обстоятельство весьма простое. Со временъ Петра Великаго — народная натура примѣривала на себя выдѣланныя формы героическаго, выдѣланныя не ею. Кафтанъ оказывался то узокъ, то коротокъ: нашлась горсть людей, которые кое-какъ его напялили, и они стали преважно въ немъ расхаживать. Гоголь сказалъ всѣмъ, что они щеголяютъ въ чужомъ кафтанѣ — и этотъ кафтанъ сидитъ на нихъ, какъ на коровѣ сѣдло, да ужъ и затасканъ такъ, что на него смотрѣть скверно. Изъ этого слѣдовало только то, что нуженъ другой кафтанъ по мѣрѣ толщины и роста, а вовсе не то, чтобы вовсе остаться безъ кафтана или продолжать пялить на себя кафтанъ изношенный.

Была еще другая сторона въ вопросѣ. Гоголь высказалъ несостоятельность передъ сложеннымъ вѣками идеаломъ *героическаго* только того въ нашей душѣ и въ окружающей дѣйствительности, что̀ на себя идеалъ примѣривало. Между тѣмъ и въ насъ самихъ, и вокругъ насъ было еще нѣчто, что жило по своимъ собственнымъ, особеннымъ началамъ (и жило гораздо сильнѣе, чѣмъ то, что̀ примѣривалось къ чуждымъ идеаламъ), что̀ оставалось чистымъ и простымъ послѣ всей борьбы съ блестящими, но чуждыми идеалами.

Между тѣмъ самыя сочувствія, разъ возбужденныя, умереть не могли: идеалы не потеряли своей обаятельной силы и прелести.

Положимъ — или даже не положимъ, а скажемъ утвердительно, что не хорошо сочувствовать Печорину такому, какимъ онъ является въ романѣ Лермонтова; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были «ротитися и клятися» въ томъ, что мы никогда не сочувствовали натурѣ Печорина до той минуты, въ которую является онъ въ романѣ, т.-е. стихіямъ натуры до извращенія ихъ... Изъ

этого еще менѣе слѣдуетъ, чтобы мы все сочувствіе наше перенесли на Максима Максимыча и его возвели въ герои... Максимъ Максимычъ, конечно, очень хорошій человѣкъ и, конечно, правѣе и достойнѣе сочувствія въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ Печоринъ; но вѣдь онъ тупоуменъ и по простой натурѣ своей даже и не могъ впасть въ тѣ уродливыя крайности, въ которыя попалъ Печоринъ.

Голосъ, за простое и доброе поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго, есть, конечно, прекрасный, возвышенный голосъ, но заслуга его есть только отрицательная. Его положительная сторона есть застой, закисъ, моральное мѣщанство.

Ап. Григорьевъ.

О Гоголѣ.

Родившись среди общества, лишеннаго всякихъ прочныхъ убѣжденій, кромѣ нѣкоторыхъ аскетическихъ мнѣній, дошедшихъ до этого общества по преданію старины и нимало не прилагающихся этимъ обществомъ къ жизни, Гоголь ни отъ воспитанія, ни даже отъ дружескаго кружка своихъ сверстниковъ не получилъ никакого содѣйствія или побужденія къ развитію въ себѣ стройнаго образа мыслей, нужнаго для каждаго человѣка съ энергическимъ умомъ, тѣмъ болѣе для общественнаго дѣятеля. Потомъ, проведя свою молодость въ кругу петербургскихъ литераторовъ, онъ могъ получить отъ нихъ много хорошаго для развитія формальной стороны своего таланта, но для развитія глубокихъ и стройныхъ воззрѣній на жизнь и это общество не доставило ему никакой пищи. Между тѣмъ, инстинктъ благородной и энергической натуры обратилъ его къ изображенію общественной жизни съ той стороны, которая одна могла въ то время вдохновлять истиннаго поэта, поэта идеи, а не только формы. Литературная извѣстность сблизила его съ нѣкоторыми литераторами, не принадлежавшими къ петербургскому кружку, въ которомъ онъ жилъ, но пользовавшимися въ этомъ кружкѣ репутаціей замѣчательныхъ ученыхъ и мыслителей. Въ то время Гоголь еще мало заботился объ общихъ теоріяхъ, и знакомство съ этими мыслителями пока еще не оказывало на него особеннаго вліянія: его мало занимали мысли, занимавшія ихъ; онѣ только западали, болѣе или менѣе случайнымъ образомъ, въ его память, въ которой хранились нѣкоторое время безъ всякаго развитія и употребленія. Какъ мнѣніе петербургскаго литературнаго кружка, въ которомъ жилъ Гоголь, содѣйствовало сближенію его съ этими учеными, такъ оно воспрепятствовало сближенію его съ другими тогдашними литераторами, которые одни могли бы

имѣть полезное вліяніе на его умственное развитіе. Полевой и Надеждинъ не пользовались уваженіемъ людей, среди которыхъ жилъ Гоголь.

Юноша поглощенъ явленіями жизни; ему не время чувствовать потребность общихъ теорій, если эта потребность не развита въ немъ воспитаніемъ или обществомъ. Гоголь писалъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя волновали его благородную натуру, и довольствовался тѣмъ, что разоблачаетъ эти вредныя явленія; о томъ, откуда возникли эти явленія, каково ихъ отношеніе къ общимъ принципамъ нашей жизни, никто ему не говорилъ, а самому ему еще рано было для такихъ отвлеченностей отрываться отъ непосредственнаго созерцанія жизни. Собственно говоря, онъ не имѣлъ тогда никакого образа мыслей, какъ не имѣли его въ то время никто изъ нашихъ литераторовъ. Онъ писалъ такъ, какъ разсуждаетъ большая часть изъ насъ теперь, какъ судили и писали тогда почти всѣ: единственно по внушенію впечатлѣнія. Но впечатлѣніе, производимое безобразными явленіями жизни на его высокую и сильную натуру, было такъ сильно, что произведенія его оживлены были энергіею негодованія, о которой не имѣли понятія люди, бывшіе его учителями и друзьями. Это живое негодованіе было внѣ круга ихъ понятій и чувствъ — они смотрѣли на него довольно индиферентно, не одобряя и не осуждая его мыслей слишкомъ рѣшительно, но совершенно сочувствуя формальной сторонѣ таланта Гоголя, которымъ дорожили за живость его картинъ, за вѣрность его языка, наконецъ, за уморительность его комизма.

Слабость здоровья, огорченія, навлеченныя «Ревизоромъ», и, быть-можетъ, другія причины, остающіяся пока неизвѣстными, заставили Гоголя уѣхать за границу и оставаться тамъ много лѣтъ, почти до конца жизни, посѣщая Россію только изрѣдка, и только на короткое время. Вскорѣ послѣ отъѣзда за границу, начался для молодого человѣка переходъ къ зрѣлому мужеству.

При развитіи, подобномъ тому, какое получилъ Гоголь, только для очень немногихъ, самыхъ сильныхъ умомъ людей настаетъ пора умственной возмужалости, та пора, когда человѣкъ чувствуетъ, что ему недостаточно основываться въ своей дѣятельности только на отрывочныхъ сужденіяхъ, вызываемыхъ отдѣльными фактами, а необходимо имѣть систему убѣжденій. Въ Гоголѣ пробуждалась эта потребность. Какими матеріалами снабдило его воспитаніе и общество для утоленія этой потребности? Въ немъ ничего не нашлось изъ нужныхъ для того данныхъ, кромѣ преданій дѣтства; тѣ умственныя вліянія, о которыхъ вспоминалъ онъ, и съ которыми встрѣчался онъ въ заграничной жизни, всѣ склоняли его къ развитію этихъ преданій, къ утвержденію въ нихъ. Онъ даже не зналъ о томъ, что могутъ

существовать иныя основанія для убѣжденій, могутъ быть иныя точки воззрѣнія на міръ.

Такъ развивался въ немъ образъ мыслей, обнаружившійся передъ публикою изданіемъ «Переписки съ друзьями», передъ друзьями—гораздо ранѣе, до изданія перваго тома «Мертвыхъ душъ».

Въ статьѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго мы говорили объ одномъ изъ тѣхъ людей, вмѣстѣ съ которыми, отчасти подъ руководствомъ которыхъ, жилъ теперь Гоголь. Теоретическія основанія были одни и тѣ же у нихъ, но результаты, произведенные этою теоріею, вовсе не одинаково отразились и на нравственной, и на литературной, и даже на органической жизни Гоголя и его сотоварищей-учителей, потому что его натура была различна отъ ихъ натуръ. То, что̀ оставалось спокойнымъ, ничему не мѣшающимъ и даже незамѣтнымъ во внѣшности у нихъ, стало у него бурнымъ, все одолѣвающимъ, неудобнымъ для житейской и литературной дѣятельности и невыносимымъ для организма. Въ этомъ отношеніи всѣ другіе, кромѣ Гоголя, были сходны съ Жуковскимъ, котораго мы и беремъ для сравненія съ Гоголемъ, ссылаясь на нашу статейку о сочиненіяхъ Жуковскаго, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году.

Умѣренность и житейская мудрость — вотъ отличительныя черты натуры Жуковскаго по вопросу о примѣненіи теоріи къ жизни. При такихъ качествахъ теорія оказывалась содѣйствующею у Жуковскаго мудрому устроенію своей внутренней жизни, мирныхъ отношеній къ людямъ, нимало не стѣсняющею силъ и дѣятельности таланта.

У Гоголя не то. Многосложенъ его характеръ, и до сихъ поръ загадочны многія черты его. Но то очевидно съ перваго взгляда, что отличительнымъ качествомъ его натуры была энергія, сила, страсть; это былъ одинъ изъ тѣхъ энтузіастовъ отъ природы, которымъ нѣтъ средины: или дремать, или кипѣть жизнью; увлеченіе радостнымъ чувствомъ жизни или страданіемъ, а если нѣтъ ни того, ни другого—тяжелая тоска. Такимъ людямъ не всегда безопасны бываютъ вещи, которыя всѣмъ другимъ легко сходятъ съ рукъ. Кто изъ мужчинъ не волочится, кто изъ женщинъ не кокетничаетъ? Но есть натуры, съ которыми нельзя шутить съ любовью: стоитъ имъ полюбить, онѣ не отступятъ и не побоятся ни разрыва прежнихъ отношеній, ни потери. Человѣкъ «разумной середины» можетъ держаться какихъ угодно теорій и все-таки проживетъ свой вѣкъ мирно и счастливо. Но Гоголь былъ не таковъ. Съ нимъ нельзя было шутить идеями. Воспитаніе и общество, случай и друзья поставили его на путь, по которому безопасно шли эти друзья, — что̀ онъ надѣлалъ съ собою, ставъ на этотъ путь, каждый изъ насъ знаетъ.

Но все-таки, что за человѣкъ былъ онъ въ послѣднее время своей жизни? Чему вѣрилъ онъ, это мы знаемъ; но что теперь хотѣлъ онъ въ жизни для тѣхъ меньшихъ братій своихъ, которыхъ такъ благородно защищалъ прежде? — Этого мы до сихъ поръ не знаемъ положительно. Ужели онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что «Переписка съ друзьями» замѣнитъ Акакію Акакіевичу шинель? Или «Переписка» эта была у него только средствомъ внушить тѣмъ, которые не знали того прежде, что Акакій Акакіевичъ, которому нужна шинель, есть братъ ихъ? Положительныхъ свидѣтельствъ тутъ нѣтъ. Каждый рѣшитъ это по своему мнѣнію о людяхъ. Намъ кажется, что человѣкъ, такъ сильно любившій правду и ненавидѣвшій беззаконіе, какъ авторъ «Шинели» и «Ревизора», неспособенъ былъ никогда, ни при какихъ теоретическихъ убѣжденіяхъ окаменѣть сердцемъ для страданій своихъ ближнихъ. Мы привели выше нѣкоторые факты, кажущіеся намъ доказательствами того. Но кто поручится за человѣка, живущаго въ нашемъ обществѣ? Кто поручится, что самое горячее сердце не остынетъ, самое благородное не испортится? Мы имѣемъ сильную вѣроятность думать, что Гоголь 1850 года заслуживалъ такого же уваженія, какъ и Гоголь 1835 года; но положительно мы знаемъ только то, что во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ глубокаго скорбнаго сочувствія.

«Спасите меня! Возьмите меня!.. Домъ ли то мой синѣетъ вдали, мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Посмотри, какъ измучили они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ!»

Да, какъ бы то ни было, а великаго ума и высокой натуры человѣкъ былъ тотъ, кто первый представилъ насъ намъ въ настоящемъ нашемъ видѣ, кто первый научилъ насъ знать наши недостатки и гнушаться ими. И что бы напослѣдокъ ни сдѣлала изъ этого человѣка жизнь, не онъ былъ виноватъ въ томъ. И если чѣмъ смутилъ насъ онъ, все это миновалось, а безсмертны остаются заслуги его.

Чернышевскій.

Значеніе Гоголя.

За Жуковскимъ явился Пушкинъ, за Пушкинымъ Гоголь, и каждый изъ этихъ людей вносилъ новый элементъ въ русскую литературу, расширялъ ея содержаніе, измѣнялъ ея направленіе; но что новаго внесено въ литературу послѣ Гоголя? И отвѣтомъ будетъ: гоголевское направленіе до сихъ поръ остается въ нашей литературѣ единственнымъ сильнымъ и плодотворнымъ. Если и можно припоминать

нѣсколько сносныхъ, даже прекрасныхъ произведеній, которыя не были проникнуты идеею, сродною идеѣ Гоголевыхъ созданій, то, несмотря на свои художественныя достоинства, они остались безъ вліянія на публику, почти безъ значенія въ исторіи литературы. Да, въ нашей литературѣ до сихъ поръ продолжается гоголевскій періодъ, а вѣдь двадцать лѣтъ прошло со времени появленія «Ревизора», двадцать пять лѣтъ съ появленія «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»: прежде въ такой промежутокъ смѣнялись два-три направленія. Нынѣ господствуетъ одно и то же, и мы не знаемъ, скоро ли мы будемъ въ состояніи сказать: «начался для русской литературы новый періодъ».

И однакоже мы осмѣлимся сказать, что самые безусловные поклонники всего, что написано Гоголемъ, превозносящіе до небесъ каждое его произведеніе, каждую его строку, не сочувствуютъ такъ живо его произведеніямъ, какъ сочувствуемъ мы, не приписываютъ его дѣятельности столь громаднаго значенія въ русской литературѣ, какъ приписываемъ мы. Мы называемъ Гоголя безъ всякаго сравненія величайшимъ изъ русскихъ писателей, по значенію. По нашему мнѣнію, онъ имѣлъ полное право сказать слова, безмѣрная гордость которыхъ смутила въ свое время жаркихъ его поклонниковъ и которыхъ неловкость понятна и намъ:

«Русь! чего ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?»

Онъ имѣлъ полное право сказать это, потому что какъ ни высоко цѣнимъ мы значеніе литературы, но все еще не цѣнимъ его достаточно: она неизмѣримо важнѣе почти всего, что ставится выше ея.

Байронъ въ исторіи человѣчества лицо едва ли не болѣе важное, нежели Наполеонъ, а вліяніе Байрона на развитіе человѣчества еще далеко не такъ важно, какъ вліяніе многихъ другихъ писателей, а давно уже не было въ мірѣ писателя, который былъ бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи.

Прежде всего скажемъ, что Гоголя должно считать отцомъ русской прозаической литературы, какъ Пушкина — отцомъ русской поэзіи. Спѣшимъ прибавить, что это мнѣніе не выдумано нами, а только извлечено изъ статьи «О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя», напечатанной ровно двадцать лѣтъ тому назадъ («Телескопъ» 1835 г., часть XXVI) и принадлежащей автору «Статей о Пушкинѣ». Онъ доказываетъ, что наша повѣсть, начавшаяся очень недавно, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, первымъ истиннымъ представителемъ своимъ имѣла Гоголя. Теперь, послѣ того какъ явились «Ре-

визоръ» и «Мертвыя души», надобно прибавить, что точно такъ же Гоголь былъ отцомъ нашего романа (въ прозѣ) и прозаическихъ произведеній въ драматической формѣ, т.-е. вообще русской прозы (не надо забывать, что мы говоримъ исключительно объ изящной литературѣ). Въ самомъ дѣлѣ, истиннымъ началомъ каждой стороны народной жизни надобно считать то время, когда эта сторона раскрывается замѣтнымъ образомъ, съ нѣкоторою энергіею, и прочнымъ образомъ утверждаетъ за собою мѣсто въ жизни, — всѣ предшествующія отрывочныя, исчезающія безъ слѣда, эпизодическія проявленія должны быть считаемы только порывами къ осуществленію себя, но еще не дѣйствительнымъ существованіемъ. Такъ, превосходныя комедіи Фонвизина, не имѣвшія вліянія на развитіе нашей литературы, составляють только блестящій эпизодъ, предвѣщающій появленіе русской прозы и русской комедіи. Повѣсти Карамзина имѣютъ значеніе только для исторіи языка, но не для исторіи оригинальной русской литературы, потому что русскаго въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ языка. Притомъ же, и онѣ скоро были подавлены наплывомъ стиховъ. При появленіи Пушкина русская литература состояла изъ однихъ стиховъ, не знала прозы и продолжала не знать ея до начала тридцатыхъ годовъ. — Тутъ двумя или тремя годами раньше «Вечеровъ на хуторѣ» надѣлалъ шума «Юрій Милославскій», но надобно только прочитать разборъ этого романа, помѣщенный въ «Литературной Газетѣ», и мы осязательно убѣдимся, что если «Юрій Милославскій» нравился читателямъ, не слишкомъ требовательнымъ относительно художественныхъ достоинствъ, то для развитія литературы онъ и тогда не могъ считаться важнымъ явленіемъ, — и дѣйствительно, Загоскинъ имѣлъ только одного подражателя — себя самого. Романы Лажечникова имѣли болѣе достоинства, но не столько, чтобъ утвердить право литературнаго гражданства за прозою.

Н. Г. Чернышевскій.

Такимъ образомъ, проза занимала въ русской литературѣ очень мало мѣста, имѣла очень мало значенія. Она стремилась существовать, но еще не существовала.

Въ строгомъ смыслѣ слова, литературная дѣятельность ограничивалась исключительно стихами. Гоголь былъ отцомъ русской прозы, и не только былъ отцомъ ея, но быстро доставилъ ей рѣшительный перевѣсъ надъ поэзіею,—перевѣсъ, сохраняемый ею до сихъ поръ. Онъ не имѣлъ ни предшественниковъ, ни помощниковъ въ этомъ дѣлѣ. Ему одному проза обязана и своимъ существованіемъ, и всѣми своими успѣхами. «Какъ! не имѣлъ предшественниковъ или помощниковъ? Развѣ можно забывать о прозаическихъ произведеніяхъ Пушкина?» Нельзя, но, во-первыхъ, они далеко не имѣютъ того значенія въ исторіи литературы, какъ его сочиненія, писанныя стихами: «Капитанская дочка» и «Дубровскій» — повѣсти, въ полномъ смыслѣ слова превосходныя; но укажите, въ чемъ отразилось ихъ вліяніе? гдѣ школа писателей, которыхъ было бы можно назвать послѣдователями Пушкина, какъ прозаика? А литературныя произведенія бываютъ одолжены значеніемъ не только своему художественному достоинству, или даже (или даже еще болѣе) своему вліянію на развитіе общества или, по крайней мѣрѣ, литературы. Но главное — Гоголь явился прежде Пушкина, какъ прозаика. Первыми изъ прозаическихъ произведеній Пушкина (если не считать незначительныхъ отрывковъ) были напечатаны «Повѣсти Бѣлкина» въ 1831 г.; но всѣ согласятся, что эти повѣсти не имѣли большого художественнаго достоинства. Затѣмъ, до 1836 года была напечатана только «Пиковая дама» (въ 1834 г.) — никто не сомнѣвается въ томъ, что это небольшая пьеса написана прекрасно, но также никто не припишетъ ей особенной важности. Между тѣмъ, Гоголемъ были напечатаны «Вечера на хуторѣ» (1831 — 1832), «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (1833), «Миргородъ» (1835), т.-е. все, что впослѣдствіи составило двѣ первыя части его сочиненій; кромѣ того, въ «Арабескахъ» (1835) — «Портретъ», «Невскій проспектъ», «Записки сумасшедшаго». Въ 1836 году Пушкинъ напечаталъ «Капитанскую дочку», но въ томъ же году явился «Ревизоръ» и, кромѣ того, «Коляска», «Утро дѣлового человѣка» и «Носъ». Такимъ образомъ, большая часть произведеній Гоголя, и въ томъ числѣ «Ревизоръ», были уже извѣстны публикѣ, когда она знала еще только «Пиковую даму» и «Капитанскую дочку» («Арапъ Петра Великаго», «Лѣтопись села Горохина», «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» были напечатаны уже въ 1837 г., по смерти Пушкина, а «Дубровскій» только въ 1841)—публика имѣла довольно времени проникнуться произведеніями Гоголя прежде, нежели познакомилась съ Пушкинымъ, какъ прозаикомъ.

Въ общемъ теоретическомъ смыслѣ, мы не думаемъ отдавать предпочтенія прозаической формѣ надъ поэтической, или наоборотъ: у каждой изъ нихъ есть свои несомнѣнныя преимущества; но что касается собственно русской литературы, то, смотря на нее съ исторической точки зрѣнія, нельзя не признать, что всѣ предыдущіе періоды, когда преобладала поэтическая форма, далеко уступаютъ въ значеніи и для искусства, и для жизни послѣднему, гоголевскому періоду, періоду господства прозы. Что принесетъ литературѣ будущее, мы не знаемъ; мы не имѣемъ основаній отказывать нашей поэзіи въ великой будущности; но должны сказать, что до настоящаго времени прозаическая форма была и продолжаетъ быть для насъ гораздо плодотворнѣе стихотворной, что Гоголь далъ существованіе этой важнѣйшей для насъ отрасли литературы, и единственно онъ доставилъ ей тотъ рѣшительный перевѣсъ, который она сохраняетъ до настоящаго времени и, по всей вѣроятности, сохранитъ еще надолго.

Нельзя сказать, напротивъ того, чтобы Гоголь не имѣлъ предшественниковъ въ томъ направленіи содержанія, которое называютъ сатирическимъ. Оно всегда составляло самую живую, или, лучше сказать, единственную живую сторону нашей литературы. Не будемъ дѣлать распространеній на эту общепризнанную истину, не будемъ говорить о Кантемирѣ, Сумароковѣ, Фонвизинѣ и Крыловѣ, но должны упомянуть о Грибоѣдовѣ. «Горе отъ ума» имѣетъ недостатки въ художественномъ отношеніи, но остается до сихъ поръ одною изъ самыхъ любимыхъ книгъ, потому что представляетъ рядъ превосходныхъ сатиръ, изложенныхъ то въ формѣ монологовъ, то въ видѣ разговоровъ. Почти столь же важно вліяніе Пушкина, какъ сатирическаго писателя, какимъ онъ явился преимущественно въ «Онѣгинѣ». И однакоже, несмотря на высокія достоинства и огромный успѣхъ комедіи Грибоѣдова и романа Пушкина, должно приписать исключительно Гоголю заслугу прочнаго введенія въ русскую изящную литературу сатирическаго, или, какъ справедливѣе будетъ называть его, критическаго, направленія. Несмотря на восторгъ, возбужденный его комедіею, Грибоѣдовъ не имѣлъ послѣдователей, и «Горе отъ ума» осталось въ нашей литературѣ одинокимъ, отрывочнымъ явленіемъ, какъ прежде комедія Фонвизина и сатира Кантемира, осталось безъ замѣтнаго вліянія на литературу, какъ басни Крылова. Что было тому причиною? Конечно, господство Пушкина и плеяды поэтовъ, его окружавшей. «Горе отъ ума» было произведеніемъ настолько блестящимъ и живымъ, что не могло возбудить общаго вниманія; но геній Грибоѣдова не былъ такъ великъ, чтобы однимъ произведеніемъ пріобрѣсти съ перваго же раза господство надъ литературою.

Что же касается до сатирическаго направленія въ произведеніяхъ самого Пушкина, то оно заключало въ себѣ слишкомъ мало глубины и постоянства, чтобы производить замѣтное дѣйствіе на публику и литературу. Оно почти совершенно пропадало въ общемъ впечатлѣніи чистой художественности, чуждой опредѣленнаго направленія,—такое впечатлѣніе производятъ не только всѣ другія лучшія произведенія Пушкина—«Каменный гость», «Борисъ Годуновъ», «Русалка» и проч., но и самый «Онѣгинъ»: у кого есть сильное предрасположеніе къ критическому взгляду на явленія жизни, только на того произведутъ вліяніе бѣглыя и легкія сатирическія замѣтки, попадающіяся въ этомъ романѣ: читателями, не предрасположенными къ нимъ, онѣ не будутъ замѣчены, потому что дѣйствительно составляютъ только второстепенный элементъ въ содержаніи романа. Такимъ образомъ, несмотря на проблески сатиры въ «Онѣгинѣ» и блестящія филиппики «Горе отъ ума», критическій элементъ игралъ въ нашей литературѣ до Гоголя второстепенную роль. Такимъ образомъ, за Гоголемъ остается заслуга, что онъ первый далъ русской литературѣ рѣшительное стремленіе къ содержанію, и притомъ стремленіе въ столь плодотворномъ направленіи, какъ критическое. Прибавимъ, что Гоголю обязана наша литература и самостоятельностью. За періодомъ частыхъ подражаній и передѣлокъ, какими были почти всѣ произведенія нашей литературы до Пушкина, слѣдуетъ эпоха творчества, нѣсколько болѣе свободнаго. Но произведенія Пушкина все еще очень близко напоминаютъ или Байрона, или Шекспира, или Вальтера-Скотта.

Впрочемъ, какъ ни много почетнаго и блестящаго въ титулѣ «основатель плодотворнѣйшаго направленія и самостоятельности въ литературѣ»—но этими словами еще не опредѣляется вся великость значенія Гоголя для нашего общества и литературы. Онъ пробудилъ въ насъ сознаніе о насъ самихъ — вотъ его истинная заслуга, важность которой не зависитъ отъ того, первымъ или десятымъ изъ нашихъ великихъ писателей должны мы считать его въ хронологическомъ порядкѣ. Разсмотрѣніе значенія Гоголя въ этомъ отношеніи должно быть главнымъ предметомъ нашихъ статей,—дѣло очень важное, которое, быть-можетъ, признали бы мы превосходящимъ наши силы, если бы большая часть этой задачи не была уже исполнена, такъ что намъ при разборѣ сочиненій самого Гоголя остается почти только приводить въ систему и развивать мысли, уже высказанныя критикою, о которой мы говорили въ началѣ статьи; дополненій, собственно намъ принадлежащихъ, будетъ немного, потому что, хотя мысли, нами развиваемыя, были высказываемы отрывочно, по различнымъ поводамъ, однакоже, если свести ихъ вмѣстѣ, то немного останется пробѣловъ, которые нужно дополнить, чтобы по-

лучить всестороннюю характеристику произведеній Гоголя. Но чрезвычайное значеніе Гоголя для русской литературы еще не совершенно опредѣляется оцѣнкою его собственныхъ твореній: Гоголь важенъ не только, какъ геніальный писатель, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ глава школы—единственной школы, которою можетъ гордиться русская литература,—потому что ни Грибоѣдовъ, ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни Кольцовъ не имѣли учениковъ, которыхъ имена были бы важны для исторіи русской литературы. Мы должны убѣдиться, что вся наша литература, насколько она образовалась подъ вліяніемъ нечужеземныхъ писателей, примыкаетъ къ Гоголю, и только тогда представится намъ въ полномъ размѣрѣ все его значеніе для русской литературы. Сдѣлавъ этотъ обзоръ всего содержанія нашей литературы въ ея настоящемъ развитіи, мы будемъ въ состояніи опредѣлить, что она уже сдѣлала, и чего мы должны еще ожидать отъ нея,—какіе залоги будущаго представляетъ она, и чего еще недостаетъ ей,—дѣло интересное, потому что состояніемъ литературы опредѣляется состояніе общества, отъ котораго всегда она зависитъ.

Какъ ни справедливы мысли о значеніи Гоголя, высказанныя здѣсь,—мы можемъ, нисколько не стѣсняясь опасеніями самохвальства, называть ихъ совершенно справедливыми, потому что онѣ высказаны въ первый разъ не нами, и мы только усвоили ихъ, слѣдовательно, самолюбіе наше не можетъ ими гордиться, оно остается совершенно въ сторонѣ,—какъ ни очевидна справедливость этихъ мыслей, но найдутся люди, которымъ покажется, что мы слишкомъ высоко ставимъ Гоголя. Это потому, что до сихъ поръ еще остается много людей, возстающихъ противъ Гоголя. Литературная судьба его въ этомъ отношеніи совершенно различна отъ судьбы Пушкина. Пушкина давно уже всѣ признали великимъ, неоспоримо великимъ писателемъ; имя его—священный авторитетъ для каждаго русскаго читателя и даже нечитателя, какъ, напримѣръ, Вальтеръ-Скоттъ авторитетъ для каждаго англичанина, Ламартинъ и Шатобріанъ для француза или, чтобы перейти въ болѣе высокую область, Гёте для нѣмца. Каждый русскій есть почитатель Пушкина, и никто не находитъ неудобнымъ для себя признавать его великимъ писателемъ, потому что поклоненіе Пушкину не обязываетъ ни къ чему, пониженіе его достоинствъ не обусловливается никакими особенными качествами характера, никакимъ особеннымъ настроеніемъ ума. Гоголь, напротивъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, любовь къ которымъ требуетъ одинаковаго съ ними настроенія души, потому что ихъ дѣятельность есть служеніе къ опредѣленному направленію нравственныхъ стремленій. Въ отношеніи къ такимъ писателямъ, какъ,

напримѣръ, къ Жоржу Занду, Беранже, даже Диккенсу и отчасти Теккерею, публика раздѣляется на двѣ половины: одна, не сочувствующая ихъ стремленіямъ, негодуетъ на нихъ; но та, которая сочувствуетъ, до преданности любитъ ихъ, какъ представителей ея собственной нравственной жизни, какъ адвокатовъ ея собственныхъ горячихъ желаній и задушевнѣйшихъ мыслей. Отъ Гёте никому не было ни тепло, ни холодно; онъ равно привѣтливъ и утонченно деликатенъ къ каждому — къ Гёте можетъ являться каждый, каковы бы ни были его права на нравственное уваженіе: уступчивый, мягкій и въ сущности довольно равнодушный ко всему и ко всѣмъ, хозяинъ никого не оскорбитъ не только ясною суровостью, даже ни однимъ щекотливымъ намекомъ. Но если рѣчи Диккенса или Жоржа Занда служатъ утѣшеніемъ или подкрѣпленіемъ для нихъ, то уши другихъ находятъ въ нихъ много жестокаго и въ высшей степени непріятнаго для себя. Эти люди живутъ только для друзей; они не держатъ открытаго стола для каждаго встрѣчнаго и поперечнаго; иной, если сядетъ за ихъ столъ, будетъ давиться каждымъ кускомъ и смущаться отъ каждаго слова; и, убѣжавъ изъ этой тяжелой бесѣды, вѣчно будетъ онъ «поминать лихомъ» суроваго хозяина. Но если у нихъ есть враги, то есть и многочисленные друзья; и никогда «незлобивый поэтъ» не можетъ имѣть такихъ страстныхъ почитателей, какъ тотъ, кто, подобно Гоголю, «питая грудь ненавистью» ко всему низкому, пошлому и пагубному, «проповѣдуетъ любовь» къ добру и правдѣ. Кто гладитъ по шерсти всѣхъ и все, тотъ, кромѣ себя, не любитъ никого и ничего; кѣмъ довольны всѣ, тотъ не дѣлаетъ ничего добраго, потому что добро невозможно безъ оскорбленія зла. Кого никто не ненавидитъ, тому ничѣмъ не обязанъ.

Гоголю многимъ обязаны тѣ, которые нуждаются въ защитѣ; онъ сталъ во главѣ тѣхъ, которые отрицаютъ злое и пошлое. Потому онъ имѣлъ славу возбудить во многихъ вражду къ себѣ. И только тогда будутъ всѣ единогласны въ похвалахъ ему, когда исчезнетъ все пошлое и низкое, противъ чего онъ боролся!

Мы сказали, что наши слова о значеніи произведеній самого Гоголя будутъ только въ немногихъ случаяхъ дополненіемъ, а по большей части только сводомъ и развитіемъ воззрѣній, выраженныхъ критикою гоголевскаго періода литературы, центромъ которой были «Отечественныя Записки», главнымъ дѣятелемъ — тотъ критикъ, которому принадлежатъ «Статьи о Пушкинѣ».

Чернышевскій.

„Люди 40-хъ годовъ" и Гоголь.

1.

Въ настоящее время трудно представить себѣ то огромное значеніе, какое имѣлъ въ 40-е годы Гоголь (преимущественно какъ авторъ «Мертвыхъ душъ») для передовыхъ людей обѣихъ партій — западнической и славянофильской. Ни Рудиныхъ, ни Лаврецкихъ нельзя понять безъ Гоголя, примѣрно такъ, какъ нельзя понять Чацкихъ безъ Грибоѣдова, а передовыхъ людей 60-хъ и 70-хъ годовъ безъ сатиры Салтыкова.

Въ извѣстномъ некрологѣ Гоголя (въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 13 марта 1852 года) Тургеневъ писалъ: «Гоголь умеръ! Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова! — Онъ умеръ. Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется ей вѣрить. Въ то самое время, когда мы всѣ могли надѣяться, что онъ нарушитъ, наконецъ, свое долгое молчаніе, что онъ обрадуетъ, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія, — пришла эта роковая вѣсть! Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертью, назвать великимъ; человѣкъ, который своимъ именемъ означилъ эпоху въ исторіи русской литературы; человѣкъ, которымъ мы гордимся, какъ одной изъ славъ нашихъ»...

Чувство, вылившееся въ этихъ словахъ, раздѣлялось всѣми лучшими людьми эпохи. Въ некрологѣ, за который, какъ извѣстно, авторъ «Записокъ охотника» поплатился гауптвахтой и ссылкой въ деревню, сказался прежде всего человѣкъ 40-хъ годовъ, оплакивающій потерю могучаго властителя думъ того времени. Таковымъ и былъ Гоголь, несмотря на мистицизмъ, на отсталость нѣкоторыхъ взглядовъ, на отчужденность его отъ передовыхъ идей и вѣяній эпохи, на «Переписку съ друзьями» и уничтожающее письмо Бѣлинскаго.

Въ 40-хъ годахъ на великаго художника-сатирика были устремлены «полныя ожиданія очи» мыслящихъ людей безъ различія «партій» и направленій. Появленіе въ 1842 году «Мертвыхъ душъ» было цѣлымъ событіемъ. «Великая поэма» сулила, кромѣ великихъ умственныхъ наслажденій, какія-то новыя откровенія, — она должна была повѣдать важную, хотя и горькую, правду о Руси, о русскомъ человѣкѣ, о русской жизни.

Художественное творчество Гоголя, воплощавшее въ яркихъ, законченныхъ типахъ все отрицательное, все темное, пошлое и нравственно-убогое, чѣмъ такъ богата была дореформенная Россія, было для людей 40-хъ годовъ неоскудѣвающимъ источникомъ умственныхъ и нравственныхъ возбужденій. Темные гоголевскіе типы, всѣ эти Соба-

кевичи, Маниловы, Поздревы, Чичиковы, явились для нихъ источникомъ свѣта, ибо они умѣли извлечь изъ этихъ образовъ скрытую мысль поэта, его поэтическую и человѣческую скорбь; его «незримыя, невѣдомыя міру слезы», превращенныя въ «видимый смѣхъ», были имъ и видны, и понятны. Великая скорбь художника шла отъ сердца къ сердцу...

Такое магическое дѣйствіе «поэмы» испыталъ на себѣ еще Пушкинъ, когда, слушая чтеніе черновыхъ набросковъ «Мертвыхъ душъ» изъ устъ автора, онъ произнесъ «голосомъ тоски»: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Къ этому-то восклицанію или тому душевному движенію, выраженіемъ котораго оно было, и сводятся, въ концѣ-концовъ, разнообразныя мысли, чувства, настроенія, вызывавшіяся въ лучшихъ людяхъ эпохи геніальнымъ твореніемъ Гоголя. «Боже! Какъ грустна наша Россія, и какъ глубоко-трагично и безотрадно положеніе въ ней людей мыслящихъ, человѣчно-чувствующихъ, просвѣщенныхъ!» — такова распространенная формула, подъ которую можно подвести все то, что переживали лучшіе люди 40-хъ годовъ, читая и перечитывая похожденія Павла Ивановича Чичикова. Скорбная мысль о Руси казалась застывшей въ тинѣ крѣпостного и всякаго иного безправія, скорбная мысль о себѣ самихъ, которымъ міръ Чичиковыхъ такъ національно близокъ и такъ нравственно-чуждъ, — вотъ естественныя, раціональныя отправныя точки личнаго, общественнаго и національнаго самосознанія, установленію которыхъ великій поэтъ-сатирикъ способствовалъ могущественнѣе не только философіи Гегеля и другихъ просвѣтительныхъ вліяній, но даже поэзіи Пушкина. И мы вполнѣ признаемъ справедливость свидѣтельства Анненкова, который говоритъ о Бѣлинскомъ, что въ то время (послѣ появленія «Мертвыхъ душъ») всевозможные литературные вопросы и «ярая полемика» по ихъ поводу «не могли заслонить ни на минуту передъ Бѣлинскимъ чисто-русскаго вопроса, который тогда цѣликомъ сосредоточивался у него на одномъ имени Гоголя и на его романѣ «Мертвыя души» («Воспом. и крит. очерки», III, стр. 103). «Онъ не уставалъ (читаемъ далѣе) указывать...: почему являются на Руси типы такого безобразія, какіе выведены въ поэмѣ; почему могутъ совершаться на Руси такія невѣроятныя событія, какія въ ней разсказаны; почему могутъ существовать на Руси, не приводя никого въ ужасъ, такіе рѣчи, мнѣнія, взгляды, какіе переданы въ ней. — Бѣлинскій думалъ, что добросовѣстный отвѣтъ на вопросъ можетъ сдѣлаться для человѣка, добывшаго его, программой дѣятельности на остальную жизнь и особенно положить прочную основу для его образа мыслей и для правильнаго сужденія о себѣ и другихъ» (тамъ же).

Чтобы дать все это лучшимъ умамъ эпохи, нужно было быть Гоголемъ съ его глубокою натурой плачущаго сатирика и съ его вели-

кимъ геніемъ художника. Чтобы получить все это отъ Гоголя, нужно было быть Бѣлинскимъ, Герценомъ, Грановскимъ и т. д. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Гоголь творилъ для немногихъ, для избранныхъ, и что только эти избранники и умѣли брать у него все, что онъ давалъ.

И мы понимаемъ, становясь на эту точку зрѣнія, глубокій смыслъ и всю правду страстныхъ словъ Бѣлинскаго въ его позднѣйшемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю: «Да, я любилъ васъ со всею страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своею страною, можетъ любить ея надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса...»

Если вспомнимъ теперь, какъ высоко цѣнился геній Гоголя передовыми славянофилами, какимъ почетомъ, какою любовью, почти обожаніемъ былъ окруженъ творецъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» въ семьѣ Аксаковыхъ, то мы получимъ достаточно яркое представленіе о великомъ значеніи «комическаго писателя» для мыслящей и передовой части русскаго общества въ 40-хъ годахъ. Онъ былъ для этой части настоящимъ и полноправнымъ «властителемъ думъ».

2.

Въ интересахъ разъясненія этого обаянія Гоголя, этой власти его надъ умами и сердцами лучшихъ людей эпохи я позволю себѣ высказать нѣсколько соображеній, которыя, можетъ-быть, окажутся нелишними.

Художественному генію Гоголя, его огромной творческой работѣ, создавшей широкіе національные типы, яркія картины, богатый запасъ художественныхъ идей и обобщеній, принадлежитъ, разумѣется, первое мѣсто въ этомъ процессѣ «магическаго» воздѣйствія поэта на общество или извѣстную часть его. Но все-таки, какъ ни велико художественное достоинство произведеній Гоголя, имъ однимъ нельзя объяснить всего обаянія и всей его власти надъ умами.

Теперь, когда опубликована его обширная переписка, когда, благодаря трудамъ Тихонравова, Шенрока и другихъ, мы имѣемъ возможность глубже заглянуть во внутренній міръ и въ самый процессъ творчества этого необыкновеннаго человѣка, — выясняются нѣкоторыя интимныя психологическія связи, которыми творецъ «Мертвыхъ душъ» былъ связанъ съ эпохою 40-хъ годовъ, съ завѣтными думами, стремленіями и великою скорбью лучшихъ людей ея. Я постараюсь отмѣтить здѣсь важнѣйшія изъ этихъ связей.

Лучшій матеріалъ для этого дастъ та — психологическая, интимная — исторія эпохи, съ которою мы знакомимся по письмамъ, дневникамъ, воспоминаніямъ ея дѣятелей. Надъ чѣмъ задумывались они,

какія чувства ихъ волновали, какія настроенія были у нихъ преобладающими и наиболѣе устойчивыми — вотъ вопросы, на которые матеріалъ писемъ, дневниковъ и т. д. дастъ опредѣленные и обстоятельные отвѣты. Разумѣется, мы имѣемъ въ виду лучшихъ людей, жившихъ сознательной жизнью и доработавшихся до извѣстной высоты гуманнаго развитія. Въ ихъ ряду мы найдемъ весьма различные умы, натуры, дарованія, но, при всѣхъ различіяхъ, они объединяются въ одну группу тѣмъ отличительнымъ признакомъ, что они переживали мыслью и чувствомъ рядъ особыхъ, характерныхъ для эпохи, душевныхъ состояній, болѣе или менѣе скорбныхъ или тягостныхъ. Это были нравственныя страданія человѣческой личности, угнетаемой общею пошлостью и попираемой всеобщимъ безправіемъ. Глубокая гражданская скорбь и острое чувство негодованія звучатъ не только въ страстныхъ тирадахъ писемъ Бѣлинскаго, въ «Дневникѣ» и позднѣйшихъ воспоминаніяхъ («Былое и думы») Герцена, но, напримѣръ, и въ извѣстномъ «Дневникѣ» Никитенко.

Эти стоны, эти жалобы, это благородное негодованіе образуютъ цѣнное душевное достояніе, завѣщанное людьми 40-хъ годовъ послѣдующимъ поколѣніямъ.

3.

Мы имѣемъ дѣло съ идейнымъ отрицаніемъ дѣйствительности, какъ нравственнымъ правомъ личности, переросшей данный уровень общественнаго, моральнаго и національнаго сознанія. Гражданская скорбь, національный стыдъ, чувство оскорбленнаго человѣческаго достоинства, негодованіе, — все это служитъ симптомами указаннаго роста личности. Сама эта личность не съ неба свалилась, а выросла изъ той же дѣйствительности; она — продуктъ этой послѣдней, и понятно, что между нею и дѣйствительностью устанавливаются сложныя отношенія взаимодѣйствія, которыя не позволятъ настроеніямъ, чувствамъ и мыслямъ личности выродиться въ безпредметную, отвлеченную скорбь, въ романтическую тоску, въ заоблачный порывъ, въ расплывчатый и безплодный Weltschmertz. И съ психологическою необходимостью вырабатываются у людей мыслящихъ и чувствующихъ такія потребности и склонности мысли, которыя дѣлаютъ этихъ людей реалистами въ ихъ общемъ міросозерцаніи, въ ихъ философіи, ихъ публицистикѣ, ихъ искусствѣ. Имъ нужна поэзія дѣйствительности, которая одна можетъ дать имъ разгадку или, по крайней мѣрѣ, постановку ихъ личной задачи, сводящейся къ уясненію и установленію ихъ отношеній къ дѣйствительности, къ жизни, къ средѣ.

Изучая жизнь и дѣятельность людей 40-хъ годовъ, мы видимъ, какъ быстро, по мѣрѣ выясненія ихъ разлада съ дѣйствительностью,

стушевывались ихъ отвлеченные, метафизическіе интересы и романтическія настроенія. Романтизмъ въ поэзіи палъ, главнымъ образомъ, оттого, что выяснился и окончательно установился разладъ лучшихъ людей съ дѣйствительностью. И этотъ-то разладъ и былъ важнѣйшей причиною необычайно быстраго успѣха «натуральной школы» вообще и поэзіи Гоголя въ особенности.

Но въ вопросѣ, здѣсь занимающемъ насъ, поворотъ художественнаго мышленія гораздо важнѣе, чѣмъ поворотъ мышленія философскаго. Когда широко раскрылись умственныя очи людей мыслящихъ и способныхъ чувствовать по-человѣчески, эти очи увидѣли прежде всего дѣйствительность и всю мерзость ея запустѣнія, — и тогда, невзирая ни на какую философію, при всевозможныхъ интересахъ отвлеченной, даже метафизической мысли, образы обыденно-художественнаго мышленія, въ которыхъ была дана все та же дѣйствительность, не могли не получить особаго значенія, должны были привлечь къ себѣ преимущественное вниманіе. Постигнуть дѣйствительность и уяснить свои отношенія къ ней, дать выраженіе своему отрицанію, своей критикѣ данныхъ формъ общественности — вотъ то, что, составляя глубокую, насущную потребность людей мыслящихъ, отнюдь не могло обойтись безъ формъ и пріемовъ реально-художественнаго мышленія.

Движеніе 40-хъ годовъ, характеризуемое разладомъ съ дѣйствительностью, привело такимъ образомъ къ созданію реальной (или натуральной, какъ ее тогда называли) школы въ нашей художественной литературѣ и беллетристикѣ, — школы, признававшей Гоголя своимъ вождемъ и основателемъ. Ея представителями были Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій, Григоровичъ — въ ихъ раннихъ произведеніяхъ второй половины 40-хъ годовъ.

Творчество Гоголя, въ особенности то, которое выразилось въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ», было — по своему реалистическому характеру и отрицательному направленію — какъ разъ тѣмъ, чего жаждала мысль, къ чему стремилось чувство нашихъ идеалистовъ-отрицателей 40-хъ годовъ. Въ этомъ смыслѣ можно — парадоксально — сказать, что «Ревизоръ» и «Мертвыя души», гдѣ художественно отрицалось все то, что они отрицали всѣми силами души, были написаны преимущественно для нихъ, чтобы они не были такъ одиноки въ своемъ разладѣ съ дѣйствительностью и, черпая душевное обновленіе и силу въ созданіяхъ поэта, могли еще сильнѣе отрицать, еще энергичнѣе негодовать. Вспомнимъ и тутъ это страстное обращеніе Бѣлинскаго къ Гоголю: «Да, я любилъ васъ со всею страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своей страной, можетъ любить ея надежду, честь и славу, одного изъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса»...

Все вышеизложенное можетъ быть кратко выражено въ слѣдующемъ итогѣ: мы не поймемъ, какъ слѣдуетъ, ни психологіи «людей 40-хъ годовъ», ни ихъ великаго значенія въ развитіи нашего общественнаго самосознанія, если не оттѣнимъ того факта, что они (каждый по-своему) были не только идеалисты и гуманисты-просвѣтители, но и отрицатели (въ отношеніи къ дѣйствительности), и что именно это отрицаніе, въ которомъ лучшіе изъ западниковъ сходились съ лучшими изъ славянофиловъ, шло и крѣпло съ психологической необходимостью, вмѣстѣ съ развитіемъ у нихъ реалистическаго мышленія вообще, художественнаго въ особенности. Оттуда въ частности — «культъ Гоголя», раздѣлявшійся какъ западниками, такъ и славянофилами.

4.

Теперь перейдемъ къ самому Гоголю.

Если заглянемъ во внутренній міръ великаго поэта — властителя думъ лучшей части людей 40-хъ годовъ, то мы, къ удивленію, не найдемъ тамъ какъ разъ того, чѣмъ были «живы» эти люди, — ни ихъ идеализма, ни ихъ отрицанія, ни тѣхъ скорбныхъ думъ и настроеній, съ которыми мы познакомились выше. То, что такъ занимало мысль и такъ волновало душу этихъ людей, было чуждо и недоступно Гоголю. Напрасно въ огромной перепискѣ Гоголя будемъ искать общественнаго и даже моральнаго негодованія [1]). Это цѣнное чувство, можно сказать, не значится въ душевномъ обиходѣ творца «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» — фактъ, на первый взглядъ представляющійся невѣроятнымъ, сбивающійся на какой-то психологическій парадоксъ. И мы готовы спросить: если у этого человѣка не было общественнаго и нравственнаго негодованія, то какъ могъ онъ создать великія произведенія, рисующія нашу «бѣдность да бѣдность», какъ могъ онъ художественно изобличить нравственное убожество Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Чичиковыхъ, Собакевичей и т. д., наконецъ, какъ могъ онъ явиться въ роли моралиста?

У Гоголя не было тѣхъ высокихъ душевныхъ цѣнностей, которыми «были живы» лучшіе люди 40-хъ годовъ, какъ Бѣлинскій, Герценъ, К. Аксаковъ, Грановскій, Кирѣевскіе и другіе, но зато были, если можно такъ выразиться, «психологическіе (а также и психо-патологическіе) эквиваленты» этихъ душевныхъ цѣнностей, оказавшіеся особливо пригодными какъ движущая пружина творчества Гоголя и въ качествѣ импульса къ дѣятельности моралиста.

---

[1]) Моральныя филиппики и поученія найдутся тамъ въ изобиліи, но въ нихъ не сквозитъ оскорбленное нравственное чувство, въ нихъ нѣтъ негодованія въ собственномъ смыслѣ.

У Гоголя не было высокаго, гуманнаго идеализма «людей 40-хъ годовъ», коренившагося въ самомъ душевномъ складѣ этихъ избранныхъ натуръ и воспитаннаго работой мысли, сознательнымъ усвоеніемъ сокровищъ общечеловѣческаго знанія. Гоголь не былъ «идеалистомъ» ни по натурѣ, ни по образованію. Міръ идей и идеаловъ былъ чуждъ ему. Онъ не интересовался ни наукой, ни философіей, ни всемірною литературой. Въ эти высшія области мысли онъ заглядывалъ лишь урывками. Корифеи мысли, на твореніяхъ которыхъ воспитался рядъ поколѣній, были извѣстны ему только по наслышкѣ. Онъ жилъ, мыслилъ и творилъ такъ, какъ будто никогда не существовало ни Лессинга, ни Гёте, ни Гегеля, ни всей европейской науки и философіи. Его образованіе и кругъ идей ограничивались нѣкоторыми свѣдѣніями и небольшою начитанностью по извѣстнымъ отдѣламъ исторіи (средніе вѣка, исторія Малороссіи), по искусству (живопись, скульптура, архитектура), по народной поэзіи (преимущественно малорусской), по исторіи христіанства и церкви. Только новую русскую литературу онъ зналъ достаточно хорошо и слѣдилъ за ея развитіемъ. Изъ великихъ поэтовъ онъ зналъ и постоянно перечитывалъ лишь немногихъ: Пушкина, Данта, Гомера... По цѣлымъ годамъ весь поглощенный то своею творческою работой, то своимъ такъ называемымъ «душевнымъ дѣломъ», то своими недугами, онъ не слѣдилъ за текущею литературой и движеніемъ мысли въ Европѣ, гдѣ живалъ подолгу.

Конечно, изученіе философіи, занятіе наукой, интересъ къ литературѣ и т. д., все это еще не можетъ само по себѣ сдѣлать человѣка «идеалистомъ». Встрѣчаются люди ученые и широко образованные, интересующіеся всѣмъ, что дѣлается въ мірѣ мысли, и въ то же время чуждые всякаго «идеализма». Это только — воспріимчивые и любознательные умы, усвоившіе себѣ извѣстные умственные вкусы, и очень обыденныя, «прозаическія», низменныя натуры. Но разъ у человѣка имѣются идеалистическіе задатки въ самомъ складѣ его души, онъ инстинктивно будетъ тянуться къ свѣту мысли, онъ будетъ жадно ловить и усвоивать все то, что въ области общечеловѣческаго знанія и творчества окажется доступнымъ ему. Вспомнимъ Бѣлинскаго, который, какъ манны небесной, жаждалъ философскихъ откровеній и, можно сказать, ловилъ налету мысли, знанія, выводы, какіе только могъ поймать. Гоголь же, живя годами за границей и владѣя тремя иностранными языками (французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ), имѣя полную возможность пріобрѣсти хорошее — европейское — образованіе, открыть себѣ доступъ въ сферу современной мысли, не сдѣлалъ, однако, никакихъ усилій въ этомъ направленіи.

Читатель понимаетъ, что мы беремъ здѣсь терминъ «идеализмъ» въ очень широкомъ и чисто-психологическомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ

такой строй духа, при которомъ общечеловѣческіе идейные интересы занимаютъ въ сознаніи человѣка настолько видное мѣсто, что омутъ обыденной жизни уже не въ состояніи затянуть его душу плѣсенью.

Въ этомъ смыслѣ Гоголь не былъ «идеалистомъ». Но, тѣмъ не менѣе, его душа не затягивалась тиной, не покрывалась плѣсенью, потому что у него взамѣнъ «идеализма» было нѣчто другое, — какой-то «психологическій эквивалентъ» послѣдняго. Это именно — столь извѣстная склонность Гоголя къ отшельнической и созерцательной жизни, его вѣчное бѣгство отъ общества, отъ «дрязгъ» жизни, какъ онъ выражался, его углубленіе въ себя, въ свое «душевное дѣло», долгое — по цѣлымъ годамъ — обдумываніе и «вынашиваніе» художественныхъ образовъ, высокое понятіе о призваніи поэта и «грозная вьюга вдохновенія», освѣжавшая его душу, потомъ мистическое наитіе молитвы, наконецъ, та «глубина душевная», благодаря которой онъ умѣлъ «возводить въ перлъ созданія» «картины, взятыя изъ презрѣнной жизни»...

Въ противоположность лучшимъ людямъ 40-хъ годовъ, Гоголь не былъ отрицатель. Напрасно будемъ искать у него критики тогдашней дѣйствительности, дореформенныхъ порядковъ; къ удивленію, мы не найдемъ у творца «Мертвыхъ душъ» даже отрицанія крѣпостного права. И однакоже великій поэтъ-сатирикъ содѣйствовалъ больше, чѣмъ кто-либо въ то время, установленію критическаго отношенія къ дореформенному строю. Очевидно, въ его душѣ было нѣчто, съ избыткомъ восполнявшее недостатокъ идейнаго отрицанія и критической общественной мысли. Этотъ психологическій эквивалентъ отрицанія, служившій въ то же время основаніемъ его моральныхъ стремленій, сводился къ особому, мучительному соціальному и національному самочувствію Гоголя. Организація крайне сложная, неуравновѣшенная и болѣзненно-чувствительная, Гоголь реагировалъ своеобразными душевными муками на пошлую сторону человѣка и общественности, на «дрязгъ» жизни. Онъ по-своему — живо и болѣзненно — чувствовалъ тяготу существованія при данныхъ порядкахъ, отношеніяхъ, правахъ, и, можно сказать даже, ему, по особенностямъ его душевной организаціи, было тошнѣе жить среди господствовавшей умственной тьмы и нравственной слѣпоты, чѣмъ многимъ и многимъ, въ томъ числѣ и кое-кому изъ тѣхъ, которые принадлежали къ передовымъ и просвѣщеннѣйшимъ людямъ эпохи. Онъ первый на Руси увидѣлъ, почувствовалъ и «вызвалъ наружу» въ геніальномъ художественномъ воспроизведеніи «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ повседневныхъ характеровъ»... — и содрогнулся столь же судорожно, какъ содрогнулся Бѣлинскій, когда почувствовалъ всю «гнусность» «рассейской дѣйствительности». Но Гоголь ужаснулся не идейно, не какъ фило-

софски и морально развитая личность, а чисто-психологически, всѣмъ своимъ геніальнымъ, болѣзненнымъ, неуравновѣшеннымъ существомъ, какъ исключительно тонкая душевная организація, странности которой заставили С. Т. Аксакова написать въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ: «...Мы не можемь судить Гоголя по себѣ, даже не можемъ понимать его впечатлѣній, потому что, вѣроятно, весь организмъ его устроенъ какъ-нибудь иначе, чѣмъ у насъ; что нервы его, можетъ-быть, во сто разъ тоньше нашихъ: слышатъ то, чего мы не слышимъ, и содрогаются отъ причинъ, намъ неизвѣстныхъ» («Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», стр. 54).

Великій отрицатель-художникъ, великій поэтъ-сатирикъ, онъ не былъ и не могъ быть отрицателемъ-мыслителемъ или публицистомъ въ томъ смыслѣ, какъ были таковыми Бѣлинскій, Герценъ и другіе. Главнымъ и непреодолимымъ препятствіемъ къ тому служила сама натура его, — неуравновѣшенность его души, угнетенной и тяготою существованія, и избыткомъ рефлексіи, и излишествомъ самоанализа, наконецъ, столь склонной къ нравственному сомнѣнію въ себѣ, къ самобичеванію и мистицизму. Для такой души философское и общественное, и вообще идейное отрицаніе было бы бременемъ непосильнымъ. Оно явилось бы въ ней, и безъ того отравленной душевными ядами, лишнимъ разлагающимъ началомъ. Отрицаніе оздоровляетъ и закаляетъ души уравновѣшенныя и гармоническія или, по крайней мѣрѣ, имѣющія соотвѣтственные задатки. Отрицаніе — борьба, и оно предполагаетъ запасъ здоровой умственной силы и моральной крѣпости, не говоря уже о крѣпости нервной и психо-физической. Для такихъ психо-физическихъ и психическихъ организацій, какъ Гоголь, потребно не отрицаніе, а умиротвореніе, успокоеніе. Не борьба, а молитва — ихъ пристанище. Разладъ съ дѣйствительностью только осложняетъ и безъ того тяжелую болѣзнь ихъ внутренняго разлада. Гоголь, какъ извѣстно, не вынесъ тяжести даже того чисто-художественнаго отрицанія, которое вытекало изъ свойствъ его таланта, изъ психологіи его геніальности, изъ самой натуры его. Присоединить къ этой тяжести еще и бремя идейнаго отрицанія было для него психологическою невозможностью, если бы даже онъ и захотѣлъ усвоить тѣ идеи, точки зрѣнія и предпосылки, на которыхъ оно основывалось тогда. И онъ, какъ бы повинуясь инстинкту самосохраненія, уклонялся отъ усвоенія этихъ предпосылокъ, даже избѣгалъ знакомства и общенія съ людьми идейнаго отрицанія. Этотъ скрытый, можетъ-быть, неясный ему самому мотивъ представлялся тѣмъ вѣроятнѣе, что, какъ выясняется теперь, Гоголь не былъ консерваторомъ въ собственномъ смыслѣ — по убѣжденіямъ, по идеаламъ. Онъ не отрицалъ прогресса, онъ только боялся его или извѣстныхъ его проявленій и сторонъ... Его

пугали споры, разногласія, недоразумѣнія, партійныя распри. Ему претили «излишества», какія онъ находилъ у западниковъ съ одной стороны, у славянофиловъ — съ другой.

Психологія художественнаго отрицанія Гоголя и психологія идейнаго отрицанія передовыхъ людей эпохи были по существу различны, но ихъ результаты совпадали. Мало того: при всемъ различіи было въ этой психологіи нѣчто такое, что, одинаково выдѣляя и Гоголя, и передовыхъ людей изъ остальной массы общества, сближало и роднило ихъ. Это именно — душевныя муки отщепенства, грусть и скорбь моральнаго одиночества. Вспомнимъ знаменитое лирическое мѣсто въ началѣ VII главы I части «Мертвыхъ душъ», гдѣ, сопоставляя «двухъ писателей», поэтъ въ яркихъ чертахъ рисуетъ горькій «удѣлъ» того изъ нихъ, который видитъ и изображаетъ то, «чего не зрятъ равнодушныя очи»: «безъ раздѣленія, безъ отвѣта, безъ участія, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги...»

Какъ не вспомнить, читая эти строки, душу раздирающій крикъ Бѣлинскаго: «...а куда голову преклонить, гдѣ сочувствіе, гдѣ пониманіе...», и всѣ аналогичныя жалобы лучшихъ людей эпохи; какъ не вспомнить, наконецъ, и безсемейнаго путника Рудина, «душой скитавшагося», и душевное одиночество Лаврецкаго, когда, подводя итогъ своей жизни, онъ говоритъ: «Здравствуй, одинокая старость, догорай, безполезная жизнь!»

Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Лучшіе люди 40-хъ годовъ видѣли въ Гоголѣ не только великаго поэта-отрицателя, но и такого же «скитальца» и страдальца, какими были они сами. И, несмотря на все различіе идей и убѣжденій, они его любили страстно и восторженно. «Какое ты умное и странное, и больное существо!» думалось Тургеневу, когда онъ въ послѣдній разъ видѣлъ поэта 20 октября 1851 г... Анненковъ, разсказывая о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Гоголемъ (въ Москвѣ, около того же времени), заканчиваетъ такъ: «Это была моя послѣдняя бесѣда съ чудною личностью, украсившею вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, Герценомъ, Грановскимъ и другими мою молодость».

5.

Огромная умственная и нравственная тягота и работа, которую вынесли на своихъ плечахъ передовые люди 40-хъ годовъ, какъ извѣстно, сводилась не только къ созданію гуманныхъ стремленій и общественной мысли, но и къ выработкѣ національнаго самосознанія.

Въ другомъ мѣстѣ («Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева», изд. 2-е, 1904 года. Введеніе) я старался показать, что какъ славянофилы, такъ и западники одинаково были заняты вопросами національнаго самосознанія, только ставили и понимали ихъ различно:

они шли къ одной и той же цѣли, только различными путями. Славянофильство было національзмомъ положительнымъ, выдвигавшимъ впередъ защиту такъ называемыхъ «національныхъ началъ»; западничество было національзмомъ отрицательнымъ, исходившимъ изъ критики нашего національнаго склада.

Споръ между двумя партіями шелъ о значеніи реформы Петра, котораго славянофилы (именно славянофилы-идеалисты) ненавидѣли, а западники превозносили (вспомнимъ восторженныя страницы Бѣлинскаго, посвященныя Петру), о старорусскихъ, «исконныхъ» началахъ, процвѣтавшихъ будто бы въ московскую эпоху, идеализированную славянофилами, о великолѣпной будущности славянства и пресловутомъ «гніеніи» Запада, рѣшительно отвергаемомъ западниками, и т. д.

Какъ относился ко всему этому Гоголь? — Онъ мало входилъ въ суть дѣла, и ему казалось, что въ этомъ спорѣ много пустой болтовни, сопровождаемой разными «излишествами». Связанный личными отношеніями съ славянофилами (Аксаковыми съ одной стороны, Шевыревымъ и Погодинымъ — съ другой, а также съ поэтомъ славянофильства — Языковымъ), онъ отнюдь не раздѣлялъ ихъ доктрины. Старую допетровскую Русь онъ не любилъ, на великолѣпную будущность славянства большихъ надеждъ не возлагалъ, «гніенія» Запада не усматривалъ, хотя и пугался отрицательныхъ идей и революціоннаго броженія. Съ другой стороны, онъ не примыкалъ и къ западничеству, какъ доктринѣ и направленію критическому.

И тѣмъ не менѣе, коренной вопросъ, подымавшійся обѣими партіями, — вопросъ національнаго самосознанія, — былъ ему, можно сказать, кровно-близокъ и занималъ его — и какъ художника, и какъ человѣка, и даже какъ моралиста.

Уже въ «Ревизорѣ» онъ ставилъ себѣ задачей показать не только уродство бытовыхъ типовъ, но также «искривленіе» національной физіономіи. Хлестаковъ вышелъ у него типомъ національнымъ. И вообще всякія уродства, легко объясняемыя строемъ жизни, состояніемъ нравовъ, отсутствіемъ просвѣщенія и т. д., онъ склоненъ былъ изображать, какъ національныя. Вслѣдъ за Иваномъ Алекс. Хлестаковымъ національнымъ типомъ вышелъ у него и Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ самъ категорически заявлялъ, что главною его задачей, какъ художника, является познаніе и изображеніе психологіи русскаго человѣка [1]). И лично, какъ человѣка, вопросъ о психологическомъ характерѣ и складѣ русской національности (или, лучше сказать, русскихъ національностей) живо интересовалъ его [2]).

[1]) Объ этомъ см. въ моей книжкѣ «Н. В. Гоголь», глава IV, стр. 116 и слѣд.

[2]) См. въ той же книжкѣ, гл. V

Къ «Мертвымъ душамъ» болѣе, чѣмъ къ какому-либо другому изъ великихъ произведеній нашей поэзіи, примѣнимо выраженіе: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ». Во второй части «поэмы» вопросъ о русскомъ человѣкѣ, какъ таковомъ, можно сказать, поставленъ ребромъ. И эта постановка явилась отправною точкой нѣкоторыхъ сторонъ въ творчествѣ послѣдующихъ писателей.

Не трудно понять, что поэтъ, раскрывавшій и такъ ярко воспроизводившій національный складъ русскаго человѣка, долженъ былъ получить особое значеніе въ эпоху, когда въ сознаніи мыслящихъ людей впервые вырабатывались формы національнаго самосознанія.

Овсянико-Куликовскій.

Объ Аксаковѣ.

Въ теченіе нынѣшняго лѣта вы не однажды напомнили мнѣ, любезный Николай Алексѣевичъ (Некрасовъ), обѣщаніе мое поговорить подробнѣе въ вашемъ журналѣ о прекрасной книгѣ С. Аксакова; я до нынѣшняго дня не могъ сдержать своего слова; какъ настоящій охотникъ — охотникъ душою и тѣломъ — я почти все это время не выпускалъ ружья изъ рукъ, а до пера не касался вовсе.

Но теперь у насъ зима; второго октября ударилъ первый морозъ, а третьяго октября съ утра поднялась снѣговая вьюга и до сихъ поръ не прекращается; поля вдругъ побѣлѣли; долго охотиться нѣтъ возможности; на дворѣ, говоря словами русской пѣсни, кутитъ, мутитъ, въ глаза несетъ; недѣлю тому назадъ, я еще стрѣлялъ вальдшнеповъ десятками, а теперь съ трудомъ убьешь парочку: «толкнули» ихъ, какъ выражаются охотники, эти жестокіе ранніе холода. Всегда тяжелъ и невеселъ приходъ «волшебницы-зимы», но особенно печально ея появленіе, когда она нагрянетъ такъ рано, какъ въ нынѣшнемъ году.

Осени не было у насъ — осень убила она — осень со всей ея тихой красотой, съ ея «пышнымъ увяданіемъ»... Жутко подумать, что уже въ началѣ октября у насъ стала зима... Рѣзко отдѣляясь на мертвой бѣлизнѣ побѣдоноснаго снѣга, свѣжая, не успѣвшая еще увянуть, зелень березъ, и въ особенности тополей, кажется какой-то ложью и насмѣшкой. Сидя въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты, вспомнилъ я о моемъ обѣщаніи: я не могъ охотиться, но мысли мои все еще были заняты охотой; я съ жадностью взялся за перо, и вотъ пишу для «Современника» критику «Записокъ оренбургскаго ружейнаго охотника», — книги, не сходившей съ моего стола съ самаго моего пріѣзда въ деревню.

Но, говоря правду, я пишу не критику, потому что въ книгѣ г. А—ва критиковать нечего, или почти нечего.

И что за прелесть эта книга! Сколько въ ней свѣжести, граціи, наблюдательности, пониманія и любви природы!.. Но я замѣчаю, что вдаюсь въ восклицанія, а въ критикѣ это, говорятъ, не годится. Стану разсуждать обстоятельно.

Самъ я, вы знаете, не имѣю чести принадлежать къ сословію естествоиспытателей; но я страстно люблю природу, особенно въ живыхъ ея проявленіяхъ, и потому позволяю сказать себѣ нѣсколько словъ о «Запискахъ ружейнаго охотника» и съ этой точки зрѣнія. Человѣка не можетъ не принимать природа, онъ связанъ съ ней тысячью неразрывныхъ нитей: онъ—сынъ ея; сочувствіе, которое возбуждаетъ въ душѣ жизнь существъ низшихъ, столь похожихъ на человѣка своимъ внѣшнимъ видомъ, внутреннимъ устройствомъ, органами чувствъ и ощущеній, нѣсколько напоминаетъ тотъ живой интересъ, который каждый изъ насъ принимаетъ въ развитіи младенца. Всѣ мы, точно, любимъ природу,—по крайней мѣрѣ, никто не можетъ сказать, что онъ ее положительно не любитъ; но и въ этой любви часто бываетъ много эгоизма. А именно: мы любимъ природу въ отношеніи къ намъ; мы глядимъ на нее, какъ на пьедесталъ нашъ. Оттого, между прочимъ, въ такъ называемыхъ описаніяхъ природы, то и дѣло, либо попадаются сравненія съ человѣческими душевными движеніями («и весь невредимый, хохочетъ утесъ» и т. п.), либо простая и ясная передача внѣшнихъ явленій замѣняется разсужденіями по ихъ поводу.

Если только «черезъ любовь» можно приблизиться къ природѣ, то эта любовь должна быть безкорыстна, какъ всякое истинное чувство: любите природу не въ силу того, чтó она значитъ въ отношеніи къ вамъ, человѣку, а въ силу того, что она вамъ сама по себѣ мила и дорога,—и вы ее поймете.

Возвращаясь къ книгѣ г. А—ва, я не могу не отдать ему должной справедливости: онъ смотритъ на природу (одушевленную и неодушевленную) не съ какой-нибудь исключительной точки зрѣнія, а такъ, какъ на нее смотрѣть должно: ясно, просто и съ полнымъ участіемъ; онъ не мудритъ, не хитритъ, не подкладываетъ ей постороннихъ намѣреній и цѣлей; онъ наблюдаетъ умно, добросовѣстно и тонко; онъ только хочетъ узнать, увидѣть. А передъ такимъ взоромъ природа раскрывается и даетъ ему «заглянуть» въ себя. Оттого, вы будете смѣяться, но я васъ увѣряю, что когда я прочелъ, напримѣръ, статью о тетеревѣ, мнѣ, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно... Если бы тетеревъ могъ разсказать о себѣ, онъ бы, я въ томъ увѣренъ, ни слова не прибавилъ къ тому, чтó о немъ повѣдалъ намъ г. А—въ. То же самое должно сказать о гусѣ, уткѣ,

вальдшнепѣ,—словомъ, обо всѣхъ птичьихъ породахъ, съ которыми онъ насъ знакомитъ. Нѣмцы считаютъ гуся, эту обдуманную, осторожную птицу, глупымъ; русскій человѣкъ, напротивъ, замѣтилъ, что даже громъ обращаетъ на себя вниманіе гуся; дѣйствительно, при каждомъ ударѣ онъ, скрививъ голову, смотритъ въ небо. Правда, онъ отъ этого нисколько не становится умнѣе, но эту участь онъ раздѣляетъ со многими философами. Говоря безъ шутокъ, я не могу довольно налюбоваться птичьими «физіологіями» г. А—ва.

Скажу еще нѣсколько словъ о слогѣ «Записокъ» г. А—ва. Слогъ его мнѣ чрезвычайно нравится. Это настоящая русская рѣчь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нѣтъ вычурнаго и ничего лишняго, ничего напряженнаго и ничего вялаго — свобода и точность выраженія одинаково замѣчательны. Эта книга написана охотно и охотно читается. Я уже неоднократно замѣчалъ, какъ мастерски умѣетъ г. А—въ описывать (нѣкоторые отрывки были помѣщены въ апрѣльской книжкѣ «Современника»). Теперь мнѣ хочется обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство: бываютъ тонко-развитыя, нервическія, раздражительно-поэтическія личности, которыя обладаютъ какимъ-то особеннымъ воззрѣніемъ на природу, особеннымъ чутьемъ ея красотъ; онѣ подмѣчаютъ многіе оттѣнки, многія часто почти неуловимыя частности, и имъ удается выразить ихъ иногда чрезвычайно счастливо, мѣтко и граціозно; правда, большія линіи картины отъ нихъ либо ускользаютъ, либо онѣ не имѣютъ довольно силы, чтобъ схватить и удержать ихъ. Про нихъ можно сказать, что имъ болѣе всего доступенъ запахъ красоты, и слова ихъ душисты. Частности у нихъ выигрываютъ насчетъ общаго впечатлѣнія. Къ подобнымъ личностямъ не принадлежитъ г. А—въ, и я очень этому радъ. Онъ и тутъ не хитритъ, онъ не подмѣчаетъ ничего необыкновеннаго, ничего такого, до чего добиваются «немногіе»; но то, что онъ видитъ, видитъ онъ ясно и твердой рукой, сильной кистью пишетъ стройную и широкую картину. Мнѣ кажется, что такого рода описанія ближе къ дѣлу и вѣрнѣе: въ самой природѣ нѣтъ ничего ухищреннаго и мудренаго, она никогда ничѣмъ не щеголяетъ, не кокетничаетъ; въ самыхъ своихъ прихотяхъ она добродушна. Всѣ поэты съ истинными и сильными талантами не становились въ «позитуру» передъ лицомъ природы; они не старались, какъ говорится, «подслушать, подсмотрѣть» ея тайны; великими и простыми словами передавали они ея простоту и величіе; она не раздражала ихъ, она ихъ воспламеняла; но въ этомъ пламени не было ничего болѣзненнаго. Вспомните описанія Пушкина, Гоголя.

И. Тургеневъ.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

«Семейная хроника» и примыкающія къ ней сочиненія Аксакова представляютъ собою одинъ изъ самыхъ уютныхъ уголковъ русской литературы. Здѣсь раскрывается передъ нами жизнь, какъ такая, жизнь, взятая въ наиболѣе простой и скромной формѣ и, тѣмъ не менѣе, подъ рукою своего благодушнаго рапсода, загорѣвшаяся тихими красками очарованія. Они были сѣры, эти необразованные оренбургскіе помѣщики, но Аксаковъ убѣдилъ насъ, что всякая жизнь интересна и что ни одна жизнь не заслуживаетъ смерти, ни одна смерть не права передъ человѣчествомъ и передъ безсмертіемъ. Въ прозѣ и обыденности безцвѣтныхъ дней, въ однообразіи быта, въ механизмѣ самодовлѣющаго хозяйства онъ увидѣлъ и показалъ внутреннюю красоту, мѣрное дыханіе человѣческой души. И, разставаясь съ его героями, всякій повторитъ его сердечныя напутственныя слова:

«Прощайте, мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя, и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть и доброе, и худое! Вы не великіе люди, не громкія личности; въ тишинѣ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзіи, такъ же любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь, въ свою очередь, будемъ любопытны и поучительны для потомковъ. Вы были такія же дѣйствующія лица великаго всемірнаго зрѣлища, представляемаго человѣчествомъ, такъ же добросовѣстно разыгрывали свои роли, какъ и всѣ люди, и такъ же стоите воспоминанія. Могучею силою письма и печати познакомлено теперь съ вами ваше потомство. Оно встрѣтило васъ съ сочувствіемъ и признало въ васъ братьевъ, когда и какъ бы вы ни жили, въ какомъ бы платьѣ ни ходили. Да не оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ!»

Всѣ достойны воспоминанія, всѣ мы интересны, и стоитъ намъ только умереть, чтобы это сдѣлалось очевиднымъ. Ибо послѣ смерти близкаго человѣка сливаются въ одно цѣлое всѣ эти разрозненныя слова, которыя онъ произносилъ на протяженіи своей жизни, всѣ эти безчисленныя проявленія его незамѣнимой личности, всѣ эти мелочи, которыхъ отъ привычки мы уже не замѣчали и которыя теперь, погаснувъ навѣки, стали для насъ особенно дорогими, осмысленными и сплелись въ живой обликъ, полный грусти и сладости. Нравственное творчество смерти, ея духовный синтезъ именно тамъ, гдѣ она только что произвела страшное физическое зіяніе, гнетущую пустоту, вызываетъ законченный образъ, и существо, которое отъ насъ ушло, возвращается для нашего воспоминанія въ своемъ единствѣ и собранности, — ихъ не давала разсѣивающая жизнь. Но не всякій умѣетъ вспоминать. Аксаковъ же обладалъ этимъ даромъ всецѣло. Въ дневникѣ его души не изгладились желанные образы родныхъ; они никогда не стали для него чужими и мертвыми. Онъ не принялъ смерти, съ нею не примирился. Онъ сумѣлъ, въ пожилые годы оглянувшись назадъ, припомнить всѣ детали ушедшаго дѣтства, оживить потускнѣвшія лица и воспроизвести тембръ отзвучавшихъ голосовъ. Онъ воскресилъ даже и тѣхъ, кого самъ онъ не видѣлъ, о комъ только услышалъ изъ чужихъ родственныхъ устъ. Это не только память ума, это больше — память сердца. Оттого предки неизмѣнно сопутствуютъ Аксакову, хотя смягченные въ своей былой рѣзкости, отодвинутые далью годовъ. Надорванная Парками нить отжившихъ жизней осталась для него цѣла, потому что онъ побѣдилъ смерть кроткой силой любви, любовнаго воспоминанія. Въ имѣніи Багрова-отца сохранился

дубъ, которому насчитывали тысячу двѣсти лѣтъ; это характерно, и онъ сохранился также у Багрова-внука, ничего не теряющаго, бережнаго хранителя нравственной старины. Аксаковъ прежде всего — потомокъ, и среди равнодушныхъ и забывчивыхъ онъ единственный свято блюдетъ культъ предковъ. Онъ поддерживаетъ связь и единство человѣческихъ поколѣній. Его душа — «страна воспоминаній».

Удержать прошлое, интимное, милое, не дать ему уйти — это, конечно, большая заслуга. Но, безъ сомнѣнія, на тихій подвигъ воспоминанія окажется способнымъ только тотъ, у кого настоящее протекаетъ безбурно и блѣдно. Чья душа вмѣститъ страсть и полноту мгновеній на ряду съ отчетливостью прошедшихъ образовъ? Здѣсь необходимъ выборъ, и надо поступиться напряженностью настоящаго, для того чтобы остаться вѣрнымъ прошлому. Аксаковъ и былъ миренъ, спокоенъ, добродушенъ въ каждый данный моментъ: оттого и далась ему памятливость чувства, нравственная археологія. Онъ глубоко запомнилъ, и тѣни умершихъ людей такъ выразительно обрисовались какъ разъ на фонѣ его духовной тишины.

Однако не слѣдуетъ думать, что ихъ изображеніе, повидимому, такое элементарное и осуществленное съ наименьшей затратой искусственныхъ пріемовъ литературы, досталось Аксакову легко. Для того чтобы написать эти столь близкія къ жизни и прямо изъ нея взятыя фигуры, необходимо было высокое искусство; онѣ производятъ идиллическое впечатлѣніе пожелтѣвшихъ дагерротиповъ, эти домашніе пенаты, служащіе предметомъ сердечнаго поклоненія, но въ дѣйствительности авторъ долженъ былъ совершить здѣсь великую работу живописца — художественное обобщеніе. Этотъ лѣтописецъ жизни, этотъ «безпристрастный передаватель изустныхъ преданій» вовсе не такъ простъ, какъ онъ кажется, подобно тому какъ въ неприхотливомъ содержаніи его чистыхъ, ясныхъ книгъ скрывается глубокая поучительность и жизненная мудрость. Разскажите любую жизнь, и вы разскажете міръ. Вотъ отчего мирная смѣна похожихъ другъ на друга дней и ночей, протекая въ рамкѣ одной, опредѣленной семьи, тѣмъ не менѣе, оказывается у Аксакова глубоко-типичной, и типичной не только въ историческомъ смыслѣ, не только для данной общественной эпохи, но и въ психологическомъ отношеніи, для всего человѣчества вообще. Здѣсь колыбели и могилы, здѣсь страсти и страданія, здѣсь даны общія категоріи людскихъ чувствъ и нравовъ. Передъ нами и материнская любовь въ своемъ апоѳеозѣ, неудержимо-страстная, напряженная до болѣзненности; и священнодѣйствующій отецъ, въ патріархальномъ ореолѣ своей patria potestas, разумъ своихъ чадъ и домочадцевъ; и даже какъ бы изъ сказки вышедшія, непремѣнно злыя золовки, и «милая моя сестрица», милая не только для автора, и

этотъ вѣрный пѣстунъ, другъ-слуга Евсеичъ въ своей душевной красотѣ, и эта любовь въ старомъ вкусѣ, когда скромный и уважительный любовникъ, чтобы вымолить у своего отца благословеніе на бракъ, пишетъ ему: «смертоносная пуля скоро просверлитъ голову несчастнаго вашего сына». И стариковскимъ свидѣтельствомъ свидѣтельствуетъ намъ авторъ, что «очарованные глаза, пылающія щеки, смущеніе, доходящее до самозабвенія, всегда были краснорѣчивыми объяснителями любви»...

Поэтъ хозяйства, историкъ буднeй, съ любовью изобразившій весь ритуалъ домашняго обихода, какое-то богослуженіе семейственности, Аксаковъ такъ искусно сложилъ эту мозаику жизненныхъ мелочей, что передъ нами проступили крупныя черты романа, трагедіи, общаго содержанія жизни — и все это въ оболочкѣ спокойной и свѣтлой. Въ темную и беззаконную глубь души Аксаковъ спускаться не могъ, и потому, напримѣръ, драматическая фигура Куролесова — повидимому, очень сложная—осталась у него въ извѣстномъ отдаленіи. Нашъ старый писатель, дѣдъ, описывающій своего дѣда, его добрые и злые дни, чувствуетъ себя хорошо не здѣсь, около преступленій, не на этомъ бурномъ гребнѣ душевныхъ человѣческихъ волнъ, а въ мирной пристани дома, на берегу Бугуруслана, обросшемъ зелеными кустами, среди своихъ непритязательныхъ героевъ и героинь.

И тѣни этихъ простыхъ, безграмотныхъ людей должны быть ему благодарны, что онъ воскресилъ ихъ, такъ ласково и нѣжно, ничего не утаивъ, но никого и не обидѣвъ, такъ почтительно и стыдясь своего превосходства. Цѣломудренный, онъ не посмѣялся наготѣ своего отца, своихъ отцовъ. Подъ его добрымъ перомъ отпало все мелкое, случайное, дурное — все это умерло, остался въ живыхъ только духъ, только смыслъ личностей. Ужасенъ старикъ Багровъ въ своемъ некультурномъ гнѣвѣ и дикой необузданности, грозный для всѣхъ окружающихъ. Но въ описаніи внука онъ вышелъ инымъ, и вы чувствуете въ немъ особую мощь и своеобразную красоту. Ибо, властный и деспотическій, онъ въ трудныя минуты жизни не искалъ зато ничьего совѣта, онъ всѣхъ прогонялъ отъ себя калиновымъ подожкомъ и оставался одинъ. Въ своемъ тяжеломъ одиночествѣ онъ за всѣхъ думалъ, за всѣхъ и для всѣхъ устраивалъ. И вставалъ онъ въ четыре часа утра. Что-то первобытное, цѣльное и древнее есть въ этомъ старикѣ, и въ раскатахъ его безудержнаго гнѣва слышится все та же стихія, та же природа, которая потомъ изъ его внука сдѣлала охотника. И какъ трогательна его забота о томъ, чтобы не прервался древній родъ Шимона, чтобы онъ, такъ сказать, прирожденный и типичный предокъ, имѣлъ потомковъ! Когда ему сообщили, что родился у него внукъ, то первымъ его движеніемъ было перекреститься; потомъ въ родословной, отъ кружка съ именемъ «Алексѣй», онъ сдѣ-

лалъ кружокъ на концѣ своей черты и посрединѣ его написалъ: «Сергѣй» — точно онъ предчувствовалъ, что этотъ Сергѣй спасетъ его для безсмертія и покажетъ русскому народу его неуклюжую, крѣпкую фигуру. И можетъ-быть, въ той нѣжной привязанности, которую онъ неожиданно испыталъ къ матери Сергѣя, своего внука и своего пѣвца, къ этой горожанкѣ, проникшей въ его деревенскую первобытность, сказалось глубоко заложенное подъ грубой оболочкой, смутное тяготѣніе къ эстетическому, къ изящному началу жизни, къ той силѣ, которая сдѣлала его дѣдомъ и прадѣдомъ писателей, натуръ одухотворенныхъ и тонкихъ: это ничего, что прежде мужская гордость старика оскорблялась влюбленностью сына.

Такихъ страницъ не напишешь безъ дарованія и безъ міросозерцанія. Правда, самъ Аксаковъ оживленіе своихъ стариковъ объяснялъ только «могучей силой письма и печати»; но эти простодушныя слова, вплетая новый полевой цвѣтокъ въ его моральный вѣнецъ, конечно, не могутъ быть приняты въ серьезъ. Большой эпическій талантъ нуженъ былъ Гомеру русской старины, для того чтобы приковать вниманіе молодыхъ поколѣній къ страницамъ своего неторопливаго, спокойнаго разсказа, для того чтобы своей родною хроникой заинтересовать другихъ, чужихъ. И нужно было для этого еще и довѣрчивое, ничѣмъ не смущенное, безмятежное воззрѣніе на міръ и людей, кристальная ясность и великая наивность духа, которая позволила бы прежде всего замѣтить, увидѣть то малое и милое, что описалъ Аксаковъ и что существуетъ лишь постольку, поскольку на него обращаютъ вниманіе. Для того чтобы такъ говорить о человѣческомъ, какъ говоритъ Аксаковъ, надо самому быть человѣкомъ съ гостепріимной, радушной и ласковой душой, всегда готовой понять и простить. Отъ прикосновенія той нравственной чистоты, которую олицетворялъ собою нашъ бытописатель, все то, о чемъ онъ разсказываетъ, само становится чистымъ; отъ его прикосновенія всѣ люди дѣлаются лучше.

Мы, «другіе», потеряли вкусъ къ этому существованію ради существованія, къ этой вереницѣ дней, къ этой стильной жизни, которую отмѣряетъ на равныя части маятникъ старинныхъ часовъ. Но и насъ тихо, нѣжно и тепло обнимаютъ эти воспоминанія, и для насъ ласково шелестятъ эти невыдуманныя страницы, посвященныя семейному укладу, мирной радости бытія. И такъ больно для насъ ощущеніе жизни, которая жила, которая была; всѣ умерли: и самъ разсказчикъ, и тѣ, о комъ онъ разсказалъ, — всѣ умерли, не только дѣдъ и мать, но и «милая моя сестрица», которая на нашихъ глазахъ играла съ братомъ въ чурочки и куклы... Безконечно-грустное сознаніе преходимости всего родного и близкаго, всего человѣческаго сжимаетъ ваше

сердце, и не только о себѣ говоритъ Аксаковъ: «Знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни... Я помню замираніе молодого сердца и сладкую безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни».

Да, хотя «Семейная хроника» и приводитъ къ мысли, что жизнь одинакова, что она въ сущности неподвижна, что все это, бывшее такъ давно-давно, осталось какъ было, и настоящее похоже на прошлое, — тѣмъ не менѣе, именно изъ книги Аксакова особенно можно видѣть, какъ проходятъ если не факты, не вещи, то наши впечатлѣнія отъ нихъ. Онъ долго жилъ, этотъ старый питомецъ родного дома, сынъ усадьбы, и усадьба сохранялась все время, пока онъ жилъ, но уже никогда не подъѣзжалъ онъ къ ней съ такимъ настроеніемъ, какъ въ дѣтскіе годы, послѣ гимназіи, гдѣ онъ такъ страдалъ, гдѣ черезъ впечатлительное сердце мальчика прошло тяжкое столкновеніе казеннаго и частнаго, государства и семьи, директора и матери.

Въ образѣ жизни Аксаковыхъ-стариковъ было что-то звѣриное, стихійно-матеріальное, — и вотъ народился охотникъ, любитель звѣря и насильникъ надъ нимъ. Ибо въ охотѣ странно соединяется любовь къ природѣ и борьба съ нею; это — любовная война съ живымъ, съ живыми существами, ихъ убійство безъ ненависти. Охотникъ еще помнитъ свою близость къ природѣ, свое исконное тождество съ нею. Черноземный Немвродъ, кроткій убійца, Аксаковъ страстно полюбилъ ее и всю свою жизнь вносилъ въ нее смерть; еще въ ту пору, когда онъ ловилъ бабочекъ, эти «порхающіе цвѣтки», онъ слился съ природой въ любви и въ убійствѣ.

Обстоятельный, не поверхностный знатокъ природы, проникнувшій въ ея интимную жизнь, и въ то же время ласковый убійца ея живыхъ тварей, онъ не изысканъ въ своей дѣтской привязанности къ ней; онъ не брезгаетъ черной работой ея матеріальныхъ силъ. Вѣрному сердцу его близка она вся и всегда, не только въ красивомъ нарядѣ, но и замарашкой. Ему дорога не только поэзія, но и проза природы. Онъ не «природы праздный соглядатай», какъ Фетъ, а ея дѣятельный соучастникъ. Онъ такъ довѣряетъ ей, что не можетъ себѣ представить, чтобы она была неэстетична. Да и не нашей условной эстетикѣ мѣряться съ ней, разбирать, что въ ней хорошо и что—нѣтъ. Практическій натуралистъ, онъ вовсе не нисходитъ къ природѣ, любитъ ее, но почти не любуется ею—совсѣмъ не нужно ему, чтобы она была красива, какъ не нужно, чтобы красива была мать. Поэтому въ изображеніи весны онъ ничего не скроетъ, не утаитъ, не забудетъ сказать, что «обтаяли и свѣжія навозныя кучи», что «зачернѣли проталины какъ грязныя пятна на бѣлой скатерти».

Сотрудникъ природы, онъ раздѣляетъ всѣ ея праздники, всѣ торжественные дни, ея пиры и скорби. Онъ съ нею обращается бережно и по-родственному; отрадно ему быть членомъ ея великой семьи, переживать съ нею всю ея жизнь, и когда пойдетъ рѣка, освобожденная весною, забьется и затрепещетъ его собственное сердце. «Около полугода рѣка какъ будто не существовала: она была продолженіемъ снѣжныхъ сугробовъ и дорогъ. По рѣкѣ ходили, ѣздили, скакали, какъ по сухому мѣсту, и почти забыли про ея существованіе, и вдругъ — широкая полоса этого твердаго, неподвижнаго, снѣжнаго пространства пошевелилась, откололась и пошла и пошла». Какая радость!

И если описаніе выходитъ у него красиво, торжественно, то какъ будто самъ описатель здѣсь ни при чемъ. Аксаковъ такъ не любитъ пустыхъ эффектовъ, такъ щепетильно точенъ, трезвъ и правдивъ въ своемъ художественномъ воспроизведеніи природы, что боится, какъ бы нечаянно не оговорить ея, не ошибиться въ какой-нибудь детали, касающейся кулика или плотицы. Онъ тщательно собираетъ раньше всѣ свои «освѣдомленія», а потомъ уже повѣствуетъ; такъ что если бы сама природа была заинтересована въ томъ, чтобы ее описали и разсказали, она не избрала бы для этого ничьихъ другихъ устъ, кромѣ Аксакова, — лишь тогда была бы она спокойна, что никакихъ искаженій не произойдетъ. Къ тому же, собственно о томъ впечатлѣніи, какое производитъ на него природа, онъ по большей части цѣломудренно умалчиваетъ, — Аксакову не до того; онъ озабоченъ тѣмъ, чтобы вѣрно описать ее: дѣло не въ немъ, а въ ней. Конечно, не всегда нашъ честный и добросовѣстный пейзажистъ можетъ удержаться на этой высотѣ стыдливой уединенности, и онъ знаетъ, онъ говоритъ о томъ, что природа существуетъ не только сама по себѣ и для себя, что при зрѣлищѣ ея «улягутся мнимыя страсти, утихнутъ мнимыя бури, разсыплются самолюбивыя мечты, разлетятся несбыточныя надежды».

Природа успокоиваетъ, лѣчитъ его, навѣваетъ на него минуты «благодатныя и свѣтлыя», подобно тому какъ никто, по его словамъ, ни старый, ни малый, не пройдетъ мимо рѣки или пруда, не поглядѣвъ, какъ гуляетъ «вольная рыба»; и въ эти минуты каждый забудетъ свою трудовую и трудную жизнь. «Душа превращается какъ будто тогда въ глубокое, невозмутимо-тихое, прозрачное озеро, отчетливо отражающее въ себѣ голубое небо, надъ нимъ раскинувшееся, и весь міръ, его окружающій».

Онъ наивно убѣжденъ, что всѣхъ должны интересовать подробности уженья, охоты — всякая мелочь великой природы; да и есть ли въ ней мелкое? Онъ ревнуетъ ее къ людямъ, и кажется ему,

старику, что теперь она уже не та. Чѣмъ дольше природа живетъ съ людьми, тѣмъ сильнѣе мѣняетъ она свой обликъ. И потому Старица почти высохла, да и вообще, прежде полноводнѣе были рѣки и больше въ нихъ водилось рыбы: «нѣтъ, ты ужъ не та теперь, не такая, какою даже и я зназалъ тебя, — свѣжею, цвѣтущею, неизмятою отовсюду набѣжавшимъ разнороднымъ народонаселеніемъ».

Онъ не переноситъ — это характерно для него — стихіи въ ея бурныхъ явленіяхъ; онъ боится грозы, большой воды и смиренно и лукаво говоритъ, что не станетъ спорить съ любителями величественныхъ и грозныхъ образовъ, и охотно соглашается, что не способенъ къ принятію грандіозныхъ впечатлѣній. Но отъ природы, тихой и спокойной, какъ его собственная душа, онъ себя не отдѣляетъ. Не даромъ онъ имѣлъ за собою не только дѣда, какъ будто выросшаго прямо изъ земли и въ землю вросшаго, но и отца, безхитростнаго любителя природы, — и только мать его, горожанка, была, повидимому, къ ней равнодушна.

Въ единой большой семьѣ природы животныя и люди для Аксакова какъ будто одинаковы, и онъ одушевленно заступается за честь тетеревовъ. Ибо онъ справедливъ, какъ само естество, которому смѣшонъ и притязателенъ кажется нашъ неисправимый антропоцентризмъ. И въ мірѣ рыбъ тоже бываютъ событія, а любовь селезня и утки и токованье тетеревовъ мало чѣмъ отличаются отъ романовъ человѣческихъ.

Отъ этихъ рыбъ и куликовъ, отъ этого чернолѣсья и краснолѣсья міръ во всякомъ случаѣ сдѣлался богаче, населеннѣе. Аксаковъ раздвинулъ предѣлы художественной повѣсти, ввелъ въ нее не однихъ людей, какъ это было прежде, но и представителей царства животнаго. Онъ проникъ въ ихъ интересы, нравы; онъ сумѣлъ ихъ индивидуализировать и, хотя смотрѣлъ на нихъ преимущественно глазами охотника, на потребу и потѣху котораго созданы всѣ эти живыя существа, мишени для выстрѣловъ, тѣмъ не менѣе онъ изобразилъ ихъ и такими, каковы они сами для себя. Не съ литературой подошелъ онъ къ природѣ; естественнымъ сыновнимъ голосомъ позвалъ онъ ее, и она отвѣтила ему всѣмъ разнообразіемъ своихъ голосовъ и тембровъ, такъ что онъ услышалъ, какъ токуютъ тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ вальдшнепы, воркуютъ голуби, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги, стонутъ кукушки, постукиваютъ дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки, и «все многочисленное крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ»...

Та тихая жизнь, похожая на озеро, которой жилъ Аксаковъ, имѣетъ свое обаяніе, мирную прелесть «Германа и Доротеи», и, можетъ-быть, въ ней, духовно скудной и слишкомъ, нечеловѣчески - безмятежной, процвѣтаетъ зато съ особою силою растительность, прозябаніе. Вотъ передъ нами прошла милая чета. «Домикъ ихъ блисталъ опрятностью и чистотой, привлекалъ уютностью, дышалъ спокойствіемъ». Въ этомъ гнѣздѣ жизни, жизни какъ такой, оживало все простое, элементарное, непритязательное. И оттого «подарятъ, бывало, имъ горшокъ какихъ-нибудь засыхающихъ цвѣтовъ, они у нихъ оживутъ, позеленѣютъ и обыкновенно разрастутся, такъ что прежній хозяинъ выпроситъ ихъ назадъ... Какъ будто въ воздухѣ было нѣчто успокоительное и живительное, отчего и животному, и растенію было привѣтно».

Животному и растенію... Но человѣкъ — ему что скажетъ эта мирная обитель? Намъ вотъ о чемъ свидѣтельствуетъ Аксаковъ: «Заѣзжая иногда въ этотъ уединенный уголокъ и посмотря нѣсколько часовъ на эту безцвѣтную скромную жизнь, я всегда поддавался ея впечатлѣнію и спрашивалъ себя: не здѣсь ли живетъ истинное счастье человѣческое, чуждое неразрѣшимыхъ вопросовъ, неудовлетворимыхъ требованій, чуждое страстей и волненій? Долго звучалъ во мнѣ гармоническій строй этой жизни, долго чувствовалъ я какое-то грустное умиленіе, какое-то сожалѣніе о потерѣ того, что имѣть казалось такъ легко, что было подъ руками. Но когда задавалъ я себѣ вопросъ — не хочешь ли быть Василіемъ Васильевичемъ, я пугался этого вопроса, и умилительное впечатлѣніе мгновенно исчезало». Именно это и можетъ послужить исходной точкой для критики самого автора, его семейной повѣсти. Онъ самъ отшатнулся отъ заводи соннаго прозябанія, его отпугнулъ избытокъ идиллическаго. И Аксаковъ, который «жизнь домашнимъ кругомъ ограничить захотѣлъ», и въ этой сферѣ создалъ такія страницы, гдѣ привѣтливымъ огнемъ камелька свѣтитъ и теплится даже самая ихъ ограниченность, — Аксаковъ не поднялся на горныя вершины человѣчества. Зато человѣческая долина описана имъ съ художественной простотой и красотой, хрустальными словами, которыя льются такъ легко, такъ довѣрчиво къ сердцу и пониманію читателя. Вы слышите въ нихъ то, что запало когда-то въ дѣтскую душу Аксакова: «чудные голоса святочныхъ пѣсенъ, уцѣлѣвшіе звуки глубокой древности—отголоски невѣдомаго міра». И чистымъ звукомъ звучитъ этотъ сплошной русскій языкъ, не прерванный, не смущенный почти ни однимъ чужакомъ, ни однимъ пришельцемъ изъ рѣчи иностранной. Аксакова оскорбляетъ своей басурманской дикостью даже слово *бургъ* въ названіи любимой Оренбургской губерніи. Для всего, что онъ думалъ и чувствовалъ, нашелъ онъ соотвѣтственныя выраженія у себя, на родинѣ, въ сокровищахъ народнаго языка; ему не нужно

было переѣзжать границу, этому глубокому въ своей ограниченности, осѣдлому жителю Россіи. Зачѣмъ бы въ самомъ дѣлѣ понадобились ему чужія и чуждыя слова? Для понятій отвлеченныхъ? Но онъ такъ далекъ отъ умозрительнаго; вѣрный питомецъ осязательности, онъ совсѣмъ не теоретикъ; характерно, что въ молодые годы онъ страстно любилъ театръ, эту воплощенную наглядность, этотъ предѣлъ конкретнаго въ искусствѣ.

Онъ долго жилъ, и кругомъ него клокотали событія, а онъ, «сидя тихо и смирно съ удочкой на берегу озера или рѣчного залива», сохранялъ душевный покой. Міръ со своими волненіями уплывалъ отъ него, не тревожилъ его. Съ отроческихъ лѣтъ мы видимъ предъ собою этого смирнаго и тихаго рыболова, этого чистаго сердцемъ, почтительнаго къ людямъ любителя природы, проникнутаго духомъ честности и благоволенія, — и теплой волною колышетъ онъ умиленное сердце, и возрастаетъ наша вѣра въ человѣка. Вѣдь самъ онъ такъ много уважалъ въ жизни, такъ искренно почиталъ и прошлое, и настоящее; такъ стыдно и больно было ему замѣчать темное въ другихъ, — напримѣръ, въ своемъ любимцѣ Гоголѣ. И когда, заслоненный болѣе яркими, болѣе кипучими фигурами новой жизни, отъ насъ уходитъ замедленной походкой старости этотъ добрый старожилъ, надолго остается у насъ въ душѣ какой-то чистый и свѣтлый слѣдъ, и грезятся зеленые берега Бугуруслана и выросшій на нихъ ружейный охотникъ Оренбургской губерніи въ кругу своихъ родныхъ, съ которыми сроднилъ онъ и всякаго русскаго читателя.

Айхенвальдъ.

„Обыкновенная исторія“ Гончарова.

Авторъ «Обыкновенной исторіи» поэтъ, художникъ и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство и тѣмъ самымъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто, кромѣ таланта, и это-то нѣчто важнѣе самого таланта и составляетъ его силу; у г. Гончарова нѣтъ ничего, кромѣ таланта; онъ больше, чѣмъ кто-нибудь, теперь поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный.

Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ

себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собою другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны. Что общаго между грубой и злой, но по-своему способной къ нѣжнымъ чувствамъ Аграфеной и между свѣтской женщиной, мечтательной и съ разстроенными нервами? И каждая изъ нихъ, въ своемъ родѣ, — мастерское, художественное произведеніе. Мать молодого Адуева и мать Наденьки—обѣ старухи, обѣ очень добры, обѣ очень любятъ своихъ дѣтей и обѣ равно вредны своимъ дѣтямъ, наконецъ, обѣ глупы и пошлы. А между тѣмъ это—два лица совершенно различныя: одна барыня провинціальная стараго вѣка, ничего не читаетъ и ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая внучка злой госпожи Простаковой; другая барыня столичная, которая читаетъ французскія книжки, ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая правнучка злой госпожи Простаковой. Въ изображеніи такихъ плоскихъ и пошлыхъ лицъ, лишенныхъ всякой самостоятельности и оригинальности, иногда всего лучше выказывается талантъ, потому что всего труднѣе обозначить ихъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Что общаго между этою живою, вѣтреною, своенравною и немножко лукавою Наденькою и тою спокойною по наружности, но пожираемою внутреннимъ огнемъ—Лизою? Тетка героя романа — лицо вводное, мимоходомъ очерченное, но какое прекрасное женское лицо! Какъ хороша она въ сценѣ, оканчивающей первую часть романа! Мы не будемъ распространяться насчетъ мастерства, съ какимъ обрисованы мужскіе характеры: о женскихъ мы не могли не замѣтить, потому что до сихъ поръ они рѣдко удавались у насъ даже первостепеннымъ талантамъ; у нашихъ писателей женщина—или приторно сентиментальное существо, или семинаристъ въ юбкѣ, съ книжными фразами. Женщины г. Гончарова—живыя, вѣрныя дѣйствительности созданія. Это новость въ нашей литературѣ.

Обратимся къ двумъ главнымъ мужскимъ лицамъ романа—молодому Адуеву и его дядѣ, Петру Иванычу: о послѣднемъ нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ, говоря о первомъ, потому что онъ противоположностью своею еще болѣе оттѣняетъ героя романа. Говорятъ, типъ молодого Адуева—устарѣлый; говорятъ, что такіе характеры уже не существуютъ на Руси. Нѣтъ, не перевелись и не переведутся никогда такіе характеры, потому что ихъ производятъ не всегда обстоятельства жизни, но иногда сама природа. Родоначальникъ ихъ на Руси — Владиміръ Ленскій, по прямой линіи происходящій отъ гётевскаго Вертера. Пушкинъ первый замѣтилъ существованіе въ нашемъ обществѣ такихъ натуръ и указалъ на нихъ. Съ теченіемъ времени онѣ будутъ измѣняться, но сущность ихъ всегда будетъ та же самая... Молодой Адуевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, мечтаетъ, съ какою радостью обниметъ своего обожаемаго дядю и въ

какомъ восторгѣ будетъ отъ него дядя. Онъ останавливается въ трактирѣ и боится, что дядя осердится на него, зачѣмъ онъ не пріѣхалъ прямо къ нему. Холодный пріемъ дяди разсѣиваетъ его провинціальныя мечты. До сихъ поръ молодой Адуевъ является больше провинціаломъ, нежели романтикомъ. Онъ даже непріятно былъ пораженъ тѣмъ, что дядя назвалъ дуракомъ Заѣзжалова и—дурою деревенскую тетку съ ея желтымъ цвѣткомъ, приславшихъ къ нему преглупѣйшія письма. Провинціалы часто бываютъ очень смѣшны въ своихъ отношеніяхъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ. Въ маленькихъ городкахъ жизнь однообразна, узка, мелка, всѣ другъ друга знаютъ и если не враждуютъ между собою, то непремѣнно пребываютъ въ нѣжнѣйшей дружбѣ; среднихъ отношеній почти нѣтъ. И вотъ изъ городка отправляется искать счастья въ столицу молодой человѣкъ; всѣ имъ интересуются, провожаютъ его, желаютъ ему всякаго счастья, просятъ не забывать. Онъ уже сдѣлался въ столицѣ пожилымъ человѣкомъ, родной городокъ его представляется ему какимъ-то смутнымъ видѣніемъ; подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ знакомствъ, отношеній, интересовъ, онъ давно перезабылъ и имена, и лица людей, которыхъ такъ коротко зналъ въ дѣтствѣ, и помнитъ только о самыхъ близкихъ къ нему, да и то они представляются ему въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ оставилъ, а вѣдь они съ тѣхъ поръ перемѣнились же. По ихъ письмамъ онъ видитъ, что у него съ ними нѣтъ ничего общаго; отвѣчая имъ, онъ поддѣлывается подъ ихъ тонъ, подъ ихъ понятія; удивительно ли, что онъ пишетъ къ нимъ рѣже и рѣже, наконецъ, и совсѣмъ перестаетъ писать. Мысль о пріѣздѣ въ столицу родственника или знакомаго пугаетъ его столько же, какъ жителей пограничнаго города во время войны пугаетъ мысль, что непріятель пойдетъ ихъ дорогою. Въ столицѣ не понимаютъ заочной любви; здѣсь думаютъ, что любовь, дружба, пріязнь, знакомство поддерживаются личными отношеніями, а разлукой и отсутствіемъ охлаждаются и уничтожаются. Въ провинціи думаютъ совсѣмъ наоборотъ; вслѣдствіе однообразія жизни тамъ удивительно развита наклонность къ любви и дружбѣ. Тамъ рады всякому; мѣшать другъ другу, не давать покою — тамъ считается священнѣйшею обязанностью. Если кому-нибудь перестанутъ надоѣдать родственники и знакомые, онъ сочтетъ себя самымъ несчастнымъ, наиболѣе обиженнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Когда къ провинціалу, живущему въ маленькомъ городкѣ, вдругъ наѣзжаетъ орда родственниковъ и обращаетъ его маленькій домикъ въ бочонокъ, набитый сельдями, онъ, по наружности, не знаетъ, какъ и радоваться: съ веселымъ лицомъ бѣгаетъ, суетится, угощаетъ всю эту толпу, а внутренно отъ всей души проклинаетъ ее. А между тѣмъ попробуй-ка эти люди въ другой разъ остановиться не

у него: онъ никогда имъ не проститъ этого. Такова ужъ патріархальная логика провинцій! И съ такой-то логикой пріѣзжаетъ иногда провинціалъ въ столицу по дѣламъ со всѣмъ семействомъ своимъ. Въ столицѣ есть у него родственникъ, который лѣтъ ужъ двадцать какъ выѣхалъ изъ своего мѣстечка и давнымъ-давно перезабылъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Нашъ провинціалъ летитъ къ нему съ распростертыми объятіями, съ малыми дѣтьми, которыхъ надо размѣстить по учебнымъ заведеніямъ, и обожаемою супругою, которая пріѣхала полюбоваться на столичные магазины модъ. Раздаются ахи, охи, крикъ, пискъ, визгъ. «А мы прямо къ вамъ, мы не смѣли остановиться въ трактирѣ!» Столичный родственникъ блѣднѣетъ, не знаетъ, что̀ сказать, онъ похожъ на жителя города, взятаго непріятелемъ, къ которому въ домъ ворвалась толпа предававшихся грабежу непріятельскихъ солдатъ. А между тѣмъ ему уже подробно изъяснено, какъ его любятъ, какъ его помнятъ, какъ о немъ безпрестанно говорятъ и какъ на него надѣются, какъ увѣрены, что онъ непремѣнно поможетъ опредѣлить Катеньку, Петеньку, Ѳеденьку, Митеньку по корпусамъ, а Машеньку, Сашеньку, Любочку и Танечку въ институтъ. Столичный родственникъ видитъ, что отъ одной минуты зависитъ его гибель или спасеніе, собирается съ духомъ и съ холодною вѣжливостью объясняетъ непріятельскому отряду, что онъ никакъ не можетъ принять ихъ къ себѣ, что его квартира тѣсновата и для его собственнаго семейства, что въ корпуса и институты дѣти принимаются по экзамену и по указанному порядку, что тутъ не поможетъ никакая протекція, если нѣтъ вакантныхъ мѣстъ, или если дѣти старше или моложе пріемныхъ лѣтъ, или не выдержатъ экзамена, а тѣмъ болѣе протекція такого незначительнаго человѣка, какъ онъ, который сверхъ того служитъ совсѣмъ по другому вѣдомству и незнакомъ ни съ кѣмъ изъ начальниковъ учебныхъ заведеній. Разочарованные провинціалы удаляются въ бѣшенствѣ, вопіютъ противъ столичнаго эгоизма и развращенія и говорятъ о своемъ родственникѣ, какъ о чудовищѣ. А между тѣмъ это, можетъ-быть, очень порядочный человѣкъ; вся вина его въ томъ, что онъ не захотѣлъ обратить своей квартиры въ безобразный таборъ, лишить себя всякаго пріюта въ собственномъ домѣ, всякой возможности заниматься дѣлами службы въ тиши своего кабинета, принимать у себя по вечерамъ людей, или близкихъ ему, или полезныхъ и необходимыхъ ему по службѣ, и такимъ образомъ стѣснить себя, подвергнуть себя тяжкимъ лишеніямъ для людей, совершенно чуждыхъ ему, съ которыми бы онъ не захотѣлъ вести и обыкновеннаго знакомства. А между тѣмъ и эти провинціалы по-своему люди добрые и даже неглупые; вся вина ихъ въ томъ, что, отправляясь въ столицу, они увѣрены найти въ ней, за исключеніемъ огромности,

великолѣпія и модныхъ магазиновъ, свой городокъ, съ тѣми же нравами, обычаями и понятіями. Они по-своему любятъ роскошь и великолѣпіе, хотя и безъ вкуса, при средствахъ готовы изукрасить всячески свою залу и гостиную; о кабинетѣ не имѣютъ понятія и не знаютъ, зачѣмъ онъ; спальня и дѣтская у нихъ всегда самыя грязныя комнаты: имъ ничего не стоитъ потѣсниться и пожаться, понятіе о комфортѣ не существуетъ для нихъ, они привыкли къ тѣснотѣ, любятъ ее, по пословицѣ: въ тѣснотѣ люди живутъ, да и жилымъ крѣпче пахнетъ. Они всякому рады и, по словамъ Петра Ивановича, хоть ночью ужинъ состряпаютъ. По замѣчанію его племянника эта черта составляетъ добродѣтель русскихъ, съ чѣмъ Петръ Ивановичъ рѣшительно не согласенъ. «Какая тутъ добродѣтель,—говоритъ онъ.—Отъ скуки тамъ всякому мерзавцу рады; милости просимъ, кушай сколько хочешь, только займи какъ-нибудь нашу праздность, помоги убить время да дай взглянуть на тебя: все-таки что-нибудь новое; а кушанья не пожалѣемъ: это намъ здѣсь ровно ничего не стоитъ... Препротивная добродѣтель». Петръ Ивановичъ выразился немножко жестко, но не совсѣмъ несправедливо. Дѣйствительно, радушіе и гостепріимство провинціальное больше всего основываются на бездѣйствіи, праздности, скукѣ, привычкѣ. Силу столичныхъ людей они измѣряютъ не мѣстомъ, не связями, не вліяніемъ, а чиномъ, и отъ души увѣрены, что если кто дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ ужъ непремѣнно всемогущая особа, которой стоитъ только сказать слово, чтобы сейчасъ рѣшили въ вашу пользу процессъ, тянувшійся пятьдесятъ лѣтъ, приняли вашихъ дѣтей въ учебное заведеніе, дали вамъ выгодное мѣсто, чинъ и орденъ. Откажите имъ въ какой-нибудь просьбѣ, при всемъ вашемъ желаніи исполнить ее, но по невозможности выполнить, — и вотъ вы самый безнравственный человѣкъ въ мірѣ, вы зазнались, подняли носъ, презираете провинціаловъ. А у нихъ первая добродѣтель — ни передъ кѣмъ не зазнаваться, не отказываться ни отъ чьего знакомства и быть готовымъ къ услугамъ всѣхъ и каждаго. Правда, нигдѣ нѣтъ такого важничанья, ломанья, счета старшинствомъ, чинами, званіемъ; но этотъ порокъ, опасный для общаго мира и согласія, смягчается тамъ добродѣтельною готовностью съежиться въ присутствіи человѣка, который хотя однимъ чиномъ выше, и въ то же самое время не уронить своего достоинства передъ тѣмъ, кто чиномъ ниже. Впрочемъ, эта добродѣтель процвѣтаетъ и въ столицѣ, хотя и въ болѣе тонкихъ формахъ. Но въ провинціи это дѣлается съ истинно аркадскою наивностью. «Э, братецъ, — говоритъ богатый помѣщикъ или важный чиновникъ бѣдному помѣщику или чиновнику, — ты меня вовсе забылъ, аль недоволенъ мной? или плохо кормлю? Кажется, у меня для тебя всегда есть плошка за столомъ, шутъ ты

гороховый!» Бѣднякъ слегка конфузится, бормочетъ извиненія, держась передъ своимъ патрономъ въ почтительной позѣ; но въ глазахъ его сіяетъ удовольствіе: онъ знаетъ, гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость, и что въ иной брани больше любви, чѣмъ въ иной ласкѣ. «Ну, да хорошо, Богъ тебя проститъ, теперь пойдемъ-ка хлѣба-соли откушать, обѣдъ готовъ». И оба довольны: одинъ, что выполнилъ въ точности законы патріархальнаго гостепріимства и обласкалъ бѣднаго человѣка; другой, что хорошо принятъ и обласканъ такою важною въ его глазахъ персоною. И этотъ бѣднякъ всегда предпочтетъ обществу совершенно равныхъ ему людей не только общество аристократовъ его захолустья, но и общество низшихъ его людей, потому что онъ тогда только и чувствуетъ свое достоинство, когда унижается передъ высшимъ и ломается передъ низшимъ. Конечно, это отнюдь не можетъ относиться ко всѣмъ провинціаламъ; вездѣ есть люди образованные, умные и достойные, но они вездѣ въ меньшинствѣ, а мы говоримъ о большинствѣ. Непосредственное вліяніе окружающей человѣка среды такъ на него сильно, что лучшіе изъ провинціаловъ бываютъ не чужды провинціальныхъ предразсудковъ и на первый разъ теряются, пріѣхавши въ столицу.

Тутъ все дико имъ, все не такъ, какъ у нихъ. Тамъ жизнь простая, нараспашку; ходятъ другъ къ другу во всякое время, безъ доклада. Приходитъ сосѣдъ къ сосѣду; въ прихожей или нѣтъ никого, или спитъ на грязномъ залавкѣ небритый лакей, или оборванный мальчишка, а спитъ онъ потому, что ему нечего дѣлать, хотя окружающая его грязь и вонь могли бы дать ему работы дня на два. И вотъ гость входитъ въ залу—нѣтъ никого; въ гостиную—тоже никого; онъ въ спальню—и вдругъ тамъ раздается визгливое «ахъ»; гость говоритъ въ пріятномъ замѣшательствѣ: извините-съ, — медленно пятится въ гостиную, къ нему кто-нибудь выбѣгаетъ, изъявляетъ свой восторгъ отъ его посѣщенія, и оба смѣются надъ забавнымъ приключеніемъ. А здѣсь, въ столицѣ, все на заперти, вездѣ колокольчики, вездѣ неизбѣжное: какъ прикажете доложить? А потомъ—то дома нѣтъ, то нездоровъ, то проситъ извинить—заняты, а когда примутъ, то, конечно, вѣжливо, но зато какъ равнодушно, никакого радушія, ни позавтракать, ни пообѣдать не пригласятъ...

Но обратимся къ герою «Обыкновенной исторіи». Въ немъ есть чувство деликатности и приличія; хотя онъ и былъ увѣренъ, что дядя приметъ его съ восторгомъ и помѣститъ у себя въ квартирѣ, однако какое-то темное чувство заставило его остановиться въ трактирѣ. Если бы онъ сдѣлалъ хорошую привычку разсуждать о томъ, что всего ближе къ нему, онъ пораздумался бы о темномъ чувствѣ, которое заставило его въѣхать въ трактиръ, а не прямо на квартиру

дяди, и скоро понялъ бы, что нѣтъ никакихъ причинъ ожидать отъ дяди другого пріема, кромѣ развѣ равнодушно-ласковаго, и что нѣтъ у него никакихъ правъ на жительство у него въ квартирѣ. Но, къ несчастью, онъ привыкъ разсуждать только о любви, дружбѣ и другихъ высокихъ и далекихъ предметахъ, а потому явился къ дядѣ провинціаломъ съ ногъ до головы. Исполненныя ума и здраваго смысла слова дяди ничего не растолковали ему, а только произвели на него тяжелое, грустное впечатлѣніе и заставили его романтически страдать. Онъ былъ трижды романтикъ—по натурѣ, по воспитанію и по обстоятельствамъ жизни, между тѣмъ какъ и одной изъ этихъ причинъ достаточно, чтобъ сбить съ толка порядочнаго человѣка и заставить его надѣлать тьму глупостей. Нѣкоторые находятъ, что онъ своими вещественными знаками невещественныхъ отношеній и другими черезчуръ ребяческими выходками не совсѣмъ вѣроятенъ, особенно въ наше время. Не споримъ,—можетъ-быть, въ этомъ замѣчаніи и есть доля правды; да дѣло-то въ томъ, что полное изображеніе характера молодого Адуева надо искать не здѣсь, а въ его любовныхъ похожденіяхъ. Въ нихъ онъ весь, въ нихъ онъ—представитель множества людей, похожихъ на него, какъ двѣ капли воды, и, дѣйствительно, обрѣтающихся въ здѣшнемъ мірѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой не новой, но все еще интересной породѣ, къ которой принадлежитъ этотъ романтическій звѣрекъ.

Это — порода людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣляетъ нервическою чувствительностью, часто доходящею до болѣзненной раздражительности (*susceptibilité*). Они рано обнаруживаютъ тонкое пониманіе неопредѣленныхъ ощущеній и чувствъ, любятъ слѣдить за ними, наблюдать ихъ и называютъ это—наслаждаться внутреннею жизнью. Потому они очень мечтательны и любятъ или уединеніе, или кругъ избранныхъ друзей, съ которыми бы они могли говорить о своихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ, хотя мыслей у нихъ такъ же мало, какъ много ощущеній и чувствъ. Вообще, они богато одарены отъ природы душевными способностями, но дѣятельность ихъ способностей—чисто страдательная: иные изъ нихъ много понимаютъ, но ни одинъ неспособенъ что-нибудь дѣлать, производить; онъ — немножко музыкантъ, немножко живописецъ, немножко поэтъ, даже, при нуждѣ, немножко критикъ и литераторъ, но всѣ эти таланты у него таковы, что онъ не можетъ ими пріобрѣсти не только славы или извѣстности, но даже выработать посредственное содержаніе. Изъ всѣхъ умственныхъ способностей въ нихъ сильно-развивается воображеніе и фантазія, но не та фантазія, посредствомъ которой поэтъ творитъ, а та фантазія, которая заставляетъ человѣка наслажденіе мечтами о благахъ жизни предпочитать наслажденію дѣйстви-

тельными благами жизни. Это они называютъ—жить высшею жизнью, недоступною для презрѣнной толпы, парить горѣ, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долу. Отъ природы они очень добры, симпатичны, способны къ великодушнымъ движеніямъ, но какъ фантазія въ нихъ преобладаетъ надъ разсудкомъ и сердцемъ, то они скоро доходятъ до сознательнаго презрѣнія къ «пошлому здравому смыслу — этому, по ихъ мнѣнію, достоинству людей матеріальныхъ, грубыхъ и ничтожныхъ, для которыхъ не существуетъ высокаго и прекраснаго»; сердце ихъ, безпрестанно насилуемое въ его инстинктахъ и стремленіяхъ ихъ волею, подъ управленіемъ фантазіи, скоро скудѣетъ любовью, и они дѣлаются ужасными эгоистами и деспотами, сами того не замѣчая, а, напротивъ того, будучи добросовѣстно убѣждены, что они самые любящіе и самоотверженные люди. Такъ какъ въ дѣтствѣ они удивляли всѣхъ раннимъ и быстрымъ развитіемъ своихъ способностей и оказывали, сколько своими достоинствами, столько же и недостатками, сильное вліяніе надъ своими сверстниками, изъ которыхъ иные были гораздо выше ихъ,—естественно, что они были захвалены съ раннихъ лѣтъ и сами о себѣ возымѣли высокое понятіе. Природа и безъ того отпустила имъ самолюбія гораздо больше, нежели сколько нужно его для экилибра человѣческой жизни; удивительно ли, что легкіе и мало заслуженные блестящіе успѣхи усиливаютъ у нихъ самолюбіе до невѣроятной степени? Но самолюбіе въ нихъ бываетъ всегда такъ замаскировано, что они добросовѣстно не подозрѣваютъ его въ себѣ, искренно принимаютъ его за геніальное стремленіе къ славѣ, ко всему великому, высокому и прекрасному. Они долго бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ: это — слава, дружба и любовь. Все остальное для нихъ не существуетъ; это, по ихъ мнѣнію, достояніе презрѣнной толпы. Всѣ роды славы для нихъ равно обольстительны, и сначала они долго колеблются, какой избрать путь для достиженія славы. Имъ и въ голову не приходитъ, что кто считаетъ себя равно способнымъ ко всѣмъ поприщамъ славы, тотъ не способенъ ни къ какому,—что самые великіе люди узнавали о своей геніальности не прежде, какъ сдѣлавши сперва что-нибудь дѣйствительно великое и геніальное, и узнаютъ это не по собственному сознанію, а по одобрительнымъ и восторженнымъ кликамъ толпы. И вотъ манитъ ихъ военная слава, имъ очень бы хотѣлось въ Наполеоны, но только не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ на первый случай дали подъ команду хоть небольшую армію, чтобъ они сейчасъ же могли начинать блестящій рядъ побѣдъ своихъ. Манитъ ихъ и гражданская слава, но не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ прямо махнуть въ министры и сейчасъ же преобразовать государство (у нихъ же всегда

готовы въ головѣ превосходные проекты для всякаго рода реформъ, стоитъ только присѣсть да написать). Но какъ зависть людей сдѣлала невозможными такіе геніальные скачки для такихъ геніальныхъ людей и требуетъ, чтобъ всякій начиналъ свое поприще съ начала, а не съ конца, и на дѣлѣ, а не на словахъ только, доказалъ бы свою геніальность, то наши геніи поневолѣ скоро обращаются къ другимъ путямъ славы. Хватаются они иногда и за науку, но не надолго: сухая и скучная матерія, надобно много учиться, много работать, и нѣтъ никакой пищи сердцу и фантазіи. Остается искусство; но какое же избрать? Архитектура, скульптура, живопись и музыка никакому генію не даются безъ тяжкаго и продолжительнаго труда, и, что̀ всего хуже и обиднѣе для романтиковъ, сначала труда чисто матеріальнаго и механическаго. Остается поэзія; и вотъ они бросаются къ ней со всего размаху и, еще ничего не сдѣлавши, въ мечтахъ своихъ украшаютъ себя огненнымъ ореоломъ поэтической славы. Главное ихъ заблужденіе состоитъ еще не въ нелѣпомъ убѣжденіи, что въ поэзіи нуженъ только талантъ и вдохновеніе, что кто родился поэтомъ, тому ничему не нужно учиться, ничего не нужно знать: у кого, дѣйствительно, есть большой талантъ, тотъ силою самого таланта скоро пойметъ нелѣпость этой мысли и начнетъ все изучать, ко всему прислушиваться и приглядываться. Нѣтъ, главное и гибельное ихъ заблужденіе состоитъ въ томъ, что они увѣрили себя въ своемъ поэтическомъ призваніи, какъ въ непреложной истинѣ, срослись съ этою несчастною мыслью, такъ что разочароваться въ ней—значитъ для нихъ потерять всякую вѣру въ себя и въ жизнь и въ цвѣтѣ лѣтъ сдѣлаться паралитическими стариками. И вотъ нашъ романтикъ принимается писать стихи и говорить въ нихъ о томъ, о чемъ давно прежде него было сказано и великими, и малыми поэтами, и вовсе не поэтами. Онъ воспѣваетъ въ нихъ свои страданія, которыхъ не испыталъ, говоритъ о своихъ темныхъ надеждахъ, изъ которыхъ видно только то, что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ; простираетъ къ братьямъ-людямъ горячія объятія и хочетъ разомъ прижать къ сердцу все человѣчество, или горько жалуется, что толпа холодно отвернулась отъ его братскихъ объятій. Бѣднякъ не понимаетъ, что, сидя въ кабинетѣ, ничего не стоитъ вдругъ возгорѣться самою неистовою любовью къ человѣчеству, по крайней мѣрѣ, гораздо легче, нежели провести безъ сна хоть одну ночь у постели трудно-больного. Обыкновенно романтики придаютъ страшную цѣну чувству, думаютъ, что только одни они надѣлены сильными чувствами, а другіе лишены ихъ, потому что не кричатъ о своихъ чувствахъ. Чувство, конечно, важная сторона въ натурѣ человѣка, но не всѣ и не всегда поступаютъ въ жизни сообразно съ своею способностью чувствовать глубоко

и сильно. Случается и такъ, что иной, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ, тѣмъ безчувственнѣе живетъ: рыдаетъ отъ стиховъ, отъ музыки, отъ живого изображенія человѣческихъ бѣдствій въ романѣ или повѣсти— и равнодушно проходитъ мимо дѣйствительнаго страданія, которое у него передъ глазами. Иной управляющій, изъ нѣмцевъ, со слезами восторга на глазахъ читаетъ своей Минхенъ какое-либо восторженное посланіе Шиллера къ Лаурѣ и, кончивши послѣдній стихъ, съ неменьшимъ удовольствіемъ идетъ пороть мужиковъ за то, что они осмѣлились робко намекнуть своему милостивому барину, что они не совсѣмъ довольны отеческими попеченіями управляющаго о ихъ благосостояніи, отъ которыхъ только одинъ онъ и жирѣетъ, а они все худѣютъ.—Стихи нашего романтика гладки, блестящи, не лишены даже поэтической обработки, хотя въ нихъ и довольно риторической водицы, однако въ нихъ мѣстами проглядываетъ чувство, иногда даже блеснетъ мысль (какъ отголосокъ чужой мысли),—словомъ, замѣтно что-то въ родѣ таланта. Стихи его печатаются въ журналахъ, многіе ихъ хвалятъ, а если онъ явится съ ними въ переходную эпоху литературы, онъ можетъ пріобрѣсти даже значительную извѣстность. Но переходныя эпохи литературы особенно гибельны для такихъ поэтовъ: ихъ извѣстность, пріобрѣтенная въ короткое время чѣмъ-то, и въ короткое же время исчезаетъ просто отъ *ничего;* сперва ихъ стихи перестаютъ хвалить, потомъ читать, а наконецъ и печатать. Но молодому Адуеву не удалось насладиться хотя на мгновеніе даже ложною извѣстностью: его не допустили до этого и время, въ которое онъ вышелъ со своими стихами, и умный откровенный дядя. Его несчастье состояло не въ томъ, что онъ былъ бездаренъ, а въ томъ, что у него вмѣсто таланта былъ полуталантъ, который въ поэзіи хуже бездарности, потому что увлекаетъ человѣка ложными надеждами. Вы помните, чего ему стоило разочарованіе въ своемъ поэтическомъ призваніи...

Дружба также дорого обходится романтикамъ. Всякое чувство, чтобъ быть истиннымъ, должно быть, прежде всего, естественно и просто. Дружба иногда завязывается отъ сходства, а иногда отъ противоположности натуръ; но, во всякомъ случаѣ, она—чувство невольное, именно потому, что свободное; имъ управляетъ сердце, а не умъ и воля. Друга нельзя искать, какъ подрядчика на работу, друга нельзя выбрать; друзьями дѣлаются случайно и незамѣтно; привычка и обстоятельства жизни скрѣпляютъ дружбу. Истинные друзья не даютъ имени соединяющей ихъ симпатіи, не болтаютъ о ней безпрестанно, ничего не требуютъ одинъ отъ другого во имя дружбы, но дѣлаютъ другъ для друга, что̀ могутъ. Бывали примѣры, что другъ не выносилъ смерти своего друга и умиралъ вскорѣ послѣ него;

другой отъ потери своего друга изъ веселаго человѣка дѣлается на всю жизнь меланхоликомъ; а третій поскорбитъ, потужитъ, да и утѣшится, но если онъ навсегда сохранитъ воспоминаніе, и оно будетъ для него вмѣстѣ и грустно, и отрадно, — онъ былъ истиннымъ другомъ умершаго, хотя не только не умеръ самъ отъ его потери, не сошелъ съ ума, не сдѣлался меланхоликомъ, но еще нашелъ силу быть довольно счастливымъ въ жизни и безъ друга. Степень и характеръ дружбы зависитъ отъ личности друзей; тутъ главное, чтобъ не было въ отношеніяхъ ничего натянутаго, напряженнаго, восторженнаго, ничего похожаго на долгъ и обязанность, а то иной готовъ и Богъ знаетъ на какія самопожертвованія для своего друга, чтобы сказать самому себѣ, а иногда и другимъ: «вотъ каковъ я въ дружбѣ!» или: «вотъ къ какой дружбѣ я способенъ!» Этотъ-то родъ дружбы обожаютъ романтики. Они дружатся по программѣ, заранѣе составленной, гдѣ съ точностью опредѣлены сущность, права и обязанности дружбы: они только не заключаютъ контрактовъ со своими друзьями. Имъ дружба нужна, чтобъ удивить міръ и показать ему, какъ великія натуры въ дружбѣ отличаются отъ обыкновенныхъ людей, отъ толпы. Ихъ тянетъ къ дружбѣ не столько потребность симпатіи, столь сильной въ молодыя лѣта, сколько потребность имѣть при себѣ человѣка, которому бы они безпрестанно могли говорить о драгоцѣнной своей особѣ. Выражаясь ихъ высокимъ слогомъ, для нихъ другъ есть драгоцѣнный сосудъ для изліянія самыхъ святыхъ и завѣтныхъ чувствъ, мыслей, надеждъ, мечтаній и т. д.; тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ въ ихъ глазахъ другъ есть лохань, куда они выливаютъ помои своего самолюбія. Зато они и не знаютъ дружбы, потому что друзья ихъ скоро оказываются неблагодарными, вѣроломными, извергами, и они еще сильнѣе злобствуютъ на людей, которые не умѣли и не хотѣли понять и оцѣнить ихъ...

Любовь обходится имъ еще дороже, потому что это чувство само по себѣ живѣе и сильнѣе другихъ. Обыкновенно любовь раздѣляютъ на многіе роды и виды; всѣ эти раздѣленія, большею частью, нелѣпы, потому что надѣланы людьми, которые способнѣе мечтать и разсуждать о любви, нежели любить. Прежде всего, раздѣляютъ любовь на матеріальную, или чувственную, и платоническую, или идеальную, презираютъ первую и восторгаются второю. Дѣйствительно, есть люди столь грубые, что могутъ предаваться только животнымъ наслажденіямъ любви, не хлопоча даже о красотѣ и молодости; но даже и эта любовь, какъ ни груба она, все же лучше платонической, потому что естественнѣе ея: послѣдняя хороша только для хранителей восточныхъ гаремовъ... Человѣкъ не звѣрь и не ангелъ; онъ долженъ любить не животно и не платонически, а человѣчески. Какъ бы ни идеализировали любовь, но какъ же не видѣть, что природа одарила людей

этимъ прекраснымъ чувствомъ сколько для ихъ счастья, столько и для размноженія и поддержанія рода человѣческаго. Родовъ любви такъ же много, какъ много на землѣ людей, потому что каждый любитъ сообразно съ своимъ темпераментомъ, характеромъ, понятіями и т. д. И всякая любовь истинна и прекрасна по-своему, лишь бы только она была въ сердцѣ, а не въ головѣ. Но романтики особенно падки къ головной любви. Сперва они сочиняютъ программу любви, потомъ ищутъ достойной себя женщины, а за неимѣніемъ таковой любятъ пока какую-нибудь; имъ ничего не стòитъ велѣть себѣ любить, вѣдь у нихъ все дѣлаетъ голова, а не сердце. Имъ любовь нужна не для счастья, не для наслажденія, а для оправданія на дѣлѣ своей высокой теоріи любви. И они любятъ по тетрадкѣ и больше всего боятся отступить хотя отъ одного параграфа своей программы. Главная ихъ забота—являться въ любви великими и ни въ чемъ не унизиться до сходства съ обыкновенными людьми. И однакожъ въ любви молодого Адуева къ Наденькѣ было столько истиннаго и живого чувства; природа заставила на время молчать его романтизмъ, но не побѣдила его. Онъ могъ бы быть счастливъ надолго, но былъ только на минуту, потому что все самъ испортилъ. Наденька была умнѣе его, а главное,—попроще и естественнѣе. Капризное, избалованное дитя, она любила его сердцемъ, а не головою, безъ теорій и безъ претензій на геніальность; она видѣла въ любви только ея свѣтлую и веселую сторону и потому любила какъ будто шутя — шалила, кокетничала, дразнила Адуева своими капризами. Но онъ любилъ «горестно и трудно», весь задыхающійся, весь въ пѣнѣ, словно лошадь, которая тащитъ въ гору тяжелый возъ. Какъ романтикъ, онъ былъ и педантъ: легкость, шутка оскорбляли въ его глазахъ святое и высокое чувство любви. Любя, онъ хотѣлъ быть театральнымъ героемъ. Онъ скоро все переболталъ съ Наденькой о своихъ чувствахъ, пришлось повторять старое, а Наденька хотѣла, чтобъ онъ занималъ не только ея сердце, но и умъ, потому что она была пылка, впечатлительна, жаждала новаго; все привычное и однообразное скоро наскучило ей. Но къ этому Адуевъ былъ человѣкъ самый неспособный въ мірѣ, потому что собственно его умъ спалъ глубокимъ и непробуднымъ сномъ: считая себя великимъ философомъ, онъ не мыслилъ, а мечталъ, бредилъ наяву. При такихъ отношеніяхъ къ предмету его любви ему былъ опасенъ всякій соперникъ,—пусть онъ былъ бы хуже его, лишь бы только не походилъ на него и могъ бы имѣть для Наденьки прелесть новости; а тутъ вдругъ является графъ, человѣкъ съ блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ. Адуевъ, думая повести себя въ отношеніи къ нему истиннымъ героемъ, черезъ это самое повелъ себя, какъ глупый, дурно воспитанный мальчишка, и этимъ испортилъ все дѣло. Дядя объяснилъ

ему, но поздно и безполезно для него, что во всей этой исторіи былъ виноватъ только одинъ онъ. Какъ жалокъ этотъ несчастный мученикъ своей извращенной и ограниченной натуры въ послѣднемъ его объясненіи съ Наденькой и потомъ разговорѣ съ дядею! Страданія его невыносимы; онъ не можетъ не согласиться съ доводами дяди и между тѣмъ все-таки не можетъ понять дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ. Какъ! Ему унизиться до такъ называемыхъ хитростей,—ему, который затѣмъ и полюбилъ, чтобъ удивить себя и міръ своею громадною страстью, хотя міръ и не думалъ заботиться ни о немъ, ни о его любви! По его теоріи, судьба должна была послать ему такую же великую героиню, какъ онъ самъ, и вмѣсто этого послала легкомысленную дѣвчонку, бездушную кокетку! Наденька, которая была еще недавно въ глазахъ его выше всѣхъ женщинъ, теперь вдругъ стала ниже всѣхъ ихъ! Все это было бы очень смѣшно, если бъ не было такъ грустно. Ложныя причины производятъ такія же мучительныя страданія, какъ и истинныя. Но вотъ мало-по-малу онъ перешелъ отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію и, какъ истинный романтикъ, началъ щеголять и кокетничать «своею нарядною печалью». Прошелъ годъ, и онъ уже презираетъ Наденьку, говоря, что въ ея любви не было нисколько героизма и самоотверженія. На вопросъ тетки: какой любви потребовалъ бы онъ отъ женщины?—онъ отвѣчалъ: «Я бы потребовалъ отъ нея первенства въ ея сердцѣ; любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ меня; всѣ они должны казаться ей невыносимы; я одинъ выше, прекраснѣе (тутъ онъ выпрямился), лучше, благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не со мной, для нея—потерянный мигъ; въ моихъ глазахъ, въ моихъ разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другого; для меня она должна жертвовать всѣмъ: презрѣнными выгодами, расчетами, свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать, если нужно, на край свѣта, сносить энергически всѣ лишенія, наконецъ, презрѣть саму смерть — вотъ любовь!»

Какъ эта галиматья похожа на слова восточнаго деспота, который говоритъ своему главному евнуху: «Если одна изъ моихъ одалисокъ проговоритъ во снѣ мужское имя, которое будетъ не моимъ,—сейчасъ же въ мѣшокъ и въ море!» Бѣдный мечтатель увѣренъ, что въ его словахъ выразилась страсть, къ которой способны только полубоги, а не простые смертные; и между тѣмъ тутъ выразились только самое необузданное самолюбіе и самый отвратительный эгоизмъ. Ему нужно не любовницу, а рабу, которую онъ могъ бы безнаказанно мучить капризами своего эгоизма и самолюбія. Прежде, чѣмъ требовать такой любви отъ женщины, ему слѣдовало бы спросить себя, способенъ ли самъ заплатить такою же любовью; чувство увѣряло его, что способенъ,

тогда какъ въ этомъ случаѣ нельзя вѣрить ни чувству, ни уму, а только опыту; но для романтиковъ чувство есть единственный непогрѣшительный авторитетъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни. Но если бы онъ и былъ способенъ къ такой любви, это бы должно было быть для него причиною бояться любви и бѣжать отъ нея, потому что это — любовь не человѣческая, а звѣриная, взаимное терзаніе другъ друга. Любовь требуетъ свободы; отдаваясь другъ другу по временамъ, любящіеся по временамъ хотятъ принадлежать и самимъ себѣ. Адуевъ требуетъ любви вѣчной, не понимая того, что чѣмъ любовь живѣе, страстнѣе, чѣмъ ближе подходитъ подъ любимый идеалъ поэтовъ, тѣмъ она кратковременнѣе, тѣмъ скорѣе охлаждается и переходитъ въ равнодушіе, а иногда и въ отвращеніе. И наоборотъ, чѣмъ любовь спокойнѣе и тише, т.-е. чѣмъ прозрачнѣе, тѣмъ продолжительнѣе: привычка скрѣпляетъ ее на всю жизнь. Поэтическая, страстная любовь — это цвѣтъ нашей жизни, нашей молодости; ее испытываютъ рѣдкіе, и только одинъ разъ въ жизни, хотя послѣ иные любятъ и еще нѣсколько разъ, да ужъ не такъ, потому что, — какъ сказалъ нѣмецкій поэтъ,—май жизни цвѣтетъ только разъ. Шекспиръ не даромъ заставилъ умереть Ромео и Юлію въ концѣ своей трагедіи: черезъ это они остаются въ памяти читателя героями любви, ея апоѳеозою; оставь же онъ ихъ въ живыхъ, они представлялись бы намъ счастливыми супругами, которые, сидя вмѣстѣ, зѣваютъ, а иногда и ссорятся, въ чемъ вовсе нѣтъ поэзіи.

Но вотъ судьба послала нашему герою именно такую женщину, т.-е. такую же, какъ онъ, испорченную, съ вывороченнымъ наизнанку сердцемъ и мозгомъ. Сначала онъ утопалъ въ блаженствѣ, все забылъ, все бросилъ, съ утра до поздней ночи просиживалъ у нея каждый день. Въ чемъ же заключалось его блаженство?—Въ разговорахъ о своей любви. И этотъ страстный молодой человѣкъ, сидя наединѣ съ прекрасною молодою женщиною, которая его любитъ и которую онъ любилъ, не краснѣлъ, не блѣднѣлъ, не замиралъ отъ томительныхъ желаній; ему довольно было разговоровъ о взаимной ихъ любви!.. Это, впрочемъ, понятно: сильная наклонность къ идеализму и романтизму почти всегда свидѣтельствуетъ объ отсутствіи темперамента; эти люди безполые, то же, что въ царствѣ растеній тайнобрачные грибы, напримѣръ. Мы понимаемъ это трепетное, робкое обожаніе женщины, въ которое не входитъ ни одно дерзкое желаніе, но это не платонизмъ: это первый моментъ первой свѣжей, дѣвственной любви; это не отсутствіе страсти, а страсть, которая еще боится сказаться самой себѣ. Съ этого начинается первая любовь, но остановиться на этомъ такъ же смѣшно и глупо, какъ захотѣть остаться на всю жизнь ребенкомъ и ѣздить верхомъ на палочкѣ. Любовь имѣетъ свои законы

развитія, свои возрасты, какъ цвѣты, какъ жизнь человѣческая. У нея есть своя роскошная весна, свое жаркое лѣто, наконецъ осень, которая для однихъ бываетъ теплою, свѣтлою и плодородною, для другихъ—холодною, гнилою и безплодною. Но нашъ герой не хотѣлъ знать законовъ сердца, природы, дѣйствительности, онъ сочинилъ для нихъ свои собственные, онъ гордо признавалъ существующій міръ призракомъ, а созданный его фантазіею призракъ — дѣйствительно существующимъ міромъ. На зло возможности, онъ упорно хотѣлъ оставаться въ первомъ моментѣ любви на всю жизнь свою. Однакожъ сердечныя изліянія съ Тафаевой скоро начали утомлять его; онъ думалъ поправить дѣло предложеніемъ жениться. Коли такъ, то надо бы было поторопиться; но онъ только думалъ, что рѣшился, а въ самомъ-то дѣлѣ ему только былъ нуженъ предметъ для новыхъ мечтаній. Между тѣмъ Тафаева начала смертельно надоѣдать ему своей привязчивой любовью; онъ началъ тиранить ее самымъ грубымъ и отвратительнымъ образомъ за то, что уже не любилъ ея. Еще прежде этого онъ уже начиналъ понимать, что свобода въ любви вещь недурная, что пріятно бывать у любимой женщины, но также пріятно быть въ правѣ пройтись по Невскому, когда хочется, отобѣдать съ знакомыми и друзьями, провести съ ними вечеръ, что, наконецъ, при любви можно не бросать и службы. Измучивши бѣдную женщину самымъ варварскимъ образомъ, взваливши на нее всю вину въ несчастіи, въ которомъ онъ былъ виноватъ гораздо больше ея, онъ рѣшился, наконецъ, сказать себѣ, что онъ ея не любитъ и что ему пора покончить съ ней. Такимъ образомъ его глупый идеалъ любви былъ вдребезги разбитъ опытомъ. Онъ самъ увидѣлъ свою несостоятельность передъ любовью, о которой мечталъ всю жизнь свою. Онъ увидѣлъ ясно, что онъ вовсе не герой, а самый обыкновенный человѣкъ, хуже тѣхъ, кого презиралъ, что онъ самолюбивъ безъ достоинствъ, требователенъ безъ правъ, заносчивъ безъ силы, гордъ и надутъ собою безъ заслуги, неблагодаренъ, эгоистъ. Это открытіе словно громомъ пришибло его, но не заставило его искать примиренія съ жизнью, пойти настоящимъ путемъ. Онъ впалъ въ мертвую апатію и рѣшился отомстить за свое ничтожество природѣ и человѣчеству, связавшись съ животнымъ Костяковымъ и предавшись пустымъ удовольствіямъ, безъ всякой охоты къ нимъ. Послѣдняя его любовная исторія гадка. Онъ хотѣлъ погубить бѣдную страстную дѣвушку, такъ, отъ скуки, и не могъ бы въ этомъ покушеніи оправдаться даже бѣшенствомъ чувственныхъ желаній, хотя и это плохое оправданіе, особенно когда есть для этого путь болѣе прямой и честный. Отецъ дѣвушки далъ ему урокъ, страшный для его самолюбія; онъ обѣщалъ поколотить его; герой нашъ хотѣлъ съ отчаянія бро-

ситься въ Неву, но струсилъ. Концертъ, на который затащила его тетка, расшевелилъ въ немъ прежнія мечтанія и вызвалъ его на откровенное объясненіе съ теткою и дядею. Здѣсь онъ обвинялъ дядю во всѣхъ своихъ несчастіяхъ. Дядя по-своему, дѣйствительно, кое въ чемъ сильно ошибался, но онъ былъ тутъ самимъ собою, не лгалъ, не притворялся, говорилъ по убѣжденію, что думалъ и чувствовалъ; если слова его подѣйствовали на племянника болѣе вредно, нежели полезно, въ этомъ виновата ограниченная, болѣзненная и поврежденная натура нашего героя. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые иногда и видятъ истину, но, рванувшись къ ней, или не допрыгиваютъ до нея, или перепрыгиваютъ черезъ нее, такъ что бываютъ только около нея, но никогда — въ ней. Выѣзжая изъ Петербурга въ деревню, онъ расквитался съ нимъ фразами и стихами и прочелъ стихотвореніе Пушкина: «Художникъ варваръ кистью сонной»... Эти господа ни на часъ безъ монологовъ и стиховъ — такіе болтуны!

Онъ пріѣхалъ въ деревню живымъ трупомъ; нравственная жизнь была въ немъ совершенно парализована; самая наружность его сильно измѣнилась, мать едва узнала его. Съ нею онъ обошелся почтительно, но холодно, ничего ей не открылъ, не объяснилъ. Онъ, наконецъ, понялъ, что между нимъ и ею нѣтъ ничего общаго, что если бъ онъ сталъ ей объяснять, куда дѣвались его волоски, она поняла бы это такъ же, какъ Евсей и Аграфена. Ласки и угожденіе матери скоро стали ему въ тягость. Мѣста—свидѣтели его дѣтства—расшевелили въ немъ прежнія мечты, и онъ началъ хныкать о нихъ невозвратной потерѣ, говоря, что счастье — въ обманахъ и призракахъ. Это общее убѣжденіе всѣхъ дряхлыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ. Вѣдь, кажется, опытъ достаточно показалъ ему, что всѣ его несчастія произошли именно оттого, что онъ предавался обманамъ и мечтамъ: воображалъ, что у него огромный поэтическій талантъ, тогда какъ у него не было никакого, что онъ созданъ для какой-то героической и самоотверженной дружбы и колоссальной любви, тогда какъ въ немъ ничего не было героическаго, самоотверженнаго. Это былъ человѣкъ обыкновенный, но вовсе не пошлый. Онъ былъ добръ, любящъ и неглупъ, не лишенъ образованія; всѣ несчастія его произошли оттого, что, будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго. Кто въ молодости не мечталъ, не предавался обманамъ, не гонялся за призраками, и кто не разочаровывался въ нихъ, и кому эти разочарованія не стоили сердечныхъ судорогъ, тоски, апатіи, и кто потомъ не смѣялся надъ ними отъ всей души? Но здоровымъ натурамъ полезна эта практическая логика жизни и опыта: они отъ нея развиваются и мужаютъ нравственно; романтики гибнутъ отъ нея...

Когда мы въ первый разъ читали письмо нашего героя къ теткѣ и дядѣ, писанное послѣ смерти его матери и исполненное душевнаго спокойствія и здраваго смысла,—это письмо подѣйствовало на насъ какъ-то странно; но мы объяснили его себѣ такъ, что авторъ хочетъ послать своего героя снова въ Петербургъ затѣмъ, чтобы тотъ новыми глупостями достойно заключилъ свое донкихотское поприще. Письмомъ этимъ заключается вторая часть романа; эпилогъ начинается черезъ четыре года послѣ вторичнаго пріѣзда нашего героя въ Петербургъ. На сценѣ Петръ Иванычъ. Это лицо введено въ романъ не само для себя, а для того, чтобы своей противоположностью съ героемъ романа лучше оттѣнить его. Это набросило на весь романъ нѣсколько дидактическій оттѣнокъ, въ чемъ многіе не безъ основанія упрекали автора. Но авторъ умѣлъ и тутъ показать себя человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Петръ Иванычъ — не абстрактная идея, а живое лицо, фигура, нарисованная во весь ростъ кистью смѣлою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подражанія: это люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ Иванычъ по-своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Иванычъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но, вмѣстѣ съ этимъ, онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ, чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что̀ обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Словомъ, это—въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше. Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, сообразуясь съ своею натурою и здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно вѣрными. Дѣйствительно, мантія его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, доживъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантіи прорѣху—правда, одну только, но зато какую широкую. Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастіи, но былъ увѣренъ, что утвер-

дилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи,—и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвою его мудрости, что онъ заѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ.

Какой урокъ для людей положительныхъ, представителей здраваго смысла! Видно, человѣку нужно и еще чего-нибудь немножко, кромѣ здраваго смысла! Видно, на границахъ-то крайностей больше всего и стережетъ насъ судьба. Видно, и страсти необходимы для полноты человѣческой натуры, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастье, которое только насъ можетъ удовлетворить, но всякій человѣкъ можетъ быть счастливымъ только сообразно съ собственною натурою! Петръ Иванычъ хитро и тонко расчелъ, что ему надо овладѣть понятіями, убѣжденіями, склонностями своей жены, не давая ей этого замѣтить, вести ее по дорогѣ жизни, но такъ, чтобъ она думала, что сама идетъ; но онъ сдѣлалъ въ этомъ расчетѣ одну важную ошибку; при всемъ своемъ умѣ онъ не сообразилъ, что для этого надо было выбрать жену, чуждую всякой страстности, всякой потребности любви и сочувствія, холодную, добрую, вялую, всего лучше пустую, даже немножко глупую. Но на такой онъ, можетъ-быть, не захотѣлъ бы жениться, по самолюбію; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало вовсе не жениться.

Петръ Иванычъ выдержанъ отъ начала до конца съ удивительною вѣрностью; но героя романа мы не узнаемъ въ эпилогѣ: это лицо фальшивое, неестественное. Такое перерожденіе для него было бы возможно только тогда, если бъ онъ былъ обыкновенный болтунъ и фразёръ, который повторяетъ чужія слова, не понимая ихъ, наклепываетъ на себя чувства, восторги и страданія, которыхъ никогда не испытывалъ; но молодой Адуевъ, къ его несчастью, часто бывалъ слишкомъ искрененъ въ своихъ заблужденіяхъ и нелѣпостяхъ. Его романтизмъ былъ въ его натурѣ; такіе романтики никогда не дѣлаются положительными людьми. Авторъ имѣлъ бы скорѣе право заставить своего героя заглохнуть въ деревенской глуши въ апатіи и лѣни, нежели заставить его выгодно служить въ Петербургѣ и жениться на большомъ приданомъ. Еще бы лучше и естественнѣе было ему сдѣлать его мистикомъ, фанатикомъ, сектантомъ; но всего лучше и естественнѣе было бы ему сдѣлать его, напр., славянофиломъ. Тутъ Адуевъ остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь и между тѣмъ думалъ бы, что онъ и Богъ знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ, въ сущности, онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ бы мечтать о народахъ и племенахъ, о томъ, что на долю славянъ досталась любовь, а на долю тевтоновъ—вражда, о томъ, что во времена Гостомысла славяне

имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію, что современная Россія быстро идетъ къ этой цивилизаціи, что этого не видятъ только слѣпые и ожесточенные разсудкомъ, а всѣ зрячіе и размягченные фантазіею давно это ясно видятъ. Тогда бы герой былъ вполнѣ современнымъ романтикомъ, и никому бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ...

Придуманная авторомъ развязка романа портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія, потому что она неестественна и ложна. Въ эпилогѣ хороши только Петръ Иванычъ и Лизавета Александровна до самаго конца; въ отношеніи же къ герою романа, эпилогъ хоть не читать... Какъ такой сильный талантъ могъ впасть въ такую странную ошибку? Или онъ не совладалъ съ своимъ предметомъ? Ничуть не бывало! Авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ—на почвѣ сознательной мысли—и пересталъ быть поэтомъ. Здѣсь всего яснѣе открывается различіе его таланта съ талантомъ Искандера: тотъ и въ сферѣ чуждой для его таланта дѣйствительности умѣлъ выпутаться изъ своего положенія силою мысли; авторъ «Обыкновенной исторіи» впалъ въ важную ошибку именно оттого, что оставилъ на минуту руководство непосредственнаго таланта. У Искандера мысль всегда впереди, онъ впередъ знаетъ, что и для чего пишетъ; онъ изображаетъ съ поразительною вѣрностью сцену дѣйствительности для того только, чтобы сказать о ней свое слово, произнести судъ. Г. Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностью рисовать; говорить и судить, и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ. Картины Искандера отличаются не столько вѣрностью рисунка и тонкостью кисти, сколько глубокимъ знаніемъ изображаемой имъ дѣйствительности: онѣ отличаются больше фактическою, нежели поэтическою, истиною, увлекательны слогомъ не столько поэтическимъ, сколько исполненнымъ ума, мысли, юмора и остроумія,—всегда поражающими оригинальностью и новостью. Главная сила таланта г. Гончарова— всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и постороннихъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодого Адуева. Въ талантѣ Искандера поэзія—агентъ второстепенный, а главный—мысль; въ талантѣ г. Гончарова поэзія — агентъ первый, главный и единственный...

Несмотря на неудачный или, лучше сказать, на испорченный эпилогъ, романъ г. Гончарова остается однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Къ особеннымъ его достоинствамъ

принадлежитъ, между прочимъ, языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся. Разсказъ г. Гончарова, въ этомъ отношеніи,— не печатная книга, а живая импровизація. Нѣкоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядею и племянникомъ. Но для насъ эти разговоры принадлежатъ къ лучшимъ сторонамъ романа. Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, неидущаго къ дѣлу; это—не диспуты, а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ, отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравственное существованіе. Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при легкомъ, дидактическомъ колоритѣ, наброшенномъ на романъ, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тѣмъ больше чести г. Гончарову, что онъ такъ счастливо рѣшилъ трудную самое по себѣ задачу и остался поэтомъ тамъ, гдѣ такъ легко было сбиться на тонъ резонера.

Бѣлинскій.

„Обломовъ" Гончарова.

Трудно пересчитать всѣ шансы, собранные противъ этого художественнаго созданія. Оно печаталось помѣсячно, стало-быть, прерывалось три или четыре раза. Первая часть, всегда такая важная, особенно важная при печатаніи романа въ раздробленномъ видѣ, была слабѣе всѣхъ остальныхъ частей. Въ этой первой части авторъ согрѣшилъ тѣмъ, что, повидимому, никогда не прощаетъ читатель, бѣдностью дѣйствія; всѣ прочли первую часть, замѣтили ея слабую сторону, а между тѣмъ продолженіе романа, такъ богатое жизнью и такъ мастерски построенное, еще лежало въ типографіи! Люди, знавшіе весь романъ, восхищенные имъ до глубины души, въ теченіе долгихъ дней трепетали за Гончарова; что же долженъ былъ перечувствовать самъ авторъ, пока рѣшилась судьба книги, которую онъ болѣе десяти лѣтъ носилъ въ своемъ сердцѣ? Но опасенія были напрасны. Жажда свѣта и поэзіи взяла свое въ молодомъ читающемъ мірѣ. Наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, «Обломовъ» побѣдоносно захватилъ собою всѣ страсти, все вниманіе, всѣ помыслы читателей. Въ какихъ-то пароксизмахъ наслажденія всѣ грамотные люди прочли «Обломова». Толпы людей, какъ будто чего-то ждавшихъ, шумно кинулись къ «Обломову». Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ настоящую минуту по всей Россіи нѣтъ ни одного малѣйшаго, безуѣзднаго, заштатнѣйшаго города, гдѣ бы не читали «Обломова», не хвалили «Обломова», не спорили объ «Обломовѣ».

Въ писателѣ, подарившемъ нашей словесности «Обыкновенную исторію» и «Обломова», мы всегда видѣли и видимъ теперь одного

изъ сильнѣйшихъ современныхъ русскихъ художниковъ—съ такимъ сужденіемъ, безъ сомнѣнія, согласится всякій человѣкъ, умѣющій съ толкомъ читать по-русски. Объ особенностяхъ гончаровскаго дарованія тоже большихъ споровъ быть не можетъ. Авторъ «Обломова», вмѣстѣ съ другими первоклассными представителями родного искусства,—есть художникъ чистый и независимый, художникъ по призванію и по всей цѣлости того, что имъ сдѣлано. Онъ — реалистъ, но его реализмъ постоянно согрѣтъ глубокой поэзіею; по своей наблюдательности и манерѣ творчества онъ достоинъ быть представителемъ самой натуральной школы, между тѣмъ какъ его литературное воспитаніе и вліяніе поэзіи Пушкина, любимѣйшаго изъ его учителей, навѣки отдѣляютъ отъ Гончарова самую возможность *безплодной* и сухой натуральности. Въ нашей рецензіи, о которой упоминалось выше, мы проводили подробную параллель между талантомъ Гончарова и талантами первоклассныхъ живописцевъ фламандской школы; параллель, какъ намъ и теперь кажется, даетъ вѣрный ключъ къ уразумѣнію заслугъ, достоинствъ и даже недостатковъ нашего автора. Подобно фламандцамъ, Гончаровъ націоналенъ, неотступенъ въ разъ принятой задачѣ и поэтиченъ въ малѣйшихъ подробностяхъ созданія. Подобно имъ, онъ крѣпко держится за окружающую его дѣйствительность, твердо вѣруя, что нѣтъ въ мірѣ предмета, который не могъ бы быть возведенъ въ поэтическое представленіе силой труда и дарованія. Какъ художникъ фламандецъ, Гончаровъ не путается въ системахъ и не рвется въ области ему чуждыя. Какъ Доу, Ванъ-деръ-Нээръ и Остадъ, онъ знаетъ, что ему незачѣмъ ходить далеко за предметами творчества. Простой и даже какъ будто скупой на вымыселъ, подобно тремъ сейчасъ нами названнымъ великимъ людямъ, Гончаровъ, подобно имъ, не выдаетъ всей своей глубины поверхностному наблюдателю. Но подобно имъ, онъ является глубже и глубже съ каждымъ внимательнымъ взглядомъ, подобно имъ, онъ ставитъ передъ наши глаза цѣлую жизнь данной сферы, данной эпохи и даннаго общества,—для того, чтобъ, подобно имъ же, навсегда остаться въ исторіи искусства и освѣщать яркимъ свѣтомъ моменты дѣйствительности, имъ уловленной.

Несмотря на нѣкоторыя несовершенства выполненія, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, — невзирая на видимое всѣмъ несогласіе первой части романа со всѣми послѣдующими, лицо Ильи Ильича Обломова, вмѣстѣ съ міромъ, его окружающимъ, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ собой все нами сейчасъ сказанное о дарованіи Гончарова. Обломовъ и обломовщина: эти слова не даромъ облетѣли всю Россію и сдѣлались словами, навсегда укоренившимися въ нашей рѣчи. Они разъяснили намъ цѣлый кругъ явленій современнаго намъ обще-

ства; они поставили передъ нами цѣлый міръ идей, образовъ и подробностей, еще недавно нами не вполнѣ сознанныхъ, являвшихся намъ какъ будто въ туманѣ. Силой своего труда человѣкъ съ глубокимъ поэтическимъ дарованіемъ сдѣлалъ для извѣстнаго отдѣла нашей современной жизни то, что сдѣлали родственные ему фламандцы со многими сторонами своей родной дѣйствительности. Обломова изучилъ и узналъ цѣлый народъ, по преимуществу богатый обломовщиной,—и мало того, что узналъ, но полюбилъ его всѣмъ сердцемъ, потому что невозможно узнать Обломова и не полюбить его глубоко. Напрасно и до сей поры многія нѣжныя дамы смотрятъ на Илью Ильича какъ на существо, достойное посмѣянія, — напрасно многіе люди съ черезчуръ практическими стремленіями усиливаются презирать Обломова и даже звать его улиткою: весь этотъ строгій судъ надъ героемъ показываетъ поверхностную и быстро преходящую придирчивость. Обломовъ любезенъ всѣмъ намъ и стоитъ безпредѣльной любви — это фактъ, и противъ него спорить невозможно. Самъ его творецъ безпредѣльно преданъ Обломову, и въ этомъ вся причина глубины его созданія. Обвинить Обломова за его обломовскія качества не значитъ ли то же самое, что сердиться на то, зачѣмъ добрыя и пухлыя лица фламандскихъ бургомистровъ, на фламандскихъ картинахъ, не украшены черными глазами неаполитанскихъ рыбаковъ или римлянъ изъ Транстевере? Метать громы на общество, рождающее Обломовыхъ, по нашему мнѣнію то же самое, что сердиться за недостатокъ снѣговыхъ горъ въ картинахъ Рюйздаля. Развѣ мы не видимъ съ разительной ясностью, что въ этомъ дѣлѣ вся сила поэта порождена его твердымъ, неуклоннымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, помимо всѣхъ прикрасъ и сентиментальностей? Крѣпко держась за дѣйствительность и разработывая ее до глубины, еще никѣмъ неизвѣданной, творецъ «Обломова» добился до всего, что истинно, поэтично и вѣковѣчно въ его созданіи. Скажемъ болѣе, черезъ свой фламандскій, неотступный трудъ онъ далъ намъ ту любовь къ своему герою, про которую мы говоримъ и говорить будемъ. Не спустись Гончаровъ такъ глубоко въ нѣдра обломовщины, та же обломовщина, въ ея неполной разработкѣ, могла бы намъ показаться грустною, бѣдною, жалкою, достойною пустого смѣха. Теперь надъ обломовщиной можно смѣяться, но смѣхъ этотъ полонъ чистой любви и честныхъ слезъ, — о ея жертвахъ можно жалѣть, но такое сожалѣніе будетъ поэтическимъ и свѣтлымъ, ни для кого не унизительнымъ, но для многихъ высокимъ и мудрымъ сожалѣніемъ.

Новый романъ Гончарова, какъ это извѣстно всякому, кто прочелъ его въ «Отечественныхъ Запискахъ», распадается на два неравные отдѣла.

Подъ первою частью его, если не ошибаемся, подписанъ 1849 г., подъ остальными тремя 1857 и 58. Итакъ, почти десять лѣтъ отдѣляютъ первоначальный, многотрудный и еще не вполнѣ выискавшійся смыслъ отъ его зрѣлаго осуществленія. Между Обломовымъ, который безжалостно мучитъ своего Захара, и Обломовымъ, влюбленнымъ въ Ольгу, можетъ, лежитъ цѣлая пропасть, которой никто не въ силахъ уничтожить. Насколько Илья Ильичъ, валяющійся на диванѣ между Алексѣевымъ и Тарантьевымъ, кажется намъ заплѣснѣвшимъ и почти гадкимъ, настолько тотъ же Илья Ильичъ, самъ разрушающій любовь избранной имъ женщины и плачущій надъ обломками своего счастья, глубокъ, трогателенъ и симпатиченъ въ своемъ грустномъ комизмѣ. Черты, лежащей между этими двумя героями, нашъ авторъ не былъ въ силахъ сгладить. Всѣ его старанія въ этой части пропали даромъ — какъ всѣ художники по натурѣ, нашъ авторъ безсиленъ вездѣ, гдѣ требуется *дѣланная* работа, то-есть сглаживанія, притягиванія, объясненія,—однимъ словомъ, то, что легко дается талантамъ обыкновеннымъ. Поработавъ и тяжело поработавъ надъ невозможной задачею, Гончаровъ, наконецъ, убѣдился, что ему не сгладить черты, нами указанной, не загрузить пропасти, лежащей между двумя Обломовыми. На пропасти этой лежала одна planche de salut, одна переходная доска: неподражаемый сонъ Обломова. Всѣ усилія прибавить къ ней что-нибудь оказались тщетными, пропасть оставалась прежней пропастью. Убѣдясь въ этомъ, авторъ романа махнулъ рукой и подписалъ подъ первой частью романа все объясняющую цифру 49 года. Этимъ онъ высказалъ свое положеніе и откровенно отдавалъ себя, какъ художника, на судъ публики. Успѣхъ «Обломова» былъ ему отвѣтомъ — читатель прощалъ несовершенства частныя за наслажденія, доставленныя ему цѣлымъ твореніемъ. Не будемъ же и мы чрезмѣрно взыскательными, а лучше воспользуемся распаденіемъ романа на двѣ части, чтобы по обѣимъ прослѣдить любопытный процессъ творчества, выданный намъ по поводу самого Обломова и обломовщины, его окружающей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первыя отношенія поэта къ могущественному типу, завладѣвшему всѣми его помыслами, были вначалѣ далеко не дружественными отношеніями. Не ласку и не любовь встрѣтилъ Илья Ильичъ, еще не созрѣлый, еще не живой Илья Ильичъ, въ душѣ своего художника. Время передъ 1849 годомъ не было временемъ поэтической независимости и безпристрастія во взглядахъ при всей самостоятельности Гончарова, онъ все же былъ писателемъ и сыномъ своего времени. Обломовъ жилъ въ немъ, занималъ его мысли, но еще являлся своему поэту въ видѣ явленія отрицательнаго, достойнаго казни и по временамъ почти ненавистнаго.

Во всѣхъ первыхъ главахъ романа, до самаго «Сна», Гончаровъ откровенно выводитъ передъ нами того героя, который ему сказывался прежде, того Илью Ильича, который представлялся ему, какъ уродливое явленіе уродливой русской жизни. Этотъ Обломовъ embrio достаточно обработанъ, достаточно объективенъ для того, чтобы дѣйствовать на два или на три тома, достаточно вѣренъ для того, чтобы освѣтить собою многія темныя стороны современнаго общества, но, Боже мой, какъ далекъ онъ отъ теперешняго, сердцу милаго, Обломова, этотъ засаленный, нескладный кусокъ мяса, носящій тоже имя Обломова въ первыхъ главахъ романа! Какимъ эгоизмомъ безобразнаго холостяка пропитано это существо, какъ оно мучитъ всѣхъ его окружающихъ, какъ оскорбительно-равнодушно оно ко всему унизительному, какъ лѣниво-враждебно къ тому, что только выходитъ изъ его узенькой сферы. Злая и противная сторона обломовщины исчерпана вся,—но гдѣ же ея, впослѣдствіи проявившаяся, поэзія, гдѣ ея кротость, гдѣ ея комическая грація, гдѣ ея откровенное сознаніе своихъ слабостей, гдѣ ея примиряющая сторона, успокоивающая сердце и, такъ сказать, узаконяющая незаконное? Въ 1849 г. при дидактическихъ стремленіяхъ словесности и при крайне стѣсненной возможности проявлять эти стремленія — Обломовъ embrio могъ бы восхитить собой читателя и цѣнителя. Какіе громы метались бы на него критиками, какіе сумрачные толки раздались бы о средѣ, рождающей Обломовыхъ! Гончаровъ могъ бы явиться обличителемъ тяжкихъ недуговъ общественныхъ, ко всеобщему удовольствію и даже къ небольшой пользѣ людей, стремящихся полиберальничать, не подвергаясь большой опасности, и показать кукишъ обществу въ надеждѣ на то, что кукишъ этотъ именно не будетъ примѣченъ тѣми, кто не любитъ показанныхъ кукишей. Но подобнаго успѣха нашему автору было бы слишкомъ мало. Отталкивающій и непросвѣтленный поэзіею Обломовъ не удовлетворялъ идеалу, столько времени имъ носимому въ сердцѣ. Голосъ поэзіи говорилъ ему: иди дальше и ищи глубже.

«Сонъ Обломова»—этотъ великолѣпнѣйшій эпизодъ, который останется въ нашей словесности на вѣчныя времена, былъ первымъ, могущественнымъ шагомъ къ уясненію Обломова съ его обломовщиной. Романистъ, жаждущій разгадки вопросамъ, занесеннымъ въ его душу его же созданіемъ, потребовалъ отвѣта на эти вопросы; за отвѣтами обратился онъ къ тому источнику, къ которому ни одинъ человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ не обращается напрасно. Ему надобно было, наконецъ, узнать, изъ-за какой же причины Обломовъ владѣетъ его помыслами, отчего ему милъ Обломовъ, изъ-за чего онъ недоволенъ первоначальнымъ объективно-вѣрнымъ, но неполнымъ, не

высказывающимъ его помысловъ Обломовымъ. Конечнаго слова на свои колебанія Гончаровъ сталъ выспрашивать у поэзіи русской жизни, у своихъ воспоминаній дѣтства и, разъясняя прошлую жизнь своего героя, со всей свободою погрузился въ ту сферу, которая ее окружала.

Слѣдомъ за Пушкинымъ, своимъ учителемъ, по примѣру Гоголя, своего старшаго товарища, онъ ласково отнесся къ жизни дѣйствительной и отнесся не напрасно. «Сонъ Обломова» не только освѣтилъ, уяснилъ и разумно опоэтизировалъ все лицо героя, но еще тысячью невидимыхъ скрѣпъ связалъ его съ сердцемъ каждаго русскаго человѣка. Въ этомъ отношеніи «Сонъ», самъ по себѣ разительный, какъ отдѣльное художественное созданіе, еще болѣе поражаетъ своимъ значеніемъ во всемъ романѣ. Глубокій по чувству, его внушившему, свѣтлый по смыслу въ немъ заключенному, онъ въ одно время и поясняетъ, и просвѣтляетъ собою то типическое лицо, въ которомъ сосредоточивается интересъ всего произведенія. Обломовъ, безъ своего «Сна», былъ бы созданіемъ неоконченнымъ, нероднымъ всякому изъ насъ, какъ теперь «Сонъ» его разъясняетъ всѣ наши недоумѣнія и, не давая намъ ни одного голаго толкованія, повелѣваетъ намъ понимать и любить Обломова. Нужно ли говорить о чудесахъ тонкой поэзіи, о лучезарномъ свѣтѣ правды, съ помощью которыхъ происходитъ это сближеніе между героемъ и его цѣнителями? Тутъ нѣтъ ничего лишняго, тутъ не найдете вы неясной черты или слова, сказаннаго попусту: всѣ мелочи обстановки необходимы, всѣ законны и прекрасны. Онисимъ Сусловъ, на крыльцо котораго можно было попасть не иначе, какъ ухватясь одной рукой за траву, а другою за кровлю избы — любезенъ намъ и необходимъ въ этомъ дѣлѣ уясненія. Заспанный челядинецъ, дующій спросонья на квасъ, въ которомъ сильно шевелятся утопающія мухи, и собака, признанная бѣшеною за то только, что бросилась бѣжать отъ людей, собравшихся на нее съ вилами и топорами, и няня, засыпающая послѣ жирнаго обѣда съ предчувствіемъ, что Илюша пойдетъ затрогивать козла и лазить на галлерею, и сотня другихъ обворожительныхъ подробностей здѣсь необходимы, ибо содѣйствуютъ цѣлости и высокой поэзіи главной задачи. Тутъ сродство Гончарова съ фламандскими мастерами бьетъ въ глаза, сказывается во всякомъ образѣ. Или для праздной потѣхи всякіе художники, нами вспомянутые, громоздили на свое полотно множество мелкихъ деталей? Или по бѣдности воображенія они тратили жаръ цѣлаго творческаго часа надъ какой-нибудь травкою, луковицей, болотной кочкой, на которую падаетъ лучъ заката, надъ кружевнымъ воротничкомъ на камзолѣ тучнаго бургомистра? Если такъ, то отчего же они велики, почему они поэтичны, почему детали ихъ

созданій слиты съ цѣлостью впечатлѣнія, не могутъ быть оторваны отъ идеи картины? Какъ же произошло, что эти истинные художники, такъ зоркіе на поэзію, до такой степени освѣтившіе, опоэтизировавшіе жизнь своего родного края, бросились въ мелочи, сидѣли надъ подробностями? Видно, въ названныхъ нами мелочахъ и подробностяхъ таилось нѣчто большее, чѣмъ о томъ думаетъ иной близорукій составитель хитрыхъ теорій. Видно, трудъ надъ деталями былъ необходимъ и важенъ для уловленія тѣхъ высшихъ задачъ искусства, на которыхъ все зиждется, отъ которыхъ все питается и выростаетъ. Видно, творя малую частность, художникъ не даромъ отдавался ей всей душою своею, и, должно-быть, творческій духъ его отражался во всякой подробности мощнаго произведенія такъ, какъ солнце отражается въ малой каплѣ воды — по словамъ оды, которую мы учили наизусть еще ребятишками.

Итакъ, «Сонъ Обломова» расширилъ, узаконилъ и уяснилъ собой многознаменательный типъ героя, но этого еще не было достаточно для полноты созданія. Новымъ и послѣднимъ, рѣшительнымъ шагомъ въ процессѣ творчества было созданіе Ольги Ильинской — созданіе, до того счастливое, что мы, не обинуясь, назовемъ первую мысль о немъ краеугольнымъ камнемъ всей обломовской драмы, самой счастливою мыслью во всей дѣятельности нашего автора. Даже оставивши въ сторонѣ всю прелесть исполненія, всю художественность, съ которою обработано лицо Ольги, мы не найдемъ достаточныхъ словъ, чтобы высказать все благотворное вліяніе этого персонажа на ходъ романа и развитіе типа Обломова. Обломовы выдаютъ всю прелесть, вся слабость и весь грустный комизмъ своей натуры именно черезъ любовь къ женщинѣ. Въ сближеніи этихъ двухъ основныхъ лицъ произведенія все въ высшей степени естественно, каждая подробность удовлетворяетъ взыскательнѣйшимъ требованіямъ искусства, — а между тѣмъ сколько психологической глубины и мудрости черезъ него развивается передъ нами! Какъ живитъ и наполняетъ всѣ наши представленія объ Обломовѣ эта милая, горделиво-сильная дѣвушка, какъ сочувствуемъ мы стремленію всего ея существа къ этому незлобивому чудаку, какъ страдаемъ мы ея страданіемъ, какъ надѣемся ея надеждами, хорошо зная ихъ несбыточность. Безподобная, насмѣшливая, бойкая Ольга, съ первыхъ минутъ сближенія, видитъ всѣ смѣшныя особенности героя — не обманываясь нисколько, играетъ ими, почти наслаждается ими и обманывается только въ своихъ расчетахъ на твердыя основы характера Обломова. Все это поразительно вѣрно и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣло, потому что до сихъ поръ никто еще изъ поэтовъ не останавливался на великомъ значеніи нѣжно-комической стороны въ любовныхъ дѣлахъ. Ольга, зоркая дѣвушка, не осталась

слѣпа передъ тѣми сокровищами, что предъ ней открылись. Она поняла Обломова ближе, чѣмъ Штольцъ, чѣмъ всѣ лица, ему преданныя. Она разглядѣла въ немъ и нѣжность врожденную, и чистоту права, и русскую незлобивость, и рыцарскую способность къ преданности, и рѣшительную неспособность на какое-нибудь нечистое дѣло и, наконецъ, разглядѣла въ немъ человѣка оригинальнаго, забавнаго, но чистаго въ своей оригинальности. Разъ ставши на эту точку, художникъ дошелъ до такой занимательности дѣйствія, до такой прелести во всемъ ходѣ событій, что неудавшаяся, печально кончившаяся любовь Ольги и Обломова стала и навсегда останется однимъ изъ обворожительнѣйшихъ эпизодовъ во всей русской литературѣ. Кто изъ стариковъ не зачитывался этихъ страницъ, кто изъ юношей воспріимчивыхъ при чтеніи ихъ не чувствовалъ горячихъ слезъ на своихъ глазахъ? Какой страхъ, соединенный съ улыбкою, возбуждаютъ въ насъ эти безконечно-разнообразныя проявленія обломовщины въ борьбѣ съ истинной, дѣятельной жизнью сердца! Мы знаемъ, что время обновленія упущено, что не Ольгѣ дано поднять Обломова, а между тѣмъ, при всякой коллизіи въ ихъ драмѣ, сердце наше замираетъ отъ неизвѣстности. Чего мы не перечувствовали при всѣхъ перипетіяхъ этой страсти, до страшнаго послѣдняго свиданія съ дѣвушкой! Чего только нѣтъ въ этой борьбѣ свѣта и тѣни — отдающей намъ всего Обломова и сближающей его съ нами такъ, что мы мучимся за него, когда онъ, охая и скучая, пробирается въ оперу съ Выборгской стороны, и озаряемся радостью въ тѣ минуты, когда въ его обломовскомъ, запыленномъ гнѣздѣ, при отчаянномъ лаѣ скачущей на цѣпи собаки, вдругъ является неожиданное видѣніе добраго ангела. Созданіе Ольги такъ полно, и задача, ею выполненная въ романѣ, выполнена такъ богато, что дальнѣйшее поясненіе типа Обломова черезъ другіе персонажи становится роскошью, иногда излишнею. Однимъ изъ представителей этой излишней роскоши является Штольцъ. Мы не видимъ въ немъ ничего несимпатичнаго, а въ созданіи его ничего рѣзко несовмѣстимаго съ законами искусства: это человѣкъ обыкновенный и не мѣтящій въ необыкновенные люди, лицо вовсе не возводимое романистомъ въ идеалъ нашего времени. Весьма подробно и поэтично описывая намъ дѣтство Штольца, Гончаровъ такъ охлаждается къ періоду его зрѣлости, что даже не сообщаетъ намъ, какими именно предпріятіями занимается Штольцъ. Въ Штольцѣ, очевидно, надобность миновала, и созданіе Ольги далеко оттѣснило его и его значеніе въ романѣ. Уясненіе черезъ рѣзкую противоположность двухъ несродныхъ мужскихъ характеровъ стало ненужнымъ: сухой, неблагодарный контрастъ замѣнялся драмой, полною любви, слезъ, смѣха и жалости. За Штольцемъ осталось только нѣкоторое участіе въ механи-

ческомъ ходѣ всей интриги, да еще его безпредѣльная любовь къ особѣ Обломова, въ какой, впрочемъ, у него много соперниковъ.

И въ самомъ дѣлѣ, окиньте весь романъ внимательнымъ взглядомъ, и вы увидите, какъ много въ немъ лицъ, преданныхъ Ильѣ Ильичу и даже обожающихъ его, этого кроткаго голубя, по выраженію Ольги. И Захаръ, и Анисья, и Штольцъ, и Ольга, и вялый Алексѣевъ,—всѣ привлечены прелестью этой чистой и цѣльной натуры, предъ которой одинъ только Тарантьевъ можетъ стоять, не улыбаясь и не чувствуя на душѣ теплоты. Зато холодъ проникаетъ насъ до костей и гроза поднимается въ нашей душѣ въ ту минуту, когда послѣ описанія бесѣды Обломова съ Ольгой, послѣ седьмого неба поэзіи, мы узнаемъ, что въ креслахъ Ильи Ильича сидитъ и ждетъ его прихода Тарантьевъ. Къ счастью, на свѣтѣ немного Тарантьевыхъ, и въ романѣ есть кому любить Обломова. Но ничье обожаніе не трогаетъ насъ такъ, какъ любовь Агаѳьи Матвѣевны къ Обломову, той самой Пшеницыной, которая съ перваго своего появленія показалась намъ злымъ ангеломъ Ильи Ильича, — и увы!—дѣйствительно сдѣлалась его злымъ геніемъ. Агаѳья Матвѣевна, тихая, преданная, всякую минуту готовая умереть за нашего друга, дѣйствительно загубила его въ конецъ, навалила гробовой камень надъ всѣми его стремленіями, ввернула его въ зіяющую пучину на мигъ оставленной обломовщины, но этой женщинѣ все будетъ прощено за то, что она много любила. Страницы, въ которыхъ является намъ Агаѳья Матвѣевна, съ самой первой застѣнчивой бесѣды съ Обломовымъ,—верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи, но нашъ авторъ, заключая повѣсть, переступилъ всѣ грани своей обычной художественности и далъ намъ такія строки, отъ которыхъ сердце разрывается, слезы льются на книгу и душа зоркаго читателя улетаетъ въ область такой поэзіи, что до сихъ поръ, изъ всѣхъ русскихъ людей быть творцомъ въ этой области было дано одному Пушкину. Скорбь Пшеницыной о покойномъ Обломовѣ, ея отношенія къ семейству и Андрюшѣ, наконецъ, этотъ дивный анализъ ея души и ея прошлой страсти — все это выше самой восторженной оцѣнки.

Обломовъ, лучшее и сильнѣйшее созданіе нашего блистательнаго романиста, не принадлежитъ къ числу типовъ, «къ которымъ невозможно добавить ни одной лишней черты»,—надъ этимъ типомъ невольно задумываешься, невольно жаждешь къ нему дополненій.

Обломовщина, такъ полно обрисованная Гончаровымъ, захватываетъ собою огромное количество сторонъ русской жизни. Русская обломовщина во многомъ возбуждаетъ наше негодованіе, но мы не признаемъ ея плодомъ гнилости. Въ томъ-то и заслуга романиста, что онъ крѣпко сцѣпилъ всѣ корни обломовщины съ почвой народной

жизни и поэзіи — проявилъ намъ ея мирныя и незлобныя стороны, не скрывъ ни одного изъ ея недостатковъ. Обломовъ — ребенокъ, безсиленъ на добро, но онъ положительно неспособенъ къ злому дѣлу, чистъ духомъ, не извращенъ житейскими софизмами и, несмотря на всю свою жизненную безполезность, законно завладѣваетъ симпатіей всѣхъ окружающихъ его лицъ, повидимому, отдѣленныхъ отъ него цѣлой бездной. Заспанный Обломовъ, уроженецъ заспанной и все-таки поэтической Обломовки, свободенъ отъ нравственныхъ болѣзней, какими страдаетъ не одинъ изъ практическихъ людей, кидающихъ въ него камнями.

Какъ живое лицо, Обломовъ, по практичности, по силѣ воли, по знанію жизни, далеко ниже своей Ольги и Штольца; по инстинкту правды и теплотѣ своей натуры онъ ихъ несомнѣнно выше. Въ послѣдніе годы его жизни его навѣстилъ Штольцъ, Ольга осталась въ каретѣ; надъ нимъ прочли приговоръ: *все кончено.* Въ чемъ же заключался смыслъ этого безнадежнаго, отчаяннаго приговора? Илья Ильичъ женился на Пшеницыной и прижилъ съ этой необразованной женщиной ребенка. И вотъ причина, по которой кровная связь расторгнута, обломовщина признана переступившей всѣ предѣлы! Ни Ольгу, ни ея мужа мы за это не винимъ: они подчинились закону свѣта и не безъ слезъ покинули друга. Но такъ ли бы поступилъ Обломовъ, если бъ ему сказали, что Ольга сдѣлала несчастную mésaillance, что его Андрей женился на кухаркѣ и что оба они, вслѣдствіе того, прячутся отъ людей, къ нимъ близкихъ? Ни идеи отторженія отъ дорогихъ людей, изъ-за причинъ свѣтскихъ, ни идеи о томъ, что есть на свѣтѣ mésaillance, для Обломова не существуетъ. Онъ бы не сказалъ слова вѣчной разлуки и, ковыляя, пошелъ бы къ добрымъ людямъ и прилѣпился бы къ нимъ и привелъ бы къ нимъ свою Агаѳью Матвѣевну. И Андреева кухарка стала бы для него не чужою. Отсталый и неповоротливый Илья Ильичъ въ этомъ простомъ дѣлѣ, конечно, поступилъ бы сообразнѣе съ вѣчнымъ закономъ любви и правды, нежели два человѣка, изъ числа самыхъ развитыхъ въ нашемъ обществѣ. И Штольцъ, и Ольга, несомнѣнно, гуманны въ своихъ идеяхъ, безъ всякаго сомнѣнія они знаютъ силу добра и головами своими привязаны къ участи меньшихъ братьевъ, — но стоило ихъ другу связать свое существованіе съ судьбою женщины, изъ породы этихъ меньшихъ братьевъ, и они оба, просвѣщенные люди, поспѣшили со слезами сказать: все кончено, все пропало — обломовщина, обломовщина!

Не за комическія стороны, не за жалостную жизнь, не за проявленія общихъ всѣмъ намъ слабостей любимъ мы Илью Ильича. Онъ дорогъ намъ, какъ человѣкъ своего края и своего времени, какъ незлобный и нѣжный ребенокъ, способный, при иныхъ обстоятельствахъ

жизни и иномъ развитіи, на дѣла искренней любви и милосердія. Онъ дорогъ намъ, какъ самостоятельная и чистая натура, вполнѣ независимая отъ той схоластики — моральной истасканности, что пятнаетъ собою огромное большинство людей, его презирающихъ. Онъ дорогъ намъ по истинѣ, какою проникнуто все его созданіе, по тысячѣ корней, которыми поэтъ-художникъ связалъ его съ нашей родной почвой. И, наконецъ, онъ любезенъ намъ, какъ чудакъ, который въ нашу эпоху себялюбія, ухищреній и неправды, мирно покончилъ свой вѣкъ, не обидѣвши ни одного человѣка, не обманувши ни одного человѣка и не научивши ни одного человѣка чему-нибудь скверному.

Дружининъ.

Гончаровъ.

Яркія достоинства таланта г. Гончарова признаны были безъ исключенія всѣми при появленіи его перваго романа «Обыкновенная исторія». Это собственно не художественное созданіе, а блестящій этюдъ съ яркимъ жизненнымъ колоритомъ, этюдъ художника, у котораго анализъ подъѣлъ всѣ основы, всѣ корни дѣятельности. Сухой догматизмъ постройки «Обыкновенной исторіи» кидается въ глаза всякому. Достоинство романа заключается въ отдѣльныхъ художественно обработанныхъ частностяхъ, а не въ цѣломъ, которое всякому, даже самому пристрастному читателю, представляется какимъ-то натянутымъ развитіемъ напередъ заданной темы. Кому не явно, что Петръ Ивановичъ, съ его безпощаднымъ практическимъ взглядомъ, не лицо дѣйствительно существующее, а олицетвореніе извѣстнаго взгляда на вещи, нѣчто въ родѣ Стародумовъ. Съ другой стороны, Александръ Адуевъ слишкомъ намѣренно выставленъ авторомъ и слабѣе, и мельче своего дядюшки, что на днѣ всего лежитъ такая антипоэтическая тема, такая пошлая мысль, которыхъ не выкупаютъ блестящія подробности. Замѣчательно въ высшей степени, что «Обыкновенная исторія» понравилась даже отжившему поколѣнію. Та же самая антипоэтичность мысли сказывается и въ «Снѣ Обломова», этомъ зернѣ, изъ котораго родился весь Обломовъ, этомъ фокусѣ, къ которому онъ весь приводится, для котораго чуть ли не весь онъ написался. Антипоэтичность азбучно-практической темы тѣмъ непріятнѣе подѣйствовала на безпристрастныхъ читателей, что внѣшнія силы таланта выступили тутъ съ необычайной яркостью. Вы помните, что прежде чѣмъ авторъ переноситъ васъ въ райскій уголокъ, созданный «Сномъ» Обломова, онъ нѣсколькими штрихами мастерского карандаша рисуетъ иной край, иную жизнь, совершенно противоположные тѣмъ, въ которые переноситъ насъ «Сонъ» героя. Вы чувствуете въ манерѣ изложенія присутствіе

того истиннаго, спокойнаго творчества, которое по волѣ своей переноситъ васъ въ тотъ или другой міръ и каждому сочувствуетъ съ равною любовью. И потомъ передъ вами до мелкихъ оттѣнковъ создается знакомый вамъ съ дѣтства бытъ, міръ тишины и невозмутимаго спокойствія во всей его непосредственности. Авторъ становится истиннымъ поэтомъ и, какъ поэтъ, умѣетъ стоять въ уровнѣ съ создаваемымъ имъ міромъ, быть комически-наивнымъ въ разсказѣ о чудовищѣ, найденномъ въ оврагѣ обитателями Обломовки, и глубоко трогательнымъ въ созданіи матери Обломова, и истиннымъ психологомъ въ исторіи съ письмомъ, которое такъ страшно было распечатать мирнымъ жителямъ «райскаго уголка», и, наконецъ, эпически-объективнымъ художникомъ въ изображеніи того послѣобѣденнаго сна, который объемлетъ всю Обломовку. Помните еще мѣсто о сказкахъ, которыя повѣствовались Ильѣ Ильичу и, конечно, всѣмъ намъ болѣе или менѣе, которыхъ пеструю и широко-фантастическую канву поэтъ развертываетъ съ такою силою фантазіи? Помните еще остальныя подробности: семейный разговоръ въ сумерки, негодованіе жены Ильи Ивановича на его безпамятство въ отношеніи къ разнымъ примѣтамъ, сборы его отвѣчать на письмо, составляющее нѣсколько времени предметъ тревожнаго страха?.. Все это полный, художнически созданный міръ, влекущій насъ неодолимо въ свой очарованный кругъ... И для чего же поднятъ весь этотъ міръ, для чего объективно изображенъ онъ съ его настоящимъ и съ его преданіями? Для того, чтобы надругаться надъ нимъ во имя практически-азбучнаго правила, во имя китайскихъ воззрѣній Петра Ивановича Адуева или во имя татарски-нѣмецкаго воззрѣнія Штольца; ибо Штольцъ все-таки татаринъ, хоть и нѣмецъ, татаринъ по душѣ, по дѣлу въ своей раздѣлкѣ съ кредиторомъ Ильи Ильича... Для чего въ самомъ «Снѣ» — непріятно-рѣзкая струя ироніи въ отношеніи къ тому, что все-таки выше штольцевщины и адуевщины? Читая произведенія Гончарова, какъ не сказать, что талантъ ихъ автора неизмѣримо выше воззрѣній, ихъ породившихъ. Но все имѣетъ свои историческія причины. Дарованіе Гончарова — яркое, но чисто внѣшнее, безъ глубокаго содержанія, безъ стремленія къ идеалу. «Обыкновенная исторія» — это эпопея чиновничьяго воззрѣнія и азбучной мудрости, стоявшей совершенно въ уровень съ первыми поверхностными началами протеста за дѣйствительность противъ романтической личности. Примиреніе выразилось въ «Обыкновенной исторіи» ироніею какого-то отчаянія, смѣхомъ надъ протестомъ личности, съ одной стороны, и апоѳеозою торжества сухой, безжизненной, безосновной практичности. Все было принесено въ жертву этой ироніи. Авторъ вывелъ двѣ фигуры: одну жиденькую, худенькую, слабенькую съ ярлыкомъ на лбу: «романтизмъ quasi-молодого поколѣ-

нія» и другую, — крѣпкую, спокойную и опредѣленную, какъ математика, съ ярлыкомъ на лбу: «практическій умъ»; сей послѣдній, разумѣется, торжествовалъ въ своихъ расчетахъ, какъ добродѣтельная любовь въ старинныхъ романахъ. Такова была мысль Гончарова, мысль нимало не скрытая, а напротивъ, просившаяся наружу, кричавшая въ каждой фигурѣ романа. Много нужно было таланта

И. А. Гончаровъ.

для того, чтобы читатели забывали явно искусственную постройку произведенія, но, кромѣ силы таланта, мысль отвѣчала на требованіе большинства, т.-е. моральнаго общественнаго мѣщанства. Романъ понравился всѣмъ практическимъ людямъ, которые всегда любятъ, когда бранятъ молодое поколѣніе за разныя несообразныя и неподобныя стремленія. Въ наивной радости своей протестъ на внѣшнюю, показную дѣйствительность не замѣчалъ, что иронія романа пропадала задаромъ, что романтическое стремленіе не признавало, не признаетъ и не признаетъ въ жиденькомъ Адуевѣ своего питомца.

Прошло много времени, пока протестъ за дѣйствительность выросъ и окрѣпъ до сознанія. Въ теченіе всего этого времени талантъ Гончарова напомнилъ о себѣ только кругосвѣтнымъ путешествіемъ на фрегатѣ «Паллада»,—и въ этой книгѣ остался вѣренъ самому себѣ или низменному уровню, до котораго онъ себя умалилъ. Поразительно яркія описанія природы, мастерство отдѣлки мелочныхъ подробностей, наблюдательность остроумная и мѣткая и положительное отсутствіе идеала во взглядѣ, — вотъ что явилось въ этой книгѣ, которую опять-таки съ жадностью прочла вся публика — она вѣдь охотница до японскихъ воззрѣній, особенно если этимъ воззрѣніямъ обрекъ себя на служеніе талантъ безспорно-сильный.

Явился, наконецъ, давно жданный Обломовъ. Прежде всего онъ не сказалъ ничего новаго. Все его новое высказано было гораздо прежде въ «Снѣ Обломова» — я разумѣю все существенно-новое, что возбуждаетъ толки, вражду и симпатіи. Успѣхъ «Обломова» былъ уже спорный, вовсе не то, что успѣхъ «Обыкновенной исторіи». Да оно такъ и должно было быть. Эпоха другая — сознаніе выросло. «Обыкновенная исторія» польстила требованію минуты, требованію большинства, чиновничества, моральнаго мѣщанства. «Обломовъ» ничему не польститъ, и построенъ онъ по такимъ же сухимъ догматическимъ темамъ, какъ и «Обыкновенная исторія». Въ своихъ подробностяхъ онъ, если хотите, еще выше перваго романа, психологическимъ анализомъ еще глубже; но наше сознаніе, сознаніе эпохи ушло впередъ, а сознаніе автора застряло въ Японіи. Польстилъ «Обломовъ» только весьма небольшому кружку людей, которые вѣрятъ еще тому, что врагъ нашъ въ дѣлѣ развитія — наша собственная натура, наши существенно бытовыя черты, и что все спасеніе для насъ заключается въ выдѣлкѣ себя по какой-то узенькой теоріи. Герои нашей эпохи — не Штольцъ Гончарова и не его Петръ Ивановичъ Адуевъ, — да и героиня нашей эпохи тоже — не его Ольга, изъ которой подъ старость, если она точно такова, какою, вопреки многимъ граціознымъ сторонамъ ея натуры, показываетъ ее нашъ авторъ, выйдетъ преотвратительная барыня съ вѣчною и безцѣльною нервной тревожностью, истинная мучительница всего окружающаго, одна изъ жертвъ Богъ знаетъ чего-то. Ужъ если между женскими лицами Гончарова придется выбирать непремѣнно героиню, безпристрастный и непотемнѣнный теоріями умъ выберетъ, какъ выбралъ Обломовъ, Агаѳью Матвѣевну потому, что она гораздо болѣе женщина, чѣмъ Ольга.

Дѣло въ томъ, что у самого автора «Обломова», какъ у таланта огромнаго, стало-быть, живого—сердце лежитъ гораздо больше къ Обломову и къ Агаѳьѣ, чѣмъ къ Штольцу и къ Ольгѣ. Эта точно умнѣе Штольца — онъ ей, съ одной стороны, надоѣстъ, а съ другой — по-

падетъ къ ней подъ башмакъ и дѣйствительно будетъ жертвою того духа нервнаго *самогрызенія*, которое эффектно въ ней только какъ еще она молода, а подъ старость обратится къ мелочи и станетъ однимъ изъ обычныхъ физіологическихъ отправленій.

Ап. Григорьевъ.

„Обыкновенная исторія" Гончарова.

Гончаровъ написалъ только два капитальные романа: «Обыкновенную исторію» и «Обломова». Первый изъ этихъ романовъ сразу поставилъ его въ ряды первоклассныхъ русскихъ литераторовъ, и его «Очерки кругосвѣтнаго плаванія» и «Обломовъ» были встрѣчены журналами и публикой съ такой радостью, съ какой рѣдко встрѣчаются на Руси литературныя произведенія. Мнѣ кажется, причины этого замѣчательнаго явленія заключаются преимущественно въ томъ, что Гончаровъ по плечу всякому читателю, т.-е. для всякаго ясенъ и понятенъ. Онъ вездѣ стоитъ на почвѣ чистой современной практичности, и притомъ практичности не западной, не европейской, а той практичности, которой отличаются образованные петербургскіе чиновники, читающіе помѣщики, разсуждающія о современныхъ предметахъ барыни и т. п. Прочтите Гончарова отъ начала до конца, и вы, по всей вѣроятности, ничѣмъ не увлечетесь, ни надъ чѣмъ не замечтаетесь, ни о чемъ горячо не заспорите съ авторомъ, не назовете его ни обскурантомъ, ни рьянымъ прогрессистомъ и, закрывая послѣднюю страницу, скажете очень хладнокровно, что Гончаровъ — очень умный и основательно разсуждающій господинъ. У Гончарова нѣтъ никакого конька, никакой любимой идеи; утопія всякаго рода ему совершенно враждебна; ко всякому увлеченію онъ относится съ легкимъ и вѣжливымъ оттѣнкомъ ироніи; онъ — скептикъ, не доводящій своего скептицизма до крайности; онъ — практикъ и матеріалистъ, способный ужиться съ фантазеромъ и идеалистомъ; онъ — эгоистъ, не рѣшающійся взять на себя крайнихъ выводовъ своего міросозерцанія и выражающій свой эгоизмъ въ тепловатомъ отношеніи къ общимъ идеямъ, или даже, гдѣ возможно, въ *игнорированіи* человѣческихъ и гражданскихъ интересовъ. Этотъ эгоизмъ проглядываетъ во всѣхъ его произведеніяхъ; кто читалъ «Фрегатъ Палладу» и «Обломова», тотъ не найдетъ удивительнымъ мое мнѣніе. Постоянно спокойный, ничѣмъ не увлекающійся, романистъ нашъ развязно подходитъ къ запутаннымъ вопросамъ общественной и частной жизни своихъ героевъ и героинь; безстрастно и безпристрастно осматриваетъ онъ положеніе, отдавая себѣ и читателю самый ясный и подробный отчетъ въ мелкихъ его особенностяхъ, становясь поочередно на точку зрѣ-

нія каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, не сочувствуя особенно сильно никому и понимая по-своему всѣхъ. Онъ обсуживаетъ положеніе и свойства своихъ дѣйствующихъ лицъ, но всегда воздерживается отъ окончательнаго приговора. Прочитавши «Обыкновенную исторію», читатель не можетъ сказать, чтобы авторъ сочувствовалъ старшему Адуеву, и не можетъ также сказать, чтобы онъ находилъ его неправымъ; сочувствія къ младшему Адуеву также не видно ни въ ту минуту, когда онъ составляетъ совершенную противоположность съ своимъ дядей, ни въ тотъ моментъ, когда онъ становится на него похожимъ. Вслѣдствіе этого, оканчивая послѣднюю страницу романа, читатель чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ. «Обыкновенная исторія» производитъ такое впечатлѣніе, какое могла бы произвести отлично нарисованная, но неясно освѣщенная картина; мы чувствуемъ, что авторъ романа — человѣкъ умный, наблюдательный и способный осмысливать свои наблюденія; этотъ человѣкъ говоритъ съ нами о явленіяхъ нашей жизни, описываетъ ихъ подробно и наглядно, изображаетъ вліяніе этихъ явленій на молодое существо, знакомящееся съ жизнью, но изображаетъ чисто внѣшнимъ образомъ, перечисляя только симптомы перемѣнъ, происходящихъ въ его героѣ.

Очень естественно, что читатель, заинтересованный настолько же личностью разсказчика, насколько нитью самаго разсказа, ждетъ на каждой страницѣ, чтобы авторъ въ постановкѣ образовъ или въ лирическомъ отступленіи выразилъ бы свои воззрѣнія, сказалъ бы: я считаю это хорошимъ, а то дурнымъ, по такимъ-то причинамъ. Если произведеніе вылилось изъ души, то писатель, конечно, въ этомъ произведеніи говоритъ о томъ, что̀, такъ или иначе, интересуетъ его лично, что̀ затрогиваетъ его за живое, что̀ онъ горячо любитъ или горячо ненавидитъ. Если предметъ его разсказа для него равнодушенъ, то какъ объяснить себѣ то, что онъ обратилъ на него вниманіе, сталъ надъ нимъ задумываться, сталъ уяснять его самому себѣ и, наконецъ, довелъ его до такой степени наглядности, что онъ и для другихъ людей сталъ замѣтенъ, понятенъ и осязателенъ? А если ничего этого не было, если писатель не вдумывался, не уяснялъ себѣ и т. д., то разсказъ выйдетъ блѣдный и скучный; его дѣйствующія лица будутъ тѣни или маріонетки, но никакъ не живые люди; таковы дѣйствительно бываютъ разсказы, писанные на заказъ, безъ внутренняго желанія, безъ живого участія къ предмету.

Для того, чтобы печатныя строки казались рѣчами и поступками живыхъ людей, необходимо, чтобы въ этихъ печатныхъ строкахъ сказалась живая душа того, кто ихъ писалъ; только въ этомъ соприкосновеніи между мыслью автора и мыслью писателя и заключается обаятельное дѣйствіе поэзіи.

Личность автора для меня интересна, какъ всякая человѣческая личность и, кромѣ того, какъ личность, чувствующая потребность высказаться, слѣдовательно, воспринявшая въ себѣ рядъ извѣстныхъ впечатлѣній и переработавшая ихъ силой собственной мысли. Личности же вымышленныхъ дѣйствующихъ лицъ я только терплю и допускаю, какъ выраженіе личности автора, какъ форму, въ которую ему заблагоразсудилось вложить свою идею. Если я съ идеей согласенъ, если я ей сочувствую, а выведенныя личности оказываются блѣдными и неестественными, то я скажу, что авторъ — неопытный музыкантъ, что чувство въ немъ есть, а техническаго умѣнья мало; замѣтивши этотъ недостатокъ, я все-таки буду, можетъ-быть, нѣкоторые отрывки читать съ удовольствіемъ, вѣроятно, тѣ отрывки, въ которыхъ сила внутренняго убѣжденія и воодушевленія укрѣпляетъ неопытныя руки виртуоза и заставляетъ его на нѣсколько мгновеній побѣдить трудности техники. «Ничего, со временемъ будетъ прокъ, явится навыкъ», можно будетъ сказать, закрывая книгу, написанную такимъ образомъ, т.-е. съ неподдѣльной теплотой, но безъ достаточнаго знанія жизни; читатель съ добрымъ чувствомъ разстанется съ такимъ писателемъ и съ радостью встрѣтится съ нимъ въ другой разъ. Но если въ разсказѣ, великолѣпно обставленномъ живыми подробностями, не видно идеи и чувства, не видно личности творца, то общее впечатлѣніе будетъ совершенно неудовлетворительно.

Словомъ, только личное воодушевленіе автора грѣетъ и раскаляетъ его произведеніе; гдѣ этого личнаго воодушевленія не замѣтно, тамъ, какъ бы ни были вѣрно подмѣчены и искусно сгруппированы подробности, тамъ, повторяю, нѣтъ истинной силы, нѣтъ истинно обаятельнаго вліянія поэзіи, нѣтъ сочувствія между поэтомъ и читателемъ.

Между публикой и любимымъ писателемъ почти всегда устанавливаются извѣстныя отношенія, основанныя на сочувствіи и довѣріи. Любя произведенія какого-нибудь NN, невольно составляешь себѣ понятіе о его личности, допускаешь въ ней тѣ или другія свойства и рѣшительно отвергаешь разныя темныя пятна. Иногда случается разочароваться, и часто подобное разочарованіе бываетъ такъ же тяжело, какъ разочарованіе въ близкомъ и дорогомъ человѣкѣ. Гончаровъ — писатель, любимый публикой; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, а между тѣмъ, странное дѣло, между нимъ и публикой положительно нѣтъ подобныхъ отношеній; его человѣческой личности никто не знаетъ по его произведеніямъ; даже въ дружескихъ письмахъ, составившихъ собою «Фрегатъ Палладу», не сказались его убѣжденія и стремленія; выразилось только то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго написаны письма; настроеніе это переходитъ

отъ спокойно лѣниваго къ спокойно веселому, и больше намъ не представляется никакихъ данныхъ для обсужденія личнаго характера нашего художника. Во всякомъ случаѣ, если два большіе романа, которыхъ сюжеты взяты изъ современной жизни, не выражаютъ ясно даже отношеній автора къ идеямъ и явленіямъ этой жизни, — это значитъ, что въ этихъ романахъ есть умышленная или нечаянная недоговоренность, и что эти романы продуманы и состроены, а не прочувствованы и созданы. Бѣглый взглядъ на остовъ «Обыкновенной исторіи» и «Обломова» подтвердитъ эту мысль. «Обыкновенная исторія» говоритъ намъ: вотъ что дѣлается изъ молодого человѣка подъ вліяніемъ нашей петербургской жизни. Ну, что же такое? — спрашиваетъ читатель. Что̀ она его формируетъ или портитъ? Что̀ она са̀ма хороша или дурна? — На второй вопросъ Гончаровъ отвѣчаетъ та̀къ: петербургская жизнь вотъ какая, и описываетъ наружность этой жизни, тщательно избѣгая какихъ бы то ни было отношеній къ этой наружности. Положимъ, у васъ спрашиваютъ, хороша ли та̀кая-то женщина? вы отвѣчаете: — носъ у нея такой-то длины и та̀кой-то ширины, ротъ такой-то величины, зубовъ столько-то, такого-то цвѣта глаза, столько-то линій въ длину и столько-то въ разрѣзѣ, цвѣтъ ихъ такой-то и т. д. Согласитесь, что изъ подобнаго безпристрастнаго описанія не вынесешь сколько-нибудь цѣлостнаго понятія о характерѣ физіономіи, какимъ бы увлекательнымъ языкомъ ни были записаны эти статистическія данныя. Точно такъ же описаніе петербургскаго житья-бытья у Гончарова выходитъ неяркимъ потому, что авторъ рѣшительно не хочетъ выразить своего мнѣнія, своего взгляда на вещи.

На вопросъ о томъ, формируетъ или портитъ эта жизнь молодого Александра Адуева, Гончаровъ ничего не отвѣчаетъ. Онъ самъ разсказываетъ въ концѣ романа, что Александръ пріобрѣлъ лысину, почтенную полноту и житейскую опытность, охладившую его мечтательность; тѣмъ дѣло и кончается. Читатель въ правѣ сказать: г. Гончаровъ, я самъ очень хорошо знаю, что у человѣка лѣтъ въ пятьдесятъ вылѣзаютъ волосы, что сидячая жизнь увеличиваетъ въ насъ количество жира, и что съ годами мы становимся опытнѣе. Вы описали это чрезвычайно подробно, вѣрно и наглядно, но вы не сказали намъ ничего новаго и скрыли отъ насъ внутренній смыслъ вашихъ сценъ и картинъ. Дѣйствительно, крупныя, типическія черты нашей жизни почти умышленно сглажены писателемъ и, слѣдовательно, ускользаютъ отъ читателя; зато отдѣлка подробностей тонка, красива, какъ брюссельскія кружева, и, по правдѣ сказать, почти такъ же безполезна. Александръ приходитъ въ соприкосновеніе съ міромъ чиновниковъ — объ этомъ сказано вскользь, и потомъ сообщенъ резуль-

тать, что онъ привыкъ къ канцелярской работѣ и сталъ получать порядочное жалованье. Александръ вступаетъ въ сношенія съ журналами, — объ этомъ тоже упоминается мимоходомъ, и только для того, чтобы отмѣтить приращеніе его годового дохода. Двѣ такія важныя стороны нашей жизни, какъ бюрократія и періодическая литература, не удостоиваются внимательнаго разсмотрѣнія, а между тѣмъ приводятся отъ слова до слова длиннѣйшіе разговоры между Петромъ Ивановичемъ и Александромъ, между Александромъ и Наденькой, Александромъ и Тафаевой и т. п. Это — ошибка, какъ передъ изображеніемъ самой жизни, такъ даже и передъ личностью самого героя. Положимъ, старшіе родственники и любимыя женщины имѣютъ значительное вліяніе на формированіе характера и убѣжденій; но вѣдь все-таки формируетъ-то самая жизнь, столкновеніе съ ея дрязгами, съ ея сѣрыми трудовыми сторонами; намъ любопытно видѣть, какъ живутъ герои Гончарова, а онъ намъ показываетъ, какъ они резонерствуютъ о жизни или мечтаютъ о ней, сидя рядомъ съ героинями гдѣ-нибудь подъ кустомъ сирени, въ тѣнистой бесѣдкѣ. Это очень хорошо и трогательно, но это не жизнь, а развѣ крошечный уголокъ жизни. Конечно, таланту Гончарова должно отдать полную дань удивленія: онъ умѣетъ удерживать насъ на этомъ крошечномъ уголкѣ въ продолженіе цѣлыхъ сотенъ страницъ, не давая намъ ни на минуту почувствовать скуку или утомленіе; онъ чаруетъ насъ простотой своего языка и свѣжей полнотой своихъ картинъ, но, если вы по прочтеніи романа захотите отдать себѣ отчетъ въ томъ, что вы вмѣстѣ съ авторомъ пережили, передумали и перечувствовали, то у васъ въ итогѣ получится очень немного. Гончаровъ открываетъ вамъ цѣлый міръ, но міръ микроскопическій; какъ вы приняли отъ глаза микроскопъ, такъ этотъ міръ исчезъ, и капля воды, на которую вы смотрѣли, представляется вамъ снова простой каплей. Если бы эта сила анализа, невольно подумаете вы, была направлена не на мелочи, а на жизнь во всей ея широтѣ, во всемъ ея пестромъ разнообразіи, — какія бы чудеса она могла произвести! — Эта мысль ошибочна; кто останавливается на анализѣ мелочей, тотъ, стало-быть, и неспособенъ итти дальше и подниматься выше. Гончаровъ остается на анализѣ мелочей потому, что у него нѣтъ побудительной причины перейти къ чему-нибудь другому; онъ холоденъ, его не волнуютъ и не возмущаютъ крупныя нелѣпости жизни: микроскопическій анализъ удовлетворяетъ его потребности мыслить и творить; на этомъ поприщѣ онъ пожинаетъ обильные лавры — стало-быть, о чемъ же еще хлопотать, къ чему еще стремиться? Словомъ, Гончаровъ, какъ художникъ, то же самое, что Срезневскій, какъ ученый; первый творитъ для процесса творчества, не заботясь о степени важности

тѣхъ предметовъ, которые онъ воспѣваетъ, не спрашивая себя о томъ, высѣкаетъ ли онъ своимъ рѣзцомъ великолѣпную статую или вытачиваетъ красивую безделушку для письменнаго стола богатаго барина; второй точно такъ же изслѣдуетъ для процесса изслѣдованія, не спрашивая себя о томъ, стоитъ ли игра свѣчей и выйдетъ ли изъ его трудовъ какой-нибудь осязательный результатъ. Обѣ эти личности, представители одного типа, выработались подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, сжились съ ними и, почисливъ вопросы жизни рѣшенными вполнѣ удовлетворительно, обратили дѣятельность свою на шлифованіе подробностей, не имѣющихъ даже относительной важности. Какъ, — спроситъ съ негодованіемъ мой читатель, — и «Обломовъ» — шлифованіе подробностей? Да, — отвѣчу я съ подобающею скромностью, — «Обломовъ», какъ правоописательный романъ, не что иное, какъ шлифованіе подробностей. Типъ Обломова не созданъ Гончаровымъ; это повтореніе Бельтова, Рудина и Бешметева; но Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ приведены въ связь съ коренными свойствами и особенностями нашей зачинающейся цивилизаціи, а Обломовъ поставленъ въ зависимость отъ своего неправильно сложившагося темперамента. Бельтовъ и Рудинъ сломлены и помяты жизнью, а Обломовъ просто лѣнивъ, потому что лѣнивъ. Вліяніе общества на личность героя здѣсь, какъ и въ «Обыкновенной исторіи», скрыто отъ глазъ читателя; авторъ понимаетъ, что оно должно существовать, но онъ держитъ его гдѣ-то за кулисами, и изъ-за этихъ кулисъ его герой выходитъ совершенно готовымъ и начинаетъ разсуждать и ходить по сценѣ. Если читатель возразитъ мнѣ, что «Сонъ Обломова» объясняетъ намъ процессъ его развитія, то я на это отвѣчу, что «сонъ» говоритъ только о младенческихъ годахъ нашего героя. Никакой характеръ не оказывается сложившимся въ десяти- или двѣнадцатилѣтнемъ мальчикѣ; тѣмъ болѣе не могъ сложиться въ такіе годы характеръ Обломова, котораго и въ тридцать пять лѣтъ можно было ворочать куда угодно; стало-быть, зачѣмъ же авторъ, заговоривши о воспитаніи и развитіи своего героя, не далъ намъ сценъ изъ его гимназической, студенческой, чиновнической жизни? Вѣдь это, воля ваша, было бы не только плодотворнѣе, но даже интереснѣе многихъ сценъ между Обломовымъ и Захаромъ. Вѣдь любопытно знать, что именно формируетъ у насъ Обломовыхъ, — гораздо любопытнѣе, чѣмъ смотрѣть на то, какъ уже сформированные Обломовы, т.-е. люди, на которыхъ надо махнуть рукой, валяются на диванѣ и плюютъ въ потолокъ. Но, какъ вездѣ, интересный, живой вопросъ обойденъ, а подробностей гибель.

Изображая личность Обломова, Гончаровъ могъ еще ограничиться тѣсной сферой, не выходить за предѣлы кабинета и спальни и запи-

мать своего читателя пересказываніемъ того, что говорили между собою Илья Ильичъ и Захаръ. Но вотъ нашъ художникъ хочетъ противопоставить своему лѣнивому герою лицо дѣятельное, весело и дѣльно смотрящее на жизнь и энергически расправляющееся съ ея дрязгами и невзгодами. Является Андрей Ивановичъ Штольцъ, о которомъ даже самъ авторъ возвѣщаетъ не безъ торжественности, говоря, что это человѣкъ будущаго, что много Штольцевъ кроется подъ русскими именами, что люди такого закала будутъ дѣлать дѣло, какъ слѣдуетъ. О, думаете вы, вотъ тутъ-то Гончаровъ выскажетъ то, что у него на душѣ, тутъ-то онъ воспользуется всѣми собранными матеріалами, чтобы дать плоть и кровь этому человѣку будущаго, тутъ-то онъ приведетъ своего любимаго героя въ столкновеніе съ разными сторонами и типическими особенностями нашей жизни. Вы продолжаете читать съ возрастающимъ нетерпѣніемъ и убѣждаетесь въ томъ, что Штольцъ ведетъ себя точно такъ же, какъ всѣ гончаровскіе герои, т.-е. много говоритъ, хорошо округляетъ періоды, самодовольно развертываетъ передъ слушателемъ свои убѣжденія и ничего не дѣлаетъ; о его дѣятельности, которая составляетъ сущность его характера и замѣчательнѣйшее его достоинство, авторъ разсказываетъ намъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Штольцъ представленъ внѣ жизни; а Штольцъ безъ жизни все равно, что рыба безъ воды. Онъ выведенъ изъ своего естественнаго положенія, и потому самъ блѣденъ и неестественъ до крайности. Такъ какъ онъ на нашихъ глазахъ не дѣйствуетъ, то ему, чтобы зарекомендовать себя читателю, поневолѣ приходится говорить самому о себѣ: «я, дескать, человѣкъ дѣятельный, вѣрьте мнѣ на слово»; автору точно такъ же приходится обращаться къ вѣрѣ читателя и говорить ему: «Штольцъ у меня человѣкъ дѣятельный; дѣятельности вы его не увидите, но онъ, право, постоянно занятъ». Читатель, расположенный къ скептицизму, подумаетъ при этомъ такъ: «если романистъ приписываетъ одному изъ своихъ героевъ какое-нибудь качество, а между тѣмъ это качество не выражается въ его дѣйствіяхъ, то я, читатель, имѣю право заключить, что у автора не хватило силъ вложить въ образы то, что онъ выразилъ въ отвлеченной фразѣ. Дѣятельный Штольцъ принадлежитъ къ разряду лицъ, подобныхъ добродѣтельному становому Львова и знаменитому чиновнику его сіятельства графа Соллогуба». Читатель-скептикъ не ошибется въ своемъ предположеніи.

Впрочемъ, то обстоятельство, что Гончаровъ взялся за сооруженіе своего Штольца, и то обстоятельство, что это сооруженіе вышло до крайности неудачнымъ, такъ характерны, что о нихъ стоитъ поговорить подробнѣе. Дѣйствующія лица романовъ Гончарова по-

стоянно вращаются въ безразличной атмосферѣ, живутъ въ тѣхъ комнатахъ, въ которыя не проникаетъ русскій духъ, и становятся другъ къ другу въ такія отношенія, которыя зависятъ отъ особенностей ихъ личнаго характера, а не отъ условій мѣста и времени. Декораціи у Гончарова русскія; для обстановки онъ выводитъ русскаго лакея, русскую кухарку, но это — аксессуары, которые могутъ быть устранены, не нарушая завязки романа; главныя дѣйствующія лица созданы головой автора, а не навѣяны впечатлѣніями живой дѣйствительности. Задавшись своей идеей, набросавъ ее въ общихъ чертахъ, Гончаровъ потомъ уже съ натуры подрисовываетъ подробности, и все вмѣстѣ выходитъ очень удовлетворительно и на первый взглядъ кажется романомъ, взятымъ изъ русской жизни и воспроизводящимъ русскіе типы. Но это только на первый взглядъ. Отдѣлайтесь только отъ обаянія великолѣпнаго языка, отбросьте аксессуары, не относящіеся къ дѣлу, обратите все ваше вниманіе на тѣ фигуры, въ которыхъ сосредоточивается смыслъ романа, и вы увидите, что въ нихъ нѣтъ ничего русскаго и, кромѣ того, ничего типичнаго. Если мы поступимъ такимъ образомъ съ «Обыкновенной исторіей», то увидимъ, что смыслъ романа лежитъ въ двухъ фигурахъ—въ дядѣ и въ племянникѣ, и что изъ этихъ двухъ фигуръ одна невѣрна и неестественна, а другая совершенно пассивна и безцвѣтна.

Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядя, —не вѣренъ съ головы до ногъ. Это какой-то англійскій джентльменъ, пробившій себѣ дорогу въ люди силой своего ума, составившій себѣ карьеру и состояніе и при этомъ нисколько не загрязнившійся. Въ нашемъ отечествѣ дорога къ почестямъ и деньгамъ усѣяна всякаго рода терніями. Кто хочетъ преуспѣть на томъ поприщѣ, по которому путешествовалъ Петръ Ивановичъ, тотъ немного сохранитъ въ себѣ гонора и фанаберіи; подъ старость непремѣнно дойдетъ до положенія Фамусова, а вѣдь между Фамусовымъ и Петромъ Ивановичемъ — огромная разница. Петра Ивановича, видимо, уважаетъ Гончаровъ, а къ Фамусову онъ, по всей вѣроятности, отнесся бы съ добродѣтельнымъ презрѣніемъ. Это видимое различіе между Фамусовымъ и Петромъ Ивановичемъ не можетъ быть объяснено различіемъ времени. Скажите по совѣсти, неужели мы такъ много ушли впередъ съ тѣхъ поръ, какъ была написана комедія Грибоѣдова? Неужели вы до сихъ поръ не встрѣчаете между вашими знакомыми Фамусова, Молчалина и Скалозуба? Формы стали дѣйствительно поприличнѣе, но что же это за утѣшеніе? Неужели же Гончаровъ, выводя своего героя, обманулся внѣшней благопристойностью формы и не умѣлъ заглянуть поглубже и распознать подъ гладкими фразами Петра Ивановича родовыхъ свойствъ фамусовскаго

типа? Врядъ ли такой острый аналитикъ могъ впасть въ грубую ошибку, въ которой можетъ уличить его всякій школьникъ. Мнѣ кажется, дѣло въ томъ, что въ самомъ Фамусовѣ авторъ «Обыкновенной исторіи» осудилъ бы не сущность, а внѣшнее неблагообразіе. Потихоньку вести свои дѣла, заводить связи и поддерживать ихъ изъ чистаго расчета, заниматься такимъ дѣломъ, къ которому не лежитъ сердце и котораго не оправдываетъ умъ, оставлять подъ спудомъ въ практикѣ тѣ идеи, которыя исповѣдуешь въ теоріи, смотрѣть съ скептической улыбкой на порывы молодежи, стремящейся обратить слово въ дѣло, — всѣ эти вещи можно назвать благоразуміемъ, лишь бы онѣ не представлялись въ полной наготѣ, безъ прикрасъ и смягченій. Своему герою Гончаровъ приписываетъ именно это благоразуміе, утаивая и сглаживая тѣ сѣренькія стороны, которыя неизбѣжно связаны съ этимъ благоразуміемъ. Но утаить и сгладить эту обратную сторону медали можно было только съ тѣмъ условіемъ, чтобы показывать читателямъ одну сторону дѣла. Если бы Гончаровъ вздумалъ выдержать очерченный имъ характеръ, приведя его въ столкновеніе со всѣми фазами русской жизни, тогда ему пришлось бы всѣ эти фазы выдумать самому, и тогда вопіющая неестественность бросилась бы въ глаза каждому читателю. На этомъ основаніи надо было пройти молчаніемъ всѣ отношенія Петра Ивановича къ тому міру, который лежитъ за предѣлами его кабинета и спальни. На этомъ основаніи нельзя было сказать ни слова о томъ, какъ Петръ Ивановичъ вышелъ въ люди; даже тѣ средства и пути, которыми его племянникъ пріобрѣлъ себѣ независимое положеніе, покрыты мракомъ неизвѣстности. Петръ Ивановичъ, какъ чиновникъ, какъ подчиненный, какъ начальникъ, какъ свѣтскій человѣкъ, не существуетъ для читателя «Обыкновенной исторіи», и не существуетъ именно потому, что автору предстояло рѣшить грозную дилемму: или выдумать отъ себя всю русскую жизнь и превратить Петербургъ въ Аркадію, или бросить грязную тѣнь на своего героя, какъ на человѣка, подкупленнаго этой жизнью и отстаивающаго ея нелѣпости ради своихъ личныхъ выгодъ. Чтобы не насиловать явленій жизни, чтобы не становиться къ нимъ въ ложныя отношенія и чтобы не закидать грязью своего героя, Гончаровъ заблагоразсудилъ въ «Обыкновенной исторіи» совершенно отвернуться отъ явленій жизни. Отнестись къ нимъ съ тѣмъ суровымъ отрицаніемъ, съ которымъ относились къ нимъ всѣ честные дѣятели русской мысли, открыто заявить свое non-conformity Гончаровъ не рѣшился. Почему? — Отвѣчать на этотъ вопросъ не мое дѣло; пусть отвѣтитъ на него самъ романистъ. Во всякомъ случаѣ въ «Обыкновенной исторіи» онъ исполнилъ удивительный tour de force, и исполнилъ его съ безпримѣрной ловкостью:

онъ написалъ большой романъ, не говоря ни одного слова о крупныхъ явленіяхъ нашей жизни; онъ вывелъ двѣ невозможныя фигуры и увѣрилъ всѣхъ въ томъ, что это дѣйствительно существующіе люди; онъ сталъ въ первый рядъ русскихъ литераторовъ, не откликаясь ни однимъ звукомъ на вопросы, поставленные исторической жизнью народа, пропуская мимо ушей то, что носится въ воздухѣ и составляетъ живую связь между живыми дѣятелями. Исполнить такого рода tour de force, и потомъ исполнить его на глазахъ Бѣлинскаго, удалось Гончарову, только благодаря удивительному совершенству техники, невыразимой обаятельности языка, безпримѣрной тщательности въ отдѣлкѣ мелочей и подробностей. Герои Гончарова ведутъ между собой такіе живые разговоры, что, прислушиваясь къ нимъ, невольно забываешь невѣрность ихъ типа и невозможность ихъ существованія. А между тѣмъ эта невѣрность и невозможность, незаявленныя положительно въ нашей критикѣ, заявляются въ ней «отрицательно». Рудина, Лаврецкаго, Калиновича, Бешметева наши критики берутъ, какъ представителей типовъ, какъ живыхъ людей, служащихъ образчиками русской натуры, а героевъ Гончарова никто не беретъ такимъ образомъ, потому что, повторяю, въ нихъ нѣтъ ничего русскаго и нѣтъ никакой натуры.

Оба Адуевы, дядя и племянникъ, не обратились и никогда не обратятся въ полу-нарицательныя имена, подобныя Онѣгину, Фамусову, Молчалину, Ноздреву, Манилову и т. п. Что сказать о личности Александра Ѳедоровича Адуева, племянника? Только и скажешь, что у него нѣтъ личности, а между тѣмъ даже и безличность или безхарактерность не можетъ быть поставлена въ число его свойствъ. Онъ молодъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ съ большими надеждами и съ сильной дозой мечтательности; петербургская жизнь понемногу разбиваетъ его надежды и заставляетъ его быть скромнѣе и смотрѣть подъ ноги, вмѣсто того, чтобы носиться въ пространствахъ эѳира. Онъ влюбился — ему измѣняетъ любимая дѣвушка; онъ напускаетъ на себя хандру — и понемногу отъ нея вылѣчивается; потомъ онъ влюбляется въ другую, и на этотъ разъ уже самъ измѣняетъ своей Дульцинеѣ; съ годами онъ становится разсудительнѣе; при этомъ онъ постоянно споритъ съ своимъ дядей и мало-по-малу начинаетъ сходиться съ нимъ во взглядѣ на жизнь; романъ кончается тѣмъ, что оба Адуевы сходятся между собою совершенно въ понятіяхъ и наклонностяхъ. «Это канва романа, — скажете вы, — это общія черты, контуры, которые можно раскрасить, какъ угодно». Это правда; и эти контуры такъ и остались нераскрашенными; бѣдность и недодѣланность ихъ опять-таки замаскированы тщательностью внѣшней отдѣлки. Напримѣръ, Александръ ѣдетъ къ той дѣвушкѣ, которую

онъ любитъ; онъ чувствуетъ сильное нетерпѣніе, и Гончаровъ чрезвычайно подробно разсказываетъ, въ какихъ именно внѣшнихъ признакахъ проявлялось это нетерпѣніе, какъ сидѣлъ его герой, какъ онъ перемѣнялъ положеніе, какое впечатлѣніе производили на него окрестные виды; потомъ эта дѣвушка ему измѣнила, предпочла другого, — и Гончаровъ опять-таки съ дагерротипической вѣрностью воспроизводитъ внѣшнія выраженія отчаянія, а потомъ апатію своего героя. Онъ пишетъ вообще исторію болѣзни, а не характеристику больного: поэтому, если бы романъ Гончарова попался въ руки какому-нибудь разумному жителю луны, то этотъ господинъ могъ бы составить себѣ довольно вѣрное понятіе о томъ, какъ говорятъ, любятъ, живутъ, наслаждаются и страдаютъ на землѣ животныя, называемыя людьми. Но мы, къ сожалѣнію, все это знаемъ по горькому опыту, и потому тѣ общія черты, которыя нашъ романистъ разрабатываетъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, представляютъ для насъ мало существеннаго интереса. Мы знаемъ, что, отправляясь на свиданіе съ любимой женщиной, молодой человѣкъ чувствуетъ усиленное біеніе сердца; какъ подробно ни описывайте этотъ симптомъ, вы охарактеризуете только извѣстное физіологическое отправленіе, а не очертите личной физіономіи. Описывать подобные моменты все равно, что описывать, какъ человѣкъ жуетъ или храпитъ во снѣ, или сморкается. Дѣло другое, если герой, отправляясь на свиданіе, перебираетъ въ головѣ такія идеи, которыя составляютъ его типовое или личное свойство; тогда его мысли стоитъ отмѣтить и воспроизвести. Но Гончаровъ думаетъ иначе; онъ съ зеркальной вѣрностью отражаетъ все или, вѣрнѣе, все то, что находитъ удобоотражаемымъ, все безцвѣтное, т.-е. именно все то, чего не слѣдовало и не стоило отражать.

Условія удобоотражаемости измѣняются съ годами: что̀ было неудобно лѣтъ десять тому назадъ, то сдѣлалось удобнымъ и общепринятымъ теперь. Вслѣдствіе этихъ измѣненій въ воздухѣ времени, измѣнилось и направленіе Гончарова. Его «Обыкновенная исторія», за исключеніемъ послѣднихъ страницъ, которыя какъ-то не вяжутся съ цѣлымъ и какъ будто приклеены чужой рукой, говоритъ довольно прямо, хоть и очень осторожно: «Охъ, молодые люди, протестанты жизни, бросьте вы ваши стремленія вдаль, къ усовершенствованіямъ, къ лучшему порядку вещей! — все это пустяки, фантазерство! — надѣньте вицмундиры, вооружитесь хорошо очиненными перьями, покорностью и терпѣніемъ, молчите, когда васъ не спрашиваютъ, говорите, когда прикажутъ и что̀ прикажутъ, скрипите перьями, не спрашивая, о чемъ и для чего вы пишете, — и тогда, повѣрьте мнѣ, всѣ будутъ вами довольны, и вы сами будете довольны всѣмъ и всѣми».

Эти мысли и воззрѣнія въ свое время были какъ нельзя болѣе кстати; ихъ надо было только выразить съ нѣкоторой осторожностью, чтобы не прослыть за послѣдователя почтеннѣйшаго Булгарина; а, какъ мы видѣли, дипломатической осторожности въ «Обыкновенной исторіи» дѣйствительно гораздо больше, чѣмъ мысли, и несравненно больше, чѣмъ чувства. Но времена перемѣнились, и пришлось настраивать лиру на новый ладъ; всѣ заговорили о прогрессѣ, о разумѣ, и Гончаровъ также заблагоразсудилъ дать нашему обществу урокъ, наставить его на путь истины и указать ему на свѣтлое будущее. «Россіяне! — говоритъ онъ въ своемъ «Обломовѣ», — всѣ вы спите — всѣ вы равнодушны къ судьбѣ родины, всѣ вы до такой степени одурѣли отъ сна и заплыли жиромъ, что мнѣ, романисту, приходится въ укоръ вамъ брать своего положительнаго героя изъ нѣмцевъ, подобно тому, какъ предки ваши, новгородскіе славяне, изъ нѣмцевъ призвали себѣ великаго князя, собирателя русской земли».—И россіяне, со свойственной имъ одимъ добродушной наивностью, умиляются надъ геніальнымъ произведеніемъ своего романиста, всматриваются въ утрированную донельзя фигуру Обломова и восклицаютъ съ добродѣтельнымъ раскаяніемъ: «Да, да! вотъ наша язва, вотъ наше общее страданіе, вотъ корень нашихъ золъ — обломовщина, обломовщина!.. Всѣ мы — Обломовы! всѣ мы ничего не дѣлаемъ! а дѣло ждетъ» и т. д.

Добрые люди! напрасно вы такъ на себя ропщете; да что же вы будете дѣлать? Какая это вамъ пригрезилась работа? Это, должно-быть, одно изъ слѣдствій вашего продолжительнаго сна; перевернитесь на другой бокъ и усните опять. Вы можете быть или Обломовыми, или Молчалиными, Фамусовыми и Петрами Ивановичами; первые — байбаки, тряпки; вторые — положительные дѣятели; но всякій порядочный человѣкъ скорѣе согласится быть Обломовымъ, чѣмъ Фамусовымъ. Гончаровъ, какъ авторъ «Обломова» [1]), думаетъ иначе,—онъ думаетъ, что дѣло ждетъ, а работники спятъ, такъ что приходится нанимать ихъ за границей; спятъ они не потому, что ихъ измучила работа, не потому, что ихъ истомила жажда и пропекли жгучіе лучи солнца, а потому, что — негодящій народъ, лѣнтяи, увальни, жиромъ заплыли! Вотъ ужъ это дешевая клевета, пустая фраза, разведенная на цѣлый огромный романъ. Гончаровъ, какъ Паншинъ въ романѣ Тургенева «Дворянское гнѣздо», думаетъ, что стоитъ только захотѣть, такъ сейчасъ и посыплются въ ротъ жареные рябчики, и l'idée du cadastre будетъ популяризирована; вотъ поэтому его «Обломовъ» и относится къ тогдашнему пробужденію дѣятельности, какъ замѣчаніе

[1]) Какъ авторъ «Обыкновенной исторіи», Гончаровъ думаетъ совсѣмъ не то: тамъ онъ думаетъ, что все хорошо и всѣ хороши; стоитъ только приглядѣться да втянуться.

начальника, высказанное подчиненному: «Что жъ вы, дескать, любезный мой, спите? вѣдь такъ нельзя! вы видите, я самъ не жалѣю силъ». Гончаровъ, очевидно, думалъ этой мыслью попасть въ ноту, и, дѣйствительно, многимъ показалось, что онъ попалъ; а на повѣрку выходитъ, что пѣнье было фальшивое, да и подтягивалъ-то онъ не теноромъ, а фистулой. Дѣло въ томъ, что Обломовъ похожъ на Бельтова, Рудина и Бешметева, только гораздо рѣзче обрисованъ; вотъ многимъ, если не всѣмъ, и покажись въ то время, что Гончаровъ говоритъ то же самое, что Тургеневъ и Писемскій; а Гончаровъ говорилъ другое, только съ свойственной ему осторожностью. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ доходятъ до своей дрянности вслѣдствіе обстоятельствъ, а Обломовъ—вслѣдствіе своей натуры. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ — люди измятые и исковерканные жизнью, а Обломовъ — человѣкъ ненормальнаго тѣлосложенія. Въ первомъ случаѣ виноваты условія жизни, во второмъ—организація самого человѣка. По мнѣнію Тургенева, Писемскаго и др., наше общество нуждается въ реформахъ; по мнѣнію Гончарова, мы всѣ — больные, нуждающіеся въ лѣкарствахъ и въ совѣтахъ врача. Согласитесь, что это не совсѣмъ то же самое. Вотъ изъ этого-то взгляда и вытекла попытка Гончарова соорудить нелѣпую фигуру Штольца. Положительныхъ дѣятелей нѣтъ,—это фактъ, который рѣшается признать нашъ романистъ; но почему ихъ нѣтъ?—спрашиваетъ онъ. Дать на этотъ вопросъ удовлетворительный отвѣтъ онъ боится, потому что такой отвѣтъ можетъ повести ужасно далеко, по русской пословицѣ: «языкъ до Кіева доведетъ». Вотъ онъ и отвѣчаетъ: «дѣятелей нѣтъ, потому что мы страдаемъ обломовщиной». Это не отвѣтъ, это повтореніе вопроса въ другой формѣ, а между тѣмъ фраза облетѣла всю Россію, «обломовщина» вошла въ языкъ, и даже талантливый критикъ «Современника» посвятилъ цѣлую критическую статью на разборъ вопроса: что такое обломовщина?

Далѣе Гончаровъ разсуждаетъ такъ: если мы страдаемъ припадками болѣзни, то, чтобы изобразить положительнаго дѣятеля, стоитъ только представить здороваго человѣка; въ насъ недостаетъ энергіи, стало-быть, если приписать энергію какому-нибудь джентльмену, если заставить его ходить большими шагами, говорить рѣшительно и громко, рѣшать, не задумываясь, теоретическіе вопросы,—великая задача будетъ рѣшена; ключъ найденъ, рецептъ положительнаго дѣятеля составленъ; остается только послать въ аптеку, чтобы тамъ подписали: ordinavit nobis doctor vitae russicae I. Gontcharow». А ну, какъ въ аптекѣ не найдется матеріаловъ? Что, если провизоръ усмѣхнется, прочитавъ рецептъ, и отвѣтитъ ученому доктору, что такихъ специй въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, и что такія химическія соединенія невозможны

ни подъ какой широтой? Что тогда? — Ничего. Докторъ умоетъ руки, скажетъ, что больной непремѣнно выздоровѣлъ бы, если бы можно было найти птичье молоко, о которомъ толкуетъ его рецептъ. Въ дѣйствительности больной не поправится, но зато докторъ будетъ правъ: онъ не задумался, онъ рѣшилъ вопросъ; его ли вина, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ только въ теоріи, или, вѣрнѣе, въ фантазіи? Да и всего вѣрнѣе, что робкій провизоръ не отвѣтитъ доктору такъ рѣзко, какъ мы это предположили. Благоговѣя передъ репутаціей ученаго мужа, онъ начнетъ смѣшивать и размѣшивать, и если у него не выйдетъ требуемаго соединенія, отнесетъ свою неудачу насчетъ собственной неловкости, вмѣсто того, чтобы обличить эскулапа въ невѣжествѣ и шарлатанствѣ.

Благоговѣніе передъ авторитетами, общими и частными, одинаково сильно: въ аптекахъ и въ журналахъ. Если откинуть это благоговѣніе, то надо будетъ сказать напрямикъ, что весь «Обломовъ» — клевета на русскую жизнь, а Штольцъ — просто faux-fuyant, подставное рѣшеніе вопроса, вмѣсто истиннаго, попытка разрубить фразами тотъ узелъ, надъ которымъ, не жалѣя глазъ и костей, трудятся въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій истинно добросовѣстные дѣятели. Да! Авторъ «Обыкновенной исторіи» напрасно прикинулся прогрессистомъ. Обращаясь къ нашему потомству, Гончаровъ будетъ имѣть полное право сказать: не поминайте лихомъ, а добромъ нечѣмъ!

Писаревъ.

„Обломовъ", романъ И. А. Гончарова.

Въ каждой литературѣ, достигшей извѣстной степени зрѣлости, появляются такія произведенія, которыя соглашаютъ общечеловѣческій интересъ съ народнымъ и современнымъ и возводятъ на степень художественныхъ созданій типы, взятые изъ среды того общества, къ которому принадлежитъ писатель. Авторъ такого произведенія не увлекается современными ему, часто мелкими, вопросами жизни, не имѣющими ничего общаго съ искусствомъ; онъ не задаетъ себѣ задачи составить поучительную книгу и осмѣять тотъ или другой недостатокъ общества или превознесть ту или другую добродѣтель, въ которой нуждается это общество. Нѣтъ! Творчество съ заранѣе задуманной практической цѣлью составляетъ явленіе незаконное; оно должно быть предоставлено на долю тѣхъ писателей, которымъ отказано въ могучемъ талантѣ, которымъ дано взамѣнъ нравственное чувство, способное сдѣлать ихъ хорошими гражданами, но не художниками. Истинный поэтъ стоитъ выше житейскихъ вопросовъ, но не уклоняется отъ ихъ разрѣшенія, встрѣчаясь съ ними на пути своего творчества. Та-

кой поэтъ смотритъ глубоко на жизнь и въ каждомъ ея явленіи видитъ общечеловѣческую сторону, которая затронетъ за живое всякое сердце и будетъ понятна всякому времени. Случится ли поэту обратить вниманіе на какое-нибудь общественное зло — положимъ, на взяточничество — онъ не станетъ, подобно представителямъ обличительнаго направленія, вдаваться въ тонкости казуистики и излагать разныя запутанныя продѣлки: цѣль его будетъ не осмѣять зло, а разрѣшить передъ глазами читателя психологическую задачу; онъ обратитъ вниманіе не на то, въ чемъ проявляется взяточничество, а на то, откуда оно исходитъ; взяточникъ въ его глазахъ — не чиновникъ, недобросовѣстно исполняющій свою обязанность, а человѣкъ, находящійся въ состояніи полнаго нравственнаго униженія. Прослѣдить состояніе его души, раскрыть его передъ читателемъ, объяснить участіе общества въ формованіи подобныхъ характеровъ, — вотъ дѣло истиннаго поэта, котораго твореніе о взяточничествѣ можетъ возбудить не одно отвращеніе, а глубокую грусть за нравственное паденіе человѣка. Такъ смотритъ поэтъ на явленія своей современности, такъ относится онъ къ различнымъ сторонамъ своей національности, на все смотритъ онъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія; не тратя силъ на воспроизведеніе мелкихъ внѣшнихъ особенностей народнаго характера, не дробя своей мысли на мелочныя явленія вседневной жизни, поэтъ разомъ постигаетъ духъ, смыслъ этихъ явленій, усвоиваетъ себѣ полное пониманіе народнаго характера и потомъ, вполнѣ располагая своимъ матеріаломъ, творитъ, не списывая съ окружающей его дѣйствительности, а выводя эту дѣйствительность изъ глубины собственнаго духа и влагая въ живые, созданные имъ образы одушевляющую его мысль. «Народность, — говоритъ Бѣлинскій, — есть не достоинство, а необходимое условіе истинно художественнаго произведенія». Мысль поэта ищетъ себѣ опредѣленнаго, округлаго выраженія и по естественному закону выливается въ ту форму, которая всего знакомѣе поэту; каждая черта общечеловѣческаго характера имѣетъ въ извѣстной національности свои особенности, каждое общечеловѣческое движеніе души выражается сообразно съ условіями времени и мѣста. Истинный художникъ можетъ воплотить свою идею только въ самыхъ опредѣленныхъ образахъ, и вотъ почему народность и историческая вѣрность составляютъ необходимое условіе изящнаго произведенія. Слова Бѣлинскаго, сказанныя имъ по поводу повѣстей Гоголя, могутъ быть въ полной силѣ приложены къ оцѣнкѣ новаго романа Гончарова. Въ этомъ романѣ разрѣшается обширная, общечеловѣческая психологическая задача; эта задача разрѣшается въ явленіяхъ чисто русскихъ, національныхъ, возможныхъ только при нашемъ образѣ жизни, при тѣхъ историческихъ обстоятельствахъ, которыя сформировали народ-

ный характеръ, при тѣхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ развивалось и отчасти развивается до сихъ поръ наше молодое поколѣніе. Въ этомъ романѣ затронуты и жизненные, современные вопросы настолько, насколько эти вопросы имѣютъ общечеловѣческій интересъ; въ немъ выставлены и недостатки общества, но выставлены не съ полемической цѣлью, а для вѣрности и полноты картины, для художественнаго изображенія жизни, какъ она есть, и человѣка съ его чувствами, мыслями и страстями. Полная объективность, спокойное, безстрастное творчество, отсутствіе узкихъ временныхъ цѣлей, профанирующихъ искусство, отсутствіе лирическихъ порывовъ, нарушающихъ ясность и отчетливость эпическаго повѣствованія, — вотъ отличительные признаки таланта автора, насколько онъ выразился въ послѣднемъ его произведеніи. Мысль Гончарова, проведенная въ его романѣ, принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ, но имѣетъ особенное значеніе въ наше время, для нашего русскаго общества. Авторъ задумалъ прослѣдить мертвящее, губительное вліяніе, которое оказываютъ на человѣка умственная апатія, усыпленіе, овладѣвающее мало-по-малу всѣми силами души, охватывающее и сковывающее собою всѣ лучшія, человѣческія, разумныя движенія и чувства. Эта апатія составляетъ явленіе общечеловѣческое, она выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и порождается самыми разнородными причинами; но вездѣ въ ней играетъ главную роль страшный вопросъ: «зачѣмъ жить? къ чему трудиться?» — вопросъ, на который человѣкъ часто не можетъ найти себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Этотъ неразрѣшенный вопросъ, это неудовлетворенное сомнѣніе истощаютъ силы, губятъ дѣятельность; у человѣка опускаются руки, и онъ бросаетъ трудъ, не видя ему цѣли. Одинъ съ негодованіемъ и съ желчью отброситъ отъ себя работу, другой отложитъ ее въ сторону тихо и лѣниво; одинъ будетъ рваться изъ своего бездѣйствія, негодовать на себя и на людей, искать чего-нибудь, чѣмъ можно было бы наполнить внутреннюю пустоту; апатія его приметъ оттѣнокъ мрачнаго отчаянія, она будетъ перемежаться съ лихорадочными порывами къ безпорядочной дѣятельности и все-таки останется апатіей, потому что отниметъ у него силы дѣйствовать, чувствовать и жить. У другого равнодушіе къ жизни выразится въ болѣе мягкой, безцвѣтной формѣ; животные инстинкты тихо, безъ борьбы, выплывутъ на поверхность души; замрутъ безъ боли высшія стремленія; человѣкъ опустится въ мягкое кресло и заснетъ, наслаждаясь своимъ безсмысленнымъ покоемъ; начнется вмѣсто жизни прозябаніе, и въ душѣ человѣка образуется стоячая вода, до которой не коснется никакое волненіе внѣшняго міра, которой не потревожитъ никакой внутренній переворотъ. Въ первомъ случаѣ мы видимъ какую-то вынужденную апатію, — апатію

и вмѣстѣ съ тѣмъ борьбу противъ нея, избытокъ силъ, просившихся въ дѣло и медленно гаснущихъ въ безплодныхъ попыткахъ; это — байронизмъ, болѣзнь сильныхъ людей. Во второмъ случаѣ является апатія покорная, мирная, улыбающаяся, безъ стремленія выйти изъ бездѣйствія; это — обломовщина, какъ назвалъ ее Гончаровъ, это болѣзнь, развитію которой способствуютъ и славянская природа, и жизнь нашего общества. Это развитіе болѣзни прослѣдилъ въ своемъ романѣ Гончаровъ. Огромная идея автора во всемъ величіи своей простоты улеглась въ соотвѣтствующую ей рамку. По этой идеѣ построенъ весь планъ романа, построенъ такъ обдуманно, что въ немъ нѣтъ ни одной случайности, ни одного вводнаго лица, ни одной лишней подробности; черезъ всѣ отдѣльныя сцены проходитъ основная идея, и между тѣмъ, во имя этой идеи, авторъ не дѣлаетъ ни одного уклоненія отъ дѣйствительности, не жертвуетъ ни одной частностью во внѣшней отдѣлкѣ лицъ, характеровъ и положеній. Все строго естественно и между тѣмъ вполнѣ осмысленно, проникнуто идеей. Событій, дѣйствія почти нѣтъ; содержаніе романа можетъ быть разсказано въ двухъ, трехъ строкахъ, какъ можетъ быть разсказана въ нѣсколькихъ словахъ жизнь всякаго человѣка, не испытавшаго сильныхъ потрясеній; интересъ такого романа, интересъ такой жизни заключается не въ замысловатомъ сцѣпленіи событій, хотя бы и правдоподобныхъ, хотя бы и дѣйствительно случившихся, а въ наблюденіи надъ внутреннимъ міромъ человѣка. Этотъ міръ всегда интересенъ, всегда привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе; но онъ особенно доступенъ для изученія въ спокойныя минуты, когда человѣкъ, составляющій предметъ нашего наблюденія, предоставленъ самому себѣ, не зависитъ отъ внѣшнихъ событій, не поставленъ въ искусственное положеніе, происходящее отъ случайнаго стеченія обстоятельствъ. Въ такія спокойныя минуты жизни, когда человѣкъ, не тревожимый внѣшними впечатлѣніями, сосредоточивается, собираетъ свои мысли и заглядываетъ въ свой внутренній міръ, въ такія минуты происходитъ иногда никому незамѣтная, глухая внутренняя борьба, въ такія минуты зрѣетъ и развивается задушевная мысль или происходитъ поворотъ на прошедшее, обсуживаніе и оцѣнка собственныхъ поступковъ, собственной личности. Эти таинственныя минуты особенно дороги для художника, особенно интересны для просвѣщеннаго наблюдателя. Въ романѣ Гончарова внутренняя жизнь дѣйствующихъ лицъ открыта передъ глазами читателя; нѣтъ путаницы внѣшнихъ событій, нѣтъ придуманныхъ и разсчитанныхъ эффектовъ, и потому анализъ автора ни на минуту не теряетъ своей отчетливости и спокойной проницательности. Идея не дробится въ сплетеніи разнообразныхъ происшествій: она стройно и просто развивается сама изъ себя, проводится до конца,

и до конца поддерживаетъ собою весь интересъ, безъ помощи постороннихъ, побочныхъ, вводныхъ обстоятельствъ. Эта идея такъ широка, она охватываетъ собою такъ много сторонъ нашей жизни, что, воплощая одну эту идею, не уклоняясь отъ нея ни на шагъ, авторъ могъ, безъ малѣйшей натяжки, коснуться чуть ли не всѣхъ вопросовъ, занимающихъ въ настоящее время общество. Онъ коснулся ихъ невольно, не желая жертвовать для временныхъ цѣлей вѣчными интересами искусства; но это, невольно высказанное въ общественномъ дѣлѣ, слово художника не можетъ не имѣть сильнаго и благотворнаго вліянія на умы: оно подѣйствуетъ такъ, какъ дѣйствуетъ все истинное и прекрасное. Часто случается, что художникъ приступаетъ къ своему дѣлу съ извѣстной идеей, созрѣвшей въ его головѣ и получившей уже свою опредѣленную форму; онъ берется за перо, чтобы перенести эту идею на бумагу, чтобы вложить ее въ образы — и вдругъ увлекается самымъ процессомъ творчества; произведеніе, задуманное въ его умѣ, разрастается и получаетъ не ту форму, которая была назначена ему прежде. Отдѣльный эпизодъ, которому вначалѣ слѣдовало только подтвердить основную мысль, обрабатывается съ особенной любовью и выростаетъ такъ, что почти выдвигается на первый планъ, и между тѣмъ отъ этого, повидимому, незаконнаго преобладанія одной части надъ другими не происходитъ дисгармоніи; основная идея не теряетъ своей ясности, не затемняется развитіемъ эпизодовъ; все произведеніе остается стройнымъ и изящнымъ, хотя и не соблюдена математическая строгость въ соразмѣрности частей. Описанный нами фактъ творчества свершился, какъ кажется, надъ романомъ Гончарова. Главной идеей автора, насколько можно судить и по заглавію, и по ходу дѣйствія, было изобразить состояніе спокойной и покорной апатіи, о которой мы уже говорили выше; между тѣмъ послѣ прочтенія романа у читателя можетъ возникнуть вопросъ: что хотѣлъ сдѣлать авторъ? Какая главная цѣль руководила имъ? Не хотѣлъ ли онъ прослѣдить развитіе чувства любви, анализировать до мельчайшихъ подробностей тѣ видоизмѣненія, которыя испытываетъ душа женщины, взволнованной сильнымъ и глубокимъ чувствомъ? Вопросъ этотъ рождается не оттого, чтобы главная цѣль была не достигнута, не оттого, чтобы вниманіе автора уклонилось отъ нея въ сторону: напротивъ! дѣло въ томъ, что обѣ цѣли, главная и второстепенная, возникшая во время творчества, достигнуты до такой степени полно, что читатель не знаетъ, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе. Въ Обломовѣ мы видимъ двѣ картины, одинаково законченныя, поставленныя рядомъ, проникающія и дополняющія одна другую. Главная идея автора выдержана до конца; но во время процесса творчества представилась новая психологическая задача, которая, не мѣшая развитію первой мысли, сама разрѣшается

до такой степени полно, какъ не разрѣшалась, быть-можетъ, никогда. Рѣдкій романъ обнаруживалъ въ своемъ авторѣ такую силу анализа, такое полное и тонкое знаніе человѣческой природы вообще и женской въ особенности; рѣдкій романъ когда-либо совмѣщалъ въ себѣ двѣ, до такой степени огромныя, психологическія задачи, рѣдкій возводилъ соединеніе двухъ такихъ задачъ до такого стройнаго и, повидимому, несложнаго цѣлаго. Мы бы никогда не кончили, если бы стали говорить о всѣхъ достоинствахъ общаго плана, составленнаго такою смѣлою рукою; переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ характеровъ.

Илья Ильичъ Обломовъ, герой романа, олицетворяетъ въ себѣ ту умственную апатію, которой Гончаровъ придалъ имя обломовщины. Слово «обломовщина» не умретъ въ нашей литературѣ: оно составлено такъ удачно, оно такъ осязательно характеризуетъ одинъ изъ существенныхъ пороковъ нашей русской жизни, что, по всей вѣроятности, изъ литературы оно проникнетъ въ языкъ и войдетъ во всеобщее употребленіе. Посмотримъ, въ чемъ же состоитъ эта обломовщина. Илья Ильичъ стоитъ на рубежѣ двухъ, взаимно противоположныхъ направленій: онъ воспитанъ подъ вліяніемъ обстановки старо-русской жизни, привыкъ къ барству, къ бездѣйствію и къ полному угожденію своимъ физическимъ потребностямъ и даже прихотямъ; онъ провелъ дѣтство подъ любящимъ, но неосмысленнымъ надзоромъ совершенно неразвитыхъ родителей, наслаждавшихся въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ полной умственной дремотою, въ родѣ той, которую охарактеризовалъ Гоголь въ своихъ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Онъ изнѣженъ и избалованъ, ослабленъ физически и нравственно; въ немъ старались, для его же пользы, подавлять порывы рѣзвости, свойственные дѣтскому возрасту, и движенія любознательности, просыпающіяся также въ годы младенчества: первые, по мнѣнію родителей, могли подвергнуть его ушибамъ и разнаго рода поврежденіямъ; вторыя могли разстроить здоровье и остановить развитіе физическихъ силъ. Кормленіе на убой, сонъ вволю, поблажка всѣмъ желаніямъ и прихотямъ ребенка, не грозившимъ ему какимъ-либо тѣлеснымъ поврежденіемъ, и тщательное удаленіе отъ всего, что можетъ простудить, обжечь, ушибить или утомить его, — вотъ основныя начала обломовскаго воспитанія. Сонная, рутинная обстановка деревенской, захолустной жизни дополнила то, чего не успѣли сдѣлать труды родителей и нянекъ. На тепличное растеніе, не ознакомившееся въ дѣтствѣ не только съ волненіями дѣйствительной жизни, но даже съ дѣтскими огорченіями и радостями, пахнуло струей свѣжаго, живого воздуха. Илья Ильичъ сталъ учиться и развился настолько, что понялъ, въ чемъ состоитъ жизнь, въ чемъ состоятъ обязанности человѣка. Онъ понялъ это умомъ, но не могъ сочувствовать воспринятымъ идеямъ о долгѣ, о трудѣ и дѣятельности. Роковой во-

просъ: къ чему жить и трудиться?—вопросъ, возникающій обыкновенно послѣ многочисленныхъ разочарованій и обманутыхъ надеждъ, прямо, самъ собою, безъ всякаго приготовленія, во всей своей ясности представился уму Ильи Ильича. Этимъ вопросомъ онъ сталъ оправдывать въ себѣ отсутствіе опредѣленныхъ наклонностей, нелюбовь къ труду всякаго рода, нежеланіе покупать этимъ трудомъ даже высокое наслажденіе, безсиліе, непозволявшее ему итти твердо къ какой-нибудь цѣли и заставлявшее его останавливаться съ любовью на каждомъ препятствіи, на всемъ, что могло дать средство отдохнуть и остановиться. Образованіе научило его презирать праздность; но сѣмена, брошенныя въ его душу природою и первоначальнымъ воспитаніемъ, принесли плоды. Нужно было согласить одно съ другимъ, и Обломовъ сталъ объяснять себѣ свое апатическое равнодушіе философскимъ взглядомъ на людей и на жизнь. Онъ, дѣйствительно, успѣлъ увѣрить себя въ томъ, что онъ — философъ, потому что спокойно и безстрастно смотритъ на волненія и дѣятельность окружающихъ его людей; лѣнь получила въ его глазахъ силу закона; онъ отказался отъ всякой дѣятельности; обезпеченное состояніе дало ему средства не трудиться, и онъ спокойно задремалъ съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Между тѣмъ, идутъ года, и съ годами возникаютъ сомнѣнія. Обломовъ оборачивается назадъ и видитъ рядъ безполезно прожитыхъ лѣтъ, смотритъ внутрь себя и видитъ, что все пусто, оглядывается на товарищей — всѣ за дѣломъ; настаютъ порою страшныя минуты яснаго сознанія; его щемитъ тоска, хочется двинуться съ мѣста, фантазія разыгрывается, начинаются планы, а между тѣмъ двинуться нѣтъ силъ, онъ какъ будто приросъ къ землѣ, прикованъ къ своему бездѣйствію, къ спокойному креслу и къ халату; фантазія слабѣетъ, лишь только приходитъ пора дѣйствовать; смѣлые планы разлетаются, лишь только надо сдѣлать первый шагъ для ихъ осуществленія. Апатія Обломова не похожа на тотъ тяжелый сонъ, въ который были погружены умственныя способности его родителей: эта апатія парализируетъ дѣйствія, но не деревянитъ его чувства, не отнимаетъ у него способности думать и мечтать; высшія стремленія его ума и сердца, пробужденныя образованіемъ, не замерли; человѣческія чувства, вложенныя природою въ его мягкую душу, не очерствѣли: они какъ будто заплыли жиромъ, но сохранились во всей своей первобытной чистотѣ. Обломовъ никогда не приводилъ этихъ чувствъ и стремленій въ соприкосновеніе съ практической жизнью; онъ никогда не разочаровывался, потому что никогда не жилъ и не дѣйствовалъ. Оставшись до зрѣлаго возраста съ полной вѣрой въ совершенства людей, создавъ себѣ какой-то фантастическій міръ, Обломовъ сохранилъ чистоту и свѣжесть чувства, характеризующую ребенка; но эта свѣжесть чувства безполезна и для

него, и для другихъ. Онъ способенъ любить и чувствовать дружбу; но любовь не можетъ возбудить въ немъ энергіи; онъ устаетъ любить, какъ усталъ двигаться, волноваться и жить. Вся личность его влечетъ къ себѣ своей честностью, чистотою помысловъ и «голубиною», по выраженію самого автора, нѣжностью чувствъ; но въ этой привлекательной личности нѣтъ мужественности и силы, нѣтъ самодѣятельности. Этотъ недостатокъ губитъ всѣ его хорошія свойства. Обломовъ робокъ, застѣнчивъ. Онъ стоитъ по своему уму и развитію выше массы, составляющей у насъ общественное мнѣніе, но ни въ одномъ изъ своихъ дѣйствій не выражаетъ своего превосходства; онъ не дорожитъ свѣтомъ — и между тѣмъ боится его пересудовъ и безпрекословно подчиняется его приговорамъ; его пугаетъ малѣйшее столкновеніе съ жизнью, и, ежели можно избѣжать такого столкновенія, онъ готовъ жертвовать своимъ чувствомъ, надеждами, матеріальными выгодами; словомъ, Обломовъ не умѣетъ и не хочетъ бороться съ чѣмъ бы то ни было и какъ бы то ни было. Между тѣмъ въ немъ совершается постоянная борьба между лѣнивой природой и сознаніемъ человѣческаго долга, — борьба безплодная, не вырывающаяся наружу и не приводящая ни къ какому результату. Спрашивается, какъ должно смотрѣть на личность, подобную Обломову? Этотъ вопросъ имѣетъ важное значеніе, потому что Обломовыхъ много и въ русской литературѣ, и въ русской жизни. Сочувствовать такимъ личностямъ нельзя, потому что онѣ тяготятъ и себя, и общество; презирать ихъ безусловно тоже нельзя: въ нихъ слишкомъ много истинно-человѣческаго, и сами онѣ слишкомъ много страдаютъ отъ несовершенствъ своей природы. На подобныя личность должно, по нашему мнѣнію, смотрѣть, какъ на жалкія, но неизбѣжныя явленія переходной эпохи; онѣ стоятъ на рубежѣ двухъ жизней: старорусской и европейской, и не могутъ шагнуть рѣшительно изъ одной въ другую. Въ этой нерѣшительности, въ этой борьбѣ двухъ началъ заключается драматичность ихъ положенія; здѣсь же заключаются и причины дисгармоніи между смѣлостью ихъ мысли и нерѣшительностью дѣйствій. Такихъ людей должно жалѣть, во-первыхъ, потому, что въ нихъ часто бываетъ много хорошаго, во-вторыхъ, потому, что они являются невинными жертвами исторической необходимости. Рядомъ съ Обломовымъ выведенъ въ романѣ Гончарова другой характэръ, соединяющій въ себѣ тѣ результаты, къ которымъ должно вести гармоническое развитіе. Андрей Ивановичъ Штольцъ, другъ Обломова, является вполнѣ мужчиной, такимъ человѣкомъ, какихъ еще очень мало въ современномъ обществѣ. Онъ не избалованъ домашнимъ воспитаніемъ, онъ съ молодыхъ лѣтъ началъ пользоваться разумной свободой, рано узналъ жизнь и умѣлъ внести въ практическую дѣятельность прочныя теоретическія знанія. Выработанность убѣжденій, твер-

дость воли, критическій взглядъ на людей и на жизнь и рядомъ съ этимъ критическимъ взглядомъ вѣра въ истину и въ добро, уваженіе ко всему прекрасному и возвышенному, — вотъ главныя черты характера Штольца. Онъ не даетъ воли страстямъ, отличая ихъ отъ чувства; онъ наблюдалъ за собою и сознаетъ, что человѣкъ есть существо мыслящее и что разсудокъ долженъ управлять его дѣйствіями. Господство разума не исключаетъ чувства, но осмысливаетъ его и предохраняетъ отъ увлеченій. Штольцъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ холодныхъ, флегматическихъ людей, которые подчиняютъ свои поступки расчету, потому что въ нихъ нѣтъ жизненной теплоты, потому что они неспособны ни горячо любить, ни жертвовать собою во имя идеи. Штольцъ не мечтатель, потому что мечтательность составляетъ свойство людей, больныхъ тѣломъ или душою, не умѣвшихъ устроить себѣ жизнь по своему вкусу; у Штольца здоровая и крѣпкая природа; онъ сознаетъ свои силы, не слабѣетъ передъ неблагопріятными обстоятельствами и, не напрашиваясь насильно на борьбу, никогда не отступаетъ отъ нея, когда того требуютъ убѣжденія; жизненныя силы бьютъ въ немъ живымъ ключомъ, и онъ употребляетъ ихъ на полезную дѣятельность, живетъ умомъ, сдерживая порывы воображенія, но воспитывая въ себѣ правильное эстетическое чувство. Характеръ его можетъ съ перваго взгляда показаться жестокимъ и холоднымъ. Спокойный, часто шутливый тонъ, съ которымъ онъ говоритъ и о своихъ, и о чужихъ интересахъ, можетъ быть принятъ за неспособность глубоко чувствовать, за нежеланіе вдуматься, вникнуть въ дѣло; но это спокойствіе происходитъ не отъ холодности: въ немъ должно видѣть доказательство самостоятельности, привычки думать про себя и дѣлиться съ другими своими впечатлѣніями только тогда, когда это можетъ доставить имъ пользу или удовольствіе. Въ отношеніяхъ между Обломовымъ и Штольцемъ Обломовъ нѣжнѣе и сообщительнѣе своего друга. Это очень естественно: характеры слабые всегда нуждаются въ нравственной поддержкѣ и потому всегда готовы раскрыться, подѣлиться съ другимъ горемъ или радостью. Люди съ твердымъ, глубокимъ характеромъ находятъ въ голосѣ собственнаго разсудка лучшую опору и потому рѣдко чувствуютъ потребность высказаться. Въ отношеніи къ любимой женщинѣ Штольцъ неспособенъ быть страдательнымъ существомъ, послушнымъ исполнителемъ ея воли: сознаніе собственной личности не позволяетъ ему, для кого бы то ни было, отступать отъ убѣжденій или мѣнять основныя черты своего характера. Осмысливая все, онъ осмысливаетъ и любовь и видитъ въ ней не служеніе кумиру, а разумное чувство, долженствующее пополнить существованіе двухъ взаимно уважающихъ другъ друга людей. Штольцъ — вполнѣ европеецъ по развитію и по взгляду на жизнь; это — типъ будущій, который теперь рѣдокъ;

но къ которому ведетъ современное движеніе идей, обнаружившееся съ такою силой въ нашемъ обществѣ. «Вотъ, — говоритъ Гончаровъ, — глаза очнулись отъ дремоты, послышались бойкіе, широкіе шаги, живые голоса... Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими знаменами!»

Личности, подобныя Штольцу, рѣдки въ наше время: условія нашей общественной и частной жизни не могутъ содѣйствовать развитію такихъ характеровъ; въ наше время еще трудно согласить личные интересы съ чистотою убѣжденій, трудно не увлечься, съ одной стороны, въ сферу отвлеченной мысли, не имѣющей связи съ жизнью, съ другой — въ область копеечнаго, бездушнаго расчета. Гончаровъ сознаетъ исключительность характера Штольца и объясняетъ его происхожденіе тѣми особенными условіями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ росъ и развивался. Отецъ его, нѣмецъ, пріучилъ его къ дѣятельности и съ малыхъ лѣтъ предоставилъ ему такую свободу, которая принудила его самого обсуживать поступки и заботиться объ его дѣтскихъ интересахъ; мать его, русская дворянка, не сочувствовала реальному направленію, которое давалъ отецъ воспитанію Андрюши, и старалась возбудить въ немъ эстетическое чувство, заботилась даже о внѣшнемъ изяществѣ его манеръ и туалета. Отецъ старался сдѣлать изъ Андрея нѣмецкаго бюргера, дѣятельнаго, расчетливаго и расторопнаго; мать желала видѣть въ немъ человѣка съ нѣжной душой и русскаго барина, образованнаго, способнаго блистать въ обществѣ и проживать честнымъ образомъ деньги, зарабатываемыя отцомъ. Отецъ воспитывалъ мальчика на римскихъ классикахъ, водилъ его по фабрикамъ, давалъ ему разныя коммерческія порученія и предоставлялъ его наклонностямъ возможно полную свободу; мать учила его прислушиваться къ задумчивымъ звукамъ Герца, пѣла ему о цвѣтахъ, о поэзіи жизни и проч. Вліянія обоихъ родителей были, такимъ образомъ, почти діаметрально противоположны; сверхъ того, на Андрея дѣйствовала окружавшая его обстановка русской жизни, широкая, безпечная, располагавшая къ лѣни и покою, дѣйствовала, наконецъ, и школа труда, которую онъ принужденъ былъ пройти, чтобы составить себѣ карьеру и состояніе. Всѣ эти разнородныя вліянія, умѣряя другъ друга, формировали сильный, недюжинный характеръ. Отецъ далъ Андрею практическую мудрость, любовь къ труду и точность въ занятіяхъ; мать воспитала въ немъ чувство и внушила ему стремленіе къ высшимъ духовнымъ наслажденіямъ; русское, деревенское общество положило на его личность печать добродушія и откровенности. Наконецъ жизнь закалила этотъ характеръ и придала строгую опредѣленность тѣмъ нравственнымъ свойствамъ, которыя не успѣли вполнѣ выработаться въ молодости, при воспитаніи. Характеръ Штольца вполнѣ объясненъ авторомъ и та-

кимъ образомъ, несмотря на свою рѣдкость, является характеромъ понятнымъ и законнымъ.

Третья замѣчательная личность, выведенная въ романѣ Гончарова — Ольга Сергѣевна Ильинская — представляетъ типъ будущей женщины, какъ сформируютъ ее впослѣдствіи тѣ идеи, которыя въ наше время стараются ввести въ женское воспитаніе. Въ этой личности, привлекающей къ себѣ невыразимой прелестью, но не поражающей никакими рѣзко выдающимися достоинствами, особенно замѣчательны два свойства, бросающія оригинальный колоритъ на всѣ ея дѣйствія, слова и движенія. Эти два свойства рѣдки въ современныхъ женщинахъ и потому особенно дороги въ Ольгѣ; они представлены въ романѣ Гончарова съ такой художественной вѣрностью, что имъ трудно не вѣрить, трудно принять Ольгу за невозможный идеалъ, созданный творческой фантазіей поэта. Естественность и присутствіе сознанія — вотъ что отличаетъ Ольгу отъ обыкновенныхъ женщинъ. Изъ этихъ двухъ качествъ вытекаютъ правдивость въ словахъ и въ поступкахъ, отсутствіе кокетства, стремленіе къ развитію, умѣнье любить просто и серьезно, безъ хитростей и уловокъ, умѣнье жертвовать собой своему чувству настолько, насколько позволяютъ не законы этикета, а голосъ совѣсти и разсудка. Первые два характера, оговоренные нами выше, представлены уже сложившимися, и Гончаровъ только объясняетъ ихъ читателю, т.-е. показываетъ тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались; что же касается до характера Ольги, онъ формируется передъ глазами читателя. Авторъ выводитъ ее сначала ребенкомъ, дѣвушкой, одаренной природнымъ умомъ, пользовавшейся при воспитаніи нѣкоторой самостоятельностью, но не испытавшей никакого сильнаго чувства, никакого волненія, незнакомой съ жизнью, непривыкшей наблюдать за собою, анализировать движенія собственной души. Въ этотъ періодъ жизни Ольги мы видимъ въ ней богатую, но нетронутую натуру; она не испорчена свѣтомъ, не умѣетъ притворяться, но не успѣла также развить въ себѣ мыслительной силы, не успѣла выработать въ себѣ убѣжденія; она дѣйствуетъ, повинуясь влеченіямъ доброй души, но дѣйствуетъ инстинктивно; она слѣдуетъ дружескимъ совѣтамъ развитого человѣка, но не всегда подвергаетъ эти совѣты критикѣ, увлекается авторитетомъ и иногда мысленно ссылается на своихъ пансіонскихъ подругъ, старается припомнить, что сдѣлала бы въ томъ или въ другомъ случаѣ Сонечка. Она не поступаетъ такъ, какъ поступили бы эти подруги, но мысленно упрекаетъ себя въ этомъ, не понимая, не сознавая еще ясно, что кокетство — ложь, что, слѣдуя внушеніямъ собственной души, она поступаетъ честно, и что инстинктивное отвращеніе ко всякому притворству есть проявленіе нравственнаго чувства, а не слѣдствіе неразвитости, или, какъ она говоритъ, глупости. Опытъ

и спокойное размышленіе могли постепенно вывести Ольгу изъ этого періода инстинктивныхъ влеченій и поступковъ, врожденная любознательность могла повести ее къ дальнѣйшему развитію путемъ чтенія и серьезныхъ занятій; но авторъ выбралъ для нея другой, ускоренный путь. Ольга полюбила, душа ея взволновалась, она узнала жизнь, слѣдя за движеніями собственнаго чувства; необходимость понять состояніе собственной души заставила ее многое передумать, и изъ этого ряда размышленій и психологическихъ наблюденій она выработала самостоятельный взглядъ на свою личность, на свои отношенія къ окружающимъ людямъ, на отношенія между чувствомъ и долгомъ, — словомъ, на жизнь въ самомъ обширномъ смыслѣ. Гончаровъ изображеніемъ характера Ольги, анализомъ ея развитія показалъ въ полной силѣ образовательное вліяніе чувства. Онъ подмѣчаетъ его возникновеніе, слѣдитъ за его развитіемъ и останавливается на каждомъ его видоизмѣненіи, чтобы изобразить то вліяніе, которое оказываетъ оно на весь образъ мыслей обоихъ дѣйствующихъ лицъ. Ольга полюбила нечаянно, безъ предварительнаго приготовленія; она не создавала себѣ отвлеченнаго идеала, подъ который многія барышни стараются подводить знакомыхъ мужчинъ, не мечтала о любви, хотя, конечно, знала о существованіи этого чувства. Она жила спокойно, не стараясь искусственно возбудить въ себѣ любовь, не стараясь видѣть героя будущаго своего романа въ каждомъ новомъ лицѣ. Любовь пришла къ ней не ждано, не гадано, какъ приходитъ всякое истинное чувство; чувство это незамѣтно прокралось къ ней въ душу и обратило на себя ея собственное вниманіе тогда, когда получило уже нѣкоторое развитіе. Когда она замѣтила его, она стала вдумываться и соразмѣрять съ своей внутренней мыслью слова и поступки. Эта минута, когда она отдала себѣ отчетъ въ движеніяхъ собственной души, начинаетъ собою новый періодъ въ ея развитіи. Эту минуту переживаетъ каждая женщина, и переворотъ, который совершается тогда во всемъ ея существѣ и начинаетъ обличать въ ней присутствіе сдержаннаго чувства и сосредоточенной мысли, этотъ переворотъ особенно полно и художественно изображенъ въ романѣ Гончарова. Для такой женщины, какъ Ольга, чувство не могло долго оставаться на степени инстинктивнаго влеченія; стремленіе осмысливать въ собственныхъ глазахъ, объяснять себѣ все, что встрѣчалось съ нею въ жизни, пробудилось тутъ съ особенной силой: явилась цѣль для чувства, явилось и обсуживаніе любимой личности; этимъ обсуживаніемъ опредѣлилась самая цѣль. Ольга поняла, что она сильнѣе того человѣка, котораго любитъ, и рѣшилась возвысить его, вдохнуть ему энергію, дать ему силы для жизни. Осмысленное чувство сдѣлалось въ ея глазахъ долгомъ, и она съ полнымъ убѣжденіемъ стала жертвовать этому долгу нѣкоторыми внѣшними приличіями, за нарушеніе

которыхъ чистосердечно и несправедливо преслѣдуетъ подозрительный судъ свѣта. Ольга растетъ вмѣстѣ съ своимъ чувствомъ; каждая сцена, происходящая между нею и любимымъ ею человѣкомъ, прибавляетъ новую черту къ ея характеру, съ каждой сценой граціозный образъ дѣвушки дѣлается знакомѣе читателю, обрисовывается ярче и сильнѣе выступаетъ изъ общаго фона картины. Мы достаточно опредѣлили характеръ Ольги, чтобы знать, что въ ея отношеніяхъ къ любимому человѣку не могло быть кокетства: желаніе завлечь мужчину, сдѣлать его своимъ обожателемъ, не испытывая къ нему никакого чувства, казалось ей непростительнымъ, недостойнымъ честной женщины. Въ ея обращеніи съ человѣкомъ, котораго она впослѣдствіи полюбила, господствовала сначала мягкая, естественная грація, никакое разсчитанное кокетство не могло подѣйствовать сильнѣе этого неподдѣльнаго, безыскусственнаго простого обращенія, но дѣло въ томъ, что со стороны Ольги тутъ не было желанія произвести то или другое впечатлѣніе. Женственность и грація, которыя Гончаровъ умѣлъ вложить въ ея слова и движенія, составляютъ неотъемлемую принадлежность ея природы и потому особенно обаятельно дѣйствуютъ на читателя. Эта женственность, эта грація, становится сильнѣе и обаятельнѣе по мѣрѣ того, какъ чувство развивается въ груди дѣвушки; игривость, ребяческая безпечность смѣняются въ ея чертахъ выраженіемъ тихаго, задумчиваго, почти торжественнаго счастья. Передъ Ольгою открывается жизнь, міръ мыслей и чувствъ, о которыхъ она не имѣла понятія, и она идетъ впередъ, довѣрчиво глядя на своего спутника, но въ то же время всматриваясь съ робкой любознательностью въ тѣ ощущенія, которыя толпятся въ ея взволнованной душѣ. Чувство растетъ; оно дѣлается потребностью, необходимымъ условіемъ жизни, а между тѣмъ и тутъ, когда чувство доходитъ до паѳоса, до «лунатизма любви», по выраженію Гончарова, и тутъ Ольга не теряетъ сознанія нравственнаго долга и умѣетъ сохранять спокойный, разумный, критическій взглядъ на свои обязанности, на личность любимаго человѣка, на свое положеніе и на дѣйствія свои въ будущемъ. Самая сила чувства даетъ ей ясный взглядъ на вещи и поддерживаетъ въ ней твердость. Дѣло въ томъ, что чувство въ такой чистой и возвышенной натурѣ не нисходитъ на степень страсти, не помрачаетъ разсудка, не ведетъ къ такимъ поступкамъ, отъ которыхъ впослѣдствіи пришлось бы краснѣть; подобное чувство не перестаетъ быть сознательнымъ, хотя порою оно бываетъ такъ сильно, что давитъ и грозитъ разрушить собою организмъ. Оно вселяетъ въ душу дѣвушки энергію, заставляетъ ее нарушить тотъ или другой законъ этикета: но это же чувство не позволяетъ ей забыть дѣйствительнаго долга, охраняетъ ее отъ увлеченія, внушаетъ ей сознательное уваженіе къ чистотѣ соб-

ственной личности, въ которой заключаются залоги счастья для двухъ людей. Ольга переживаетъ между тѣмъ новую фазу развитія: для нея наступаетъ горестная минута разочарованія, и испытываемыя ею душевныя страданія окончательно вырабатываютъ ея характеръ, придаютъ ея мысли зрѣлость, сообщаютъ ей жизненный опытъ. Въ разочарованіи часто бываетъ виноватъ самъ разочаровывающійся. Человѣкъ, создающій себѣ фантастическій міръ, непремѣнно, рано или поздно, столкнется съ дѣйствительной жизнью и ушибется тѣмъ больнѣе, чѣмъ выше была та высота, на которую подняла его прихотливая мечта. Кто требуетъ отъ жизни невозможнаго, тотъ долженъ обмануться въ своихъ надеждахъ. Ольга не мечтала о невозможномъ счастьи: ея надежды на будущее были просты, планы ея — осуществимы. Она полюбила человѣка честнаго, умнаго и развитого, но слабаго, не привыкшаго жить; она узнала его хорошія и дурныя стороны и рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобы согрѣть его той энергіей, которую чувствовала въ себѣ. Она думала, что сила любви оживитъ его, вселитъ въ него стремленіе къ дѣятельности и дастъ ему возможность приложить къ дѣлу способности, задремавшія отъ долгаго бездѣйствія. Цѣль ея была высоко-нравственная; она была внушена ей истиннымъ чувствомъ. Она могла быть достигнута: не было никакихъ данныхъ, чтобы сомнѣваться въ успѣхѣ. Ольга приняла мгновенную вспышку чувства со стороны любимаго ею человѣка за дѣйствительное пробужденіе энергіи; она увидѣла свою власть надъ нимъ и надѣялась вести его впередъ на пути самосовершенствованія. Могла ли она не увлечься своей прекрасной цѣлью, могла ли она не видѣть впереди себя тихаго разумнаго счастья? И вдругъ она замѣчаетъ, что возбужденная на мигъ энергія гаснетъ, что предпринятая ею борьба безнадежна, что обаятельная сила соннаго спокойствія сильнѣе ея живительнаго вліянія. Что было дѣлать ей въ подобномъ случаѣ? Мнѣнія, вѣроятно, раздѣлятся. Кто любуется порывистой красотой безсознательнаго чувства, не думая о его послѣдствіяхъ, тотъ скажетъ: она должна была остаться вѣрною первому движенію сердца и отдать свою жизнь тому, кого однажды полюбила. Но кто видитъ въ чувствѣ ручательство будущаго счастья, тотъ взглянетъ на дѣло иначе: безнадежная любовь, безполезная для себя и для любимаго предмета, не имѣетъ смысла въ глазахъ такого человѣка; красота такого чувства не можетъ извинить его неосмысленности. Ольга должна была побѣдить себя, разорвать это чувство, пока было еще время; она не имѣла права губить свою жизнь, приносить собою безполезную жертву. Любовь становится незаконною тогда, когда ея не одобряетъ разсудокъ; заглушать голосъ разсудка значитъ давать волю страсти, животному инстинкту. Ольга не могла такъ поступить, и ей пришлось страдать, пока не выболѣло въ ея душѣ обманутое чувство.

Ее спасло въ этомъ случаѣ присутствіе сознанія, на которое мы уже указали выше. Борьба мысли съ остатками чувства, подкрѣпляемаго свѣжими воспоминаніями минувшаго счастья, закалила душевныя силы Ольги. Въ короткое время она перечувствовала и передумала столько, сколько не случается передумать и перечувствовать въ теченіе многихъ лѣтъ спокойнаго существованія. Она была окончательно приготовлена для жизни, и прошедшее, испытанное ею чувство, и пережитыя страданія дали ей способность понимать и цѣнить истинныя достоинства человѣка; они дали ей силы любить такъ, какъ не могла она любить прежде. Внушить ей чувство могла только замѣчательная личность, и въ этомъ чувствѣ уже для разочарованія не было мѣста; пора увлеченія, пора лунатизма прошла невозвратно. Любовь не могла болѣе незамѣтно прокрасться въ душу, ускользая до времени отъ анализа ума. Въ новомъ чувствѣ Ольги все было опредѣленно, ясно и твердо. Ольга жила прежде умомъ, и умъ подвергалъ все своему анализу, предъявлялъ съ каждымъ днемъ новыя потребности, искалъ себѣ удовлетворенія, пищи во всемъ, что ее окружало. Затѣмъ развитіе Ольги сдѣлало еще только одинъ шагъ впередъ. На этотъ шагъ есть только бѣглое указаніе въ романѣ Гончарова. То положеніе, къ которому повелъ этотъ новый шагъ, не очерчено. Дѣло въ томъ, что Ольгу не могли удовлетворить вполнѣ ни тихое семейное счастье, ни умственныя и эстетическія наслажденія. Наслажденія никогда не удовлетворяютъ сильной, богатой природы, неспособной заснуть и лишиться энергіи: такая природа требуетъ дѣятельности, труда съ разумной цѣлью, и только творчество способно до нѣкоторой степени утишить это тоскливое стремленіе къ чему-то высшему, незнакомому, — стремленіе, котораго не удовлетворяетъ счастливая обстановка вседневной жизни. До этого состоянія высшаго развитія достигла Ольга. Какъ удовлетворила она пробудившимся въ ней потребностямъ — этого не говоритъ намъ авторъ. Но, признавая въ женщинѣ возможность и законность этихъ высшихъ стремленій, онъ, очевидно, высказываетъ свой взглядъ на ея назначеніе и на то, что называется въ общежитіи эмансипаціей женщины. Вся жизнь и личность Ольги составляютъ живой протестъ противъ зависимости женщины. Протестъ этотъ, конечно, не составлялъ главной цѣли автора, потому что истинное творчество не навязываетъ себѣ практическихъ цѣлей; но чѣмъ естественнѣе возникъ этотъ протестъ, чѣмъ менѣе онъ былъ приготовленъ, тѣмъ болѣе въ немъ художественной истины, тѣмъ сильнѣе подѣйствуетъ онъ на общественное сознаніе. Вотъ три главные характера «Обломова». Остальныя группы личностей, составляющія фонъ картины и стоящія на второмъ планѣ, очерчены съ изумительной отчетливостью. Видно, что авторъ для главнаго сюжета не пренебрегалъ мелочами и, рисуя картину русской жи-

зни, съ добросовѣстной любовью останавливался на каждой подробности. Вдова Пшеницына, Захаръ, Тарантьевъ, Мухояровъ, Анисья — все это живые люди, все это типы, которые встрѣчалъ на своемъ вѣку каждый изъ насъ. Мы не будемъ говорить подробно объ этихъ второстепенныхъ личностяхъ. Изъ нихъ особенно замѣчательна вдова Пшеницына, въ лицѣ которой Гончаровъ воплотилъ чистое чувство, не возвышенное образованіемъ и не основанное на сознаніи. Захаръ, лакей Обломова, является типической, обработанной личностью, какой давно не представляла наша литература. Эта личность не выдается рѣзко впередъ въ романѣ Гончарова только потому, что всѣ характеры обработаны одинаково полно, общій планъ строго обдуманъ, и всѣ дѣйствующія лица обращаютъ на себя вниманіе читателя настолько, насколько это нужно для интереса и гармонической стройности цѣлаго. Теперь намъ остается еще объяснить, почему мы считаемъ необходимымъ, чтобы дѣвицы прочли романъ Гончарова: изъ первыхъ словъ нашей статьи видно, какъ высоко ставимъ мы это произведеніе; не прочтя его, трудно познакомиться вполнѣ съ современнымъ положеніемъ русской литературы, трудно представить себѣ полное ея развитіе, трудно составить себѣ понятіе о глубинѣ мысли и законченности формы, которыми отличаются нѣкоторыя самыя зрѣлыя ея произведенія. «Обломовъ», по всей вѣроятности, составитъ эпоху въ исторіи русской литературы; онъ отражаетъ въ себѣ жизнь русскаго общества въ извѣстный періодъ его развитія. Имена Обломова, Штольца, Ольги сдѣлаются нарицательными. Словомъ, какъ ни разсматривать «Обломова», въ цѣломъ ли, или въ отдѣльныхъ частяхъ, по отношенію ли его къ современной жизни, или по его абсолютному значенію въ области искусства, такъ или иначе, всегда должно будетъ сказать, что это вполнѣ изящное, строго обдуманное и поэтически-прекрасное произведеніе. Вотъ почему мы такъ долго останавливались на его разсмотрѣніи, вотъ почему мы еще разъ настойчиво рекомендуемъ его для чтенія дѣвицамъ. Ежели даже смотрѣть на воспитаніе дѣвицъ такъ, какъ смотритъ на него наше модное общество, заботящееся такъ много о внѣшней невинности и полагающее эту невинность въ незнаніи жизни и природы, даже и тогда самая строгая цензура не найдетъ въ «Обломовѣ» ничего предосудительнаго. Изображеніе чистаго, сознательнаго чувства, опредѣленіе его вліянія на личность и поступки человѣка, воспроизведеніе господствующей болѣзни нашего времени, обломовщины — вотъ главные мотивы романа. Ежели вспомнить притомъ, что всякое изящное произведеніе имѣетъ образовательное вліяніе, ежели вспомнить, что истинно изящное произведеніе всегда нравственно, потому что вѣрно и просто рисуетъ дѣйствительную жизнь, тогда должно сознаться, что чтеніе книгъ, подобныхъ «Обломову»,

должно составлять необходимое условіе всякаго раціональнаго образованія. Сверхъ того, для дѣвицъ можетъ быть особенно полезно чтеніе этого романа. Это чтеніе, несравненно лучше отвлеченнаго трактата о женской добродѣтели, уяснитъ имъ жизнь и обязанности женщины. Стоитъ только вдуматься въ личность Ольги, прослѣдить ея поступки, и, навѣрное, въ головѣ прибавится не одна плодотворная мысль, въ сердце заронится не одно теплое чувство. Итакъ, мы думаемъ, что «Обломова» должна прочесть каждая образованная русская женщина или дѣвушка, какъ должна она прочесть всѣ капитальныя произведенія нашей словесности.

Писаревъ.

Характеристика Ольги.

Изъ женскихъ личностей, выведенныхъ въ романахъ Гончарова, только Ольга Сергѣевна Ильинская до нѣкоторой степени заслуживаетъ анализа. Въ доброе, старое время, когда литература считалась роскошью и забавой жизни, отъ автора романа требовали только блестящаго вымысла и разнообразія картинъ; самые строгіе цѣнители требовали отъ него нравственнаго поученія и совершенно удовлетворялись его произведеніемъ, если оно изображало борьбу добра и зла и выводило на сцену воплощенія разныхъ добродѣтелей и пороковъ; одни критики требовали, чтобы непремѣнно торжествовало добро; другіе, болѣе догадливые, позволяли злу одерживать побѣду, но желали только, чтобы зло, подавленное или торжествующее, было представлено въ очень отвратительномъ видѣ, «во всей наготѣ своего безобразія», какъ выражались съ добродѣтельнымъ негодованіемъ эти догадливые цѣнители. Для однихъ романъ былъ источникомъ благородной забавы, пособіемъ для успѣшнаго пищеваренія, чѣмъ-нибудь въ родѣ хорошей сигары, рюмки ликера или коньяка; для другихъ романъ былъ нравоученіемъ въ лицахъ, и эти другіе смотрѣли на первыхъ, какъ на жалкихъ умственныхъ недорослей, какъ на людей пустыхъ и ничтожныхъ. Эти другіе, считавшіе себя солью земли и свѣтилами міра, очень много толковали объ идеалахъ и искали идеаловъ въ романахъ, повѣстяхъ и драмахъ. Подъ именемъ идеала они разумѣли что-то очень высокое и хорошее; идеаломъ человѣка они называли совокупленіе въ одномъ вымышленномъ лицѣ всевозможныхъ хорошихъ качествъ и добродѣтельныхъ стремленій; чѣмъ больше такихъ качествъ и стремленій романистъ нанизывалъ на своего героя, тѣмъ ближе онъ подходилъ къ идеалу и тѣмъ больше похвалъ заслуживалъ онъ со стороны этихъ высоко развитыхъ цѣнителей. Цѣнители эти хотѣли, чтобы читатель, закрывая книгу, могъ сказать съ сердечнымъ умиленіемъ: «да! вотъ какіе должны быть люди! Увы! за-

чѣмъ это я не похожъ на этого героя, и зачѣмъ это въ моей супругѣ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ изящной личностью этой героини?»

Доброе, старое время, о которомъ я говорю, время Грандисоновъ и Клариссъ, для многихъ добродушныхъ людей еще не миновало и для многихъ никогда не минуетъ. До сихъ поръ есть такіе высоконравственные люди, которые смотрятъ на литературу, какъ на проповѣдь, возвышающую душу и очищающую нравственность; есть и такіе, которые видятъ въ ней весьма позволительную забаву; есть даже и такіе, которые видятъ въ ней источникъ всякаго зла. Люди послѣдней категоріи не читаютъ ничего, кромѣ календарей и дѣловыхъ бумагъ; но зато люди первыхъ двухъ категорій съ наслажденіемъ читаютъ «Обломова»; людей, наслаждающихся чтеніемъ романовъ послѣ сытнаго обѣда, нѣжатъ обаятельность языка и спокойствіе разсказа; сверхъ того ихъ радуетъ и умиляетъ тщательная отдѣлка мелочей; нужны ли эти мелочи для пониманія дѣла, объ этомъ они не спрашиваютъ; ощущеніе, доставляемое имъ романомъ, пріятно, и они совершенно довольны. Люди, ищущіе назиданія, восхищаются фигурой Ольги и видятъ въ ней идеалъ женщины; каюсь, господа читатели, года два тому назадъ я принадлежалъ къ числу этихъ людей, и я восторгался Ольгою, какъ образцомъ русской женщины. Но нашъ желѣзный вѣкъ, вѣкъ демоническихъ сомнѣній и грубо реальныхъ требованій, образуетъ мало-по-малу такихъ людей, которые даже романисту не позволяютъ быть фантазеромъ и даже ученому спеціалисту не позволяютъ быть буквоѣдомъ. Мы нуждаемся, говорятъ эти люди, въ рѣшеніи самыхъ элементарныхъ вопросовъ жизни, и намъ некогда заниматься тѣмъ, что̀ не имѣетъ прямого отношенія къ этимъ вопросамъ. Мы жить хотимъ и, слѣдовательно, назовемъ дѣятелемъ жизни, науки или литературы только того человѣка, который помогаетъ намъ жить, пуская въ ходъ всѣ средства, находящіяся въ его распоряженіи.

Но созданія Гончарова не выясняютъ намъ ни одного явленія жизни, и, слѣдовательно, мы можемъ взглянуть на всю его дѣятельность, какъ на явленіе чрезвычайно оригинальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени безполезное. Мы не требуемъ отъ художника мелкаго обличенія, но полагаемъ, что пониманіе жизни и ясныя, сознательныя и притомъ искреннія отношенія къ поставленнымъ имъ вопросамъ представляютъ необходимую принадлежность художника. Гончаровъ попытался нарисовать образъ русской дѣвушки, одаренной отъ природы значительными умственными силами и поставленной при самыхъ выгодныхъ условіяхъ развитія. Картинка вышла на первый взглядъ очень красивая. Благодаря пластичности гончаровскаго изложенія, большинство читателей приняли Ольгу за живую личность,

возможную при условіяхъ нашей жизни. Первое впечатлѣніе говоритъ въ пользу героини «Обломова», но стоитъ только, не останавливаясь на мелочахъ, взглянуть на крупныя черты этого характера, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ выдуманъ, какъ и все то, что когда-нибудь выходило изъ-подъ пера Гончарова. При первомъ своемъ появленіи на сцену Ольга выходитъ изъ головы автора совершенно сформированной, въ полномъ вооруженіи, подобно тому, какъ въ доброе, старое время Паллада-Аѳина вышла изъ черепа Зевеса.

Авторъ пытается объяснить происхожденіе выведеннаго имъ женскаго характера, но попытки эти оказываются совершенно неудачными. Говоря вскользь о развитіи Ольги, Гончаровъ указываетъ только на два обстоятельства, отличавшія собою ея жизнь отъ жизни другихъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ тому же слою общества. Первымъ обстоятельствомъ является отрицательное вліяніе тетки, вторымъ —положительное вліяніе Штольца. Тетка, замѣнившая Ольгѣ родителей, не мѣшала ей дѣлать, что угодно, а Штольцъ въ досужія минуты училъ ее уму-разуму; первое обстоятельство довольно правдоподобно; сироты обыкновенно растутъ свободнѣе, чѣмъ дѣти, воспитывающіяся въ родительскомъ домѣ; они терпятъ больше горя, но зато развиваются самобытнѣе и становятся тверже, именно потому, что ихъ не охватываетъ со всѣхъ сторонъ разслабляющая атмосфера слѣпой любви и неотразимаго деспотизма. Ольгѣ было удобнѣе развиваться подъ надзоромъ тетки, чѣмъ подъ руководствомъ матери; но вѣдь тетка могла дать только отрицательный элементъ; она могла до извѣстной степени не мѣшать развитію, а условія жизни, выборъ чтенія, кружокъ знакомыхъ должны были направлять силы молодого ума въ ту или другую сторону.

Что могъ сдѣлать Штольцъ? Если бы даже онъ съ неуклоннымъ вниманіемъ слѣдилъ за проявленіями мысли и чувства въ молодой дѣвушкѣ, то и тогда ему одному было бы довольно трудно составлять противовѣсъ всему вліянію домашней и общественной обстановки. Но, кромѣ того, Штольцъ —«человѣкъ дѣятельный»; онъ съ утра до вечера бѣгаетъ по городу, онъ постоянно находится въ разъѣздахъ; гдѣ жъ ему быть руководителемъ и воспитателемъ молодой дѣвушки? Сверхъ того, Штольцъ относится къ Ольгѣ, какъ къ ребенку, даже во время той сцены, послѣ которой онъ предлагаетъ ей руку и сердце; когда Ольга говоритъ ему о своемъ романѣ съ Обломовымъ, онъ ей отвѣчаетъ на ея признанія: «васъ за это надо оставить безъ сладкаго блюда за обѣдомъ». Если этотъ дѣловой господинъ, сильно смахивающій вообще на commis voyageur, относится такъ шутливо къ серьезному разсказу дѣвушки о серьезныхъ чувствахъ и о дѣйствительныхъ, пережитыхъ ею страданіяхъ, то можно себѣ представить,

съ какой покровительственной улыбкой онъ относился къ этой дѣвушкѣ, когда она ходила въ коротенькихъ платьяхъ, и когда она, какъ умный, развивающійся ребенокъ, всего болѣе нуждалась въ дружескомъ совѣтѣ и въ уваженіи со стороны взрослаго. Кромѣ того, Штольцъ и самъ не отличается значительной высотой развитія; когда Ольга, сдѣлавшаяся уже его женою, жалуется ему на какія-то стремленія, на какую-то неудовлетворенную тоску, Штольцъ говоритъ на это: «мы не боги», и совѣтуетъ ей покориться, помириться съ этой тоской, какъ съ неизбѣжной принадлежностью жизни. Штольцъ, очевидно, не понимаетъ смысла и причины этой тоски, но, какъ человѣкъ самолюбивый и самонадѣянный, онъ не рѣшается признаться въ своемъ непониманіи и пускается въ фразерство. Человѣкъ, неспособный понять такую простую вещь, человѣкъ, неспособный въ рѣшительную минуту поддержать и разумнымъ образомъ успокоить женщину, опирающуюся на него съ полнымъ довѣріемъ, конечно, не можетъ имѣть на развитіе молодого существа того рѣшительнаго и благотворнаго вліянія, которое приписано Штольцу въ романѣ Гончарова. Если Штольцъ не умѣетъ направить къ разумной дѣятельности силы женщины, уже сложившейся и окрѣпшей, то какимъ же образомъ можетъ этотъ самый Штольцъ пробудить и вызвать къ жизни силы, еще дремлющія въ мозгу ребенка? Есть, конечно, такіе люди, которые могутъ расшевелить, но потомъ не въ силахъ поддержать довѣрившуюся имъ женщину; къ числу такихъ людей принадлежатъ Рудинъ, Шамиловъ, герой стихотворенія Некрасова «Саша»; такіе люди слабы и порывисты, а Штольцъ твердъ и спокоенъ; такіе люди очень хорошо знаютъ, что̀ надо дѣлать, но у нихъ не хватаетъ силъ на то, чтобы исполнить сознанное дѣло. Штольцъ, напротивъ того, могъ бы все сдѣлать, но онъ не знаетъ, что̀ надо дѣлать. Изъ всего этого видно, что Штольцъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми рудинскаго типа; мало того, онъ поставленъ въ противоположность къ этому типу; онъ, по мнѣнію Гончарова, является живымъ урокомъ этимъ людямъ. Спрашивается, какъ же этотъ высоко-развитой, металлически-твердый, трезво и спокойно размышляющій человѣкъ оказался неспособнымъ вывести жену свою изъ лабиринта осадившихъ ее сомнѣній и стремленій?

Тѣ эпитеты, которые я здѣсь придаю Штольцу, не выражаютъ моего личнаго мнѣнія объ этой фигурѣ; этими эпитетами я обозначаю только тѣ свойства, которыя Гончаровъ *хотѣлъ* придать своему созданію; я же, съ своей стороны, не считаю Штольца ни высокоразвитымъ, ни металлически-твердымъ, ни спокойно размышляющимъ; всѣ эти свойства могутъ быть приписаны человѣку, а я не считаю Штольца за человѣка. Я вижу въ немъ довольно искусно выточен-

пую маріонетку, двигающуюся взадъ и впередъ по произволу выточившаго ее мастера. Еще гораздо искуснѣе маріонетки Штольца выточена другая, очень красивая маріонетка, Ольга Сергѣевна Ильинская; но жизни нѣтъ ни въ той, ни въ другой. Поэтому, говоря о гончаровскихъ лицахъ, намъ приходится только слѣдить за процессомъ мыслительной дѣятельности въ головѣ автора; намъ приходится не обсуживать выведенныя имъ стороны жизни, а просто рѣшать вопросъ: послѣдовательны ли и пригодны ли его сужденія? Беру я на себя этотъ трудъ потому, что имя Гончарова пользуется значительной извѣстностью, и, слѣдовательно, мнѣнія его могутъ имѣть нѣкоторое вліяніе на мысли читателей.

Итакъ, мы видѣли, что Гончаровъ думаетъ о развитіи женщины: онъ полагаетъ, что дѣвушкѣ достаточно пользоваться нѣкоторой независимостью и встрѣчаться порою съ умнымъ и твердымъ мужчиной для того, чтобы вполнѣ развить свои природныя силы. Тѣ предѣлы, которыхъ должна достигать эта независимость, не обозначены ясно, потому что отношенія Ольги къ теткѣ совершенно не обрисованы и отношенія ея къ обществу оставлены въ тѣни, съ тѣмъ замѣчательнымъ умѣніемъ, съ которымъ Гончаровъ всегда набрасывалъ покрывало на то, о чемъ, по его мнѣнію, неудобно распространяться. Тѣ мѣры, въ которыхъ должны проявляться умъ и твердость мужчины, также не опредѣлены съ достаточной ясностью; Гончаровъ не далъ себѣ труда подумать о томъ, чѣмъ могутъ быть искреннія и разумныя отношенія между развитымъ мужчиною и развитой женщиной, и вслѣдствіе этого отношенія эти вышли блѣдны и фальшивы, какъ казенная фраза на избитую тему. Въ самомъ характерѣ Ольги встрѣчаются внутреннія противорѣчія, которыя ясно показываютъ, до какой степени туманны и сбивчивы понятія автора о томъ идеалѣ женщины, который онъ самъ себѣ составилъ и который онъ хотѣлъ выяснить читателямъ своего романа.

Возьмемъ отношенія Ольги къ Обломову. Ольгу заинтересовываетъ граціозность этой честной, мѣшковатой личности, которой наивность и природный умъ рѣзко отдѣляются отъ вычурности и безцвѣтности тѣхъ свѣтскихъ джентльменовъ, которыхъ до того времени приходилось видѣть Ольгѣ. Заинтерссовавшись Обломовымъ, Ольга начинаетъ въ него вглядываться, убѣждается въ томъ, что онъ дѣйствительно уменъ, честенъ, мягокъ, симпатиченъ, и начинаетъ чувствовать къ нему влеченіе. Когда эта зародившаяся любовь сдѣлалась замѣтна для самой Ольги, то она взглянула на свое чувство оригинально; она посмотрѣла на него, какъ на подвигъ, который посылаетъ ей судьба; она вообразила себѣ, что ей предстоитъ обновить Обломова, одряхлѣвшаго отъ умственнаго сна; воодушевить его по-

вой энергіей и сдѣлать его способнымъ къ дѣятельной, человѣческой жизни. Чтобы понимать такимъ образомъ свои отношенія къ любимому человѣку, надо стоять на высокой степени умственнаго развитія и обладать огромными природными силами. Кто стоитъ на такой степени и обладаетъ такими силами, тотъ неспособенъ затосковать безпредметной тоской и не понять причины своей тоски. Если Ольга понимаетъ, что Обломову необходима дѣятельность, то какъ же она можетъ не понять, что ей, какъ энергической личности, дѣятельность еще гораздо необходимѣе? Какъ же она не понимаетъ, что вся ея тоска съ любимымъ человѣкомъ, на южномъ берегу Крыма, среди роскошной цвѣтущей природы, — не что иное, какъ неудовлетворенная потребность разумной дѣятельности? Какъ, наконецъ, эта энергическая природа не рвется вонъ изъ душной атмосферы спокойнаго, соннаго счастья въ живую среду дѣятельности и тревоги? Какъ возможно, чтобы Ольга, рѣшившаяся такъ рѣзко разорвать свои отношенія съ Обломовымъ тогда, когда Обломовъ оказался тряпкой, чтобы эта самая Ольга, повторяю я, успокоилась на плоскомъ отвѣтѣ Штольца: «мы не боги», и помирилась съ такой жизнью, въ которой, сколько намъ извѣстно, по словамъ Гончарова, не было ничего, кромѣ воркованія любящаго супруга, няньчанія ребенка и заботъ по домашнему хозяйству? Энергическая женщина сама пробила бы себѣ дорогу къ дѣятельности и взглянула бы съ невольнымъ презрѣніемъ на того мужчину, который рѣшился бы увѣрить ее, что надо быть богомъ, чтобы работать и наслаждаться. Но Гончаровъ, расходясь съ моимъ мнѣніемъ, доказываетъ, кажется, совершенно противное. Если сгруппировать въ общую картину всѣ черты, введенныя имъ въ фигуру Ольги, то смыслъ выйдетъ довольно оригинальный, гармонирующій съ основной идеей «Обыкновенной исторіи». Ольга въ крайней молодости беретъ себѣ на плечи огромную задачу: она хочетъ быть нравственной опорой слабаго, но честнаго и умнаго мужчины; потомъ она убѣждается въ томъ, что эта работа ей не по силамъ, и находитъ гораздо болѣе удобнымъ самой опереться на крѣпкаго и здороваго мужчину. Положеніе ея очень прочно и комфортабельно, но, какъ вспышка молодости, у нея является припадокъ тоскливаго волненія. Этотъ припадокъ отъ времени до времени повторяется, постепенно ослабѣвая; наконецъ, молодая женщина совершенно излѣчивается, дѣлается спокойной и веселой, и жизнь ея начинаетъ струиться тихимъ, прозрачнымъ и отчасти журчащимъ ручейкомъ. Гончаровъ находитъ, что это сонное спокойствіе должно быть признано счастіемъ: я съ нимъ не буду спорить, потому что у каждаго свои понятія о счастьѣ: это — дѣло личнаго вкуса. Гончаровъ въ изображеніи личности Ольги точно такъ же, какъ и въ «Обыкновенной исто-

ріи», производитъ варіаціи на извѣстныя русскія пословицы: «жгуча крапива, да уварится», или «кабы на горохъ, да не морозъ, онъ бы и тынъ переросъ»; онъ видитъ въ проявленіяхъ молодости и свѣжести дикія вспышки, безплодныя попытки перекрутить все по своему и постепенно ослабѣвающіе припадки сумасбродства, онъ смотритъ на вещи трезвыми глазами благоразумнаго старца и считаетъ развитіе человѣка благополучно довершеннымъ въ ту эпоху, когда онъ начинаетъ располагать свои слова и поступки, сообразуясь съ внушеніями приличнаго расчета.

Знаете ли, господа читатели, что вышло бы изъ «Обломова», если бы этотъ романъ былъ разсказанъ писателемъ, смотрящимъ на вещи не такъ благоразумно, какъ смотритъ Гончаровъ. Вышло бы вотъ что: Обломовъ оказался бы беззаботной головой, съ поэтическими стремленіями, не находящими себѣ удовлетворенія; онъ бы вышелъ похожимъ на Бельтова; и авторъ показалъ бы, что условія жизни, а не лимфатическій темпераментъ, мѣшаютъ ему развернуть свои способности и удовлетворить тѣмъ стремленіямъ, которыя отъ неудовлетворенія чахнутъ и мелѣютъ. Ольга оказалась бы очень умной дѣвушкой, во всей личности которой совершается борьба между энергическимъ голосомъ чувственности, съ одной стороны, и расчетомъ, съ другой стороны. Ей нравится Обломовъ; она желала бы отдаться ему; ее привлекаетъ граціозная беззаботность, спокойная размашистость этой честной личности; но, съ другой стороны, эти самыя свойства внушаютъ ей серьезныя и благоразумныя опасенія. «Вѣдь этотъ Обломовъ, — разсуждаетъ она, — ужасный ротозѣй; его могутъ оплести и обмануть, такъ что онъ и ухомъ не поведетъ; растратитъ все свое состояніе, работать не сумѣетъ, служить не пойдетъ, потому что «прислуживаться тошно». Что же я съ нимъ буду дѣлать? Онъ милый, хорошій; мнѣ его поцѣловать хочется, у меня къ нему сердце лежитъ, да вѣдь страшно; вѣдь онъ по міру пуститъ». Пока дѣвушка раскидываетъ своимъ рано созрѣвшимъ разсудочкомъ, чувство симпатіи къ Обломову въ ней усиливается, она увлекается пылкимъ темпераментомъ; случайно рука ея падаетъ въ его руку; она наклоняется къ нему, слышится звукъ поцѣлуя; случай этотъ повторяется, — она счастлива, потому что находится подъ обаяніемъ минуты и потому что въ ней громко говоритъ голосъ здоровой природы... Но въ это время обаяніе вдругъ разрушается; ей дѣлаетъ предложеніе молодой человѣкъ, Штольцъ, находящійся на отличной дорогѣ, подвигающійся къ видному положенію въ обществѣ, отлично устроившій свое имѣніе и пользующійся репутаціей красиваго, умнаго и дѣльнаго джентльмена. «Изъ молодыхъ, да ранній», говорятъ объ этомъ юношѣ благоразумные старцы, и этотъ-то юноша съ подоба-

ющей солидностью выражаетъ Ольгѣ искренность и силу своего чувства и, серьезно глядя ей въ глаза, предлагаетъ ей руку и сердце. Юноша Штольцъ дѣлаетъ не безъ расчета, онъ знаетъ, что Ольга можетъ разсчитывать на наслѣдство отъ какой-нибудь тетушки или бабушки; «кромѣ того, — разсуждаетъ онъ, — все же будетъ женщина въ домѣ; больше порядка, изящества, представительности; въ томъ положеніи, которое мнѣ въ скоромъ времени придется занимать, это даже необходимо». Ну, да что тянуть разсказъ! расчетъ у Ольги беретъ верхъ надъ чувствомъ; она круто обрываетъ отношенія съ Обломовымъ, называетъ его пустымъ человѣкомъ, хотя самой больно разстаться съ милой личностью, и, наконецъ, скрѣпя сердце, выходитъ замужъ за дѣльнаго Штольца, который представляетъ что-то среднее между Калиновичемъ Писемскаго и Паншинымъ Тургенева. Апоѳеоза расчета, скептическое отношеніе къ чувству — вотъ альфа и омега обоихъ романовъ Гончарова. Эти черты составляютъ остовъ характера Ольги; не та дѣвушка хороша, по мнѣнію Гончарова, которая любитъ сильно и безкорыстно, а та, которая умѣетъ выбирать себѣ мужа; не тотъ человѣкъ хорошъ, по мнѣнію Гончарова, у котораго есть и теплое чувство, и свѣтлый умъ, и широкія стремленія, а тотъ, кто, живя съ волками, умѣетъ выть по-волчьи. Это совершенно справедливо, и эту глубокую истину, до которой мы, легкомысленные свистуны, никакъ не можемъ додуматься, уже давно сознала ученая редакція учено-литературнаго журнала «Русскій Вѣстникъ». Одно опасно въ этомъ случаѣ: желая понравиться волкамъ, подражая подъ нихъ, какъ говоритъ наше купечество, можно завыть такъ нескладно и нелѣпо, что даже волкамъ придется тошно. Да и, наконецъ, неужели большинство нашей публики — волки? Не наговоръ ли это?

Итакъ, насчетъ Ольги Ильинской мы можемъ замѣтить, что это характеръ, невѣрно понятый и ложно представленный авторомъ. Кто не можетъ ужиться съ нами, — думаетъ Гончаровъ, — тотъ и дрянь; кто живетъ припѣваючи, тотъ молодецъ. Коротко и ясно. Но справедливо ли будетъ, если я поступлю такъ: положимъ я иду мимо высыхающаго прудка и вижу, что карась издыхаетъ отъ недостатка воды; въ это самое время сотни лягушекъ прыгаютъ и квакаютъ, пляшутъ отъ радости и съ наслажденіемъ таскаютъ червяковъ изъ жидкой грязи; я останавливаюсь надъ карасемъ и, указывая ему на лягушекъ, начинаю ругать его, зачѣмъ онъ не веселится и не наслаждается благами жизни. Правъ ли я буду? Кажется, нѣтъ. Не виноватъ карась въ томъ, что онъ родился карасемъ, и небольшая заслуга лягушкамъ отъ того, что онѣ родились или сдѣлались лягушками. Одинъ дышитъ жабрами, другой — легкими; одинъ любитъ свѣтлую воду, другой — жидкую грязь. Ну, и съ Богомъ!

Писаревъ.

Что такое „обломовщина"?

...Въ умѣньи охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его — заключается сильнѣйшая сторона таланта Гончарова. И ею онъ превосходитъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей. Изъ нея легко объясняются всѣ остальныя свойства его таланта. У него есть изумительная способность—во всякій данный моментъ остановить летучее явленіе жизни, во всей его полнотѣ и свѣжести, и держать его передъ собою до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается полной принадлежностью художника. На всѣхъ насъ падаетъ свѣтлый лучъ жизни, но онъ у насъ тотчасъ же и исчезаетъ, едва коснувшись нашего сознанія. И за нимъ идутъ другіе лучи, отъ другихъ предметовъ, и опять столь же быстро исчезаютъ, почти не оставляя слѣда. Такъ проходитъ вся жизнь, скользя по поверхности нашего сознанія. Не то у художника: онъ умѣетъ уловить въ каждомъ предметѣ что-нибудь близкое и родственное своей душѣ, умѣетъ остановиться на томъ моментѣ, который чѣмъ-нибудь особенно поразилъ его. Смотря по свойству поэтическаго таланта и по степени его выработанности, сфера, доступная художнику, можетъ суживаться или расширяться, впечатлѣнія могутъ быть живѣе или глубже, выраженіе ихъ — страстнѣе или спокойнѣе. Нерѣдко сочувствіе поэта привлекается какимъ-нибудь однимъ качествомъ предметовъ, и это качество онъ старается вызывать и отыскивать всюду, въ возможно-полномъ и живомъ его выраженіи поставляетъ свою главную задачу, на него по преимуществу тратитъ свою художническую силу. Такъ являются художники, сливающіе внутренній міръ души своей съ міромъ внѣшнихъ явленій и видящіе всю жизнь и природу подъ призмою господствующаго въ нихъ самихъ настроенія. Такъ, у однихъ все подчиняется чувству пластической красоты, у другихъ по преимуществу рисуются нѣжныя и симпатичныя черты, у иныхъ во всякомъ образѣ, во всякомъ описаніи отражаются гуманныя и соціальныя стремленія, и т. д. Ни одна изъ такихъ сторонъ не выдается особенно у Гончарова. У него есть другое свойство: спокойствіе и полнота поэтическаго міросозерцанія. Онъ ничѣмъ не увлекается исключительно или увлекается всѣмъ одинаково. Онъ не поражается одной стороною предмета, однимъ моментомъ событія, а вертитъ предметъ со всѣхъ сторонъ, выжидаетъ совершенія всѣхъ моментовъ явленія, и тогда уже приступаетъ къ ихъ художественной переработкѣ. Слѣдствіемъ этого является, конечно, въ художникѣ болѣе спокойное и безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ, большая отчетливость въ очертаніи даже мелочныхъ подробностей и равная доля вниманія ко всѣмъ частностямъ разсказа.

Вотъ отчего нѣкоторымъ кажется романъ Гончарова растянутымъ. Онъ, если хотите, дѣйствительно растянутъ. Въ первой части Обломовъ лежитъ на диванѣ; во второй ѣздитъ къ Ильинскимъ и влюбляется въ Ольгу, а она въ него; въ третьей она видитъ, что ошиблась въ Обломовѣ, и они расходятся; въ четвертой она выходитъ замужъ за друга его Штольца, а онъ женится на хозяйкѣ того дома, гдѣ нанимаетъ квартиру. Вотъ и все. Никакихъ внѣшнихъ событій, никакихъ препятствій (кромѣ развѣ разведенія моста чрезъ Неву, прекратившаго свиданія Ольги съ Обломовымъ), никакихъ постороннихъ обстоятельствъ не вмѣшивается въ романъ. Лѣнь и апатія Обломова— единственная пружина дѣйствій во всей его исторіи. Какъ же это можно было растянуть на четыре части!..

...Во всемъ, что касалось Обломова, не было для Гончарова вещей пустыхъ и ничтожныхъ. Всѣмъ занялся онъ съ любовью, все очертилъ подробно и отчетливо. Не только тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Обломовъ, но и тотъ домъ, въ какомъ онъ только мечталъ жить...

...Начиная читать его, находишь, что многія вещи какъ будто не оправдываются строгой необходимостью, какъ будто не соображены съ вѣчными требованіями искусства. Но вскорѣ начинаешь сживаться съ тѣмъ міромъ, который онъ изображаетъ, невольно признаешь законность и естественность всѣхъ выводимыхъ имъ явленій, самъ становишься въ положеніе дѣйствующихъ лицъ и какъ-то чувствуешь, что на ихъ мѣстѣ и въ ихъ положеніи иначе и нельзя да какъ будто и не должно дѣйствовать. Мелкія подробности, безпрерывно вносимыя авторомъ и рисуемыя имъ съ любовью и съ необыкновеннымъ мастерствомъ, производятъ, наконецъ, какое-то обаяніе. Вы совершенно переноситесь въ тотъ міръ, въ который ведетъ васъ авторъ; вы находите въ немъ что-то родное, передъ вами открывается не только внѣшняя форма, но и самая внутренность, душа каждаго лица, каждаго предмета. И послѣ прочтенія всего романа вы чувствуете, что въ сферѣ вашей мысли прибавилось что-то новое, что къ вамъ въ душу глубоко запали новые образы, новые типы...

...Повидимому, не обширную сферу избралъ Гончаровъ для своихъ изображеній. Исторія о томъ, какъ лежитъ и спитъ добрякъ-лѣнивецъ Обломовъ, и какъ ни дружба, ни любовь не могутъ пробудить и поднять его, — не Богъ вѣсть какая важная исторія. Но въ ней отразилась русская жизнь, въ ней предстаетъ передъ нами живой, современный русскій типъ, отчеканенный съ безпощадною строгостью и правильностью; въ ней сказалось новое слово нашего общественнаго развитія, произнесенное ясно и твердо, безъ отчаянія и безъ ребяческихъ надеждъ, но съ полнымъ сознаніемъ истины. Слово это: *обло-*

мовщина; оно служитъ ключомъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни, и оно придаетъ роману Гончарова гораздо болѣе общественнаго значенія, нежели сколько имѣютъ его всѣ наши обличительныя повѣсти. Въ типѣ Обломова и во всей этой обломовщинѣ мы видимъ нѣчто болѣе, нежели просто удачное созданіе сильнаго таланта; мы находимъ въ немъ произведеніе русской жизни, знаменіе времени...

...Въ чемъ заключаются главныя черты обломовскаго характера? Въ совершенной инертности, происходящей отъ его апатіи ко всему, что дѣлается на свѣтѣ. Причина же апатіи заключается отчасти въ его внѣшнемъ положеніи, отчасти же въ образѣ его умственнаго и нравственнаго развитія. По внѣшнему своему положенію — онъ баринъ: «у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ», по выраженію автора. Преимущества своего положенія Илья Ильичъ объясняетъ Захару такимъ образомъ:

— Развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что ли? худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому! Я ниразу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я безпокоиться? изъ чего мнѣ?.. И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мной? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался.

И Обломовъ говоритъ совершенную правду. Исторія его воспитанія вся служитъ подтвержденіемъ его словъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ быть байбакомъ, благодаря тому, что у него и подать, и сдѣлать — есть кому; тутъ ужъ и противъ воли нерѣдко онъ бездѣльничаетъ и сибаритствуетъ.

...Поэтому онъ себя надъ работой убивать не станетъ, что бы ему ни толковали о необходимости и святости труда: онъ съ малыхъ лѣтъ видитъ въ своемъ домѣ, что всѣ домашнія работы исполняются лакеями и служанками, а папенька и маменька только распоряжаются да бранятся за дурное исполненіе. И вотъ у него уже готово первое понятіе,—что сидѣть сложа руки почетнѣе, нежели суетиться съ работою...

...Понятно, какое дѣйствіе производится такимъ положеніемъ ребенка на все его нравственное и умственное образованіе. Внутреннія силы «никнутъ и увядаютъ» по необходимости. Если мальчикъ и пытаетъ ихъ иногда, то развѣ въ капризахъ и въ заносчивыхъ требованіяхъ исполненія другими его приказаній. А извѣстно, какъ удовлетворенные капризы развиваютъ безхарактерность и какъ заносчивость несовмѣстна съ умѣньемъ серьезно поддерживать свое достоинство. Привыкая предъявлять безтолковыя требованія, мальчикъ скоро теряетъ мѣру возможности и удобоисполнимости своихъ желаній, ли-

шается всякаго умѣнья соображать средства съ цѣлями, и потому становится втупикъ при первомъ препятствіи, для отстраненія котораго нужно употребить собственное усиліе. Когда онъ выростаетъ, онъ дѣлается Обломовымъ, съ большей или меньшей долей его апатичности и безхарактерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской, но всегда съ однимъ неизмѣннымъ качествомъ — отвращеніемъ отъ серьезной и самобытной дѣятельности.

Много помогаетъ тутъ и умственное развитіе Обломовыхъ, тоже, разумѣется, направляемое ихъ внѣшнимъ положеніемъ. Какъ въ первый разъ они взглянутъ на жизнь навыворотъ, такъ ужъ потомъ до конца дней своихъ и не могутъ достигнуть разумнаго пониманія своихъ отношеній къ міру и къ людямъ. Имъ потомъ и растолкуютъ многое, они и поймутъ кое-что; но съ дѣтства укоренившееся воззрѣніе все-таки удержится гдѣ-нибудь въ уголку и безпрестанно выглядываетъ оттуда, мѣшая всѣмъ новымъ понятіямъ и не допуская ихъ уложиться на дно души... И дѣлается въ головѣ какой-то хаосъ: иной разъ человѣку и рѣшимость придетъ сдѣлать что-нибудь, да не знаетъ онъ, что ему начать, куда обратиться... И не мудрено: нормальный человѣкъ всегда хочетъ только того, что можетъ сдѣлать; зато онъ немедленно и дѣлаетъ все, что захочетъ... А Обломовъ... онъ не привыкъ дѣлать что-нибудь, слѣдовательно, не можетъ хорошенько опредѣлить, что онъ можетъ сдѣлать и чего нѣтъ, — слѣдовательно, не можетъ и серьезно, *дѣятельно* захотѣть чего-нибудь... Его желанія являются только въ формѣ: «а хорошо бы, если бы вотъ это сдѣлалось»; но какъ это можетъ сдѣлаться, онъ не знаетъ. Оттого онъ любитъ помечтать и ужасно боится того момента, когда мечтанія придутъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью.. Тутъ онъ старается взвалить дѣло на кого-нибудь другого, а если нѣтъ никого, то на *авось*....

...Несправедливо было бы думать, что онъ отъ природы лишенъ способности произвольнаго движенія. Вовсе нѣтъ: отъ природы онъ — человѣкъ, какъ и всѣ. Въ ребячествѣ ему хотѣлось побѣгать и поиграть въ снѣжки съ ребятишками, достать самому то или другое, и въ оврагъ сбѣгать, и въ ближайшій березнякъ пробраться черезъ каналъ, плетни и ямы. Пользуясь часомъ общаго въ Обломовкѣ послѣобѣденнаго сна, онъ разминался, бывало: «взбѣгалъ на галлерею (куда не позволялось ходить, потому что она каждую минуту готова была развалиться), обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ»... ...Илья Ильичъ, при всей своей кротости, не боится поддать ногой въ рожу обувающему его Захару, и если онъ въ своей жизни не дѣлаетъ этого съ другими, такъ единственно потому, что надѣется встрѣтить противодѣйствіе, которое

нужно будетъ преодолѣть. Поневолѣ онъ ограничиваетъ кругъ своей дѣятельности тремя стами своихъ Захаровъ. А будь у него этихъ Захаровъ во сто, въ тысячу разъ больше — онъ бы не встрѣчалъ себѣ противодѣйствій и пріучился бы довольно смѣло поддавать въ зубы каждому, съ кѣмъ случится имѣть дѣло. И такое поведеніе вовсе не было бы у него признакомъ какого-нибудь звѣрства натуры; и ему самому, и всѣмъ окружающимъ оно казалось бы очень естественнымъ, необходимымъ... никому бы и въ голову не пришло, что можно и должно вести себя какъ-нибудь иначе. Но — къ несчастью или къ счастью — Илья Ильичъ родился помѣщикомъ средней руки, получалъ дохода не болѣе десяти тысячъ рублей на ассигнаціи и, вслѣдствіе того, могъ распоряжаться судьбами міра только въ своихъ мечтаніяхъ. Зато въ мечтахъ своихъ онъ и любилъ предаваться воинственнымъ и героическимъ стремленіямъ. «Онъ любилъ иногда вообразить себя какимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, передъ которымъ не только Наполеонъ, но и Еруслапъ Лазаревичъ ничего не значитъ; выдумаетъ войну и причину ея: у него хлынутъ, напр., народы изъ Африки въ Европу, или устроитъ онъ новые крестовые походы и воюетъ, рѣшаетъ участь народовъ, разоряетъ города, щадитъ, казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія». А то онъ вообразитъ, что онъ великій мыслитель или художникъ, что за нимъ гонятся толпа и всѣ поклоняются ему... Ясно, что Обломовъ не тупая, апатическая натура, безъ стремленій и чувствъ, а человѣкъ, тоже чего-то ищущій въ своей жизни, о чемъ-то думающій. Но гнусная привычка получать удовлетвореніе своихъ желаній не отъ собственныхъ усилій, а отъ другихъ, развила въ немъ апатическую неподвижность и повергла его въ жалкое состояніе нравственнаго рабства. Рабство это такъ переплетается съ барствомъ Обломова, такъ они взаимно проникаютъ другъ друга и одно другимъ обусловливаются, что, кажется, нѣтъ ни малѣйшей возможности провести между ними какую-нибудь границу. Это нравственное рабство Обломова составляетъ едва ли не самую любопытную сторону его личности и всей его исторіи... Но какъ могъ дойти до рабства человѣкъ съ такимъ независимымъ положеніемъ, какъ Илья Ильичъ? Кажется, кому бы и наслаждаться свободой, какъ не ему? Не служитъ, не связанъ съ обществомъ, имѣетъ обезпеченное состояніе... Онъ самъ хвалится тѣмъ, что не чувствуетъ надобности кланяться, просить, унижаться, что онъ не подобенъ «другимъ», которые работаютъ безъ-устали, бѣгаютъ, суетятся, — а не поработаютъ, такъ и не поѣдятъ.... Онъ внушаетъ къ себѣ благоговѣйную любовь доброй вдовѣ Пшеницыной именно тѣмъ, что онъ *баринъ*, что онъ сіяетъ и блещетъ, что онъ и ходитъ, и говоритъ такъ вольно и независимо, что онъ «не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ

страха, что опоздаетъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ будто проситъ осѣдлать его и поѣхать, а глядитъ на всѣхъ и на все такъ смѣло и свободно, какъ будто требуетъ покорности себѣ». И однакоже, вся жизнь этого барина убита тѣмъ, что онъ постоянно остается рабомъ чужой воли и никогда не возвышается до того, чтобы проявить какую-нибудь самобытность. Онъ—рабъ каждой женщины, каждаго встрѣчнаго, рабъ каждаго мошенника, который захочетъ взять надъ нимъ волю. Онъ — рабъ своего крѣпостного Захара, и трудно рѣшить, который изъ нихъ болѣе подчиняется власти другого...

...Отчего же это? Да все оттого, что Обломовъ, какъ баринъ, не хочетъ и не умѣетъ работать и не понимаетъ настоящихъ отношеній своихъ ко всему окружающему. Онъ не прочь отъ дѣятельности— до тѣхъ поръ, пока она имѣетъ видъ призрака и далека отъ реальнаго осуществленія: такъ, онъ создаетъ планъ устройства имѣнія и очень усердно занимается имъ, — только «подробности, смѣты и цифры» пугаютъ его и постоянно отбрасываются имъ въ сторону, потому что гдѣ же ему съ ними возиться!.. Онъ — баринъ, какъ объясняетъ самъ Ивану Матвѣичу: «Кто я, что такое? спросите вы... Подите, спросите у Захара, и онъ скажетъ вамъ: «баринъ!» Да, я баринъ, и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за трудъ возьмите себѣ, что хотите: — на то наука!» И вы думаете, что онъ этимъ хочетъ только отдѣлаться отъ работы, старается прикрыть незнаніемъ свою лѣнь? Нѣтъ, онъ дѣйствительно не знаетъ и не умѣетъ ничего, дѣйствительно не въ состояніи приняться ни за какое путное дѣло...

...И вѣдь Обломовъ не только своихъ сельскихъ порядковъ не знаетъ, не только положенія своихъ дѣлъ не понимаетъ: это бы еще куда ни шло!.. Но вотъ въ чемъ главная бѣда: онъ и вообще жизни не умѣлъ осмыслить для себя. Въ Обломовкѣ никто не задавалъ себѣ вопроса: зачѣмъ жизнь, что она такое, какой ея смыслъ и назначеніе? Обломовцы очень просто понимали ее, «какъ идеалъ покоя и бездѣйствія, нарушаемаго по временамъ разными непріятными случайностями, какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между прочимъ, трудомъ. Они сносили трудъ, какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ, но любить не могли и, гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ». Точно такъ относился къ жизни и Илья Ильичъ. Идеалъ счастья, нарисованный имъ Штольцу, заключался ни въ чемъ другомъ, какъ въ сытной жизни,— съ оранжереями, парниками, поѣздками съ самоваромъ въ рощу и т. п.;—въ халатѣ, въ крѣпкомъ снѣ да—для промежуточнаго отдыха— въ идиллическихъ прогулкахъ съ кроткою, но дебелою женою, и въ созерцаніи того, какъ крестьяне работаютъ. Разсудокъ Обломова такъ

успѣлъ съ дѣтства сложиться, что даже въ самомъ отвлеченномъ разсужденіи, въ самой утопической теоріи имѣлъ способность останавливаться на данномъ моментѣ и затѣмъ не выходить изъ этого statu quo, несмотря ни на какія убѣжденія. Рисуя идеалъ своего блаженства, Илья Ильичъ не думалъ спросить себя о внутреннемъ смыслѣ его, не думалъ утвердить его законность и правду, не задалъ себѣ вопроса: откуда будутъ браться эти оранжереи и парники, кто ихъ станетъ поддерживать и съ какой стати будетъ онъ ими пользоваться?.. Не задавая себѣ подобныхъ вопросовъ, не разъясняя своихъ отношеній къ міру и къ обществу, Обломовъ, разумѣется, не могъ осмыслить своей жизни и потому тяготился и скучалъ отъ всего, что ему приходилось дѣлать. Служилъ онъ — и не могъ понять, зачѣмъ эти бумаги пишутся; не понявши же, ничего лучше не нашелъ, какъ выйти въ отставку и ничего не писать. Учился онъ — и не зналъ, къ чему можетъ послужить ему наука; не узнавши этого, онъ рѣшился сложить книги въ уголъ и равнодушно смотрѣть, какъ ихъ покрываетъ пыль. Выѣзжалъ онъ въ общество — и не умѣлъ себѣ объяснить, зачѣмъ люди въ гости ходятъ; не объяснивши, онъ бросилъ всѣ свои знакомства и сталъ по цѣлымъ днямъ лежать у себя на диванѣ. Сходился онъ съ женщинами, но подумалъ: однако, чего же отъ нихъ ожидать и добиваться? Подумавши же, не рѣшилъ вопроса и сталъ избѣгать женщинъ... Все ему наскучило и опостылѣло, и онъ лежалъ на боку, съ полнымъ, сознательнымъ презрѣніемъ къ «муравьиной работѣ людей», убивающихся и суетящихся Богъ вѣсть изъ-за чего...

...Его лѣнь и апатія есть созданіе воспитанія и окружающихъ обстоятельствъ. Главное здѣсь не Обломовъ, а обломовщина. Онъ бы, можетъ-быть, сталъ даже и работать, если бы нашелъ дѣло по себѣ; но для этого, конечно, ему надо было развиваться нѣсколько подъ другими условіями, нежели подъ какими онъ развился. Въ настоящемъ же своемъ положеніи онъ не могъ нигдѣ найти себѣ дѣла по душѣ, потому что вообще не понималъ смысла жизни и не могъ дойти до разумнаго воззрѣнія на свои отношенія къ другимъ. Здѣсь-то онъ и подаетъ намъ поводъ къ сравненію съ прежними типами лучшихъ нашихъ писателей. Давно уже замѣчено, что всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдаютъ оттого, что не видятъ цѣли въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности. Вслѣдствіе того они чувствуютъ скуку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ чемъ представляютъ разительное сходство съ Обломовымъ. Въ самомъ дѣлѣ, раскройте, напримѣръ, «Онѣгина», «Героя нашего времени», «Кто виноватъ», «Рудина», или «Лишняго человѣка», или «Гамлета Щигровскаго уѣзда», — въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами Обломова.

Онѣгинъ, какъ Обломовъ, оставляетъ общество затѣмъ, что его

Измѣны утомить успѣли,
Друзья и дружба надоѣли.

И вотъ онъ занялся писаньемъ:

Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая, за перо взялся,
Хотѣлъ писать; но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его...

На этомъ же поприщѣ подвизался и Рудинъ, который любилъ читать избраннымъ «первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій своихъ». Тѣнтѣтниковъ тоже много лѣтъ занимался «колоссальнымъ сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія»; но и у него «предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываньемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось въ сторону». Илья Ильичъ не отсталъ въ этомъ отъ своихъ собратій: онъ тоже писалъ и переводилъ, — Сэя даже переводилъ. «Гдѣ же твои работы, твои переводы?» спрашиваетъ его потомъ Штольцъ. «Не знаю, Захаръ куда-то дѣлъ; въ углу, должно-быть, лежатъ», отвѣчаетъ Обломовъ. Выходитъ, что Илья Ильичъ даже больше, можетъ-быть, сдѣлалъ, чѣмъ другіе, принимавшіеся за дѣло съ такой же твердой рѣшимостью, какъ и онъ... А принимались за это дѣло почти всѣ братцы обломовской семьи, несмотря на разницу своихъ положеній и умственнаго развитія. Печоринъ только свысока смотрѣлъ на «поставщиковъ повѣстей» и сочинителей мѣщанскихъ драмъ; впрочемъ, и онъ писалъ свои записки. Что касается Бельтова, то онъ навѣрное сочинялъ что-нибудь, да еще, кромѣ того, артистомъ былъ, ходилъ въ Эрмитажъ и сидѣлъ за мольбертомъ, обдумывалъ большую картину встрѣчи Бирона, ѣдущаго изъ Сибири, съ Минихомъ, ѣдущимъ въ Сибирь... Что изъ всего этого вышло, извѣстно читателямъ... Во всей семьѣ та же обломовщина...

Относительно «присвоенія себѣ чужого ума», т.-е. чтенія, Обломовъ тоже не много расходится съ своими братьями. Илья Ильичъ читалъ тоже кое-что и читалъ не такъ, какъ покойный батюшка его: «давно, — говоритъ, — не читалъ книги», «дай-ка, почитаю книгу», — да и возьметъ, какая подъ руку попадется... Нѣтъ, вѣяніе современнаго образованія коснулось и Обломова: онъ уже читалъ по выбору, сознательно: «услышитъ о какомъ-нибудь замѣчательномъ произведеніи, — и у него явится позывъ познакомиться съ нимъ; онъ ищетъ, проситъ книги, и если принесутъ скоро, онъ примется за нее, у него

начнетъ формироваться идея о предметѣ; еще шагъ, и онъ овладѣлъ бы имъ, а посмотришь, онъ уже лежитъ, глядя апатически въ потолокъ, а книга лежитъ подлѣ него недочитанная, непонятая... Охлажденіе одолѣвало имъ еще быстрѣе, нежели увлеченіе: онъ уже никогда не возвращался къ покинутой книгѣ». Не то ли же самое было и съ другими? Онѣгинъ, думая себѣ присвоить умъ чужой, началъ съ того, что

Отрядомъ книгъ уставилъ полку

и принялся читать. Но толку не вышло никакого: чтеніе скоро ему надоѣло, и —

Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задернулъ траурной тафтой.

Тѣнтѣтниковъ тоже такъ читалъ книги (благо, онъ привыкъ ихъ всегда имѣть подъ рукой), — большею частью во время обѣда: «съ супомъ, съ соусомъ, съ жаркимъ и даже съ пирожнымъ»... Рудинъ тоже признается Лежневу, что накупилъ онъ себѣ какихъ-то агрономическихъ книгъ, но ни одной до конца не прочелъ: сдѣлался учителемъ, да нашелъ, что фактовъ зналъ маловато, и даже на одномъ памятникѣ XVI столѣтія былъ сбитъ учителемъ математики. И у него, какъ у Обломова, принимались легко только общія идеи, а «подробности, смѣты и цифры» постоянно оставались въ сторонѣ.

«Но вѣдь это еще не жизнь, — это только приготовленіе къ жизни, — думалъ Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ, проходившій, вмѣстѣ съ Обломовымъ и всей этой компаніей, тьму ненужныхъ наукъ и не умѣвшій ни іоты изъ нихъ примѣнить къ жизни. «Настоящая жизнь — это служба». И всѣ наши герои, кромѣ Онѣгина и Печорина, служатъ, и для всѣхъ ихъ служба — ненужное и не имѣющее смысла бремя; и всѣ они оканчиваютъ благородной и ранней отставкой. Бельтовъ четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ не дослужилъ до пряжки, потому что, погорячившись сначала, вскорѣ охладѣлъ къ канцелярскимъ занятіямъ, сталъ раздражителенъ и небреженъ... Тѣнтѣтниковъ поговорилъ крупно съ начальникомъ, да притомъ же хотѣлъ принести пользу государству, лично занявшись устройствомъ своего имѣнія. Рудинъ поссорился съ директоромъ гимназіи, гдѣ былъ учителемъ. Обломову не понравилось, что съ начальникомъ всѣ говорятъ «не своимъ голосомъ, а какимъ-то другимъ, тоненькимъ и гадкимъ»; онъ не хотѣлъ этимъ голосомъ объясняться съ начальникомъ по тому поводу, что «отправилъ нужную бумагу вмѣсто Астрахани въ Архангельскъ», и подалъ въ отставку... Вездѣ все одна и та же обломовщина...

Въ домашней жизни обломовцы тоже очень похожи другъ на друга:

Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина, —
Вотъ жизнь Онѣгина святая.

То же самое, слово въ слово, за исключеніемъ коня, рисуется у Ильи Ильича въ идеалѣ домашней жизни. Даже поцѣлуй черноокой бѣлянки не забытъ у Обломова. «Одна изъ крестьянокъ, — мечтаетъ Илья Ильичъ, —съ загорѣлой шеей, съ открытыми локтями, съ робко-опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется отъ барской ласки, а сама счастлива... тс... жена чтобъ не увидала. Боже сохрани!» (Обломовъ воображаетъ себя уже женатымъ)... И если бъ Ильѣ Ильичу не лѣнь было уѣхать изъ Петербурга въ деревню, онъ непремѣнно привелъ бы въ исполненіе задушевную свою идиллію. Вообще обломовцы склонны къ идиллическому, бездѣйственному счастью, которое ничего отъ нихъ не требуетъ: «наслаждайся, молъ, мною, да и только»... Ужъ на что, кажется, Печоринъ, а и тотъ полагаетъ, что счастье-то, можетъ-быть, заключается въ покоѣ и сладкомъ отдыхѣ. Онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, томимымъ голодомъ, который «въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче... но только проснулся, мечта исчезаетъ, остается удвоенный голодъ и отчаяніе»... Въ другомъ мѣстѣ Печоринъ себя спрашиваетъ: «Отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?» Онъ самъ полагаетъ, —оттого, что «душа его сжилась съ бурями и жаждетъ кипучей дѣятельности»... Но вѣдь онъ вѣчно недоволенъ своей борьбой и самъ же безпрестанно высказываетъ, что всѣ свои дрянныя дебоширства затѣваетъ потому только, что ничего лучшаго не находитъ дѣлать... А ужъ коли не находитъ дѣла и вслѣдствіе того ничего не дѣлаетъ и ничѣмъ не удовлетворяется, такъ это значитъ, что къ бездѣлью болѣе наклоненъ, чѣмъ къ дѣлу... Та же обломовщина...

Отношенія къ людямъ и въ особенности къ женщинамъ тоже имѣютъ у всѣхъ обломовцевъ нѣкоторыя общія черты. Людей они вообще презираютъ, съ ихъ мелкимъ трудомъ, съ ихъ узкими понятіями и близорукими стремленіями. «Это все чернорабочіе», небрежно от-

зывается даже Бельтовъ, гуманнѣйшій между ними. Рудинъ наивно воображаетъ себя геніемъ, котораго никто не въ состояніи понять. Печоринъ, ужъ разумѣется, топчетъ всѣхъ ногами. Даже Онѣгинъ имѣетъ за собою два стиха, гласящіе, что

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей.

Тѣнтѣтниковъ даже, — ужъ на что смирный, — и тотъ, пришедши въ департаментъ, почувствовалъ, что «какъ будто его за проступокъ перевели изъ верхняго класса въ нижній»; а пріѣхавши въ деревню, скоро постарался, подобно Онѣгину и Обломову, раззнакомиться со всѣми сосѣдями, которые поспѣшили съ нимъ познакомиться. И нашъ Илья Ильичъ не уступитъ никому въ презрѣніи къ людямъ: оно вѣдь такъ легко, для него даже усилій никакихъ не нужно. Онъ самодовольно проводитъ передъ Захаромъ параллель между собой и «другими»; онъ въ разговорахъ съ пріятелями выражаетъ наивное удивленіе, изъ-за чего эти люди бьются, заставляя себя ходить въ должность, писать, слѣдить за газетами, посѣщать общество и пр. Онъ даже весьма категорически выражаетъ Штольцу сознаніе своего превосходства надъ всѣми людьми. «Жизнь,— говоритъ,—въ обществѣ? Хороша жизнь! Чего тамъ искать? Интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это; нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены свѣта и общества!» И затѣмъ Илья Ильичъ очень пространно и краснорѣчиво говоритъ на эту тему, такъ что хоть бы Рудину такъ поговорить.

Въ отношеніи къ женщинамъ всѣ обломовцы ведутъ себя одинаково постыднымъ образомъ. Они вовсе не умѣютъ любить и не знаютъ, чего искать въ любви, точно такъ же, какъ и вообще въ жизни. Они не прочь пококетничать съ женщиной, пока видятъ въ ней куклу, двигающуюся на пружинахъ; не прочь они и поработить себѣ женскую душу... какъ же! этимъ бываетъ очень довольна ихъ барственная натура! Но только чуть дѣло дойдетъ до чего-нибудь серьезнаго, чуть они начнутъ подозрѣвать, что передъ ними дѣйствительно не игрушка, а женщина, которая можетъ и отъ нихъ потребовать уваженія къ своимъ правамъ, они немедленно обращаются въ постыднѣйшее бѣгство. Трусость у всѣхъ этихъ господъ непомѣрная. Онѣгинъ, который такъ «рано умѣлъ тревожить сердца кокетокъ записныхъ», который женщинъ «искалъ безъ упоенья, а оставлялъ безъ сожалѣнья»,—Онѣгинъ струсилъ предъ Татьяной, дважды струсилъ,— и въ то время, когда принималъ отъ нея урокъ, и тогда, какъ самъ ей давалъ его. Она ему вѣдь нравилась съ самаго начала, и если

бы любила менѣе серьезно, онъ не подумалъ бы принять съ нею тонъ строгаго нравоучителя. А тутъ онъ увидѣлъ, что шутить опасно, и потому началъ толковать о своей отжитой жизни, о дурномъ характерѣ, о томъ, что она другого полюбитъ впослѣдствіи, и т. д. Впослѣдствіи онъ самъ объясняетъ свой поступокъ тѣмъ, что «замѣтя искру нѣжности въ Татьянѣ, онъ не хотѣлъ ей вѣрить», и что

«Свою постылую свободу
Онъ потерять не захотѣлъ».

А какими фразами-то прикрылъ себя, малодушный!

Такимъ же оказывается и Печоринъ, спеціалистъ по части женскаго сердца, признающійся, что, кромѣ женщинъ, онъ ничего на свѣтѣ не любилъ, что для нихъ онъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. И онъ признается, что, во-первыхъ, «не любитъ женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!»—во-вторыхъ, что онъ никогда не можетъ жениться. «Какъ бы страстно я ни любилъ женщину,—говоритъ онъ, —но если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться — прости любовь. Мое сердце превращается въ камень, и ничто не разогрѣетъ его снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту, но свободы своей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? Что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго? Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе» и т. д. А въ сущности, это — больше ничего, какъ обломовщина.

А Илья Ильичъ развѣ, вы думаете, не имѣетъ въ себѣ, въ свою очередь, печоринскаго и рудинскаго элемента, не говоря объ онѣгинскомъ? Еще какъ имѣетъ-то! Онъ, напримѣръ, подобно Печорину, хочетъ непремѣнно *обладать* женщиной, хочетъ вынудить у нея всяческія жертвы въ доказательство любви. Онъ, видите ли, не надѣялся сначала, что Ольга пойдетъ за него замужъ, и съ робостью предложилъ ей быть его женой. Она ему сказала что-то въ родѣ того, что это давно бы ему слѣдовало сдѣлать. Онъ пришелъ въ смущеніе, ему стало не довольно согласія Ольги, и онъ — чтобы вы думали?.. онъ началъ — пытать ее, столько ли она его любитъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться его любовницей! И ему стало досадно, когда она сказала, что никогда не пойдетъ по этому пути; но затѣмъ ея объясненіе и страстная сцена успокоили его. А все-таки онъ струсилъ подъ конецъ до того, что даже на глаза Ольгѣ боялся показаться, прикидывался больнымъ, прикрывалъ себя разведеннымъ мостомъ, давалъ понять Ольгѣ, что она его можетъ компрометировать, и т. д. И все отчего?—оттого, что она отъ него потребовала рѣшимости, дѣла, того, что не

входило въ его привычки. Женитьба сама по себѣ не страшила его такъ, какъ страшила Печорина и Рудина; у него болѣе патріархальныя были привычки. Но Ольга захотѣла, чтобъ онъ передъ женитьбой устроилъ дѣла по имѣнью; это ужъ была бы *жертва*, и онъ, конечно, этой жертвы не совершилъ, а явился настоящимъ Обломовымъ. А самъ, между тѣмъ, очень требователенъ. Онъ сдѣлалъ съ Ольгой такую штуку, какая и Печорину въ пору была бы. Ему вообразилось, что онъ не довольно хорошъ собою и вообще не довольно привлекателенъ для того, чтобы Ольга могла сильно полюбить его. Онъ начинаетъ страдать, не спитъ ночь, наконецъ вооружается энергіей и строчитъ къ Ольгѣ длинное рудинское посланіе, въ которомъ повторяетъ извѣстную, тертую и перетертую вещь, говоренную и Онѣгинымъ Татьянѣ, и Рудинымъ Натальѣ, и даже Печоринымъ княжнѣ Мери: «Я, дескать, не такъ созданъ, чтобы вы могли быть со мною счастливы; придетъ время, вы полюбите другого, болѣе достойнаго».

Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты...
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ...
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.

Всѣ обломовцы любятъ уничижать себя; но это они дѣлаютъ съ той цѣлью, чтобъ имѣть удовольствіе быть опровергнутыми и услышать себѣ похвалу отъ тѣхъ, предъ кѣмъ они себя ругаютъ. Они довольны своимъ самоуниженіемъ и всѣ похожи на Рудина, о которомъ Пигасовъ выражается: «Начнетъ себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ;—ну, думаешь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже, словно горькой водкой себя попотчевалъ!» Такъ и Онѣгинъ послѣ ругательствъ на себя рисуется предъ Татьяной своимъ великодушіемъ. Такъ и Обломовъ, написавши къ Ольгѣ пасквиль на самого себя, чувствовалъ, «что ему ужъ не тяжело, что онъ почти счастливъ»... Письмо свое онъ заключаетъ тѣмъ же правоученіемъ, какъ и Онѣгинъ свою рѣчь: «Исторія со мною пусть, говоритъ, послужитъ вамъ руководствомъ въ будущей, нормальной любви и пр. Илья Ильичъ, разумѣется, не выдержалъ себя на высотѣ уничиженія передъ Ольгой: онъ бросился подсмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нее письмо, увидѣлъ, что она плачетъ, удовлетворился и — не могъ удержаться, чтобы не предстать предъ ней въ сію критическую минуту. А она доказала ему, какимъ онъ пошлымъ и жалкимъ эгоистомъ явился въ этомъ письмѣ, написанномъ «изъ заботы объ ея счастьѣ». Тутъ ужъ онъ окончательно спасовалъ, какъ

дѣлаютъ, впрочемъ, всѣ обломовцы, встрѣчая женщину, которая выше ихъ по характеру и по развитію...

...Во всемъ, что мы говорили, мы имѣли въ виду болѣе обломовщину, нежели личность Обломова и другихъ героевъ. Что касается до личности, то мы не могли не видѣть разницы темперамента, напр., у Печорина и Обломова, такъ же точно, какъ не можемъ не найти ее и у Печорина съ Онѣгинымъ, и Рудина съ Бельтовымъ... Кто же станетъ спорить, что личная разница между людьми существуетъ (хотя, можетъ-быть, и далеко не въ той степени и не съ тѣмъ значеніемъ, какъ обыкновенно предполагаютъ). Но дѣло въ томъ, что надъ всѣми этими лицами тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ. Весьма вѣроятно, что при другихъ условіяхъ жизни, въ другомъ обществѣ Онѣгинъ былъ бы истинно добрымъ малымъ, Печоринъ и Рудинъ дѣлали бы великіе подвиги, а Бельтовъ оказался бы дѣйствительно превосходнымъ человѣкомъ. Но при другихъ условіяхъ развитія, можетъ-быть, и Обломовъ съ Тентетниковымъ не были бы такими байбаками, а нашли бы себѣ какое-нибудь полезное занятіе... Дѣло въ томъ, что теперь-то у нихъ у всѣхъ одна общая черта — безплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое могло бы выйти, но не выйдетъ ничего... Въ этомъ они поразительно сходятся...

Дѣла себѣ исполинскаго ищутъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ...

Обломовъ тоже мечталъ въ молодости «служить, пока станетъ силъ, потому что Россіи нужны руки и головы для разрабатыванія неистощимыхъ источниковъ»... Да и теперь онъ «не чуждъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей, ему доступны наслажденія высокихъ помысловъ», и хотя онъ не рыщетъ по свѣту за исполинскимъ дѣломъ, но все-таки мечтаетъ о всемірной дѣятельности, все-таки съ презрѣніемъ смотритъ на чернорабочихъ и съ жаромъ говоритъ:

Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей...

А бездѣльничаетъ онъ ничуть не больше, чѣмъ всѣ остальные братья обломовцы; только онъ откровеннѣе,—не старается прикрыть своего бездѣлья даже разговорами въ обществахъ и гуляньяхъ по Невскому проспекту.

Но отчего же такая разница впечатлѣній, производимыхъ на насъ Обломовымъ и героями, о которыхъ мы вспоминали выше? Тѣ представляются намъ въ разныхъ родахъ сильными натурами, задавлен-

ными неблагопріятной обстановкой, а этотъ—байбакомъ, который и при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ ничего не сдѣлаетъ...

...Кромѣ разницы темперамента, большое различіе находится въ самомъ возрастѣ Обломова и другихъ героевъ. Говоримъ не о лѣтахъ: они почти однолѣтки, Рудинъ даже двумя-тремя годами постарше Обломова; говоримъ, о времени ихъ появленія. Обломовъ относится къ позднѣйшему времени, стало-быть, онъ уже для молодого поколѣнія, для современной жизни, долженъ казаться гораздо старше, чѣмъ казались прежніе обломовцы... Онъ въ университетѣ какихъ-нибудь 17—18-ти лѣтъ прочувствовалъ тѣ стремленія, проникся тѣми идеями, которыми одушевляется Рудинъ въ тридцать пять лѣтъ... Прежде съ любовью, съ благоговѣніемъ слушали фразеровъ, толкующихъ о необходимости того и другого, о высшихъ стремленіяхъ и т. п. Тогда, можетъ-быть, и Обломовъ не прочь былъ бы поговорить... Но теперь всякаго фразера и прожектора встрѣчаютъ требованіемъ: «А не угодно ли попробовать?» Этого ужъ обломовцы не въ силахъ снести...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ чувствуется вѣяніе новой жизни, когда, по прочтеніи Обломова, думаешь, что вызвало въ литературѣ этотъ типъ. Нельзя приписать этого единственно личному таланту автора и широтѣ его воззрѣній. И силу таланта и воззрѣнія самыя широкія и гуманныя находимъ мы у авторовъ, произведшихъ прежніе типы, приведенные нами выше. Но дѣло въ томъ, что отъ появленія перваго изъ нихъ, Онѣгина, до сихъ поръ прошло уже тридцать лѣтъ. То, что было тогда въ зародышѣ, что выражалось только въ неясномъ полусловѣ, произнесенномъ шопотомъ, то приняло уже теперь опредѣленную и твердую форму, высказалось открыто и громко. Фраза потеряла свое значеніе; явилась въ самомъ обществѣ потребность настоящаго дѣла. Бельтовъ и Рудинъ — люди, съ стремленіями дѣйствительно высокими и благородными, не только не могли проникнуться необходимостью, но даже не могли представить себѣ близкой возможности страшной, смертельной борьбы съ обстоятельствами, которыя ихъ давили. Они вступали въ дремучій невѣдомый лѣсъ, шли по топкому опасному болоту, видѣли подъ ногами разныхъ гадовъ и змѣй и лѣзли на дерево отчасти, чтобъ посмотрѣть, не увидятъ ли гдѣ дороги, отчасти же для того, чтобъ отдохнуть и хоть на время избавиться отъ опасности увязнуть или быть ужаленными. Слѣдовавшіе за ними люди ждали, что они скажутъ, и смотрѣли на нихъ съ уваженіемъ, какъ на людей, шедшихъ впереди. Но эти передовые люди ничего не увидѣли съ высоты, на которую взобрались: лѣсъ былъ очень обширенъ и густъ. Между тѣмъ, взлѣзая на дерево, они исцарапали себѣ лицо, переранили себѣ ноги, испортили руки... Они страдаютъ, они утомлены, они должны отдохнуть, примостившись какъ-ни-

будь поудобнѣе на деревѣ. Правда, они ничего не дѣлаютъ для общей пользы, они ничего не разглядѣли и не сказали; стоящіе внизу, сами, безъ ихъ помощи, должны прорубать и расчищать себѣ дорогу по лѣсу. Но кто же рѣшится бросить камень въ этихъ несчастныхъ, чтобы заставить ихъ упасть съ высоты, на которую они взмостились съ такими трудами, имѣя въ виду общую пользу? Имъ сострадаютъ, отъ нихъ даже не требуютъ пока, чтобы они принимали участіе въ расчисткѣ лѣса; на ихъ долю выпало другое дѣло, и они его сдѣлали. Если толка не вышло, — не ихъ вина. Съ этой точки зрѣнія каждый изъ авторовъ могъ прежде смотрѣть на своего обломовскаго героя, и былъ правъ. Къ этому присоединялось еще и то, что надежда увидѣть гдѣ-нибудь выходъ изъ лѣса на дорогу долго держалась во всей ватагѣ путниковъ, равно какъ долго не терялась и увѣренность въ дальнозоркости передовыхъ людей, взобравшихся на дерево. Но вотъ, мало-по-малу, дѣло прояснилось и приняло другой оборотъ: передовымъ людямъ понравилось на деревѣ; они разсуждаютъ очень краснорѣчиво о разныхъ путяхъ и средствахъ выбраться изъ болота и изъ лѣса; они нашли даже на деревѣ кой-какіе плоды и наслаждаются ими, бросая чешуйку внизъ; они зовутъ къ себѣ еще кой-кого, избранныхъ изъ толпы, и тѣ идутъ и остаются на деревѣ, уже и не высматривая дороги, а только пожирая плоды. Это уже Обломовы въ собственномъ смыслѣ... А бѣдные путники, стоящіе внизу, вязнутъ въ болотѣ, ихъ жалятъ змѣи, пугаютъ гады, хлещутъ по лицу сучья... Наконецъ толпа рѣшается приняться за дѣло и хочетъ воротить тѣхъ, которые позже полѣзли на дерево; но Обломовы молчатъ и обжираются плодами. Тогда толпа обращается и къ прежнимъ своимъ передовымъ людямъ, прося ихъ спуститься и помочь общей работѣ. Но передовые люди опять повторяютъ прежнія фразы о томъ, что надо высматривать дорогу, а надъ расчисткой трудиться нечего. Тогда бѣдные путники видятъ свою ошибку и, махнувъ рукой, говорятъ: «Э, да вы всѣ Обломовы!» И затѣмъ начинается дѣятельная, неутомимая работа: рубятъ деревья, дѣлаютъ изъ нихъ мостъ на болотѣ, образуютъ тропинку, бьютъ змѣй и гадовъ, попавшихся на ней, не заботясь болѣе объ этихъ умникахъ, объ этихъ сильныхъ натурахъ— Печоринныхъ и Рудиныхъ, на которыхъ прежде надѣялись, которыми восхищались. Обломовцы сначала спокойно смотрятъ на общее движеніе, но потомъ, по своему обыкновенію, трусятъ и начинаютъ кричать...

...И нынѣ живутъ люди, представляющіе какъ будто сколокъ съ Онѣгина, Печорина, Рудина и пр., и не въ томъ видѣ, какъ они могли бы развиться при другихъ обстоятельствахъ, а именно въ томъ, въ какомъ они представлены Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ. Только въ общественномъ сознаніи всѣ они болѣе и болѣе превраща-

ются въ Обломова. Нельзя сказать, чтобъ превращеніе это уже совершилось: нѣтъ, еще и теперь тысячи людей проводятъ время въ разговорахъ и тысячи другихъ людей готовы принять разговоры за дѣла. Но что превращеніе это начинается — доказываетъ типъ Обломова, созданный Гончаровымъ. Появленіе его было бы невозможно, если бы хотя въ нѣкоторой части общества не созрѣло сознанія о томъ, какъ ничтожны всѣ эти quasi-талантливыя натуры, которыми прежде восхищались. Прежде онѣ прикрывались разными мантіями, украшали себя разными прическами, привлекали къ себѣ разными талантами. Но теперь Обломовъ является предъ нами разоблаченный, какъ онъ есть, молчаливый, сведенный съ красиваго пьедестала на мягкій диванъ, прикрытый вмѣсто мантіи только просторнымъ халатомъ. Вопросъ: *что онъ дѣлаетъ? въ чемъ смыслъ и цѣль его жизни?* — поставленъ прямо и ясно, не забитъ никакими побочными вопросами. Это потому, что теперь уже настало, или настаетъ неотлагательно время работы общественной... И вотъ почему мы сказали въ началѣ статьи, что видимъ въ романѣ Гончарова *знаменіе времени.*

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ измѣнилась точка зрѣнія на образованныхъ и хорошо разсуждающихъ лежебоковъ, которыхъ прежде принимали за настоящихъ общественныхъ дѣятелей.

Вотъ передъ вами молодой человѣкъ, очень красивый, ловкій, образованный. Онъ выѣзжаетъ въ большой свѣтъ и имѣетъ тамъ успѣхъ; онъ ѣздитъ въ театры, на балы и маскарады; онъ отлично одѣвается и обѣдаетъ; читаетъ книжки и пишетъ очень грамотно... Сердце его волнуется только ежедневностью свѣтской жизни, но онъ имѣетъ понятіе и о высшихъ вопросахъ. Онъ любитъ потолковать о страстяхъ,

«О предразсудкахъ вѣковыхъ
И гроба тайнахъ роковыхъ»...

Онъ имѣетъ нѣкоторыя честныя правила: способенъ —

«Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнить»;

способенъ иногда не воспользоваться неопытностью дѣвушки, которую не любитъ; способенъ не придавать особенной цѣны своимъ свѣтскимъ успѣхамъ. Онъ выше окружающаго его свѣтскаго общества настолько, что дошелъ до сознанія его пустоты; онъ можетъ даже оставить свѣтъ и переѣхать въ деревню; но только и тамъ скучаетъ, не зная, какое найти себѣ дѣло... Отъ нечего дѣлать онъ ссорится съ другомъ своимъ и по легкомыслію убиваетъ его на дуэли... Черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвращается въ свѣтъ и влюбляется въ женщину, любовь которой самъ прежде отвергъ, потому что для нея нужно было

бы ему отказаться отъ своей бродяжнической свободы... Вы узнаете въ этомъ человѣкѣ Онѣгина. Но всмотритесь хорошенько: это—Обломовъ...

Передъ вами другой человѣкъ, съ болѣе страстной душой, съ болѣе широкимъ самолюбіемъ. Этотъ имѣетъ въ себѣ какъ будто отъ природы все то, что для Онѣгина составляетъ предметъ заботъ. Онъ не хлопочетъ о туалетѣ и нарядѣ: онъ свѣтскій человѣкъ и безъ того. Ему не нужно подбирать слова и блистать мишурнымъ знаніемъ: и безъ этого языкъ у него какъ бритва. Онъ дѣйствительно презираетъ людей, хорошо понимая ихъ слабости; онъ дѣйствительно умѣетъ овладѣть сердцемъ женщины, не на краткое мгновенье, а надолго, нерѣдко навсегда. Все, что встрѣчается ему на его дорогѣ, онъ умѣетъ отстранить или уничтожить. Одно только несчастье: онъ не знаетъ, куда итти. Сердце его пусто и холодно ко всему. Онъ все испыталъ, и ему еще въ юности опротивѣли всѣ удовольствія, которыя можно достать за деньги; любовь свѣтскихъ красавицъ тоже опротивѣла ему, потому что ничего не давала сердцу, науки тоже надоѣли, потому что онъ увидѣлъ, что отъ нихъ не зависитъ ни слава, ни счастье; самые счастливые люди — невѣжды, а слава — удача; военныя опасности тоже ему скоро наскучили, потому что онъ не видѣлъ въ нихъ смысла и скоро привыкъ къ нимъ. Наконецъ даже простосердечная, чистая любовь дикой дѣвушки, которая ему самому нравится, тоже надоѣдаетъ ему: онъ и въ ней не находитъ удовлетворенія своихъ порывовъ. Но что же это за порывы? куда влекутъ они? отчего онъ не отдается имъ всей силой души своей? Оттого, что онъ самъ ихъ не понимаетъ и не даетъ себѣ труда подумать о томъ, куда дѣвать свою душевную силу; и вотъ онъ проводитъ свою жизнь въ томъ, что остритъ надъ глупцами, тревожитъ сердца неопытныхъ барышень, мѣшается въ чужія сердечныя дѣла, напрашивается на ссоры, выказываетъ отвагу въ пустякахъ, дерется безъ надобности... Вы припоминаете, что это исторія Печорина, что отчасти почти такими словами самъ онъ объясняетъ свой характеръ Максиму Максимычу... Всмотритесь, пожалуйста, получше: вы и тутъ увидите того же Обломова...

Но вотъ еще человѣкъ, болѣе сознательно идущій по своей дорогѣ. Онъ не только понимаетъ, что ему дано много силъ, но знаетъ и то, что у него есть великая цѣль... Подозрѣваетъ, кажется, даже и то, какая это цѣль и гдѣ она находится. Онъ благороденъ, честенъ (хотя часто и не платитъ долговъ); съ жаромъ разсуждаетъ не о пустякахъ, а о высшихъ вопросахъ; увѣряетъ, что готовъ пожертвовать собою для блага человѣчества. Въ головѣ его рѣшены всѣ вопросы, все приведено въ живую, стройную связь; онъ увлекаетъ своимъ могучимъ словомъ неопытныхъ юношей, такъ что, послушавъ

его, и они чувствуютъ, что призваны къ чему-то великому... Но въ чемъ проходитъ его жизнь? Въ томъ, что онъ все начинаетъ и не оканчиваетъ, разбрасывается во всѣ стороны, всему отдается съ жадностью и — не можетъ отдаться... Онъ влюбляется въ дѣвушку, которая, наконецъ, говоритъ ему, что, несмотря на запрещеніе матери, она готова принадлежать ему; а онъ отвѣчаетъ: «Боже! такъ ваша маменька не согласна! какой внезапный ударъ! Боже! какъ скоро... Дѣлать нечего, — надо покориться»... И въ этомъ точный образецъ всей его жизни... Вы уже знаете, что это Рудинъ... Нѣтъ, теперь ужъ и это Обломовъ. Когда вы хорошенько всмотритесь въ эту личность и поставите ее лицомъ къ лицу съ требованіями современной жизни,— вы сами въ этомъ убѣдитесь.

Общее у всѣхъ этихъ людей то, что въ жизни нѣтъ имъ дѣла, которое бы для нихъ было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религіей, которое бы органически срослось съ ними, такъ что отнять его у нихъ значило бы лишить ихъ жизни. Все у нихъ внѣшнее, ничто не имѣетъ корня въ ихъ натурѣ...

...Да, всѣ эти обломовцы никогда не переработывали въ плоть и кровь свою тѣхъ началъ, которыя ихъ внушили, никогда не проводили ихъ до послѣднихъ выводовъ, не доходили до той грани, гдѣ слово становится дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутренней потребностью души, исчезаетъ въ ней и дѣлается единственною силою, двигающею человѣкомъ... Пока не было работы въ виду, можно было еще надувать этимъ публику, можно было тщеславиться тѣмъ, что мы вотъ, дескать, все-таки хлопочемъ, ходимъ, говоримъ, разсказываемъ. На этомъ и основанъ былъ въ обществѣ успѣхъ людей, подобныхъ Рудину. Даже больше — можно было заняться кутежомъ, интрижками, каламбурами, театральствомъ, — и увѣрять, что это мы пустились, молъ, оттого, что нѣтъ простора для болѣе широкой дѣятельности. Тогда и Печоринъ, и даже Онѣгинъ, долженъ былъ казаться натурою съ необъятными силами души. Но теперь ужъ всѣ эти герои отодвинулись на второй планъ, потеряли прежнее значеніе, перестали сбивать насъ съ толка своей загадочностью и таинственнымъ разладомъ между ними и обществомъ, между великими ихъ силами и ничтожностью дѣлъ ихъ.

«Теперь загадка разъяснилась,
Теперь имъ слово найдено».

Слово это — *обломовщина*.

Если я вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, — я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ — Обломовъ.

Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности *тихаго шага* и т. п., я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ, сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали, я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые (а иногда и новые) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода, я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку...

...Кто же, наконецъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста этимъ всемогущимъ словомъ: «впередъ!», о которомъ такъ мечталъ Гоголь и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ. Гончаровъ, умѣвшій понять и показать намъ нашу обломовщину, не могъ, однако, не заплатить дани общему заблужденію, до сихъ поръ столь сильному въ нашемъ обществѣ: онъ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей похвальное надгробное слово. «Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ», говоритъ онъ устами Штольца, и говоритъ неправду. Вся Россія, которая прочитала или прочитаетъ Обломова, не согласится съ этимъ. Нѣтъ, Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы — наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ надгробное слово. Не за что говорить объ насъ съ Ильею Ильичемъ слѣдующія строки:

> «Въ немъ было то, что дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ, наконецъ, убитый, разорованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни зла; пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ, — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи; въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ, на него всюду и вездѣ можно положиться».

Распространяться объ этомъ пассажѣ мы не станемъ, но каждый изъ читателей замѣтитъ, что въ немъ заключена большая неправда. Одно въ Обломовѣ хорошо, дѣйствительно: то, что онъ не усиливался

надувать другихъ, а ужъ такъ и являлся въ натурѣ — лежебокомъ. Но, помилуйте, въ чемъ же на него *можно положиться?* Развѣ въ томъ, гдѣ ничего дѣлать не нужно? Тутъ онъ, дѣйствительно, отличится такъ, какъ никто. Но ничего-то не дѣлать и безъ него можно. Онъ не поклонится идолу зла! Да вѣдь почему это? Потому, что ему лѣнь вставать съ дивана. А стащите его, поставьте на колѣни передъ этимъ идоломъ; онъ не въ силахъ будетъ встать. Не подкупишь его ничѣмъ. Да на что его подкупать-то? На то, чтобы съ мѣста сдвинулся? Ну, это, дѣйствительно, трудно. Грязь къ нему не пристанетъ! Да, пока лежитъ одинъ, такъ еще ничего; а какъ придетъ Тарантьевъ, Затертый, Иванъ Матвѣевичъ—брр...! какая отвратительная гадость начинается около Обломова. Его объѣдаютъ, опиваютъ, спаиваютъ, берутъ съ него фальшивый вексель (отъ котораго Штольцъ нѣсколько безцеремонно, по русскимъ обычаямъ, безъ суда и слѣдствія избавляетъ его), разоряютъ его именемъ мужиковъ, дерутъ съ него немилосердныя деньги ни за что, ни про что. Онъ все это терпитъ безмолвно и потому, разумѣется, не издаетъ ни одного фальшиваго звука.

Нѣтъ, нельзя такъ льстить живымъ, а мы еще живы, мы еще попрежнему Обломовы. Обломовщина никогда не оставляла насъ и не оставила даже теперь, — *въ настоящее время, когда*, и пр. Кто изъ нашихъ литераторовъ, публицистовъ, людей образованныхъ, общественныхъ дѣятелей, кто не согласится, что, должно-быть, его-то именно и имѣлъ въ виду Гончаровъ, когда писалъ объ Ильѣ Ильичѣ слѣдующія строки:

«Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько, въ глубинѣ души, плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску, и стремленія куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ. Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы; и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ вырастаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ; задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преображаются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... Вотъ-вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія! Но, смотришь, промелькнетъ утро, день ужъ клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою утомленныя силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей-то четырехъэтажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ!»

Не правда ли, образованный и благородно-мыслящій читатель, вѣдь тутъ вѣрное изображеніе вашихъ благихъ стремленій и вашей полезной дѣятельности? Разница, можетъ-быть, только въ томъ, до какого момента вы доходите въ вашемъ развитіи. Илья Ильичъ доходилъ до того, что привставалъ съ постели, протягивалъ руку и озирался вокругъ. Иные такъ далеко не заходятъ; у нихъ только мысли гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ (такихъ большая часть); у другихъ мысли вырастаютъ въ намѣренія, но не доходятъ до степени стремленій (такихъ меньше); у третьихъ даже стремленія являются (этихъ ужъ совсѣмъ мало).

Итакъ, слѣдуя направленію настоящаго времени, когда вся литература, по выраженію г. Бенедиктова, представляетъ

«...нашей плоти истязанье,
Вериги въ прозѣ и стихахъ», —

мы смиренно сознаемся, что какъ ни лестны для нашего самолюбія похвалы г. Гончарова Обломову, но мы не можемъ признать ихъ справедливыми. Обломовъ менѣе раздражаетъ свѣжаго, молодого, дѣятельнаго человѣка, нежели Печоринъ и Рудинъ, но все-таки онъ противенъ въ своей ничтожности.

Отдавая дань своему времени, г. Гончаровъ вывелъ и противоядіе Обломову — Штольца. Но, по поводу этого лица, мы должны еще разъ повторить наше постоянное мнѣніе, что литература не можетъ забѣгать слишкомъ далеко впередъ жизни. Штольцевъ, людей съ цѣльнымъ, дѣятельнымъ характеромъ, при которомъ всякая мысль тотчасъ же является стремленіемъ и переходитъ въ дѣло, еще нѣтъ въ жизни нашего общества (разумѣемъ образованное общество, которому доступны высшія стремленія; въ массѣ, гдѣ идеи и стремленія ограничены очень близкими и немногими предметами, такіе люди безпрестанно попадаются). Самъ авторъ сознавалъ это, говоря о нашемъ обществѣ: «Вотъ, глаза очнулись отъ дремоты, послышались бойкіе, широкіе шаги, живые голоса... Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими именами!» Должно явиться ихъ много, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но теперь пока для нихъ нѣтъ почвы. Оттого-то изъ романа Гончарова мы и видимъ только, что Штольцъ — человѣкъ, дѣятельный, все о чемъ-то хлопочетъ, бѣгаетъ, пріобрѣтаетъ, говоритъ, что жить — значитъ трудиться и пр. Но что онъ дѣлаетъ и какъ онъ ухитряется дѣлать что-нибудь порядочное тамъ, гдѣ другіе ничего не могутъ сдѣлать, это для насъ остается тайной. Онъ мигомъ устроилъ Обломовку для Ильи Ильича, — какъ? этого мы не знаемъ. Онъ мигомъ уничтожилъ фальшивый вексель Ильи Ильича: — какъ? это мы знаемъ. Поѣхалъ къ начальнику Ивана Матвѣевича, которому Обломовъ далъ вексель, по-

говорилъ съ нимъ дружески, — Ивана Матвѣевича призвали въ присутствіе и не только что вексель велѣли возвратить, но даже и изъ службы выходить приказали. И подѣломъ ему, разумѣется; но, судя по этому случаю, Штольцъ не доросъ еще до идеала общественнаго русскаго дѣятеля. Да и нельзя еще: рано. Теперь еще, — хотя будь семь пядей во лбу, а въ замѣтной общественной дѣятельности можешь, пожалуй, быть *добродѣтельнымъ откупщикомъ* Муразовымъ, дѣлающимъ добрыя дѣла изъ десяти милліоновъ своего состоянія, или благороднымъ помѣщикомъ Костанжогло, — но далѣе не пойдешь... И мы не понимаемъ, какъ могъ Штольцъ въ своей дѣятельности успокоиться отъ всѣхъ стремленій и потребностей, которыя одолѣвали даже Обломова, какъ могъ онъ удовлетвориться своимъ положеніемъ, успокоиться на своемъ одинокомъ, отдѣльномъ, исключительномъ счастьѣ... Не надо забывать, что подъ нимъ болото, что вблизи находится старая Обломовка, что нужно еще расчищать лѣсъ, чтобы выйти на большую дорогу и убѣжать отъ обломовщины. Дѣлалъ ли что-нибудь для этого Штольцъ, что именно дѣлалъ и какъ дѣлалъ, — мы не знаемъ. А безъ этого мы не можемъ удовлетвориться его личностью... Можемъ сказать только то, что не онъ тотъ человѣкъ, который «сумѣетъ, на языкѣ, понятномъ для русской души, сказать намъ это всемогущее слово «впередъ»!

...Ольга по своему развитію представляетъ высшій идеалъ, какой только можетъ теперь русскій художникъ вызвать изъ теперешней русской жизни. Оттого она, необыкновенной ясностью и простотой своей логики и изумительной гармоніей своего сердца и воли, поражаетъ насъ до того, что мы готовы усомниться даже въ ея поэтической правдѣ и сказать: «Такихъ дѣвушекъ не бываетъ». Но, слѣдя за нею во все продолженіе романа, мы находимъ, что она постоянно вѣрна себѣ и своему развитію, что она представляетъ не сентенцію автора, а живое лицо, только такое, какихъ мы еще не встрѣчали. Въ ней-то болѣе, нежели въ Штольцѣ, можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь; отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину... Она начинаетъ съ любви къ Обломову, съ вѣры въ него, въ его нравственное преобразованіе... Долго и упорно, съ любовью и нѣжною заботливостью трудится она надъ тѣмъ, чтобы возбудить жизнь, вызвать дѣятельность въ этомъ человѣкѣ. Она не хочетъ вѣрить, чтобы онъ былъ такъ безсиленъ на добро; любя въ немъ свою надежду, свое будущее созданіе, она дѣлаетъ для него все: пренебрегаетъ даже условными приличіями, ѣдетъ къ нему, одна, никому не сказавшись, и не боится, подобно ему, потери своей репутаціи. Но она съ удивительнымъ тактомъ замѣчаетъ тотчасъ же всякую фальшь, проявлявшуюся въ его натурѣ, и чрезвычайно просто объясняетъ ему, какъ и

почему это ложь, а не правда. Онъ, напримѣръ, пишетъ ей письмо, о которомъ мы говорили выше, и потомъ увѣряетъ ее, что писалъ это единственно изъ заботы о ней, совершенно забывши себя, жертвуя собою и т. д.—«Нѣтъ,—отвѣчаетъ она,—не правда: если бы вы думали только о моемъ счастьѣ и считали необходимою для него разлуку съ вами, то вы бы просто уѣхали, не посылая мнѣ предварительно никакихъ писемъ». Онъ говоритъ, что боится ея несчастья, если она современемъ пойметъ его, что ошиблась въ немъ, разлюбитъ его и полюбитъ другого. Она спрашиваетъ въ отвѣтъ на это: «Гдѣ же вы тутъ видите несчастье мое? Теперь я васъ люблю, и мнѣ хорошо; а послѣ я полюблю другого и значитъ мнѣ съ другимъ будетъ хорошо. Напрасно вы обо мнѣ безпокоитесь». Эта простота и ясность мышленія заключаютъ въ себѣ задатки новой жизни, не той, въ условіяхъ которой выросло современное общество... Потомъ,—какъ воля Ольги послушна ея сердцу! Она продолжаетъ свои отношенія и любовь къ Обломову, несмотря на всѣ построенія непріятности, насмѣшки и т. п., до тѣхъ поръ, пока не убѣждается въ его рѣшительной дрянности. Тогда она прямо объявляетъ ему, что ошиблась въ немъ, и ужъ не можетъ рѣшиться соединить съ нимъ свою судьбу. Она еще хвалитъ и ласкаетъ его и при этомъ отказѣ, и даже послѣ; но своимъ поступкомъ она уничтожаетъ его, какъ ни одинъ изъ обломовцевъ не былъ уничтожаемъ женщиной. Татьяна говоритъ Онѣгину, въ заключеніе романа:

«Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна»...

Итакъ, только внѣшній нравственный долгъ спасаетъ ее отъ этого пустого фата; будь она свободна, она бы бросилась ему на шею. Наталья оставляетъ Рудина только потому, что онъ самъ уперся на первыхъ же порахъ, да, и проводивъ его, она убѣждается только въ томъ, что онъ ея не любитъ, и ужасно горюетъ объ этомъ. Нечего и говорить о Печоринѣ, который успѣлъ заслужить только *ненависть* княжны Мери. Нѣтъ, Ольга не такъ поступила съ Обломовымъ. Она просто и кротко сказала ему: «Я узнала недавно только, что я люблю въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... какъ голубь; ты спрячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю!» И она оставляетъ Обломова, и она стремится къ своему *чему-то*, хотя еще и не знаетъ хорошенько. Наконецъ она находитъ его въ Штольцѣ, соединяется съ нимъ, счастлива.

Какіе-то туманные вопросы и сомнѣнія тревожатъ ее, она чего-то допытывается. Въ ея сердцѣ и головѣ вліяніе новой жизни, по которой она несравненно ближе Штольца. Думаемъ такъ потому, что находимъ нѣсколько намековъ въ слѣдующемъ разговорѣ:

— Что же дѣлать? поддаться и тосковать?—спросила она.

— Ничего, — сказалъ онъ, — вооружаться твердостью и спокойствіемъ. Мы не титаны съ тобой, — провизжалъ онъ, обнимая ее. — Мы пойдемъ съ Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье...

— А если они никогда не отстанутъ: грусть будетъ тревожить все больше и больше?.. спрашивала она.

— Что жъ? примемъ ее, какъ новую стихію жизни... Да нѣтъ, этого не бываетъ, не можетъ быть у насъ! Это не твоя грусть; это общій недугъ человѣчества. На тебя брызнула одна капля... Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни, — когда нѣтъ опоры. А у насъ...

Онъ не договорилъ, что *у насъ*... Но ясно, что это *онъ* не хочетъ «итти на борьбу съ мятежными вопросами», *онъ* рѣшается смиренно склонить голову...» А она готова на эту борьбу, тоскуетъ по ней и постоянно страшится, чтобъ ея тихое счастье съ Штольцемъ не превратилось во что-то, подходящее къ обломовской апатіи. Ясно, что она не хочетъ склонять голову и смиренно переживать трудныя минуты, въ надеждѣ, что потомъ опять улыбнется жизнь. Она бросила Обломова, когда перестала въ него вѣрить; она оставитъ и Штольца, ежели перестанетъ вѣрить въ него. А это случится, ежели вопросы и сомнѣнія не перестанутъ мучить ее, а онъ будетъ продолжать ей совѣты — принять ихъ, какъ новую стихію жизни, и склонить голову. Обломовщина хорошо ей знакома, она сумѣетъ различить ее во всѣхъ видахъ, подъ всѣми масками, и навсегда найдетъ въ себѣ столько силъ, чтобы произнести надъ нею судъ безпощадный...

Добролюбовъ.

Штольцъ и Ольга.

Важнѣйшіе признаки обломовщины оттѣняются фигурою Штольца. Задуманное и изображенное въ противоположность Обломову, это лицо, какъ художественный образъ, оставляетъ впечатлѣніе нѣкоторой апріорности и, пожалуй, искусственности построенія.

Другъ и сверстникъ Обломова, Штольцъ — отрицатель и противникъ обломовщины. Онъ отрицаетъ ее во всѣхъ ея видахъ. Идеалъ барской жизни въ деревнѣ, который лелѣетъ Обломовъ, представляется Штольцу совершенно нелѣпымъ. «Это не жизнь, — говоритъ онъ въ отвѣтъ на разглагольствованія замечтавшагося Ильи Ильича (часть II, гл. IV), — это какая-то... обломовщина». — Когда Обломовъ хочетъ доказать ему, что всѣ люди стремятся къ покою, что это свойственно природѣ человѣческой, Штольцъ отвѣчаетъ: «И утопія-то у тебя об-

ломовская» (тамъ же). — Обломовскому культу покоя и квіетизма онъ противопоставляетъ культъ труда и непрерывнаго стремленія впередъ. Вотъ именно въ противоположность этому, столь характерному для обломовщины стремленію къ «отдыху», «покою», почетному или непочетному «бездѣйствію», Штольцъ настаиваетъ на необходимости труда — ради труда, безъ всякихъ видовъ на «отдыхъ». На вопросъ Обломова: «Для чего же мучиться весь вѣкъ?» онъ отвѣчаетъ: «Для самого труда, больше ни для чего. Трудъ — образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни, по крайней мѣрѣ, моей» (тамъ же). — Эти слова, конечно, не означаютъ, что для Штольца безразлично, какимъ бы дѣломъ ни заниматься, что его нисколько не интересуетъ вопросъ о цѣли и значеніи его труда. Онъ не будетъ толочь воду въ ступѣ... Мы хорошо знаемъ, чѣмъ онъ занятъ: онъ «пріобрѣтаетъ», составляетъ себѣ состояніе, ведетъ свои дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учится, развивается, слѣдитъ за всѣмъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, наконецъ много путешествуетъ какъ по Россіи, такъ и за границей [1]. Онъ — просвѣщенный дѣлецъ и «грюндеръ». И совершенно очевидно, что этому «труду» онъ, какъ и самъ Гончаровъ, приписываетъ прогрессивное общественное значеніе. Мало того, его проповѣдь «труда не лишена и моральнаго оттѣнка. Это было въ духѣ времени. Отживающей ломовщинѣ, какъ порожденію крѣпостничества, противопоставляли, накануне паденія крѣпостного права, необходимость предпріимчивости, дѣловитости, инціативы, и эти качества представлялись въ видѣ культурной и даже моральной силы, призванной обновить и возродить Россію. Сама собой установилась «психологическая ассоціація» представленій этихъ качествъ съ идеями либерализма, просвѣщенія, общественнаго развитія. И это было симптомомъ того поворота, который обозначился въ нашей внутренней жизни около половины 50-хъ годовъ: на смѣну крѣпостническаго строя выступалъ буржуазный, выдвигавшій вмѣстѣ съ культомъ наживы, духомъ предпріимчивости, грюндерствомъ новую политическую программу, правда, не вполнѣ ясную, но во всякомъ случаѣ отмѣченную печатью либерализма, общихъ идей просвѣщенія, прогресса, свободы. Теперь уже нельзя было сочетать дѣловитости, предпріимчивости и наживы съ обскурантизмомъ и политическою отсталостью, какъ это дѣлалъ Гоголь.

Штольцъ при случаѣ заводитъ рѣчь о фабрикахъ, о путяхъ сообщенія, о пристаняхъ, о сбытѣ. Но онъ заводитъ рѣчь также о

---

[1] Онъ говоритъ Обломову: «Я два раза былъ за границей, послѣ нашей премудрости смиренно сидѣлъ на студенческихъ скамьяхъ въ Боннѣ, въ Іенѣ, въ Эрлангенѣ, потомъ выучилъ Европу, какъ свое имѣніе... Я видѣлъ Россію вдоль и поперекъ. Тружусь...» И увѣрялъ, что никогда не перестанетъ «трудиться», хотя бы учетверилъ свои капиталы (ч. II, гл. IV).

школахъ, именно — народныхъ, о просвѣщеніи. Его «программа» — либерально-буржуазная и просвѣтительная: раскрѣпощеніе, экономическое развитіе страны, промышленный прогрессъ, просвѣтительная дѣятельность.

Отсюда между прочимъ видно, что этотъ практическій дѣятель, этотъ грюндеръ и дѣловой человѣкъ лелѣетъ «юношескія мечты» и надѣется проводить ихъ въ жизнь. Несомнѣнно, на личности Штольца лежитъ еще свѣжій отпечатокъ идеализма 40-хъ годовъ, къ которымъ относятся его юность, его воспитаніе, его университетскіе годы. Онъ учился въ московскомъ университетѣ, онъ слушалъ Грановскаго, онъ, конечно, зачитывался статьями Бѣлинскаго. Изъ этой «школы» онъ вынесъ широкіе умственные интересы, а также и тѣ «юношескія мечты», которыя, какъ мы видѣли, онъ хранитъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Въ чемъ онѣ состояли, мы не знаемъ, но имѣемъ основаніе думать, что онѣ были довольно скромны и едва ли шли дальше тѣхъ освободительныхъ идей, которыя выдвинула эпоха реформъ. — Духу 40-хъ годовъ обязанъ Штольцъ также тѣмъ своеобразнымъ «эпикурействомъ» или «разумнымъ эгоизмомъ», которымъ отмѣчена его душевная жизнь, а также и вся его дѣятельность. Вѣдь, въ концѣ-концовъ, всѣ усилія его направлены на то, чтобы создать себѣ обезпеченную, счастливую, разумную, изящную жизнь. Нельзя сказать, чтобы это было идеаломъ людей 40-хъ годовъ, но это воспитывалось въ нихъ условіями времени: общественная дѣятельность была тогда невозможна, — приходилось замыкаться въ тѣсномъ кругу, — и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что лучшіе люди невольно впадали въ «эпикурейство». Личная жизнь съ ея вопросами любви, счастья, умственныхъ интересовъ и т. д. силою вещей выдвигалась на первый планъ. Вспомнимъ, какую выдающуюся роль въ жизни лучшихъ людей той эпохи играли любовь, дружба, эстетика, философскій и научный дилетантизмъ. Эти черты еще обострились въ глухое время первой половины 50-хъ годовъ. И когда, въ эти годы, явились новые, молодые дѣятели, вышедшіе изъ другой, не барской, среды, одушевленные широкими общественными идеями, натуры стоическаго пошиба и высокаго нравственнаго закала, тогда и возникла та рознь между «отцами» и «дѣтьми», которая, помимо разногласія въ направленіи, въ идеяхъ и «программахъ», была, прежде всего, столкновеніемъ противоположныхъ натуръ, психологическимъ конфликтомъ «эпикурейцевъ» и «стоиковъ». Въ литературѣ представителями новаго поколѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ новаго психологическаго типа были Чернышевскій, Добролюбовъ, Елисеевъ и др.

Къ которому изъ этихъ двухъ типовъ принадлежитъ Штольцъ? Ни къ тому, ни къ другому. Штольцъ, скорѣе всего, представитель

третьяго, тогда нарождавшагося, типа — либерала и практическаго дѣятеля, сохранявшаго еще отпечатокъ идеализма 40-хъ годовъ и унаслѣдовавшаго отъ нихъ «эпикурейскіе» наклонности и вкусы.

Но въ другихъ отношеніяхъ онъ, какъ психологическій типъ, рѣзко отличается отъ людей 40-хъ годовъ. Онъ человѣкъ положительный, натура уравновѣшенная, чуждая излишествъ рефлексіи, бодрая, дѣятельная, жизнерадостная. По складу ума онъ позитивистъ. «Мечтѣ, загадочному, таинственному не было мѣста въ его душѣ. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было въ глазахъ его оптическій обманъ... У него не было и того дилентантизма, который любилъ порыскать въ области чудеснаго, или подонкихотствовать въ полѣ догадокъ и открытій за тысячу лѣтъ впередъ»... (часть II, гл. II). — Это написано Гончаровымъ, очевидно, съ оглядкою на идеалистовъ и дилетантовъ метафизики 40-хъ годовъ и съ цѣлью оттѣнить въ лицѣ Штольца новый психологическій типъ, выступавшій на смѣну прежнему. Новый типъ оказывается болѣе здоровымъ, цѣльнымъ, болѣе жизнеспособнымъ. Въ немъ отмѣчено обыкновенное развитіе задерживающей и регулирующей воли — въ противоположность ея слабости у многихъ представителей старшаго поколѣнія. Мотивировано это—у Штольца—наслѣдственностью (со стороны отца) и спартанскимъ воспитаніемъ. Какъ бы то ни было, оказывается, что весь душевный міръ Штольца постоянно находится подъ контролемъ его воли: «Кажется, и печалями, и радостями онъ управлялъ какъ движеніемъ рукъ, какъ шагами ногъ»... (часть II, гл. II).—Онъ стремится къ тому, чтобы не было «ничего лишняго» въ его душѣ («въ нравственныхъ отправленіяхъ его жизни»), «онъ искалъ равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа» (тамъ же). Его задачею было — поменьше мудрить и выработать себѣ «простой, т.-е. прямой, настоящій взглядъ на жизнь»; зная всю трудность этой задачи («мудрено и трудно жить просто!» говорилъ онъ), онъ «боялся воображенія и всякой мечты» и зорко слѣдилъ за собою, за каждымъ шагомъ своимъ. Между прочимъ «слѣдилъ онъ и за сердцемъ»: вопросъ любви къ женщинѣ занимаетъ свое мѣсто въ его душевной экономіи: «онъ и среди увлеченія чувствовалъ землю подъ ногой и довольно силы въ себѣ, чтобы, въ случаѣ крайности, рвануться и быть свободнымъ» (тамъ же). Онъ не вѣрилъ «въ поэзію страстей, не восхищался ихъ бурными проявленіями и разрушительными слѣдами, а все хотѣлъ видѣть идеалъ бытія и стремленій человѣка въ строгомъ пониманіи и отправленіи жизни» (тамъ же).

Таковъ Штольцъ... Гончаровъ, какъ видно, очень цѣнилъ такія качества ума и характера и думалъ фигурою Штольца отвѣтить на вопросъ, поставленный Гоголемъ: какіе люди нужны Россіи? Ему ка-

залось, что великое слово «впередъ!», о которомъ мечталъ Гоголь, будетъ сказано сперва Штольцами, русскими по національности, полуиностранцами по крови, и уже вслѣдъ за ними явятся соотвѣтственные дѣятели чисто-русскаго происхожденія.

Упованія, возлагавшіяся Гончаровымъ на дѣятелей этого типа, какъ извѣстно, не оправдались. Россіи, конечно, нужны были, какъ и теперь нужны, дѣятели съ такимъ запасомъ энергіи, какой мы видимъ у Штольца, но одной энергіи мало, нужно еще, чтобы она была направлена на выработку общественнаго самосознанія, на общественное дѣло, на проложеніе новыхъ путей внутренняго развитія Россіи. У Штольца она направлена больше на личныя цѣли, на грюндерство и на урегулированіе его собственной душевной жизни. Онъ, пожалуй, окажется отличнымъ работникомъ и умѣлымъ проводникомъ новыхъ началъ въ жизни, но вѣдь онъ — не человѣкъ творческой мысли въ вопросахъ общественнаго развитія. Это видно уже изъ того, что онъ не имѣетъ ясной программы, что его идеологія исчерпывается «юношескими мечтами», вынесенными изъ 40-хъ годовъ, между тѣмъ какъ уже заканчивались 50-е, приближалась эпоха великихъ реформъ и подымался основной и труднѣйшій вопросъ русской жизни — о народѣ, объ устроеніи его экономическаго быта. Требовалась широкая демократическая программа, согласованная съ возможно-широкимъ идеаломъ политическаго развитія Россіи, и для этого нужны были дѣятели и мыслители совсѣмъ иного направленія и иного строя души. Таковые и не замедлили явиться. Одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей этого новаго общественно-психологическаго типа — великій критикъ-публицистъ Н. А. Добролюбовъ, отнесся къ Штольцу отрицательно.

Штольцъ — не вождь, не герой. Онъ не пролагаетъ новыхъ путей. Онъ только идетъ за временемъ и является представителемъ эпохи, когда отживала старая обломовщина и на смѣну крѣпостного строя возникалъ новый порядокъ вещей. Гончаровъ, конечно, идеализируетъ Штольца. Устраняя эту идеализацію, мы все-таки скажемъ, что въ предразсвѣтную эпоху конца 50-хъ годовъ, когда, по выраженію Добролюбова, нужно было «расчищать лѣсъ, чтобы выйти на большую дорогу и убѣжать отъ обломовщины», Штольцы свою лепту вносили въ это дѣло хотя бы уже тѣмъ, что не сидѣли на мѣстѣ, не спали, не кисли, а суетились, просвѣщались, тормошили Обломовыхъ, радовались наступленію новой эры, отрицали крѣпостное право.

Штольцъ, какъ общественный дѣятель и моральная величина, не выдержитъ критики, если судить о немъ съ высоты добролюбовскаго идеала. Но, по сравненію съ окружавшею его тьмою и пустотою

(кстати сказать, превосходно изображенной въ романѣ Гончарова второстепенными и вводными фигурами), съ безнадежною спячкою обломовцевъ, съ глубокими залежами обскурантизма, тогда почти не тронутаго, Штольцъ долженъ быть признанъ явленіемъ въ свое время прогрессивнымъ.

Отмѣтимъ въ заключеніе еще одну черту, которою Штольцъ рѣзко отличается отъ новыхъ людей добролюбовскаго типа. Это болѣе чѣмъ добродушное отношеніе Штольца къ той самой обломовщинѣ, которую онъ такъ послѣдовательно отрицаетъ. Добролюбовъ, какъ извѣстно, не щадитъ ея и произноситъ надъ нею «судъ безпощадный». Для него она почти порокъ, во всякомъ случаѣ, уродство, и человѣкъ, зараженный обломовщиной, не заслуживаетъ, по глубокому убѣжденію критика, ни сожалѣнія, ни снисхожденія. Въ его глазахъ обломовцы народъ никуда негодный, и обломовщина — наше національное несчастье и проклятье. Для Штольца она только болѣзнь, и онъ относится къ обломовцамъ съ состраданіемъ, — онъ ихъ жалѣетъ, какъ больныхъ, безпомощныхъ, слабыхъ духомъ и волею, но, по существу, хорошихъ, чистыхъ и честныхъ людей, достойныхъ лучшей участи. Очевидно, это потому такъ, что онъ самъ выросъ подъ сѣнью обломовщины, знаетъ обломовцевъ съ дѣтства, принадлежитъ къ ихъ кругу, ихъ средѣ, и еще потому, что онъ выражаетъ отношеніе къ обломовщинѣ самого Гончарова, — послѣдовательно-отрицательное, но спокойное и благодушное, какъ оно выразилось и въ знаменитомъ романѣ, и въ автобіографическихъ очеркахъ «На родинѣ».

Но Гончаровъ указалъ на возможность и, пожалуй, необходимость и иного, болѣе радикальнаго, отрицанія нашей «національной болѣзни», близкаго къ добролюбовскому. Это отрицаніе, въ мягкой, женственной формѣ, не нарушающей его послѣдовательности, его принципіальности, дано въ самомъ романѣ и было въ свое время отмѣчено и превосходно комментировано Добролюбовымъ. Оно представлено героиней романа *Ольгой Ильинской,* о которой великій критикъ писалъ: «Въ ней-то болѣе, нежели въ Штольцѣ, можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь; отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину»... (Сочин., II, 505).

Къ тому, что сказано нашей критикой объ этомъ женскомъ образѣ, занимающемъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей художественной литературѣ, прибавлять нечего. Но я позволю себѣ, прежде чѣмъ разстаться съ обломовщиной и ея противовѣсомъ Штольцемъ и перейти къ эпохѣ и людямъ 60-хъ годовъ, сказать нѣсколько словъ объ этомъ чудномъ женскомъ образѣ, сохраняющемъ до сихъ поръ свое обаяніе — какъ умъ и характеръ, и свое значеніе — какъ типъ.

Незаурядная сила и ясность ума, цѣльность натуры, вѣчное стремленіе впередъ — къ разумной дѣятельности, къ плодотворной общественной работѣ — вотъ тѣ черты, которыя ставятъ Ольгу выше другихъ, даже лучшихъ, женщинъ ея времени и вмѣстѣ съ тѣмъ являются главнымъ основаніемъ того, что въ лицѣ Ольги обломовщина встрѣтила судью и противника гораздо болѣе послѣдовательнаго и рѣшительнаго, чѣмъ Штольцъ.

Ольга изображена Гончаровымъ такъ, что читателю становятся вполнѣ ясными ея дальнѣйшіе пути къ жизни. Уже Добролюбовъ предсказывалъ, что она когда-нибудь броситъ Штольца, разочаровавшись въ немъ какъ въ общественномъ дѣятелѣ и величинѣ моральной. Личнымъ и семейнымъ счастьемъ она не удовлетворится. Натура изящноженственная, она вмѣстѣ съ тѣмъ одарена мужскимъ умомъ и мужскимъ стремленіемъ къ дѣлу, работѣ, борьбѣ. Спокойная, тихая, счастливая жизнь пугаетъ ее, какъ призракъ обломовщины, какъ болотная тина, грозящая затянуть и поглотить человѣка. Всего менѣе могла бы выйти изъ нея самодовольная мать, женщина-насѣдка, «нянька своихъ дѣтей», жена-хозяйка. Это понялъ и оцѣнилъ въ ней Штольцъ. Ничего нѣтъ въ ней *буржуазнаго*, и очевидно, это послужитъ когда-нибудь причиной ея разрыва съ Штольцемъ. «Чѣмъ счастье ея полнѣе, тѣмъ она становилась задумчивѣе и даже... боязливѣе. Она стала строго замѣчать за собой и уловила, что ее смущала эта тишина жизни, *ея остановка на минутахъ счастья*»... (часть IV, гл. VIII). — Нетрудно предвидѣть, что когда-нибудь, въ одну изъ такихъ «остановокъ жизни», глаза Ольги откроются, и она вдругъ пойметъ, что ея мужъ, въ сущности, далеко не соотвѣтствуетъ ея идеалу. У такихъ, какъ Штольцъ, оборотная, пошлая сторона души маскируется ихъ «дѣятельностью», подвижностью, предпріимчивостью, суетой и шумомъ; зато тѣмъ ярче можетъ выступить она на досугѣ, въ тѣ счастливыя минуты «тишины» и «остановокъ жизни»... И кажется, Ольга потому и боится этихъ минутъ, что смутно предчувствуетъ разочарованіе, которое онѣ принесутъ ей. Ольга любитъ не слѣпо, а сознательно. Къ ней неприложима поговорка: «Не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ». — «Признавъ разъ въ избранномъ человѣкѣ достоинство и права на себя, она вѣрила въ него и потому любила, а переставала вѣрить — переставала и любить, какъ случилось съ Обломовымъ» (часть IV, гл. VIII). Такъ и Штольца полюбила она «не слѣпо, а съ сознаніемъ», и «чѣмъ сознательнѣе она вѣрила въ него, тѣмъ труднѣе было ему держаться на одной высотѣ, быть героемъ не ума ея и сердца только, но и воображенія» (тамъ же). И конечно, онъ не удержится «на высотѣ». Онъ могъ бы, пожалуй, остаться «героемъ ея воображенія» въ глухое обломовское время, на безлюдьѣ:

но времена перемѣнились, явилась возможность нѣкоторой общественной работы, борьба манила, новый идеалъ дѣятеля уже складывался въ сознаніи лучшихъ людей, и эти лучшіе люди уже выступали на арену, разоблачая незначительность «дѣятельности» и буржуазно-либеральной идеологіи штольцевъ.

И Ольга «готовилась, ждала»... «Она росла все выше и выше» (тамъ же). Предугадывая ея дальнѣйшую жизнь, мы скажемъ, что она, раньше или позже, разочаруется въ Штольцѣ, убѣдится въ ничтожности его «дѣятельности» и въ недостаточности его «програмы». Она выступитъ на иной путь, трудный и тернистый, исполненный лишеній и невзгодъ. И куда бы судьба ни забросила ее, въ какомъ бы забытомъ уголкѣ ни пришлось ей жить, — она повсюду сохранитъ на всю жизнь завѣты своей молодости. Пройдутъ года, — она состарится тѣломъ, но не духомъ: если вы ее гдѣ-нибудь встрѣтите, вы будете поражены и очарованы ясностью ея ума, свѣжестью ея чувства, ея живою отзывчивостью на всѣ вопросы и злобы времени.

Въ противоположность фигурѣ Штольца, въ Ольгѣ нѣтъ ничего искусственнаго, апріорнаго. Это живое лицо прямо взято изъ жизни. Въ художественномъ отраженіи, въ поэтическомъ обобщеніи оно явилось психологическимъ типомъ, объединяющимъ лучшія стороны русской образованной женщины, сильной умомъ, волею и внутреннею свободою, женщины, имѣющей всѣ данныя, чтобы явить тотъ идеалъ общественнаго дѣятеля, о которомъ нѣкогда мечталъ Добролюбовъ...

Овс.-Куликовскій.

„Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго.

I.

Приступая къ разбору новаго романа Достоевскаго, я заранѣе объявляю читателямъ, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла ни до личныхъ убѣжденій автора, которыя, быть-можетъ, идутъ въ разрѣзъ съ моими собственными убѣжденіями, ни до общаго направленія его дѣятельности, которому я, быть-можетъ, нисколько не сочувствую, ни даже до тѣхъ мыслей, которыя авторъ старался, быть-можетъ, провести въ своемъ произведеніи и которыя могутъ казаться мнѣ совершенно несостоятельными. Меня очень мало интересуетъ вопросъ о томъ, къ какой партіи и къ какому оттѣнку принадлежитъ Достоевскій, какимъ идеямъ или интересамъ онъ желаетъ служить своимъ перомъ, и какія средства онъ считаетъ позволительными въ борьбѣ съ своими литературными или какими бы то ни было другими противниками. Я обращаю вниманіе только на тѣ явленія общественной жизни, которыя изобра-

жены въ его романѣ; если эти явленія подмѣчены вѣрно, если сырые факты, составляющіе основную ткань романа, совершенно правдоподобны, если въ романѣ нѣтъ ни клеветы на жизнь, ни фальшивой и приторной подкрашенности, ни внутреннихъ несообразностей,—однимъ словомъ, если въ романѣ дѣйствуютъ и страдаютъ, борются и ошибаются, любятъ и ненавидятъ живые люди, носящіе на себѣ печать существующихъ общественныхъ условій, то я отношусь къ роману такъ, какъ я отнесся бы къ достовѣрному изложенію дѣйствительно случившихся событій; я всматриваюсь и вдумываюсь въ эти событія, стараюсь понять, какимъ образомъ они вытекаютъ одно изъ другого, стараюсь объяснить себѣ, насколько они находятся въ зависимости отъ общихъ условій жизни, и при этомъ оставляю совершенно въ сторонѣ личный взглядъ разсказчика, который можетъ передавать факты очень вѣрно и обстоятельно, а объяснять ихъ въ высшей степени неудовлетворительно.

Преступленіе, описанное въ романѣ Достоевскаго, выдается изъ ряда обыкновенныхъ преступленій только потому, что героемъ его является не безграмотный горемыка, совершенно неразвитый въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, а студентъ, способный анализировать до мельчайшихъ подробностей всѣ движенія собственной души, умѣющій создавать для оправданія своихъ поступковъ цѣлыя замысловатыя теоріи и сохраняющій во время самыхъ дикихъ заблужденій тонкую и многостороннюю впечатлительность и нравственную деликатность высокоразвитаго человѣка. Вслѣдствіе этого обстоятельства колоритъ преступленія до нѣкоторой степени измѣняется, и процессъ его подготовленія становится болѣе удобнымъ для наблюденія, но его основная побудительная причина остается неизмѣнной. Раскольниковъ совершаетъ свое преступленіе не совсѣмъ такъ, какъ совершилъ бы его безграмотный горемыка; но онъ совершаетъ его *потому же*, почему совершилъ бы его любой безграмотный горемыка. Бѣдность въ обоихъ случаяхъ является главной побудительной причиной. При этомъ, само собою разумѣется, что вліяніе бѣдности въ обоихъ случаяхъ выражается не въ одинаковыхъ формахъ. У человѣка, подобно Раскольникову, внутренняя борьба, возбужденная безнадежнымъ положеніемъ, проявляется очень рельефно, отчетливо и, если можно такъ выразиться, членораздѣльно. Раскольниковъ обсуживаетъ свое положеніе со всѣхъ сторонъ, взвѣшиваетъ свои силы, измѣряетъ величину тѣхъ препятствій, которыя онъ долженъ преодолѣть, чтобы остаться незамараннымъ человѣкомъ, ставитъ себѣ вопросы и отвѣчаетъ на нихъ, придумываетъ доказательства и опровергаетъ ихъ, — словомъ, постоянно роется въ своихъ собственныхъ мысляхъ и ощущеніяхъ, ясно понимаетъ ихъ во всякую данную ми-

нуту и высказываетъ ихъ въ такихъ оживленныхъ и разнообразныхъ разговорахъ съ самимъ собой, что развитіе опасной и соблазнительной мысли становится для насъ понятнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

Въ душѣ его накопилось достаточное количество злобнаго презрѣнія. Оно пріобрѣтается не легко, покупается не дешевой цѣной и изображаетъ собой такую почву, на которой могутъ укорениться и созрѣть самыя дикія, мрачныя и отчаянныя намѣренія. Онъ идетъ къ старухѣ, которую собирается убить; онъ идетъ закладывать серебряные часы. Раскольниковъ видитъ и чувствуетъ на самомъ себѣ, какъ люди пользуются страданіями своихъ ближнихъ, какъ высасываютъ накопившіеся соки изъ бѣдныхъ, изнемогающихъ въ непосильной борьбѣ за жалкое и глупое существованіе. Ненависть и презрѣніе приливаютъ широкими и ядовитыми волнами въ молодую и воспріимчивую душу Раскольникова въ то время, когда грязная старуха, казнь въ человѣческомъ образѣ, тянетъ изъ него все, что можно вытянуть изъ человѣка, находящагося наканунѣ голодной смерти. Ненависть и презрѣніе одолѣваютъ его съ такой силой, что ему становится безконечно отвратительнымъ даже бить эту старуху, даже марать руки ея кровью и ея деньгами, въ которыхъ ему чуются слезы многихъ десятковъ голодныхъ людей. На минуту все тонетъ для Раскольникова въ какомъ-то туманѣ непобѣдимаго отвращенія. Пропадай эта подлая старуха, пропадай ея грязныя деньги, пропадай я самъ съ своими глупыми страданіями и еще болѣе глупыми планами обогащенія. Наплевалъ бы на всю эту тину человѣческой гнусности, ушелъ бы куда-нибудь, забылся бы, умеръ бы, если бы для этого достаточно было закрыть глаза и пожелать смерти.

Это чувство нравственнаго отвращенія усиливается еще и доводится до своего апогея простымъ ощущеніемъ физической тошноты. Раскольниковъ голоденъ до такой степени, что мысли путаются въ его головѣ. Онъ входитъ въ распивочную. Въ распивочной Раскольниковъ встрѣчается съ горькимъ пьяницей, отставнымъ чиновникомъ Мармеладовымъ, который комически-витіеватымъ языкомъ разсказываетъ ему свою простую и глубоко-трагическую исторію. Бѣдность, голодныя дѣти, грязный уголъ, оскорбленія разныхъ нахаловъ, чахоточная жена, сохраняющая воспоминаніе о лучшихъ дняхъ, и убивающая себя работой старшая дочь, превратившаяся въ публичную женщину, чтобы поддержать существованіе семейства,—вотъ выдающіяся черты той жизни, панорама которой развертывается передъ Раскольниковымъ въ разсказѣ пьянаго Мармеладова. Изъ каждаго слова разсказа видно, что впечатлѣнія рокового вечера, какъ капля рас-

плавленнаго свинца, падали на мозгъ жалкаго пьяницы. Все онъ понимаетъ, все объясняетъ, все прощаетъ и оправдываетъ, только для самого себя нѣтъ у него ни одного слова объясненія, прощенія и оправданія. И три раза встрѣчается въ его разсказѣ упоминаніе о томъ голомъ фактѣ, что онъ лежалъ пьяненькій, упоминаніе, похожее на похоронное пѣніе, пропѣтое человѣкомъ надъ самимъ собой. И съ этимъ яснымъ пониманіемъ своего глубокаго ничтожества, съ этимъ неизгладимымъ, яркимъ и жгучимъ воспоминаніемъ о событіяхъ рокового вечера, онъ все-таки бѣжитъ въ кабакъ, укравши у жены свои трудовыя деньги, пьянствуетъ безпросыпа пятеро сутокъ, губитъ всѣ послѣднія надежды своего семейства и, въ довершеніе всѣхъ своихъ подвиговъ, спустивши въ кабакъ все, что можно было спустить, идетъ выпрашивать у дочери, живущей по желтому билету, выпрашивать на послѣдній полуштофъ водки частицу тѣхъ денегъ, которыя она добываетъ отъ искателей легкой и дешевой любви и которыя составляютъ единственное постоянное подспорье чахоточной женщины и троихъ вѣчно голодныхъ ребятишекъ.

Раскольниковъ можетъ понимать, что Мармеладовъ не всегда былъ такимъ трупомъ; онъ сталъ теперь понимать, что есть тропинка, ведущая къ Мармеладову паденію, и что есть возможность опуститься на эту скользкую тропинку даже съ той высоты умственнаго и просвѣщеннаго развитія, на которую удалось взобраться ему, студенту Раскольникову. Мармеладова раздавила бѣдность, которая давитъ и Раскольникова и уже довела его до изнурительной апатіи и до дикихъ мыслей о грабежѣ и убійствѣ. Мармеладовъ не вынесъ своихъ страданій, осложненныхъ страданіями дорогихъ ему людей и существованіе которыхъ онъ одинъ могъ и одинъ обязанъ былъ обезпечивать. Онъ не вынесъ и сталъ искать себѣ минутнаго забвенія. Мармеладовъ сдѣлался врагомъ, разорителемъ и мучителемъ своего семейства такъ нечувствительно и незамѣтно для самого себя. Онъ просто падалъ, вязнулъ и тонулъ, потому что у него не хватило силъ стоять на ногахъ и потому что его ноги не находили себѣ твердой такой опоры въ той бездонной трясинѣ, которая поглощаетъ сотни и тысячи бѣдныхъ людей. Результатъ, къ которому онъ пришелъ путемъ этого краткаго и пассивнаго погруженія въ болото нищеты, разоблачился передъ Раскольниковымъ во всей наготѣ своего потрясающаго безобразія. При томъ направленіи, которое уже было дано мыслямъ Раскольникова, при томъ планѣ, по которому уже складывались и созрѣвали его настроенія, видъ трупа, дошедшаго до разложенія собственной пассивностью и кротостью, долженъ былъ подѣйствовать такъ, какъ ударъ каленымъ желѣзомъ на бѣшеную лошадь, уже закусившую удила.

Личность Сони и ея образъ дѣйствій также наводитъ Раскольникова на такія размышленія, которыя могутъ только расчищать передъ нимъ дорогу къ преступленію. Во-первыхъ, у него есть сестра, дѣвушка молодая, умная, образованная и красавица собою. Онъ любитъ свою сестру такъ же сильно, какъ Мармеладовъ любитъ свою старшую дочь. Но къ чему годится эта сильная любовь бѣднаго, задавленнаго и безсильнаго человѣка? Отъ чего можетъ защитить такая любовь? Пользуясь этой любовью, Раскольникова такъ же точно можетъ опуститься въ безотчетномъ распоряженіи уличныхъ ловеласовъ, какъ опустилась Софья Мармеладова. Что вы скажете о поступкѣ ея? Какое чувство возбудитъ въ васъ этотъ поступокъ? презрѣніе или благоговѣніе? Какъ вы назовете ее; грязной потаскушкой, бросившей въ уличную лужу святыню своей женской чести, или великодушной героиней, принявшей съ спокойнымъ достоинствомъ свой мученическій вѣнецъ? Какой голосъ эта дѣвушка должна была принять за голосъ совѣсти — тотъ ли, который ей говорилъ: «Сиди дома и терпи до конца, умирай съ голода вмѣстѣ съ отцомъ, съ матерью, съ братомъ и съ сестрами, но сохраняй до послѣдней минуты свою нравственную чистоту», или тотъ, который говорилъ: «Не жалѣй себя, не береги себя, отдай все, что у тебя есть, продай себя, опозорь и загрязни себя, но спаси, утѣшь, поддержи этихъ людей, накорми и обогрѣй ихъ хоть на недѣлю, во что бы то ни стало»?

Со стороны Раскольникова невозможно ожидать продолжительныхъ колебаній во взглядѣ на этотъ поступокъ. Онъ самъ былъ въ высшей степени ожесточенъ трудностями своего собственнаго положенія; на его душѣ накопилось много злобнаго презрѣнія къ обществу, къ его законамъ и ко всѣмъ его установившимся нравственнымъ понятіямъ. То обстоятельство, что Соня шла наперекоръ общественному мнѣнію, должно было подкупить Раскольникова въ пользу ея поступка. Въ этомъ поступкѣ онъ могъ видѣть только то высокое самоотверженіе, съ которымъ Соня рѣшилась надѣть мученическій вѣнецъ и выпить до дна чашу униженія и страданія. Онъ могъ только почувствовать къ Сонѣ восторженное уваженіе за то, что она, подобно Курцію, бросилась въ пропасть и согласилась сдѣлаться искупительной жертвой за цѣлое семейство.

На слѣдующій день, послѣ встрѣчи съ Мармеладовымъ, Раскольниковъ получаетъ письмо отъ своей матери, которое также повліяло на теченіе его мыслей. Онъ начинаетъ читать. Начинается одна изъ самыхъ утонченныхъ пытокъ, какія могутъ выпадать на долю бѣднаго человѣка, еще не доведеннаго гнетущей нищетой до тупости, безчувственности и покорности разбитой и загнанной почтовой клячи. Изъ этихъ драгоцѣнныхъ строкъ, согрѣтыхъ кроткимъ и мягкимъ сія-

ніемъ безпредѣльной материнской нѣжности, сыплются на изнемогающаго Раскольникова такіе жгучіе удары, которые могутъ быть нанесены ему только рукой любящей матери. Письмо написано самымъ бодрымъ и веселымъ тономъ и исполнено самыми пріятными чувствами, и вслѣдствіе этого мучительность пытки становится еще болѣе утонченной. По прочтеніи письма параллель между Соней и Дуней сама собой напрашивается въ его голову; онъ думаетъ, что если только онъ позволитъ совершиться этой жертвѣ, которая должна купить ему карьеру и обезпеченное существованіе, то онъ самъ упадетъ ниже Мармеладова. Письмо кладетъ конецъ его апатіи — необходимо дѣйствовать. Ему хотѣлось покоить и лелѣять свою старую мать, доставлять ей тѣ скромныя удобства жизни, избавить ее отъ томительныхъ заботъ о кускѣ насущнаго хлѣба; ему хотѣлось, чтобы сестра его была ограждена въ настоящемъ отъ дерзостей разныхъ Свидригайловыхъ, а въ будущемъ—отъ участи, постигшей Соню Мармеладову, или отъ необходимости выйти замужъ безъ любви за какого-нибудь деревяннаго человѣка, подобнаго господину Лужину. Самый строгій моралистъ похвалитъ Раскольникова за это желаніе. Но всѣ эти стремленія становятся противозаконными и противообщественными съ той минуты, какъ Раскольниковъ превратился въ голоднаго и оборваннаго бѣдняка. Послѣ письма матери всѣ мысли до такой степени перепутываются въ головѣ Раскольникова, что убійство превращается въ его глазахъ не только въ единственный выходъ, но даже въ какой-то неумолимый долгъ. Измученный бѣдностью, праздностью, апатіей и безобразнымъ фантазерствомъ, Раскольниковъ на правильный умственный трудъ уже не способенъ. Въ его изнемогающемъ умѣ уже не было достаточно силъ на то, чтобы уничтожить *проклятую мечту* спокойнымъ и холоднымъ размышленіемъ. Онъ могъ только ужасаться, содрогаться и чувствовать припадки конвульсивнаго отвращенія къ тѣмъ гадостямъ, на которыя его наталкивала эта *проклятая мечта*. Во время своихъ послѣднихъ приготовленій къ убійству онъ уже не чувствовалъ ни ужаса, ни отвращенія.

II.

Итакъ, теоретическія убѣжденія Раскольникова не имѣли никакого замѣтнаго вліянія на совершеніе убійства. Теперь скажемъ объ образѣ его мыслей, о его взглядахъ на важнѣйшіе вопросы частной и общественной нравственности.

Раскольниковъ въ своей статьѣ запутанными и сбивчивыми разсужденіями старается доказать, что преступникъ дѣлается преступникомъ потому, что стоитъ выше окружающихъ его людей. Онъ облагораживаетъ дѣятельность воровъ и разбойниковъ, завербовывая въ

ихъ компанію всѣхъ замѣчательныхъ людей, оставившихъ слѣды своего существованія и вліянія въ исторіи человѣчества. Произвольное устраненіе живыхъ людей и безцеремонное шаганіе черезъ препятствія остается дѣломъ очень вреднымъ и въ высшей степени преступнымъ. Кровопролитіе становится неизбѣжнымъ вовсе не тогда, когда его желаетъ устроить какой-нибудь необыкновенный человѣкъ; вовсе не тогда, когда какое-нибудь живое препятствіе мѣшаетъ этому необыкновенному человѣку осуществить свою личную идею или фантазію. Ни передъ борьбой, ни во время борьбы, ни послѣ ея окончанія необыкновенные люди, которыми можетъ и должно гордиться человѣчество, не являются любителями и виновниками кровопролитія. Кровь льется совсѣмъ не для того, чтобы подвигать впередъ общее дѣло человѣчества; напротивъ того, оно подвигается впередъ, *несмотря* на кровопролитія, а никакъ не *вслѣдствіе* его; виновниками кровопролитій бываютъ вездѣ и всегда не представители разума и правды, а поборники невѣжества, застоя и безправія.

...Какимъ путемъ Раскольниковъ могъ дойти до основныхъ положеній своей дикой теоріи? Откуда могла залетѣть въ его голову мысль о томъ, что въ каждомъ преступникѣ скрывается неудавшійся или возникающій великій человѣкъ? Откуда взялась у него потребность дѣлить людей на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ. Мнѣ кажется, что Раскольниковъ не могъ заимствовать свои идеи ни изъ разговоровъ съ товарищами, ни изъ книгъ. Теорія его не имѣетъ ничего общаго съ тѣми идеями, изъ которыхъ складывается міросозерцаніе совершенно развитыхъ людей. Эта теорія выработана имъ въ зловѣщей тишинѣ глубокаго и томительнаго уединенія; на этой теоріи лежитъ печать его личнаго характера и того исключительнаго положенія, которымъ была порождена его апатія. Тѣ мысли, которыя выразились въ его статьѣ, были продуктами того самаго положенія, которое впослѣдствіи, истощивши по каплѣ всю его энергію и извративши его замѣчательныя умственныя способности, заставили его обдумать, тщательно приготовить и успѣшно выполнить грязное преступленіе. Жизнь въ каждую данную минуту, въ каждомъ изъ его мельчайшихъ ощущеній, накладывала на него свою грубую и грязную руку, дразнила и щипала его, мучила и обижала его. Когда вся жизнь состояла изъ однѣхъ мучительныхъ мелочей, когда человѣкъ постоянно попадаетъ съ булавки на булавку, когда этимъ булавкамъ не предвидится конца и когда человѣкъ видитъ и понимаетъ, что, при ужаснѣйшемъ напряженіи всѣхъ силъ, онъ можетъ только поддерживать этотъ многобулавочный status quo,—тогда... тогда невозможно разсчитать заранѣе, въ какихъ безумныхъ планахъ и въ какихъ безобразныхъ галлюцинаціяхъ выразится уныніе, озлобленіе, отчаяніе и бѣшенство этого че-

ловѣка, котораго люди и обстоятельства со всѣхъ сторонъ продолжаютъ колоть булавками въ его незажившія и незаживающія раны. Раскольниковъ, придя съ грошоваго урока къ себѣ въ душную сырую комнату, видитъ передъ собой необозримо длинный рядъ сѣрыхъ и темныхъ дней, въ которыхъ каждая минута будетъ отмѣчена какимъ-нибудь чувствительнымъ лишеніемъ, какой-нибудь крошечной болью, какимъ-нибудь мелкимъ столкновеніемъ, мучительно напоминающимъ гордому, страстному, умному и впечатлительному человѣку, что всѣ радости жизни, все то, что онъ умѣетъ понять и оцѣнить своимъ тонкимъ и гибкимъ умомъ, все то, что онъ умѣетъ желать всѣми силами своего кипучаго темперамента, что всѣ эти радости и наслажденія существуютъ и почти навѣрное всегда будутъ существовать не для него. Чѣмъ мрачнѣе становилось его душевное настроеніе, чѣмъ ближе приступали къ нему нищета и отчаяніе, чѣмъ сильнѣе онъ нуждался въ братскомъ сочувствіи, тѣмъ упорнѣе онъ отворачивался отъ людей, запирался въ своей берлогѣ и углублялся въ свои горькія размышленія. А въ результатѣ размышленій всегда получалось одно и то же бѣшеное проклятіе противъ такой жизни, которая не даетъ человѣку ничего, кромѣ горя и мучительнаго сознанія собственнаго безсилія. На этомъ результатѣ такой раздражительный и самолюбивый человѣкъ, какъ Раскольниковъ, не могъ остановиться навсегда. Мысль его непремѣнно должна была пойти дальше. И Раскольниковъ вступалъ на новый путь изслѣдованія, — на такой путь, который могъ открыться передъ нимъ только тогда, когда онъ, озлобленный лишеніями и утомленный неблагодарной работой, отвернулся отъ своихъ товарищей, уединился въ свою конуру, гдѣ стѣны и потолки *тѣснятъ душу и умъ*. Ни отъ товарищей, ни изъ книгъ онъ не могъ добыть себѣ ту дикую мысль, что, кромѣ упорнаго труда, существуютъ еще какія-нибудь удобныя средства выбиться изъ затруднительнаго положенія. Вся теорія развилась изъ этой мысли, а эта мысль родилась въ Раскольниковѣ потому, что мучительность его положенія превышала размѣры его силъ и мужества. Вѣра въ спасительность труда была подорвана. Утомительный трудъ сталъ казаться ему печатью проклятія и отверженія, которую судьба кладетъ на тупоумныхъ и трусливыхъ людей. Въ немъ возникаетъ внутренній разладъ, который былъ порожденъ естественной враждебностью его отношеній къ самой сильной и упорной изъ его задушевныхъ мыслей. Но онъ имѣлъ тонкій и гибкій умъ, закаленный въ школѣ уединеннаго размышленія и самаго внимательнаго психологическаго анализа. Всю свою теорію Раскольниковъ построилъ исключительно для того, чтобъ оправдать въ собственныхъ глазахъ мысль о быстрой и легкой наживѣ. Смотря внимательно на другихъ и пронизывая ихъ насквозь своимъ

инквизиторскимъ взглядомъ, Раскольниковъ естественнымъ образомъ расположенъ думать, что и другіе смотрятъ такъ же внимательно на него самого и такъ же успѣшно пронизываютъ его самого своими инквизиторскими взглядами. Способность къ микроскопическому анализу вредила Раскольникову. У него было замѣчательное умѣнье объяснять, разбирать, комментировать, повертывать каждое слово. При усиленной и излишней бдительности тревога его должна была расти не по днямъ, а по часамъ и въ скоромъ времени развиться до такихъ размѣровъ, при которыхъ всякое самообладаніе становится невозможнымъ. Возрастающая безнадежность должна была усилить его тревогу, разбить послѣдніе остатки его хладнокровія и довести его до состоянія полной беззащитности. Мысль о наказаніи висѣла надъ головой, и она при каждомъ неосторожномъ движеніи могла обрушиться на него всей своей тяжестью; эта мысль сама по себѣ была достаточно мучительна, чтобы отравить всю жизнь и сдѣлать ее невыносимымъ страданіемъ для несчастнаго преступника. Кромѣ уголовнаго наказанія, Раскольниковъ боится еще того ужаса, негодованія или отвращенія, съ которымъ посмотрятъ на его поступокъ всѣ дорогіе и близкіе ему люди. Поэтому онъ не смѣетъ никому открыться. Чѣмъ ближе къ нему люди, чѣмъ больше правъ они имѣютъ на его довѣріе и откровенность, чѣмъ нѣжнѣе ихъ ласки и заботливѣе ихъ разспросы, чѣмъ искреннѣе и трогательнѣе ихъ участіе, тѣмъ невыносимѣе для него ихъ общество. Подвигъ притворства совсѣмъ не по силамъ Раскольникову. Для него оглушительнымъ ударомъ было открытіе, что ему противны и невыносимы ласки матери и сестры, противны и невыносимы ихъ ласки потому, что онѣ относятся уже не къ нему, а къ той маскѣ, которая до поры до времени скрываетъ отъ всѣхъ людей обезображенныя черты его измученнаго и опозореннаго лица. Разбитый этимъ ударомъ, онъ не смѣлъ даже принимать отъ нихъ эти ласки. Всякій разъ онъ уходилъ отъ нихъ, пугаясь того ужаса, который должно было возбудить въ нихъ открытіе истины. Такимъ образомъ, страхъ уголовнаго наказанія, страхъ презрѣнія со стороны близкихъ людей, необходимость таиться и притворяться въ сношеніяхъ со всѣми людьми и ясное предчувствіе того, что всѣ эти подвиги притворства окажутся совершенно безполезными, — вотъ составные элементы душевныхъ страданій Раскольникова. Подъ вліяніемъ этихъ страданій увядаетъ его умъ и характеръ. Первая фаза этого процесса ознаменовалась сооруженіемъ замысловатой теоріи. Вторая фраза — Раскольниковъ, отказавшись отъ права размышлять собственнымъ умомъ и поступать по собственному благоусмотрѣнію, отдаетъ себя подъ опеку очень добродушной, ограниченной и совершенно необразованной дѣвушки, Сони Мармеладовой, которая согла-

шается давать ему мудрые и спасительные совѣты. Умъ его гаснетъ, воля изнемогаетъ; онъ ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ и ни на что не можетъ рѣшиться. Тутъ можно сказать, что человѣкъ дошелъ до какого-то сомнабулизма.

Писаревъ.

„Забитые люди".

Если мы обратимся отъ отвлеченныхъ эстетическихъ разсужденій къ идеямъ и положеніямъ, развиваемымъ у извѣстнаго автора, то найдемъ самое лучшее средство къ уразумѣнію сущности его таланта. Тутъ уже мѣрка нашихъ требованій измѣняется: авторъ можетъ ничего не дать искусству, не сдѣлать шага въ исторіи литературы собственно и все-таки быть замѣчательнымъ для насъ по господствующему направленію и смыслу своихъ произведеній. Пусть онъ и не удовлетворяетъ требованіямъ, пусть онъ иной разъ и промахнется и выразится нехорошо: мы ужъ на это не обращаемъ вниманія, мы все-таки готовы толковать о немъ много и долго, если только для общества важенъ почему-нибудь смыслъ его произведеній.

Но есть другого рода писатели, интересные совсѣмъ другимъ образомъ. Это тѣ, у которыхъ художественное чутье, хотя бы даже и слабое, направлено здраво, въ которыхъ не только вѣрно отражаются явленія жизни, но которымъ доступенъ, болѣе или менѣе, и общій таинственный смыслъ ея. Такіе писатели становятся замѣчательными художниками, если ихъ воспріимчивость многообъемлюща, если жизнь открывается имъ не въ отдѣльныхъ только явленіяхъ, а во всемъ своемъ стройномъ теченіи, если чутки они не къ одной только внѣшней сторонѣ явленій, но и къ ихъ внутренней связи и послѣдовательности. Тогда они создаютъ что-нибудь прочно остающееся въ литературѣ и служатъ двигателями общественнаго сознанія. Но и люди съ болѣе (слабымъ) ограниченною воспріимчивостью, съ болѣе слабымъ, только бы вѣрнымъ, чутьемъ, не проходятъ безъ слѣда и заслуживаютъ вниманія, если хоть одну черту разъяснили, или даже только указали намъ въ этой жизни, которая у всѣхъ насъ предъ глазами, всѣхъ задѣваетъ собою и, однакоже, такъ немногихъ наводитъ на серьезную думу, такъ немногими понимается.

Въ произведеніяхъ г. Достоевскаго мы находимъ одну общую черту, болѣе или менѣе замѣтную во всемъ, что онъ писалъ: это боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ или, наконецъ, даже не въ правѣ быть человѣкомъ настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ. «Каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ и относиться къ другимъ какъ человѣкъ къ человѣку», вотъ идеалъ, сложившійся въ душѣ автора помимо

всякихъ условныхъ и парціальныхъ воззрѣній, повидимому, даже помимо его собственной воли и сознанія, какъ-то à priori, какъ что-то составляющее часть его собственной натуры. И между тѣмъ, вступая въ жизнь и оглядываясь вокругъ себя, онъ видитъ, что исканія человѣка сохранить свою личность, остаться самимъ собою, никогда не удаются, и кто изъ ищущихъ не успѣетъ рано умереть въ чахоткѣ или другой изнурительной болѣзни, тотъ въ результатѣ доходитъ только или до ожесточенія, нелюдимства, сумасшествія, или до простого, тихаго отупѣнія, заглушенія въ себѣ человѣческой природы, до искренняго признанія себя чѣмъ-то гораздо ниже человѣка. Есть много такихъ, которые даже какъ будто родятся съ этимъ послѣднимъ сознаніемъ, которыхъ мысль о своемъ человѣческомъ значеніи какъ будто никогда съ роду не посѣщала. Это точно существа другого міра, точно въ нихъ ничего нѣтъ общаго съ остальнымъ человѣчествомъ... Что за причина такого перерожденія, такой аномаліи въ человѣческихъ отношеніяхъ? Какъ это происходитъ? какими существенными чертами отличаются подобныя явленія? Къ какимъ результатамъ ведутъ они? Вотъ вопросы, на которые естественнымъ и необходимымъ образомъ наводятъ читателя произведенія г. Достоевскаго. Правда, разрѣшенія всѣхъ предложенныхъ вопросовъ у него нѣтъ; но если бы онъ ихъ рѣшилъ, то, конечно, и не сталъ бы писать о нихъ повѣсти. Литературное произведеніе, искреннее, а не заказное, только тогда и возможно, когда первая основа и крайнее рѣшеніе взятаго факта составляетъ еще вопросъ, разгадка котораго занимаетъ самого автора. Но у сильныхъ талантовъ самый актъ творчества такъ проникается всею глубиною жизненной правды, что иногда изъ простой постановки фактовъ и отношеній, сдѣланной художникомъ, рѣшеніе ихъ вытекаетъ само собой. У г. Достоевскаго недостало на это силы дарованія, его разсказамъ нужны дополненія и комментаріи. Но, тѣмъ не менѣе, вопросъ у него поставленъ, и никто изъ читателей не можетъ самъ избавиться отъ этого вопроса послѣ прочтенія его повѣстей. Самый тонъ каждой повѣсти, мрачный, унылый, болѣзненный, такъ и вышибаетъ изъ сердца раздражительный вопросъ, такъ и поднимаетъ въ насъ какую-то нервную боль...

Г. Достоевскій въ первомъ же своемъ произведеніи явился замѣчательнымъ дѣятелемъ того направленія, которое назвалъ я по преимуществу гуманическимъ. Въ «Бѣдныхъ людяхъ», написанныхъ подъ свѣжимъ вліяніемъ лучшихъ сторонъ Гоголя и наиболѣе жизненныхъ идей Бѣлинскаго, г. Достоевскій, со всею энергіей и свѣжестью молодого таланта, принялся за анализъ поразившихъ его аномалій нашей бѣдной дѣйствительности и въ этомъ анализѣ умѣлъ выразить свой высоко-гуманный идеалъ.

Въ разныхъ видахъ и случаяхъ представилъ намъ г. Достоевскій недостатокъ уваженія человѣка къ самому себѣ и недостатокъ уваженія къ человѣку другихъ людей. Кажется бы, дѣло простое, думается, когда читаешь эти повѣсти: — человѣкъ родился, значитъ долженъ жить, значитъ имѣетъ право на существованіе; это естественное право должно имѣть и естественныя условія для своего поддержанія, т.-е. средства жизни. А такъ какъ эта потребность средствъ есть потребность общая, то и удовлетвореніе ея должно быть одинаково общее для всѣхъ, безъ подраздѣленій, что вотъ, дескать, такіе-то имѣютъ право, такіе-то нѣтъ. Отрицать чье-нибудь право въ этомъ случаѣ — значитъ отрицать самое право на жизнь. А если такъ, то, въ предѣлахъ естественныхъ условій, рѣшительно каждый человѣкъ долженъ быть полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ и, вступая въ сложныя комбинаціи общественныхъ отношеній, вносить туда вполнѣ свою личность и, принимаясь за соотвѣтственную работу, хотя бы и самую ничтожную, тѣмъ не менѣе — никакъ не скрадывать, не уничтожать и не заглушать свои прямыя человѣческія права и требованія. Кажется, ясно. А между тѣмъ отчего же этотъ Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ «прячется, скрывается, трепещетъ», безпрерывно стыдится за свою жизнь «да вокругъ себя смущеннымъ взоромъ поводитъ, да прислушивается къ каждому слову» и единственное утѣшеніе находитъ въ томъ, что онъ человѣкъ маленькій, человѣкъ ничтожный? Отчего Горшковъ этотъ — «жалкій, хилой такой: колѣни у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой?» Отчего это отецъ Покровскаго имѣетъ такой видъ, что «онъ чего-то какъ будто стыдится, что ему какъ будто самого себя совѣстно», и въ разговорахъ съ сыномъ — «приподымается немного со стула, отвѣчаетъ тихо, подобострастно, почти съ благоговѣніемъ»? А отчего г. Голядкинъ въ мучительныхъ и безплодныхъ попыткахъ «быть въ своемъ правѣ» и «итти своей дорогой» — съеживается до послѣднихъ уступокъ своего настоящаго права и, наконецъ, не выдержавъ въ слабой головѣ своей идеи, что подъ его право всѣ подкапываются, мѣшается въ разсудкѣ? Отчего также г. Прохарчинъ двадцать лѣтъ скряжничаетъ и бѣдствуетъ,—все отъ мысли о необезпеченности и, наконецъ, отъ этой мысли захварываетъ и умираетъ? Отчего этотъ молодой чиновникъ Шумковъ считаетъ себя извергомъ человѣчества и мѣшается на томъ, что его отдадутъ въ солдаты за то, что онъ, увлекшись нѣжностями съ невѣстою, не успѣлъ переписать къ сроку порученной отъ его превосходительства бумаги, которая къ тому же вовсе и не была срочною? Отчего маленькая Неточка такъ унижается передъ Катей? Отчего Ростаневъ отрекается отъ своей воли передъ Ѳомой Ѳомичемъ и считаетъ себя

рѣшительно недостойнымъ любви Настеньки, своей гувернантки, которую страстно любитъ? Отчего Наташа теряетъ свою волю и разсудокъ и Иванъ Петровичъ почтительно сторонится передъ вертопрахомъ Алешею? Отчего старикъ Ихменевъ, перенося всевозможныя мученія отцовской любви, не хочетъ простить свою дочь, чтобы не показать вида уступки князю и его сыну? Отчего маленькая Нелли такъ дико принимаетъ одолженія Ивана Петровича и идетъ собирать милостыню, чтобы на собранныя деньги купить ему разбитую ею чашку? Гдѣ причина всѣхъ этихъ дикихъ, поразительно странныхъ людскихъ отношеній? Въ чемъ корень этого непонятнаго разлада между тѣмъ, что должно бы быть по естественному, разумному порядку, и тѣмъ, что оказывается на дѣлѣ?

Мы уже сказали, что прямого отвѣта на такіе запросы не даетъ ни одно лицо, ни одна повѣсть Достоевскаго въ отдѣльности. Чтобы найти отвѣтъ, мы должны группировать ихъ и пояснять одни другими.

Люди, которыхъ человѣческое достоинство оскорблено, являются намъ у г. Достоевскаго въ двухъ главныхъ типахъ: кроткомъ и ожесточенномъ. Первые не дѣлаютъ уже никакого протеста, склоняются подъ тяжестью своего положенія и серьезно начинаютъ увѣрять себя, что они — нуль, ничего, и что если его превосходительство заговоритъ съ ними, то они должны считать себя счастливыми и благодѣтельствованными. Другіе — напротивъ: видя, что ихъ право свято, съ чѣмъ они въ міръ вошли, — попирается и не признается, они хотятъ разорвать со всѣмъ окружающимъ, сдѣлаться чуждыми всему, быть достаточными самимъ для себя и ни отъ кого въ мірѣ не просить и не принимать ни услуги, ни братскаго чувства, ни добраго взгляда. Само собою понятно, что имъ не удастся выдержать характера, и оттого они вѣчно недовольны собою, проклинаютъ себя и другихъ, задумываютъ самоубійство и т. п.

Но вотъ въ томъ-то и заслуга художника: онъ открываетъ, что слѣпой-то не совсѣмъ слѣпъ; онъ находитъ въ глупомъ человѣкѣ проблески самаго яснаго здраваго смысла; въ забитомъ, потерянномъ, обезличенномъ человѣкѣ онъ отыскиваетъ и показываетъ намъ живыя, никогда незаглушимыя, стремленія и потребности человѣческой природы, вынимаетъ запрятанный въ самой глубинѣ души протестъ личности противъ внѣшняго, насильственнаго давленія и представляетъ его на судъ и сочувствіе. Такія открытія дѣлаетъ намъ Гоголь въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ своихъ; то же, только въ нѣсколько затѣйливой формѣ, находимъ мы въ «Бѣдныхъ людяхъ» г. Достоевскаго и отчасти и другихъ его повѣстяхъ.

Чиновникъ Дѣвушкинъ, напримѣръ, живетъ себѣ: дожилъ до сѣдыхъ волосъ, прослужилъ безъ малаго тридцать лѣтъ тихо и скромно,

ни о чемъ не задумываясь, ни на что не претендуя. «Что это вы пишите мнѣ, — объясняется онъ съ Варенькой, — про удобства, про покой и про разныя разности? Маточка моя, я не брюзгливъ и не требователенъ, никогда лучше теперешняго не жилъ, такъ чего же на старости лѣтъ привередничать? Я сытъ, одѣтъ, обутъ, да и куда намъ затѣи затѣвать? Не графскаго рода!.. Родитель былъ не изъ дворянскаго званія, и со всей-то семьей своей былъ бѣднѣе меня по доходу. — Я не нѣженка!» И точно, онъ не нѣженка: квартиру занимаетъ за перегородкой въ кухнѣ, платитъ за нее два цѣлковыхъ и утѣшается тѣмъ, что онъ «ото всѣхъ особнячкомъ, помаленьку живетъ, втихомолочку живетъ»... «Сытъ я» говоритъ, а за столъ платитъ пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ; можно представить, какая тутъ сытость. Обутъ и одѣтъ онъ тоже соотвѣтственно, но все повторяетъ: «Я не ропщу и доволенъ, жалованья достаточно, вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно». Относительно своего умственнаго состоянія онъ тоже сознаетъ, что онъ человѣкъ неученый, на мѣдныя деньги учился: и слога не имѣетъ, и высокихъ матерій понимать не можетъ, а потому далеко и не лѣзетъ. Съ общественнымъ своимъ положеніемъ онъ примирился отлично. Онъ дошелъ до такихъ выводовъ, успокоительныхъ и резонныхъ: «Всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую». Утвердившись на такихъ цѣлительныхъ мысляхъ, Макаръ Алексѣичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно теряетъ всякую опору внутри себя, въ собственномъ разсудкѣ, и высшею, единственною мѣрою своихъ достоинствъ считаетъ уже не собственное сознаніе, а мнѣніе начальства и формальныя отношенія. Крестикъ составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ базисъ философіи Макара Алексѣича и самый высшій, послѣдній аргументъ его. Вообще Макаръ Алексѣичъ до того дошелъ, что даже сапоги и шинель носитъ не для себя, а для другихъ, въ особенности же для его превосходительства; и чай пьетъ тоже больше для другихъ и все для другихъ изъ амбиціи. «По мнѣ все равно, хоть бы и въ трескучій морозъ безъ шинели и безъ сапоговъ ходить — я перетерплю и все вынесу, мнѣ ничего: *«человѣкъ-то я простой, маленькій»*. Къ этому кодексу морали и житейской мудрости, выработавшемуся въ головѣ Макара Алексѣича, прибавимъ умилительно-подловатое впечатлѣніе, оставшееся въ немъ отъ сцены, когда у него отлетѣла пуговица въ присутствіи генерала и генералъ далъ ему сто рублей и пожалъ руку. Сцена эта дѣйствительно превосходная, много разъ была цитирована и потому, конечно, памятна читателямъ. Въ этихъ изліяніяхъ душевныхъ вы видите доброту, чувствительность, благородство, если хотите, даже утонченную деликатность Макара Алексѣича; но согласитесь, что вѣдь вамъ жалко то униженіе, въ какое онъ ставитъ себя, и только сила состраданія

прогоняетъ въ васъ то чувство отвращенія, которое иначе невольно возбудилось бы въ васъ такимъ искаженіемъ человѣческой природы... Полное отсутствіе какого бы то ни было сознанія о своемъ достоинствѣ, полное признаніе своего ничтожества, исключеніе себя изъ того рода существъ, къ которому равно принадлежатъ и Макаръ Алексѣичъ, и его благодѣтель, — вотъ что видите вы въ изліяніяхъ его благодарности.

Нужно сказать, что нѣкоторая доля художнической силы постоянно сказывается въ г. Достоевскомъ, а въ первомъ его произведеніи сказалось даже въ значительной степени. Отъ него не ускользнула правда жизни, и онъ чрезвычайно мѣтко и ясно положилъ грань между офиціальнымъ настроеніемъ, между внѣшностью, форменностью человѣка и тѣмъ, что составляетъ его внутреннее существо, что скрывается въ тайникахъ его натуры и лишь по временамъ, въ минуту особеннаго настроенія, мелькомъ проявляется на поверхности. Изъ наблюденій автора, переданныхъ намъ въ его разсказахъ, оказывается, что вѣдь ни одного человѣка нѣтъ, кто бы въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ сердцемъ и душою возлюбилъ идеальную организацію, обѣщающую столько мира и довольства людямъ. Даже люди, наиболѣе ею пропитанные, и тѣ безпрестанно проговариваются и уклоняются. Да вотъ хоть бы самъ Макаръ Алексѣичъ: вы, можетъ-быть, думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ успокоился на томъ, что «всякому свое мѣсто назначено, а мѣста по способностямъ распредѣлены» и т. д.? Вовсе нѣтъ; это когда онъ резонируетъ въ спокойномъ положеніи, такъ и говоритъ такимъ образомъ. А чуть что-нибудь задѣнетъ его за живое, — онъ совсѣмъ мѣняется, и лѣзутъ въ его голову сами собою «либеральныя мысли». Онъ тогда спрашиваетъ: «Отчего же это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣньи находится, а къ другому кому счастье само напрашивается?.. Знаю, знаю, маточка (спѣшитъ онъ прибавить, обращаясь къ Варенькѣ), — что нехорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правдѣ-истинѣ, — зачѣмъ одному еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ же такъ, что счастье-то часто Иванушкѣ-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачокъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься, ты, братецъ, вотъ какой! Грѣшно, маточка (снова спѣшитъ оговориться боязливый Макаръ Алексѣичъ), оно грѣшно этакъ думать, *да тутъ поневолѣ какъ-то грѣхъ въ душу лѣзетъ*». Расчувствовавшись, Макаръ Алексѣичъ уже не ограничивается и сомнѣніями, даже до негодованія доходитъ и задѣваетъ людей почище себя: «Что фракъ-то на немъ

сидитъ гоголемъ, что въ лорнетку-то золотую онъ на васъ смотритъ, безстыдникъ, такъ ужъ ему все съ рукъ сходитъ, такъ ужъ и рѣчь его непристойную снисходительно слушать надо! *Полно, такъ ли, голубчики?*» Какъ хотите, а вѣдь это чуть не вызовъ со стороны бѣднаго, забитаго чиновника: видно, не совсѣмъ же угомонилось его сердце, не совсѣмъ успокоился онъ на томъ, что «если бы мы другъ другу тона не задавали, то и свѣтъ бы не стоялъ и порядка бы не было».

Нѣтъ, онъ издаетъ теперь вопли сердечные и сознаетъ за собою право вопить и жаловаться: «А еще люди богатые не любятъ, — замѣчаетъ онъ, — чтобы бѣдняки на худой жребій вслухъ жаловались, — дескать, они безпокоятъ, они-де назойливы. *Да и всегда бѣдность назойлива; спать, что ли, мѣшаютъ ихъ стоны голодные?*» И переполненное горечью сердце внушаетъ ему такія мысли, вызываетъ наружу такіе инстинкты, которыхъ онъ самъ испугался и отрекся бы въ обыкновенномъ положеніи, но которые теперь сами собою неодолимо являются во всей своей силѣ. «Теперь на меня такая тоска нашла, — пишетъ разгоряченный Дѣвушкинъ, — *что я самъ своимъ мыслямъ до глубины души сталъ сочувствовать*, и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь, но все-таки *нѣкоторымъ образомъ справедливость воздашь себѣ*. И подлинно, родная моя, *часто самого себя безъ всякой причины уничтожаешь*, въ грошъ не ставишь и ниже щепки какой-нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ-быть, оттого происходитъ, что я самъ *запуганъ и загнанъ*, какъ хоть бы и тотъ бѣдненькій мальчикъ, что милостыни у меня просилъ». Вотъ этакія-то мысли, западая въ человѣка и развиваясь въ немъ съ чрезвычайною быстротою и силою при помощи его природныхъ инстинктовъ, и губятъ всеобщую тишину и спокойствіе въ томъ идеальномъ общественномъ механизмѣ, который такъ отрадно рисовался намъ выше. И нельзя сказать, чтобы авторъ здѣсь выдумывалъ, клеветалъ на человѣческую природу.

Слѣдовало бы описать, что, при всеобщемъ стремленіи къ поддержанію своего человѣческаго достоинства, исчезнутъ и тѣ забытыя личности, которыхъ нѣсколько экземпляровъ взяли мы у г. Достоевскаго. Однакожъ, оглянитесь вокругъ себя — вы видите, что онѣ не исчезли, что герои г. Достоевскаго явленіе вовсе не отжившее. Отчего же они такъ крѣпятся? Хорошо, что ли, имъ? Нѣтъ, мы видѣли, что никому изъ нихъ не приноситъ особеннаго счастья его забитость, безотвѣтность и отреченіе отъ собственной воли, отъ собственной личности. Замерло, что ли, въ нихъ все человѣческое? Нѣтъ, и не замерло. Мы нарочно прослѣдили четыре лица, болѣе или менѣе удачно

изображенныхъ авторомъ, и нашли, что живы эти люди, и жива душа ихъ. Они тупѣютъ, забываются въ полуживотномъ снѣ, обезличиваются, стираются, теряютъ, повидимому, и мысль, и волю и еще нарочно объ этомъ стараются, отгоняя отъ себя всякія наважденія мысли и увѣряя себя, что это не ихъ дѣло... Но искра Божья все-таки тлѣется въ нихъ, и никакими средствами, пока живъ человѣкъ, невозможно потушить ее. Можно стереть человѣка, обратить въ грязную ветошку, но все-таки гдѣ-нибудь, въ самыхъ грязныхъ складкахъ этой ветошки, сохранится и чувство, и мысль, — хоть и безотвѣтныя, незамѣтныя, но все же чувство и мысль... А что же въ нихъ, если они незамѣтны и безотвѣтны, скажете, читатель. Все равно значитъ, что ихъ и нѣтъ. И вотъ поэтому-то, вѣроятно, и продолжаютъ до сихъ поръ существовать эти несчастныя созданія, забитыя до степени грязной ветоши, о которую обтираютъ ноги.

Мало ли что̀ незамѣтно, читатель, — незамѣтно потому, что не хотятъ замѣчать. Незамѣтно до поры до времени, но бываетъ такая пора, что все выходитъ наружу. Вѣдь вотъ г. Достоевскій нашелъ же возможность подсмотрѣть живую душу въ отупѣвшихъ, одеревенѣлыхъ чертахъ своихъ героевъ. А бываютъ такіе случаи, что «безотвѣтное» чувство, глубоко запрятанное въ человѣкѣ, вдругъ громко отзовется, и всѣ услышатъ его. Дѣло въ томъ, что въ человѣкѣ ничѣмъ незаглушимо чувство справедливости и правомѣрности; онъ можетъ смотрѣть безмолвно на всякія неправды, можетъ терпѣть всякія обиды безъ ропота, не выразить ни однимъ знакомъ своего негодованія; но все-таки онъ не можетъ быть нечувствителенъ къ неправдѣ, насколько ее видитъ и понимаетъ, все-таки въ душѣ его больно отзывается обида и униженіе, терпѣнію даже самого убитаго и трусливаго человѣка всегда есть предѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ человѣкѣ необходимо есть чувство любви; всякій имѣетъ когонибудь, дорогого для себя, — друга, жену, дѣтей, родныхъ, любовницу. На нихъ примѣриваетъ онъ свое положеніе, ихъ сравниваетъ съ другими, объ ихъ довольствѣ думаетъ, и со стороны ему разсуждается вольнѣе и яснѣе. Себя, положимъ, Макаръ Алексѣичъ обрекъ на горькую долю и о себѣ не жалѣетъ: «Я ужъ, говоритъ, таковскій, пусть мною всѣ помыкаютъ... и не доѣмъ-то я — не бѣда, и обидятъ-то меня — такъ не великъ баринъ». Но вотъ его чувство обращается на чистое, нѣжное существо, которое дѣлается ему всего дороже въ жизни, на Вареньку: онъ уже предается сожалѣнію о ея несчастіяхъ, находитъ ихъ незаслуженными, заглядываетъ въ кареты и видитъ, что тамъ барыни сидятъ все гораздо хуже Вареньки; ему уже приходятъ въ голову мысли о несправедливости судьбы, ему становится какъ-то враждебнымъ весь этотъ людъ, разъѣзжающій въ

каретахъ и перепархивающій изъ одного великолѣпнаго магазина въ другой, — словомъ, скрытая боль, накипѣвшая въ груди, подымается наружу и даетъ себя чувствовать. И бываетъ это вовсе не такъ рѣдко, какъ можно предполагать, не зная дѣла; бываетъ это тѣмъ чаще, что въ большинствѣ случаевъ человѣкъ загнанный и забитый бываетъ крайне стѣсненъ и въ матеріальномъ отношеніи, а между тѣмъ принужденъ бываетъ выполнять разныя общественныя условія. Макаръ Алексѣичъ сокрушается, что скажутъ его превосходительство, увидѣвъ его плачевный вицъ-мундиръ, говоритъ, что пьетъ чай собственно для другихъ, до глубины души возмущается насмѣшкою департаментскаго сторожа, не давшаго ему щетки почистить шинель подъ тѣмъ предлогомъ, что объ его шинель казенную щетку можно испортить... Въ самомъ дѣлѣ, каково положеніе: поставленъ человѣкъ въ кругу другихъ, долженъ вести съ ними дѣло, быть одѣтымъ, какъ они, пить и ѣсть, какъ они, и въ то же время онъ лишенъ всякой возможности даже хоть подражаніе сносное устроить. Ужъ не говоря объ отличныхъ сапогахъ, хоть бы какіе-нибудь сапоги, — такъ и тѣхъ нѣтъ; были одни, да и у тѣхъ подошвы отстали... Понятны трагическія восклицанія Макара Алексѣича: «Пожалуй, и самъ я скажу, что не нужно его, малодушія-то; да при всемъ этомъ рѣшите сами, въ какихъ сапогахъ я завтра на службу пойду! Вотъ оно что, маточка; а вѣдь подобная мысль погубитъ». И мало ли людей страдающихъ и изнывающихъ въ подобныхъ заботахъ? А еще если есть любимое существо, если есть семейство? Сколько горя, сколько тоски самой прозаической, но оттого не меньше тягостной и ужасной! Средь этихъ-то заботъ чувствуетъ человѣкъ, до чего онъ униженъ, до чего онъ обиженъ жизнью. И въ этомъ-то побужденіи человѣческаго сознанія онъ всего болѣе заслуживаетъ наше сочувствіе, и возможностью подобныхъ сознательныхъ движеній онъ искупаетъ свою противную апатичность. Но отчего же подобныя вспышки «Божьей искры» такъ слабы, такъ бѣдны результатами? Отчего пробужденное на мигъ сознаніе засыпаетъ снова такъ скоро? Отчего человѣческіе инстинкты и чувства такъ мало проявляются въ практической дѣятельности, ограничиваясь больше вздохами да пустыми мечтами?

Да оттого и есть, что у людей, о которыхъ мы говоримъ, ужъ характеръ такой. Вѣдь будь у нихъ другой характеръ не могли бы они быть доведены до такой степени униженія, пошлости и ничтожества. Вопросъ значитъ о томъ, отчего образуется въ значительной массѣ такіе характеры, какія (общія) условія развиваютъ въ человѣческомъ обществѣ инерцію, въ ущербъ дѣятельности и подвижности силъ?

Можетъ-быть, вина въ нашемъ національномъ характерѣ? Но вѣдь этимъ вопросъ не рѣшается, а только отдаляется: отчего же національный характеръ сложился такой по преимуществу инертный и слабый? Придется только рѣшеніе, вмѣсто настоящаго времени, перевести на историческую почву.

Притомъ же это еще вопросъ спорный: вѣдь немало кричатъ у насъ и о ширинѣ, и о размашистости русской натуры. Не произнесемъ своего сужденія о всемъ народѣ: мы имѣемъ въ виду лишь одинъ ограниченный кругъ его. Но признаться надобно—забавны восторги этой размашистостью, выражающеюся въ томъ, что иные господа парятся въ баняхъ, поддавая на каменку шампанское, другіе бьютъ посуду и зеркала въ трактирахъ, третьи проводятъ всю жизнь въ псовой охотѣ, а въ прежнія времена такъ еще обращали въ эту охоту и людей, зашивая мелкопомѣстныхъ лизоблюдовъ въ медвѣжьи шкуры и потомъ травя ихъ собаками... Этакая-то размашистость водится во всякомъ невѣжественномъ обществѣ и вездѣ падаетъ съ развитіемъ образованія. Но гдѣ же наша размашистость въ кругу обыкновенныхъ людей, да и откуда ей взяться?

Да, человѣкъ поглощается и уничтожается общимъ впечатлѣніемъ того громаднаго механизма, котораго онъ не въ состояніи даже обнять своимъ разсудкомъ. Подобно древнему язычнику, падавшему ницъ передъ невѣдомыми, грандіозными явленіями природы, падаетъ нынѣшній смертный передъ чудесами высшей цивилизаціи, которая хоть тяжко отзывается на немъ самомъ, но поражаетъ его своими гигантскими размѣрами. Тутъ уже нѣтъ рѣчи о борьбѣ, тутъ и для характеровъ болѣе сильныхъ возможно только безплодное раздраженіе, желчныя жалобы и отчаяніе. Возьмите хоть опять послѣдній романъ г. Достоевскаго. Вотъ, напримѣръ, сильный, горячій характеръ маленькой Нелли; но посмотрите, какъ она поставлена, и можетъ ли ей въ этой обстановкѣ прійти хоть малѣйшая мысль о борьбѣ — постоянной и правильной? Ея мать умерла, задолжавъ Бубновой; ей нечѣмъ похоронить; Нелли осталась безпомощна, беззащитна. Бубнова беретъ ее къ себѣ и вступаетъ, разумѣется, надъ нею во всѣ права воспитательницы и госпожи. Ее бьютъ, мучатъ и тиранятъ всячески, что́ же съ этимъ дѣлать? Бубнова — ея благодѣтельница, и не будь она, такъ другая на ея мѣстѣ могла бы дѣлать то же самое... Нелли даже злобно рада своимъ побоямъ: она считаетъ ихъ уплатою за кусокъ хлѣба и за отрепье, какое даетъ ей Бубнова. Но ей тяжко другое: она видитъ, къ чему ее готовитъ Бубнова, ей и обидно, и страшно, и горько... Но опять — что́ же она сдѣлаетъ? Вѣдь не зарѣзать же Бубнову? А убѣжать отъ нея—куда убѣжишь, чтобы не нашли? И вотъ она продана, и избавляется случайнымъ образомъ,

когда уже надъ нею готово совершиться мерзкое преступленіе... Затѣмъ — она знаетъ, что она дочь, законная дочь князя. Но что же изъ этого? Нужны документы, у меня ихъ нѣтъ; нужно быть юристомъ, чтобы затѣять дѣло, да и то у князя есть деньги и связи подѣйствительнѣе всѣхъ юристовъ... Бѣдная Нелли хоть и попадаетъ подъ конецъ къ добрымъ людямъ, но ее постоянно возмущаетъ чувство, что она живетъ у чужихъ людей изъ милости...

Ну да это, положимъ, ребенокъ. Возьмемъ изъ того же романа другое лицо — Ихменева. Это характеръ крѣпкій, но крѣпкій не на борьбу, а на упорство въ раздраженіи. Свой гнѣвъ, свою горечь онъ изливаетъ то на безотвѣтную жену, то на дочь, которую страстно любитъ, но тѣмъ не менѣе проклинаетъ нѣсколько разъ. Отчего онъ всю силу свою не употребитъ прямо куда слѣдуетъ, — противъ своего обидчика — князя?.. Да онъ бы и желалъ этого болѣе всего на свѣтѣ; но въ дѣлахъ съ княземъ надо соблюдать установленныя церемоніи и условія. Затѣмъ процессъ — ну, и идетъ онъ неспѣшно, годами, по заведенному порядку, кончается въ пользу князя,—сколько ни апеллируй — все въ его пользу... Приходится платить, продавать съ аукціона Ихменевку... Вѣдь знаетъ и чувствуетъ старикъ, что это несправедливо, оскорбительно, безсовѣстно, но какъ же это передѣлаешь? [И въ чемъ тутъ сила? Даже и не въ князѣ] хоть убей Ихменевъ князя, а деревню его все-таки продадутъ... (да и убить-то князя нельзя: онъ такъ хорошо огражденъ!) Ихменевъ возымѣлъ было это намѣреніе, узнавъ, что князь сказалъ одному чиновнику, что «вслѣдствіе нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ» хочетъ возвратить старику штрафныя съ него 10 тысячъ. Это значило назначить плату за безчестіе его дочери. Старикъ расходился и рѣшилъ вызвать князя на дуэль.

Такъ, стало-быть, положеніе этихъ несчастныхъ, забитыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ людей совсѣмъ безвыходно? Только имъ и остается, что молчать и терпѣть, да, обратившись въ грязную ветошку, хранить въ самыхъ дальнихъ складкахъ ея свои безотвѣтныя чувства?

Не знаю, можетъ-быть, и есть выходъ. Мы нашли, что забитыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ личностей у насъ много въ среднемъ классѣ, что имъ тяжко и въ нравственномъ, и въ физическомъ смыслѣ, что, несмотря на наружное примиреніе съ своимъ положеніемъ, они чувствуютъ его горечь, готовы на раздраженіе и протестъ, жаждутъ выхода... Но тутъ и кончается предѣлъ нашихъ наблюденій. Гдѣ этотъ выходъ, когда и какъ — это должна показать сама жизнь. Мы только стараемся итти за нею и представлять для людей, которые не любятъ или не умѣютъ слѣдить сами за ея явленіями, то или дру-

гое изъ общихъ положеній дѣйствительности. Берите же, пожалуй, сообщенное въ печати, какъ матеріалъ для вашихъ соображеній; но, главное, слѣдите за непрерывнымъ, стройнымъ, могучимъ, ничѣмъ неcдержимымъ теченіемъ жизни и будьте живы, а не мертвы... Со времени появленія Макара Алексѣича съ братіею жизнь уже сдѣлала многое, только это многое еще не формулировано. Мы замѣтили между прочимъ общее стремленіе къ возстановленію человѣческаго достоинства и полноправности во всѣхъ и каждомъ. Можетъ-быть, здѣсь уже и открывается выходъ изъ горькаго положенія загнанныхъ и забитыхъ, конечно, не ихъ собственными усиліями, но при помощи характеровъ, менѣе подвергшихся тяжести подобнаго положенія, убивающаго и гнетущаго. И вотъ этимъ-то людямъ, имѣющимъ въ себѣ достаточную волю иниціативы, полезно знать, что большая часть этихъ забитыхъ, которыхъ они считали, можетъ-быть, пропавшими и умершими нравственно, все-таки крѣпко и глубоко, хотя и затаенно даже для себя самихъ, хранитъ въ себѣ живую душу и вѣчно неисторжимое никакими муками сознаніе своего человѣческаго права на жизнь и счастье.

Добролюбовъ.

Рѣчи о Достоевскомъ.

Первая рѣчь.

Уже являются художники, которые, исходя изъ господствующаго реализма и еще оставаясь въ значительной мѣрѣ на его низменной почвѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ доходятъ до религіозной истины, связываютъ съ нею задачи своихъ произведеній, изъ нея почерпаютъ свой общественный идеалъ, ею освящаютъ свое общественное служеніе. Если въ современномъ реалистическомъ художествѣ мы видимъ какъ бы предсказаніе новаго религіознаго искусства, то это предсказаніе уже начинаетъ сбываться. Еще нѣтъ представителей этого новаго религіознаго искусства, но уже являются его предтечи. Такимъ предтечей былъ и Достоевскій.

По роду своей дѣятельности принадлежа къ художникамъ-романистамъ и уступая нѣкоторымъ изъ нихъ въ томъ или другомъ отношеніи, Достоевскій имѣетъ передъ ними всѣми то главное преимущество, что видитъ не только вокругъ себя, но и далеко впереди себя...

Кромѣ Достоевскаго, всѣ наши лучшіе романисты берутъ окружающую ихъ жизнь такъ, какъ они ее застали, какъ она сложилась и выразилась,—въ ея готовыхъ, твердыхъ и ясныхъ формахъ. Таковы въ особенности романы Гончарова и графа Льва Толстого. Оба они воспроизводятъ русское общество, выработанное вѣками (помѣщиковъ, чиновниковъ, иногда крестьянъ) въ его бытовыхъ, давно суще-

ствующихъ, а частью отжившихъ или отживающихъ формахъ. Романы этихъ двухъ писателей рѣшительно однородны по своему художественному предмету, при всей особенности ихъ талантовъ. Отличительная особенность Гончарова — это сила художественнаго обобщенія, благодаря которой онъ могъ создать такой всероссійскій типъ, какъ Обломова, равнаго которому «по широтѣ» мы не находимъ ни у одного изъ русскихъ писателей. Что же касается до Л. Толстого, то всѣ его произведенія отличаются не столько широтой типовъ (ни одинъ изъ его героевъ не сталъ нарицательнымъ именемъ), сколько мастерствомъ въ детальной живописи, яркимъ изображеніемъ всяческихъ подробностей въ жизни человѣка и природы, главная же его сила въ тончайшемъ воспроизведеніи «*механизма душевныхъ явленій*». Но и эта живопись внѣшнихъ подробностей, и этотъ психологическій анализъ являются на неизмѣнномъ фонѣ готовой, сложившейся жизни, именно жизни русской дворянской семьи, оттѣняемой еще болѣе неподвижными образами изъ простого люда.

Совершенно противоположный характеръ представляетъ художественный міръ Достоевскаго. Здѣсь все въ броженіи, ничто не установилось, все еще только становится. Предметъ романа здѣсь не «бытъ» общества, а общественное «движеніе». Изъ всѣхъ нашихъ замѣчательныхъ романистовъ одинъ Достоевскій взялъ общественное движеніе за главный предметъ своего творчества. Обыкновенно съ нимъ сопоставляютъ въ этомъ отношеніи Тургенева, но безъ достаточнаго основанія. Чтобы характеризовать общее значеніе писателя, надо брать его лучшія, а не худшія произведенія. Лучшія же произведенія Тургенева, въ особенности «Записки охотника» и «Дворянское гнѣздо», представляютъ чудесныя картины никакъ не общественнаго движенія, а лишь общественнаго «состоянія», — того же стараго дворянскаго міра, который мы находимъ у Гончарова и Л. Толстого. Хотя затѣмъ Тургеневъ постоянно слѣдилъ за нашимъ общественнымъ движеніемъ и отчасти подчинялся его вліянію, но смыслъ этого движенія не былъ имъ угаданъ, и романъ, спеціально посвященный этому предмету («Новь»), оказался совершенно неудачнымъ.

Достоевскій не подчинялся вліянію господствовавшихъ кругомъ него стремленій, не слѣдовалъ покорно за фазисами общественнаго движенія, — онъ предугадывалъ повороты этого движенія и заранѣе «судилъ» ихъ. А судить онъ могъ по праву, ибо имѣлъ у себя мѣрило сужденія въ своей вѣрѣ, которая ставила его выше господствующихъ теченій, позволяла ему видѣть гораздо дальше этихъ теченій и не увлекаться ими. Въ силу своей вѣры, Достоевскій вѣрно предугадывалъ высшую, далекую цѣль всего движенія, ясно видѣлъ его уклоненія отъ этой цѣли, по праву судилъ и справедливо осуждалъ ихъ.

Это справедливое осужденіе относилось только къ невѣрнымъ путямъ и дурнымъ пріемамъ общественнаго движенія, а не къ самому движенію, необходимому и желанному; это осужденіе относилось къ низменному пониманію общественной правды, къ ложному общественному идеалу, а не къ исканію общественной правды, не къ стремленію осуществить общественный идеалъ. Этотъ послѣдній и для Достоевскаго былъ впереди: онъ вѣрилъ не въ прошедшее только, но и въ грядущее царство Божіе, и понималъ необходимость труда и подвига для его осуществленія. Кто знаетъ истинную цѣль движенія, тотъ можетъ и долженъ судить уклоненія отъ нея. А Достоевскій тѣмъ болѣе имѣлъ на это право, что онъ самъ первоначально испыталъ тѣ уклоненія, самъ стоялъ на той невѣрной дорогѣ. Положительный религіозный идеалъ, такъ высоко поднявшій Достоевскаго надъ господствующими теченіями общественной мысли, этотъ положительный идеалъ не дался ему сразу, а былъ выстраданъ имъ въ тяжелой и долгой борьбѣ. Онъ судилъ о томъ, что зналъ, и судъ его былъ праведенъ. И чѣмъ яснѣе становилась для него высшая истина, тѣмъ рѣшительнѣе долженъ былъ онъ осуждать ложные пути общественнаго дѣйствія.

Общій смыслъ всей дѣятельности Достоевскаго, или значеніе Достоевскаго, какъ общественнаго дѣятеля, состоитъ въ разрѣшеніи этого двойного вопроса: о высшемъ идеалѣ общества и настоящемъ пути къ его достиженію.

Законная причина соціальнаго движенія заключается въ противорѣчіи между нравственными требованіями личности и сложившимся строемъ общества. Отсюда началъ и Достоевскій, какъ описатель, толкователь и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельный участникъ новаго общественнаго движенія. Глубокое чувство общественной неправды, хотя и въ самой безобидной формѣ, высказалось въ его первой повѣсти «Бѣдные люди». Соціальный смыслъ этой повѣсти (къ которой примыкаетъ и позднѣйшій романъ «Униженные и оскорбленные») сводится къ той старой и вѣчно новой истинѣ, что при существующемъ порядкѣ вещей «лучшіе» (нравственно) люди суть вмѣстѣ съ тѣмъ «худшіе» для общества, что имъ суждено быть бѣдными людьми, униженными и оскорбленными [1]).

---

[1]) Это та же самая тема, какъ въ «Les Miserables» Виктора Гюго: контрастъ между внутреннимъ нравственнымъ достоинствомъ человѣка и его соціальнымъ положеніемъ. Достоевскій очень высоко цѣнилъ этотъ романъ, и самъ подвергся нѣкоторому, хотя довольно поверхностному вліянію Виктора Гюго (склонность къ антитезамъ). Болѣе глубокое вліяніе, помимо Пушкина и Гоголя, оказали на него Диккенсъ и Жоржъ Зандъ.

Если бы соціальная неправда осталась для Достоевскаго только темой повѣсти или романа, то и онъ самъ остался бы только литераторомъ и не достигъ бы своего особаго значенія въ жизни русскаго общества. Но для Достоевскаго содержаніе его повѣсти было вмѣстѣ съ тѣмъ жизненною задачей. Онъ сразу поставилъ вопросъ на нравственную и практическую почву. Увидавъ и осудивъ то, что дѣлается на свѣтѣ, онъ спросилъ: что же должно сдѣлать?

Прежде всего представилось простое и ясное рѣшеніе: лучшіе люди, видящіе на другихъ и на себѣ чувствовавшіе общественную неправду, должны, соединившись, возстать противъ нея и пересоздать общество по-своему.

Когда первая наивная попытка [1]) исполнить это рѣшеніе привела Достоевскаго къ эшафоту и на каторгу, онъ, какъ и его товарищи, сначала могъ видѣть въ такомъ исходѣ своихъ замысловъ только свою неудачу и чужое насиліе. Приговоръ, его постигшій, былъ суровъ. Но чувство обиды не помѣшало Достоевскому понять, что онъ былъ неправъ съ своимъ замысломъ соціальнаго переворота, который былъ нуженъ только ему съ товарищами.

Среди ужасовъ мертваго дома Достоевскій впервые сознательно повстрѣчался съ правдой народнаго чувства и въ его свѣтѣ ясно увидѣлъ неправоту своихъ революціонныхъ стремленій. Товарищи Достоевскаго по острогу были въ огромномъ большинствѣ изъ простого народа и, за немногими яркими исключеніями, все это были худшіе люди народа. Но и худшіе люди простого народа обыкновенно сохраняютъ то, что теряютъ люди интеллигенціи: вѣру въ Бога и сознаніе своей грѣховности. Простые преступники, выдѣляясь изъ народной массы своими дурными дѣлами, нисколько не отдѣляются отъ нея въ своихъ чувствахъ и взглядахъ, въ своемъ религіозномъ міросозерцаніи. Въ мертвомъ домѣ Достоевскій нашелъ настоящихъ «бѣдныхъ (или, по народному выраженію, несчастныхъ) людей». Тѣ прежніе, которыхъ онъ оставилъ за собою, еще имѣли убѣжище отъ общественной обиды въ чувствѣ собственнаго достоинства, въ своемъ мнимомъ превосходствѣ. У каторжниковъ «этого» не было, но было нѣчто бо́льшее. Худшіе люди мертваго дома возвратили Достоевскому то, что отняли у него лучшіе люди интеллигенціи. Если тамъ, среди представителей просвѣщенія, остатокъ религіознаго чувства заставлялъ его блѣднѣть отъ богохульствъ передового литератора, то тутъ, въ мертвомъ домѣ, это чувство должно было воскреснуть и обновиться подъ впечатлѣніемъ смиренной и благочестивой вѣры каторжниковъ. Какъ бы забытые Цер-

[1]) Наивная собственно со стороны Достоевскаго, которому пути соціальнаго переворота представлялись въ весьма неопредѣленныхъ чертахъ.

ковью, придавленные государствомъ, — эти люди вѣрили въ Церковь и не отвергали государства. И въ самую тяжелую минуту за буйной и свирѣпой толпой каторжниковъ всталъ въ памяти Достоевскаго величавый и кроткій образъ крѣпостного мужика Марея, съ любовью ободряющаго испуганнаго барчонка. И онъ почувствовалъ, что передъ этой высшей Божьей правдой всякая своя самодѣльная правда есть ложь, а попытка навязать эту ложь другимъ есть преступленіе.

Вмѣсто злобы неудачнаго революціонера, Достоевскій вынесъ изъ каторги свѣтлый взглядъ нравственно возрожденнаго человѣка: «Больше вѣры, больше единства, а если любовь къ тому, то все сдѣлано», писалъ онъ. Эта нравственная сила, обновленная соприкосновеніемъ съ народомъ, дала Достоевскому право на высокое мѣсто впереди нашего общественнаго движенія не какъ служителю злобы дня, а какъ истинному двигателю общественной мысли.

Положительный общественный идеалъ еще не былъ вполнѣ ясенъ уму Достоевскаго по возвращеніи изъ Сибири. Но три истины въ этомъ дѣлѣ были для него совершенно ясны: онъ понялъ прежде всего, что отдѣльныя лица, хотя бы и лучшіе люди, не имѣютъ права насиловать общество во имя своего личнаго превосходства; онъ понялъ также, что общественная правда не выдумывается отдѣльными умами, а коренится во всенародномъ чувствѣ, и, наконецъ, онъ понялъ, что эта правда имѣетъ значеніе религіозное и необходимо связана съ вѣрой Христовой, съ идеаломъ Христа.

Въ сознаніи этихъ истинъ Достоевскій далеко опередилъ господствовавшее тогда направленіе общественной мысли и, благодаря этому, могъ «предугадать» и указать, куда ведетъ это направленіе. Извѣстно, что романъ «Преступленіе и наказаніе» написанъ какъ разъ передъ преступленіемъ Данилова [1]) и Каракозова, а романъ «Бѣсы» — передъ процессомъ Нечаевцевъ. Смыслъ перваго изъ этихъ романовъ, при всей глубинѣ подробностей, очень простъ и ясенъ, хотя многими и не былъ понятъ. Главное дѣйствующее лицо — представитель того воззрѣнія, по которому всякій сильный человѣкъ самъ себѣ господинъ и ему все позволено. Во имя своего личнаго превосходства, во имя того, что онъ «сила», онъ считаетъ себя въ правѣ совершить убійство и, дѣйствительно, его совершаетъ. Но вотъ вдругъ то дѣло, которое онъ считалъ только нарушеніемъ внѣшняго безсмысленнаго закона и смѣлымъ вызовомъ общественному предразсудку, — вдругъ оно оказывается для его собственной совѣсти чѣмъ-то гораздо большимъ, оказывается грѣхомъ, нарушеніемъ внутренней нравственной правды. Нарушеніе внѣш-

---

[1]) Даниловъ — студентъ Московскаго университета, убившій и ограбившій ростовщика, имѣя при этомъ какіе-то особые планы.

няго закона получаетъ законное возмездіе извнѣ въ ссылкѣ и каторгѣ, но внутренній грѣхъ гордости, отдѣлившій сильнаго человѣка отъ человѣчества и приведшій его къ человѣкоубійству, — этотъ внутренній грѣхъ самообоготворенія можетъ быть искупленъ только внутреннимъ нравственнымъ подвигомъ самоотреченія. Безпредѣльная самоувѣренность должна исчезнуть передъ вѣрой въ то, что больше, себя и самодѣльное оправданіе должно смириться передъ высшей правдой Божіей, живущей въ тѣхъ самыхъ простыхъ и слабыхъ людяхъ, на которыхъ сильный человѣкъ смотрѣлъ какъ на ничтожныхъ насѣкомыхъ.

Въ «Бѣсахъ» та же тема если не углублена, то значительно расширена и усложнена. Цѣлое общество людей, одержимыхъ мечтой о насильственномъ переворотѣ, чтобы передѣлать міръ по-своему, совершаютъ звѣрскія преступленія и гибнутъ позорнымъ образомъ, а исцѣленная вѣрой Россія склоняется передъ своимъ Спасителемъ.

Общественное значеніе этихъ романовъ велико; въ нихъ «предсказаны» важныя общественныя явленія, которыя не замедлили обнаружиться; вмѣстѣ съ тѣмъ эти явленія осуждены во имя высшей религіозной истины, и указанъ лучшій исходъ для общественнаго движенія въ принятіи этой самой истины.

Осуждая исканія самовольной отвлеченной правды, порождающія только преступленія, Достоевскій противопоставляетъ имъ народный религіозный идеалъ, основанный на вѣрѣ Христовой. Возвращеніе къ этой вѣрѣ есть общій исходъ и для Раскольникова, и для всего одержимаго бѣсами общества. Одна лишь вѣра Христова, живущая въ народѣ, содержитъ въ себѣ тотъ положительный общественный идеалъ, въ которомъ отдѣльная личность солидарна со всѣми. Отъ личности же, утратившей эту солидарность, прежде всего требуется, чтобы она отказалась отъ своего гордаго уединенія, чтобы нравственнымъ актомъ самоотверженія она возсоединилась духовно съ цѣлымъ народомъ. Но во имя чего же? Во имя ли того только, что онъ — народъ, и что шестьдесятъ милліоновъ больше, чѣмъ единица или чѣмъ тысяча? Вѣроятно, есть люди, которые именно такъ и понимаютъ. Но такое слишкомъ ужъ простое пониманіе было совершенно чуждо Достоевскому. Требуя отъ уединившейся личности возвращенія къ народу, онъ прежде всего имѣлъ въ виду возвращеніе къ той истинной вѣрѣ, которая еще хранится въ народѣ. Въ томъ общественномъ идеалѣ братства или всеобщей солидарности, которому вѣрилъ Достоевскій, главнымъ было его религіозно-нравственное, а не національное значеніе. Уже въ «Бѣсахъ» есть рѣзкая насмѣшка надъ тѣми людьми, которые поклоняются народу только за то, что онъ народъ, и цѣнятъ православіе лишь какъ аттрибутъ русской народности.

Если мы хотимъ однимъ словомъ обозначить тотъ общественный идеалъ, къ которому пришелъ Достоевскій, то это слово будетъ не народъ, а «Церковь».

Мы вѣримъ въ Церковь какъ въ мистическое тѣло Христово; мы знаемъ Церковь также какъ собраніе вѣрующихъ того или другого исповѣданія. Но что такое Церковь какъ общественный идеалъ? Достоевскій не имѣлъ никакихъ богословскихъ притязаній, а потому и мы не имѣемъ права искать у него какихъ-нибудь логическихъ опредѣленій Церкви по существу. Но, проповѣдуя Церковь какъ общественный идеалъ, онъ выражалъ вполнѣ ясное и опредѣленное требованіе, столь же ясное и опредѣленное (хотя прямо противоположное), какъ и то требованіе, которое заявляется европейскимъ соціализмомъ. (Поэтому въ своемъ послѣднемъ дневникѣ Достоевскій и назвалъ народную вѣру въ Церковь нашимъ русскимъ соціализмомъ.) Европейскіе соціалисты требуютъ насильственнаго низведенія всѣхъ къ одному чисто матеріальному уровню сытыхъ и самодовольныхъ рабочихъ, требуютъ низверженія государства и общества на степень простой экономической ассоціаціи. «Русскій соціализмъ», о которомъ говорилъ Достоевскій, напротивъ, «возвышаетъ» всѣхъ до нравственнаго уровня Церкви, какъ духовнаго братства, хотя и съ сохраненіемъ внѣшняго неравенства соціальныхъ положеній, требуетъ одухотворенія всего государственнаго и общественнаго строя черезъ воплощеніе въ немъ истины и жизни Христовой.

Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

Церковь, какъ положительный идеалъ, должна была явиться центральною идеей новаго романа или новаго ряда романовъ, изъ которыхъ написанъ только первый — «Братья Карамазовы».

Если этотъ общественный идеалъ Достоевскаго прямо противоположенъ идеалу тѣхъ современныхъ дѣятелей, которые изображены въ «Бѣсахъ», точно такъ же противоположны для нихъ и пути достиженія. Тамъ путь есть насиліе и убійство, здѣсь путь есть «нравственный по-

двигъ», и при томъ двойной подвигъ, двойной актъ нравственнаго самоотреченія. Прежде всего требуется отъ личности, чтобы она отреклась отъ своего произвольнаго мнѣнія, отъ своей самодѣльной правды во имя общей всенародной вѣры и правды. Личность должна преклониться передъ народною вѣрой, но не потому, что она народная, а потому, что она истинная. А если такъ, то значитъ и народъ во имя этой истины, въ которую онъ вѣритъ, долженъ отречься и отрѣшиться отъ всего въ немъ самомъ, что не согласуется съ религіозною истиной.

Обладаніе истиной не можетъ составлять привилегіи народа, такъ же какъ оно не можетъ быть привилегіей отдѣльной личности. Истина можетъ быть только «вселенскою», и отъ народа требуется подвигъ служенія этой вселенской истинѣ, хотя бы, и даже «непремѣнно», съ пожертвованіемъ своего національнаго эгоизма. И народъ долженъ оправдать себя передъ вселенской правдой, и народъ долженъ положить душу свою, если хочетъ спасти ее.

Вселенская правда воплощается въ Церкви. Окончательный идеалъ и цѣль не въ народности, которая сама по себѣ есть только служебная сила, а въ Церкви, которая есть высшій предметъ служенія, требующій нравственнаго подвига не только отъ личности, но и отъ цѣлаго народа.

Итакъ, Церковь, какъ положительный общественный идеалъ, какъ основа и цѣль всѣхъ нашихъ мыслей и дѣлъ, и всенародный подвигъ, какъ прямой путь для осуществленія этого идеала, — вотъ послѣднее слово, до котораго дошелъ Достоевскій, и которое озарило всю его дѣятельность пророческимъ свѣтомъ.

Вторая рѣчь.

Я буду говорить только о самомъ главнѣйшемъ и существенномъ въ дѣятельности Достоевскаго. При такой богатой и сложной натурѣ, какая была у Достоевскаго, при необыкновенной его впечатлительности и отзывчивости на всѣ явленія жизни, его духовный міръ представлялъ слишкомъ великое разнообразіе чувствъ, мыслей и порывовъ, чтобы можно было возсоздать его въ краткой рѣчи. Но, отзываясь на все съ такимъ душевнымъ жаромъ, онъ всегда признавалъ только одно, какъ главное и безусловно необходимое, къ чему все остальное должно приложиться. Эта центральная идея, которой служилъ Достоевскій во всей своей дѣятельности, была христіанская идея свободнаго всечеловѣческаго единенія, всемірнаго братства во имя Христово. Эту идею проповѣдывалъ Достоевскій, когда говорилъ объ истинной Церкви, о вселенскомъ православіи; въ ней же онъ видѣлъ ду-

ховную, еще не проявленную сущность русскаго народа, всемірно-историческую задачу Россіи, то новое слово, которое Россія должна сказать міру.

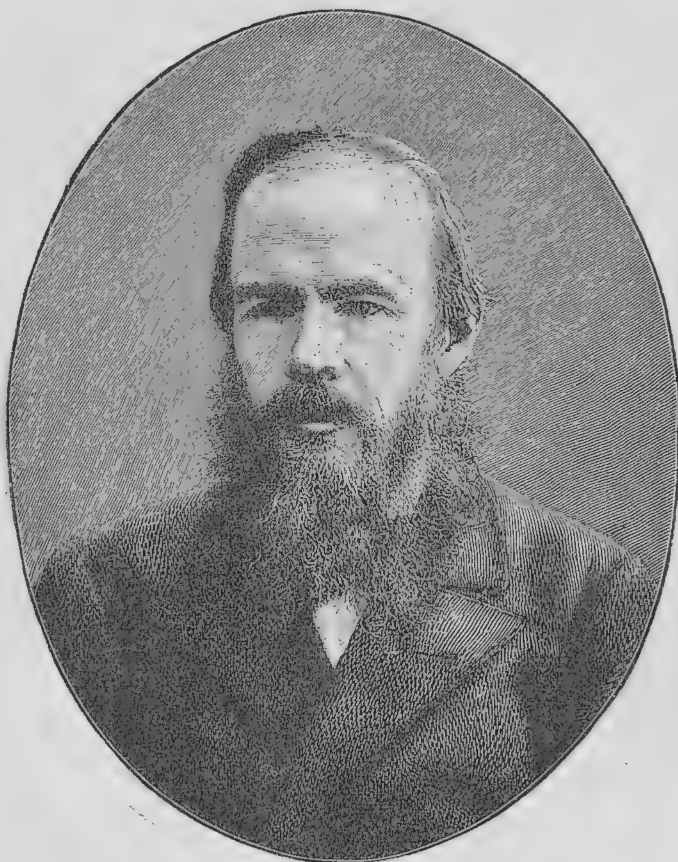
Не смущаясь анти-христіанскимъ характеромъ всей нашей жизни и дѣятельности, не смущаясь безжизненностью и бездѣйствіемъ нашего христіанства, Достоевскій вѣрилъ и проповѣдывалъ христіанство живое и дѣятельное, вселенскую Церковь, всемірное православное дѣло. Онъ говорилъ не о томъ только, что есть, а о томъ, что должно быть. Онъ говорилъ о вселенской православной Церкви не только какъ о божественномъ учрежденіи, неизмѣнно пребывающемъ, но и какъ о задачѣ всечеловѣческаго соединенія во имя Христово и въ духѣ Христовомъ — въ духѣ любви и милосердія, подвига и самопожертвованія. Истинная Церковь, которую проповѣдывалъ Достоевскій, есть всечеловѣческая, прежде всего въ томъ смыслѣ, что въ ней должны въ конецъ исчезнуть раздѣленія человѣчества на соперничествующіе и враждебные между собою племена и народы. Всѣ они, не теряя своего національнаго характера, а лишь освобождаясь отъ своего національнаго эгоизма, могутъ и должны соединиться въ одномъ общемъ дѣлѣ всемірнаго возрожденія. Поэтому Достоевскій, говоря о Россіи, не могъ имѣть въ виду національнаго обособленія. Напротивъ, все назначеніе русскаго народа онъ полагалъ въ служеніи истинному христіанству, въ немъ же нѣтъ ни эллина, ни іудея. Правда, онъ считалъ Россію избраннымъ народомъ Божіимъ, но избраннымъ не для соперничества съ другими народами и не для господства и первенства надъ ними, а для свободнаго служенія всѣмъ народамъ и для осуществленія, въ братскомъ союзѣ съ ними, истиннаго всечеловѣчества, или вселенской Церкви.

Достоевскій никогда не идеализировалъ народъ и не поклонялся ему, какъ кумиру. Онъ вѣрилъ въ Россію и предсказывалъ ей великое будущее, но главнымъ задаткомъ этого будущаго была въ его глазахъ именно слабость національнаго эгоизма и исключительности въ русскомъ народѣ. Двѣ въ немъ черты были особенно дороги Достоевскому. Во-первыхъ, необыкновенная способность усвоивать духъ и идеи чужихъ народовъ, перевоплощаться въ духовную суть всѣхъ націй — черта, которая особенно выразилась въ поэзіи Пушкина. Вторая, еще болѣе важная черта, которую Достоевскій указывалъ въ русскомъ народѣ, это — сознаніе своей грѣховности, неспособность возводить свое несовершенство въ законъ и право и успокоиваться на немъ: отсюда требованіе лучшей жизни, жажда очищенія и подвига. Безъ этого нѣтъ истинной дѣятельности ни для отдѣльнаго лица, ни для цѣлаго народа. Какъ бы глубоко ни было паденіе человѣка или народа, какою бы скверной ни была наполнена его жизнь, онъ можетъ изъ нея выйти

и подняться, если хочетъ, т.-е. если признаетъ свою дурную дѣйствительность только за дурное, только за фактъ, котораго не должно быть, и не дѣлаетъ изъ этого дурного факта неизмѣнный законъ и принципъ, не возводитъ своего грѣха въ правду. Но если человѣкъ или народъ не мирится съ своей дурной дѣйствительностью и осуждаетъ ее, какъ грѣхъ, это ужъ значитъ, что у него есть какое-нибудь представленіе или идея, или хотя бы только предчувствіе другой, лучшей жизни, того, что должно быть. Вотъ почему Достоевскій утверждалъ, что русскій народъ, несмотря на свои видимый звѣрный образъ, въ глубинѣ души своей носитъ другой образъ — образъ Христовъ, и когда придетъ время, покажетъ его въявь всѣмъ народамъ и привлечетъ ихъ къ Нему, и вмѣстѣ съ ними исполнитъ всечеловѣческую задачу.

А задача эта, т.-е. истинное христіанство, есть всечеловѣческое не въ томъ только смыслѣ, что оно должно соединить всѣ народы одной вѣрой, а главное въ томъ, что оно должно соединить и примирить всѣ человѣческія дѣла въ одно всемірное общее дѣло, безъ него же и общая вселенская вѣра была бы только отвлеченной формулой и мертвымъ догматомъ. А это возсоединеніе общечеловѣческихъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ, самыхъ высшихъ изъ нихъ, въ одной христіанской идеѣ Достоевскій не только проповѣдывалъ, но до извѣстной степени и показывалъ самъ въ своей собственной дѣятельности. Будучи религіознымъ человѣкомъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ свободнымъ мыслителемъ и могучимъ художникомъ. Эти три стороны, эти три высшія дѣла не разграничивались у него между собою и не исключали другъ друга, а входили нераздѣльно во всю его дѣятельность. Въ своихъ убѣжденіяхъ онъ никогда не отдѣлялъ истину отъ добра и красоты; въ своемъ художественномъ творчествѣ онъ никогда не ставилъ красоту отдѣльно отъ добра и истины. И онъ былъ правъ, потому что эти три живутъ только своимъ союзомъ. Добро, отдѣленное отъ истины и красоты, есть только неопредѣленное чувство, безсильный порывъ; истина отвлеченная есть пустое слово, а красота безъ добра и истины есть кумиръ. Для Достоевскаго же это были только три неразлучные вида одной безусловной идеи. Открывшаяся въ Христѣ безконечность человѣческой души, способной вмѣстить въ себя всю безконечность божества, — эта идея есть вмѣстѣ и величайшее добро, и высочайшая истина, и совершеннѣйшая красота. Истина есть добро, мыслимое человѣческимъ умомъ; красота есть то же добро и та же истина, тѣлесно воплощенная въ живой конкретной формѣ. И полное ея воплощеніе—уже во всемъ есть конецъ и цѣль, и совершенство, и вотъ почему Достоевскій говорилъ, что красота спасетъ міръ.

Влад. Соловьевъ.

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

О Достоевскомъ.

Вы, конечно, помните прекрасныя страницы, написанныя Добролюбовымъ по поводу «Униженныхъ и оскорбленныхъ»; а не помните— такъ прочтите. Многое разъяснено въ этой статьѣ. Но она писана въ 1861 году, двадцать лѣтъ тому назадъ, и въ эти двадцать лѣтъ много воды утекло. Прежде всего Добролюбовъ слишкомъ низко цѣнилъ талантъ Достоевскаго и слишкомъ высоко—«здравость» его направленія. Онъ именно видѣлъ въ немъ «слабое, но здраво направленное художественное чутье». Для своего времени этотъ приговоръ былъ вѣренъ, или почти вѣренъ. Но Достоевскій продолжалъ писать и писать. При этомъ общая манера его писанія осталась та же самая: та же безпричинная неровность изложенія, тѣ же нехудожественныя длинноты и урѣзки; та же невѣроподобность дѣйствующихъ лицъ,

которыя всѣ, даже самыя глупыя, необыкновенно проницательны, всѣ говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, и притомъ языкомъ автора, и проч. Но Достоевскій писалъ въ этомъ родѣ такъ долго и упорно, что, наконецъ, заставилъ всѣхъ съ нимъ помириться. Всякій, принимаясь за новое произведеніе Достоевскаго, зналъ, что найдетъ тамъ много недодѣланнаго, передѣланнаго и невѣроподобнаго, и заранѣе принималъ это почти какъ должное. Но, оставаясь въ отношеніи такъ сказать благоустройства романа самымъ слабымъ изъ нашихъ крупныхъ художниковъ, Достоевскій со временъ Добролюбова значительно выросъ какъ изобразитель внутренней, душевной драмы. «Преступленіе и наказаніе» (высшій моментъ развитія творческой силы Достоевскаго), по сложности мотивовъ и тонкости ихъ разработки, неизмѣримо выше всего, что имѣлъ подъ руками Добролюбовъ. Да и въ послѣдующихъ гораздо уже болѣе слабыхъ вещахъ, въ «Идіотѣ», «Бѣсахъ», «Братьяхъ Карамазовыхъ», есть страницы такого огромнаго достоинства, что о «слабости художественнаго чутья» тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Даже одной «кроткой» достаточно, чтобы видѣть, что художественное чутье этого человѣка было, напротивъ, очень сильно, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно неровно и условно: оно покидало его сплошь и рядомъ на десятки, на цѣлыя сотни страницъ, чтобы потомъ вдругъ блеснуть драгоцѣннымъ перломъ и опять исчезнуть.

Но Достоевскій никогда не былъ, что называется «чистымъ» художникомъ; меньше, чѣмъ кого-нибудь, можно его судить судомъ эстетическимъ: это значило бы оставить его совсѣмъ безъ оцѣнки. Мыслитель и публицистъ всегда рѣзко высовывались въ немъ изъ-за художника; а въ послѣдніе годы онъ и формально вступилъ на почву публицистики. И здѣсь опять приговоръ Добролюбова, почти вѣрный для своего времени, требуетъ теперь очень существенныхъ поправокъ и дополненій.

Въ этомъ-то «гуманическомъ», какъ говорилъ Добролюбовъ, направленіи художественнаго чутья онъ и видѣлъ его «здравость». На этомъ мотивѣ построена вся глубоко-прочувственная статья нашего критика, долго составлявшая исходную точку и программу для сужденій о Достоевскомъ.

Теперь съ насъ довольно того несомнѣннаго факта, что въ «Бѣдныхъ людяхъ» и въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» боль объ униженномъ человѣкѣ и тщательное исканіе въ душѣ его проблесковъ человѣческаго достоинства и протеста — составляютъ, во всякомъ случаѣ, преобладающую струю.

Съ теченіемъ времени эта-то боль объ униженномъ стала осложняться чувствомъ совершенно противоположнымъ, какимъ-то жесто-

кимъ чувствомъ, почти радости, что человѣкъ униженъ; и тщательное изысканіе лежащаго на днѣ души чувства собственнаго достоинства и протеста замѣнилось проповѣдью смиренія и вольнаго или невольнаго (каторжнаго) страданія. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на эту перемѣну, какъ на поворотъ къ лучше или къ худшему, но самый фактъ несомнѣненъ. Прежде Достоевскій съ особенною чуткостью ловилъ въ душѣ униженнаго и оскорбленнаго тотъ мотивъ, что и я, дескать, не хуже другихъ! И если этотъ мотивъ, благодаря запуганности и загнанности униженнаго, прорывался нескладно, комически-безобразно, то авторъ съ очевидною болью въ сердцѣ отмѣчалъ этотъ желанный, но неумѣлый взрывъ. Впослѣдствіи, напротивъ, онъ сталъ даже съ гораздо большею жадностью искать въ человѣческой душѣ сознанія грѣховности, сознанія своего ничтожества и мерзости и соотвѣтственной жажды искупленія грѣха страданіемъ. Сообразно этому въ Достоевскомъ измѣнилось и многое другое.

Разумѣется, эта перемѣна не вдругъ совершилась. Задатки ея, повторяю, можно найти и въ первой половинѣ дѣятельности Достоевскаго. Поворотъ происходилъ съ извѣстною постепенностью, выдвигая впередъ то, что было первоначально едва замѣтно, и отодвигая назадъ то, что прежде ярче всего било въ глаза. И вотъ какъ, мнѣ кажется, этотъ переворотъ въ общихъ чертахъ происходилъ.

Если есть униженные и оскорбленные, то, значитъ, есть и унижающіе и оскорбляющіе. А если есть боль за униженныхъ и оскорбленныхъ, то какъ слѣдуетъ относиться къ унижающимъ и оскорбляющимъ? На этотъ вопросъ разные люди отвѣчаютъ разно, т.-е. или прямо словами отвѣчаютъ, или своею дѣятельностью, даже, можетъ-быть, не задавая себѣ точно формулированнаго вопроса. Можно во имя возмездія потребовать для унижающихъ кары, такого же униженія и оскорбленія, какое они сами раздаютъ направо и налѣво. Можно обратиться къ нимъ съ проповѣдью добра и правды, развернувъ передъ ними яркую картину причиняемаго ими страданія, пригрозивъ имъ муками ада или укорами совѣсти. Можно, наконецъ, подняться на очень, повидимому, высокую точку любви и всепрощенія и сказать: эти люди творятъ неправду, но они не вѣдаютъ, что творятъ, отпусти имъ, Боже! Какъ ни разнородны эти три рѣшенія, но всѣ они имѣютъ вопросъ въ предѣлахъ одинаково (хотя и многократно повторяющейся) личности. Возможность новыхъ и новыхъ униженій и оскорбленій, униженій и оскорбленій безъ конца — ни мало ими не колеблятся даже въ идеѣ, потому что вся операція подобна рубкѣ лѣса, а не уничтоженію корней, вся она состоитъ въ индивидуально-психологическомъ рѣшеніи задачи. Но можно перенести вопросъ и на общественную почву, которая нисколько не препят-

ствуетъ удовлетворенію личныхъ позывовъ къ возмездію и совершенствованію другихъ и себя. Широкая общественная реформа можетъ (по крайней мѣрѣ, въ идеѣ) вырвать самые корни и оскорбленія, а затѣмъ съ выжившими отпрысками поступайте, пожалуй, какъ хотите: если въ васъ необходимо говоритъ чувство возмездія — карайте; если вы разсчитываете разбудить въ нихъ совѣсть — будите; если вы склонны къ всепрощающей любви — прощайте. Поступая такъ или иначе, вы удовлетворяете законнымъ требованіямъ своего темперамента и своихъ взглядовъ на личную нравственность. И это прекрасно, коль скоро работа эта происходитъ не въ безвоздушномъ пространствѣ, коль скоро рядомъ съ ней идетъ движеніе общественной реформы. Но этого-то послѣдняго Достоевскій никогда не признавалъ и, кажется, даже просто органически не могъ понимать. Все это развилось до высшей степени уже подъ конецъ; но, оглядываясь теперь на начало дѣятельности Достоевскаго, можно замѣтить, что и въ этомъ началѣ, при всемъ сочувствіи къ униженнымъ и оскорбленнымъ, онъ точно не находитъ унижающихъ и оскорбляющихъ. Это, можетъ-быть, свидѣтельствуетъ объ очень тонкомъ пониманіи, о «проникновеніи», какъ любилъ говорить покойникъ, въ самую суть жизни. Дѣйствительно, если общій порядокъ вещей родитъ и заставляетъ трепетать униженныхъ и оскорбленныхъ, такъ что же ужъ тутъ обрушиваться на какого-то глупаго большого чиновника, который даже совсѣмъ нечаянно оскорбилъ глупаго малаго чиновника? Можетъ-быть, Достоевскій такъ и понималъ дѣло, рисуя намъ цѣлую портретную галлерею обиженнаго мелкаго люда. Но общій порядокъ вещей былъ для него неприкосновененъ по глубочайшимъ, можетъ-быть, интимнѣйшимъ требованіямъ его ума и сердца, и потому онъ съ своей жаждой личной нравственной проповѣди остался какъ ракъ на мели, если позволена будетъ въ настоящемъ случаѣ столь вульгарная поговорка. Куда ее было дѣвать, эту жажду морализировать, карать, поучать, будить совѣсть, прощать. Пока Достоевскій выбиралъ для своихъ повѣстей и романовъ темы изъ жизни мелкаго чиновника, лишь изрѣдка захватывая другія, болѣе или менѣе родственныя сферы, не могло особенно рѣзко обнаружиться противорѣчіе между уваженіемъ къ общему порядку вещей и признаніемъ его же главнымъ виновникомъ униженій и оскорбленій. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ талантъ Достоевскаго росъ и опредѣлялся, по мѣрѣ того, какъ его творческая сила охватывала и такъ называемые интеллигентные слои общества и народъ, — противорѣчіе должно было, такъ или иначе, разрѣшиться. Надо было, наконецъ, либо рѣшительно обвинить общій порядокъ, или найти иныхъ виновныхъ, личныхъ, съ которыми и поступить сообразно одному изъ трехъ вышеприведенныхъ рѣшеній.

Достоевскій нашелъ виновныхъ... Однако не вдругъ на нихъ обрушился съ внѣшнею карою, муками ада и ущемленной совѣсти, и всепрощающею любовью.

Будемъ говорить откровенно, читатель, вы, безъ сомнѣнія, охотно признаетесь, что, читая романы и повѣсти Достоевскаго, да и «Дневникъ писателя», вы не разъ испытывали большую скуку. Но вы, можетъ-быть, не такъ легко признаетесь въ другомъ чувствѣ, которое, однако, почти навѣрное ощущали при этомъ чтеніи, — въ чувствѣ брезгливости. А оно, между тѣмъ, совершенно понятно. Читая, например, «Братьевъ Карамазовыхъ», вы ясно слышите присутствіе злонамѣреннаго человѣка, который иногда глубоко прячетъ свою злонамѣренность, а иногда даже просто не можетъ скрыть ея рвущагося наружу обилія. Присутствіе злонамѣреннаго человѣка всегда непріятно, и всякій естественно стремится избавиться отъ него. Вообще говоря, это сдѣлать очень просто: стоитъ только уйти или, въ настоящемъ случаѣ, не читать. Но если какія-нибудь постороннія причины все-таки заставляютъ васъ не только что терпѣть присутствіе злонамѣреннаго человѣка, а даже искать общенія съ нимъ, то въ васъ невольно и неизбѣжно шевелится брезгливость. Таково именно отношеніе читателя къ Достоевскому. Не быть его читателемъ нельзя: можно пропускать десятки, сотни скучныхъ, растянутыхъ и натянутыхъ страницъ, но все-таки иные моменты романа даютъ столько и такого наслажденія (почти всегда мучительнаго), сколько и какого ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не найдешь. И, тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, что, называя Достоевскаго злонамѣреннымъ писателемъ, я выражаю мысль многихъ и многихъ, хотя, можетъ-быть, немногіе рѣшаются именно такъ ее формулировать. Достоевскій — вѣдь это нашъ апостолъ любви, и не той «ненавидящей любви», которая сама признаетъ, что кипитъ желчью и гнѣвомъ, а любви всепрощающей, смиренной и вдругъ — злонамѣренность!

Съ теченіемъ времени эти вопросы выяснились. И какъ только они выяснились, Достоевскій далъ широко задуманную и блестящую вещь — «Преступленіе и наказаніе», въ художественномъ отношеніи лучшее (послѣ «Записокъ изъ мертваго дома», разумѣется) изо всего, что онъ написалъ. Хотя здѣсь еще звучитъ временами старая теплая нотка (особенно въ фигурѣ чиновника Мармеладова), но все-таки первый, къ кому приложены и проповѣдь, и смиреніе, и кара совѣсти, и кара каторги, есть униженный и оскорбленный Раскольниковъ. Это на первый взглядъ странно, непонятно. Но припомните, что унижающихъ и оскорбляющихъ, собственно говоря, нѣтъ, а есть общій порядокъ, который, однако, неприкосновененъ, и есть моралистъ, который призванъ творить судъ надъ личностью и только надъ

личностью: кромѣ самихъ униженныхъ, значитъ, судить некого. Къ тому же Раскольниковъ не простой униженный и оскорбленный. Онъ дерзнулъ на возстаніе, онъ кощунственно коснулся общаго порядка и теоретическою мыслью, и практическимъ дѣйствіемъ (довольно, впрочемъ, безсмысленнымъ). За это-то его и совѣсть мучитъ, за это онъ и на каторгу идетъ, и только тамъ, на каторгѣ, смирившись и увѣровавъ, получаетъ, наконецъ, душевный миръ. Живымъ укоромъ стоитъ передъ нимъ Соня Мармеладова, оплеванная, загаженная; безвинно униженная до послѣдней возможной степени, но и за всѣмъ тѣмъ смиренная, не протестующая: если она противъ чего и протестуетъ, то только противъ сатанинской гордости и дерзости Раскольникова. Смиренная, она все еще себя смирить хочетъ, страдающая, она страданій ищетъ. Это — идеалъ. Постепенно въ немъ укрѣпляясь, Достоевскій дошелъ, наконецъ, до убѣжденія, что это не только его личный идеалъ, и тѣмъ паче не только пріемникъ его проповѣди, а во-вторыхъ, самимъ Богомъ указанная цѣль, и во-вторыхъ, завѣтная мысль всего русскаго народа.

Съ «Преступленія и наказанія» Достоевскій становится спеціалистомъ кладоискателемъ. Онъ ходитъ по самымъ дикимъ трущобамъ и все ищетъ смиренія, чувства грѣха, сознанія своего ничтожества. Если долго не находитъ, а тѣмъ болѣе если находитъ, напротивъ, рѣшительное нежеланіе страдать, отсутствіе смиренія или даже протестъ противъ страданія и смиренія вообще, то очень сердится (сейчасъ увидимъ, что изъ этого проистекаетъ). А когда найдетъ подходящую для его надобностей искру, то начинаетъ усиленно раздувать ее, доводитъ, наконецъ, до размѣровъ цѣлаго костра страданія и самоуниженія, а самъ стоитъ, любуется, да раскаленные уголья съ священнымъ сладострастіемъ помѣшиваетъ: онъ знаетъ, что эти муки во спасеніе... Въ исключительномъ талантѣ Достоевскаго была одна черта, придавшая ему особенную силу, черта, которую я не умѣю иначе назвать, какъ *жестокостью таланта*.

Въ его талантѣ была какая-то жестокая мучительная складка, которая, разумѣется, ему самому дорого стоила, но которая тѣмъ не менѣе побуждала его съ наслажденіемъ растягивать утонченнѣйшія описанія мученій и страданій, растягивать до нехудожественной длинноты и часто совсѣмъ безъ нужды. Мнѣ незачѣмъ напоминать читателю отдѣльныя сцены, потому что все, что онъ самъ припомнитъ, будетъ, навѣрное, въ этомъ родѣ. Только ради ненужности многихъ подобныхъ мучительныхъ и мучительскихъ сценъ я укажу на моментъ появленія Красоткина у постели умирающаго Илюшечки (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»). Красоткинъ лицо вводное, притомъ введенное подъ самый конецъ романа, и не играющее въ немъ никакой существенной

роли. Выкиньте Красоткина совсѣмъ — и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» рѣшительно ничто не измѣнится, хотя можно, пожалуй, и механически приставить къ фабулѣ романа даже двухъ Красоткиныхъ. И вотъ, авторъ съ любовью и величайшимъ тщаніемъ вырисовываетъ (именно вырисовываетъ, а не просто рисуетъ) поразительную сцену, какъ Красоткинъ мучитъ умирающаго мальчика напоминаніями о его жестокомъ поступкѣ съ собакой Жучкой. Положимъ, что Красоткинъ продѣлываетъ это отчасти даже съ доброю цѣлью, ради болѣе эффектнаго сообщенія Илюшечкѣ, что собака Жучка жива, онъ и не подозрѣваетъ, что убиваетъ умирающаго. Но Достоевскій-то это понимаетъ. Сцена совершенно невѣроподобна, но все-таки производитъ сильное впечатлѣніе именно благодаря жестокой тщательности, съ которою ее отдѣлалъ авторъ. За что же онъ мучитъ Илюшечку, когда тотъ и безъ этого эпизода съ собакой все равно умретъ? За что?! Страшный вопросъ! Скажетъ, можетъ-быть, читатель: развѣ вамъ непремѣнно нужно, чтобы художникъ картины блаженства и розоваго счастья рисовалъ? — Нѣтъ, мнѣ вовсе этого не нужно. Но, во-первыхъ, я ищу характеристики писателя, а Достоевскій былъ однимъ изъ тѣхъ художниковъ, передъ которыми, навѣрное, вполнѣ живутъ создаваемые ими образы, а потому очень характерно, что онъ этому живому Илюшечкѣ причиняетъ ненужное и, такъ сказать, совершенно сверхсмѣтное страданіе. Во-вторыхъ, вопросъ: за что? — вполнѣ умѣстенъ именно относительно Достоевскаго, потому что въ томъ-то и дѣло, что онъ теоретически (въ своей публицистикѣ) и практически (подъ своими героями) требовалъ и раздавалъ страданія ни за что, ни про что, страданія ради страданій. Онъ ихъ и читателю доставлялъ въ безмѣрномъ количествѣ, въ безмѣрномъ потому, что сплошь и рядомъ его мучительныя картинки не будятъ никакой мысли, не отвѣчаютъ ни на какой запросъ читателя, не вызываются теченіемъ романа, не имѣютъ никакого нравственнаго смысла и, наконецъ, не соотвѣтствуютъ реальной жизненной правдѣ; словомъ, ничѣмъ не оправдываются и ничего не даютъ, кромѣ художественно-мучительнаго щекотанія нервовъ. Вы признаете законность, напримѣръ, того, что въ «Идіотѣ», въ самомъ началѣ романа и чуть ли не въ одной первой главѣ, князь-идіотъ три раза разсказываетъ сцену смертной казни. Три раза — это, можетъ-быть, уже слишкомъ много, но все-таки вы встрѣчаете тутъ жизненную правду и нравственную подкладку. Но не найдете нравственный смыслъ и правду въ безсознательномъ мучительствѣ Красоткина и во многомъ, во многомъ другомъ...

Такимъ образомъ, все влекло Достоевскаго къ апоѳеозу страданія: и уваженіе къ общему порядку, и жажда личной проповѣди, и спеціальная жестокость таланта. Понятно поэтому, съ какою наив-

ностью долженъ былъ онъ относиться къ тѣмъ, кто самъ не хочетъ страдать и другихъ хочетъ избавить отъ страданій. Особенно важно послѣднее, то-есть, что другихъ-то хочетъ избавить. Человѣкъ-животное, просто животное, ищущее наслажденій во что бы то ни стало, безъ мысли объ ихъ источникѣ, значеніи и послѣдствіяхъ — не занималъ Достоевскаго. Интересный въ общественномъ смыслѣ этотъ типъ слишкомъ скуденъ личной психологіей, а въ ней только покойникъ и чувствовалъ себя какъ въ родной стихіи, въ ней только онъ и былъ охочъ и смѣлъ. Зато тѣмъ сильнѣе приглядывался онъ къ такимъ людямъ, которые, не желая сами страдать, не желаютъ, чтобы и другіе страдали, или согласны принять крестъ, даже сами идутъ на него, но не ради самодовлѣющаго страданія, а ради именно того, чтобы другіе перестали страдать. Тѣмъ самымъ они переносятъ вопросъ объ униженіяхъ и оскорбленіяхъ на общественную почву, дерзостно покушаются на неприкосновенный общій порядокъ и потому становятся вдвойнѣ врагами Достоевскаго. Онъ ихъ билъ, унижалъ, мучилъ всѣми возможными орудіями пытки, какія только находились въ арсеналѣ его богатой своей болѣзненностью и раздражительностью фантазіи. Впрочемъ, всѣ эти разнообразныя казни и пытки можно подвести подъ три главные типа.

О Достоевскомъ часто говорятъ какъ о народномъ писателѣ, по крайней мѣрѣ, какъ о такомъ, который глубоко постигалъ самую суть русскаго народа, его душу. Это одна изъ самыхъ странныхъ, по своей неосновательности, репутацій. Изъ всѣхъ блестящихъ представителей сороковыхъ годовъ, она наименѣе приличествуетъ Достоевскому. Народомъ, какъ матеріаломъ для художественной обработки, онъ никогда не интересовался. Заинтересовался онъ имъ подъ конецъ, но въ качествѣ публициста и мыслителя, а не художника. «Записки изъ мертваго дома» не въ счетъ, это крупнѣйшее произведеніе покойника и одно изъ крупнѣйшихъ во всей русской литературѣ, стоитъ совсѣмъ особнякомъ. Оно, конечно, на много переживетъ все остальное, имъ написанное, посвященное больному интеллигентному русскому человѣку (эта сравнительная недолговѣчность не отъ темы, разумѣется, зависитъ, а отъ исполненія, — Гамлетъ, Донъ-Кихотъ, Отелло, тоже больные интеллигентные люди, но они вѣчны). Однако и въ «Запискахъ изъ мертваго дома» нельзя искать настоящихъ народныхъ типовъ уже по самой исключительности сферы наблюденій автора. Очень бы ужъ это странно рекомендовало наши «общіе порядки», если бы въ самомъ дѣлѣ оказалось, что народъ, настоящій народъ надо у насъ только на каторгѣ изучать. Затѣмъ, что касается глубокаго пониманія народной души, то оно исчерпывается въ Достоевскомъ двумя идеями: 1) народъ вѣритъ въ Царя; эта идея не есть спеціальное открытіе

Достевскаго, она давно уже стала даже общимъ мѣстомъ; 2) народъ любитъ и хочетъ страдать; это идея дѣйствительно оригинальная, лично Достоевскому принадлежащая, но понятно, что она получена не путемъ наблюденія и изученія, а непосредственно вытекаетъ изъ духа самого Достоевскаго. Чувство грѣха и соотвѣтственная жажда искупленія, какъ тема, не есть исключительная собственность Достоевскаго, но въ постановкѣ вопроса и въ его разработкѣ она дѣйствительно оригинальна. Едва ли, однако, къ выгодѣ для дѣла.

Вернемся къ народу. Пусть Достоевскій скудно и односторонне понималъ народную душу, но онъ горячо любилъ народъ, желалъ ему добра и видѣлъ въ немъ надежду Россіи. Это правда. И великая честь за это покойнику. Подобно многимъ людямъ сороковыхъ годовъ, Достоевскій понималъ, что идетъ какая-то еще неясная, но навѣрное грозная и грязная сила, одинаково враждебная и общимъ идеаламъ сороковыхъ годовъ, и мужику. Понималъ это и Писемскій и выражалъ (въ «Ваалѣ», «Просвѣщенномъ времени», «Мѣщанинѣ») съ свойственною ему грубою, сухою и узкою опредѣлительностью. Понималъ и Достоевскій, но до конца дней своихъ не могъ установиться на рѣшеніи, откуда собственно гроза надвигается? Мыслилъ онъ, надо сказать, чрезвычайно тяжело и медленно, и не по слабости мысли, а потому, что она у него была обвѣшана разными отягощающими привѣсками, какъ каторжникъ кандалами. Если какой-нибудь поэтическій образъ не давался ему сразу, однимъ порывомъ вдохновенія, и если приходилось поэтому звать на помощь чисто логическую силу, то онъ оказывался совершенно безпомощнымъ. Онъ возвращался къ искомому не разъ, не два, повторялъ его въ цѣломъ рядѣ романовъ, но все-таки ни до чего не доходилъ (въ такой неопредѣленности остался, напримѣръ, упомянутый выше безпокойный женскій типъ и многіе другіе). Тѣмъ затруднительнѣе было его положеніе въ области политики или публицистики. Мы видѣли, что уже въ «Идіотѣ», то-есть въ 1868 г., высказывается въ чрезвычайно смутномъ видѣ завѣтная мысль Достоевскаго, что кто оторвался отъ народной почвы, тотъ тѣмъ самымъ отъ Бога оторвался, и наоборотъ. Эта мысль и черезъ десять лѣтъ высказывалась съ такою же любовью, но и въ томъ же смутномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, Достоевскій всегда искалъ, вдумывался. Такъ было и относительно надвигающейся на русскій народъ грозы.

Статьи, на которыя онъ указывалъ, развивали ту мысль, что народу послѣ реформы, а отчасти даже въ связи съ ней, дѣйствительно грозитъ бѣда быть умственно, нравственно и экономически обобраннымъ. Эта мысль стала съ тѣхъ поръ любимою мыслью Достоевскаго, во имя ея онъ и новыя «учрежденія» встрѣчалъ враждебно. Но общій

строй его мысли и идеаловъ уже слишкомъ закоренѣлъ въ своей фантастичности и произвольности, чтобы «новыя откровенія» могли отлиться въ твердые, ясные результаты...

Въ концѣ-концовъ, невольно рождается вопросъ: что искалѣчило Достоевскаго? — потому что въ этомъ-то нельзя же сомнѣваться, что онъ искалѣченъ.

— Нѣтъ, можно и должно, — отвѣчаютъ нѣкоторые. Въ устахъ Достоевскаго апоѳеозъ каторги, какъ горнило очищенія, понятенъ, онъ такъ вяжется со всѣмъ строемъ его мысли. Но находятся поклонники умершаго романиста, которые повторяютъ эту дикую, безчеловѣчную фразу въ приложеніи къ нему самому. Они утверждаютъ, что онъ обладалъ свѣтомъ истины и что получилъ онъ ее именно тамъ, на каторгѣ. Ихъ не смущаетъ даже то очевидное обстоятельство, что на каторгѣ онъ получилъ падучую болѣзнь, каковая во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ о психическомъ здоровьѣ, значитъ, свѣтъ не просто съ востока идетъ, а изъ Сибири, изъ каторги... Ну, что же! благословимъ это благодѣтельное учрежденіе...

Неужто, господа, вы думаете, что оказали бы почетъ Христу, заявивъ, что терновый вѣнецъ не исцарапалъ Его лица и не запачкалъ его кровью? Нѣтъ, въ тысячу разъ больше уваженія къ покойнику выразили бы вы, если бы признали его искалѣченнымъ каторгой и болѣзнью, и если бы сказали на его могилѣ: не учителю или руководителю нашему мы кланяемся, мы «всему страданію человѣческому поклоняемся». Такъ говорилъ Раскольниковъ, припадая къ ногамъ забитой, искалѣченной порядкомъ вещей Сони...

Михайловскій.

О Достоевскомъ.

Въ противоположность Толстому, у Достоевскаго всюду—человѣческая личность, доводимая до послѣднихъ предѣловъ, растущая, развивающаяся изъ темныхъ, стихійныхъ, животныхъ корней до послѣднихъ лучезарныхъ вершинъ духовности, всюду — борьба героической воли: со стихіей нравственнаго долга и совѣсти — въ Раскольниковѣ; со стихіей сладострастія, утонченнаго, сознательнаго—въ Свидригайловѣ и Версиловѣ; со стихіей народа, государства, политики — въ Верховенскомъ, Ставрогинѣ, Шатовѣ; наконецъ со стихіей метафизическихъ и религіозныхъ тайнъ—въ Иванѣ Карамазовѣ, въ князѣ Мышкинѣ, въ Кирилловѣ. Проходя сквозь горнило этой борьбы, сквозь огонь раскаленныхъ страстей и еще болѣе раскаляющаго сознанія, ядро человѣческой личности, внутреннее «я» остается неразрушимымъ и обнажается, — и всѣ герои Достоевскаго противопоставляютъ себя поглощающимъ ихъ стихіямъ. Соотвѣтственно пре-

обладанію героической борьбы, главныя его произведенія, въ сущности, вовсе не романы, не эпосъ, а трагедіи. Повѣствовательная часть второстепенная. И это бросается въ глаза съ перваго взгляда: разсказъ, написанный всегда однимъ и тѣмъ же торопливымъ, иногда явно небрежнымъ языкомъ, то утомительно распущенъ и запутанъ, загроможденъ подробностями, то слишкомъ сжатъ и скомканъ. Вся художественная сила изображенія сосредоточена въ діалогахъ. Въ то время, какъ у Толстого почти всѣ лица говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, у Достоевскаго нельзя не узнать молча съ первыхъ же словъ, не по содержанію рѣчи, а по самому звуку голоса, говорилъ ли Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ или старецъ Зосима, Раскольниковъ или Свидригайловъ, Ставрогинъ или Кирилловъ. Достоевскому не нужно описывать наружность дѣйствующихъ лицъ; особенностями языка, звуками голоса сами они изображаютъ не только свои мысли и чувства, но и свои лица, свои тѣла. Не одно мастерство діалога, но и другія особенности творчества приближаютъ Достоевскаго къ строю великаго трагическаго искусства. Ему нѣтъ соперниковъ въ искусствѣ постепеннаго напряженія, накопленія, усиленія и ужасающаго сосредоточенія трагическаго дѣйствія. Для всѣхъ героевъ Достоевскаго наступаетъ мгновеніе, когда они перестаютъ «чувствовать на себѣ тѣло». Эти существа не безплотныя и безкровныя, не призрачныя. Но высшій подъемъ, крайнее напряженіе духовной жизни, наиболѣе раскаляющія страсти не сердца и чувства, а ума, сознанія, совѣсти, даютъ имъ эту освобожденность отъ тѣла, какъ бы сверхъестественную легкость, духовность плоти. Всѣ герои Достоевскаго живутъ, благодаря своей высшей духовности, неимовѣрно ускоренною жизнью; они не ходятъ, какъ обыкновенные люди, а летаютъ и въ самой гибели испытываютъ упоеніе этого страшнаго полета, ибо они вѣдь все-таки летятъ въ бездну. Въ стремительности воли чувствуется близость бездны; въ неудержимости трагическаго дѣйствія чувствуется близость катастрофы.

Въ противоположность излюбленнымъ героямъ Толстого, не столько умнымъ, сколько «умствующимъ», главные герои Достоевскаго—Раскольниковъ, Версиловъ, Ставрогинъ, князь Мышкинъ, Иванъ Карамазовъ—люди, прежде всего, умные; это, кажется, даже вообще самые умные, сознательные, культурные, самые европейскіе изъ русскихъ людей. На нихъ, кромѣ Достоевскаго, видно, какъ отвлеченныя мысли могутъ быть страстными, какъ метафизическія посылки и выводы коренятся не только въ нашемъ разумѣ, но и въ сердцѣ, чувствѣ, волѣ. Ихъ преступленія неизбѣжные выводы ихъ діалектики. Они глубоко чувствуютъ, потому что глубоко думаютъ; безконечно страдаютъ, потому что безконечно сознаютъ; смѣютъ хотѣть, потому что смѣютъ мыслить. И самая отвлеченная мысль есть вмѣстѣ съ тѣмъ

самая страстная, могучая мысль о Богѣ: всѣхъ героевъ Достоевскаго «мучитъ Богъ». Не жизнь тѣла — его конецъ и начало, смерть и рожденіе, какъ у Толстого, — жизнь духа, отрицаніе и утвержденіе Бога у Достоевскаго есть вѣчно кипящій родникъ всѣхъ человѣческихъ страстей и страданій. Потокъ самой дѣйствительной жизни, низвергаясь съ высочайшихъ ледяныхъ вершинъ метафизики и религіи, пріобрѣтаетъ отъ него ту силу страсти, силу дѣйствія, неудержимую стремительность, которая влечетъ его къ трагической катастрофѣ. Онъ показалъ намъ связь, которая существуетъ между трагедіей нашего сердца и трагедіей нашего разума — нашего философскаго и религіознаго сознанія. Это для него по преимуществу современная русская трагедія. Въ неутомимой религіозной жаждѣ усматривалъ онъ признакъ неизбѣжнаго участія русскаго духа, русскаго слова въ будущей всемірно-исторической культурѣ.

Существуютъ простодушные читатели съ размягченной дряблой современной чувствительностью, которымъ Достоевскій всегда будетъ казаться «жестокимъ», только «жестокимъ талантомъ». И въ самомъ дѣлѣ, въ какія невыносимо безвыходныя, неимовѣрныя положенія ставитъ онъ своихъ героевъ. Черезъ какія бездны нравственнаго паденія, духовныя пытки доводитъ онъ ихъ до преступленія самоубійства слабоумія, бѣлой горячки, сумасшествія. Да, во истину, это — палачъ, сладострастникъ мучительства, великій инквизиторъ душъ человѣческихъ, — жестокій талантъ.

Вотъ главное, всѣмъ понятное обвиненіе противъ Достоевскаго — неестественность, необычность, искусственность, отсутствіе такъ называемаго «здороваго реализма».

«Меня зовутъ психологомъ, — говоритъ онъ самъ, — неправда, я лишь *реалистъ въ высшемъ смыслѣ*, т.-е. изображаю всѣ глубины души человѣческой». Для того, чтобы непроявившіяся стороны, силы, сокрытыя въ «глубинахъ души человѣческой», обнаружились, ему необходима такая-то степень давленія нравственныхъ атмосферъ, которая въ условіяхъ *теперешней* «реальной» жизни никогда или почти никогда не встрѣчается,—или разрѣженный, ледяной воздухъ отвлеченной діалектики, или огонь стихійно-животной страсти. Въ этихъ опытахъ иногда получаетъ онъ состоянія души человѣческой, столь еще новыя, кажущіяся невозможными, неестественными, какъ жидкость воздуха. Подобнаго состоянія души не бываетъ, по крайней мѣрѣ, въ доступныхъ нашему изслѣдованію культурно-историческихъ и бытовыхъ условіяхъ, но оно можетъ быть. Такъ называемая «психологія» Достоевскаго напоминаетъ огромную лабораторію съ тончайшими и точнѣйшими приборами, машинами для измѣренія, изслѣдованія, испытыванія душъ человѣческихъ. Легко себѣ представить, что непосвященнымъ лабора-

торія эта должна казаться чѣмъ-то въ родѣ «діавольской кухни» средневѣковыхъ алхимиковъ.

Въ романахъ Достоевскаго есть мѣста, въ которыхъ всего болѣе отражаются особенности его какъ художника, и о которомъ трудно рѣшить, что это — искусство или наука? Здѣсь тонкость знанія и ясновидѣніе творчества — вмѣстѣ. Это новое *соединеніе*, которое предчувствовали величайшіе художники и ученые, и которому нѣтъ еще имени.

Есть болѣе достойный вниманія вопросъ — вопросъ о жестокости Достоевскаго къ себѣ самому, о *болѣзненности* его какъ художника.

Въ самомъ дѣлѣ, что за странный писатель съ неутомимымъ любопытствомъ копающійся только въ болѣзняхъ, только въ самыхъ страшныхъ и наружныхъ язвахъ души человѣческой, вѣчно бередящій эти язвы. И что за странные герои — эти «блаженненькіе», кликуши, сладострастники, юродивые, бѣсноватые, идіоты, помѣшанные. Можетъ-быть, это не столько художникъ, сколько врачъ душевныхъ болѣзней, и притомъ такой врачъ, которому должно сказать: «врачъ, исцѣлися самъ». Можетъ-быть, это не столько герои, сколько собраніе любопытныхъ «клиническихъ случаевъ»? И, въ концѣ-концовъ, что же намъ, здоровымъ, здравомыслящимъ — до всей этой «силоамской купели?» Что намъ, неуязвленнымъ, до этихъ уязвленныхъ?

Но не должно ли намъ, получившимъ такое всемірно-историческое предостереженіе, намъ, хотя бы только по имени «христіанамъ», относиться съ менѣе развязною «клинической» самоувѣренностью, съ болѣе утонченной культурной осмотрительностью ко всякимъ вообще язвамъ, болѣзнямъ человѣческаго тѣла и духа? Можетъ-быть, мы знаемъ о нихъ *не все*.

Чѣмъ глубже вдумываешься, тѣмъ загадочнѣе становится вопросъ о культурныхъ болѣзняхъ вообще, о болѣзни Достоевскаго въ частности. Великъ ли, малъ ли онъ, — во всякомъ случаѣ онъ не похожъ ни на кого въ семьѣ великихъ писателей всемірной литературы. Сила ли его отъ болѣзни или болѣзнь отъ силы?

Здѣсь кончается наше явное, наше слово, наше созерцаніе, здѣсь начинается наше тайное, наше молчаніе.

Мережковскій.

„Братья Карамазовы“.

Вся эта исторія Грушеньки, съ ея личными страданіями и страданіями, которыя она вызываетъ, есть какъ бы психологія красоты, ея жизненное странствованіе среди людей. Достоевскій даетъ намъ въ этомъ образѣ, какъ и въ образѣ Настасьи Филипповны, поистинѣ величественную философію красоты, величественную потому, что въ

этой философіи нѣтъ ни одной сентиментальной черты, а все отъ начала до конца трагично. Въ противоположность наивно оптимистическимъ взглядамъ на красоту, какъ на нѣчто не только эстетически превосходное, но и нравственно-благое, Достоевскій смотритъ на красоту какъ на злое, хищное, демонское начало. Въ самомъ человѣкѣ она является источникомъ трагическаго раздвоенія и борьбы личнаго принципа съ безличнымъ, Божескимъ, гордыни со смиреніемъ. А въ обществѣ она порождаетъ бури страстей и сладострастья. «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная потому, что неопредѣлимая, и опредѣлить нельзя, потому что Богъ задалъ однѣ загадки. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ». Вотъ этотъ взглядъ Достоевскаго на красоту: она страшна и ужасна въ своей неопредѣлимости, въ своей загадочности, она возникаетъ какъ бы на мѣстѣ встрѣчи двухъ противоположныхъ стихій, тамъ, гдѣ берегъ земли сливается съ берегомъ неба. Слова великаго художника нужно истолковывать съ особенной осторожностью. Какія глубокія правды прорываются иногда въ неожиданномъ поэтическомъ образѣ, который критику приходится какъ бы разлагать на части, чтобы увидѣть скрытое въ немъ содержаніе. Достоевскій говоритъ, что красота страшна въ своей неопредѣлимости, вѣчной неопредѣлимости, — въ своей непознаваемой природѣ. Но, спрашивается, почему именно красота неопредѣлима, тогда какъ цѣлый міръ явленій, ее окружающихъ, доступенъ опредѣленію, поддается человѣческому познанію? Красота заключаетъ въ себѣ стремленіе къ безконечности, къ какой-то новой безконечности, развертывающейся изъ личнаго начала. Это — стремленіе оторваться отъ невидимаго безличнаго міра и, замкнувшись въ гордынѣ своей великолѣпной законченности, подчинить все своимъ собственнымъ безмѣрнымъ фантазіямъ. Конечно, это странное демонское стремленіе, эту тенденцію всякой красоты трудно вмѣстить въ какое-нибудь точное словесное опредѣленіе, потому что противорѣчивыя сочетанія, возможныя и встрѣчающіяся въ жизни, не передаются въ простыхъ словахъ, не обнимаются какою-нибудь одной законченною цѣльною мыслью. Какъ передать въ одномъ опредѣленіи, краткомъ и исчерпывающемъ, этотъ двойственный размахъ красоты, — разрушительный по отношенію къ Богу, атеистическій, богофобскій и созидательный, фантастически-творческій по отношенію къ міру? Въ первомъ случаѣ размахъ является, если такъ можно выразиться, мистическимъ началомъ съ минусомъ впереди. Во второмъ случаѣ онъ является нагляднымъ выраженіемъ чисто жизненныхъ началъ, въ ихъ полномъ расцвѣтѣ, въ ихъ цѣлесообразности и высочайшихъ напряженіяхъ дѣятельной силы. Вотъ въ какомъ смыслѣ красота можетъ быть названа непреодолимою. Но если она и неопредѣлима въ своемъ

фантастическомъ полетѣ отъ неба дѣйствительнаго къ небу воображаемому, то тенденція, линія этого полета опредѣляется съ несомнѣнною, почти ощутимою ясностью. Красота — это полное развитіе личнаго, богофобскаго начала въ явленіяхъ міра, это — жизнь въ ея совершеннѣйшей законченности. Она самая большая сила на землѣ, самая дерзновенная и, можно сказать, самая протестантская, потому что она вѣчно бунтуетъ за свою собственную свободу противъ того, что неизбѣжно ее ограничиваетъ. Демонская стихія, она слѣпо отдается своимъ фантазіямъ. Но какъ бы ни былъ высокъ и могучъ ея полетъ, мы уже видимъ — въ мысляхъ, въ логикѣ предѣлы этого полета — ея паденіе. Какъ бы высоко ни бросить камень, онъ непремѣнно упадетъ на землю, къ которой тяготѣетъ по ненарушимымъ міровымъ законамъ. Какъ бы ни извивался человѣкъ въ своихъ сатанинскихъ фантазіяхъ, въ изступленіяхъ своей гордыни надъ той стихіей, изъ которой онъ изошелъ, онъ долженъ вернуться къ ней по ненарушимымъ законамъ иныхъ, духовныхъ тяготѣній. И онъ вернется, окончательно вернется къ своей Божеской стихіи — фатально, въ минуту смерти, или, еще раньше, въ своемъ сознаніи, въ своемъ просвѣтлѣніи. Такъ именно вернулась къ своему Богу Грушенька, совершивъ полетъ надъ людьми и найдя въ себѣ — подъ злобнымъ кипѣніемъ страсти—«тихость» новыхъ, свѣтлыхъ экстазовъ. Неопредѣлимая, по своей природѣ, красота улавливается и опредѣляется въ своихъ неизмѣнныхъ жизненныхъ направленіяхъ.

Изливаясь передъ Алешею на тему о красотѣ, Дмитрій Карамазовъ восклицаетъ: «Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы — сердца людей». Вотъ опять художественное откровеніе, требующее самаго осторожнаго истолкованія. Что красота, какъ дьяволъ, вызываетъ на борьбу Бога и возбуждаетъ такую же борьбу вокругъ себя — это, послѣ всего сказаннаго, ясно само собою. Но вотъ вопросъ: какія силы въ человѣкѣ вооружаются на эту борьбу, иначе говоря, какія силы въ немъ являются богофильскими и какія богофобскими? Достоевскій говоритъ: поле этой битвы — сердца людей. Этимъ онъ хочетъ сказать, что источникъ человѣческой гордыни тамъ же, гдѣ рождается человѣческое смиреніе и умиленіе. Зло и добро — оба таинственны, оба страшны въ своей таинственности, оба рождаются въ безсознательныхъ глубинахъ души. Тамъ именно, въ этихъ глубинахъ, рождается молитва и рождается проклятіе. И то, и другое мистическаго происхожденія. Поистинѣ можно сказать, что Достоевскій достигаетъ въ этихъ немногихъ словахъ Дмитрія небывалой еще въ нашей литературѣ глубины. Итакъ, если борьба между добромъ и зломъ, между дьяволомъ и Богомъ совершается въ самомъ сердцѣ человѣческомъ, то можетъ показаться, что оба эти начала совершенно равно-

правны, и что въ человѣкѣ нѣтъ ни одного пункта, неприкосновеннаго для сатанинскихъ влеченій. Вѣдь сердце человѣческое всегда представляетъ и представляется чѣмъ-то чистымъ, цѣльнымъ, лишеннымъ внутренняго разлада. Оно одно даетъ тихія, но несокрушимыя реакціи противъ всякой ошибки человѣческаго ума и человѣческой воли. Что-то болѣе глубокое, чѣмъ умъ и воля, звучитъ внутри человѣка, какъ подводный колоколъ, призывая его къ нравственной осторожности и тонкости, къ суровому суду надъ собою, но мягкому и сострадательному надъ другими. Это оно одно говоритъ — сердце человѣческое, а когда оно говоритъ, передъ нимъ послушно держатъ отвѣтъ всѣ силы разума и обольщенія гордой воли.

Такъ человѣкъ понимаетъ свое сердце, и этому пониманію ничего не можетъ противопоставить наука. И для человѣка науки и для простого «мужика» одинаково звучитъ подводный колоколъ. Только для одного звукъ этотъ имѣетъ и логическое оправданіе, а для другого онъ является какимъ-то безотчетнымъ призывомъ. Невольно хочется, читая это мѣсто въ романѣ Достоевскаго, сдѣлать какую-то поправку,—можетъ-быть, поправку въ одномъ только терминѣ,—ибо всею логикою, всѣмъ напряженіемъ внутреннихъ инстинктовъ созерцаешь въ себѣ что-то чистое отъ всякаго сатанинства, что-то совершенно незапятнанное, одно крошечное окошечко въ тотъ міръ, откуда идетъ все очарованіе, вся вѣчно свѣжая прелесть добра, и это крошечное мѣстечко въ душѣ человѣка, залитое небеснымъ свѣтомъ, хочется почему-то называть именно сердцемъ. Въ сердцѣ и живетъ Богъ, и его-то, на этомъ именно мѣстѣ, постоянно осаждаетъ дьяволъ. Въ этомъ единственномъ смыслѣ, мнѣ кажется, можно сказать, что сердце является ареною борьбы двухъ великихъ началъ, одинаково таинственныхъ, одинаково мистическихъ,—той крѣпостью, которая несокрушимо выдерживаетъ вѣковѣчный напоръ разрушительныхъ силъ. Одно только сердце можетъ противостоять злымъ обольщеніямъ красоты. «Красота! — воскликнулъ Дмитрій Карамазовъ.—Перенести я при томъ не могу, что иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ содомскимъ». Какъ бы ни было неприступно человѣческое сердце, въ стихійныхъ натурахъ, въ карамазовскихъ натурахъ «всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ», всѣ влеченія души достигаютъ ея безсознательныхъ глубинъ и дѣйствуютъ съ такимъ напряженіемъ, что вся она, въ самыхъ различныхъ своихъ направленіяхъ, охватывается какъ бы общимъ пожаромъ. Человѣку нужно, чтобы онъ горѣлъ, чтобы въ немъ былъ пожаръ, чтобы въ немъ былъ экстазъ, и когда онъ горитъ тою или другою любовью, тою или другою страстью, онъ уже не имѣетъ возможности разобраться, какая именно сила имъ управляетъ

въ данную минуту и какая изъ этихъ силъ ближе его сердцу. «Еще страшнѣе,—продолжаетъ Дмитрій Карамазовъ,—кто уже съ идеаломъ содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и воистину, воистину горитъ, какъ и въ юные, безпорочные годы». Это и есть внутренняя жизнь истинно трагическихъ натуръ, съ ихъ паденіями и вѣчными протестами сердца, которые поднимаютъ ихъ надъ сладострастными упоеніями содомской красоты. На такихъ именно трагическихъ натурахъ и видны вся неприступность, вся безпорочность человѣческаго сердца. «Нѣтъ, широкъ человѣкъ, слишкомъ даже широкъ,—я бы сузилъ. Чортъ знаетъ, что такое даже, вотъ что!»

Несоединимые между собою міры вмѣщаются въ человѣческой душѣ, и краткосрочная жизнь полна почти невыносимою безмѣрностью. Кажется, что маленькій извнѣ человѣкъ, маленькій въ своемъ положеніи среди другихъ, маленькій въ своихъ дѣлахъ и замыслахъ не можетъ все равно обнять своего собственнаго внутренняго содержанія. На какую потребу даны ему эти безмѣрности, когда все окружающее ждетъ отъ него во всемъ прозаической мѣры и скромненькаго самоотреченія въ тактъ житейскимъ обиходамъ, всегда пошлымъ, всегда мелкимъ, всегда проникнутымъ низменными самообманами? Казалось бы, полезнѣе сузить человѣка! Вотъ иронія надъ міромъ людской ограниченности, которая сверкнула въ словахъ Дмитрія Карамазова, и которая великолѣпно передаетъ почти сатанинскій смѣхъ самого Достоевскаго.

Алеша Карамазовъ.

Если представить себѣ на минуту, что неземной ангелъ захотѣлъ бы принять русскій обликъ, то онъ предсталъ бы передъ людьми въ образѣ Алеши. Настоящимъ херувимомъ ходилъ онъ отъ одного къ другому: отъ Дмитрія къ отцу, отъ отца къ Катеринѣ Ивановнѣ, отъ нея къ Грушенькѣ, зная всѣ закоулки города, повсюду разнося цѣлительный бальзамъ. Его постоянное жилище, откуда онъ вышелъ и туда онъ, въ концѣ-концовъ, вернется — бѣлый подгородный монастырь, гдѣ обитаетъ настоящая мудрость. Къ чему бы онъ ни прикоснулся, на всемъ онъ оставляетъ мягкій слѣдъ своей душевной чистоты, своей нѣжной юной правды.

Всѣ любятъ Алешу, но любятъ его особенно, не по-земному, «по-новому», своимъ глубокимъ духовнымъ элементомъ. Въ комъ есть душа, тотъ любитъ его глубинами души. Для Грушеньки онъ «молодой мѣсяцъ», восходящій среди темноты ея ночи. Какое-то «княжеское» достоинство она улавливаетъ въ немъ, потому что его нельзя ни съ кѣмъ смѣшать, хотя самъ онъ ласково смѣшивается со всѣми.

Такимъ именно молодымъ мѣсяцемъ онъ остался въ воображеніи, когда читаете романъ. Каждое его появленіе приноситъ съ собою какой-то тихій, прохладный свѣтъ, какое-то мягкое вѣяніе. Дмитрій любитъ Алешу «по-настоящему»; своимъ бурнымъ страстямъ, мятежной любви и ненависти онъ противопоставляетъ свое чувство къ Алешѣ. Для него онъ «высшій человѣкъ», «ангелъ», «херувимъ». Иванъ, который, можетъ-быть, ничьихъ мнѣній на свѣтѣ не цѣнитъ, кромѣ своего, внимательно прислушивается къ словамъ Алеши. Для него «высоко» мнѣніе этого маленькаго, кроткаго мальчика. Онъ хотѣлъ бы «исцѣлить себя» Алешею. Ѳедоръ Ивановичъ души въ немъ не чаялъ. Онъ всѣхъ на свѣтѣ боится, одного только Алеши не боится.

Всѣ любятъ Алешу духомъ, и самъ онъ является какимъ-то духомъ, въ притягательно-красивой, но не обольстительной формѣ. Все въ немъ пропорціонально и тихо. Онъ тихо смотритъ въ самую душу, хотя блескъ его пристальнаго взгляда кажется улыбкою. Чистѣйшая искренность чувствуется въ его «сіяющемъ» взглядѣ. Его тихій взглядъ, продолговатый овалъ его лица, оживленность выраженія,—все это сливается въ какой-то иконописный образъ стараго царскаго письма,—образъ, въ которомъ нѣтъ ничего вызывающаго, ничего рѣзко индивидуальнаго, ничего раздражающаго. Если Алеша и является цѣльной личностью, то все-таки это личность чисто фантастическая, выписанная не столько художественными, сколько мечтательно-поэтическими красками. Такіе образы встрѣчаются въ искусствѣ религіозныхъ живописцевъ современной эпохи и старыхъ эпохъ, въ яркомъ письмѣ Васнецова, въ свѣтломъ, серафическомъ письмѣ Беато Анджелики. Алеша—благовѣствующій ангелъ, миссіонеръ высшей правды, а не тотъ обыкновенный дѣятель жизни, который входитъ въ нее собственными страстями и самъ вызываетъ страсти. Какъ бы глубоко его ни любили, никто не полюбитъ его тѣмъ мучительно-острымъ чувствомъ, которое называется страстью, страстной любовью. Среди яркихъ и пестрыхъ картинъ общей карамазовской исторіи мы находимъ въ романѣ одинъ эпизодъ — отношенія Алеши къ Лизѣ, крайне характерный въ этомъ смыслѣ.

Въ Алешѣ нѣтъ тѣхъ ядовитыхъ элементовъ, той силы, которая вызываетъ страсть. Что бы Лиза ни говорила Алешѣ, для читателя должно быть ясно, что въ общеніи съ нимъ у нея впервые раскрывается чисто-духовная сторона ея существа. Если поставить Алешу рядомъ съ братомъ его Иваномъ и спросить себя, кому изъ этихъ двухъ юношей должно отдать предпочтеніе женское сердце, то невольно скажешь себѣ, что въ такомъ состязаніи Алеша долженъ проиграть. Онъ прекрасенъ, какъ мечта, а потому самая любовь къ нему принимаетъ неземной характеръ. Иванъ, напротивъ, со всей своей

сложностью, загадочностью, со своими внутренними противорѣчіями, въ которыхъ постоянно сверкаетъ огонь, невольно овладѣваетъ сердцемъ глубокой женской натуры.

Алеша не фанатикъ, не мистикъ, а «ранній человѣколюбецъ». Не въ метафизическомъ полетѣ сказывается русская натура, а именно въ этомъ раннемъ человѣколюбіи — теплокровномъ, умиленномъ и внимательномъ ко всему реальному. Если присмотрѣться къ этому русскому человѣколюбію съ человѣколюбивымъ довѣріемъ, то нельзя не почувствовать и не замѣтить, что подъемъ этого человѣколюбія слишкомъ высокъ для того, чтобы его могла обнять и объяснить какая-либо маленькая, земная философія. Этотъ всеспасительный культъ и чувствуется въ Алешѣ, и за это его любишь, какъ чистѣйшее выраженіе народно-русской души, какъ ея великодушную мечту, ея грёзу.

А. Волынскій.

Алеша остается на протяженіи всего романа какой-то психологической фантазіей, какою-то надеждой художника на появленіе людей съ новымъ, цѣльнымъ строемъ души — уже безъ разладовъ, демонскихъ изступленій, даже безъ внутренней борьбы. Разъ Алешѣ показалось, что въ поспѣшномъ тлѣніи умершаго Зосимы нарушена высшая справедливость. На его сердце налетѣла какая-то буря. Но на чистомъ его челѣ туча быстро разсѣялась. Развѣ онъ можетъ долго сомнѣваться? Онъ весь религіозенъ, весь опьяненъ тѣмъ «новымъ виномъ», которое даетъ «новую, великую радость». Въ этомъ духовномъ опьяненіи Алеша произноситъ рѣчь толпѣ мальчиковъ у большого камня Илюши. Вокругъ него — Красоткинъ, Карташовъ, Смуровъ и другіе дѣти, похожіе всѣ вмѣстѣ на стаю голосистыхъ птицъ. Онъ является среди нихъ какимъ-то русскимъ Франциском Ассизскимъ, который проповѣдывалъ птицамъ. Дѣти слушаютъ его съ умиленіемъ, съ радостными лицами, со слезами въ глазахъ. А онъ говоритъ и говоритъ. И опять-таки не метафизическія идеи проповѣдуетъ онъ имъ, а «прекрасное святое воспоминаніе» о чудесномъ мальчикѣ Илюшѣ. Одного такого воспоминанія достаточно, чтобы между ними навѣки сохранился духовный союзъ. Такъ именно долженъ говорить чисто

русскій Алеша. Въ словахъ его не видишь безконечнаго неба, но все-таки чуешь его гдѣ-то близко, со всею его глубиною, съ его страстною душою.

Старецъ Зосима.

Среди боголюбивыхъ монаховъ въ романѣ первое мѣсто принадлежитъ старцу Зосимѣ. Тѣло его «невеликое, къ костямъ присохши», сгорбилось, какъ бы подъ ношею земного бремени. Сухое лицо его, усѣянное мелкими морщинками, говоритъ о томъ, что прежняя жизнь, молодая и кипучая, смѣнилась въ немъ другою, совсѣмъ иного порядка. Глаза его свѣтятся какъ «двѣ блестящія точки»: въ ихъ взглядѣ чувствуется такая неизмѣнная сосредоточенность, что ихъ вѣчное движеніе кажется неподвижностью. Усмѣшка, блуждающая на губахъ Зосимы, даетъ намъ отраженіе его вѣчно сверкающаго ума, а веселый, привѣтливый взглядъ показываетъ, что этотъ умъ открылъ для него утѣшительныя перспективы широкой гуманности. Зосима полонъ безоблачныхъ восторговъ, и восторги эти выражаютъ радость живого общенія съ міромъ. Этотъ міръ входитъ въ его душу со всѣми своими частностями, тяжкими для другихъ обстоятельствами и, войдя въ нее, переработывается во что-то легкое, по новому осмысленное и потому уже чистое и возвышенное. Онъ является хранителемъ настоящимъ «Божьей правды», ибо эта Божья правда — вѣчная и неизмѣнная въ схемахъ жизни — не для всякаго видна въ самой жизни, въ ея случайныхъ проявленіяхъ, въ мелочахъ, въ судьбахъ отдѣльныхъ маленькихъ людей. Самая рѣжущая правда, высказываемая имъ въ глаза, никогда никого не унижаетъ. Никакое признаніе стекающихся къ нему людей не можетъ омрачить яснаго веселія его духа. Онъ одинъ смотритъ на это расплескавшееся море передъ нимъ грубыхъ страстей съ истинной высоты, оттуда, гдѣ душа живо касается божества, преображается въ немъ и проникается его свѣтомъ. Онъ видитъ міръ сквозь свои тихіе, вѣчно радостные экстазы и все заливаетъ своими богофильскими ощущеніями, въ которыхъ нѣтъ ничего и не можетъ быть ничего тоскливаго, ничего суроваго. Онъ уже уразумѣлъ, что дѣлается въ душѣ Дмитрія, уже отмѣтилъ его среди другихъ, и передъ тѣмъ, какъ уйти изъ кельи, поражаетъ присутствующихъ своимъ земнымъ поклономъ ему. Онъ преклоняется предъ его будущими муками. Изъ своего мгновеннаго общенія съ настоящими и грядущими страданіями Дмитрія Зосима все-таки выноситъ утѣшительный для себя и для другихъ свѣтъ. Онъ весь сіяніе, отрадное и бодрящее, при всей его физической хилости, при всѣхъ болѣзняхъ, которыя завтра сведутъ его въ могилу. Смерть уже подходитъ къ нему, но свѣтлое настроеніе ни на минуту его не оставляетъ. Умирая, онъ

въ послѣднемъ, прощальномъ словѣ къ самымъ близкимъ людямъ изливаетъ свою мудрость, — все, что накопилось въ немъ долгими годами жизни и мысли, — и эта мудрость кажется, въ самомъ дѣлѣ, откровеніемъ нездѣшняго, иного міра. Рѣчь его отъ начала до конца залита восторгомъ. Несмотря на то, что въ немъ изсякаетъ воля жизни и начинается таинственный процессъ возврата богочеловѣческой индивидуальности къ Богу, къ своей метафизической причинѣ, Зосима обвѣваетъ какимъ-то благоуханнымъ ѳиміамомъ все, что только можетъ войти въ человѣческій кругозоръ. Въ послѣднюю минуту, когда грудь его уже сдавлена предсмертною судорогою, онъ «спустился съ креселъ на полъ и сталъ на колѣни, затѣмъ склонился лицомъ ницъ къ землѣ, распростеръ свои руки и какъ бы въ радостномъ восторгѣ, цѣлуя землю и молясь, тихо и радостно отдалъ душу Богу».

Онъ умираетъ, съ улыбкой взирая на окружающихъ, дѣлая послѣдній земной поклонъ, въ какомъ-то радостномъ восторгѣ, тихо и радостно отдавая свою душу Богу. Каждое слово является здѣсь не просто краскою или пластическою чертою, а выраженіемъ, — можетъ-быть, безсознательнымъ, — величайшей идеи жизни и смерти. Этотъ поклонъ до земли есть обычное для Зосимы движеніе — свидѣтельство его смиренія передъ безмѣрнымъ божескимъ началомъ. Тихій восторгъ, сказывающійся въ его улыбкѣ, — это истинное возрожденіе, въ новой, высшей формѣ, радостнаго древняго человѣка, который умѣлъ умирать, умѣлъ уходить въ вѣчность безъ слабосильныхъ скорбей и сокрушеній, не тоскуя и не поселяя тоски въ окружающихъ. Въ своемъ полетѣ изъ настоящаго въ исторію прошедшихъ временъ Достоевскій возносится надъ всѣмъ, что есть въ вѣрованіяхъ людей случайнаго, застывшаго, условно догматическаго.

Въ самомъ дѣлѣ, подбирая оставшіяся детали въ изображеніи Зосимы, мы все болѣе убѣждаемся, что этотъ обликъ созданъ изъ простыхъ, жизненныхъ элементовъ, какихъ мы не встрѣчаемъ въ традиціонной религіозной живописи. Фигуры святыхъ представляются обыкновенно неподвижными, съ мертвенною сосредоточенностью въ глазахъ, въ искусственно удлиненныхъ пропорціяхъ, словно это не живые люди, а какія-то тѣни, безмолвныя и безсильно скользящія по землѣ. Отъ этихъ фигуръ, когда смотришь на нихъ въ старинныхъ соборахъ, въ душѣ разливается холодная тоска, безсодержательное уныніе плѣненной и не питаемой никакими теплыми ощущеніями отвлеченной мысли.

Зосима весь виденъ въ непосредственности своей простой, цѣльной внутренней жизни. Глаза его блестятъ отъ возбужденія, но постоянно улавливаютъ что-нибудь новое. «Пристально» и «зорко» изучаетъ онъ Ивана, съ стремительностью онъ вычитываетъ въ глазахъ Дмитрія

суть его натуры и его судьбу. Оріентировавшись такимъ образомъ посредствомъ одного только зрѣнія въ смутѣ карамазовскаго дома, онъ отмѣчаетъ Дмитрія какъ предметъ особенныхъ заботъ для Алеши. «Былъ ли у своихъ и видѣлъ ли брата?» спрашиваетъ онъ его на другой день послѣ посѣщенія Карамазовыми его кельи, спрашиваетъ съ безотчетною неопредѣленностью, потому что въ сознаніи его образъ Дмитрія отпечатлѣлся ярче другихъ членовъ этой семьи и какъ бы заслоняетъ ихъ. Въ душѣ его, уже объятой холодкомъ смерти, свѣтится и горитъ забота объ этомъ человѣкѣ, въ которомъ онъ провидѣлъ готовящееся ему распятіе. Старость и болѣзни не могутъ сломить энергію Зосимы. Со всѣмъ изяществомъ внимательнаго къ людямъ и вѣжливаго человѣка, онъ никого не заставляетъ ждать себя. Онъ въ вѣчной гармоніи съ другими, и эта гармонія достигается имъ благодаря неистощимымъ запасамъ его душевныхъ и нервныхъ силъ. Какой мимолетный штрихъ въ огромномъ романѣ, конечно, штрихъ безсознательный, и, однако, онъ создаетъ въ читателѣ довѣрчивое влеченіе къ этому съ виду невзрачному монаху. Изящество скромной вѣжливости сливается въ Зосимѣ съ природною красотою страстной, подвижной натуры. Странно сказать, въ этомъ изможденномъ старикѣ, насквозь проникнутомъ цѣльнымъ богофильствомъ, есть одна черта общая съ Дмитріемъ, брошенная художникомъ, вѣроятно, тоже безсознательно. Зосима, какъ и Дмитрій, былъ когда-то офицеромъ, и это обстоятельство намекаетъ на нѣкоторую общность ихъ темпераментовъ. Каждое впечатлѣніе выражается у Зосимы соотвѣтствующимъ внѣшнимъ порывомъ. Эти внезапныя проявленія его дѣятельной чуткости къ людямъ, побѣждающей его физическую слабость, — вотъ безподобная краска, взятая изъ настоящей человѣческой дѣйствительности и выдѣляющая образъ Зосимы изъ образовъ схематической богословской иконописи.

На всѣхъ подробностяхъ художественнаго письма Достоевскаго изучаешь тѣ глубокія личныя настроенія, которыя дѣлаютъ его истиннымъ іереѣіархомъ по отношенію къ уже застывшимъ пластамъ національной религіи, потерявшей свою связь съ чистымъ богопониманіемъ, съ безыскусственнымъ религіознымъ творчествомъ народа, которое всегда свободно отъ культурной суетности, пустословія и разсудочности, всегда великолѣпно въ своей сердечной простотѣ.

Наконецъ послѣдняя особенность во внѣшней характеристикѣ Зосимы. Черезъ все его поведеніе проходитъ смиреніе въ одномъ чисто пластическомъ символѣ: несмотря на свою немощь, онъ постоянно склоняется передъ людьми въ низкомъ, глубокомъ поклонѣ. Этотъ поклонъ такъ же свойственъ Зосимѣ, какъ инфернальный изгибъ Гру-

шеньки. Первый же проблескъ новыхъ настроенiй въ его душѣ, еще въ бытность его офицеромъ, сопровождается у него земнымъ поклономъ передъ оскорбленнымъ имъ денщикомъ Аѳанасiемъ. Вся земная суета, связанная съ его чиномъ и блескомъ офицерскихъ эполетъ, отпадаетъ отъ него вмѣстѣ съ этимъ рѣшительнымъ поклономъ. Отнынѣ Зосима привѣтствуетъ поклономъ, низкимъ, русскимъ поклономъ, всякое человѣческое обращенiе къ нему. Уже при первыхъ бесѣдахъ съ Карамазовымъ, въ его хиломъ, но подвижномъ тѣлѣ чувствуется задержанный рефлексъ, не выраженное движенiе сердца. Дмитрiй еще не пришелъ, и Зосима на время удаляется изъ кельи къ ожидающему его народу, въ общенiи съ которымъ онъ является уже вполнѣ самимъ собою. Его чуткая внимательность къ людямъ, умѣнье приспособляться къ нимъ, выступаетъ здѣсь во всей своей многоцвѣтной колоритности. Онъ всѣмъ улыбается, для каждаго находитъ лучъ утѣшенiя, одного благодаритъ, исповѣдуя другого — внѣ всякихъ церковныхъ правилъ,—садится для него на нижнюю ступеньку крыльца, какъ бы склоняясь къ его одинокой тайнѣ. Какъ великолѣпенъ Зосима въ этой своей способности охранять чужiя индивидуальныя правды, подходить къ нимъ съ своею обожествляющею правдою, вносить свое вѣчное движенiе въ движенiе народныхъ массъ! Отъ народа онъ снова возвращается въ келью. Когда является Дмитрiй «безукоризненно и щегольски одѣтый» и отвѣшиваетъ ему, съ обычной торжественностью, вѣжливый, глубокiй поклонъ, Зосима, уже какъ бы настороженный поведенiемъ остальныхъ Карамазовыхъ, ведетъ себя опять сдержанно, безъ обычной непосредственности. Онъ привстаетъ и благословляетъ его — безъ поклона. Тутъ все въ высшей степени характерно, даже то, что онъ только «привстаетъ», а не поднимается съ мѣста со свойственною ему живостью. Но вотъ онъ уразумѣлъ Дмитрiя, безмолвно сблизился съ нимъ душою, и онъ «вдругъ», по-своему, прекращаетъ общую тяжкую ссору Карамазовыхъ: «старецъ шагнулъ по направленiю къ Дмитрiю Ѳедоровичу и, дойдя до него вплоть, опустился передъ нимъ на колѣни».

Въ немъ просыпается задержанная энергiя, которая проявится сейчасъ съ удвоенною силою, потому что къ его инстинктивному преклоненiю передъ страдающими людьми, которое принимаетъ у него пластическiя формы, присоединяется теперь отчетливое убѣжденiе въ исключительности судьбы Дмитрiя. «Ставъ на колѣни, старецъ поклонился Дмитрiю Ѳедоровичу въ ноги полнымъ, отчетливымъ, сознательнымъ поклономъ, и даже лбомъ своимъ коснулся земли». Такого поклона онъ, быть-можетъ, еще никогда не дѣлалъ. Онъ кланяется человѣку такъ, какъ кланяются иконѣ, ибо въ минуту внутренняго подъема онъ видитъ этого человѣка, эту живую икону, въ двойномъ

свѣту его двойной ипостаси, эту двуипостасную единицу во всей безконечности ея разладовъ и страданій. Черезъ эту живую икону, созданную нечеловѣческими силами и потому безмѣрно превосходящую всякую другую икону, Зосима какъ бы созерцаетъ ея вѣчный первообразъ, видитъ его красоту и благочестиво падаетъ передъ нимъ до земли. «Я вчера великому будущему страданію его поклонился», говоритъ Зосима Алешѣ. Онъ поклонился ему «полнымъ, отчетливымъ, сознательнымъ поклономъ», потому что онъ вдругъ отчетливо увидѣлъ это страданіе и почувствовалъ свою личную виновность передъ тѣмъ, передъ Дмитріемъ, какъ и передъ цѣлымъ міромъ. Теперь холодъ, случайно навѣянный на его душу, разсѣялся, и Зосима покидаетъ келью съ улыбкою на устахъ и уже съ безсознательными, обычными поклонами на всѣ стороны.

Есть что-то очаровательное въ той философіи, которая чувствуется въ романѣ, дѣлая его, казалось бы, въ столь незначительномъ пунктѣ, типично-русскимъ произведеніемъ. Глубокій, поясной или земной поклонъ — это чисто русскій поклонъ, съ самобытной русской психологіей смиренія и самоумаленія передъ людьми, какъ передъ символомъ воплощеннаго въ нихъ божества. Особенно же многозначительною является эта черта въ обрисовкѣ Зосимы, который корнями своего обновленнаго существа врастаетъ въ народную почву. Зосима, который всегда почерпалъ энергію изъ своихъ внутреннихъ экстазовъ, и теперь, въ послѣднихъ напряженіяхъ тѣла, побѣждаетъ овладѣвающую имъ слабость и, покидая міръ, даетъ ему, въ своемъ поклонѣ, послѣднее «восторженное поученіе». Онъ умираетъ какъ истинный богоносецъ.

Вотъ и вся фигура Зосимы. Передъ нами, въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ образовъ древняго міра, перешедшій въ новый міръ съ своею главною, отличительною чертою — съ своимъ эстетическимъ весельемъ. Онъ истинно мудръ, потому что, при всей ограниченности человѣческаго слова, онъ умѣетъ словомъ поучать этому веселью и доказывать людямъ его святость. Хилый, сгорбленный человѣкъ, съ слабыми ногами, онъ полонъ этого святого веселья, полонъ движенія, и годы не властны надъ нимъ, потому что своими свѣтящимися глазами онъ смотритъ не въ безсодержательную, отвлеченную идею вѣчности, а въ самую вѣчность, въ живую безбрежность все новыхъ и новыхъ явленій. Его ученіе о вѣчности выливается изъ его ощущенія бытія — ощущенія многоцвѣтнаго и многозвучнаго, и потому оно, при своихъ неизмѣнныхъ метафизическихъ перспективахъ, пріобрѣтаетъ въ его устахъ поэтически чудотворную прелесть. Онъ видитъ міръ въ разнообразіи его явленій, представляющихъ каку-то двойную необъятность содержанія въ каждой отдѣльной

безконечно малой величинѣ и необъятность ихъ въ цѣломъ строѣ вселенной.

Изъ этого созерцанія Зосима выноситъ и свое смиреніе, и свое веселье. Но именно такое смиреніе и такое веселье ставятъ его особнякомъ среди другихъ подвижниковъ монастыря, изъ которыхъ многіе склонны итти въ вопросахъ вѣры только традиціонными путями. Среди этихъ людей онъ кажется какимъ-то еретикомъ, вся жизнь, всѣ неустанныя поученія котораго, полныя чуждаго для нихъ экстаза, являются апокрифическою легендою. Черезъ него говорила необъятная природа въ ея таинственныхъ касаніяхъ къ духовной безмѣрности, и съ его смертью умолкъ живой языкъ богофильской мудрости, тоже безмѣрной, тоже стихійной. Апокрифическая легенда о великомъ старцѣ Зосимѣ расплывается, какъ облако, въ кривотолкахъ враждебныхъ ему монаховъ и въ праздныхъ пересудахъ профанной толпы.

«Братья Карамазовы» — это художественное произведеніе, въ которомъ Достоевскій разрѣшаетъ великую философскую и психологическую задачу. Онъ показываетъ намъ, изъ какихъ коренныхъ началъ состоитъ человѣческая душа, и какъ эти коренныя начала, богофобское и богофильское, постоянно борются между собою и усиливаются или ослабляются въ зависимости оттого, куда направлено человѣческое сознаніе. Демоническая философія Ивана Карамазова дѣлаетъ въ немъ эту борьбу особенно трагичною и особенно поучительною. Богофильскія мысли Засимы, являющіяся какъ бы противоположеніемъ этой демонической философіи и говорящія къ сердцу человѣческому, кажутся непобѣдимыми, потому что, въ концѣ-концовъ, только онѣ развязываютъ человѣческую трагедію и открываютъ перспективу вѣчно новаго, вѣчно завѣтнаго бытія. При внимательномъ анализѣ видимъ, что именно въ Засимѣ возродилось все, что было великаго, цѣльнаго и прекраснаго въ античной древности, возродилось и переродилось въ новую, мягкую красоту. Эта тема — борьба богофильства съ богофобствомъ даетъ себя чувствовать во всемъ романѣ во всѣхъ его характеристикахъ и картинахъ. Достоевскій смотритъ на человѣка сквозь религіозную идею, которая является какъ бы стекломъ, углубляющимъ его зрѣніе и открывающимъ возможность ему самыхъ тонкихъ художественныхъ воспріятій. Сквозь эту идею онъ увидѣлъ всю душу Дмитрія, Грушеньки, Ѳедора Павловича, жизнь своихъ героевъ въ полнотѣ ея содержанія. Все у Достоевскаго страшно принципіально въ лучшемъ, высочайшемъ смыслѣ этого слова, все идетъ у него къ Богу или отъ Бога, все поднимается или опускается—никто ни на минуту не остается въ покоѣ или равновѣсіи. Кажется, будто въ жизни и нѣтъ ничего не трагическаго, ничего легкаго, никакой безцѣльной игры, потому что ничего этого нѣтъ

въ страшно напряженной и страшно яркой живописи Достоевскаго. Никакихъ полутоновъ, никакихъ невинныхъ свѣтовыхъ рефлексовъ, которые такъ отрадны для человѣческаго глаза. Все царство Карамазовыхъ, даже съ этимъ примыкающимъ къ нему тихимъ бѣлымъ монастыремъ, стоитъ какъ бы на вулканѣ, ибо самая душа Достоевскаго, изъ которой вышелъ этотъ романъ, является настоящимъ вулканомъ.

Волынскій.

Идейное наслѣдіе Достоевскаго.

Достоевскій былъ славянофилъ, и въ его взглядахъ на вещи было много такого, что рѣдко расходилось съ понятіями, господствовавшими въ передовыхъ кругахъ общества. Въ міросозерцаніи и въ его душевномъ укладѣ этого необыкновеннаго человѣка было сходство между нимъ и самимъ «духомъ» времени.

Достоевскій былъ *убѣжденный народникъ,* доходившій до обожанія народа, до крайней идеализаціи его. По его разумѣнію, русскій народъ подъ оболочкой внѣшней грубости и нерѣдко жестокихъ нравовъ скрываетъ чуть ли не настоящую мягкость, исключительную душевную красоту. Онъ исходитъ изъ предпосылокъ, очень близкихъ къ тѣмъ, отъ которыхъ отправлялись и адепты утопическаго соціализма, полагавшіе, что мужикъ — прирожденный соціалистъ, что его основные идеалы совпадаютъ съ высокимъ соціалистическимъ идеаломъ.

Читатели «Дневника», въ ряду которыхъ передовая интеллигенція 70-хъ годовъ занимала видное мѣсто, находили здѣсь — по вопросу о народѣ, объ отношеніяхъ между нимъ и высшими классами—много мыслей и чувства, которыя шли отъ сердца къ сердцу. Основной догматъ о высокихъ качествахъ русскаго народа и его высокой миссіи въ грядущемъ обновленіи человѣчества, «догматъ», на которомъ основывалась самая возможность попытокъ соціалистической пропоганды въ народѣ, былъ выраженъ Достоевскимъ съ такой глубокой вѣрой, съ такой проникновенной силой искренности, что невольно своею проповѣдью онъ поддерживалъ въ молодежи ту систему понятій и чувствъ, которая была психологическимъ основаніемъ революціонныхъ иллюзій нашихъ соціалистовъ. Для подвига, для отреченія отъ всѣхъ благъ земныхъ и принесенія себя въ жертву «идеѣ» народа еще мало сознанія нравственной отвѣтственности передъ нимъ, — необходимо обожаніе, нужна глубокая вѣра въ высокое достоинство, въ исключительное величіе «народнаго духа». Въ народнической проповѣди Достоевскаго было что-то безоглядное, изступленное, а это и есть то самое, на что русскій идейный читатель всегда былъ падокъ.

Приходится изумлятся ослѣпленію геніальнаго беллетриста-психолога, навязчивости его предвзятой идеи, его несправедливости и негуманности въ отношеніи къ другимъ народамъ и націямъ.

Достоевскій фанатически проповѣдывалъ смиреніе народа «народной правдой». Интеллигенція должна не только служить народу, просвѣщать его, защищать его интересы, но и раздѣлять его понятія — усвоить его предполагаемые эстетическіе идеалы и прежде всего его религію. Достоевскому, повидимому, и въ голову не приходило, что это было бы насиліемъ, какъ своей совѣстью, духовнымъ рабствомъ и худшимъ видомъ лицемѣрія. Это грѣхъ не его лично, а того фанатическаго націонализма, жертвой котораго онъ сталъ: такой націонализмъ съ психологической необходимостью ведетъ къ софистикѣ, ко лжи, къ подтасовкамъ, къ человѣконенавистничеству и изувѣрству. Можно любить свою національность и народъ, какъ предполагаемаго ея носителя и лучшаго представителя, но если вы возведете ихъ въ перлъ созданія и увѣруете въ «народныя основы», какъ въ какую-то догму, откровеніе, то вамъ придется поневолѣ примириться со всевозможными дикостями и несообразностями, какими преисполнены всѣ исторически сложившіяся народныя міросозерцанія.

Сближался Достоевскій съ соціалистами 70-хъ годовъ и на другомъ пунктѣ: онъ питалъ жгучую ненависть и великое презрѣніе къ буржуазіи, къ капитализму, къ западно-европейскимъ порядкамъ, основаннымъ на господствѣ буржуазіи, и, наконецъ, къ нашимъ конституціоналистамъ, мечтавшимъ о русскомъ парламентѣ по европейскому образцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Достоевскій отрицалъ и бюрократію, которую онъ считалъ, по примѣру другихъ славянофиловъ, порожденіемъ все того же гнилого Запада, пересаженнымъ однимъ Петромъ Великимъ. Какъ славянофилъ, онъ лелѣялъ идеалъ демократическаго самодержавія: единеніе царя съ народомъ. Органомъ этого единенія долженъ явиться *Земскій соборъ* изъ мужиковъ. Народу должно оказать *довѣріе*.

Къ его слову прислушивалось все образованное общество, хотя не раздѣляли его славянофильскихъ тенденцій. Но многіе вполнѣ раздѣляли его демократическое направленіе и почти всѣхъ подкупала кажущаяся *гуманность* Достоевскаго, а равно и фиктивный радикализмъ его протеста.

Онъ сталъ властителемъ думъ общества; онъ выступилъ, какъ моралистъ. Наше образованное общество, несмотря на пройденную имъ школу «нигилизма», матеріализма, позитивизма, осталось очень отзывчивымъ и падкимъ на всякую идеологію, такъ или иначе затрогивающую скрытыя струны религіозности и подымающую вопросы нравственнаго

сознанія. Знаменитая рѣчь о Пушкинѣ и послѣдній романъ «Братья Карамазовы» остались исповѣданіемъ вѣры и литературнымъ завѣщаніемъ Достоевскаго.

Этотъ расколъ былъ той книгой, въ которой тогда искали новыхъ откровеній. Самъ Достоевскій смотрѣлъ на этотъ свой романъ какъ на свое завѣщаніе, какъ на самое полное и точное выраженіе своей вѣры и своихъ идеаловъ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ натура глубоко-религіозная. Но чѣмъ больше онъ вѣруетъ, тѣмъ больше ожесточается; подъ покровомъ словъ о всепрощеніи, о христіанской любви, о братствѣ у него клокочетъ злость. Эта негуманная, раздражительная и озлобленная религіозность оказывается и въ романѣ, гдѣ она является въ сочетаніи съ аналогичною чертою нравственнаго чувства. Герои романа каются и въ своемъ покаяніи ожесточаются; муки совѣсти приводятъ ихъ къ озлобленію. Пуще всего они озлобляются противъ тѣхъ, кто не вѣритъ въ безсмертіе души и загробныя возмездія. Въ озлобленіи, обнаруживающемся въ отношеніи къ этому отрицанію, ясно сквозитъ у Достоевскаго родъ *самобичеванія;* бичуя отрицателей, Достоевскій бичевалъ самого себя, или, точнѣе, ту часть своего раздвоеннаго сознанія, которая сомнѣвалась, не хотѣла вѣрить, отрицала. «Чортъ» Ивана Карамазова сидѣлъ въ самомъ Достоевскомъ и долго оставался въ душѣ романиста. Религія его была безсильна истребить «чорта», водворить въ душѣ миръ и благоволеніе. Это могло зависѣть отъ разныхъ причинъ, глубоко коренившихся въ натурѣ Достоевскаго, и отъ того, что ему была чужда наивность, непосредственность религіознаго чувства, а также и отъ того, что въ религіи Достоевскаго *было слишкомъ мало мистики.*

Позволительно усомниться въ томъ, что Достоевскій изображалъ всѣ глубины души человѣческой: онъ изображалъ только *нѣкоторыя* и, большею частью, все одно и то же... Поскольку онъ изображалъ ихъ правдиво, онъ былъ, конечно, художникъ-реалистъ. Въ числѣ этихъ «глубинъ души» видное мѣсто въ творчествѣ Достоевскаго занимаетъ слѣдующее психическое явленіе, наблюдаемое у многихъ, а у нѣкоторыхъ достигающее особливо яркаго и явно болѣзненнаго выраженія: человѣкъ мучится сознаніемъ своей грѣховности, подлости, душевной дрянности, и, не полагаясь на силу и авторитетъ своей совѣсти, аппаратъ которой у него поврежденъ, жаждетъ знать, что на томъ свѣтѣ его разсудятъ по всей правдѣ и, наказавъ, въ концѣ-концовъ, помилуютъ. Въ этомъ и состоитъ «глубина души», а равно и душевная драма Ивана Карамазова. И Достоевскій былъ великій мастеръ раскрывать и анализировать эту драму, эту болѣзнь совѣсти, какъ источникъ жгучей потребности въ вѣрѣ въ загробное существованіе и въ высшій судъ, который «оправдаетъ», т.-е. помилуетъ гадкаго человѣка

съ слабой волей, хрупкой совѣстью и большими скверными страстями. Для изученія *этого* патологическаго источника религіозности сочиненія Достоевскаго — настоящій «человѣческій документъ». Но для изслѣдованія другихъ, лучшихъ источниковъ религіозности, какихъ немало найдется въ душѣ человѣческой, Достоевскій не даетъ надежнаго діагноза.

Религіозный вопросъ, какъ его понималъ Достоевскій, разработанъ въ романѣ преимущественно анализомъ душевныхъ мукъ *Ивана Карамазова.* Самъ авторъ придавалъ ему особенную значительность. Къ сожалѣнію, разработка темы и выполненіе замысла едва ли могутъ быть признаны вполнѣ удачными. Въ противоположность Карамазову-отцу и Дмитрію, которые обрисованы превосходно и принадлежатъ къ лучшимъ созданіямъ Достоевскаго, фигура Ивана вышла блѣдною и, что всего хуже, претенціозной. Читатель все время *не довѣряетъ* Ивану и не можетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ это за человѣкъ. Его «глубина» кажется скорѣй претензіей на глубину. Не ясно и чисто-нравственная сторона натуры его. Мы не можемъ сказать опредѣленно, крѣпокъ ли въ немъ аппаратъ совѣсти или хрупокъ. Одно лишь ясно въ немъ: онъ—психопатъ въ точномъ медицинскомъ смыслѣ слова, и эта психопатическая сторона его личности, какъ всегда, у Достоевскаго воспроизведена превосходно, въ особенности въ сценѣ съ чортомъ, который и трактуется какъ галлюцинація.

Для построенія философіи религіи изученіе религіозныхъ сомнѣній и связанныхъ съ ними душевныхъ мукъ очень интересно, но ихъ нужно изучать *прежде всего* у натуръ душевноздоровыхъ. Нельзя также ожидать удовлетворительной постановки и разработки вопросовъ философіи и психологіи религіозности отъ художника, со столь узкимъ художественнымъ кругозоромъ и при такой внутренней неурядицѣ и смутѣ, которая царила въ душѣ Достоевскаго. Тутъ нужны душевный миръ, покой совѣсти, покой мысли и доброе, сочувственное, справедливое отношеніе къ людямъ, мнѣніямъ и направленіямъ — Достоевскому «философскій покой» былъ недоступенъ по самой натурѣ этого геніальнаго, но неуравновѣшеннаго и негуманнаго человѣка.

Тѣмъ не менѣе, недоступное ему манило его, — онъ, повидимому, страдалъ отъ внутреннихъ противорѣчій и, не умѣя выйти изъ нихъ путемъ раціональнаго мышленія, лелѣялъ мечту о достиженіи — на основахъ положительной религіи — душевнаго мира, покоя совѣсти, широты религіозно-философскаго воззрѣнія, и въ этихъ поискахъ *выдумалъ Алешу Карамазова.*

Весь идейный интересъ романа сводится къ этимъ двумъ лицамъ— *Ивана и Алеши.*

Начнемъ съ Ивана и припомнимъ сперва то, что онъ говоритъ о присущемъ человѣку «сладострастіи» въ жестокости, по обыкновенію героевъ Достоевскаго, слишкомъ обобщая явленія, сгущая краски.

Въ извѣстной сценѣ его бесѣды съ Алешей онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на исключительныхъ, сравнительно рѣдкихъ проявленіяхъ жестокости въ отношеніи къ дѣтямъ. Онъ протестуетъ противъ выраженія «звѣрская жестокость» человѣка, ибо «звѣрь никогда не можетъ быть такъ жестокъ, какъ человѣкъ, *такъ артистически, такъ художественно жестокъ*»...

Здѣсь затронутъ, безспорно, самый «проклятый» изо всѣхъ религіозно-философскихъ вопросовъ: какъ согласовать вѣру во всемогущество и благость Бога съ фактомъ существованія въ мірѣ зла вообще, всякихъ жестокостей и звѣрствъ въ частности, въ ряду которыхъ такимъ вопіющимъ укоромъ являются истязанія и избіенія ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей? Натуры, для которыхъ вѣра въ бытіе и всемогущество Божіе составляетъ глубокую, неискоренимую душевную потребность (къ ихъ числу, безъ сомнѣнія, относятся Иванъ Карамазовъ и самъ Достоевскій), либо просто обходятъ этотъ вопросъ, оставляя его неразрѣшеннымъ, и на этомъ успокаиваются, либо путемъ долгихъ и мучительныхъ сомнѣній, внутренней борьбы, религіознаго ропота и богохульства приходятъ къ тому или другому изъ возможныхъ — на теологической почвѣ — рѣшеній его, напримѣръ, помощью религіознаго дуализма (Богъ и Дьяволъ), или теоріи «свободы воли» (Богъ даровалъ людямъ «свободу воли» и предоставилъ имъ свободный выборъ между добромъ и зломъ), или, напротивъ, ученія о «предопредѣленіи». На томъ или другомъ рѣшеніи рокового вопроса возмущенная душа человѣка можетъ прійти въ равновѣсіе, и его религіозное чувство будетъ удовлетворено... Однако весьма часто у людей мыслящихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличающихся очень требовательною, не легко удовлетворяемою религіозностью достигнутый результатъ не обходится безъ слѣдовъ или переживаній испытанной борьбы, выстраданныхъ сомнѣній и обусловленнаго ими утомленія мысли и чувства. Оттуда столь нерѣдкій отпечатокъ неполной удовлетворенности найденнымъ рѣшеніемъ, родъ досады на то, что нѣкій скептическій голосъ въ душѣ все еще слышенъ, нѣкоторая раздражительность религіознаго чувства, замѣтное недоброжелательство къ тѣмъ, кто не согласенъ съ рѣшеніемъ вопроса, столь дорого доставшимся, или возражаетъ противъ способа его постановки. И такой человѣкъ, если онъ вообще не спокоенъ духомъ и не обладаетъ достаточною гуманностью и терпимостью, скажетъ, по примѣру Достоевскаго: «Этимъ олухамъ и

не снилось такой силы отрицанія, черезъ которое перешелъ я», или что-нибудь другое, но въ томъ же родѣ и столь же убѣдительное...

Эту «силу отрицанія», этотъ тяжелый процессъ внутренней борьбы, сомнѣній, ропота и изобразилъ Достоевскій въ горячечныхъ рѣчахъ Ивана Карамазова и въ сочиненной послѣднимъ легендѣ о «Великомъ инквизиторѣ». Здѣсь центръ тяжести всей идейной стороны романа. Эти страницы, написанныя такъ, какъ умѣлъ писать только Достоевскій, по праву привлекали къ себѣ особливое вниманіе читающей публики. Поклонники Достоевскаго и всѣ тѣ, которые въ разгоряченныхъ «мучительныхъ» рѣчахъ его героевъ склонны были подозрѣвать какія-то глубокія откровенія, искали въ признаніяхъ Ивана Карамазова и въ легендѣ объ инквизиторѣ «новаго слова», новый постановки великой проблемы о происхожденіи зла въ мірѣ,—проблемы хотя и перенесенной на религіозную почву, но въ сущности далеко выходящей за предѣлы чисто-теологическаго вопроса. Иванъ возстаетъ противъ идей всеобщей гармоніи, купленной цѣною безконечныхъ страданій и, главное, цѣною невинныхъ жертвъ. Онъ отказывается принять «истину», такимъ путемъ достигнутую, заранѣе утверждая, что вся истина не стоитъ такой цѣны. Онъ указываетъ на тѣ злодѣянія, которыя не могутъ быть прощены. Это выходитъ уже не теоретическій, богословско-философскій вопросъ о доказательствахъ бытія Божія, это — жгучій вопросъ жизни и нравственнаго сознанія, вопросъ о злѣ въ мірѣ, о возмездіи за зло. Вопросъ поставленъ такъ рѣзко и дерзновенно, что никакое отступленіе вспять и никакое успокоеніе совѣсти не представлялось возможнымъ.

Суть этого въ легендѣ о «Великомъ инквизиторѣ» сводится къ тому же коренному вопросу христіанскаго міросозерцанія, который заново поднялъ и такъ богатырски просто «рѣшилъ» Толстой, это вопросъ о вопіющемъ противорѣчіи между христіанствомъ историческимъ и христіанствомъ Евангелія. Толстой «просто» отвергъ *все* историческое христіанство цѣликомъ, какъ искаженіе Евангелія. Достоевскій, напротивъ, еще больше запутывалъ и безъ того запутанный вопросъ. Онъ внушалъ, что въ «истинномъ» православіи Церковь поглотитъ государство, и тогда всѣ вопросы разрѣшатся, и все станетъ ясно, зло пойдетъ быстро на убыль, добро и правда восторжествуютъ.

Идеалъ православія и утопія Достоевскаго намѣчены въ описаніи дѣятельности монастырскихъ «старцевъ», образцомъ которыхъ является Зосима. Но обратимся къ знаменитой «легендѣ». Въ самое жестокое время инквизиціи въ Севильѣ является самъ Христосъ, и, конечно, Его арестовали и посадили въ темницу, по приказанію великаго ин-

квизитора. Спасителю міра грозитъ вторичная казнь—на этотъ разъ на кострѣ, возженномъ Его же именемъ. Ночью инквизиторъ приходитъ къ Божественному узнику въ темницу, чтобы сперва удостовѣриться, Онъ ли это. Слѣдуетъ мастерски написанная, но слишкомъ ужъ и пространная рѣчь инквизитора, въ которой онъ старается доказать Христу, что великую «ошибку» сдѣлалъ Онъ, *освободивъ людей*, и что теперь, когда святая римская церковь, путемъ святой инквизиціи, уже почти «исправила» Его божественную «ошибку», Онъ, Христосъ, не имѣетъ права являться сюда и мѣшать довести дѣло до вожделѣннаго конца. Словами «Завтра сожгу Тебя. Dixi», обрывается «поэма» Ивана Карамазова.

Иванъ — заодно съ инквизиторомъ, и оба во имя любви къ человѣчеству возстаютъ противъ Христа. Это — «бунтъ» одной утопіи, которая хочетъ облагодѣтельствовать человѣчество рабствомъ, насиліемъ, гнетомъ, казнями, противъ другой утопіи, которая средствами религіознаго подъема и путемъ нравственнаго перерожденія человѣка хотѣла бы водворить на землѣ «царство Божіе». Обѣ утопіи, повидимому, были частично сродни душѣ Достоевскаго: въ ней Христосъ состязался съ инквизиторомъ и — кто знаетъ? — быть-можетъ, эти два начала, въ концѣ-концовъ, и пришли бы у него къ соглашенію, къ размежеванію его души, напримѣръ, такъ, что на долю утопіи Христа достались бы мечты, идеалы и слова, а на долю инквизитора — настроенія, религіозныя страсти, идейныя и національныя пристрастія. Романъ въ своемъ цѣломъ является, по мнѣнію самого Достоевскаго, отвѣтомъ на «бунтъ» Ивана Карамазова. Содержаніе отвѣта не поддается сжатой формулировкѣ, но съ наибольшей ясностью онъ представленъ въ лицѣ *Алеши Карамазова*.

Это — юноша честный, почти идеальный, съ душою глубокой и наивной, рвущейся изъ мрака къ свѣту, юноша, ищущій правды, подвига, жизни по совѣсти. По прямому указанію автора, онъ принадлежитъ къ тому психологическому типу, который въ 70-хъ годахъ такъ ярко опредѣлился въ лицѣ самоотверженныхъ молодыхъ дѣятелей, жертвовавшихъ всѣми благами жизни и самой жизнью ради служенія тому идеалу, въ который они вѣровали. Это были соціалисты, народники, революціонеры того времени. Достоевскій разсчитывалъ, что Алеша, воспитавшись «въ послушаніи» и воспріявъ въ свою душу истинную «народную» вѣру, истолкованную высокою проповѣдью и примѣромъ старца Зосимы, выйдетъ изъ монастыря въ міръ, чтобы, по завѣту того же Зосимы, служить людямъ, наставлять ихъ на путь истины, облегчать ихъ скорби, смягчать ихъ ожесточенныя души, обращать ихъ ко Христу, идеалу всечеловѣческой любви. Алеша по-

шелъ по этому пути потому, что онъ глубоко увѣровалъ въ Бога, въ Христа и въ безсмертіе души, и еще потому, что онъ—натура цѣльная, не допускающая никакихъ компромиссовъ, никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, ничего половинчатаго.

О старцѣ Зосимѣ, о его жизни, идеалахъ, вѣрованіяхъ и воззрѣніяхъ говорится подробно въ его «житіи». Въ смыслѣ идеологическомъ это чуть ли не замѣчательнѣйшій эпизодъ въ романѣ. Ученіе Зосимы — это своего рода проповѣдь «непротивленія злу насиліемъ» и внутренняго перерожденія людей въ духѣ любви и братства.

Въ началѣ 80-хъ годовъ многіе видѣли въ этомъ ученіи самое новое, самое смѣлое и глубокое слово, сказанное тогда русской литературой. И «бунтъ» Ивана Карамазова и «отвѣтъ» на этотъ бунтъ, данный «всѣмъ романомъ», а въ особенности тѣмъ, что воплощено въ лицѣ Алеши и выражено въ проповѣди Зосимы, представлялись многимъ какимъ-то «откровеніемъ», раскрывали какія-то новыя перспективы, и слово Достоевскаго получало власть надъ умами и сердцами. Этой власти много содѣйствовалъ огромный и своеобразный талантъ Достоевскаго, тотъ, по діагнозу Михайловскаго, «жестокій талантъ», въ силу котораго Достоевскій не имѣлъ конкурентовъ въ дѣлѣ терзанія души и нравовъ своихъ читателей.

Діагнозъ Михайловскаго до сихъ поръ остается и навсегда останется незамѣнимымъ. Покойный мыслитель съ геніальной прозорливостью указалъ на коренную черту художническаго «паѳоса» Достоевскаго.

Достоевскій была организація очень сложная, противорѣчивая и неуравновѣшенная, въ которой припадки озлобленности и ожесточенія смѣнялись раскаяніемъ, размягченіемъ души и жаждой любви къ людямъ, всепрощенія, христіанскаго смиренія. Христіанская основа Достоевскаго психологически обосновывалась на душевной и моральной реакціи противъ припадковъ озлобленія и противъ той *негуманности*, которая составляла одинъ изъ элементовъ его натуры и, несомнѣнно, была для него источникомъ душевныхъ мукъ. Религіозной утопіей и христіанскимъ всепрощеніемъ онъ безсознательно боролся съ своей собственной негуманностью и другими отрицательными сторонами натуры, обусловленными болѣзненнымъ состояніемъ его нервной системы и общею неуравновѣшенностью души. Жестокость таланта проявлялась не только въ томъ, что онъ мучилъ читателя и заставлялъ своихъ героевъ мучить другъ друга и себя самихъ, но также и въ томъ, что *онъ самъ себя мучилъ* — озлобленіемъ и покаяніемъ, укорами совѣсти и безпощаднымъ самоанализомъ, и *это было одним изъ глав-*

ныхъ источниковъ его творчества. Въ его психическихъ самоистязаніяхъ, безспорно, была сторона «артистическая», было и своеобразное «сладострастіе» мучительства. Въ результатѣ возникала душевная истина, разрѣшавшаяся припадками сентиментальной религіозности и хорошими словами любви и всепрощенія, которыя такъ соблазнительно и сладко звучали манящимъ пѣніемъ сирены въ сумрачную эпоху 80-хъ годовъ, въ туманѣ реакціи, когда старыя иллюзіи были разбиты и среди повальнаго затемнѣнія и упадка общественной и политической мысли почти всѣ здоровые элементы развитія были «на ущербѣ».

Овс.-Куликовскій.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. **Новая русская хрестоматія, чч. I и II.**
2. **Теорія словесности съ хрестоматіей.**
3. **Краткіе литературно - историческіе очерки.**

[20p]

